

Н О В Ы Й
М И Р

2-3

МОСКВА 1940

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

г. Москва

№ 2—3

1940 г.

★ ★ ★

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мих. Шолохов — Тихий Дон, роман	3
Алексей Сурков — Так мы росли, стихи	103
А. Новиков-Прибой — Броненосец «Ушаков», новая глава из романа «Цусима»	107
В. Стефаник — Рассказы, перевод с украинского	124
Кирилл Левин — Из походной записной книжки	146
Игорь Губанов — Сыну, стихотворение	158
Евгений Юнга — Колумбы Росские, эпизоды исторической хроники	160
Борис Брик — Шамиль, баллады и песни	197
Петро Панч — Александр Пархоменко, перевод с украинского	210
Сергей Крушинский — Теплые горы, роман	229
Степан Щипачев — Три стихотворения	272
Полковник Е. Болтин — Ленин и Сталин — организаторы Красной Армии и вдохновители ее побед	274
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича Молотова Орденом Ленина	286
Приветствие ЦК ВКП(б) товарищу Молотову	288
Приветствие Главного Военного Совета товарищу Молотову	289
М. И. Калинин — Пример большевистской партийности	290
Н. Т. Виноградов — Наш Молотов	294
Военн. инженер Г. Невский — Укрепленные районы	299
Саймон Хэкси — Кто правит Англией, из книги «Консервативные члены парламента», перевод с английского	304
И. Лежнев — Мироззрение Н. Г. Чернышевского	363
Из переписки А. П. Чехова с Н. А. Лейкиным (неопубликованные письма)	379

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Дукор — Л. Тимофеев. Теория стиха	396
В. Соболев — О. Городовиков. В рядах Первой Конной армии	399

★

Тихий Дон

РОМАН¹

МИХ. ШОЛОХОВ

Книга четвертая

Часть восьмая

★

Глава I

С юга двое суток дул теплый ветер. Сошел последний снег на полях. Оттремели пенистые вешние ручьи, отыграли степные лога и речки. На заре третьего дня ветер утих и пали над степью густые туманы, засеребрились влагой кусты прошлогоднего ковыля, потонули в непроглядной белесой дымке курганы, буераки, станицы, шпили колоколен, устремленные ввысь вершины пирамидальных тополей. Стала над широкой донской степью голубая весна. Туманным утром Аксинья впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная бражной сладостью свежего весеннего воздуха. Преодолевая тошноту и головокружение, она дошла до колодца в саду, поставила ведро, присела на колодезный сруб.

Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир. Блестящими глазами она взволнованно смотрела вокруг, по-детски перебирая складки платья. Повитая туманом даль, затопленные талой водой яблони в саду, мокрая огорожа и дорога за ней с глубоко промытыми прошлогодними колеями, — все казалось ей невиданно красивым, все цвело густыми и нежными красками, будто осиянное солнцем.

Проглянувший сквозь туман клочок чистого неба ослепил ее холодной синевой; запах прелой соломы и оттаявшего чернозема был так знаком и приятен,

что Аксинья глубоко вздохнула и улыбнулась краешками губ; незамысловатая песенка жаворонка, донесшаяся откуда-то из туманной степи, разбудила в ней неосознанную грусть. Это она — услышанная на чужбине песенка — заставила учащенно забиться аксиньино сердце и выжала из глаз две скупых слезинки...

Бездумно наслаждаясь вернувшейся к ней жизнью, Аксинья испытывала огромное желание ко всему прикоснуться руками, все оглядеть. Ей хотелось потрогать почерневший от сырости смородиновый куст, прижаться щекой к ветке яблони, покрытой сизым бархатистым налетом, хотелось перешагнуть через разрушенное прясло и пойти по грязи, бездорожно, туда, где за широким логом сказочно зеленело, сливаясь с туманной далью, озимое поле...

Несколько дней Аксинья провела в ожидании, что вот-вот появится Григорий, но потом узнала от заходивших к хозяину соседей, что война не кончилась, что многие казаки из Новороссийска уехали морем в Крым, а те, которые остались, пошли в Красную Армию и на рудники.

К концу недели Аксинья твердо решила итти домой, а тут вскоре нашлась ей и попутчик. Как-то вечером в хату, не постучавшись, вошел маленький сутулый старичок. Он молча поклонился, стал расстегивать мешковато сидевшую на нем грязную, распоротую по швам английскую шинель.

¹ См. «Новый мир», кн. кн. 11 и 12 за 1937 г., 1, 2 и 3 за 1938 г.

— Ты что ж это, добрый человек, «здравствуйте» не сказал, а на жительство располагаешься? — спросил хозяин, с изумлением разглядывая незнамого гостя.

А тот проворно снял шинель, встряхнул ее у порога, бережно повесил на крюк, и, поглаживая коротко остриженную седую бородку, улыбаясь, сказал: — Прости ради Христа, мил человек, но я по нынешним временам так обучен: спервоначалу разденься, а потом уж просись ночевать, иначе не пустят. Народ нынче грубый стал, гостям не радуется...

— Куда ж мы тебя положим? Видишь, тесно живем, — уже мирнее сказал хозяин.

— Мне и места-то надо с гулькин нос. Вот тут, у порога, свернусь и усну.

— Ты кто же такой будешь, дедушка? Беженец? — любопытствовала хозяйка.

— Вот-вот, беженец и есть. Бегал, бегал, до моря добега, а зараз уж отсюда потихонечку иду, приморился бегать-то... — отвечал словоохотливый старик, присаживаясь у порога на корточки.

— А кто такой есть? Откудова? — продолжал допытываться хозяин.

Старик достал из кармана большие портняжные ножницы, повертел их в руках и, все с той же не сходящей с губ улыбкой, сказал:

— Вот по моему чину документ, от самого Новороссийска с ним командируюсь, а родом я издалека, из-за Вешенской станицы. Туда и иду, попивши в море соленой воды.

— И я вешенская, дедушка, — вспыхнув от радости, сказала Аксинья.

— Скажи на милость! — воскликнул старик. — Вот где станишницу доведешь повстречать! Хотя по нынешним временам это и не диковинно: мы зараз — как еврей: рассеялись по лицу земли. На Кубани так: кинь в собаку палкой, а попадешь в донского казака. Понавткано их везде — не оберешься, а сколько в земле зарыто — и того больше. Нагляделся я, мил люди, всякой всячины за это отступление. Какою нужду народ трепает, и не расска-

жешь! Позавчера сижу на станции, рядом со мной благородная женщина в очках сидит, сквозь очки вошек на себе высматривает. А они по ней пешком идут. И вот она их сымает пальчиками, а сама так морщится, как будто лесовую яблоку раскусила. Начнет эту бедную вошку давить — еще дюжей морщится, аж всю ее наперекос берет, до того ей противно! А другой твердяк человека убивает и не морщится, не косоротится. При мне один такой молодец трех калмыков зарубил, а потом шашку вытер об конскую гриву, достал папироску, закурил, подъезжает ко мне, спрашивает: «Ты чего, дед, гляделки вылупил? Хочешь, тебе голову срублю?» — «Что ты, говорю, сынок, бог с тобой! Срубишь голову мне, а тогда как же я хлеб буду жевать?». Засмеялся он и отъехал.

— Человека убить иному, какой руку на этом деле наломал, легче, чем вшу раздавить. Подешевел человек за революцию, — глубокомысленно вставил хозяин.

— Истинное слово! — подтвердил гость. — Человек — он не скотина, ко всему привыкает. Вот я и спрашиваю у этой женщины: «Кто вы такая будете? По обличью вы, словно бы, не из простых». Глянула она на меня, слезой умылась. «Я — жена генерала-майора Гречихина». Вот тебе, думаю, генерал, вот тебе и майор, а вшей, как на шелудивой кошке блох! И говорю ей: «Вы, ваше превосходительство, ежели будете, извиняюсь, ваших насекомых козьявок так переводить, так вам работы до Покрова хватит. И коготки все пообломаете. Давите их всех разом!» — «Как так?» — спрашивает. Я и посоветовал ей: «Сымите, говорю, одежду, расстелите на твердом месте, и бутылкой их». Гляжу — сгрелась моя генеральша и — за водокачку, гляжу — катает по рубахе бутылку зеленого стекла, да так здорово, как, скажи, она всю жизнь ее катала! Покрасовался я на нее и думаю: у бога всего много, напустил он козьявок и на благородных людей, пушай, мол, они и ихней сладкой кровяцы пососут, не все же им трудовой кровяшкой упиваться... Бог — он не Ми-

кишка! Он свое дело знает. Иной раз он подобрееет к людям и до того правильно распорядится, что лучше и не придумаешь...

Безумолку болтая и видя, что хозяева слушают его с большим вниманием, — портной ловко намекнул, что мог бы рассказать еще немало занимательного, но так проголодался, что поклонило его в сон.

После ужина, примащиваясь спать, он спросил у Аксиньи:

— А ты, станишница, долго ли думаешь тут гостить?

— Собираюсь домой, дедушка.

— Ну, вот и пойдем со мной вместе, все веселее будет.

Аксинья охотно согласилась, и наутро, попрощавшись с хозяевами, они покинули затерявшийся в степи поселок Ново-Михайловский.

★

На двенадцатые сутки ночью пришли в станицу Милютинскую. Ночевать выпросились в большом, богатом на вид доме. Утром аксиньин спутник решил остаться на неделю в станице, отдохнуть и залечить растертые до крови ноги. Итти дальше он не мог. В доме нашлась для него портняжная работа, и наскучавший по делу старик живо приютился у окошка, достал ножницы и связанные веревочкой очки, проворно начал распарывать какую-то ветошь.

Прощаясь с Аксиньей, старый балагур и весельчак перекрестил ее и неожиданно прослезился, но тотчас же смахнул слезы, с обычной для него шутливостью сказал:

— Нужда — не родная матушка, а людей роднит... Вот уж и жалко тебя... Ну, да нечего делать, ступай одна, дочушка, поводырь-то твой охромел сразу на все ноги, должно быть накормили его где-нибудь ячменным хлебом... Да и то сказать, промаршировали мы с тобой порядочно, для моих семидесяти годков даже чересчур. Будет случай — перекажи моей старухе, что сиз голубок ее жив и здоров, и в ступе его толкли, и в мялке мяли, а он все живой, на ходу добрым людям штаны шьет, и что не видно домой припожалует... Так и передай ей: старый дурак, мол, кончил от-

ступать и наступает обратно к дому, не чаает, когда до печки доберется...

Еще несколько дней провела Аксинья в дороге. От Боковской доехала до Татарского на попутной подводе. Поздно вечером вошла в настезь распахнутую калитку своего двора, глянула на мелеховский курень и задохнулась от внезапно подступивших к горлу рыданий... В пустой, пахнувшей нежилым кухне выплакала все скопившиеся за долгое время горькие бабьи слезы, а потом сходила на Дон за водой, затопила печь, присела к столу, уронив на колени руки. Задумавшись, она не слышала, как скрипнула дверь, и очнулась, когда Ильинична, войдя, негромко сказала:

— Ну, здравствуй, соседущка! Долго ж ты пропадала в чужих краях...

Аксинья испуганно взглянула на нее, встала.

— Ты чего воззрилась на меня и молчишь? Аль плохие вести принесла? — Ильинична медленно подошла к столу, присела на край лавки, не сводя пытливого взгляда с аксиньиного лица.

— Нет, какие же у меня вести... Не ждала я вас, задумалась что-то и не слыхала, как вы вошли... — растерянно проговорила Аксинья.

— Исхудала ты, в чем и душа держится.

— В тифу была...

— Григорий-то наш... Он как же... Вы где с ним расстались? Живой он?

Аксинья коротко рассказала. Ильинична выслушала ее, не проронив слова, под конец спросила:

— Он, когда оставил тебя, не хворый поехал?

— Нет, он не хворал.

— И больше ты об нем ничего не слыхала?

— Нет.

Ильинична облегченно вздохнула:

— Ну вот, спасибо на добром слове. А тут по хутору разное брешут про него...

— Что же? — чуть слышно спросила Аксинья.

— Так, пустое... Всех не переслушаешь. Из хуторных один только Ванька Бесхлебнов вернул. Он видал Гришу

в Катеринодаре больного, а другим я не верю!

— А что говорят, бабушка?

— Прослыхали мы, что какой-то казачишка с Сингинского хутора говорил, будто зарубили Гришу красные в Новороссийском городе. Ходила я пеши в Сингин — материнское-то сердце не терпит, — нашла этого казачишку. Отрекся он. И не видал, говорит, и не слышал. Ишо слух прошел, будто посадили в тюрьму, и там он помер от тифу... — Ильинична опустила глаза и долго молчала, рассматривая свои узловатые тяжелые руки. Обрюзгшее лицо старухи было спокойно, губы строго поджаты, но вдруг как-то сразу на смуглых скулах ее проступил вишневый румянец, и мелко задрожали веки. Она взглянула на Аксинью сухими, иступленно горящими глазами, хрипло сказала:

— А я не верю! Не может быть, чтобы лишилась я последнего сына! Не за что богу меня наказывать... Мне уж и жить-то чуть осталось... Мне жить вовсе мало осталось, а горяшка и без этого через край хлебнула!.. Живой Гриша! Сердце мое не вещует, — значит, живой он, мой родимый!

Аксинья молча отвернулась.

В кухне долго стояла тишина, потом ветер распахнул дверь в сени и стало слышно, как глухо ревет за Домом в тополях полая вода и потревоженно перекликаются на разливе дикие гуси.

Аксинья закрыла дверь, прислонилась к печке.

— Вы не печалуйтесь об нем, бабушка, — тихо сказала она: — разве такого хворость одолеет? Он крепкий, прямо как железный. Такие не помирают. Он всю дорогу в трескучие морозы без перчаток ехал...

— О детишках-то он вспоминал? — устало спросила Ильинична.

— И о вас, и о детишках вспоминал. Здоровые они?

— Здоровые, чего им подается. А Пантелей Прокофич наш помер в отступе. Остались мы одни...

Аксинья молча перекрестилась, про себя дивясь тому спокойствию, с каким старуха сообщила о смерти мужа.

Опираясь о стол, Ильинична тяжело встала.

— Засиделась я у тебя, а на базу уж ночь.

— Сидите, бабушка.

— Там Дуняшка одна, надо итти.— Поправляя платок на голове, она оглядела кухню, поморщилась: — Дымок из печки подходит. Надо было пустить кого-нибудь на жительство, когда уезжала. Ну, прощай! — И уже взявшись за дверную скобу, не глядя назад, сказала: — Обживешься — зайди к нам, проведай. Может, услышишь про Григория что, — скажи.

С этого дня отношения между Мелеховыми и Аксиньей круто изменились. Тревога за жизнь Григория как бы сблизила и породнила их. На следующее утро Дуняшка, увидев Аксинью во дворе, окликнула ее, подошла к плетню и, обнимая худые аксиньины плечи, улыбнулась ей ласково и просто.

— Ох, и похудела же ты, Ксюша! Одни мосольчики остались.

— Похудеешь от такой жизни, — ответно улыбнулась Аксинья, не без внутренней зависти разглядывая цветущее зрелой красотой, румяное девичье лицо.

— Была у тебя мать вчера? — почему-то шопотом спросила Дуняшка.

— Была.

— Я так и подумала, что она к тебе пошла. Про Гришу спрашивала?

— Да.

— А не кричала?

— Нет, твердая она старуха.

Дуняшка, доверчиво глядя на Аксинью, сказала:

— Лучше б она покричала, все ей легче было бы... Знаешь, Ксюша, какая-то она с этой зимы чудная стала, не такая, как раньше была. Услыхала она про отца, я думала, что сердце у нее зайдет, испужалась страшно, а она и слезинки не выронила. Только и сказала: «Царство ему небесное, отмучился милый мой...». И до вечеру ни с кем не гутарила. Я к ней и так и сяк, а она рукой отмахивается и молчит. То-то страсти я набралась в этот день! А вечером убрала скотину, пришла с надворья и спрашиваю у ней: «Маманя,

всечерья будем чего варить?». Отошло у нее сердце, заговорила... — Дуняшка вздохнула и, задумчиво глядя куда-то через плечо Аксиныи, спросила:

— Григорий наш помер? Верно это болтают?

— Не знаю, милушка.

Дуняшка сбоку испытующе поглядела на Аксиныю, вздохнула еще глубже.

— Мамаия по нем, ну, чисто, истосковалась вся! Она его иначе и не зовет: «мой младшенький». И никак не верит, что его в живых нету. А ты знаешь, Ксюша, ежели она узнает, что он взаправды помер, — она от тоски сама помрет. Жизнь-то от нее уж отошла, одна зацепка у ней — Григорий. Она и к внучатам какая-то нежеланная стала, и в работе — все у ней из рук валится. Ты вздумай, за один год у нас четверо в семье...

Движимая состраданием, Аксиныя погнулась через плетень, обняла Дуняшку, крепко поцеловала ее в щеку.

— Займи матерю чем-нибудь, моя хорошая, не давай ей дюже горевать.

— Чем же ее займешь? — Дуняшка вытерла кончиком платка глаза, попросила:

— Зайди к нам, погутарь с ней, все ей легче будет. Нечего тебе нас чураться!

— Зайду как-нибудь, беспременно зайду!

— Я завтра, должно, на поля поеду. Спряглись с аникушкиной бабой, хотим хоть десятины две пшеницы посеять. Ты-то не думаешь сеять себе?

— Какая я посевища, — невесело улыбулась Аксиныя. — Не на чем, да и не к чему. Одной мне мало надо, проживу и так.

— Про Степана твоего что слышно?

— А ничего, — равнодушно ответила Аксиныя, и неожиданно для себя сказала: — Я по нем не дюже сохну. — Нечаянно сорвавшееся признание смутило ее, и она, прикрывая смущение, торопливо сказала: — Ну, прощай, девонька, пойду в курене прибирать.

Делая вид, как будто она не заметила аксиныиного замешательства, глядя в сторону, Дуняшка сказала:

— Погоди трошки, я вот что хочу те-

бе сказать, ты не пособишь нам в работе? Земля пересыхает, боюсь — не управимся мы, а казаков во всем хуторе двое осталось, и те калеки.

Аксиныя охотно согласилась, и довольная Дуняшка пошла собираться.

Весь день она деятельно готовилась к выезду: с помощью аникушкиной вдовы подсеяла зерно, кое-как подправила бороны, смазала колеса арбы, наладила сеялку. А вечером нагребла в платок очищенной пшеницы и отнесла на кладбище, посыпала могилы Петра, Натальи и Дарьи, чтобы поутру слетелись на родные могилки птицы. В детской простоте своей она верила, что веселое птичье щебетанье будет услышано мертвыми и обрадует их...

★

Только перед рассветом устанавливалась над Обдоньем тишина. Глухо ворковала вода в затопленном лесу, омывая бледнозеленые стволы тополей, мерно раскачивая потонувшие вершинки дубовых кустов и молодого осинника; шуршали наклоненные струей метелки камыша в залитых озерах; на разливе, в глухих заводях, — там, где полая вода, отражая сумеречный свет звездного неба, стояла неподвижно, как замороженная, — чуть слышно перекликались казарки, сонно посвистывали чирковые селезни, да изредка звучали серебряные трубные голоса заночевавших на прильях пролетных лебедей. Иногда всплескивала в темноте жирующая на просторе рыба; по воде, усеянной золотыми бликами, далеко катилась зыбкая волна и слышался предостерегающий гогот потревоженной птицы. И снова тишина окутывала Обдонье. Но с рассветом, когда лишь чуть розовели меловые отроги гор, подымался низовый ветер. Густой и мощный, он дул против течения. По Дону бугрились саженные волны, бешено kloкотала вода в лесу, стонали, раскачиваясь, деревья. Ветер ревел целый день и утихал глубокой ночью. Такая погода стояла несколько дней.

Над степью повисла сиреневая дымка. Земля пересыхала, приостановились в росте травы, по зяби пошли заструги.

Почва выветривалась с каждым часом, а на полях хутора Татарского почти не видно было людей. Во всем хуторе осталось несколько древних стариков, из отступления вернулись неспособные к труду обмороженные и больные казаки, и в поле работали одни женщины да подростки. По обезлюдевшему хутору ветер гонял пыльцу, хлопал ставнями куреней, ворошил солому на крышах сараев. «Будем в нынешнем году без хлеба, — говорили старики. — Одни бабы на полях, да и то через три двора сеют. А мертвая земля не зародит...».

На другой день после выезда в поле, перед закатом солнца, Аксинья погнала к пруду быков. Около плотины, держа в поводу оседланную лошадь, стоял десятилетний мальчишка Обнизов. Лошадь жевала губами, с серого бархатистого храпа ее падали капли, а спешившийся ездок забавлялся: бросал в воду комки сухой глины, смотрел, как расходятся по воде круги.

— Ты куда это собрался, Ванятка? — спросила Аксинья.

— Харчи привозил матери.

— Ну, что там в хуторе?

— А ничего. Дед Герасим здо-о-оровавшегося сазана в вентери нынче ночью поймал. А ишо пришел из отступа Федор Мельников.

Приподнимаясь на цыпочки, мальчишка взнуздal лошадь, взял в руку прядку гривы и с дьявольской ловкостью вскочил на седло. От пруда он поехал — как рассудительный хозяин — шагом, но спустя немного оглянулся на Аксинью и поскакал так, что на спине его пузырем вздулась выцветшая голубенькая рубашонка.

Пока пили быки, Аксинья прилегла на плотине и тут же решила итти в хутор. Мельников был служивый казак, и он должен был знать что-либо об участи Григория. Пригнав быков к стану, Аксинья сказала Дуняшке:

— Схожу в хутор, а завтра рано прийду.

— Дело есть?

— Дело.

Наутро Аксинья вернулась. Она пошла к запрягавшей быков Дуняшке, беспечно помахивая хворостиной, но бро-

ви ее были нахмурены, а в углах губ лежали горькие складки.

— Мельников Федор пришел. Ходила, спрашивала у него про Григория. Ничего не знает, — сказала она коротко и, круто повернувшись, отошла к селяке.

После сева Аксинья принялась за хозяйство: посадила на бахче арбузы, обмазала и побелила курень, сама — как сумела — покрыла остатками соломы крышу сарая. Дни проходили в работе, но тревога за жизнь Григория ни на час не покидала Аксинью. О Степане Аксинья вспоминала с неохотой, и почему-то ей казалось, что он не вернется, но, когда в хутор приходил кто-либо из казаков; она сначала спрашивала: «Степана моего не видал?», а уж потом, осторожно и исподволь, пыталась выведать что-либо о Григории. Про их связь знали все в хуторе. Даже охочие досплетен бабы перестали судачить о них, но Аксинья стыдилась выказывать свое чувство, и лишь изредка, когда скупой на слова служивый не упоминал про Григория, она, щуря глаза и заметно смущаясь, спрашивала: «А соседа нашего, Григория Пантелевича, не доводилось встречать? Мать об нем беспокоится, высохла вся...».

Никто из хуторных казаков не видел ни Григория, ни Степана после сдачи Донской армии в Новороссийске. И только в конце июня к Аксинье зашел пробиравшийся за Дон сослуживец Степана с хутора Колундаевского. Он-то и сообщил ей:

— Уехал Степан в Крым, верное слово тебе говорю. Сам видал, как он грузился на пароход. Погутарить с ним не пришлось. Давка была такая, что по головам ходили. — На вопрос о Григории уклончиво ответил: — Видал на пристани, в погонах он был, а после не трапилось видать. Много офицеров в Москву увезли, кто его знает, где он зараз...

А неделю спустя в Татарский явился раненый Прохор Зыков. Его привезли со станции Миллерово на обывательской подводе. Услышав об этом, Аксинья бросила доить корову, припустила к ней телка и, на ходу покрыв-

шись платком, торопливо пошла, почти побежала к зыковскому базу. «Уж Прохор знает, уж он-то должен знать! А что ежели скажет, что нету Гриши в живых? Как же я тогда?» — думала она дорогой, и с каждой минутой все больше замедляла шаги, прижимая руку к сердцу, страхась услышать черную весту.

Прохор встретил ее в горнице, широко улыбаясь, пряча за спину куцый обрубок левой руки.

— Здорово, односумка! Здорово! Живую тебя видать! А мы уж думали, что ты дубу дала в этом поселке. Ох, и тяжелехонько ж ты лежала... Ну, как он, тифок, прихорашивает вашего брата? А меня, вот видишь, как поляки обработали, в рот им дышло! — Прохор показал пустой, завязанный узлом рукав защитной гимнастерки. — Жена увидела, слезьми кричит, а я ей говорю: «Не реви, дура, другим головы отрывают, и то не обижаются, а рука — эка важность! Зараз деревянные приделывают. Энта, по крайней мере, холоду не будет бояться, и обрежешь ее — кровь не пойдет». Беда, что не научился, девка, одной рукой с делами управляться. Штаны не застегну, и шабаш! От самого Киева до дому с расстегнутой мотней ехал. Страм-то какой! Так что ты уж извиняй, ежели непорядок за мной приметишь... Ну, проходи, садись, гсстем будешь. Погитарим, пока бабы моей нету. Снарядил ее, анчихриста, за самогонкой. Муж приехал с оторватой рукой, а ей и проздравить его нечем. Все вы такие без мужьбев, я вас, чертей мокрехвостых, знаю до тонкостей!

— Ты бы сказал...

— Знаю, скажу. Велел вот как кланяться, — Прохор шуточно поклонился, поднял голову и удивленно шевельнул бровями: — Вот тебе и раз! Чего же ты кричишь, глупая? Все вы, бабы, такие крученые-верченые. Убьют — кричат, живой остался — опять кричат. Утрись, утрись, чего рассопливилась-то? Говорю тебе, живой и здоровый, морду наел во какую! Вместе с ним в Новороссийском поступили в конную армию товарища Буденного, в четырнадцатую дивизию. Принял наш Григорий

Пантелевич сотню, то бишь, эскадроня, конечно, при нем состою, и пошли походным порядком под Киев. Ну, девка, и дали мы чертей этим полякам! Шли туда, Григорий Пантелевич и говорит: «Немцев рубил, на всяких там австрияках палаш пробовал, неужли у поляков черепки крепше? Сдается мне, их легче будет рубить, чем своих — русских, как ты думаешь?» — и подмигивает мне, оскалывается. Переменился он, как в Красную Армию заступил, веселый из себя стал, гладкий, как мерин. Ну, не обошлось у нас с ним без семейного скандалу... Раз подъехал к нему и говорю шуточно: «Пора бы привалом статью, ваше благородие — товарищ Мелехов!». Ворохнул он на меня глазами, говорит: «Ты мне эти шутки брось, а то плохо будет». Вечером какому-то делу подзывает меня, и дернул же черт меня опять обозвать его «благородием»... Как схватится он за маузер! Побелел весь, ощерился как волк, а зубов у него полон рот, не меньше сотни. Я — коню под пузо, да ходу от него. За малым не убил, вот какой чертоломный! Ну, пришли мы на эту Украину, пощупали полячишков. Так себе вояки, жидковатые хребтиной. Гордости в них напхато, как в кормленной свинье дерьма, а бегают шибко, когда нажмешь.

— Что ж он, может, в отпуск... — заикнулась было Аксинья.

— И думать не моги! — отрезал Прохор. — Говорит, буду служить до тех пор, пока прошлые грехи замолю. Это он проделает — дурачье дело нехитрое... Возле одного местечка повел он нас в атаку. На моих глазах четырех ихних уланов срубил. Он же, проклятый, левша сызмальства, вот он и доставал их с обеих сторон... После боя сам Буденный перед строем с ним ручкался, и благодарность эскадрону и ему была. Вот он какие котелки выкидывает, твой Пантелевич!

Аксинья слушала, как в чаду... Она опомнилась только у мелеховской калитки. В сенях Дуняшка цедила молоко, не поднимая головы спросила:

— Ты за наковской? А я пообещала принести, да и забыла. — Но, заглянув в

мокрые от слез, сияющие счастьем глаза Аксиньи, она поняла все без слов.

Прижавшись к ее плечу пылающим лицом, задыхаясь от радости, Аксинья шептала:

— Живой и здоровый... Поклон прислал... Иди же! Иди, скажи матери!

Глава II

К лету в Татарский возвратилось десятка три казаков из числа ходивших в отступление. В большинстве своем это были старики и служивые старших возрастов, а молодые и средних лет казаки, за вычетом больных и раненых, почти полностью отсутствовали. Часть их была в Красной Армии, остальные — в составе врангелевских полков — отсиживались в Крыму, готовясь к новому походу на Дон.

Добрая половина отступавших навсегда осталась в чужих краях: иные погибли от тифа, другие приняли смерть в последних схватках с противником на Кубани, несколько человек, отбившись от обоза, замерзли в степи за Манычем, двое были захвачены в плен красно-зелеными и пропали без вести... Многих казаков не досчитывались в Татарском. Женщины проводили дни в напряженном и тревожном ожидании, и каждый раз, встречая коров на выгоне, подолгу стояли, глядявались изпод ладоней, — не покажется ли на шляху, задернутом лиловой вечерней марью, запоздалый пешеход?

Приходил домой какой-нибудь оборванный, обовшивевший и худой, но долгожданный хозяин, и в хате начиналась радостная, бестолковая суэта: грели воду для черного от грязи служивого, дети наперебой старались услужить отцу и караулили каждое его движение, растерявшаяся от счастья хозяйка то кидалась накрывать на стол, то бежала к сундуку, чтобы достать чистую пару мужниного белья. А бельишко, как на грех, оказывалось незаштопаным, а дрожащие пальцы хозяйки никак не могли продеть нитку в игольное ушко... В эту счастливую минуту даже дворовой собаке, которая издала угадала хозяина

и до порога бежала за ним, облизывая ему руки, разрешалось войти в дом; даже за разбитую посуду или пролитое молоко не попадало детям, и любой их проступок сходил безнаказанно... Не успевал хозяин переодеться после купанья, как уже в хату полно набивалось женщин. Приходили узнать о судьбе родных, пугливо и жадно ловили каждое слово служивого. А спустя немного какая-нибудь женщина выходила во двор, прижав ладони к залитому слезами лицу, шла по проулку, как слепая, не разбирая дороги, и вот уж в одном из домишек причитала по мертвому новая вдова, и тонко вторили ей плачущие детские голоса. Так было в Татарском: радость, вступая в один дом, вводила в другой неизбывное горе.

Наутро, помолодевший, чисто выбритый хозяин вставал чуть свет, оглядывал хозяйство, примечал, за что надо взяться сразу. После завтрака он уже принимался за дело. Весело шипел рубанок или постукивал топор где-нибудь под навесом сарая, в холодке, словно возвещая, что появились в этом дворе жадные на работу, умелые, мужские руки. А там, где накануне узнали о смерти отца и мужа, глухая тишина стояла в доме и на подворьи. Молча лежала придавленная горем мать, и около нее теснились, сбиваясь в кучку, повзрослевшие за одну ночь, сироты-дети.

Ильинична, услышав о возвращении кого-либо из хуторных, говорила:

— И когда это наш придет! чужие идут, а про нашего и слуху нет.

— Молодых казаков не спускают, как вы не понимаете, маманя! — с досадой отвечала ей Дуняшка.

— Как это не спускают? А Тихон Герасимов? Он на год моложе Гриши.

— Он же раненый, маманя!

— Какой он там раненый! — возражала Ильинична. — Вчера видала его возле кузницы, ходит, как по струнке. Такие раненые не бывают.

— Был раненый, а зараз на поправке.

— А наш мало был раненый? Все тело его в рубцах, что ж ему и поправка не нужна, по-твоему?

Дуняшка всячески старалась доказать матери, что надеяться на приход Гри-

горя сейчас нельзя, но убедить в чем-либо Ильиничну было делом нелегким.

— Замолчи, дура! — приказывала она Дуняшке. — Я не меньше твоего знаю, и ты ишо молода матерю учить. Говорю — должен прийти, значит придет. Ступай, ступай, я с тобой и речей не хочу терять!

Старуха с величайшим нетерпением ждала сына и вспоминала о нем при всяком случае. Стоило только Мишатке оказать ей неповиновение, как она тотчас грозила: «А вот погоди, анчутка вихрастый, придет отец, докажу ему, так он тебе всыпет!». Завидев на проезжавшей мимо окон арбе свежее вделанное ребра, она вздохнула и непременно говорила: «По справе сразу видно, что хозяин дома, а нашему — как, скажи, кто дорогу домой заказал...». Никогда в жизни Ильинична не любила табачного дыма и всегда выгоняла курцов из кухни, но за последнее время она изменилась и в этом отношении: «Сходи, покличи Прохора, — не раз говорила она Дуняшке, — нехай придет, выкурит цыгарочку, а то уже тут мертвежиной воняет. Вот придет со службы Гриша, тогда у нас жилым, казачьим духом запахнет...». Каждый день, стряпая, она готовила что-нибудь лишнее и после обеда ставила чугуны со щами в печь. На вопрос Дуняшки — зачем она это делает, Ильинична удивленно ответила: «А как же иначе? Может, служивенький наш нынче придет, вот он сразу и поест горяченького, а то пока разогреешь, того да сего, а он голодный, небось...». Однажды, придя с бахчи, Дуняшка увидела висевшую на гвозде в кухне старую поддевку Григория и фуражку с выцветшим околышем. Дуняшка вопросительно взглянула на мать, и та, как-то виновато и жалко улыбаясь, сказала: «Это я, Дуношка, достала из сундука. Войдешь с базу, глянешь, и как-то легче делается... Будто он уже с нами...».

Дуняшке опостытели бесконечные разговоры о Григории. Однажды она не вытерпела, упрекнула мать:

— И как вам, маманя, не надоест все об одном и том же гутарить? Вы уж обрыдли всем с вашими разговорами.

Только от вас и послышишь: Гриша да Гриша...

— Как это мне надоест об родном сыне гутарить? Ты народи своих, а тогда узнаешь... — тихо ответила Ильинична.

После этого она унесла из кухни к себе в горницу поддевку и фуражку Григория и несколько дней вслух не вспоминала о сыне. Но незадолго до начала лугового покоса она сказала Дуняшке:

— Вот ты серчаешь, как я вспоминаю об Грише, а как же мы будем без него жить? Об этом ты подумала, глупая? Заходит покос, а у нас и грабельника обтесать некому... Вон как у нас все поползло, и ничему мы с тобой рахунки не дадим. Без хозяина и товар плачет...

Дуняшка промолчала. Она отлично понимала, что вопросы хозяйства вовсе не так уж тревожат мать, что все это служит только предлогом поговорить о Григории, отвести душу. Ильинична с новой силой затосковала по сыну и скрыть этого не смогла. Вечером она отказалась от ужина и, когда Дуняшка спросила ее — не захворала ли она? — неохотно ответила:

— Старая я стала... И сердце у меня болит об Грише... Так болит, что ничего мне не мило, и глазам глядеть на свет больно...

Но не Григорию пришлось хозяйствовать на мелеховском базу... Перед луговым покосом в хутор приехал с фронта Мишка Кошевой. Он заночевал у дальних родственников и наутро пришел к Мелеховым. Ильинична стряпала, когда гость, вежливо постучав в дверь и не получив ответа, вошел в кухню, снял старенькую солдатскую фуражку, улыбнулся Ильиничне.

— Здорово, тетка Ильинична! Не ждала?

— Здравствуй. А ты кто такой мне, чтобы я тебя ждала? Нашему забору двоюродный плетень? — грубо ответила Ильинична, негодуяюще глянув в ненавистное ей лицо Кошевого.

Нимало не смущенный таким приемом Мишка сказал:

— Так уж и плетень... Как-никак знакомые были.

— Только и всего.

— Да больше и не надо, чтобы зайти, проведать. Я не жить к вам пришел.

— Этого бы ишо недоставало, — проговорила Ильинична и, не глядя на гостя, принялась застряпню.

Не обращая внимания на ее слова, Мишка внимательно рассматривал кухню, говорил:

— Зашел проведать, поглядеть, как вы живете... Не видались-то год с лишним.

— Не дюже по тебе соскучились, — буркнула Ильинична, яростно двигая по загнетке чугуны.

Дуняшка прибирала в горнице и, заслышав мишкин голос, побледнела, безмолвно всплеснула руками. Она вслушивалась в происходивший на кухне разговор, присев на лавку, не шевелясь. На лице Дуняшки то вспыхивал густой румянец, то бледность покрывала щеки так, что на тонкой горбинке носа выступали продольные белые полоски. Она слышала, как твердо прошагал по кухне Мишка, сел на скрипнувший под ним стул, потом чиркнул спичкой. В горницу потянуло папиросным дымком.

— Старик, говорят, помер?

— Помер.

— А Григорий?

Ильинична долго молчала, затем с видимой неохотой ответила:

— В красных служил. Таковую ж звезду на шапку нацепил, как и ты.

— Давно бы надо ему нацепить ее...

— Это — его дело.

В голосе Мишки прозвучала явная тревога, когда он спросил:

— А Евдокия Пантелевна?

— Прибегается. Больно ранний ты гость, добрые-то люди спозаранок не ходят.

— Будешь недобрый. Соскучился, вот и пришел. Чего уж тут время выбирать.

— Ох, Михаил, не гневил бы ты меня...

— Чем же я вас, тетушка, гневлю?

— А тем!

— Все-таки, чем же?

— Вот этими своими разговорами!

Дуняшка слышала, как Мишка тяжело вздохнул. Больше она не смогла вы-

держать: вскочила, оправила юбку, вышла на кухню. Желтый, исхудавший до неузнаваемости, Мишка сидел возле окна, докуривал папиросу. Мутные глаза его оживились, на лице проступил чуть приметный румянец, когда он увидел Дуняшку. Торопливо поднявшись, он хрипло сказал:

— Ну, здравствуй!

— Здравствуй... — чуть слышно ответила Дуняшка.

— Ступай воды принеси, — тотчас приказала Ильинична, мельком взглянув на дочь.

Мишка терпеливо ждал возвращения Дуняшки. Ильинична молчала. Молчал и Мишка, потом затушил в пальцах окурок, спросил:

— Чего вы лютуете на меня, тетушка? Дорогу я вам перешел, или что?

Ильинична повернулась от печки, словно ужаленная.

— Как тебе только совесть дозволяет приходить к нам, бесстыжие твои глаза?! — сказала она. — И ты у меня ишо спрашиваешь?! Душегуб ты!..

— Это какой же я душегуб?

— Истинный! Кто Петра убил? Не ты?

— Я.

— Ну, вот! Опосля этого кто же ты есть? И ты идешь к нам... садишься, как будто... — Ильинична задыхнулась, смолкла, но оправившись, продолжала: — Мать я ему, или кто? Как же твои глаза на меня глядят?

Мишка заметно побледнел. Он ждал этого разговора. Слегка заикаясь от волнения, он сказал:

— Не с чего моим глазам зажмуряться! А ежели б Петро меня поймал, что бы он сделал? Думаешь, в маковку поцеловал бы? Он бы тоже меня убил. Не для того мы на этих буграх сходились, чтобы нянькаться один с другим! На то она и война.

— А свата Коршунова? Стариков мирных убивать, это — тоже война?

— А как же? — удивился Мишка. — Конечно, война! Знаю я этих мирных! Такой мирный дома сидит, портки в руках держит, а зла наделает больше, чем иной на позициях... Самое такие, как дед Гришака, и настраивали казаков су-

против нас. Через них и вся эта война зачалась! Кто агитацию пушал против нас? Они, вот эти самые мирные. А ты говоришь — «душегуб»... Тоже, наша душегуба! Я, бывало, ягнока или поросенка не могу зарезать, и зараз — знаю, что не зарезу. У меня на эту живность рука не налегает. Другие, бывало, режут — и то я уши заткну и уожу куда-нибудь подальше, чтобы и не слышать и не видать.

— А свата...

— Дался вам этот сват! — досадливо перебил Мишка. — От него пользы было, как от козла молока, а вреду много. Говорил ему: выходи из дому, не пошел, ну и лег на том месте. Злой я на них, на этих старых чертей! Животную не могу убить, — может, со зла только, а такую, вы меня извиняйте, пакость, как этот ваш сват или другой какой вражина, — могу сколько угодно! На них, на врагов, какие зря на белом свете живут, у меня рука твердая!

— Через эту твою твердость ты и высох весь, — язвительно сказала Ильинична. — Совесть, небось, точит...

— Как бы не так! — добродушно улынулся Мишка. — Станет меня совесть точить из-за такого баракла, как этот дед. Меня лихорадка замучила, вытрепала всего начисто, а то бы я их, мамаша...

— Какая я тебе мамаша? — вспыхнула Ильинична. — Сучку кличь мамашей!

— Ну, ты меня не сучи! — глуховато сказал Мишка и зловеще сощурил глаза. — Я подряда не брал всего от тебя терпеть. А говорю тебе, тетка, толком: за Петра не держи на меня сердца. Сам он нашел, чего искал.

— Душегуб ты! Душегуб! Ступай отсюда, зрить я тебя не могу! — настойчиво твердила Ильинична.

Мишка закурил снова, спокойно спросил:

— А Митрий Коршунов, сват ваш, — не душегуб? А Григорий кто? Про сынка-то ты молчишь, а уж он-то душегуб настоящий, без подмеса.

— Не бреши!

— Со вчерашнего дня не брешу. Ну, а кто он, по-твоему? Сколько он наших

загубил, об этом ты знаешь? То-то и оно! Коли такое прозвище ты, тетушка, даешь всем, кто на войне был, тогда все мы душегубы. Все дело в том, за что души губить и какие, — значительно сказал Мишка.

Ильинична промолчала, но видя, что гость и не думает уходить, сурово сказала:

— Хватит! Некогда мне с тобой гурарить, шел бы ты домой.

— У меня домов, как у зайца теремов, — усмехнулся Мишка и встал.

Чорта с два его можно было отвадить всякими этими штучками и разговорами! Не такой уж он, Мишка, был чувствительный, чтобы обращать внимание на оскорбительные выходки взбесившейся старухи. Он знал, что Дуняшка его любит, а на остальное, в том числе и на старуху, ему было наплевать.

На следующий день утром он снова пришел, поздоровался, как ни в чем не бывало, сел у окна, провожая глазами каждое движение Дуняшки.

— Часто навещаешься, — вскользь бросила Ильинична, не отвечая на мишкино приветствие.

Дуняшка вспыхнула, взглянула на мать загоревшимися глазами и опустила взгляд, не сказав ни слова. Усмехаясь, Мишка ответил:

— Не к тебе хожу, тетка Ильинична, зря ты горишь.

— Лучше б ты вовсе забыл дорогу к нашему куреню.

— А куда же мне итить-то? — посерьезнев, спросил Мишка. — По милости вашего свата Митрия остался я один, как глаз у кривого, а в пустой хате бирюком не просидишь. Хочешь ты или не хочешь, тетушка, а ходить я к вам буду, — закончил он и сел поудобнее, широко расставив ноги.

Ильинична внимательно посмотрела на него. Да, пожалуй, такого не так-то просто выставить. Бычье упорство было во всей сутуловатой мишкиной фигуре, в наклоне головы, в твердо сжатых губах...

После того как он ушел, Ильинична проводила детей во двор, сказала, обращаясь к Дуняшке:

— Чтобы больше и ноги его тут не ступало. Поняла?

Дуняшка, не сморгнув, глянула на мать. Что-то присущее всем Мелеховым на миг появилось в бешечом прищуре ее глаз, когда она, словно откусывая каждое слово, проговорила:

— Нет! Будет ходить! Не закажете! Будет! — И, не выдержав, закрыла лицо передником, выбежала в сени.

Ильинична, тяжело переводя дыхание, присела к окну, долго сидела, молча покачивая головой, устремив невидящий взгляд куда-то далеко в степь, где серебряная под солнцем кромка молодой полыни отделяла землю от неба.

Перед вечером Дуняшка с матерью — не примирившиеся и молчаливые — ставили на огороде у Дона упавший плетень. Подошел Мишка. Он молча взял из рук Дуняшки лопату, сказал:

— Мелко роешь, ветер дунет, и опять упадет ваш плетень. — И стал углублять ямки для стоянов, потом помог поставить плетень, приклячил его к стоянам, и ушел. Утром он принес и поставил возле мелеховского крыльца два только что обструганных грабельника и держак на вилы; поздоровавшись с Ильиничной, деловито спросил:

— Траву в лугу косить думаете? Люди уже поехали за Дон.

Ильинична промолчала. Вместо матери ответила Дуняшка:

— Нам и переехать-то не на чем. Баркас с осени лежит под сараем, рассохся весь.

— Надо бы спустить его весной на воду, — укоризненно сказал Мишка. — Может, его законопатить? Без баркаса вам будет неспособно.

Дуняшка покорно и выжидающе взглянула на мать. Ильинична молча месила тесто и делала вид, будто весь этот разговор ее вовсе не касается.

— Конопи есть у вас? — спросил Мишка, чуть приметно улыбаясь.

Дуняшка пошла в кладовую, принесла охапку конопляных хлопьев.

К обеду Мишка управился с лодкой, зашел в кухню.

— Ну, стянул баркас на воду, нехай замокает. Примкните его к карше, а то как бы кто не угнал. — И снова спро-

сил: — Так как же, тетушка, насчет покоса? Может, пособить вам? Все одно я зараз без дела.

— Вон у нее спроси, — Ильинична кивнула головой в сторону Дуняшки.

— Я у хозяйки спрашиваю.

— Я тут, видно, не хозяйка...

Дуняшка заплакала, ушла в горницу.

— Тогда придется пособить, — крикнув, решительно сказал Мишка. — Где тут у вас плотницкий инструмент? Грабли хочу вам поделать, а то старые, должно, негожи.

Он ушел под сарай и, посвистывая, стал выстругивать зубья на грабли. Маленький Мишатка вертелся около него, умоляюще засматривал в глаза, просил:

— Дяденька Михаил, сделай мне маленькие грабли, а то мне некому сделать. Бабуня не умеет, и тетка не умеет... Один ты умеешь, ты хорошо умеешь!

— Сделаю, тезка, ей-богу, сделаю, только отойди трошки, а то как бы тебе стружка в глаз не попала, — уговаривал его Кошевой, посмеиваясь и с изумлением думая: «Ну, до чего похож, чертенок... Вылитый батя! И глаза, и брови, и верхнюю губу так же подымает... Вот это — работенка!».

Он начал было мастерить крохотные детские граблишки, но закончить не смог: губы его посинели, на желтом лице появилось озлобленное и вместе с тем покорное выражение. Он перестал насвистывать, положил нож и зябко шевельнул плечами.

— Михайло Григорич, тезка, принеси мне какую-нибудь дерюжку, я ляжу, — попросил он.

— А зачем? — поинтересовался Мишатка.

— Захворать хочу.

— На что?

— Эх, до чего ты неотвязный, прямо как репей... Ну, пришло время захворать, вот и все! Неси скорей!

— А грабли мои?

— Потом доделаю.

Крупная дрожь сотрясала мишкино тело. Стуча зубами, он прилег на принесенную Мишаткой дерюгу, снял фуражку и накрыл ею лицо.

— Это ты уже захворал? — огорченно спросил Мишатка.

— Готов, захворал.

— А чего ты дрожишь?

— Лихорадка меня трясет.

— А на что зубами клацаешь?

Мишка из-под фуражки одним глазом взглянул на своего маленького докучливого тезку, коротко улыбнулся и перестал отвечать на его вопросы. Мишатка испуганно посмотрел на него, побегал в курень.

— Бабуня, дядя Михаил лег под сараем и так дрожит, так дрожит, ажник подсигивает!

Ильинична посмотрела в окно, отошла к столу и долго-долго молчала, о чем-то задумавшись...

— Ты чего же молчишь, бабуня, — нетерпеливо спросил Мишатка, теребя ее за рукав кофты.

Ильинична повернулась к нему, твердо сказала:

— Возьми, чадунюшка, одеялу и отнеси ему, анхихристу, нехай накроется. Это лихоманка его бьет, болезнь такая. Одеялу ты донесешь? — Она снова подошла к окну, глянула во двор, торопливо сказала: — Постой, постой! Не носи, не надо.

Дуняшка накрыла своей овчинной шубой Кошевого и, наклонившись, что-то говорила ему...

После приступа Мишка до сумерок возился с подготовкой к покосу. Он заметно ослабел. Движения его стали вялы и неуверенны, но грабли Мишатке он все же смастерил.

Вечером Ильинична собрала ужинать, усадила за стол детей, — не глядя на Дуняшку, сказала:

— Иди, кличь этого... как его... вечером.

Мишка сел за стол, не перекрестив лба, устало сгорбившись. На желтом лице его, покрытом грязными полосами засохшего пота, отражалось утомление, рука мелко вздрагивала, когда он нес ко рту ложку. Он ел мало и неохотно, изредка равнодушно оглядывая сидевших за столом. Но Ильинична с удивлением заметила, что потухшие глаза «душегуба» теплели и оживлялись, оттаиваясь на маленьком Мишатке,

огоньки восхищения и ласки на миг вспыхивали в них и гасли, а в углах рта еще долго тайлась чуть приметная улыбка. Потом он переводил взгляд, и снова на лицо его тенью ложилось тупое равнодушие.

Ильинична стала исподтишка наблюдать за Кошевым и только тогда увидела, как страшно исхудал он за время болезни. Под серой от пыли гимнастеркой резко и выпукло очерчивались полудужья ключиц, выступами горбились острые от худобы углы широких плеч, и странно выглядел заросший рыжеватой щетиной кадык на ребячески тонкой шее... Чем больше всматривалась Ильинична в сутулую фигуру «душегуба», в восковое лицо его, тем сильнее испытывала чувство какого-то внутреннего неудобства, раздвоенности. И вдруг непрощенная жалость к этому ненавистному ей человеку — та щемящая материнская жалость, которая покоряет и сильных женщин, — проснулась в сердце Ильиничны. Не в силах совладать с новым чувством, она подвинула Мишке тарелку, доверху налитую молоком, сказала:

— Ешь ты, ради бога, дюжей! Дотого ты худой, что и смотреть-то на тебя тошно... Тоже, жених!

Глава III

В хуторе стали поговаривать о Кошевом и Дуняшке. Одна из баб, встретив как-то Дуняшку на пристани, спросила с откровенной издевкой: «Аль няли Михаила в работники? Что-то он у вас с базу не выводится...».

Ильинична на все уговоры дочери упорно твердила: «Хоть не проси, не отдам тебя за него! Нету вам моего благословения!». И только когда Дуняшка заявила, что уйдет к Кошевому, и тут же стала собирать свои наряды, — Ильинична изменила решение.

— Опамятуйся! — испуганно воскликнула она. — Что ж я одна с детишками буду делать? Пропадать нам?

— Как знаете, маманя, а я посмешившем в хуторе не хочу быть, — тихо проговорила Дуняшка, продолжая вы-

«кидывать из сундука девичью свою «справу».

Ильинична долго беззвучно шевелила губами, потом, тяжело передвигая ноги, пошла в передний угол.

— Ну, что ж, дóчушка... — прошептала она, снимая икону, — раз уж ты так надумала, господь с тобой, иди...

Дуняшка проворно опустилаась на колени. Ильинична благословила ее, сказала дрогнувшим голосом:

— Этой иконой меня покойница мать благославляла... Ох, поглядел бы на тебя зараз отец... Помнишь, что говорил он о твоём суженом? Видит бог, как тяжело мне... — и, молча повернувшись, вышла в сени.

Как ни старался Мишка, как ни уговаривал невесту отказаться от венчания, — упрямая девка стояла на своем. Пришлось Мишке, скрепя сердце, согласиться. Мысленно проклиная все на свете, он готовился к венчанию так, как будто собирался итти на казнь. Ночью поп Виссарион потихоньку окрутил их в пустой церкви. После обряда он поздравил молодых, назидательно сказал:

— Вот, молодой советский товарищ, как бывает в жизни: в прошлом году вы собственноручно сожгли мой дом, так сказать предали его огню, а сегодня мне пришлось вас венчать... Не плюй, говорят, в колодец, ибо он может пригодиться. Но все же я рад, душевно рад, что вы опомнились и обрели дорогу к церкви христовой.

Этого уже вынести Мишка не смог. Он молчал в церкви все время, стыдясь своей бесхарактерности и негодую на себя, но тут яростно скосился на злопмятного попа, шопотом, чтобы не слышала Дуняшка, ответил:

— Жалко, что убег ты тогда из хутора, а то бы я тебя, чорт долгогривый, вместе с домом спалил! Понятно тебе, ну?

Ошалевший от неожиданности поп, часто моргая, уставился на Мишку, а тот дернул свою молодую жену за рукав, строго сказал: «Пойдем!» — и, громко топя армейскими сапогами, пошел к выходу.

На этой невеселой свадьбе не пили самогонки, не орали песен. Прохор Зы-

ков, бывший на свадьбе за дружка, на другой день долго отплевывался и жаловался Аксинье:

— Ну, девка, и свадьба была! Михаил в церкви что-то такое ляпнул попу, что у старика и рот набок повело! А за ужином, видала, что было? Жареная курятина да кислое молоко... Хотя бы капелюжку самогонки выставили черти! Поглядел бы Григорий Пантелевич, как сеструшку его просватали... За голову взялся бы! Нет, девка, шабаш! Я теперича на эти новые свадьбы не ходок. На собачьей свадьбе и то веселей, там хоть шерсть кобели один на одном рвут, шуму много, а тут ни выпивки, ни драки, будь они, анафемы, прокляты! Веришь, до того расстроился опосля этой свадьбы, что всю ночь не спал, лежал, чухался, как, скажи, мне пригоршню блох под рубаху напустили...

Со дня, когда Кошевой водворился в мелеховском курене, все в хозяйстве пошло по-иному: за короткий срок он opravил изгородь, перевез и сложил на гумне степное сено, искусно завершив обчесанный стог; готовясь к уборке хлеба, заново переделал полки и крылья на лобогрейке, тщательно расчистил ток, отремонтировал старенькую веялку и починил конскую упряжь, так как втайне мечтал променять пару быков на лошадей и не раз говорил Дуняшке: «Надо нам обзаводиться лошастью. Плаканная езда на этих клешнятых апостолах». В кладовой он как-то случайно обнаружил ведро белил и ультрамарин и тотчас же решил покрасить серые от ветхости ставни. Мелеховский курень словно помолодел, глянув на мир ярко-голубыми глазами окон...

Ретивым хозяином оказался Мишка. Несмотря на болезнь, он работал, не покладая рук. В любом деле ему помогла Дуняшка.

За недолгие дни замужней жизни она заметно похорошела и, как будто, раздалась в плечах и бедрах. Что-то новое появилось в выражении ее глаз, в походке, даже в манере поправлять волосы. Исчезли ранее свойственные ей неловкая угловатость движений, ребяческая размашистость и живость. Улыбающаяся и притихшая, она смотрела на

мужа влюбленными глазами и не видела ничего вокруг. Молодое счастье всегда незряче...

А Ильинична с каждым днем все реже и больше ощущала подступавшее к ней одиночество. Она стала лишней в доме, в котором прожила почти всю свою жизнь. Дуняшка с мужем работали так, словно на пустом месте создавали собственное гнездо. С ней они ни о чем не советовались и не спрашивали ее согласия, когда предпринимали что-либо по хозяйству; как-то не находилось у них и ласкового слова к старухе. Только садясь за стол, они перебрасывались с ней несколькими незначащими фразами, и снова Ильинична оставалась одна со своими невеселыми мыслями. Ее не радовало счастье дочери, присутствие чужого человека в доме — а зять попрежнему оставался для нее чужим — тяготило. Сама жизнь стала ей в тягость. За один год потеряв столько близких ее сердцу людей, она жила, надломленная страданием, постаревшая и жалкая. Много пришлось испытать ей горя, пожалуй даже слишком много. Она была уже не в силах сопротивляться ему и жила, исполненная суеверного предчувствия, что смерть, так часто повадившаяся навещать их семью, еще не раз переступит порог старого мелеховского дома. Примирившись с замужеством Дуняшки, Ильинична хотела лишь одного: дожждаться Григория, передать ему детей, а потом навсегда закрыть глаза. За свою долгую и трудную жизнь она выстрадала это право на отдых.

Нескончаемо тянулись длинные летние дни. Жарко светило солнце. Но Ильиничну уже не согревали колочие солнечных лучи. Она подолгу сидела на крыльце, на самом припеке, неподвижная и безучастная ко всему окружающему. Это была уже не прежняя хлопотливая и рачительная хозяйка. Ей ничего не хотелось делать. Все это было ни к чему и казалось теперь ненужным и пестоящим, да и сил нехватало, чтобы трудиться, как в былые дни. Часто она рассматривала свои раздавленные многолетней работой руки, мысленноговорила: «Вот уж и отработались мои

ручущки... Пора на покой... Зажилась я, хватит... Только бы дождаться Гришеньку...».

Лишь однажды к Ильиничне вернулась, и то ненадолго, прежняя жизнерадостность. По пути из станицы зашел Прохор, еще издали крикнул:

— Могарыч станиви, бабка Ильинична! Письмо от сына доставил!

Старуха побледнела. Письмо в ее представлении неизбежно связывалось с новым несчастьем. Но когда Прохор прочитал коротенькое письмо, наполовину состоявшее из поклонов родным и лишь в конце содержавшее приписку о том, что он, Григорий, постарается к осени притти на побывку, — Ильинична долго ничего не могла сказать от радости. По коричневому лицу ее, по глубоким морщинам на щеках катились мелкие, как бисер, слезинки. Понуриив голову, она вытирала их рукавом кофты, шершавой ладонью, а они всё сбегали по лицу и, капая на завеску, пестрили ее, словно частый и теплый дождь. Прохор не то что недолюбливал, — он прямо-таки не переносил женских слез, поэтому-то он, морщась с нескрываемой досадой, сказал:

— Эк тебя развезло, бабушка! Сколь много у вашего брата, у баб, этой мокрости... Радоваться надо, а не кричать. Ну, пошел я, прощевай! Приятности мне мало на тебя глядеть.

Ильинична спохватилась, остановила его.

— За такую-то весточку, милушка ты мой... Как же это я так... Постой-ка, угощу тебя... — бессвязно бормотала она, доставая из сундука хранившуюся с давнишних пор бутылку самогона.

Прохор присел, разгладил усы.

— Ты-то выпьешь со мной на радостях? — спросил он. И тотчас же с тревогой подумал: «Ну, вот и опять дернул меня чорт за язык! Как-раз ишо влишнет в часть, а там этой самогонки на одну понюшку...».

Ильинична отказалась. Она бережно свернула письмо, положила его на божницу, но, видно, передумав, снова взяла, подержала в руках и сунула за пазуху, крепко прижала к сердцу.

Дуняшка, вернувшись с поля, долго читала письмо, потом улыбнулась, вздохнула:

— Ох, хотя бы он поскорей пришел! А то вы, маманя, и на себя непохожи стали.

Ильинична ревниво отобрала у нее письмо, опять спрятала его за пазуху и, улыбаясь, глядя на дочь прижмуренными лучистыми глазами, сказала:

— Обо мне и собаки не брешут, уж какая есть, а вот младшенький-то вспомнил про матерю! Как он пишет-то! По отчеству, Ильиничной, повеличал... Низко кланяюсь, пишет, дорогой мамаше и еще дорогим деткам, и про тебя не забыл... Ну, чего смеешься-то? Дура ты, Дуняшка, чистая дура!

— Так уж, маманя, и улыбнуться мне нельзя! Куда это вы собираетесь?

— На огород пойду, подобью картошку.

— Я сама завтра схожу, сидели бы дома. То вы жалуетесь, что хвораете, а то и дела враз нашли.

— Нет, я пойду... Радость у меня, хочу одна побыть, — призналась Ильинична и по-молодому, проворно покрылась платком.

По пути на огород она зашла к Аксинье, сначала для приличия поговорила о посторонних делах, а потом достала письмо.

— Прислал письмецо наш, порадовал матерю, сулит на побывку прийти. На-кось, соседushка, почитай, и я ишо разок послушаю.

С той поры Аксинье часто приходилось читать это письмо. Ильинична приходила к ней по вечерам, доставала тщательно завернутый в платочек желтый конверт, вздыхая прислала:

— Почитай-ка, Аксиньushка, что-то мне нынче так темно на сердце, и во сне его видела маленьким, таким, как он ишо в школу ходил...

Со временем буквы, написанные чернильным карандашом, слились, и многих слов вовсе нельзя было разобрать, но для Аксиньи это не составляло затруднения: она так часто читала письмо, что заучила его наизусть. И после, когда тонкая бумага уже превратилась в лохмотья, Аксинья без запинки рас-

сказывала все письмо до последней строчки.

Недели две спустя Ильинична почувствовала себя плохо. Дуняшка была занята на молотье, и отрывать ее от работы Ильинична не хотела, но сама стряпать не могла.

— Не встану я нынче. Уж ты как-нибудь одна управляйся, — попросила она дочь.

— А что у вас болит, маманя?

Ильинична разгладила сборки на своей старенькой кофте, — не поднимая глаз, ответила:

— Все болит... Кубыть, все у меня в середке отбитое. Смолоду, бывало, покойничек отец твой разгневаается и зачет меня бить... А кулачья-то у него были железные... По неделе лежала за-мертво. Вот так и зараз: все у меня ломит, будто избитая я...

— Может, за фельдшером послать Михаила?

— На что он нужен, как-нибудь встану.

Ильинична на другой день, действительно, поднялась, походила по двору, но к вечеру снова слегла. Лицо ее слегка припухло, под глазами появились отечные мешки. За ночь она несколько раз, опираясь на руки, приподнимала голову с высоко взбитых подушек, часто дышала — ей нехватало дыхания. Потом удушье прошло. Она могла спокойно лежать на спине и даже вставать с постели. Несколько дней провела в состоянии какой-то тихой отрешенности и покоя. Ей хотелось быть одной и, когда приходила проведать ее Аксинья, она скупно отвечала на вопросы и облегченно вздыхала, когда та уходила. Она радовалась, что детишки большую часть дня проводят во дворе и что Дуняшка редко заходит и не тревожит ее всякими вопросами. Она уже не нуждалась ни в чьем сочувствии и утешении. Пришла такая пора, когда властно потребовалось остаться одной, чтобы вспомнить многое из своей жизни. И она, полускрыв глаза, часами лежала не шевелясь, только припухшие пальцы ее перебирали складки одеяла, и вся жизнь проходила перед ней за эти часы.

Удивительно, как коротка и бедна оказалась эта жизнь и как много в ней было тяжелого и горестного, о чем не хотелось вспоминать. Почему-то чаще всего в воспоминаниях, в мыслях обращалась она к Григорию. Быть может, потому, что тревога за его судьбу не покидала ее все годы с начала войны и все, что связывало теперь ее с жизнью, заключалось только в нем. Или же тоска по старшему сыну и мужу притупилась, выветрилась со временем, но о них, о мертвых, она вспоминала реже, и виделись они ей как бы сквозь серую туманную дымку. Она неохотно вспоминала молодость, замужнюю свою жизнь. Все это было просто не нужно, ушло так далеко и не приносило ни радости, ни облегчения. И, возвращаясь к прошлому в последних воспоминаниях, она оставалась строгой и чистой. А вот «младшенький» вставал в памяти с предельной, почти осязательной яркостью. Но стоило ей подумать о нем, как сейчас же она начинала слышать свое учащенное сердцебиение. Потом подступало удушье, лицо ее чернело, и она подолгу лежала в беспамятстве, но, отдышавшись, снова думала о нем. Не могла же она забыть своего последнего сына...

Однажды Ильинична лежала в горнице. За окном сияло полуденное солнце. На южной окраине неба в ослепительной синеве величественно плыли белые вздыбленные ветром облака. Глухую тишину нарушал лишь монотонный, усыпляющий звон кузнечиков. Снаружи под самым окном сохранилась не выжженная солнцем, прижавшаяся к фундаменту трава — полуувядшая лебеда вперемежку с овсягом и пыреем, — в ней-то, найдя себе приют, и заливались кузнечики. Ильинична прислушалась к их неумолчному звону, уловила проникающий в горницу запах нагретой солнцем травы, и перед глазами ее на миг, как видение, возникла опаленная солнцем августовская степь, золотистая пшеничная стерня, задернутое сизой мглой гуще синее небо.

Она отчетливо видела быков, пасущихся на полынистой меже, арбу с раскинутым над ней пологом, слышала

трескучий звон кузнечиков, вдыхала приторно горький запах полыни... Она увидела и себя — молодую, рослую, красивую... Вот она идет, спешит к стану. Под ногами ее шуршит, покалывает голые икры стерня, горячий ветер сушит на спине мокрую от пота, вобранную в юбку рубаху, обжигает шею. Лицо ее полыхает румянцем, от прилива крови тонко звенит в ушах. Она придерживает согнутой рукою тяжелые, тугие, налитые молоком груди и, заслышав захлебывающийся детский плач, прибавляет шагу, на ходу расстегивает ворот рубахи.

Обветренные губы ее дрожат и улыбаются, когда она достает из подвешенной к арбе мольки крохотного смуглого Гришатку. Придерживая зубами мокрый от пота гайтан нательного крестика, она торопливо дает ему грудь, сквозь стиснутые зубы шепчет: «Милый ты мой, сыночек! Расхорош ты мой! Уморила тебя с голоду мать...». Гришатка, все еще обиженно всхлипывая, сосет и больно прихватывает зубенками сосок. А рядом стоит, отбивает косу молодой, черноусый Гришаткин отец. Из-под опущенных ресниц она видит его улыбку и голубые белки усмешливых глаз... Ей трудно дышать от жары, пот стекает со лба и щекочет щеки, и меркнет, меркнет свет перед глазами...

Она очнулась, провела рукой по мокрому от слез лицу и после долго лежала, мучаясь от жесточайшего приступа удушья, временами впадая в беспамятство.

С вечера, когда Дуняшка с мужем уснули, она собрала последние остатки сил, встала, вышла во двор. Аксинья, допоздна разыскивавшая пропавшую из табуна корову, возвращалась домой и видела, как Ильинична, медленно ступая, покачиваясь, прошла на гумно. «Зачем это она, хвора, туда пошла?» — удивилась Аксинья и, осторожно пройдя к граничившему с мелеховским гумном плетню, заглянула на гумно. Светил полный месяц. Со степи набегал ветерок. От прикладка соломы на голый, выбитый каменными катками, ток ложилась густая тень. Ильинична стояла, придерживаясь руками за из-

городь, смотрела в степь, туда, где слово недоступная далекая звездочка мерцал разложенный косарями костер. Аксинья ясно видела озаренное голубым лунным светом припухшее лицо Ильиничны, седую прядь волос, выбившуюся из-под черной старушечьей шальки.

Ильинична долго смотрела в сумеречную степную синь, а потом негромко, как будто он стоял тут же возле нее, позвала:

— Гришенька! Родненький мой! — Помолчала, и уже другим, низким и глухим голосом сказала: — Кровинушка моя!

Аксинья вся содрогнулась, охваченная неизъяснимым чувством тоски и страха, и, резко отшатнувшись от плетня, пошла к дому.

В эту ночь Ильинична поняла, что скоро умрет, что смерть уже подошла к ее изголовью. На рассвете она достала из сундука рубаху Григория, свернула и положила под подушку; приготовила и свое, смертное, во что ее должны были обрядить после последнего вздоха.

Утром Дуняшка, как всегда, зашла проведать мать. Ильинична достала из-под подушки аккуратно свернутую рубаху Григория, молча протянула ее Дуняшке.

— Что это? — удивленно спросила Дуняшка.

— Гришина рубаха... Отдай мужу, нехай носит, на нем его старая-то, небось, сопрела от пота... — чуть слышно проговорила Ильинична.

Дуняшка увидела лежавшие на сундуке черную материну юбку, рубаху и матерчатые чирюхи, — все, что надевают на покойников, провожая их в дальний путь, — увидела и побледнела.

— Что это вы, маманюшка, смертное приготовили? Приберите его, ради Христа! Господь с вами, рано вам об смерти думать.

— Нет, пора мне... — прошептала Ильинична.—Мой черед... Детишек береги, соблюдай, пока Гриша возвратится... А я уж его, видно, не дождуся... Ох, не дождуся!..

Чтобы Дуняшка не видела ее слез, Ильинична отвернулась к стене и закрыла лицо платком.

Через три дня она умерла. Сверстницы Ильиничны обмыли ее тело, обрядили в смертное, положили на стол в горнице. Вечером Аксинья пришла попрощаться с покойной. Она с трудом узнала в похорошевшем и строгом лице мертвой маленькой старушки облик прежней гордой и мужественной Ильиничны. Прикоснувшись губами к желтому, холодному лбу покойной, Аксинья заметила знакомую ей, непокорную, выбившуюся из-под беленького головного платочка седую прядь волос и крохотную круглую, совсем как у молодой, раковинку уха.

С согласия Дуняшки Аксинья увела детей к себе. Она накормила их — молчаливых и напуганных новой смертью, — уложила спать с собой. Странное чувство испытывала она, обнимая прижавшихся к ней с обеих сторон, притихших детишек родного ей человека. Вполголоса она стала рассказывать им слышанные в детстве сказки, чтобы хоть чем-нибудь развлечь их, увести от мыслей о мертвой бабушке. Тихо, нарастающе досказывала она сказку о бедном сиротке Ванюшке:

Гуси-лебеди,
Возьмите меня
На белые крылышки,
Унесите меня
На родимую
На сторонку...

И не успела закончить сказку, как услышала ровное, мерное дыхание детишек. Мишатка лежал с краю, плотно прижавшись лицом к ее плечу. Аксинья движением плеча осторожно поправила его запрокинутую головку и вдруг ощутила на сердце такую безжалостную, режущую тоску, что горло ее перехватила спазма. Она заплакала тяжело и горько, вздрагивая от сотрясавших ее рыданий, но она даже не могла вытереть слез: на руках ее спали дети Григория, а ей не хотелось их будить.

Глава IV

После смерти Ильиничны Кошевой, оставшийся в доме единственным и полновластным хозяином, казалось бы, должен был еще с большим усердием

взяться за переустройство хозяйства, за дальнейшее его расширение, но на деле вышло не так: с каждым днем Мишка работал все менее охотно, все чаще уходил из дому, а вечерами допоздна сидел на крыльце, курил, размышлял о чем-то своем. Дуняшка не могла не заметить происходившей с мужем перемены. Она не раз с удивлением наблюдала, как Мишка, ранее трудившийся с полным самозабвением, вдруг ни с того, ни с сего бросал топор или рубанок и садился где-либо в сторонке отдыхать. То же самое было и в поле, когда сеяли озимую рожь: пройдет Мишка два гона, остановит быков, свернет цыгарку и долго сидит на пашне, покуривает, морщит лоб.

Унаследовавшая от отца практическую сметку, Дуняшка с тревогой думала: «Ненадолго его хватило... Либо хворает, либо просто приленивается. Беды я наберусь с таким муженьком! Как, скажи, он у чужих людей живет: полдня курит, полдня чухается, а работать некогда... Надо с ним потолковать потихоньку, чтобы не осерчал, а то, ежели он будет и дальше так стараться в хозяйстве, нужду из дома и лопатой не выпребешь...».

Однажды Дуняшка осторожно спросила:

— Что-то ты не такой стал, Миша, эль хворость тебя одолевает?

— Какая там хворость! Тут без хворости тошно, — с досадой ответил Мишка и тронул быков, пошел за сеялкой.

Дуняшка сочла неудобным продолжать расспросы; в конце-концов не бабе это дело — учить мужа. На том разговор и кончился.

Дуняшка ошибалась в своих догадках. Единственной причиной, мешавшей Мишке работать с прежним старанием, было росшее в нем с каждым днем убеждение, что преждевременно осел он в родном хуторе: «Рановато я взялся за хозяйство, поспешил...» — с досадой думал Мишка, читая в окружной газете сводки с фронтов или слушая по вечерам рассказы демобилизованных казаков-красноармейцев. Но особенно тревожило его настроение хуторян: некото-

рые из них открыто говорили, что советской власти к зиме будет конец, что Врангель вышел из Таврии и вместе с Махно подходит уже к Ростову, что союзники высадили в Новороссийске огромный десант... Служки, один нелепей другого, распространялись по хутору. Казаки, вернувшиеся из концентрационных лагерей и рудников, успевшие за лето отгесться на домашних харчах, держались особняком, по ночам пили самогон, вели какие-то свои разговоры, а встречаясь с Мишкой, с деланным равнодушием спрашивали: «Ты газетки прочитываешь, Кошевой, расскажи, как там Врангеля, скоро прикончат? И верно это или брехня, что союзники опять на нас прут?».

Как-то под воскресенье вечером пришел Прохор Зыков. Мишка только-что вернулся с поля, умывался, стоя возле крыльца. Дуняшка лила ему воду из кувшина на руки, с улыбкой смотрела на худую загорелую шею мужа. Прохор, поздоровавшись, сел на нижней ступеньке крыльца, спросил:

— Про Григория Пантелевича ничего не слыхать?

— Нет, — ответила Дуняшка, — не пишет.

— А ты по нем соскучился? — Мишка вытер лицо и руки, без улыбки глянул в глаза Прохора.

Прохор вздохнул, поправил порожний рукав рубахи.

— Само собой. Вместе всю службу сломали.

— И сызнова думаете доламывать?

— Чего это?

— Ну, службу.

— Мы с ним свое отслужили.

— А я думал, что ты его ждешь-не дождешься опять служить, — все так же без улыбки продолжал Мишка. — Опять воевать против советской власти...

— Ну, это ты зря, Михаил, — обижено проговорил Прохор.

— Чего же зря? Слышу я про всякие разговорчики, какие по хутору ходят.

— Либо я говорил такое? Где это ты слыхал?

— Не ты, а такие вот, вроде тебя с Григорием, какие всё «своих» ждут.

— Я этих «своих» не жду, мне все одинаковые.

— Вот это и плохо, что тебе все одинаковые. Пойдем в хату, не обижайся, это я шутейно говорил.

Проход неохотно поднялся по крыльцу и, переступив порог сеней, сказал:

— Шутки твои, браток, не дюже веселые... Об старом забывать надо. Я за это старое оправдался.

— Старое не все забывается, — сухо сказал Мишка, садясь за стол. — Присаживайся вечерять с нами.

— Спасибо. Конечно, не все забывается. Вот руки я лишился—и рад бы забыть, да оно не забывается, каждый секунд об этом помнишь.

Дуняшка, накрывая на стол и не глядя на мужа, спросила:

— Что же, по-твоему, кто в белых был, так им и сроду не простится это?

— А ты как думала?

— А я так думала, что кто старое вспомянет, тому, говорят, глаз вон.

— Ну, это, может, так по евангелию гласит, — холодно сказал Мишка. — А по-моему, должен человек всегда отвечать за свои дела.

— Власть про это ничего не говорит, — тихо сказала Дуняшка.

Ей не хотелось вступать в пререкания с мужем при постороннем человеке, но в душе она была обижена на Михаила за его, как казалось ей, неуместную шутку с Прохором и за ту неприязнь, которую он открыто выказал к брату.

— Тебе она, власть, ничего не говорит, ей с тобой не об чем разговаривать, а за службу в белых надо отвечать перед советским законом.

— И мне, стал-быть, отвечать? — поинтересовался Прохор.

— Твое дело телячье: поел да в закут. С денщиков тут не спрашивают, а вот Григорию придется, когда займется домой. Мы у него спросим за восстание.

— Ты, что ли, будешь спрашивать? — Дуняшка, сверкнув глазами, поставила на стол чашку с молоком.

— И я спрошу, — спокойно ответил Мишка.

— Не твое это дело... Без тебя найдутся спрашивальщики. Он в Красной Армии заслужил себе прощение...

Голос Дуняшки вздрагивал. Она села к столу, перебирая пальцами оборки завески. Мишка, словно он и не заметил волнения, охватившего жену, — с тем же спокойствием продолжал:

— Мне тоже интересно спросить. А насчет прощения погодить надо... Надо ишо разглядеть, как он его заслужил. Нашей крови он пролил немало. Ишо примерить надо, чья кровь переважит...

Это был первый разлад за все время их совместной жизни с Дуняшкой. В кухне стояла неловкая тишина. Мишка молча ел молоко, изредка вытирая рупником губы. Проход курил, поглядывал на Дуняшку. Потом он заговорил о хозяйстве. Посидел еще с полчаса. Перед уходом спросил:

— Кирилл Громов пришел. Слышал?

— Нет. Откуда он явился?

— Из красных. Тоже в Первой Конной был.

— Это он у Мамонтова служил?

— Он самый.

— Лихой вояка был, — усмехнулся Мишка.

— Куда там! По грабежу первый был. Легкая у него рука на это.

— Рассказывали про него, будто он пленных рубил без милости. За ботинки солдатские убивал. Убьет — одними ботинками попользуется.

— Был такой слух, — подтвердил Проход.

— Его тоже надо прощать? — вкрадчиво спросил Мишка. — Бог, дескать, прощал врагов и нам велел, или как?

— Да ить как сказать... А что ты с него возьмешь?

— Ну, я бы взял... — Мишка прищурил глаза. — Я бы так с него взял, что он опосля этого и дух выпустил! Да он от этого не уйдет. В Вешках Дончека есть, она его приголубит.

Проход улынулся, сказал:

— Вот уж истинно, что горбатого могила выпрямит. Он и из Красной Армии пришел с грабленным добром. Моей бабе его жененка похвалялась.

что какую-то пальто женскую ей принес, сколько там платьев, и разного другого добра. Он в бригаде Маслака был и оттуда подался домой. Не иначе он дезиком заявился, оружие с собой принес.

— Какое оружие? — заинтересовался Мишка.

— Понятно какое: укороченную карабинку, ну, наган, может ишо что-нибудь.

— В Совет он ходил регистрироваться, не знаешь?

Прохор рассмеялся, махнул рукой:

— Его туда и на аркане не затянешь! Я так гляжу, что он в бегах. Он не нынче-завтра из дому смогается. Вот Кирилл, по всему видать, ишо думает всевать, а ты на меня грешил. Нет, браток, я свое отвоевал, наелся этого добра по самую завязку.

Прохор вскоре ушел. Спустя немного вышел во двор и Мишка. Дуняшка покормила детей и только-что собралась ложиться, как вошел Мишка. В руках он держал что-то завернутое в мешковину.

— Куда тебя черти носили? — неласково спросила Дуняшка.

— Свое приданое доставал, — беззлобно улыбнулся Мишка.

Он развернул заботливо упакованную винтовку, распухший от патронов подсумок, наган и две ручные гранаты. Все это сложил на лавку и осторожно нацедил в блюдце керосину.

— Откуда это? — Дуняшка движением бровей указала на оружие.

— Мое, с фронта.

— А где ж ты его хоронил?

— Где бы ни хоронил, а вот соблюл в целости.

— Вон ты, оказывается, какой потасный... И не сказал ничего. От жены, и то хоронишься?

Мишка, с деланной беззаботностью улыбаясь и явно заискивая, сказал:

— И на что это тебе было знать, Дуняшка? Это дело не бабье. Нехай оно — это имение — лежит, оно, девка, в доме нелишнее.

— А к чему ты его в хату приволок? Ты же законником стал, все знаешь... А за это тебе не придется по закону отвечать?

Мишка посуровел с виду, сказал:

— Ты дура! Когда Кирюшка Громов оружие приносит — это советской власти вред, а когда я приношу — окромя пользы советской власти от этого ничего не будет. Понимаешь ты? Перед кем же я могу быть в ответе? Болтаешь ты бог знает что, ложись, спи!

Он сделал единственно правильный, по его мнению, вывод: если уж белые недобитки приходят с оружием, то ему надо быть настороже. Он тщательно прочистил винтовку и наган, а наутро, чуть свет, пешком отправился в Вешенскую.

Дуняшка, укладывая ему харчи в подсумок, с досадой и горечью воскликнула:

— Ты все со мной в молчанку играешь! Скажи хоть, надолго ли идешь и по какому делу? Что это за чорт, за жизнь! Собрался итти, и слова от него не добьешься!.. Муж ты мне или пришей-пристебай?

— Иду в Вешки, на комиссию, чего я тебе ишо скажу? Вернусь, тогда все узнаешь.

Придерживая рукой подсумок, Мишка спустился к Дону, сел в баркас и ходко погнал его на ту сторону.

★

В Вешенской после осмотра на врачебной комиссии доктор коротко сказал Мишке:

— Не годитесь вы, дорогой товарищ, для службы в рядах Красной Армии. Очень вас малярия истрепаала. Лечиться надо, а то будет плохо. Такие Красной Армии не нужны.

— А какие же ей нужны? Два года служил, а теперь не нужен стал?

— Нужны, прежде всего, здоровые люди. Станете здоровым — и вы понадобитесь. Возьмите рецепт, в аптеке получите хинин.

— Та-а-ак, все понятно. — Кошевой надевал гимнастерку, словно хомут на норовистую лошадь, все никак не мог просунуть голову в воротник, штаны застегнул уже на улице и напрямик направился в Окружной комитет партии.

... Вернулся в Татарский Мишка председателем хуторского ревкома. Накоро поздоровавшись с женой, сказал:

— Ну, теперь поглядим!

— Ты об чем это? — удивленно спросила Дуняшка.

— Все об том же.

— Об чем?

— Председателем меня назначили. Понятно?

Дуняшка горестно всплеснула руками. Она хотела что-то сказать, но Мишка не стал ее слушать, он оправил перед зеркалом ремень на вылинявшей защитной гимнастерке и зашагал в Совет.

Председателем ревкома с самой зимы был старик Михеев. Подслеповатый и глухой, он тяготился своими обязанностями и с превеликой радостью узнал от Кошевого о том, что пришла ему смена.

— Вот бумажки, соколик ты мой, вот хуторская печать, бери их, ради Христа, — говорил он с непритворной радостью, крестясь и потирая руки. Восьмой десяток мне, сроду в должностях не ходил, а тут вот на старости годов пришлось... Это самое ваше молодое дело, а мне где уж там! И недвижу, и недослышу... Богу молиться пора, а меня председателем назначили...

Мишка бего просмотрел предписания и приказы, присланные станичным ревкомом, спросил:

— Секретарь где?

— Ась?

— Э, чорт, секретарь где, говорю?

— Секельтарь? Житу сеет. Он, пострели его гром, в неделю раз сюда заходит. Иной раз из станицы придет бумага, какую надо почитать, а его и с сбаками не сыщешь. Так и лежит важная бумага по сколько дней не читанная. А из меня грамотей плохой, ох, плохой! Со трудом расписываюсь, а читать вовсе не могу, только и могу, что печать становить...

Сдвинув брови, Кошевой рассматривал ошарпанную комнату ревкома, украшенную одним стареньким, засиженным мухами плакатом.

Старик до того обрадовался неожиданному увольнению, что даже отвза-

жился на шутку: передавая Кошевому завернутую в тряпицу печать, сказал:

— Вот и все хуторское хозяйство, денежных суммов нету, а насекомые атаманской при советской власти иметь не полагается. Коли хочешь — свой стариковский костыль могу отдать. — И протянул, беззубо улыбаясь, отполированную ладонями ясеневую палку.

Но Кошевой не был расположен к шуткам. Еще раз он сгядел жалкую в своей неприглядности комнату ревкома, нахмурился и со вздохом сказал:

— Будем считать, дед, что дела от тебя я принял. Теперь катись отседова к едреной бабушке. — И выразительно показал глазами на дверь.

А потом сел за стол, широко расставил локти и долго сидел в одиночестве, стиснув зубы, выставив вперед нижнюю челюсть. Боже мой, каким же сукиным сыном был он все это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по-настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом... Злой донельзя на себя и на все окружающее, Мишка встал из-за стола, оправил гимнастерку, сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов:

— Я вам, голуби, покажу, что такое советская власть!

Дверь он плотно прикрыл, пакинув цепку на пробой, зашагал через площадь к дому. Около церкви встретил молодого парнишку Обнизова, небрежно кивнул ему головой, прошел мимо и, вдруг озаренный догадкой, повернулся, окликнул:

— Эй, Андрюшка! Постой-ка, пойдись сюда!

Белобрысый застенчивый паренек молча подошел к нему. Мишка, как взрослому, протянул ему руку, спросил:

— Ты куда направлялся? На этот край? Ну-ну, гуляешь, значит? По делу? Вот что я у тебя хочу спросить, ты, вроде, в высшем начальном учился? Учился? Это хорошо. А канцелярию ты знаешь?

— Какую?

— Ну, обыкновенную. Разные там уходящие-выходящие знаешь?

— Ты про что говоришь, товарищ Кошевой?

— Ну, про бумажки, какие бывают. Ты это знаешь? Ну, бывают уходящие, а бывают всякие другие. — Мишка неопределенно пошевелил пальцами и, не дожидаясь ответа, твердо сказал: — Ежли не знаешь, потом выучишься. Я зарас председатель хуторского ревкома, а тебя — как грамотного парнишку — назначаю секретарем. Иди в помещение ревкома и караул там дела, они все на столе лежат, а я вскорости вернусь. Понятно?

— Товарищ Кошевой!

Мишка махнул рукой, нетерпеливо сказал:

— Это потом мы с тобой потолкуем, иди, занимай должность. — И медленно, размеренным шагом пошел по улице.

Дома он надел новые шаровары, сунул в карман наган и, тщательно поправляя перед зеркалом фуражку, сказал жене:

— Схожу тут в одно место по делу. Ежли кто будет спрашивать, где, мол, председатель, — скажи, что скоро возвратится.

Должность председателя кое к чему обязывала... Мишка шел медленно и важно; походка его была столь несбычна, что кое-кто из хуторных при встрече останавливался и с улыбкой смотрел ему вслед. Прохор Зыков, повстречавшийся ему в переулке, с шутливой почтительностью попятился к плетню, спросил:

— Да ты что это, Михаил? В будний день во все доброе вырядился и выступаешь, как на параде... Уж не сызнова ли свататься идешь?

— Вроде этого, — ответил Мишка, значительно сжав губы.

Около ворот громовского база он, не останавливаясь, полез в карман за кистетом, зорко оглядел широкое подворье, разбросанные по нему дворовые постройки, окна куреня.

Мать Кирилла Громова только-что вышла из сеней. Откинувшись назад, она несла таз с мелко нарезанными кусками кормовой тыквы. Мишка почтительно поздоровался с ней, шагнул на крыльцо.

— Дома Кирилл, тетенька?

— Дома, дома, проходи, — сторонясь, сказала старуха.

Мишка вошел в темные сени, в полутьме нащупал дверную ручку.

Кирилл сам открыл ему дверь в горницу, отступил на шаг. Чисто выбритый, улыбающийся и слегка хмельной, он окинул Мишку коротким изучающим взглядом, непринужденно сказал:

— Ишо один служивый! Прходи, Кошевой, садись, гостем будешь. А мы тут выпиваем, так, по маленькой...

— Хлеб-соль да сладкая чарка, — Мишка пожал руку хозяина, оглядывая сидевших за столом гостей.

Приход его был явно не ко времени. Широкоплечий незнакомый Михаилу Шазак, развалившийся в переднем углу, коротко и вопросительно взглянул на Кирилла, отодвинул стакан. Сидевший по ту сторону стола Ахваткин Семен — дальний родственник Коршуновых, увидев Михаила, нахмурился и отвел глаза.

Хозяин пригласил Мишку к столу.

— Спасибо за приглашение.

— Нет, ты садись, не обижай, выпей с нами.

Мишка присел к столу. Принимая из рук хозяина стакан с самогонкой, кивнул головой.

— С прибытием тебя, Кирилл Иванович!

— Спасибо. Ты-то давно из армии?

— Давно. Успел обжиться.

— И обжиться и жениться, говорят, успел? Да ты что же это кривишь душой? Пей по всей!

— Не хочу. У меня к тебе дело есть.

— Это уж нет! Это ты не балуйся! Нынче я об делах не гутарю. Нынче я гуляю с друзьями. Ежли ты по делу, приходи завтра.

Мишка встал из-за стола, — спокойно улыбаясь, сказал:

— Оно и дело пустяшное, да не терпит. Давай выйдем на минутку.

Кирилл, поглаживая тщательно закрученные черные усы, некоторое время молчал, потом встал.

— Может, тут скажешь? Чего же мы будем компанию рушить?

— Нет, давай выйдем, — сдержанно, но настойчиво попросил Мишка.

— Да выйди ты с ним, чего торгуешься? — сказал незнакомый Мишке широкоплечий казак.

Кирилл неохотно пошел в кухню. Жене, хлопотавшей у печи, шепнул:

— Выйди отседова, Катерина! — И, садясь на лавку, сухо спросил: — Какое дело?

— Ты сколько дней дома?

— А что?

— Сколько, спрашиваю, дома живешь?

— Четвертый день, кажись.

— А в ревком заходил?

— Нет пока.

— А в Вешки думаешь итти, в военкомат?

— Ты к чему это гнешь? Ты по делу пришел, так об деле и говори

— Я об деле и говорю.

— Тогда ступай ты к чорту! Ты что такое ешь за кочка на ровном месте, что я тебе должен отчет давать?

— Я председатель ревкома. Покажи удостоверение из части.

— Во-о-он что! — протянул Кирилл и острыми потрезвевшими глазами глянул в зрачки Михаила. — Во-о-он ты куда!

— Туда самое. Давай удостоверение!

— Нынче прииду в Совет и принесу.

— Сейчас давай!

— Оно у меня где-то прибратое.

— Найди.

— Нет, зараз не буду искать. Ступай домой, Михаил, ступай от скандалу.

— У меня с тобой скандал короткий... — Мишка положил руку в правый карман. — Одевайся!

— Брось, Михаил! Ты меня лучше не трогай...

— Пойдем, я тебе говорю!

— Куда?

— В ревком.

— Мне что-то не хочется. — Кирилл поблбднел, но говорил насмешливо улыбаясь.

Качнувшись влево, Мишка вытащил из кармана наган, взвел курок.

— Ты пойдешь или нет? — спросил он тихо.

Кирилл молча шагнул к горнице, но

Мишка стал ему на пути, глазами указал на дверь в сени.

— Ребята! — с деланной непринужденностью крикнул Кирилл. — Меня тут вроде арестовали! Допивайте водку без меня!

Дверь из горницы широко распахнулась, Ахваткин ступил было через порог, но, увидев направленный на него наган, поспешно отшатнулся за притолоку.

— Иди,—приказал Мишка Кириллу.

Тот вразвалку пошел к выходу, лениво взялся за скобу и вдруг, одним прыжком перемахнув сени, бешено хлопнул наружной дверью, прыгнул с крыльца. Пока он, пригинаясь, бежал через двор к саду, — Мишка выстрелил по нем два раза и не попал. Положив ствол нагана на локоть согнутой левой руки, широко расставив ноги, Мишка тщательно целился. После третьего выстрела Кирилл как будто споткнулся, но, оправившись, легко прыгнул через плетень. Мишка сбежал с крыльца. След ему из дома грохнул сухой и отрывистый винтовочный выстрел. Впереди, в побеленной стене сарая, пуля выхватила глину и, цокнув, осыпала на землю серые каменные брызги.

Кирилл бежал легко и быстро. Согнутая фигура его мелькала между зелеными шатрами яблонь. Мишка перепрыгнул плетень, упал, лежа выстрелил по убегающему еще два раза и повернулся лицом к дому. Наружная дверь была широко распахнута. На крыльце стояла мать Кирилла, козырьком приложив к глазам ладонь, смотрела в сад. «Надо было его без разговоров стрелять на месте!» — тупо подумал Мишка. Он еще несколько минут лежал под плетнем, посматривая на дом, и каким-то размеренным механическим движением счищал прилипшую к коленям грязь, а потом встал, тяжело перелез через плетень и, опустив дуло нагана, пошел к дому.

Глава V

Вместе с Кириллом Громовым скрылись Ахваткин и тот незнакомый казак, которого видел Кошевой, когда пришел

к Громовым. В ночь еще двое казаков исчезли из хутора. Из Вешенской в Татарский приехал небольшой отряд Дончека. Кое-кого из казаков арестовали, четырех, явившихся из частей без документов, направили в Вешенскую в штрафную роту.

Кошевой целыми днями просиживал в ревкоме, в сумерках приходил домой, возле кровати клал заряженную винтовку, наган засовывал под подушку и ложился спать не раздеваясь. На третий день после случая с Кириллом он сказал Дуняшке:

— Давай спать в сенцах.

— Чего ради? — изумилась Дуняшка.

— В окно могут стрельнуть. Кровать возле окна.

Дуняшка молча переставила кровать в сени, а вечером спросила:

— Что ж, так и будем на заячьем положении жить? И зима придет, а мы всё будем в сенцах ютиться?

— До зимы далеко, а пока придется так жить.

— И докуда же это «пока» будет?

— Пока Кирюшку не шлепну.

— Так он тебе лоб и подставил!

— Когда-нибудь подставит, — уверенно ответил Мишка.

Но расчеты его не оправдались: Кирилл Громов, скрывавшийся вместе со своими приятелями где-то за Доном, услышав о приближении Махно, переместился на эту сторону Дона и отправился в станицу Краснокутскую, где, по слухам, оказались передовые отряды махновской банды. Ночью он побывал в хуторе, на улице случайно встретил Прохора Зыкова и приказал передать Кошевому, что, мол, Громов низко кланяется и просит ждать в гости. Прохор утром рассказал Мишке о встрече и разговоре с Кириллом.

— Что ж, пусть является. Один раз ушел, а в другой уже не вырвется. Научил он меня, как с ихним братом надо обходиться, и за это спасибо, — сказал Мишка, выслушав рассказ.

Махно, действительно, появился в пределах Верхне-Донского округа. Под хутором Коньковым в коротком бою он

разбил пехотный батальон, высланный ему навстречу из Вешенской, но на окружной центр не пошел, а двинулся к станции Миллерово, севернее ее пересек железную дорогу и ушел по направлению к Старобельску. Наиболее активные белогвардейцы-казаки прикнули к нему, но большинство их остались дома, выжидая.

Все так же настороженно жил Кошевой, внимательно присматриваясь ко всему, что происходило в хуторе. А жизнь в Татарском была не очень-то нарядная. Казаки усердно поругивали советскую власть за все те нехватки, которые приходилось им испытывать. В крохотной лавчонке недавно организованного ЕПО почти ничего не было. Мыло, сахар, соль, керосин, спички, махорка, колесная мазь — все эти предметы первой необходимости отсутствовали в продаже, и на голых полках сиротливо лежали одни дорогие асмоловские папиросы да кое-что из скобяных товаров, на которые месяцами не находилось покупателя.

Вместо керосина по ночам жгли в блюдах топленое коровье масло и жир. Махорку заменял доморощенный табак—самосад. В широком ходу за отсутствием спичек были кремни и наспех выделяемые кузнецами стальные кресала. Трут вываривали в кипятке с подсолнечной золой, чтобы скорее загорался, но все же с непривычки огонь добывался трудно. Не раз Мишка, по вечерам возвращаясь из ревкома, наблюдал, как курцы, собравшись где-нибудь на проулке в кружок и дружно высекая из кремней искры, вполголоса матерно ругались, приговаривали: «Власть советская, дай огня!». Наконец у кого-либо искра, попавшая в сухой трут, возгоралась, все дружно дули на тлеющий огонек и, закурив, молча присаживались на корточки, делились новостями. Не было и бумаги на раскурку. В церковной караулке растащили все метрические книги, а когда покурили их, по домам пошло на цыгарки все, включая старые ребячьи учебники и даже стариковские священные книги.

Прохор Зыков, довольно часто захаживавший на старое мелеховское по-

дворье, разживался у Михаила бумагой на курение, печально говорил:

— У бабы моей крышка на сундуке была обклеена старыми газетами — содрал и покурил, Новый завет был, такая святая книжка, — тоже искурил, Старый завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали... У бабы книжка была поминальная, всё сродствие там, живое и мертвое, прописанное, — тоже искурил. Что же, зараз мне надо капустные листья курить али, скажем, лопухи вялить на бумагу? Нет, Михаил, как хочешь, а давай газетку. Я без курева не могу. Я на германском фронте свою пайку хлеба иной раз на восьмушку махорки менял.

Невеселая была жизнь в Татарском в ту осень... Визжали на ходах и арбах неподмазанные колеса, сохла и лопалась без дегтя ременная упряжь и обувь, но скучнее всего было без соли. За пять фунтов соли в Вешенской отдавали татарцы сытых баранов и возвращались домой, кляня советскую власть и разруху. Эта проклятая соль много огорчений причинила Михаилу... Как-то в Совет пришли старики. Они чинно поздоровались с председателем, сняли шапки, расселись по лавкам.

— Соли нету, господин председатель, — сказал один из них.

— Господ нету зараз, — поправил Мишка.

— Извиняй, пожалуйста, это всё по старой привычке... Без господ-то жить можно, а без соли нельзя.

— Так что вы хотели, старики?

— Ты, председатель, хлопочи, чтоб привезли соль. С Маныча на быках ее не навозишься.

— Я докладал об этом в округе. Там это известно. Должны вскорости привезти.

— Пока солнце взойдет — роса очи выест, — сказал один из стариков, глядя в землю.

Мишка вспыхнул, встал из-за стола. Багровый от гнева, он вывернул карманы.

— У меня соли нету. Видите? С собой не ношу и из пальца вам я ее не высосу. Понятно, старики?

— Куда она подевалась, эта соль? —

после некоторого молчания спросил кривой старик Чумаков, удивленно оглядывая всех единственным глазом. — Раньше, при старой власти, об ней и речей никто не вел, бутры ее лежали везде, а зараз и щепотки не добудешь...

— Наша власть тут ни при чем, — уже спокойнее сказал Мишка. — Тут одна власть виноватая: бывшая ваша кадетская власть! — уже спокойнее сказал Мишка. — Это она разруху такую учинила, что даже соль представить, может, не на чем! Все железные дороги побитые, вагоны — тоже самое...

Мишка долго рассказывал старикам о том, как белые при отступлении уничтожали государственное имущество, взрывали заводы, жгли склады. Кое-что он видел сам во время войны, кое о чем слышал, остальное же вдохновенно придумал с единственной целью — отвести недовольство от родной советской власти. Чтобы оградить эту власть от упреков, он безобидно врал, ловчился, а про себя думал: «Не дже большая беда будет, ежли я на сволочей и наговорю немножко. Всё одно они сволочи, и им от этого не убудет, а нам явится польза...».

— ... Вы думаете, они — эти буржуи — пальцем деланные, что ли? Они не дураки! Они все запасы сахару и соли, огромные тыщи пудов, собрали со всей России и увезли ишо загода в Крым, а там погрузили на пароходы и — в другие страны, продавать, — блестя глазами, говорил Мишка.

— Что ж, они и мазут весь увезли? — недоверчиво спросил кривой Чумаков.

— А ты думал, дед, тебе оставили? Очень ты им нужен, как и весь трудящий народ. Они и мазут найдут кому продать! Они бы всё с собой забрали. ежли б могли, чтобы народ тут с голоду подыхал.

— Это, конечно, так, — согласился один из стариков. — Богатые — все такие гущееды. Спокон веков известно: чем ни богаче, тем он жаднее. В Вешках один купец, когда первое отступление было, все на подводы сложил, все имущество забрал до нитки, и вот уж красные близко подходят, а он все не

выезжает с двора, одетый в шубе бе-
гает по куреню, щипцами гвозди из стен
вынает. «Не хочу, — говорит, — им,
проклятым, ни одного гвоздя оста-
вить!». Так что нехитро, что они и ма-
зут забрали с собой.

— Так как же все-таки без соли бу-
дем? — под конец разговора добродуш-
но спросил старик Максаев.

— Соли наши рабочие скоро новой
нароют, а пока можно на Маныч по-
слать подводы, — осторожно посовето-
вал Мишка.

— Народ не хочет туда ехать. Кал-
мыки там шkodят, соли на озерах не
дают, быков грабежом забирают. Один
мой знакомец пришел оттуда с одним
кнутом. Ночью за Великокняжеской
подъехали трое оруженнх калмыков,
быков угнали, а ему показали на горло:
«Молчи, — говорят, — бачка, а то
плохо померешь...». Вот и поезжай туда!

— Придется подождать, — вздох-
нул Чумаков.

Со стариками Мишка кое-как догово-
рился, но зато дома, и опять-таки из-за
соли, вышел у него с Дуняшкой круп-
ный разговор. Вообще, что-то разлади-
лось в их взаимоотношениях с женой...

Началось это с того памятного дня,
когда он в присутствии Прохора завел
разговор о Григории, да так эта не-
большая размолвка и не забылась.
Однажды вечером Мишка за ужином
сказал:

— Щи у тебя несоленые, хозяйка.
Или недосол на столе, а пересол на
спине?

— Пересола зараз при этой власти
не будет. Ты знаешь, сколько у нас со-
ли осталось?

— Ну?

— Две пригоршни.

— Дело плохое, — вздохнул Мишка.

— Добрые люди ишо летом на Ма-
ныч за солью съездили, а тебе все неко-
гда было об этом подумать, — с
укором сказала Дуняшка.

— На чем бы это я поехал? Тебя
запрягать на первом году замужества
как-то неудобно, а бычата нестоящие...

— Ты шуточки оставь до другого ра-
за! Вот как будешь жрать несоленое —
тогда пошути!

— Да ты чего на меня взъелась? На
самом деле, откуда я тебе этой соли
возьму? Вот какой вы, бабы, народ...
Хоть отрыгни, да подай вам. А ежели
ее нету, этой соли, будь она трижды
проклята?

— Люди на быках на Маныч ездили.
У них теперь и солка будет, и всё, а
мы будем пресное с кислым жевать...

— Как-нибудь проживем, Дуня.
Вскорости должны привезти соль. Аль
у нас этого добра мало?

— У вас всего много.

— У кого это, у вас?

— У красных.

— А ты какая?

— А вот такая, какую видишь. Бре-
хали-брехали: «всего-то у нас будет
много, да все будем ровно жить да бо-
гато...». Вот оно и богатство ваше: щи
посолить нечем!

Мишка испуганно посмотрел на жену,
побледнел.

— Что это ты, Дуняшка? Как ты гу-
таришь? Да разве можно?

Но Дуняшка закусилa удила: она то-
же побледнела от негодования и злости
и, уже переходя на крик, продолжала:

— А так можно? Чего ты глаза вы-
лупил-то? А ты знаешь, председатель,
что у людей уж десны пухнут без со-
ли? Знаешь ты, что люди вместо соли
едят? Землю на солонцах роют, ходят
ажник за Нечаев курган да в щи кла-
дут эту землю... Об этом ты слыхал?

— Погоди, не шуми, слыхал... Даль-
ше что?

Дуняшка всплеснула руками.

— Куда же дальше-то?

— Переживать-то это как-нибудь
надо?

— Ну, и переживай!

— Я-то переживу, а вот ты... А вот у
тебя вся ваша мелеховская порода на-
ружу выкинулась...

— Какая это порода?

— Контровая, вот какая! — глухо
сказал Мишка и встал из-за стола. Он
смотрел в землю, не поднимая на жену
глаз; губы его мелко дрожали, когда он
говорил:

— Ежели ишо раз так будешь гово-
рить — не жить нам с тобой вместе,
так и знай! Твои слова — вражья...

Дуняшка что-то хотела возразить, но Мишка скосил глаза и поднял сжатую в кулак руку.

— Молчи!.. — приглушенно сказал он.

Дуняшка без страха, с нескрываемым любопытством всмотрелась в него, спустя немного спокойно и весело сказала:

— Ну, и ладно, чорт-те об чем затеялись гутарить... Проживем и без соли! — Она помолчала немного и с тихой улыбкой, которую так любил Мишка, сказала: — Не сердчай, Миша! На нас, на баб, ежли за все сердчать, так и сердца нехватит. Мало ли чего не скажешь от дурна ума... Ты взвар будешь пить или кислого молока положить тебе?

Несмотря на молодость, Дуняшка была уже умудрена житейским опытом и знала, когда в ссоре можно упорствовать, а когда надо смириться и отступить...

Недели через две после этого от Григория пришло письмо. Он писал, что был ранен на врангелевском фронте и что после выздоровления будет, по всей вероятности, демобилизован. Дуняшка сообщила мужу о содержании письма, осторожно спросила:

— Придет он домой, Миша, как же тогда будем жить?

— Перейдем в мою хату. Нехай он один тут живет. Имущество поделим.

— Вместе нам нельзя. Он, по всему виду, Аксинью возьмет.

— Ежли б и можно было, все одно я жить с твоим братцем под одной крышей не стал бы, — резко заявил Мишка.

Дуняшка изумленно подняла брови.

— Почему, Миша?

— Ты же знаешь.

— Это — что он в белых служил?

— Вот-вот, это самое.

— Не любишь ты его... Вы же друзья с ним были!

— На чорта он мне сдался — любить его! Были друзья, да только кончилась наша дружба.

Дуняшка сидела за прялкой. Размеренно жужжало колесо. Нитка пряжи оборвалась. Ладонью Дуняшка придер-

жала обод колеса, — ссучивая нитку, не глядя на мужа, спросила:

— Придет он, что же ему за службу у казаков будет?

— Суд будет. Трибунал.

— А к чему же он его может присутствовать?

— Ну, уж этого я не знаю, я не судья.

— Могут и к расстрелу присудить?

Мишка посмотрел на кровать, где спали Мишатка с Полюшкой, прислушался к их ровному дыханию, — понизив голос, ответил:

— Могут.

Больше Дуняшка ни о чем не спрашивала. Утром, подоив корову, зашла к Аксинье.

— Скоро Гриша приедет, зашла тебя порадовать.

Аксинья молча поставила чугунок с водой на заветку, прижала руки к груди. Глядя на ее вспыхнувшее лицо, Дуняшка сказала:

— А ты не джоже радуйся. Мой говорит, что суда ему не миновать. К чему присудят — бог его знает.

В глазах Аксиньи, увлажненных и сияющих, на секунду мелькнул испуг.

— За что? — отрывисто спросила она, а сама все еще была не в силах согнать с губ запоздавшую улыбку.

— За восстание, за все.

— Брехня! Не будут его судить. Ничего он, твой Михаил, не знает, тоже, знахарь нашелся!

— Может, и не будут. — Дуняшка помолчала, потом сказала, подавив вздох: — Злой он на братушку... Так мне от этого тяжело на сердце — и сказать не могу! Жалко братушку страшно! Его опять поранили... Вот какая у него жизнь нескладная...

— Лишь бы пришел: заберем детей и скроемся куда-нибудь — взволновано проговорила Аксинья.

Она зачем-то сняла головной платок, снова покрылась и, бесцельно переставляя посуду на лавке, все никак не могла унять охватившего ее сильного волнения.

Дуняшка заметила, как дрожали ее руки, когда она присела на лавку и ста-

ла разглаживать на коленях складки старенького приношенного передника.

Что-то подступило к горлу Дунышки. Ей захотелось поплакать одной.

— Не дождалась его маманя... — тихо сказала она. — Ну, я пойду. Надо печь затоплять.

В сенах Аксинья торопливо и неловко поцеловала ее в шею, поймала и поцеловала руку.

— Рада? — прерывающимся низким голосом спросила Дунышка.

— Так, самую малость, чуть-чуть... — ответила Аксинья, пытаясь за шуткой, за дрожащей улыбкой скрыть проступившие слезы.

Глава VI

На станции Миллерово Григорию, как демобилизованному красному командиру, предоставили обывательскую подводку. По пути к дому он в каждой украинской слободе менял лошадей и за сутки доехал до границы Верхне-Донского округа. В первом же казачьем хуторе председатель ревкома — молодой, недавно вернувшийся из армии красноармеец — сказал:

— Придется вам, товарищ командир, ехать на быках. Лошадей у нас на весь хутор одна, и та на трех ногах ходит. Всех лошадок на Кубани оставили при отступлении.

— Может, на ней как-нибудь доберусь? — спросил Григорий, постукивая пальцами по столу, испытующе глядя в веселые глаза разбитного председателя.

— Не доберетесь. Неделю будете ехать и все одно не доедете! Да вы не беспокойтесь, быки есть у нас справные, шаговитые, и нам все одно надо подводку в Вешенскую посылать, телефонный провод отправить, заваялся у нас тут после этой войны; вот вам подводку и менять не придется, до самого дома вас доставит.— Председатель прижмурил левый глаз и, улыбаясь и лукаво подмигивая, добавил: — Дадим вам наилучших быков и в подводчицы—молодую, вдовую бабу... Есть у нас тут одна такая зараза, что лучше и во сне не при снится! С ней и не заметите, как дома

будете. Сам служил, — знаю все это и тому подобную военную нужду...

Григорий молча прикидывал в уме: ждать попутную подводку — глуше, идти пешком — далеко. Надо было соглашаться и ехать на быках.

Через час подошла подводка. Колеса на старенькой арбе визгливо скрипели, вместо задней грядущи торчали обломки, ключьями свисало неряшливо-наваленное сено. «Довоевались!» — подумал Григорий, с отвращением глядя на убогую справу. Подводчица шагала рядом с быками, помахивая кнутом. Она действительно была очень хороша собой и статна. Несколько портила ее фигуру массивная, не по росту, грудь, да косою шрам на круглом подбородке придавал лицу выражение нехорошей бывалости и словно бы старил смугло-румяное молодое лицо, у переносицы осыпанное мелкими, как просо, золотистыми веснушками.

Поправляя платок, она сощурила глаза, внимательно оглядела Григория, спросила:

— Тебя, что ли, везть?

— Григорий встал с крыльца, запахнул шинель.

— Меня. Провод погрузила?

— А я им проклятая грузить! — звонко закричала казачка. — Кажин день в езде да в работе! Таковская я им, что ли? Небось сами этуя проволоку наваяят, а нет—так я и порожнем уеду!

Она таскала на арбу мотки провода, громко, но беззлобно переругивалась с председателем и изредка метала на Григория косые изучающие взгляды. Председатель все время посмеивался, смотрел на молодую вдову с искренним восхищением. Иногда подмигивая Григорию, он как бы говорил: «Вот какие у нас бабы есть! А ты не верил!».

За хутором далеко протянулась бурая, поблекшая, осенняя степь. От пашни тянулся через дорогу сизый поток дыма. Пахари жгли вывoločки — сухой кустистый жабрей, выцветшую волокнистую брицу. Запах дыма разбудил в Григории грустные воспоминания: когда-то и он, Григорий, пахал зябь в глухой осенней степи, смотрел по ночам

на мерцающее звездами черное небо, слушал перековки летевших в вышине гусиных станиц... Он беспокойно заворочался на сене, поглядел сбоку на подвдчину.

— Сколько тебе лет, бабочка?

— Под шестьдесят, — кокетливо ответила она, улыбаясь одними глазами.

— Нет, без шуток.

— Двадцать первый.

— И вдовая?

— Вдовая.

— Куда же мужа дела?

— Убили.

— Давно?

— Второй год пошел.

— В восстание, что ли?

— После него, перед осенью.

— Ну, и как живешь?

— Живу кое-как.

— Скучно?

Она внимательно посмотрела на него, надвинула на губы платок, пряча улыбку. Голос ее звучал глуше, и какие-то новые интонации появились в нем, когда она говорила:

— Некогда скучать в работе.

— Без мужа-то скучно?

— Я со свекровью живу, в хозяйстве делов много.

— Без мужа-то как обходишься?

Она повернулась к Григорию лицом. На смуглых скулах ее заиграл румянец, в глазах вспыхнули и погасли рыжеватые искорки.

— Ты про что это?

— Про это самое.

Она сдвинула с губ платок, протяжно сказала:

— Ну, этого добра хватает! Свет не без добрых людей... — И, помолчав, продолжала: — Я с мужем-то и бабьей жизни не успела раскушать. Месяц толечко и пожили, а потом его забрали на службу. Обхожусь кое-как без него. Зараз полегчало, молодые казаки попришли в хутор, а то было плохо. Цоб, лысый! Цоб! Вот так-то, служивенький! Такая моя живуха.

Григорий умолк. Ему, пожалуй, не к чему было вести разговор в таком игривом тоне. Он уже жалел об этом.

Крупные, упитанные быки шли все тем же размеренным, заплетающимся

шагом. У одного из них правый рог был когда-то надломлен и рос, косо ниспадая на лоб. Опираясь на локти, полузакрыв глаза, Григорий лежал на арбе. Он стал вспоминать тех быков, на которых ему в детстве и потом, когда он уже стал взрослым, пришлось работать. Все они были разные по масти, по телосложению, по характеру, даже рога у каждого имели какую-то свою особую форму. Когда-то водился на мелеховском базу бык вот с таким же изуродованным, сбитым набок рогом. Злобный и лукавый, он всегда смотрел искоса, выворачивая иссеченный кровяными прожилками белок, старался лягнуть, когда подходил к нему сзади, и всегда в рабочую пору, по ночам, когда пускали скот на попас, норовил уйти домой, или — что было еще хуже — скрывался в лесу, либо в дальних логах. Часто Григорий верхом на лошади по целым дням разъезжал в степи и, уже изверившись в том, что когда-либо найдет пропавшего быка, — вдруг обнаруживал его где-нибудь в самой теклине буерака, в непролазной гущине терновника, либо в тени, под раскидистой и старой дикой яблоней. Умел этот одиозный дьявол снимать налыгач, ночью поддевал рогом завязку на воротцах скотиньего база, выходил на волю и, переплыв Дон, скитался по лугу. Много неприятностей и огорчений доставил в свое время он Григорию...

— Как этот бык, у какого рог сбитый, смиренный? — спросил Григорий.

— Смиренный. А что?

— Да так просто.

— Оно и «так» доброе слово, ежели нечего больше сказать, — с усмешкой проговорила подводчица.

Григорий промолчал. Ему приятно было думать о прошлом, о мирной жизни, о работе, обо всем, что не касалось войны, потому что эта затянувшаяся на семь лет война осточертела ему до предела и при одном воспоминании о ней, о каком-либо эпизоде, связанном со службой, он испытывал щемящую внутреннюю тошноту и глухое раздражение.

Он кончил воевать. Хватит с него. Он ехал домой, чтобы, в конце-концов,

взяться за работу, пожить с детьми, с Аксиньей. Еще там, на фронте, он твердо решил взять Аксинью в дом, чтобы она воспитывала его детей и постоянно была возле него. С этим тоже надо было кончать, и чем ни скорее, тем лучше.

Григорий с наслаждением мечтал о том, как снимет дома шинель и сапоги, обуется в просторные чирики, по казачьему обычаю заправит шаровары в белые шерстяные чулки и, накинув на теплый пиджак домотканый зипун, поедет в поле. Хорошо бы взяться руками за чапиги и пойти по влажной борозде за плугом, жадно вбирая ноздрями сырой и пресный запах взрыхленной земли, горький аромат порезанной лемехом травы. В чужих краях и земля и травы пахнут по-иному. Не раз он в Польше, на Украине и в Крыму растирал в ладонях сизую метелку полыни, нюхал и с тоскою думал: «Нет, не то чужое...».

А подводчице было скучно. Ей хотелось разговаривать. Она бросила погонять бычков, села поудобнее и, теребя ременный махор кнута, долго, исподтишка, рассматривала Григория, его сосредоточенное лицо, полупушенные глаза. «Он не дуже старый, хоть и седой. И какой-то чудаковатый, — думала она. — Всё глаза прижмуряет, чего он их прижмуряет? Как, скажи, уж такой он умеренный, как, скажи, на нем воза возили... А он из себя ничего. Только седых волос много и усы вон почти седые. А так ничего из себя. Чего он все думает? Сначала стал вроде заигрывать, а потом приутих, чегой-то про быка спросил. Не об чем ему разговаривать, что ли? Или, может, робеет? Не похоже. Глаза у него твердые. Нет, хороший казак, только вот чудной какой-то. Ну, и молчи, чорт сутулый! Очень ты мне нужен, как же! Я и сама умею молчать! К жене едешь-не едешь. Ну, и молчи на доброе здоровье!».

Она привалилась спиной к ребрам арбы, тихо запела.

Григорий поднял голову, посмотрел на солнце. Было еще довольно рано. Тень от прошлогоднего татарника, угрюмо

караулившего дорогу, лежала в полшага; было, по всей вероятности, не больше двух часов пополудни.

Словно очарованная, в мертвом молчании лежала степь. Скупое грело солнце. Легкий ветер беззвучно шевелил рыжую выгоревшую траву. Ни птичьего голоса, ни посвиста сусликов не было слышно вокруг. В холодном бледно-голубом небе не парили коршуны и орлы. И только раз серая тень скользнула через дорогу, и, еще не поднимая головы, Григорий услышал тяжкий мах больших крыльев: пепельно-сизый, блистающий на солнце белым подбоем оперенья пролетел дудак и сел возле дальнего кургана, там, где не освещенная солнцем падина сливалась с сумеречно-лиловой далью. Только поздней осенью наблюдал, бывало, Григорий в степи такую грустную и глубокую тишину, когда ему казалось, что он слышит, как шуршит по сухой траве поджваченное ветром перекати-поле, далеко-далеко впереди пересекающее степь.

Дороге, казалось, не будет конца. Она вилась по изволоку, спускалась в балку, снова поднималась на гребень бугра. И все такая же — глазом не окинешь — простиралась вокруг глухая, табунная степь.

Григорий залюбовался росшим на склоне буерака кустом черноколена. Опаленные первыми заморозками листья его светились дымным багрянцем, словно присыпанные пеплом угли затухающего костра.

— Как тебя звать, дяденька? — спросила подводчица, тихонько касаясь кнутовищем плеча Григория.

Он вздрогнул, повернулся к ней лицом. Она смотрела в сторону.

— Григорий. А тебя как?

— Меня зовуткой зовут.

— Помолчала бы ты, зовутка.

— Надоело молчать! Полдня молчу, во рту все пересохло. Ты чего такой несвеселый, дядя Гриша?

— А чего мне веселиться?

— Домой едешь, должен веселый быть.

— Года мои ушли — веселиться.

— Ишь ты, старик нашелся. А с чего это ты молодой, а седой?

— Всё-то тебе надо знать... От хорошей жизни, видно, поседел.

— Ты женатый, дядя Гриша?

— Женатый. Тебе, зовутка, тоже надо поскорее замуж выходить.

— Почему это — скорее?

— Да уж дюже ты игреливая...

— А это плохо?

— Бывает и плохо. Знал я одну такую игреливую, тоже вдовая была, играла, играла, а потом нос у нее начал проваливаться...

— Ох, господи, страсти-то какие! — с шутливым испугом воскликнула она и тотчас же деловито добавила: — Наше вдовье дело такое. Бирюка бояться — в лес не ходить.

Григорий взглянул на нее. Она беззвучно смеялась, стиснув мелкие, белые зубы. Вздернутая верхняя губа ее подрагивала, из-под опущенных ресниц озорно светились глаза. Григорий невольно улыбнулся и положил руку на ее теплое круглое колено.

— Бедная ты разнесчастная, зовутка! — сожалеюще сказал он. Двадцать годков тебе, а как тебя жизнь вывездила...

Вмиг от веселости ее и следа не осталось. Она сурово оттолкнула его руку, нахмурилась и покраснела так, что на переносице исчезли крохотные веснушки.

— Ты жену пожалей, когда приедешь, а у меня и без тебя жалельщиков хватит!

— Да ты не серчай, погоди!

— А ну тебя к чорту!

— Я это жалеючи тебя сказал.

— Иди ты со своей жалостью прямо... — она по-мужски умело и привычно выругалась, сверкнула потемневшими глазами.

Григорий поднял брови, смущенно крикнул:

— Загнула, нечего сказать! Вон ты какая необузданная.

— А ты какой? Святой во вшивой шинели, вон ты кто! Знаю я вас! Замуж выходи, то да се, а давно ты таким истовым стал?

— Нет, недавно, — посмеиваясь, сказал Григорий.

— А чего же ты мне уставы читаешь? У меня на это свекровь есть.

— Ну, хватит тебе, чего ты злуешь. дура-баба? Я же промежду прочим так выразился, — примирительно сказал Григорий.

— Гляди вон, быки от нашего разговору с дороги сошли.

Примащиваясь на арбе поудобнее, Григорий мельком взглянул на веселую вдову и заметил на глазах ее слезы. «Вот ишо морока! И всегда они, эти бабы, такие...» — подумал он, ощущая какую-то внутреннюю неловкость и досаду.

Вскоре он заснул, лежа на спине, накрыв лицо бортом шинели, и проснулся только в сумерках. На небе светились бледные вечерние звезды. Свежо и радостно пахло сеном.

— Быков надо кормить, — сказала она.

— Что ж, давай останавливаться.

Григорий сам выпряг быков, достал из вещевой сумки банку мясных консервов, хлеб, наломал и принес целый ворох сухого бурьяна, неподалеку от арбы разложил огонь.

— Ну, садись вечерять, зовутка, хватит тебе серчать.

Она присела к огню, молча вытряхнула из сумки хлеб, кусок заржавленного от старости сала. За ужином гогорили мало и мирно. Потом она легла на арбе, а Григорий бросил в костер, чтобы не затухал, несколько комьев сухого бычьего помета, по-походному примостился возле огня. Долго лежал, подложив под голову сумку, смотрел в мерцающее звездами небо, несвязно думал о детях, об Аксинье, потом задремал и очнулся от вкрадчивого женского голоса:

— Спишь, что ли, служивый? Спишь, ай нет?

Григорий приподнял голову. Опершись на локоть, спутница его свесилась с арбы. Лицо ее, озаренное снизу неверным светом угасающего костра, было розово и свежо, ослепительно белели зубы и кружевная каемка головного платка. Она, как будто между ними и не было размолвки, снова улыбаясь, шевеля бровью говорила:

— Боюсь, замерзнешь ты там. Земля-то холодная. Уж ежли дюже озяб,— иди ко мне. У меня шуба те-о-оплая-претеплая! Прийдешь, что ли?

Григорий подумал и со вздохом ответил:

— Спасибо, девка, не хочу. Кабы год-два назад... Небось, не замерзну возле огня.

Она тоже вздохнула, сказала:

— Ну, как хочешь,— и укрылась шубой с головой.

Спустя немного Григорий встал, собрал свои пожитки. Он решил идти пешком, чтобы к рассвету добраться до Татарского.

Немыслимо было ему — возвращающемуся со службы командиру — приехать домой среди бела дня на быках. Сколько насмешек и разговоров вызвал бы такой приезд...

Он разбудил подводчицу.

— Я пойду пешком. Не боишься одна в степи оставаться?

— Нет, я не из пугливых, да тут и хутор близко. А тебе, что ж, не терпится?

— Угадала. Ну, прощай, зовутка, не поминай лихом!

Григорий вышел на дорогу, поднял воротник шинели. На ресницы его упала первая снежинка. Ветер повернул с севера, и в холодном дыхании его Григорию почудился знакомый и милый сердцу запах снега.

★

Кошевой вернулся из поездки в станицу вечером. Дуняшка увидела в окно, как он подъехал к воротам, проворно накинула на плечи платок, вышла во двор.

— Гриша утром пришел,— сказала она у калитки, глядя на мужа с тревогой и ожиданием.

— С радостью тебя,— сдержанно и чуть насмешливо ответил Мишка.

Он вошел в кухню, твердо сжав губы. Под скулами его поигрывали желваки. На коленях у Григория примостилась Полюшка, заботливо принаряженная теткой в чистое платье. Григорий бережно опустил ребенка на пол, пошел навстречу зятю, улыбаясь, про-

тягивая большую смуглую руку. Он хотел обнять Михаила, но увидел в безудыбчивых глазах его холодок, неприязнь и сдержался.

— Ну, здравствуй, Миша!

— Здравствуй.

— Давно мы с тобой не видались! Будто сто лет прошло.

— Да, давненько... С прибытием тебя.

— Спасибо. Породнились, значит?

— Пришлось... Что это у тебя кровь на щеке?

— Э, пустое, бритвой порезался, спешил.

Они присели к столу и молча разглядывали друг друга, испытывая отчуждение и неловкость. Им еще предстояло вести большой разговор, но сейчас это было невозможно. У Михаила хватило выдержки, и он спокойно заговорил о хозяйстве, о происшедших в хуторе переменах.

Григорий смотрел в окно на землю, покрытую первым голубым снежком, на голые ветви яблонь. Не такой ему представлялась когда-то встреча с Михаилом...

Вскоре Михаил вышел. В сенях он тщательно наточил на бруске нож, сказал Дуняшке:

— Хочу позвать кого-нибудь валушка зарезать. Надо же хозяина угостить, как полагается. Сбегай за самогонкой. Погоди, вот что: дойди до Прохора и скажи ему, чтобы в землю зарылся, а достал самогонки. Он это лучше тебя сделает. Покличь его вечерять.

Дуняшка просияла от радости, с молчаливой благодарностью взглянула на мужа... «Может, и обойдется все похорошему... Ну, кончили воевать, чего им зараз-то делить? Хоть бы образумил их господь!» — с надеждой думала она, направляясь к Прохору.

Меньше чем через полчаса прибежал запыхавшийся Прохор.

— Григорий Пантелевич!.. Милушка ты мой!.. И не чаял, и не думал дожидаться!.. — высоким, плачущим голосом закричал он и, споткнувшись о порог, за малым не разбил ведерный кувшин с самогоном.

Обнимая Григория, он всхлипнул, вытер кулаком глаза, разгладил мокрые

от слез усы. У Григория что-то задрожало в горле, но он сдержался, расстроганно, грубовато хлопнул верного ординарца по спине, несвязно проговорил:

— Вот и увидались... Ну, и рад я тебе, Прохор, страшно рад! Что же ты, старик, слезу пущаешь? Ослабел на утбрах? Гайки слабоватые стали? Как твоя рука? Другую тебе баба не отшибла?

Прохор гулко высморкался, снял полубок.

— Мы с бабой живем зараз, как голуби. Вторая рука, видишь, целая, а энта, какую поляки отняли, отрастать начинает, ей-богу! Через год уж на ней пальцы окажуся, — заговорил он со свойственной ему веселостью, потрясая порожним рукавом рубахи.

Война приучила их скрывать за улыбкой истинные чувства, сдобривать и хлеб и разговор ядерной солью; потому-то Григорий и продолжал расспросы в том же шутиливом духе.

— Как живешь, старый козел? Как прыгаешь?

— По-стариковски, неспеша.

— Без меня ничего ишо не добыл?

— Чего это?

— Ну, соловья, что прошлой зимой носил...

— Пантелевич! Боже упаси! Зараз к чему же такая роскошь? Да и какой из меня добытчик с одной рукой? — Это — твое дело, молодое, холостое... а мне уж пора свою справу бабе на помазок отдавать, сковородки подмазывать...

Они долго смотрели друг на друга — старые окопные товарищи, — смеющиеся и обрадованные встречей.

— Совсем пришел? — спросил Прохор.

— Совсем. Вчистую.

— До какого же ты чина дослужился?

— Был помощником командира полка.

— Чего же это тебя рано спустили?

Григорий помрачнел, коротко ответил:

— Ненужен стал.

— Через чего это?

— Не знаю. Должно быть, за прошлое.

— Так ты же эту фильтру-комиссию, какая при Особом отделе офицеров цедила, проскочил, какое может быть прошлое?

— Мало ли что.

— А Михаил где?

— На базу. Скотину убирает.

Прохор придвинулся ближе, снизил голос:

— Платона Рябчикова с месяц назад расстреляли.

— Что ты говоришь?!

— Истинный бог!

В сенях скрипнула дверь.

— Потом потолкуем, — шепнул Прохор и — громче: — Так что же, товарищ командир, выпьем при такой великой радости? Пойти, покликать Михаила?

— Иди, зови.

Дуняшка собрала на стол. Она не знала, как угодить брату: положила ему на колени чистый рушник, придвинула тарелку с соленым арбузом, раз пять вытерла стакан... Григорий с улыбкой отметил про себя, что Дуняшка зовет его на «вы».

За столом Михаил первое время упорно молчал, внимательно вслушивался в слова Григория. Пил он мало и неохотно. Зато Прохор опрокидывал по полному стакану и только багровел да чаще разглаживал кулаком белесые усы.

Накормив и уложив спать детей, Дуняшка поставила на стол большую тарелку с вареной бараниной, шепнула Григорию:

— Братушка, я сбегаю за Аксиньей, вы супротив ничего не будете иметь?

Григорий молча кивнул головой. Ему казалось, никто не замечает, что весь вечер он находится в напряженном ожидании, но Дуняшка видела, как он настораживается при каждом стуке, прислушивается и косится на дверь. Положительно ничто не могло ускользнуть от не в меру пронизательных глаз этой Дуняшки...

— А Терещенко-кубанец все взводом командует? — спрашивал Прохор, не выпуская из руки стакана, словно опасаясь, что кто-нибудь отнимет его.

— Убит под Львовом.

— Ну, царство ему небесное. Хороший был конармеец! — Прохор горопливо крестился, потягивал из стакана, не замечая язвительной улыбки Кошевого.

— А этот, у какого чудная фамилия? Какой правофланговым был, фу, будь он проклят, как его, кажись — Май-Борода? Хохол, такой тушистый и веселый, что под Бродами польского офицера напополам разрубил, — он-то живой-здоровый?

— Как жеребец! В пулеметный эскадрон его забрали.

— Коня своего кому же сдал?

— У меня уже другой был.

— А белолобого куда дел?

— Убили осколком.

— В бою?

— В местечке стояли. Обстрел шел. У коновязи и убили.

— Ах, жалко! До чего добрый конь был! — Прохор вздыхал и снова прикладывался к стакану.

В сенях звякнула щекотка. Григорий вздрогнул. Аксинья переступила порог, невинно сказала: «Здравствуйте!» и стала снимать платок, задыхаясь и не сводя с Григория широко раскрытых, сияющих глаз. Она прошла к столу, села рядом с Дуняшкой. На бровях и ресницах ее, на бледном лице таяли крохотные снежинки. Зажмурившись, она вытерла лицо ладонью, глубоко вздохнула и только тогда, пересилив себя, взглянула на Григория глубокими, потемневшими от волнения глазами.

— Односумка! Ксюша! Вместе отступали, вместе вшей кормили... Хотя мы тебя и бросили на Кубани, но что же нам было делать?! — Прохор протягивал стакан, плеская на стол самогонку. — Выпей за Григория Пантелевича! Проздравь его с прибытием... Говорил я тебе, что возвратится в целости, и вот он, бери его за рупь двадцать! Сидит, как обдуренький!

— Он уже набрался, соседка, ты его не слухай, — Григорий, смеясь, указал глазами на Прохора.

Аксинья поклонилась Григорию и Дуняшке и только слегка приподняла

от стола стакан. Она боялась, что все увидят, как дрожит ее рука.

— С приездом вас, Григорий Пантелевич, а тебя, Дуняша, с радостью.

— А тебя с чем? С горем? — Прохор захохотал, толкнул Михаила в бок.

Аксинья густо покраснела, даже маленькие мочки ушей ее стали прозрачно-розовыми, но, твердо и зло глянув на Прохора, она ответила:

— И меня — с радостью... С великой!

Такой прямою Прохор был обезоружен и умилен. Он попросил:

— Тяни ее, ради бога, всю до капельки. Умеешь прямо сказать — умеи и пить прямо! Мне это вострый нож в сердце, кто оставляет.

В гостях Аксинья побыла недолго, ровно столько, сколько, по ее мнению, позволяло приличие. За все это время она лишь несколько раз, и то мельком, взглянула на своего возлюбленного. Она принуждала себя смотреть на остальных и избегала глаз Григория, потому что не могла притворяться равнодушной, не хотела выдавать своих чувств посторонним. Только один взгляд от порога, прямой, исполненный любви и преданности, поймал Григорий, и этим, по сути, все было сказано... Он вышел проводить Аксинью. Захмелевший Прохор крикнул вслед им:

— А ты недолго! Всё поьем!

В сенях Григорий молча поцеловал Аксинью в лоб и губы, спросил:

— Ну, как, Ксюша?

— Ох, всего не расскажешь... Прийдешь завтра?

— Прийду.

Она спешила домой, шла быстро, словно там ждало ее неотложное дело, только около крыльца своего куреня замедлила шаг, осторожно поднялась по скрипучим ступенькам. Ей хотелось поскорее остаться наедине со своими мыслями, со счастьем, которое пришло так неожиданно.

Она сбросила кофту и платок, — не зажигая огня, прошла в горницу. Через неприкрытое ставнями окно в комнату вторгался густой, лиловый свет ночи.

За комелем печи звонко трещал сверчок. По привычке Аксинья заглянула в зеркало и хоть в темноте и не видела своего отражения, — все же поправила волосы, разгладила на груди сборки муслиновой кофточки, потом прошла к окну и устало опустилась на лавку.

Много раз в жизни не оправдывались, не сбывались ее надежды и чаяния, и, быть может, поэтому на смену недавней радости пришла всегдашняя тревога. Как-то сложится теперь ее жизнь? Что ждет ее в будущем? И не слишком ли поздно улыбается ей горькое бабье счастье?

Опуштенная пережитым за зечер волнением, она долго сидела, прижавшись щекой к холодному, заиндевевшему стеклу, устремив спокойный и немножко грустный взгляд в темноту, лишь слегка озаряемую снегом.

★

Григорий присел к столу, налил себе из кувшина полный стакан, выпил залпом.

— Хороша? — полюбопытствовал Прохор.

— Не разберу. Давно не пил.

— Как николаевская, истинный бог! — убежденно сказал Прохор и, качнувшись, обнял Михаила. — Ты в этих делах, Миша, разбираешься хуже, чем телок в помоях, а вот я знаю в напитках толк! И каких только настоек и вин мне не припадало пить! Есть такое вино, что не успеешь пробку вынуть, а из бутылки пена идет, как из бешеной собаки, видит бог — не брешу! В Польше, когда прорвали фронт и пошли с Семеном Михайлычем поляков кастрычить, взяли мы с налету одну помещицкую усадьбу. Дом в ней стоит об двух с лишним этажах, на базу скотины набито рог к рогу, птицы всякой по двору ходит — плюнуть некуда, ну, словом, жил этот помещик как царь. Когда взвод наш прибег на конях в эту усадьбу, там как-раз офицеры пировали с хозяином, нас не ждали. Всех их порубили, в саду и на лестнице, а одного взяли в плен. Важный офицер был, а как забрали его, — и

усы книзу опустил, обмяк весь со страху. Григория Пантелевича в штаб эстренно вызвали, остались мы сами хозяева, зашли в нижние комнаты, а там стол огромный, и чего только на этом столе нету! Покрасовались, а начинать страшно, хотя и ужасные мы голодные. «Ну, как, — думаем, — оно все отравленное?». Пленный наш глядит чортом. Приказуем ему: «Ешь!». Жрет. Не с охотой, а жрет. «Пей!». Опять же пьет он. Из каждой блюда заставили по большому куску пробовать, из каждой бутылки — по стакану пить. Распухает проклятый на наших глазах от этих харчей, а у нас соленые слюни текут. Потом видим, что офицер не помирает, и мы приступили. Наелись, напились пенистого вина по ноздри. Глядь, а офицера чистить с обоих концов начинает. «Ну, — думаем, — пропали! Сам, гад, отравленный корм ел и нас обманул». Приступаем к нему с щашками, а он — и руками и ногами: «Пане, это же я перекушал по вашей милости, не сумлевайтесь, пища здоровая!». И тут мы взялись обратно за вино! Нажмешь пробку — она стрельнет, будто из винтовки, и пена клубом идет, ажник со стороны глядеть страшно! От этого вина я в ту ночь до трех раз с коня падал! Только сяду в седло, и сызнова меня — как ветром сдует. Вот такое вино кажин день пил бы натошак по стакану, по два, и жил бы лет до ста, а так разве свой срок доживешь? Разве это, к примеру, напиток? Зараза, а не напиток! От него, от падлы, раньше сроку копыта откинешь... — Прохор кивком головы указал на кувшин с самогонном и... налил себе стакан доверху.

Дуняшка ушла спать к детям в горницу, спустя немного поднялся и Прохор. Покачиваясь, он накинуд внапашку полушубок, сказал:

— Кувшин не возьму. Душа не позволяет ходить с порожней посудой... Прийду, и зараз меня баба зачнет казнить. Она это умеет! Откудова у нее такие вредные слова берутся? Сам не знаю! Прийду выпимши, и она, к примеру, говорит так: «кобель пьяный, безрукый, такой-сякой, разэтакий!». Тихочко и спо-

койночко образумляю ее, говорю: «Где же ты, чортова шалава, сучье вымя ты, видала пьяных кобелей, да ишо безруких? Таковых на свете не бывает». Одну подлость опровергаю — она мне другую говорит, другую опровергаю — она мне третью подносит, так у нас всенощная и идет до зари... Иной раз начертает ее слушать — уйду под сарай спать, а другой раз прийдешь выпимши и, ежели она молчит, не ругается, — я уснуть не могу, истинный бог! Чего-то мне вроде нехватает, какая-то чесотка на меня нападет, — не усну и шабаш! И вот затрону супругу, и опять она пошла меня казнить, ажник искры с меня сыплются! Она у меня от чорта отрывок, деваться некуда, пушай лютует, от этого она злей в работе будет, верно я говорю? Ну, пойду, прощайте! То ли уж мне в яслях переночевать, не тревожить ее нынче?

— До дома дотянешь? — смеясь, осведомился Григорий.

— Раком, а доползу! Али я не казак, Пантелевич? Даже очень обидно слушать.

— Ну, тогда — с богом!

Григорий проводил друга за калитку. Вошел в кухню.

— Что ж, потолкуем, Михаил?

— Давай.

Они сидели друг против друга, разделенные столом, молчали. Потом Григорий сказал:

— Что-то у нас не так... По тебе вижу, не так! Не по душе тебе мой приезд? Или я ошибаюсь?

— Нет, ты угадал, не по душе.

— Почему?

— Лишняя забота.

— Я думаю сам прокормиться.

— Я не об этом.

— Тогда об чем же?

— Враги мы с тобой...

— Были.

— Да, видно, и будем.

— Не понимаю. Почему?

— Ненадежный ты человек.

— Это ты зря. Говоришь ты это зря!

— Нет, не зря. Почему тебя в такое время демобилизовали? Скажи прямо?

— Не знаю.

— Нет, знаешь, да не хочешь сказать! Не доверяли тебе, так?

— Ежли б не верили — не дали бы эскадрон.

— Это на первых порах, а раз в армии тебя не оставили, стало быть, дело ясное, браток!

— А ты мне веришь? — глядя в упор, спросил Григорий.

— Нет! Как волка ни корми, он в лес глядит.

— Ты выпил нынче лишнего, Михаил.

— Это ты брось! Я не пьяней твоего. Там тебе не верили и тут веры большой давать не будут, так и знай!

Григорий промолчал. Вялым движением он взял с тарелки кусок соленого огурца, пожевал его и выплюнул.

— Тебе жена рассказывала про Кирюшку Громова? — спросил Михаил.

— Да.

— Тоже не по душе мне был его приезд. Как только услышал я, в этот же день...

Григорий побледнел, глаза его округлились от бешенства.

— Что ж я тебе — Кирюшка Громов?!

— Не шуми. А чем ты лучше?

— Ну, знаешь...

— Тут и знать нечего. Все давно узнатое. А потом Митька Коршунов явится, мне тоже радоваться? Нет, уж лучше бы вы не являлись в хутор.

— Для тебя лучше?

— И для меня, да и народу лучше, спокойнее.

— Ты меня с ними не равняй!

— Я уже тебе сказал, Григорий, и обижаться тут нечего: ты не лучше их, ты непременно хуже, опасней.

— Чем же? Чего ты мелешь?

— Они рядовые, а ты закручивал всем восстанием.

— Не я им закручивал, я был командиром дивизии.

— А это мало?

— Мало или много — не в том дело... Ежли б тогда на гулянке меня не собирались убить красноармейцы, я бы, может, и не участвовал в восстании.

— Не был бы ты офицером, никто б тебя не трогал.

— Ежли б меня не брали на службу, не был бы я офицером... Ну, это длинная песня!

— И длинная, и поганая песня.

— Зараз ее не перепевать, опаздано.

Они молча закурили. Сбивая ногтем пепел с цыгарки, Кошевой сказал:

— Знаю я об твоих геройствах, слышал. Много ты наших бойцов загубил, через это и не могу легко на тебя глядеть... Этого из памяти не выкинешь.

Григорий усмехнулся.

— Крепкая у тебя память! Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю... Ежли все помнить — волками надо жить.

— Ну, что ж, убил, не отказываюсь! Довелось бы мне тогда тебя поймать, я и тебя бы положил, как миленького!

— А я, когда Ивана Алексеевича в Усть-Хопре в плен забрали, спешил, боялся, что и ты там, боялся, что убьют тебя казаки... Выходит, занапрасну я тогда спешил.

— Благодареть какой нашелся! Поглядел бы я, как ты со мною разговаривал, ежли б зараз кадетская власть была, ежли б вы одолели. Ремни бы со спины, небось, вырезывал! Это ты зараз такой добрый...

— Может, кто-нибудь и резал бы ремни, а я поганить об тебя рук не стал бы.

— Значит, разные мы с тобой люди... Сроду я не стеснялся об врагов руки поганить и зараз не сморгну при нужде.— Михаил вылил в стаканы остатки самогона, спросил: — Будешь пить?

— Давай, а то дюже трезвые мы стали для такого разговора...

Они молча чокнулись, выпили. Григорий слег грудью на стол, смотрел на Михаила шурясь, покручивая ус.

— Так ты чего же, Михаил, боишься? Что я опять буду против советской власти бунтовать?

— Ничего я не боюсь, а между прочим думаю: случись какая-нибудь заварушка — и ты переметнешься на другую сторону.

— Я мог бы там перейти к полякам, как ты думаешь? У нас целая часть перешла к ним.

— Не успел?

— Нет, не схотел. Я отслужил свое. Никому больше не хочу служить. Навоевался за свой век предостаточно и уморился душой страшно. Все мне надоело, и революция, и контрреволюция. Нехай бы вся эта... нехай оно все идет пропадом! Хочу пожить возле своих детишек, заняться хозяйством, вот и все. Ты поверь, Михаил, говорю это от чистого сердца!

Впрочем, никакие заверения уже не могли убедить Кошевого. Григорий понял это и умолк. Он испытал мгновенную и горькую досаду на себя. Какого черта он оправдывался, пытался что-то доказать? К чему было вести этот пьяный разговор и выслушивать дурацкие проповеди Михаила? К чорту! Григорий встал.

— Кончим этот никчемущий разговор! Хватит! Одно хочу тебе напоследок сказать: против власти я не пойду до тех пор, пока она меня за хрип не возьмет. А возьмет — буду обороняться! Во всяком случае, за восстание голову подкладать, как Платон Рябчиков, не буду.

— Это как то-есть?

— Так. Пушай мне зачтут службу в Красной Армии и ранения, какие там получил, согласен отсидеть за восстание, но уж ежели расстрел за это получить,— извиняйте! Дюже густо будет!

Михаил презрительно усмехнулся.

— Тоже, моду выдумал! Ревтрибунал или Чека у тебя не будет спрашивать, чего ты хочешь и чего не хочешь, и торговаться с тобой не будут. Раз проштрафился — получай свой паек с довеском. За старые долги надобно платить сполна!

— Ну, тогда поглядим.

— Поглядим, ясное дело.

Григорий снял пояс и рубашку, — кряхтя, стал разуваться.

— Делиться будем? — спросил он, с чрезмерным вниманием разглядывая отпорощуюсь подметку на сапоге.

— У нас дележ короткий: подправляю свою хатенку и перейду туда.

— Да, давай уж как-нибудь раскодиться. Ладу у нас с тобой не будет.

— Не будет, — подтвердил Михаил.

— Не думал, что ты обо мне такого мнения... Ну, что ж...

— Я сказал прямо. Что думаю, то и сказал. В Вешенскую когда поедешь?

— Как-нибудь, днями.

— Не как-нибудь, а надо ехать завтра.

— Я шел пешком почти сорок верст, подбился, завтра отдохну, а послезавтра пойду на регистрацию.

— Приказ есть такой регистрироваться немедленно. Ступай завтра.

— День-то отдохнуть надо? Не убегу же я.

— А чорт тебя знает. Я за тебя отвечаю не хочу.

— До чего же ты сволочной стал, Михаил! — сказал Григорий, не без удивления разглядывая посуровевшее лицо бывшего друга.

— Ты меня не сволочи! Я к этому не привык... — Михаил перевел дух и повысил голос: — Эти, знаешь, офицерские повадки бросать надо! Отправляйся завтра же, а ежели добром не пойдешь, — погоню под конвоем, понятно?

— Теперь все понятно... — Григорий с ненавистью посмотрел в спину уходившему Михаилу, не раздеваясь лег на кровать.

Что ж, все произошло так, как и должно было произойти. И почему его, Григория, должны были встречать поиному! Почему, собственно, он думал, что кратковременная честная служба в Красной Армии покроет все его прошлые грехи? И, может быть, Михаил прав, когда говорит, что не все прощается и что надо платить за старые долги сполна?

...Григорий видел во сне широкую степь, развернутый, приготовившийся к атаке полк. Уже, откуда-то издалека, неслось протяжное: «Эскад-ро-о-он...», — когда он вспомнил, что у седла отпущены подпруги. С силой ступил на левое стремя, — седло поползло под ним... Охваченный стыдом и ужасом, он прыгнул с коня, чтобы затянуть подпруги, и в это время услышал мгновенно возникший и уже стремительно удалявшийся грохот конских копыт. Полк пошел в атаку без него...

Григорий заворочался и, просыпаясь,

услышал свой хриплый стон.

За окном чуть брезжил рассвет. Наверно, ветер ночью открыл ставню, — и сквозь запущенное изморозью стекло был виден зеленый искрящийся круг ущербленного месяца. Ощупью Григорий нашел кисет, закурил. Все еще гулко и часто сдвигало сердце. Он лег на спину, улыбнулся: «приснится же такая чертовщина! Не довелось сразиться...». Не думал он в этот предрасветный час, что еще не раз придется ему ходить в атаку и во сне и на яву.

Глава VII

Дуняшка поднялась рано, — надо было доить корову. В кухне осторожно ходил, покашливал Григорий. Прикрыв детишек одеялом, Дуняшка проворно оделась, вошла в кухню. Григорий застегивал шинель.

— Вы куда это спозаранок собрались, братушка?

— Пройдусь по хутору, погляжу.

— Позавтракали бы — тогда...

— Не хочу, голова болит.

— К завтраку вернетесь? Я разогрею печку.

— Меня нечего ждать, я не скоро приеду.

Григорий вышел на улицу. К утру слегка оттаяло. Ветер дул с юга влажный и теплый. На каблуки сапог прилипал перемешанный с землею снег. Медленно шагая к центру хутора, Григорий внимательно, словно в чужой местности, разглядывал знакомые с детства дома и сараи. На площади чернели обуглившиеся развалины купеческих домов и лавок, сожженных Кошевым в прошлом году, полуразрушенная церковная ограда зияла проломами. «Кирпич на печки понадобится» — равнодушно подумал Григорий. Церковь стояла по-прежнему маленькая, вросшая в землю. Давно не крашенная крыша ее золотилась ржавчиной, стены пестрели бурными потеками, а там, где отвалилась штукатурка, — ярко и свежо краснел обнаженный кирпич.

На улицах было безлюдно. Две или три заспанных бабы повстречались Григорию неподалеку от колодца. Они молча, как чужому, кланялись Григо-

рию, и только когда он проходил мимо, — останавливались и подожду глядели ему вслед.

Григорий повернул обратно. «Надо бы на могилки сходить, — проведать мать и Наталью» — подумал он и свернул в проулок по дороге к кладбищу, но, пройдя немного, остановился. И без того тяжело и смутно было у него на сердце. «Как-нибудь в другой раз схожу», — решил он, направляясь к Прохору. — «Им-то теперь все равно — приду или не приду. Им там покойно теперь. Все кончено. Могилки присыпало снежком. А земля, наверно, холодная там, в глубине... Вот и отжили — да как скоро, как во сне. Лежат все вместе, рядом: и жена, и мать, и Петро с Дарьей... Всей семьей перешли туда и лежат рядом. Им хорошо, а отец — один в чужой стороне. Скучно ему там среди чужих...». Григорий уже не смотрел по сторонам, шел, глядя под ноги, на белый, слегка увлажненный оттепелью и очень мягкий снежок, настолько мягкий, что он даже не ощущался под ногами и почти не скрипел.

Потом Григорий стал думать о детях. Какие-то они стали не по летам сдержанные, молчаливые, не такие, какими были при матери. Слишком много отняла у них смерть. Они напуганы. Почему Полюшка вчера заплакала, когда увидела его? Дети не плачут при встрече, это на них не похоже. О чем она подумала? И почему в глазах ее мелькнул испуг, когда он взял ее на руки? Может быть, она все время думала, что отца нет в живых и он никогда больше не вернется, а потом, увидев его, испугалась? Во всяком случае, он, Григорий, ни в чем не виноват перед ними. Надо только сказать Аксинье, чтобы она жалела их и всячески старалась заменить им мать... Пожалуй, они привяжутся к мачехе. Она ласковая, добрая баба. Из любви к нему она будет любить и детей.

Об этом тоже тяжело и горько было думать. Все это было не так-то просто. Вся жизнь оказалась вовсе не такой простой, какой она представлялась ему недавно. В глупой, ребячьей наивности он предполагал, что достаточно вер-

нуться домой, сменить шинель на зипун, и все пойдет, как по-писаному: никто ему слова не скажет, никто не упрекнет, все устроится само собой, и будет он жить да поживать мирным хлеборобом и примерным семьянином. Нет, не так это просто выглядит на самом деле.

Григорий осторожно открыл повисшую на одной петле калитку зыковского база. Прохор в растоптанных круглых валенках, в надвинутом по самые брови треухе шел к крыльцу, беспечно помахивая порожним дойным ведром. Белые капли молока невидимо сеялись по снегу.

— Здорво ночевали, товарищ командир!

— Слава богу.

— Опохмелиться бы надо, а то голова пустая, как вот это ведро.

— Опохмелиться — дело стоящее, а почему ведро пустое? Сам, что ли, корову доил?

Прохор кивком головы сдвинул треух на затылок, и только тогда Григорий увидел необычайно мрачное лицо друга.

— А то чорт, что ли, мне ее будет доить? Ну, я ей, проклятой бабе, надоил. Как бы животом она не захворала от моего удоя!.. — Прохор остервенело швырнул ведро, коротко сказал: — Пойдем в хату.

— А жена? — нерешительно спросил Григорий.

— Черти с квасом ее съели! Ни свет, ни заря сгреблась и поехала в Кружилинский за терном. Пришел от вас, и взялась она за меня! Читала-читала разные акафисты, потом как вскочит: «Поеду за терном! Нынче Максаевы снохи едут, и я поеду!» — «Езжай, думаю, хоть за грушами, скатертью тебе дорога!». Встал, затопил печь, пошел корову доить. Ну, и надоил. Ты думаешь, одной рукой способно такие дела делать?

— Позвал бы какую-нибудь бабу, чудак!

— Чудак баран, он до Покрова матку сосет, а я сроду чудачком не был. Думалось — сам управляюсь! Ну, и управился. Уж я под этой коровой лазил-лазил на ракушках, а она, тре-

клятая, не стоит, ногами сучит. Я и трех снял, чтобы не пугать ее, — один толк. Рубаха на мне взмокла, пока подоил ее, и только руку протянул, ведро из-под нее брать, — как она даст ногой! Ведро — на один бок, я — на другой. Вот и надоил. Это не корова, а чорт с рогами. Плюнул ей в морду и пошел. Я и без молока проживу. Будем похмеляться?

— А есть?

— Одна бутылка. Заклятая.

— Ну, и хватит.

— Проходи, гостем будешь. Яишню сжарить? Я это в один миг.

Григорий нарезал сала, помог хозяйну развести на загнетке огонь. Они молча смотрели, как шипят, подтаивают и скользят по сковородке кусочки розового сала. Потом Прохор вытащил из-за божницы запыленную бутылку.

— От бабы хороню там секретные дела, — коротко пояснил он.

Закусывали они в маленькой жарко натопленной горнице, пили и вполголоса разговаривали.

С кем же, как не с Прохором, мог поделиться Григорий своими самыми сокровенными думами? Он сидел за столом, широко расставив длинные мускулистые ноги, хриповатый басок его звучал приглушенно.

— ...И в армии, и всю дорогу думал, как буду возле земли жить, отдохну в семье от всей этой чертовщины. Шутка дело — восьмой год с коня не слезил! Во сне, и то чуть не каждую ночь вся эта красота снится: то ты убиваешь, то тебя убивают... Только, видно, Прохор, не выйдет по-моему... Видно, другим, не мне придется пахать землю, ухаживать за ней...

— Говорил с Михаилом вчера?

— Как меду напился.

— Чего же он?

Григорий крестом сложил пальцы.

— Вот на нашу дружбу. За службу белым попрекает, думает, что зло таю на новую власть, нож держу против нее за пазухой. Бойтся, что восстание буду подымать, а на чорта мне это нужно, — он и сам, дурак, не знает.

— Он и мне это говорил.

Григорий невесело усмехнулся.

— Один хохол на Украине, как шли на Польшу, просил у нас оружия для обороны села. Банды их одолевали, грабили, скотину резали. Командир полка — при мне разговор был — и говорит: «Вам дай оружие, а вы сами в банду пойдете». А хохол смеется, говорит: «Вы, товарищ, только вооружите нас, а тогда мы не только бандитов, но и вас не пустим в село». Вот и я зараз вроде этого хохла думаю: кабы можно было в Татарский ни белых, ни красных не пустить — лучше было бы. По мне они одной цены, — что, скажем, свояк мой Митька Коршунов, что Михаил Кошевой. Он думает, что такой уж я белым приверженный, что и жить без них не могу. Хреновина! Я им приверженный, как же! Недавно, когда подступили к Крыму, довелось цокнуться в бою с корниловским офицером — полковничек такой шустрый, усики подбритые по-англицки, под ноздрями две полоски, как сопли, — так я его с таким усердием навернул, ажник сердце взыграло! Полголовы вместе с половиной фуражки осталось на бедном полковничке... и белая офицерская кокарда улетела... Вот и вся моя приверженность. Они мне тоже насолили достаточно. Кровью заработал этот проклятый офицерский чин, а промежду офицеров был, как белая ворона. Они, сволочи, и за человека меня сроду не считали, руку гребовали подавать, да чтобы я им после этого... Под разэтакую мамашу! И говорить-то об этом тошно! Да чтоб я ихнюю власть опять устанавливал? Генералов Фицхелауровых приглашал? Я это дело спробовал раз, а потом год икал, хватит, ученый стал, на своем горбу все отпробовал!

Макая в горячее сало хлеб, Прохор сказал:

— Никакого восстания не будет. Первое дело — казаков вовсе на-мале осталось, а какие уцелели — они тоже грамотные стали. Крови братушкам пустили порядком, и они такие смиренные да умные стали, что их, зараз к восстанию и на аркане не притянешь. А тут ишо наголодался народ по мирной жизни. Ты поглядел бы, как это лето все

работали: сенов понавалили скирды, хлеб убрали весь до зерна, ажник хрипят, а пашут и сеют, как, скажи, каждый сто годов прожить собирается! Нет, об восстании и гутарить нечего. Глупой это разговор. Хотя чума их знает, чего они, казачки, удумать могут...

— А чего же они удумать могут? Ты это к чему?

— Соседи-то наши удумали же...

— Ну?

— Вот тебе и ну. Восстание в Воронежской губернии, где-то за Богучаром, поднялось.

— Брехня это!

— Какая там брехня, вчера сказал знакомый милиционер. Их как будто туда направлять собираются.

— В каком самом месте?

— В Монастырщине, в Сухом Донце, в Пасеке, в Старой и Новой Калитве и ишо где-то там. Восстание, говорит, огромное.

— Чего же ты вчера об этом не сказал, гусь щипанный?

— Не схотел при Михаиле говорить, да и приятности мало об таких делах толковать. Век бы не слышать про такие штуки, — с неудовольствием ответил Прохор.

Григорий помрачнел. После долгого раздумья сказал:

— Это плохая новость.

— Она тебя не касается. Нехай холы думают. Набьют им зады до болятки, тогда узнают, как восставать. А нам с тобой это вовсе ни к чему. Мне за них нисколько не больно.

— Мне теперь будет трудновато.

— Чем это?

— Как — чем? Ежели и окружная власть обо мне такого мнения, как Кошевой, тогда мне тигулевки не миновать. По соседству восстание, а я бывший офицер да ишо повстанец... Понятно тебе?

Прохор перестал жевать, задумался. Такая мысль ему не приходила в голову. Оглушенный хмелем, он думал медленно и туговато.

— При чем же ты тут, Пантелевич? — недоуменно спросил он.

Григорий досадливо поморщился,

промолчал. Новостью он был явно встревожен. Прохор протянул было ему стакан, но он отстранил руку хозяина, решительно сказал:

— Больше не пью.

— А может, ишо по одной протянем? Пей, Григорий Пантелевич, пока почернеешь. От этой развеселой жизни только самогонку и глушить.

— Черней уж ты один. И так голова дурная, а от нее и вовсе загубишься. Мне нынче в Вешки итти, регистрироваться.

Прохор пристально посмотрел на него. Опаленное солнцем и ветрами лицо Григория горело густым, бурым румянцем, лишь у самых корней зачесанных назад волос кожа светилась матовой белизной. Он был спокоен, этот выдавший виды служивый, с которым война и невзгоды сроднили Прохора. Слегка припухшие глаза его смотрели хмуро, с суровой усталостью.

— Не боишься, что это самое... что посадят? — спросил Прохор.

Григорий оживился.

— Как-раз этого-то, парень, и боюсь! Сроду не сидел и боюсь тюрьмы хуже смерти. А видно, придется и этого добра попробовать.

— Зря ты домой шел, — с сожалением сказал Прохор.

— А куда же мне было деваться?

— Прислонился бы где-нибудь в горode, переждал, пока утрясется эта живуха, а тогда и шел бы.

Григорий махнул рукой, засмеялся.

— Это не по мне! Ждать да догонять — самое постылое дело. Куда же я от детей пошел бы?

— Тоже, сказал! Жили же они без тебя? Потом забрал бы их и свою любезную. Да, забыл тебе сказать! Хозяева твои, у каких ты перед войной с Аксиньей проживал, преставились обое.

— Листницкие?

— Они самые. Кум мой Захар был в отступе при молодом Листницком за денщика, рассказывал: старый пан в Морозовской от тифу помер, а молодой до Екатеринодара дотянул, там его супруга связалась с генералом Покровским, ну, он и не стерпел, застрелился от неудовольствия.

— Ну, и чорт с ними, — равнодушно сказал Григорий. — Жалко добрых людей, какие пропали, а об этих горевать некому. — Он встал, надел шинель, и, уже держась за дверную скобу, раздумчиво заговорил: — Хотя, чорт его знает, такому, как молодой Листницкий или как наш Кошевой, я всегда завидовал... Им с самого начала все было ясное, а мне и до се все неясное. У них, у обоих, свои, прямые дороги, свои концы, а я с семнадцатого года хожу по вилюжкам, как пьяный качаюсь... От белых отбился, к красным не пристал, так и плаваю, как навоз в проруби... Видишь, Прохор, мне, конечно, надо бы в Красной Армии быть до конца, может тогда и обошлось бы для меня все по-хорошему. И я сначала — ты же знаешь это — с великой душой служил советской власти, а потом все это поломалось... У белых, у командования ихнего, я был чужой, на подозрении у них был всегда. Да и как могло быть иначе? Сын хлебороба, безграмотный казак, — какая я им родня? Не верили они мне! А потом и у красных так же вышло. Я ить не слепой, увидел, как на меня комиссар и коммунисты в эскадроне поглядывали... В бою с меня глаз не сводили, караулили каждый шаг и, наверняка, думали: «Э-э, сволочь, беляк, офицер казачий, как бы он нас не подвел». Приметил я это дело, и сразу у меня сердце заохолодало. Остатнее время я этого недоверия уже терпеть не мог больше. От жару ить и камень лопається. И лучше, что меня демобилизовали. Всё к концу ближе. — Он глухо откашлялся, помолчал и, не оглядываясь на Прохора, уже другим голосом сказал: — Спасибо за угостение. Пошел я. Бывай здоров. К вечеру, ежели вернусь, зайду. Бутылку прибери, а то жена приедет — сковородник об твою спину обломает.

Прохор проводил его до крыльца, в сенях шепнул:

— Ох, Пантелевич, гляди, как бы тебя там не примкнули...

— Погляжу, — сдержанно ответил Григорий.

Не заходя домой, он спустился к Дону, отвязал у пристани чей-то бар-

кас, пригоршнями вычерпал из него воду, потом выломал из плетня кол, пробил лед в окраинцах и поехал на ту сторону.

По Дону катились на запад темнелые, вспененные ветром волны. В тиховодьи, у берегов, они обламывали хрупкий прозрачный ледок, раскачивали зеленые пряди тины-шелковицы. Над берегом стоял хрустальный звон бьющихся льдинок, мягко шуршала омываемая водой прибрежная галька, а на середине реки, там, где течение было стремительно и ровно, — Григорий слышал только глухие всплески и клетот волн, толпившихся у левого борта баркаса, да низкий, басовитый и неумолчный гул ветра в обдонском лесу.

До половины вытащив баркас на берег, Григорий присел, снял сапоги, тщательно перемотал портянки, чтобы легче было итти.

К полудню он пришел в Вешенскую. В окружном военном комиссариате было многолюдно и шумно. Резко дребезжали телефонные звонки, хлопали двери, входили и выходили вооруженные люди, из комнат доносилась сухая дробь пишущих машинок. В коридоре десятка два красноармейцев, окружив небольшого человека, одетого в сборчатый романовский полушубок, что-то наперебой говорили и раскатисто смеялись. Из дальней комнаты, когда Григорий проходил по коридору, двое красноармейцев выкатили станковый пулемет. Колесики его мягко постукивали по выщербленному деревянному полу. Один из пулеметчиков, упитанный и рослый, шуточно покрикивал: — «А ну, сторонись, штрафная рота, а то задавлю!».

«Видно, и на самом деле собираются выступить на восстание» — подумал Григорий.

Его задержали на регистрации недолго. Поспешно отметив удостоверение, секретарь военкомата сказал:

— Зайдите в политбюро¹ при Дончека. Вам, как бывшему офицеру, надлежит взяться у них на учет.

¹ Здесь: название окружных или уездных органов ЧК в 1920—1921 гг.

— Слушаю, — Григорий отковырял, ничем не выдав охватившего его волнения.

На площади он остановился в раздумьи. Надо было идти в политбюро, но все существо его мучительно сопротивлялось этому. «Посадят!» — говорил ему внутренний голос, и Григорий содрогался от испуга и отвращения. Он стоял около школьного забора, незрячими глазами смотрел на унавоженную землю и уже видел себя со связанными руками, спускающегося по грязной лестнице в подвал, и — человека сзади, твердо сжимающего шершавую рукоятку нагана. Григорий сжал кулаки, посмотрел на вздувшиеся синие вены. И эти руки свяжут? Вся кровь бросилась ему в лицо. Нет, сегодня он не пойдет туда! Завтра — пожалуйста, а сегодня он сходит в хутор, проживет этот день с детьми, увидит Аксинью, и утром вернется в Вешенскую. Чорт с ней, с ногой, которая побаливает при ходьбе. Он только лишь на один день сходит домой — и вернется сюда, непременно вернется. Завтра будь что будет, а сегодня — нет!

— А-а, Мелехов! Сколько лет, сколько зим...

Григорий повернулся. К нему подходил Яков Фомин — однополчанин Петра, бывший командир мятежного 28-го полка Донской армии.

Это был уже не тот Фомин, нескладный и небрежно одетый атаманец, каким его некогда знал Григорий. За два года он разительно изменился: на нем ловко сидела хорошо подогнанная кавалерийская шинель, холеные русые усы были лихо закручены, и во всей фигуре, в подчеркнутой бравою походке, в самодовольной улыбке сквозило сознание собственного превосходства и отличия.

— Какими судьбами к нам? — спросил он, пожимая руку Григория, заглядывая в глаза ему своими широко поставленными голубыми глазами.

— Демобилизован. В военкомат заходил...

— Давно прибыл?

— Вчера.

— Часто вспоминаю брата твоего

Петра Пантелевича. Хороший был казак, а погиб зря... Мы же с ним темные друзья были. Не надо было вам, Мелехов, восставать в прошлом году. Ошибку вы понесли!

Что-нибудь надо было говорить, и Григорий сказал:

— Да. Ошиблись казаки...

— Ты в какой части был?

— В Первой Конной.

— Кем?

— Командиром эскадрона.

— Вот как! Я тоже зараз команду эскадрона. Тут же у нас, в Вешенской, свой караульный эскадрон. — Он глянул по сторонам и, понизив голос, предложил: — Вот что, пойдем-ка пройдемся, проводишь меня трошки, а то тут народ слоняется, не дадут нам потолковать.

Они пошли по улице. Фомин, искоса поглядывая на Григория, спросил:

— Думаешь дома жить?

— А где же мне жить? Дома.

— Хозяйствовать?

— Да.

Фомин сожалеюще покачал головой и вздохнул:

— Плохое время ты, Мелехов, выбрал, ох, плохое... Не надо бы тебе домой являться ишо год, два.

— Почему?

Взяв Григория под локоть, слегка наклонившись, Фомин шепнул:

— Тревожно в округе. Казаки дюже недовольные продразверсткой. В Богучарском уезде восстание. Нынче выступаем на подавление. Лучше бы тебе, парень, смыться отсюда, да поживее. С Петром друзья мы были большие, поэтому и даю тебе такой совет: уходи!

— Мне уходить некуда.

— Ну, гляди! Я к тому это говорю, что политбюро офицеров зачинает арестовывать. За эту неделю трех подхорунжих с Дударевки привезли, одного с Решетовки, а с этой стороны Дона их пачками везут, да и простых, нечищенных казаков начинают шупать. Угадывай сам, Григорий Пантелевич.

— За совет спасибо, но только никуда я не пойду, — упрямо сказал Григорий.

— Это уж твое дело.

Фомин заговорил о положении в округе, о своих взаимоотношениях с окружным начальством и с окрвоенкомом Шахаевым. Занятый своими мыслями, Григорий слушал его невнимательно. Они прошли три квартала, и Фомин приостановился.

— Мне надо зайти в одно место. Пока. — Приложив руку к кубанке, он холодно попрощался с Григорием, пошел по переулку, поскрипывая новыми наплечными ремнями, прямой и до смешного важный. Григорий проводил его взглядом и повернул обратно. Поднимаясь по каменным ступенькам двухэтажного здания политбюро, он думал: «Кончатъ — так поскорее, нечего тянуть! Умел, Григорий, шкодить — умей и ответ держать!».

Глава VIII

Часам к восьми утра Аксинья загребла жар в печи, присела на лавку, вытирая завеской раскрасневшееся, потное лицо. Она встала еще до рассвета, чтобы пораньше освободиться от стряпни, — наварила лапши с курицей, напекла блинцов, вареники обильно залила каймаком, поставила зажаривать; она знала — Григорий любит зажаренные вареники, и готовила праздничный обед в надежде, что возлюбленный будет обедать у нее.

Ей очень хотелось под каким-нибудь предлогом пойти к Мелеховым, побыть там хоть минутку, хоть одним глазком взглянуть на Григория. Просто невысказанно было думать, что он тут, рядом, и не видеть его. Но она все же пересилила это желание, не пошла. Не девочка же она, в самом деле. В ее возрасте незачем поступать легкомысленно...

Она тщательнее, чем всегда, вымыла руки и лицо, надела чистую рубашку и новую, с прошивкой, нижнюю юбку. У открытого сундука долго стояла в раздумьи — что же все-таки надеть? Неудобно было в будничные день наряжаться, но и не хотелось оставаться в простом, рабочем платье. Не зная, на чем остановить свой выбор, Аксинья хмурилась, небрежно перебирала выглаженные юбки. Наконец, она ре-

шитительно взяла темносинюю юбку и почти неприношенную голубую кофточку, отделанную черным кружевом. Это было лучшее, что она имела. В конце концов, не все ли равно, что подумают о ней соседи? Пусть для них сегодня — будни, зато для нее — праздник. Она торопливо принарядилась, подошла к зеркалу. Легкая, удивленная улыбка скользнула по ее губам: что-то молодые, с огоньком, глаза смотрели на нее пытливо и весело. Аксинья внимательно, строго рассматривала свое лицо, потом с облегчением вздохнула. Нет, не отцвела еще ее красота! Еще не один казак остановится при встрече и проводит ее ошалелыми глазами!

Оправляя перед зеркалом юбку, она вслух сказала: «Ну, Григорий Пантелевич, держись!» — и, чувствуя, что краснеет, засмеялась тихим, приглушенным смехом. Однако все это не помешало ей найти на висках несколько седых волос и выдернуть их. Григорий не должен был видеть ничего такого, что напоминало бы ему об ее возрасте. Для него она хотела быть такой же молодой, как и семь лет назад.

До обеда она кое-как высидела дома, но потом не выдержала и, накинув на плечи белый, козьего пуха платок, пошла к Мелеховым. Дуняшка была дома одна. Аксинья поздоровалась, спросила:

— Вы не обедали?

— С такими бездомовниками пообедаешь во-время! Муж в Совете, а Гриша ушел в станицу. Детишек уже покормила, жду больших.

Внешне спокойная, ни движением, ни словом не выказав постигшего ее разочарования, Аксинья сказала:

— А я думала — вы все в сборе. Когда же Гриша... Григорий Пантелевич вернется? Нынче?

Дуняшка окинула быстрым взглядом принаряженную соседку, нехотя сказала:

— Он пошел на регистрацию.

— Когда сулил вернуться?

В глазах Дуняшки сверкнули слезы; запинаясь, она с упреком проговорила:

— Тоже, нашла время... разнаряди-

лась... А того не знаешь — он, может, и не вернется вовсе...

— Как — не вернется?

— Михаил говорит, что его арестуют в станице... — Дуняшка заплакала скупыми, злыми слезами, — вытирая глаза рукавом, выкрикнула: — Будь она проклята, такая жизнь! И когда все это кончится! Ушел, а детишки, как, скажи, они перебесились, — ходу мне не дают: «Куда батянька ушел да когда он придет?». А я знаю? Проводила вон их на баз, а у самой все сердце изболелось... И что это за проклятая жизнь! Нету никакого покоя, хоть криком кричи!..

— Ежли к ночи он не вернется — завтра пойду в станицу, узнаю. — Аксинья сказала это таким безразличным тоном, как будто речь шла о чем-то самом обыденном, что не стоило ни малейшего волнения.

Дивясь ее спокойствию, Дуняшка вздохнула.

— Теперь уж его, видно, не ждать. И на горе он шел сюда!

— Ничего покамест не видно! Ты кричать-то перестань, а то дети подумают. Прощай!

★

Григорий вернулся поздно вечером. Побыв немного дома, он пошел к Аксинье.

Тревога, в которой провела она весь долгий день, несколько притупила радость встречи. Аксинья к вечеру испытывала такое ощущение, как будто работала весь день, не разгиная спины. Подавленная и уставшая от ожидания, она прилегла на кровать, — задремала, но, заслышав шаги под окном, вскочила с живостью девочки.

— Что же ты не сказал, что пойдешь в Вешки? — спросила она, обнимая Григория и расстегивая на нем шинель.

— Не успел сказать, спешил.

— А мы с Дуняшкой откричали, каждая по-врозь, думали, не вернешься. Григорий сдержанно улыбнулся.

— Нет, до этого не дошло. — Помолчал и добавил: — Пока не дошло.

Прихрамывая, он прошел к столу, сел. В раскрытую дверь была видна горни-

ца, широкая деревянная кровать в углу, сундук, тускло отсвечивающий медью оковки. Все здесь осталось таким же, каким было в то время, когда он еще парнем закахивал сюда в отсутствие Степана; почти ни в чем он не видел перемен, словно время шло мимо и не заглядывало в этот дом; сохранился даже прежний запах: пахло бражничьим духом свежих жмелин, чисто вымытыми полами и совсем немного, чуть слышно — увядшим чебрецом. Как-будто совсем недавно Григорий в последний раз на заре выходил отсюда, а на самом деле, как давно все это было...

Он подавил вздох и неспеша стал сворачивать папироску, но почему-то дрогнули руки и он рассыпал на колени табак.

Аксинья торопливо собирала на стол. Холодную лапшу надо было подогреть. Сбегав за щепками в сарай, Аксинья — запыхавшаяся и слегка побледневшая — стала разводить огонь на загнетке. Она дула на мечущие искрами пылающие уголья и успевала поглядывать на сгорбившегося, молча курившего Григория.

— Как твои дела там? Всё управил?

— Всё по-хорошему.

— С чего это Дуняшка взяла, что тебе непременно должны заарестовать? Она и меня-то напужала досмерти.

Григорий поморщился, с досадой бросил папиросу.

— Михаил ей в уши надул. Это он все придумывает, беду на мою голову кличет.

Аксинья подошла к столу. Григорий взял ее за руки.

— А ты знаешь, — сказал он, снизу вверх глядя в ее глаза, — дела мои не дуже нарядные. Я сам думал, как шел в это политбюро, что не выйду оттуда. Как-никак, я дивизией командовал в восстание, сотник по чину. Таких зараз к рукам прибирают.

— Что же они тебе сказали?

— Анкету дали заполнить, бумага такая, всю службу там надо описать. А из меня писарь плохой. Сроду так много не припадало писать, часа два сидел, описывал все свое прохождение. Потом ишо двое в комнату зашли, всё про

восстание расспрашивали. Ничего, обходительные люди. Старший спрашивает: «Чаю не хотите? Только с сахаринном». Какой там, думаю, чай! Хотя бы ноги от вас в целости унести. — Григорий помолчал и презрительно, как о постороннем, сказал: — Жидковат оказался на расплату... Сробел.

Он был зол на себя за то, что там, в Вешенской, струсил и не в силах был побороть охвативший его страх. Ему было вдвойне досадно, что опасения его оказались напрасными. Теперь все пережитое выглядело смешно и постыдно. Он думал об этом всю дорогу и, быть может, потому сейчас рассказывал обо всем этом, высмеивая себя и несколько преувеличивая испытанные переживания.

Аксинья внимательно выслушала его рассказ, затем мягко освободила руку и отошла к печи. Поправляя огонь, она спросила:

— А как же дальше?

— Через неделю опять надо итти, отмечаться.

— Думаешь, тебя все-таки заберут?

— Как видно — да. Рано или поздно возьмут.

— Что же будем делать? Как жить будем, Гриша?

— Не знаю. Давай потом об этом потолкуем. Вода у тебя есть умыться?

Они сели ужинать, и снова к Аксинье вернулось то полное счастье, которое испытывала она утром. Григорий был тут, рядом с ней; на него можно было смотреть безотрывно, не думая о том, что посторонние подстерегают ее взгляды, можно было говорить глазами все, не таясь и не смущаясь. Господи, как она соскучилась по нем, как истомилось, наскучало по этим большим неласковым рукам ее тело! Она почти не прикасалась к еде; слегка подавшись вперед, смотрела, как жадно жует Григорий, ласкала затуманившимся взглядом лицо его, смуглую, туго обтянутую стоячим воротником гимнастерки шею, широкие плечи, руки, тяжело лежавшие на столе... Она жадно вдыхала исходивший от него смешанный запах терпкого мужского пота и табака, такой знакомый и родной запах, свойственный лишь одно-

му ему. Только по запаху она с завязанными глазами могла бы отличить своего Григория из тысячи мужчин... На щеках ее горел густой румянец, часто и гулко стучало сердце. В этот вечер она не могла быть внимательной хозяйкой, потому что, кроме Григория, не видела ничего вокруг. А он и не требовал внимания: сам отрезал хлеба, поискал глазами и нашел солонку на комельке печи, налил себе вторую тарелку лапши.

— Голодный я, как собака, — слово оправдываясь, с улыбкой сказал он. — С утра ничего не ел.

И только тогда Аксинья вспомнила о своих обязанностях, торопливо вскочила.

— Ох, головушка горькая! Про вареники и про блинцы-то я и забыла! Ешь курятину, пожалуйста! Ешь дюжей, мой родимый!.. Зараз все подам.

Но как же долго и старательно он ел! Как будто его не кормили целую неделю. Угощать его было делом совершенно излишним. Аксинья терпеливо ждала, потом все же не выдержала: села рядом с ним, левой рукой притянула к себе его голову, правой взяла чистый расшитый рушник, сама вытерла возлюбленному замаслившиеся губы и подбородок, и, зажмурив глаза так, что в темноте брызнули оранжевые искорки, не дыша, крепко прижалась губами к его губам.

В сущности, человеку надо очень немного, чтобы он был счастлив. Аксинья, во всяком случае, была счастлива в этот вечер.

Глава IX

Григорию тяжело было встречаться с Кошевым. Отношения их определились с первого дня, и разговаривать им было больше не о чем, да и не к чему. По всей вероятности, и Михаилу не доставляло удовольствия видеть Григория. Он нанял двух плотников, и они спешно ремонтировали его хатенку: меняли полусгнившие стропила на крыше, заново перебирали и ставили одну из покосившихся стен, мастерили новые притолоки, рамы и двери.

После возвращения из Вешенской Григорий сходил в хуторской ревком,

предъявил Кошевому свои отмеченные военкоматом воинские документы и ушел, не попрощавшись. Он переселился к Аксинье, забрал с собою детей и кое-что из своего имущества. Дуняшка, провожая его на новое жительство, всплакнула.

— Братушка, не держите на меня сердца, я перед вами не виноватая, — сказала она, умоляюще глядя на брата.

— За что же, Дуня? Нет-нет, что ты, — успокоил ее Григорий. — Заходи нас проводить... Я у тебя один из родни остался, я тебя всегда жалел и зараз жалею... Ну, а муж твой — это другое дело. С тобой мы дружбу не нарушим.

— Мы скоро перейдем из дому, не сердчай.

— Да нет же! — досадливо сказал Григорий. — Живите в доме хотя до весны. Вы мне не помеха, а места мне с ребятами и у Аксиньи хватит.

— Женишься на ней, Гриша?

— С этим успеется, — неопределенно ответил Григорий.

— Бери ее, брат, она хорошая, — решительно сказала Дуняшка. — Покойница маманя говорила, что тебе только ее в жены и братъ. Она ее прилюбила последнее время, часто навещалась к ней перед смертью.

— Ты меня, вроде, как уговариваешь, — улыбаясь сказал Григорий. — На ком же мне, окромя нее, жениться? Не на бабке же Андронихе?

Андрониха была самая древняя старуха в Татарском. Ей давно перевалило за сто. Дуняшка, вспомнив ее крохотную, согнутую до земли фигурку, рассмеялась.

— Скажешь же ты, братушка! Я ить так только спросила. Ты молчишь об этом — я и спросила.

— Уж кого-кого, а тебя на свадьбу позову. — Григорий шуточно хлопнул сестру по плечу и с легким сердцем пошел с родного двора.

По правде сказать, ему было безразлично, где бы ни жить, лишь бы жить спокойно. Но вот этого-то спокойствия он и не находил... Несколько дней он провел в угнетающем бездельи. Попробовал было кое-что смастерить в аксинь-

ином хозяйстве и тотчас почувствовал, что ничего не может делать. Ни к чему не лежала душа. Тягостная неопределенность мучила, мешала жить; ни на одну минуту не покидала мысль, что его могут арестовать, бросить в тюрьму — это в лучшем случае, а не то и расстрелять.

Просыпаясь по ночам, Аксинья видела, что он не спит. Обычно он лежал на спине, закинув за голову руки, смотрел в сумеречную темноту, и глаза у него были холодные и злые. Аксинья знала, о чем он думает. Помочь ему она ничем не могла. Она сама страдала, видя, как ему тяжело, и догадываясь о том, что надежды ее на совместную жизнь снова становятся несбыточными. Она ни о чем его не спрашивала. Пусть он решает все сам. Только раз ночью, когда проснулась и увидела сбоку багряный огонек папиросы, она сказала:

— Гриша, ты все не спишь... Может, ты ушел бы на это время из хутора? Или, может, нам вместе куда-нибудь уехать, скрыться?

Он заботливо прикрыл одеялом ее ноги и нехотя ответил:

— Я подумаю. Ты спи.

— А потом вернулись бы, когда все тут успокоится, а?

И снова он ответил неопределенно, так, как будто у него не было никакого решения:

— Поглядим, как оно дальше будет. Спи, Ксюша. — И осторожно и ласково прикоснулся губами к ее голому, шелковисто прохладному плечу.

А на самом деле он уже принял решение: в Вешенскую он больше не пойдет. Напрасно будет ждать его тот человек из политбюро, который принимал его прошлый раз. Он тогда сидел за столом, накинув шинель на плечи, с хрустом потягивался и притворно зевал, слушая его, Григория, рассказ о восстании. Больше он ничего не услышит. Все рассказано.

В тот день, когда надо будет отправляться в политбюро, Григорий уйдет из хутора. Если понадобится — надолго. Куда — он еще сам не знал, но уйти решил твердо. Ни умирать, ни сидеть в тюрьме ему не хотелось. Выбор он

сделал, но преждевременно говорить об этом Аксинье не хотел. Незачем было отравлять ей последние дни, они и так были не очень-то веселыми. Об этом надо будет сказать в последний день, так он решил. А сейчас пусть она спит спокойно, уткнувшись лицом в подушку. Она часто за эти ночи говорила: «Хорошо мне спать под твоим крылом». Ну, и пусть спит пока. Недолго ей, бедной, осталось прижиматься к нему...

По утрам Григорий нянчился с детьми, потом бесцельно бродил по хутору. На людях ему было веселее. Как-то Прохор предложил собраться у Никиты Мельникова, выпить вместе с молодыми казаками-сослуживцами. Григорий решительно отказался. Он знал из разговоров хуторян, что они недовольны продразверсткой и что во время выпивки об этом неизбежно будет идти речь. Ему не хотелось навлекать на себя подозрение, и даже при встречах со знакомыми он избегал разговоров о политике. Хватит с него этой политики, она и так выходила ему боком.

Осторожность была тем более не лишней, что хлеб по продразверстке поступал плохо, и, в связи с этим, трех стариков взяли как заложников, под конвоем двух продотрядников отправили в Вешенскую.

На следующий день возле лавки ЕПО Григорий увидел недавно вернувшегося из Красной Армии бывшего батареяца Захара Крамскова. Он был презрительно пьян, покачивался на ходу, но подойдя к Григорию, застегнул на все пуговицы измазанную бедой глиной куртку, хрипло сказал:

— Здравия желаю, Григорий Пантелевич!

— Здравствуй. — Григорий пожал широченную лапу коренастого и крепкого, как вяз, батареяца.

— Угадываешь?

— А как же.

— Помнишь, как в прошлом годе под Боковской наша батарея выручила тебя? Без нас твоей коннице пришлось бы туго. Сколько мы тогда красных положили — страсть! Один раз на удар давали, другой раз шарапнелью... Это я

наводчиком у первого орудия работал! Я! — Захар гулко стукнул кулаком по своей широкой груди.

Григорий покосился по сторонам, — на них смотрели стоявшие неподалеку казаки, вслушивались в происходивший разговор. У Григория дрогнули углы губ, в злобном оскале обнажились белые, плотные зубы.

— Ты пьяный, — сказал он вполголоса, не разжимая зубов. — Иди пропись и не брешь лишнего.

— Нет, я не пьяный! — громко выкрикнул подгулявший батареец. — Я, может, от горя пьяный! Пришел домой, а тут не жизнь, а б.....! Нету казакам больше жизни, и казаков нету! Сорок пудов хлеба наложили, это — что? Они его сеяли, что накладывают? Они знают, на чем он, хлеб, растет?

Он смотрел бессмысленными, налитыми кровью глазами и вдруг, качнувшись, медвежковато облапил Григория, дохнул в лицо ему густым самогонным перегаром.

— Ты почему штаны без лампасов носишь? В мужики записался? Не пустим! Лапушка моя, Григорий Пантелевич! Перевоевать надо! Скажем, как в прошлом годе: долой коммунию, да здравствует советская власть!

Григорий резко оттолкнул его от себя, прошептал:

— Иди домой, пьяная сволочь! Ты сознаешь, что ты говоришь?!

Крамсков выставил вперед руку с широко растопыренными обкуренными пальцами, бормотнул:

— Извиняй, ежели что не так. Извиняй, пожалуйста, но я тебе истинно говорю, как своему командиру... Как все одно родному отцу-командиру: надо перевоевать!

Григорий молча повернулся, пошел через площадь домой. До вечера он находился под впечатлением этой нелепой встречи, вспоминал пьяные выкрики Крамскова, сочувственное молчание и улыбки казаков, думал: «Нет, надо уходить поскорее! Добра не будет...».

В Вешенскую надо было идти в субботу. Через три дня он должен был покинуть родной хутор, но вышло иначе: в четверг ночью, — Григорий уже со-

брался ложиться спать, — в дверь кто-то резко постучал. Аксинья вышла в сени. Григорий слышал, как она спросила: «Кто там?». Ответа он не услышал, но, движимый неясным чувством тревоги, встал с кровати и подошел к окну. В сенях звякнула щекотка. Первой вошла Дуняшка. Григорий увидел ее бледное лицо, и, еще ни о чем не спрашивая, взял с лавки папаху и шинель.

— Братушка...

— Что? — тихо спросил он, надевая в рукава шинель.

Задыхаясь, Дуняшка торопливо сказала:

— Братушка, уходи зараз же! К нам приехали четверо конных из станицы. Сидят в горнице... Они говорили шопотом, но я слыхала... Стояла под дверью и все слыхала. Михаил говорит — тебя надо арестовать... Рассказывает им про тебя... Уходи!

Григорий быстро шагнул к ней, обнял, крепко поцеловал в щеку.

— Спасибо, сестра! Ступай, а то заметят, что ушла. Прощай, — и повернулся к Аксинье: — Хлеба! Скорей! Да не целый, краюху!

Вот и кончилась его недолгая мирная жизнь... Он действовал как в бою, поспешно, но уверенно: прошел в горницу, осторожно поцеловал спавших детишек, обнял Аксинью.

— Прощай! Скоро подам вестку, Прохор скажет. Береги детей. Дверь запри. Спросят — скажи ушел в Вешки. Ну, прощай, не горюй, Ксюша! — Целуя ее, он ощутил на губах теплую, соленую влагу слез.

Ему некогда было утешать и слушать беспомощный, несвязный лепет Аксиньи. Он легонько рознял обнимавшие его руки, шагнул в сени, прислушался и рывком распахнул наружную дверь. Холодный ветер с Дона плеснулся ему в лицо. Он на секунду закрыл глаза, осваиваясь с темнотой.

Аксинья слышала сначала, как похрустывает снег под ногами Григория. И каждый шаг отдавался острой болью в ее сердце. Потом звук шагов затих и хрюкнул плетень. Потом стало вовсе тихо, только ветер шумел за Доном в лесу.

Аксинья пыталась услышать что-нибудь сквозь шум ветра, но ничего не услышала. Ей стало холодно. Она вошла в кухню и потушила лампу.

Глава X

Поздней осенью 1920 года, когда в связи с плохим поступлением хлеба по продразверстке были созданы продовольственные отряды, среди казачьего населения Дона началось глухое брожение. В верховых станицах Донской области — в Шумилинской, Казанской, Мигулинской, Мешковской, Вешенской, Еланской, Слащевской и других — появились небольшие вооруженные банды. Это было ответом зажиточной части казачества на создание продовольственных отрядов, на усилившиеся мероприятия советской власти по проведению продразверстки.

В большинстве своем банды — каждая численностью от пяти до двадцати штыков — состояли из местных жителей-казачков, в прошлом активных белогвардейцев. Среди них были: служившие в 18—19 годах в карательных отрядах, уклонившиеся от сентябрьской мобилизации младшего командного состава урядники, вахмистры и подхорунжие бывшей Донской армии, повстанцы, прославившиеся ратными подвигами и расстрелами пленных красноармейцев во время прошлогоднего восстания в Верхне-Донском округе, словом, люди, которым с советской властью было не по пути.

Они нападали в хуторах на продовольственные отряды, возвращали следовавшие на сыпункты обозы с хлебом, убивали коммунистов и преданных советской власти беспартийных казаков, боюлись, как могли и умели.

Задача ликвидации банд была возложена на караульный батальон Верхне-Донского округа, расквартированный в Вешенской и в хуторе Базках. Но все попытки уничтожить банды, рассеянные по обширной территории округа, оказались безуспешными — во-первых, потому, что местное население относилось к бандитам сочувственно, снабжало их продовольствием и сведениями о пере-

движении красноармейских частей, а также укрывало от преследования, и, во-вторых, потому, что командир батальона Капарин, бывший штабс-капитан царской армии и эсер, не хотел уничтожения недавно народившихся на верхнем Дону контрреволюционных сил и всячески препятствовал этому. Лишь время от времени, и то под нажимом председателя Окружного комитета партии, он предпринимал короткие вылазки — и снова возвращался в Вешенскую, ссылаясь на то, что он не может расплыть сил и идти на неразумный риск, оставляя без должной охраны Вешенскую с ее окружными учреждениями и складами. Батальон, насчитывавший около четырехсот штыков при четырнадцати пулеметах, нес гарнизонную службу: красноармейцы караулили арестованных, возили воду, рубили деревья в лесу, а также собирали, в порядке трудовой повинности, чернильные орешки с дубовых листьев для изготовления чернил. Дровами и чернилами батальон успешно снабжал все многочисленные окружные учреждения и канцелярии, а тем временем количество мелких банд по округу угрожающе росло. И только в декабре, когда началось крупное восстание на территории смежного с Верхне-Донским округом Богучарского уезда Воронежской губернии, поневоле прекратились и заготовка лесоматериалов и сбор чернильных орешков. Приказом командующего войсками Донской области батальон в составе трех рот и пулеметного взвода, совместно с караульным эскадронам, 1-м батальоном 12-го продовольственного полка и двумя небольшими заградительными отрядами, был послан на подавление этого восстания.

В бою на подступах к селу Сухой Донец вешенский эскадрон под командованием Якова Фомина атаковал цепи повстанцев с фланга, смял их, обратил в бегство и вырубил при преследовании около ста семидесяти человек, потеряв всего лишь трех бойцов. В эскадроне, за редким исключением, все были казаки — уроженцы верховых станиц Дона. Они и здесь не изменили вековым казачьим традициям: после боя, несмотря

на протесты двух коммунистов эскадрона, чуть ли не половина бойцов сменила старенькие шинели и теплушки на добротные дубленые полушубки, снятые с порубленных повстанцев.

Через несколько дней после подавления восстания эскадрон был отозван в станицу Казанскую. Отдыхая от тягот военной жизни, Фомин развлекался в Казанской как мог. Завзятый бабник, веселый и общительный гуляка — он пропадал по целым ночам и приходил на квартиру только перед рассветом. Бойцы, с которыми Фомин держал себя за панибрата, завидев вечером на улице своего командира в ярко начищенных сапогах, понимающе перемигивались, говорили:

— Ну, пошел наш жеребец по жалмеркам! Теперь его только заря выкинет.

Тайком от комиссара и политрука эскадрона Фомин захаживал и на квартиры к знакомым казакам-эскадронцам, когда ему сообщали, что есть самогон и предстоит выпивка. Случалось это не редко. Но вскоре бравый командир засучал, помрачнел и почти совсем забыл о недавних развлечениях. По вечерам он уже не начищал с прежним старанием своих высоких щегольских сапог, перестал ежедневно бриться, впрочем, на квартиры к хуторянам, служившим в его эскадроне, изредка заходил, чтобы посидеть и выпить, но в разговорах оставался немногословным.

Перемена в характере Фомина совпала с сообщением, полученным командиром отряда из Вешенской: политбюро Дончека коротко информировало о том, что в Михайловке, соседнего Усть-Медведицкого округа, восстал караульный батальон во главе с командиром батальона Вакулиным.

Вакулин был сослуживцем и другом Фомина. Вместе с ним они были некогда в корпусе Миронова, вместе шли из Саранска на Дон и вместе, в одну кучу, костром сложили оружие, когда мятежный мионовский корпус окружила конница Буденного... Дружеские отношения между Фоминым и Вакулиным существовали до последнего времени. Совсем недавно, в начале сентября, Вакулин приезжал

в Вешенскую, и еще тогда он скрипел зубами и жаловался старому другу на «засилие комиссаров, которые разоряют хлеборобов продразверсткой и ведут страну к гибели». В душе Фомин был согласен с высказываниями Вакулина, но держался осторожно, с хитрецей, часто заменявшей ему отсутствие природного ума. Он вообще был осторожным человеком, никогда не торопился и не говорил сразу ни да, ни нет. Но вскоре, после того, как он узнал о восстании вакулинского батальона, всегдашняя осторожность ему изменила. Как-то вечером, перед выступлением эскадрона в Вешенскую, на квартире взводного Алферова собрались эскадронцы. Огромная конская цыбарка была полна самогоном. За столом шел оживленный разговор. Присутствовавший на этой попойке Фомин молча вслушивался в разговоры и так же молча черпал из цыбарки самогон. Но когда один из бойцов стал вспоминать, как ходили в атаку под Сухим Донцом, — Фомин, задумчиво покручивая ус, прервал рассказчика:

— Рубили мы, ребята, хохлов неплохо, да как бы самим вскорости не пришлось горевать... Что, как приедем в Вешенскую, а там у наших семей продотряды весь хлебца выкачали? Казанцы шибко обижаются на эти продотряды. Гребут они из закровов чисто, под метло...

В комнате стало тихо. Фомин оглядел своих эскадронцев и, натянуто улыбаясь, сказал:

— Это я — шутейно... Смотрите, языками не надо трепать, а то из шутки чорт-те чего сделают.

По возвращении в Вешенскую Фомин, сопровождаемый полувзводом красноармейцев, поехал домой, в хутор Рубежный. В хуторе, не заезжая к себе во двор, он спешился около ворот, кинул поводья одному из красноармейцев, пошел в дом.

Он холодно кивнул жене, низко поклонился старухе-матери и за руку почтительно поздоровался с ней, обнял детисек.

— А где же батя? — спросил он, присев на табурет, ставя между колен шапку.

— Уехал на мельницу, — ответила старуха и, глянув на сына, строго приказала: — Шапку-то сыми, нехристь! Кто же под образа садится в шапке? Ох, Яков, не сносить тебе головы...

Фомин неохотно улыбнулся, снял кубанку, но раздеваться не стал.

— Чего же не раздеваешься?

— Я заскочил на минутку проведать вас, все некогда за службой.

— Знаем мы твою службу... — сурово сказала старуха, намекая на беспутное поведение сына, на связи его с женщинами в Вешенской.

Слух об этом давно уже прошел по Рубежному.

Преждевременно постаревшая, бледная, забытая с виду жена Фомина испуганно взглянула на свекровь, отошла к печи. Чтобы хоть чем-нибудь угодить мужу, чтобы снискать его расположение и удостоиться хотя бы одного ласкового взгляда, она взяла из-под загнетки тряпку, стала на колени и, согнувшись, начала счищать густую грязь, прилипшую к сапогам Фомина.

— Сапоги-то какие на тебе добрые, Яша... Замазал ты их дюже... Я зараз вытру их, чисточко вытру! — почти беззвучно шептала она, не поднимая головы, ползая на коленях у ног мужа.

Он давно не жил с ней и давно не испытывал к этой женщине, которую когда-то в молодости любил, ничего, кроме легкой, презрительной жалости. Но она всегда любила его и, втайне надеясь, что когда-нибудь он снова вернется к ней, — прощала все. Долгие годы она вела хозяйство, воспитывала детей, во всем старалась угодить своенравной свекрови. Вся тяжесть полевых работ ложилась на ее худые плечи. Непосильный труд и болезнь, начавшаяся после вторых родов, из года в год подтачивали ее здоровье. Она исхудала. Лицо ее поблекло. Преждевременная старость раскинула на щеках паутину морщин. В глазах появилось то выражение испуганной покорности, которое бывает у больных умных животных. Она сама не замечала того, как быстро она старится, как с каждым днем тает ее здоровье, и все еще на что-то надеялась, при редких встречах поглядывала на своего

красавца-мужа с робкой любовью и восхищением...

Фомин смотрел сверху вниз на жалко согнутую спину жены с резко очерченными под кофточкой худыми лопатками, на ее большие дрожащие руки, старательно счищавшие грязь с его сапог, думал: «Хороша, нечего сказать! И с такой холерой я когда-то спал... Хотя она здорово постарела... До чего же она все-таки постарела!».

— Хватит тебе! Все одно вымажу,— с досадой сказал он, высвобождая ноги из рук жены.

Она с усилием распрямила спину, встала. На желтых щеках ее проступил легкий румянец. Столько любви и собачьей преданности было в ее обращенных на мужа увлажнившихся глазах, что он отвернулся, спросил у матери:

— Ну, как вы тут живете?

— Всё так же, — хмуро ответила старуха.

— Продотряд был в хуторе?

— Только вчера выехали в Нижне-Кривской.

— У нас хлеб брали?

— Взяли. Сколько они насыпали, Давыдушка?

Похожий на отца четырнадцатилетний подросток, с такими же широко поставленными голубыми глазами, ответил:

— Дедуня при них был, он знает. Кажись, десять чувалов.

— Та-а-ак... — Фомин встал, коротко взглянул на сына, оправил портупею. Он слегка побледнел, когда спрашивал: — Говорили вы им, чей они хлеб берут?

Старуха махнула рукой и не без злорадства улыбнулась.

— Они об тебе не дуже понимают! Старший ихний говорит: «Все без разбору должны сдавать хлебные лишки. Нехай он хоть Фомин, хоть сам окружной председатель, — все одно лишний хлеб возьмем!». С тем и начали по закромам шарить.

— Я с ними, мамаша, сочтусь. Я сочтусь с ними! — глухо проговорил Фомин и, наскоро попрощавшись с родными, вышел.

После поездки домой он осторожно стал разведывать о настроении бойцов

своего эскадрона и без особого труда убедился в том, что в большинстве своем они недовольны продрозверсткой. К ним приезжали из хуторов и станиц жены, дальние и близкие родственники; привозили рассказы о том, как продотрядники производят обыски, забирают весь хлеб, оставляя только на семена и на продовольствие. Все это привело к тому, что в конце января на гарнизонном собрании, происходившем в Базках, во время речи окружного военкома Шахаева эскадронцы выступили открыто. Из рядов их раздались возгласы:

— Уберите продотряды!

— Пора кончать с хлебом!

— Долой продовольственных комиссаров!

В ответ им красноармейцы караульной роты кричали:

— Контры!

— Расформировать сволочей!

Собрание было длительным и бурным. Один из немногочисленных коммунистов гарнизона взволнованно сказал Фомину:

— Надо тебе выступить, товарищ Фомин! Смотри, какие номера откалывают твои эскадронцы!

Фомин незаметно улыбнулся в усы.

— Я же беспартийный человек, разве они меня послушают?

Отмолчавшись, он ушел задолго до конца собрания вместе с командиром батальона Капариним. По дороге в Вешенскую они заговорили о создавшемся положении и очень быстро нашли общий язык. Через неделю Капарин на квартире у Фомина, с глазу на глаз, говорил ему:

— Либо мы выступим сейчас, либо не выступим никогда, так ты это и знай, Яков Ефимович! Надо пользоваться моментом. Сейчас он очень удобен. Казаки нас поддержат. Авторитет твой в округе велик. Настроение у населения — лучше и придумать нельзя. Что же ты молчишь? Решайся!

— Чего ж тут решаться? — медленно, растягивая слова и глядя исподлобья, проговорил Фомин. — Тут дело решенное. Надо только такой план сработать, чтобы все вышло без заминки, чтобы комар носу не подточил. Об этом и давай говорить.

Подозрительная дружба Фомина с Капариным не осталась незамеченной. Несколько коммунистов из батальона устроили за ними слежку, сообщили о своих подозрениях начальнику политбюро Дончека Артемьеву и военкому Шахаеву.

— Пуганая ворона куста боится, — смеясь, сказал Артемьев. — Капарин этот — трус, да разве он на что-либо решится? За Фоминым будем смотреть, он у нас давно на примете, только едва ли и Фомин отважится на выступление. Ерунда все это, — решительно заключил он.

Но смотреть было уже поздно: заговорщики успели столкнуться. Восстание должно было начаться 12 марта в 8 утра. Было условлено, что в этот день Фомин выведет эскадрон на утреннюю поездку в полном вооружении, а затем внезапно атакует расположенный на окраине станицы пулеметный взвод, захватит пулеметы и после этого поможет караульной роте провести «чистку» окружных учреждений.

У Капарина были сомнения, что батальон не полностью его поддержит. Как-то он высказал это предположение Фомину. Тот внимательно выслушал, сказал:

— Лишь бы пулеметы захватить, а батальон твой мы после этого враз усмирим...

Тщательное наблюдение, установленное за Фоминым и Капариным, ничего не дало. Встречались они редко, и то лишь по служебным делам, и только в конце февраля однажды ночью патруль увидел их на улице вдвоем. Фомин вел в поводу оседланного коня, Капарин шел рядом. На оклик Капарин отозвался: «Свой». Они зашли на квартиру к Капарину. Коня Фомин привязал к перилам крыльца. В комнате огня не зажигали. В четвертом часу утра Фомин вышел, сел верхом на коня и поехал к себе. Вот все, что удалось установить.

Шифрованной телеграммой на имя командующего войсками Донобласти окружной военком Шахаев сообщил свои подозрения относительно Фомина и Капарина. Через несколько дней был получен ответ командующего, санкцио-

нировавший снятие Фомина и Капарина с должностей и их арест.

На совещании бюро Окружного комитета партии было решено: известить Фомина приказом окрвоенкомата, что он отзывается в Новочеркасск, в распоряжение командующего войсками, предложить ему передать командование эскадроном своему помощнику Овчинникову; в тот же день эскадрон выслать в Казанскую под предлогом появления там банды и после этого ночью произвести арест заговорщиков. Вывести эскадрон из станицы было решено из опасения, как бы эскадрон не восстал, узнав об аресте Фомина. Командиру второй роты караульного батальона коммунисту Ткаченко было предложено предупредить коммунистов батальона и взводных командиров о возможности восстания и привести в боевую готовность находившиеся в станице роту и пулеметный взвод.

Утром на следующий день Фомин получил приказ.

— Ну, что ж, принимай эскадрон, Овчинников. Поеду в Новочеркасск, — сказал он спокойно. — Отчетность будешь глядеть?

Никем не предупрежденный, ничего не подозревая, беспартийный командир взвода Овчинников углубился в бумаги.

Фомин, уловив минуту, написал Капарину записку: «Выступаем нынче. Меня снимают. Готовься». В сенях он передал записку своему ординарцу, шепнул:

— Положи записку за щеку. Шагом, понял? Шагом езжай к Капарину. Ежли кто будет тебя по дороге останавливать — записку проглотить. Отдашь ему и зараз же вертайся сюда.

Получив приказ о выступлении в станицу Казанскую, Овчинников на церковной площади выстроил эскадрон к походу. Фомин подъехал верхом к Овчинникову:

— Разрешите проститься с эскадроном.

— Пожалуйста, только покороче, не задерживайте нас.

Став перед эскадроном, сдерживая переплывающего коня, Фомин обратился к бойцам:

— Вы меня, товарищи, знаете. Знаете, за что я всегда боролся. Я всегда был вместе с вами. Но зараз я не могу мириться, когда грабят казачество, грабят вообще хлеборобов. Вот за это меня и сняли. А что сделают со мной — это я знаю. Поэтому и хочу с вами протистись...

Шум и выкрики в эскадроне на секунду прервали речь Фомина. Он привстал на стременах, резко повысил голос:

— Ежли хóтите избавиться от грабежа — гоните отсюда продотряды, бейте продкомиссаров Мурзовых и комиссаров Шахаевых! Они приехали к нам на Дон...

Шум покрыл последние слова Фомина. Выждав момент, он зычно подал команду:

— Справа по три, направо шагом арш!

Эскадрон послушно выполнил команду. Овчинников, ошарашенный всем случившимся, подскакал к Фомину.

— Вы куда, товарищ Фомин?

Не поворачивая головы, тот насмешливо ответил:

— А вот вокруг церкви пообедем...

И только тогда до сознания Овчинникова дошло все происшедшее за эти немногие минуты. Он выехал из строя; политрук, помощник комиссара и всего лишь один красноармеец последовали за ним. Фомин заметил их отсутствие, когда они отъехали шагов на двести. Повернув лошадь, он крикнул:

— Овчинников, стой!..

Четверо всадников с легкой рыси перешли на галоп. Из-под копыт их лошадей во все стороны полетели комья талого снега. Фомин скомандовал:

— Ружья к бою! Поймать Овчинникова!.. Первый взвод! вдогон!..

Беспорядочно зазвучали выстрелы. Человек шестнадцать из первого взвода устремились в погоню. Тем временем Фомин разбил оставшихся эскадронцев на две группы: одну во главе с командиром третьего взвода послал обезоружить пулеметный взвод, другую — сам повел к расположению караульной роты, помещавшейся на северной окраине

станции, в бывших конюшнях станичных жеребцов.

Первая группа, стреляя в воздух и помахивая клинками, поскакала по главной улице. Изрубив попавшихся на пути четырех коммунистов, мятежники на краю станции спешно построились и молча, без крика, пошли в атаку на выбежавших из дома красноармейцев пулеметного взвода.

Дом, в котором помещался пулеметный взвод, стоял на отшибе. Расстояние от него до крайних дворов станции не превышало ста сажен. Встреченные пулеметным огнем в упор, мятежники круто повернули обратно. Трое из них, не доскакав до ближайшего переулка, были пулями сбиты с лошадей. Пулеметчиков захватить врасплох не удалось. Вторичной попытки мятежники не предприняли. Командир третьего взвода Чумаков отвел свою группу за прикрытие; не слезая с коня, осторожно выглянул из-за угла каменного сарая, сказал:

— Ну, выкатили еще два максима.— Потом вытер папахой потный лоб и повернулся к бойцам:— Поехали назад, ребята!.. Нехай сам Фомин берет пулеметчиков. Сколько у нас на снегу осталось, трое? Ну, вот, нехай он сам попробует.

Как только на восточной окраине станции началась стрельба, командир роты Ткаченко выскочил из квартиры, — на ходу одеваясь, побежал к казарме. Человек тридцать красноармейцев уже стояли возле казармы, выстроившись в шеренгу. Командира роты встретили недоуменными вопросами:

— Кто стреляет?

— В чем дело?

Не отвечая, он молча пристраивал к шеренге выбежавших из казармы красноармейцев. Несколько коммунистов — работников окружных учреждений — почти одновременно с ним прибежали к казарме и стали в строй. По станции трещали разрозненные винтовочные выстрелы. Где-то на западной окраине гулко ухнула ручная граната. Завидев с полсотни всадников, скакавших с обнаженными шашками по направлению к казарме, Ткаченко неспеша вынул из

кобуры наган. Он не успел подать команду: в шеренге разом смолкли разговоры, и красноармейцы взяли винтовки на изготовку.

— Да это свои бегут! Глядите, вон наш комбат товарищ Капарин!— крикнул один красноармеец.

Всадники, вырвавшись из улицы, дружно, как по команде, пригнулись к шеям лошадей и устремились к казарме.

— Не пускай!—резко крикнул Ткаченко.

Покрывая его голос, грохнул залп. В ста шагах от сомкнутой шеренги красноармейцев четыре всадника свалились с лошадей, остальные в беспорядке, рассыпавшись, повернули обратно. Вслед им часто лопались, трещали разрозненные выстрелы. Один из всадников, как видно легко раненный, сорвался с седла, но повод из руки не выпустил. Сажень десять волочился он за шедшей карьером лошадью, а потом вскочил на ноги, ухватился за стремя, за заднюю луку седла и через какой-то незаметный миг очутился уже на лошади. Яростно дернув повод, он на всем скаку круто повернул, скрылся в ближайшем переулке.

Эскадронцы первого взвода после безрезультатной погони за Овчинниковым вернулись в станицу. Поиски комиссара Шахаева не привели ни к чему. Ни в опустевшем военкомате, ни на квартире его не оказалось. Услышав стрельбу, он бросился к Дону, перебежал по льду в лес, оттуда—в хутор Базки и на другой день очутился уже за пятьдесят верст от Вешенской, в станице Усть-Хоперской.

Большинство руководящих окружных работников успели во-время спрятаться. Искать их было небезопасно, так как красноармейцы пулеметного взвода с ручными пулеметами подошли к центру станицы и держали под обстрелом все прилегающие к главной площади улицы.

Эскадронцы прекратили поиски, спустились к Дону и наметом прискакали к церковной площади, откуда начали погоню за Овчинниковым. Вскоре там собралась все фоминцовцы. Они снова стали в строй. Фомин приказал выста-

вить сторожевое охранение, остальным бойцам расположиться по квартирам, но лошадей не расседлывать.

Фомин и Капарин, а также командиры взводов уединились в одном из окраинных домишек.

— Все проиграно!—в отчаянии воскликнул Капарин, обессиленно рухнув на скамью.

— Да, станицу не взяли, стало быть нам тут не удержаться, — тихо сказал Фомин.

— Надо, Яков Ефимович, махнуть по округу. Чего нам теперича робеть? Все одно раньше смерти не помрем. Подыдем казаков, а тогда и станица будет наша, — предложил Чумаков.

Фомин молча посмотрел на него, повернулся к Капарину.

— Раскис, ваше благородие? Утри сопли! Раз взялся за гуж, не говори, что не дюж. Вместе начинали, давай вместе и вытягивать... Как, по-твоему—уходить из станицы или ишо разок попробовать?

Чумаков резко сказал:

— Нехай пробуют другие! Я на пулеметы в лоб не пойду. Пустое это занятие.

— Я у тебя не спрашиваю, цыц!—Фомин глянул на Чумакова, и тот опустил глаза.

После недолгого молчания Капарин сказал:

— Да, конечно, теперь уже бессмысленно начинать второй раз. У них превосходство в вооружении. У них четырнадцать пулеметов, а у нас ни одного. И людей у них больше... Надо уходить и организовывать казаков на восстание. Пока им подбросят подкрепления—весь округ будет охвачен восстанием. Только на это и надежда. Только на это!

После долгого молчания Фомин сказал:

— Что ж, на том придется и решиться. Взводные! Зараз же проверьте снаряжение, подсчитайте, сколько у каждого на руках патронов. Строгий приказ: ни одного патрона зря не расходовать. Первого же, кто ослушается, зарублю самолично. Так и передайте бойцам.— Он помолчал и злобно стук-

нул по столу огромным кулаком.— Эх, п..... пулеметы! А все ты, Чумаков! Хотя бы штуки четыре отбить! Зараз они, конечно, выставят нас из станицы... Ну, расходись! Ночуем, ежели не выбьют нас, в станице, а на рассвете выступим, пройдемся по округу...

Ночь прошла спокойно. На одном краю Вешенской находились восставшие эскадронцы, на другом— караульная рота и влившиеся в нее коммунисты и комсомольцы. Всего лишь два квартала разделяли противников, но ни одна сторона не отважилась на ночное наступление.

Утром мятежный эскадрон без боя покинул станицу и ушел в юго-восточном направлении.

Глава XI

Первые три недели после ухода из дому Григорий жил в хуторе Верхне-Кривском Еланской станицы у знакомого казака-полчанина. Потом ушел в хутор Горбатовский, там у дальнего родственника Аксиньи прожил месяц с лишним.

Целыми днями он лежал в горнице, во двор выходил только по ночам. Все это было похоже на тюрьму. Григорий изнывал от тоски, от гнетущего безделья. Его неудержимо тянуло домой— к детям, к Аксинье. Часто во время бессонных ночей он надевал шинель, с твердым решением итти в Татарский, — и всякий раз, пораздумав, раздевался, со стоном падал на кровать вниз лицом. Подконец так жить стало невозможно. Хозяин, доводившийся Аксинье двоюродным дядей, сочувствовал Григорию, но и он не мог держать у себя такого постояльца бесконечно. Однажды Григорий, после ужина пробравшись в свою комнату, услышал разговор. Тонким от ненависти голосом хозяйка спрашивала:

— Когда же это кончится?

— Что? Об чем ты гутаришь?— баском отвечал ей хозяин.

— Когда ты этого дурноеда сбудешь с рук?

— Молчи!

— Не буду молчать! У самих хлеба осталось — кот наплакал, а ты его, чор-

та горбатого, содержишь, кормишь каждый день. До каких пор это будет, я у тебя спрашиваю? А ежели Совет дознается? С нас головы посымают, детей осиротят!

— Молчи, Авдотья!

— Не буду молчать! У нас— дети! У нас хлеба осталось не боле двадцати пудов, а ты прикормил в доме этого дармоеда! Кто он тебе доводится? Родный брат? Сват? Кум? Он тебе и близко не родня! Он тебе — двоюродный кисель на троюродной воде, а ты его содержишь, кормишь, поишь. У-у, чорт лысый! Молчи, не гавкай, а то завтра сама пойду в Совет и заявлю, какой цветок у тебя в доме кохается!

На другой день хозяин вошел к Григорию в комнату, — глядя на половицы, сказал:

— Григорий Пантелеевич! Как хочешь суди, а больше тебе жить у меня нельзя... Я тебя уважаю, и родителя твоего покойного знал и уважал, но зараз мне тяжело содержать тебя хлебником... Да и опасань, как бы власть не дозналась про тебя. Иди, куда хочешь. У меня семья. Голову из-за тебя мне закладывать неохота. Прости, ради христа, но ты нас избавь...

— Хорошо, — корстко сказал Григорий. — Спасибо за хлеб-соль, за уют. Спасибо за все. Я сам вижу, что в тягость тебе, но куда же мне деваться? Все ходы у меня закрытые.

— Куда знаешь.

— Ладно. Нынче уйду. Спасибо тебе, Артамон Васильевич, за все.

— Не стоит, не благодари.

— Я твою доброту не забуду. Может, и я тебе чем-нибудь когда-нибудь сгожусь.

Растроганный хозяин хлопнул Григория по плечу.

— Об чем там толковать! По мне, ты хотя бы ишо два месяца жил, да баба не велит, ругается кажин день, проклятая! Я казак, и ты казак, Григорий Пантелевич; мы с тобой обое против советской власти, и я тебе пособлю: ступай нынче на хутор Ягодный, там мой сват живет, он тебя примет. Скажи ему моим словом: Артамон ве-

лит принять тебя, как родного сына, кормить и содержать, пока силов хватит. А там мы с ним сочтемся. Но ты только уходи от меня нынче же. Мне больше тебя держать нельзя, тут-таки баба одолевает, а тут опасуюсь, как бы Совет не прознал... Пожил, Григорий Пантелевич, и хватит. Мне своя голова тоже дорогая...

Поздней ночью Григорий вышел из хутора и не успел дойти до стоявшего на бугре ветряка, как трое конных, выросших словно из-под земли, остановили его:

— Стой, сукин сын! Ты кто такой?

У Григория дрогнуло сердце. Он молча остановился. Бежать было безрассудно. Около дороги — ни ярка, ни кустика: пустая, голая степь. Он не успел бы сделать и двух шагов.

— Коммунист? Иди назад, в гроб твою мать! А ну, живо!

Второй, наезжая на Григория конем, приказал:

— Руки! Руки из карманов! Вынай, а то голову срублю!

Григорий молча вынул руки из карманов шинели и, еще не совсем ясно осознавая, что с ним произошло и что это за люди, остановившие его, — спросил:

— Куда итти?

— В хутор. Вертай назад.

До хутора его сопровождал один всадник, двое остальных на выгоне отделились, поскакали к шляху. Григорий шел молча. Выйдя на дорогу, он замедлил шаг, спросил:

— Слухай, дядя, вы кто такие есть?

— Иди, иди! Не разговаривай! Руки заложил назад, слышишь?!

Григорий молча повиновался. Немного спустя снова спросил:

— Нет, все-таки, кто вы такие?

— Православные.

— Я и сам не старовер.

— Ну, и радуйся.

— Ты куда меня ведешь?

— К командиру. Иди, ты, гад, а то я тебя...

Конвойный легонько ткнул Григория острием шашки. Тонко отточенное, холодное, стальное жало коснулось голой шеи Григория, как-раз между воротни-

ком шинели и папахой, и в нем, как искра, на миг вспыхнуло чувство испуга, сменившееся бессильным гневом. Подняв воротник, вполоборота глянув на конвойного, он сказал сквозь зубы:

— Не дури, слышишь? А то как бы я у тебя эту штуку не отобрал...

— Иди, подлюка, не разговаривай! Я тебе отберу! Руки назад!

Григорий шага два ступил молча, потом сказал:

— Я и так молчу, не ругайся. Подумашь, дерьмо какое...

— Не оглядывайся!

— Я и так не оглядываюсь.

— Молчи, иди шибче!

— Может, рысью побечь? — спросил Григорий, смахивая с ресниц налипающие снежинки.

Конвойный молча тронул коня. Лошадина влажная от пота и ночной сырости грудь толкнула Григория в спину, возле ног его конское копыто с чавканьем продавило талый снег.

— Потихе! — воскликнул Григорий, упираясь ладонью в конскую грудь.

Конвойный поднял на уровень головы шашку, негромко сказал:

— Ты иди, сучий выб....., и не разговаривай, а то я тебя не доведу до места. У меня на это рука легкая. Цыц, и ни слова больше!

До самого хутора они молчали. Около крайнего двора конный придержал лошадь, сказал:

— Иди вот в эти ворота.

Григорий вошел в настежь распахнутые ворота. В глубине двора виднелся просторный крытый железом дом. Под навесом сарая фыркали и звучно жевали лошади. Возле крыльца стояло человек шесть вооруженных людей. Конвойный вложил в ножны шашку, сказал, спешиваясь:

— Иди в дом, по порожкам прямо, первая дверь налево. Иди, не оглядывайся, сколько разов тебе говорить!

Григорий медленно поднимался по ступенькам крыльца. Стоявший у перил человек в буденновке и длинной кавалерийской шинели спросил:

— Поймали, что ли?

— Поймали, — неохотно ответил знакомый Григорию сиплый голос его конвоира. — Возле ветряка взяли.

— Секретарь ячейки или кто он такой?

— А хрен его знает. Какая-то сволочуга, а кто он такой — зараз узнаем.

«Либо это банда, либо вешенские чекисты мудрят, притворяются. Попался! Попался, как дурак», — думал Григорий, нарочно мешкаясь в сених, пытаясь собраться с мыслями.

Первый, кого он увидел, открыв дверь, — был Фомин. Он сидел за столом в окружении многих одетых в военное незнакомых Григорию людей. На кровати навалом лежали шинели и полушубки, карабины стояли возле лавки, рядом; здесь же на лавке в беспорядочную кучу были свалены шашки, патронташи, подсумки и седельные саквы. От людей, от шинелей и снаряжения исходил густой запах конского пота.

Григорий снял папаху, негромко сказал:

— Здравствуйте!

— Мелехов! Вот уж воистину степь широкая, а дорога узкая! Пришлось-таки опять увидеться! Откудова ты взялся? Раздевайся, проходи, садись.— Фомин встал из-за стола, подошел к Григорию, протягивая руку. — Ты чего тут околичивался?

— По делу пришел.

— По какому делу? Далековато ты забрался... — Фомин пытливо рассматривал Григория. — Говори по правде— спасался тут, что ли?

— Это — вся и правда, — нехотя улыбаясь, ответил Григорий.

— Где же тебя мои ребята сцапали?

— Возле хутора.

— Куда шел?

— Куда глаза глядят...

Фомин еще раз внимательно посмотрел Григорию в глаза и улыбнулся.

— Ты, я вижу, думаешь, что мы тебя словили и в Вешки повезем? Нет, брат, нам туда дорога заказанная... Не робей! Мы перестали советской власти служить. Не ужались с ней...

— Развод взяли, — пробасил молодой казак, куривший возле печи.

Кто-то из сидевших за столом громко засмеялся.

— Ты ничего про меня не слышал? — спросил Фомин.

— Нет.

— Ну, садись за стол, погутарим. Щей и мяса нашему гостю!

Григорий не верил ни одному слову Фомина. Бледный и сдержанный, он разделся, присел к столу. Ему хотелось курить, но он вспомнил, что у него уже вторые сутки нет табаку.

— Покурить нечего? — обратился он к Фомину.

Тот услужливо протянул кожаный портсигар. От внимания его не ускользнуло, что пальцы Григория, бравшие папиросу, мелко вздрагивали, и Фомин снова улыбнулся в рыжеватые волнистые усы.

— Против советской власти мы восстали. Мы — за народ и против продавцов и комиссаров. Они нам долго головы дурили, а теперь мы им будем дурить. Понятно тебе, Мелехов?

Григорий промолчал. Он закурил, несколько раз подряд торопливо затянулся. У него слегка закружилась голова и к горлу подступила тошнота. Он плохо питался последний месяц и только сейчас почувствовал, как ослабел за это время. Потушив папиросу, он жадно принялся за еду. Фомин коротко рассказал о восстании, о первых днях блуждания по округу, высокопарно именуя свои скитания «рейдом». Григорий молча слушал и, почти не прожевывая, глотал хлеб и жирную плохо сваренную баранину.

— Однако отощал ты в гостях, — добродушно посмеиваясь, сказал Фомин. Икая от пресыщения, Григорий буркнул:

— Жил-то не у тещи.

— Оно и видно. Ешь дюжей, наедайся сколько влезет. Мы — хозяева не скупые.

— Спасибо. Вот покурить бы раз... — Григорий взял предложенную ему папиросу, подошел к стоявшему на лавке чугуну и, отодвинув деревянный кружок, зачерпнул воды. Она была студеная и слегка солоноватая на вкус. Опьяневший от еды Григорий с жад-

ностью выпил две больших кружки воды, после этого с наслаждением закурил.

— Казаки нас не дюже привечают,— продолжал рассказывать Фомин, подсаживаясь к Григорию. — Нашарахали их в прошлом году во время восстания... Однако добровольцы есть. Человек сорок вступило. Но нам не это требуется. Нам надо весь округ поднять, да чтобы и соседние округа, Хоперский и Усть-Медведицкий, подсобили. Вот тогда мы потолкуем по душам с советской властью!

За столом шел громкий разговор. Григорий слушал Фомина, украдкой поглядывая на его сподвижников. Ни одного знакомого лица! Он все еще не верил Фомину, думал, что тот лукавит, и из осторожности молчал. Но и молчать все время — тоже было нельзя.

— Ежели ты это, товарищ Фомин, всуерьез говоришь — чего же вы хотите? Новую войну подымать? — спросил он, сисяя отогнать навалившуюся на него сонливость.

— Я уже тебе об этом сказал.

— Власть сменять?

— Да.

— А какую же ставить?

— Свою, казачью!

— Атаманов?

— Ну, об атаманах трошки погодим гутарить. Какую власть народ выберет, такую и поставим. Но это — дело не скорое, да я и не секу насчет политики. Я — военный человек, мое дело уничтожить комиссаров и коммунистов, а насчет власти — это тебе Капарин, мой начальник штаба, расскажет. Он у меня голова насчет этого. Башковитый человек, грамотный. — Фомин наклонился к Григорию, шепнул: — Бывший штабс-капитан царской армии. Умница парень! Он зараз спит в горнице, что-то прихворнул, должно с непривычки: переходы делаем большие.

В сенях послышался шум, топот ног, стон, сдержанная возня и приглушенный крик: «Дай ему в душу!». За столом разом смолкли разговоры. Фомин настороженно глянул на дверь. Кто-то рывком распахнул ее. Низом хлынул в

комнату белый всклубившийся пар. Высокий человек без шапки, в стеганой защитной теплушке и седых валенках, от звучного удара в спину, клонясь вперед, сделал несколько стремительных спотыкающихся шагов и сильно ударился плечом о выступ печи. Из сеней кто-то весело крикнул, перед тем как захлопнуть дверь:

— Возьмите ишо одного!

Фомин встал, поправил на гимнастерке пояс.

— Ты кто такой? — властно спросил он.

Человек в теплушке, задыхаясь, провел рукой по волосам, попробовал шевельнуть лопатками и сморщился от боли. Его ударили в позвоночник чем-то тяжелым, видимо — прикладом.

— Чего же молчишь? Язык отнялся? Кто такой, спрашиваю.

— Красноармеец.

— Какой части?

— Двенадцатого продовольственного полка.

— А-а-а, это — находка! — улыбаясь, проговорил один из сидевших за столом.

Фомин продолжал допрос:

— Что ты тут делаешь?

— Заградительный отряд... нас послали...

— Понятно. Сколько вас было тут в хуторе?

— Четырнадцать человек.

— Где остальные?

Красноармеец помолчал и с усилием разжал губы. В горле его что-то заклокотало, из левого угла рта потекла на подбородок тоненькая струйка крови. Он вытер губы рукой, посмотрел на ладонь и вытер ее о штаны.

— Эта сволочь... ваша... — глотая кровь, заговорил он булькающим голосом, — легкие мне отбила...

— Не робь! Вылечим! — насмешливо сказал приземистый казак, вставая из-за стола, подмигивая остальным.

— Где остальные? — вторично спросил Фомин.

— Уехали в Еланскую с обозом.

— Ты откуда? Каких краев рожак?

Красноармеец взглянул на Фомина лихорадочно блестящими голубыми гла-

зами, выплюнул под ноги сгусток крови и ответил уже чистым звучным баском:

— Псковской губернии.

— Псковский, московский... слышали про таких... — насмешливо сказал Фомин. — Далеко ты, парень, забрался за чужим хлебом... Ну, кончен разговор! Что же нам с тобой делать, а?

— Надо меня отпустить.

— Простой ты, парень... А может, и на самом деле отпустим его, ребята? Вы — как? — Фомин повернулся к сидевшим за столом, посмеиваясь в усы.

Григорий, внимательно наблюдавший за всем происходившим, увидел сдержанные понимающие улыбки на бурых, обветренных лицах.

— Нехай у нас послужит месяца два, а тогда пустим его домой, к бабе, — сказал один из фоминовцев.

— Может, и взаправды послужишь у нас? — спросил Фомин, тщетно сясь скрыть улыбку. — Коня тебе дадим, седло, заместо валенок — новые сапоги с дутыми голенищами... Плохо вас снабжают ваши командиры. Разве это обувка? На базу ростепель, а ты в валенках. Поступай к нам, а?

— Он — мужик, он верхом сроду не ездил, — юродствуя, притворно тонким голосом прошепелявил один из казаков.

Красноармеец молчал. Он прислонился спиной к печи, оглядывая всех посветлевшими ясными глазами. Время от времени он морщился от боли и слегка приоткрывал рот, когда ему было трудно дышать.

— Остаешься у нас, или как? — переспросил Фомин.

— А вы кто такие есть?

— Мы? — Фомин высоко поднял брови, разгладил ладонью усы. — Мы — борцы за трудовой народ. Мы против гнета комиссаров и коммунистов, вот кто мы такие.

И тогда на лице красноармейца Григорий вдруг увидел улыбку.

— Оказывается, вот вы кто... А я-то думал, что это за люди? — Пленный улыбался, показывая окрашенные кровью зубы, и говорил так, словно был приятно удивлен услышанной новостью, но в голосе его звучало что-то такое, что заставляло всех насторожиться. — По-ва-

шему, значит, борцы за народ. Та-а-ак. А по-нашему, просто бандиты. Да чтобы я вам служил? Ну, и шутники же вы, право!

— Ты тоже веселый парень, погляжу я на тебя... — Фомин сощурился, коротко спросил: — Коммунист?

— Нет, что вы! Беспартийный.

— Непохоже.

— Честное слово, беспартийный!

Фомин откашлялся и повернулся к столу.

— Чумаков! В расход его.

— Меня убивать не стоит. Не за что, — тихо сказал красноармеец.

Ему ответили молчанием. Чумаков — коренастый красивый казак в английской кожаной безрукавке — неохотно встал из-за стола, пригладил и без того гладко зачесанные назад русые волосы.

— Надоела мне эта должность, — бодро сказал он, вытащив из груди сваленных на лавке шашек свою и пробуя лезвие ее на большом пальце.

— Не обязательно самому. Скажи ребятам, какие во дворе, — посоветовал Фомин.

Чумаков холодно оглядел красноармейца с ног до головы, сказал:

— Иди вперед, милый.

Красноармеец отшатнулся от печи, сторбился и медленно пошел к выходу, оставляя на полу влажные следы промокших валенок.

— Шел сюда — хотя бы ноги вытер! Явился, наследил нам тут, нагрязнил... До чего же ты неряха, братец! — с нарочитым недовольством говорил Чумаков, направляясь за пленным.

— Скажи, чтобы вывели на проулок, либо на гумно. Возле дома не надо, а то хозяева будут обижаться! — крикнул вслед им Фомин.

Он подошел к Григорию, сел рядом, спросил:

— Короткий у нас суд?

— Короткий, — избегая встретиться глазами, ответил Григорий.

Фомин вздохнул.

— Ничего не попишешь. Зараз так надо. — Он еще что-то хотел сказать, но на крыльце громко затопали, кто-то крикнул и звучно хлопнул одинокий выстрел.

— Что их там чорт мордует! — с досадой воскликнул Фомин.

Один из сидевших возле стола вскочил, ударом ноги распахнул дверь.

— В чем там дело? — крикнул он в темноту.

Вошел Чумаков, оживленно сказал:

— Такой шустрый оказался! Вот чертяка! С верхней приступки сигнул и побег. Пришлось стратить патрон. Ребята там его кончают...

— Прикажи, чтобы вытянули с база на проулок.

— Я уже сказал, Яков Ефимович.

В комнате на минуту стало тихо. Потом кто-то спросил, подавив зевоту:

— Как, Чумаков, погода? Не разведывает на базу?

— Тучки.

— Ежели дождь пройдет — последний снежок смоем.

— А на что он тебе нужен?

— Он мне ненужен. По грязюке неохота хлюстаться.

Григорий подошел к кровати, взял свою папаху.

— Ты куда? — спросил Фомин.

— Оправиться.

Григорий вышел на крыльцо. Неярко светил проглянувший из-за тучки месяц. Широкий двор, крыши сараев, устремленные ввысь голые вершины пирамидальных тополей, покрытые попонами лошади у коновязи, — все это было освещено призрачным голубым светом полноты. В нескольких саженях от крыльца, головою в тускло блистающей луже талой воды, лежал убитый красноармеец. Над ним склонились трое казаков, негромко разговаривая. Они что-то делали возле мертвого.

— Он ишо двошит, ей-богу! — с досадой сказал один. — Что же ты, косо-рукий чорт, так добивал? Говорил тебе — руби в голову! Эх, тюря неквашенная!

Хрипатый казак, тот самый, который конвоировал Григория, ответил:

— Дойдет! Подрыгает и дойдет... Да подыми ты ему голову! Не сыму никак. Подымай за волосья, вот так. Ну, а теперь держи.

Хлюпнула вода. Один из стоявших над мертвым выпрямился. Хрипатый,

сидя на корточках, кряхтел, стаскивая с убитого теплушку. Немного погодя он сказал:

— У меня рука легкая, через это он и не дошел пока. Бывало, в домашности кабана начну резать... Поддерживай, не бросай! О, чорт!.. Да-а, бывало, начну кабанка резать, все горло ему перехвачу, до самой душки достану, а он, проклятый, встанет и пойдет по базу. И долго ходит! Весь в кровище, а ходит, хрипит. Дышать ему нечем, а он все живет. Это, значит, такая уж легкая рука у меня. Ну, бросай его... Все ишо двошит? Скажи на милость! А ить почти до мосла шею ему распахнул...

Третий распялил на вытянутых руках снятую с красноармейца теплушку, сказал:

— Обкровнили левый бок... Липнет к рукам, тьфу, будь она неладна!

— Обомнется. Это не сало, — спокойно сказал хрипатый и снова присел на корточки. — Обомнется, либо отстирается. Не беда.

— Да ты что, и штаны думаешь с него сымать? — недовольно спросил первый.

Хрипатый резко сказал:

— Ты, ежели спешишь, иди к коням, без тебя тут управимся! Не пропадать же добру?

Григорий круто повернулся, пошел в дом.

Фомин встретил его коротким, изучающим взглядом, встал.

— Пойдем в горницу, потолкуем, а то тут галдят дюже.

В просторной жарко натопленной горнице пахло мышами и конопляным семенем. На кровати, раскинувшись, спал одетый в защитный френч небольшой человек. Редкие волосы его были всклокочены, покрыты пухом и мелкими перьями. Он лежал, плотно прижавшись щекой к грязной покрытой одним наперником подушке. Висячая лампа освещала его бледное давно не бритое лицо.

Фомин разбудил его, сказал:

— Вставай, Капарин. Гость у нас. Это наш человек — Мелехов Григорий, бывший сотник, к твоему сведению.

Капарин свесил с кровати ноги, потер руками лицо, встал. С легким полупоклоном он пожал Григорию руку.

— Очень приятно. Штабс-капитан Капарин.

Фомин радушно придвинул Григорию стул, сам присел на сундук. По лицу Григория он, вероятно, понял, что расправа над красноармейцем произвела на него гнетущее впечатление, потому и сказал:

— Ты не думай, что мы со всеми так строго обходимся. Этот же чудак — из продотрядников. Им и разным комиссарам спуска не даем, а остальных милуем. Вот вчера поймали трех милиционеров; лошадей, седла и оружие у них забрали, а их отпустили. На чорта они нужны — убивать их.

Григорий молчал. Положив руки на колени, он думал о своем и слышал, как во сне, голос Фомина.

— ...Вот так и воюем пока, — продолжал Фомин. — Думаем все-таки поднять казаков. Советской власти не жить. Слухом пользуемся, что везде война идет. Везде восстания: и в Сибири, и на Украине, и даже в самом Петрограде. Весь флот восстал в этой крепости, как ее прозывают...

— В Кронштадте, — подсказал Капарин.

Григорий поднял голову, пустыми, словно незрячими глазами взглянул на Фомина, перевел взгляд на Капарина.

— На, закури, — Фомин протянул портсигар. — Так вот, Петроград уже взяли и подходят к Москве. Везде такая волынка идет! Нечего и нам дремать. Подыдем казаков, стряхнем советскую власть, а там ежели кадеты подсобят, вовсе дела наши пойдут на лад. Нехай ихние ученые люди власть устанавливают, мы им поможем. — Он помолчал, потом спросил: — Ты как, Мелехов, думаешь: ежели кадеты допрут от Черного моря и мы соединимся с ними, — нам же это зачтется, что мы первые восстали в тылу? Капарин говорит — непременно зачтется. Неужели, к примеру, мне будет попрекать, что я ушел в восемнадцатом году 28-й полк с фронта и каких-нибудь два года служил советской власти?

«Вон ты куда стреляешь! Дурак, а хитрый...» — подумал Григорий, невольно улыбнувшись. Фомин ждал ответа. Вопрос этот, очевидно, занимал его не на шутку. Григорий нехотя сказал:

— Это дело длинное.

— Конечно, конечно, — охотно согласился Фомин. — Я это к слову сказал. Дальше виднее будет, а теперь нам надо действовать, громить коммунистов в тылу. Жить мы им все одно не дадим! Они пехотишку свою посадили на подводы и думают за нами угоняться... Пушай пробуют. Пока конную часть им подкинут, мы весь округ кверху ногами поставим!

Григорий снова смотрел под ноги себе, думал. Капарин извинился, прилег на кровать.

— Устаю очень. Переходы сумасшедшие у нас, мало спим, — сказал он, вяло улыбнувшись.

— Пора и нам на покой, — Фомин встал, опустил тяжелую руку на плечо Григория. — Молодец, Мелехов, что послушал тогда в Вешках моего совета! Не прихоронись ты тогда — навели бы тебе решку. Лежал бы теперь в вешенских бурунах, и ноготки обопрели бы... Это уж я — как в воду гляжу. Ну, как, что надумал? Говори, да давай ложиться спать.

— Об чем говорить?

— С нами идешь, или как? Всю жизнь по чужим катухам не прохоронишься.

Григорий ждал этого вопроса. Надо было выбирать: или дальше скитаться по хуторам, вести голодную, бездомную жизнь и гибнуть от глухой тоски, пока хозяин не выдаст властям, или самому явиться с повинной в политбюро, или итти с Фоминым. И он выбрал. Впервые за весь вечер глянул прямо в глаза Фомину, кривя губы улыбкой, сказал:

— У меня выбор, как в сказке про богатырей: налево поедешь — коня потеряешь, направо поедешь — убитым быть... И так — три дороги, и ни одной нсту путевой...

— Ты уж выбирай без сказок. Сказки потом будем рассказывать.

— Деваться некуда, потому и выбрал.

— Ну?

— Вступаю в твою банду.

Фомин недовольно поморщился, закусил ус.

— Ты это название брось. Почему это — банда? Такое прозвище нам коммунисты дали, а тебе так говорить негоже. Просто восставшие люди. Коротко и ясно.

Недовольство его было минутным. Он явно был обрадован решением Григория — и не мог скрыть этого, оживленно потирая руки, сказал:

— Нашего полку прибыло! Слышишь, ты, штаб-капитан? Дадим тебе, Мелехов, взвод, а ежели не хочешь взводом командовать — будешь при штабе с Капариным заворачивать. Коня тебе отдаю своего. У меня есть запасный.

Глава XII

К заре слегка приморозило. Лужи затянуло сизым ледком. Снег стал жесткий, звучно хрустящий. На зернистой снежной целине копыта лошадей оставляли неясные, осыпающиеся, круглые отпечатки, а там, где вчерашняя оттепель съела снег, голая земля с приникшей к ней мертвой прошлогодней травой под копытами лишь слегка вминалась и, продавливаясь, глухо гудела.

Фоминовский отряд строился за хутором в походную колонну. Далеко на шляху маячили шестеро конников высланного вперед головного развезда.

— Вот оно мое войско! — подъехал к Григорию, улыбаясь, сказал Фомин. — Чурту рога можно сломать с такими ребятами!

Григорий окинул взглядом колонну, с грустью подумал: «Нарвался бы ты со своим войском на мой буденновский эскадрон, мы бы тебя за полчаса по косточкам растрепали!».

Фомин указал плетью, спросил:

— Как они на вид?

— Пленных рубят неплохо и раздевают битых тоже неплохо, а вот как они в бою — не знаю, — сухо ответил Григорий.

Повернувшись в седле спиной к ветру, Фомин закурил, сказал:

— Поглядишь их и в бою. У меня народ все больше служивый, эти не подведут.

Шесть пароконных подвод с патронами и продовольствием поместились в середине колонны. Фомин поскакал вперед, подал команду трогаться. На бугре он снова подъехал к Григорию, спросил:

— Ну, как мой конь? По душе?

— Добрый конь.

Они долго и молча ехали рядом, стремя к стремени, потом Григорий спросил:

— В Татарском не думаешь побыть?

— По своим наскучал?

— Хотелось бы проведать.

— Может, и заглянем. Зараз думаю на Чир свернуть, потолкать казачков, расшевелить их трошки.

Но казаки не очень-то охотно «шевелились»... В этом Григорий убедился в течение ближайших же дней. Занимая хутор или станицу, Фомин приказывал созвать собрание граждан. Выступал больше сам он, иногда его заменял Капарин. Они призывали казаков к оружию, говорили о «тяготах, которые возложила на хлеборобов советская власть», об «окончательной разрухе, которая неизбежно придет, если советскую власть не свергнуть». Фомин говорил не так грамотно и складно, как Капарин, но более пространно и на понятном казакам языке. Кончал он речь обычно одними и теми же заученными фразами: «Мы с нынешнего дня освобождаем вас от продрозверстки. Хлеб больше не возите на приемные пункты. Пора перестать кормить коммунистов-дармоедов. Они жир нагуливали на вашем хлебе, но эта чужбинка кончилась. Вы — свободные люди! Вооружайтесь и поддерживайте нашу власть! Ура, казаки!».

Казаки смотрели в землю и угрюмо молчали, зато бабы давали волю языкам. Из тесных рядов их сыпались ядовитые вопросы и выкрики:

— Твоя власть хорошая, а мыла ты нам привез?

— Где ты ее возишь, свою власть, в тороках?

— А вы сами чьим хлебом кормитесь?

— Небось зараз поедете по дворам побираться?

— У них шашки. Они без спросу курам начнут головы рубить!

— Как это — хлеб не возить? Нынче вы тут, а завтра вас и с собаками не сыщешь, а нам отвечать?

— Не дадим вам наших мужьев! Войдите сами!

И многое другое в великом ожесточении выкрикивали бабы, изуверившиеся за годы войны во всем, боявшиеся новой войны и с упорством отчаяния цеплявшиеся за своих мужей.

Фомин равнодушно выслушивал их бестолковые крики. Он знал им цену. Выждав тишину, он обращался к казакам. И тогда коротко и рассудительно те отвечали:

— Не притесняйте нас, товарищ Фомин, навоевались мы вдосталь.

— Пробовались, восставали в девятнадцатом году!

— Не с чем восставать, и не к чему! Пока нужды нету.

— Пора подходит — сеять надо, а не воевать.

Однажды из задних рядов кто-то крикнул:

— Сладко гутаришь зараз! А где был в девятнадцатом году, когда мы восставали? Поздно ты, Фомин, всхлянул!

Григорий видел, как Фомин изменился в лице, но все же сдержался и ничего не сказал в ответ.

Первую неделю Фомин вообще довольно спокойно выслушивал на собраниях возражения казаков, их короткие отказы в поддержке его выступления; даже бабьи крики и ругань не выводили его из душевного равновесия. «Ничего, мы их уломаем!» — самоуверенно говорил он, улыбаясь в усы. Но убедившись в том, что основная масса казачьего населения относится к нему отрицательно, — он круто изменил свое отношение к выступавшим на собраниях. Говорил он, уже не слезая с седла, и не столько уговаривал, сколько грозил.

Однако результат оставался прежним: казаки, на которых он думал опереться, молча выслушивали его речь и так же молча начинали расходиться.

На одном из хуторов после его речи выступила с ответным словом казачка. Большая ростом, дородная и широкая в кости вдова говорила почти мужским басом и по-мужски ухватисто и резко размахивала руками. Широкое изъеденное оспой лицо ее было исполнено злой решимости, крупные вывернутые губы все время кривились в презрительной усмешке. Тыча красной пухлой рукой в сторону Фомина, каменно застывшего на седле, она словно выплевывала язвительные слова:

— Ты чего смутьянничаешь тут? Ты куда наших казаков хочешь пихнуть, в какую яму? Мало эта проклятая война у нас баб повдвила? Мало деток посиротила? Новую беду на наши головы кличешь? И что это за царь-освободитель такой объявился с хутора Рубежного? Ты бы дома порядку дал, разруху прикончил, а посла нас бы учил, как жить и какую власть принимать, а какую не надо! А то у тебя у самого дома баба из хомута не вылазит, знаем точно! А ты усы распустил, разъезжаешь на конике, народ мутишь. У тебя у самого в хозяйстве — кабы ветер хату не подпирал, она давно бы упала. Учитель нашелся! Чего же ты молчишь, рыжее мурло, аль я неправду говорю?

В толпе зашелестел тихий смешок. Зашелестел, как ветер, и стих. Левая рука Фомина, лежавшая на луке седла, медленно перебирала поводья, лицо темнело от сдерживаемого гнева, но он молчал, искал в уме достойный выход из создавшегося положения.

— И что это за власть твоя, что ты зовешь ее поддерживать? — напористо продолжала вошедшая в раж вдова.

Она подбоченилась и медленно шла к Фомину, виляя широченными бедрами. Перед нею расступались казаки, пряча улыбки, потупив смеющиеся глаза. Они очищали круг словно для пляски, сторонились, толкали друг друга...

— Твоя власть без тебя на земле не остается. — низким басом говорила вдова. — Она следом за тобой волочится

и больше часу в одном месте не живет! «Нынче на коне верхом, а завтра в грязи Пахом» — вот кто ты такой, и власть твоя такая же!

Фомин с силой сжал ногами бока коня, послал его в толпу. Народ шарахнулся в разные стороны. В широком кругу осталась одна вдова. Она видала всякие виды и потому спокойно глядела на оскаленную морду фоминовского коня, на бледное от бешенства лицо всадника.

Наезжая на нее конем, Фомин высоко поднял плеть.

— Цыц, рябая стерва!.. Ты что тут агитацию разводишь?!

Прямо над головой бесстрашной казачки высилась задранная вверх, оскаленная конская морда. С удил слетел бледнозеленый комок пены, упал на черный вдовый платок, с него — на щеку. Вдова смахнула его движением руки, ступила шаг назад.

— Тебе можно говорить, а нам нельзя? — крикнула она, глядя на Фомина круглыми, сверкающими от ярости глазами.

Фомин не ударил ее. Потрясая плетью, он заорал:

— Зараза большевицкая! Я из тебя дурь выбью! Вот прикажу задрать тебе подол да всыпать шомполов, тогда добра поумнеешь!

Вдова ступила еще два шага назад и, неожиданно повернувшись к Фомину спиной, низко нагнулась, подняла подол юбки.

— А этого ты не видал, Аникавоин? — воскликнула она и, выпрямившись с диковинным проворством, снова стала лицом к Фомину. — Меня?! Пороть?! В носе у тебя не кругло!..

Фомин с ожесточением плянул, натянул поводья, удерживая попятившегося коня.

— Закройся, кобыла нежеребая! Рада, что на тебе мяса много? — громко сказал он и повернул коня, тщетно пытаясь сохранить на лице суровое выражение.

Глухой задавленной хохот зазвучал в толпе. Один из фоминовцев, спасая посрамленную честь своего командира, подбежал к вдове, замахнулся прикладом карабина, но здоровенный казак,

ростом на две головы выше его, заслонил женщину широким плечом, тихо, но многообещающе сказал:

— Не трогай!

И еще трое хуторян быстро подошли и отгеснили вдову назад. Один из них — молодой, чубатый — шепнул фоминовцу:

— Чего намахиваешься, ну? Бабу побить нехитро, ты свою удаль вон там, на бугре, покажи, а по забазьям все мы храбрые...

Фомин шагом отъехал к плетню, приподнялся на стременах.

— Казаки! Подумайте хорошенько! — крикнул он, обращаясь к медленно расходившейся толпе. — Зараз добром просим, а через неделю вернемся — другой разговор будет!

Он почему-то пришел в веселое расположение духа и, смеясь, сдерживая танцующего на одном месте коня, кричал:

— Мы не из пужливых! Нас этими бабьими... — (последовало несколько нецензурных выражений) — не пугаете! Мы видали и рябых, и всяких! Приедем, и ежели никто из вас добровольно не впишется в наш отряд, — насильно мобилизуем всех молодых казаков. Так и знайте! Нам с вами нянчиться и заглядывать вам в глаза некогда!

В толпе, приостановившейся на минуту, слышались смех и оживленные разговоры. Фомин, все еще улыбаясь, скомандовал:

— По ко-о-ням!..

Багровея от сдерживаемого смеха Григорий поскакал к своему взводу.

Растянувшийся по грязной дороге фоминовский отряд выбрался уже на бугор, скрылся из глаз негостеприимный хутор, а Григорий все еще изредка улыбался, думал: «Хорошо, что веселый народ мы — казаки. Шутка у нас гостует чаще, чем горе, а не дай бог делалось бы все всурьез — при такой жизни давно бы завеситься можно!». Веселое настроение долго не покидало его, и только на привале он с тревогой и горечью подумал о том, что казаков, наверное, не удастся поднять и что вся фоминовская затея обречена на неизбежный провал.

Глава XIII

Шла весна. Сильнее пригревало солнце. На южных склонах бугров потаял снег, и рыжая от прошлогодней травы земля в полдень уже покрывалась прозрачной сиреневой дымкой испарений. На сугревах, на курганах, из-под вросших в суглинок самородных камней показались первые, яркозеленые острые ростки травы мянчанки. Обнажилась зябь. С брошенных зимних дорог грачи перекочевали на гумна, на затопленную талой водой озимь. В логах и балках снег лежал синий, доверху налитый влагой; оттуда все еще сурово веяло холодом, но уже тонко и певуче звенели в ярах, под снегом невидимые глазу вешние ручейки, и совсем по-весеннему, чуть приметно и нежно, зазеленели в перелесках стволы тополей.

Подходила рабочая пора, и с каждым днем таяла фоминовская банда. После ночевки наутро не досчитывались одного-двух человек, а однажды сразу скрылось чуть ли не ползвода: восемь человек с лошадьми и вооружением отправились в Вешенскую сдаваться. Надо было пахать и сеять. Земля звала, тянула к работе, и многие фоминовцы, убедившись в бесполезности борьбы, тайком покидали банду, разъезжались по домам. Оставался лихой народ, кому нельзя было возвращаться, чья вина перед советской властью была слишком велика, чтобы можно было рассчитывать на прощение.

К первым числам апреля у Фомина было уже не больше 86 сабель. Григорий тоже остался в банде. У него не хватало мужества явиться домой. Он был твердо убежден в том, что дело Фомина проиграно и что рано или поздно банду разобьют. Он знал, что при первом же серьезном столкновении с какой-либо регулярной кавалерийской частью Красной Армии они будут разгромлены наголову. И все же остался подручным у Фомина, втайне надеясь дотянуть как-нибудь до лета, а тогда захватить пару лучших в банде лошадей, махнуть ночью в Татарский и оттуда, вместе с Аксиньей, — на юг. Степь донская — широкая, простору и неез-

женных дорог в ней много; летом все пути открыты, и всюду можно найти приют... Думал он, бросив где-нибудь лошадей, пешком с Аксиньей пробраться на Кубаев, в предгорья, подальше от родных мест, и там пережить смутное время. Иного выхода, казалось ему, не было...

Фомин по совету Капарина решил перед ледоходом перейти на левую сторону Дона. На грани с Хоперским округом, где было много лесов, надеялся он в случае необходимости укрыться от преследования.

Выше хутора Рыбного банда переправилась через Дон. Местами, на быстрых лед уже пронесло. Под ярким апрельским солнцем серебряной чешуей сверкала вода, но там, где была набитая зимняя дорога, на аршин возвышавшаяся над уровнем льда, — Дон стоял нерушимо. На окраинцы положили плетни, лошадей по одной провели в поводу, на той стороне Дона построились и, выслав вперед разведку, пошли в направлении Еланской станицы.

День спустя Григорию довелось увидеть своего хуторянина — кривого старика Чумакова. Он ходил в хутор Грязновский к родне и повстречался с бандой неподалеку от хутора. Григорий отвел старика в сторону от дороги, спросил:

— Детишки мои — живые-здоровые, дедушка?

— Бог хранит, Григорий Пантелевич, живые и здоровые.

— Великая просьба к тебе, дедушка: передай им и сестре Евдокии Пантелевне от меня низкий поклон, и Прохору Зыкову — поклон, а Аксинье Астаховой скажи, пушай меня вскорости поджидает. Только, окромя них, никому не говори, что видал меня, ладно?

— Сделаю, кормилец, сделаю! Не сумлевайся, все передам, как надо.

— Что нового в хуторе?

— А ничего нету, все по-старому.

— Кошевой все председателем?

— Он самый.

— Семью мою не обижают?

— Ничего не слыхал, стало быть не трогают. Да за что же их и трогать? Они за тебя не ответчики...

— Что обо мне гутарят по хутору? Старик высморкался, долго вытирал усы и бороду красным шейным платком, потом уклончиво ответил:

— Господь их знает... Разное брешут, кто во что горазд. Замиряться-то с советской властью скоро будете?

Что мог ответить ему Григорий? Удерживая коня, рвавшегося за ушедшим вперед отрядом, он улыбнулся, сказал:

— Не знаю, дед. Пока ничего не видно.

— Как это не видно? С черкесами воевали, с турком воевали, и то замирение вышло, а вы, все свои люди, и никак промежду собой не столкуетесь... Нехорошо, Григорий Пантелевич, право слово, нехорошо! Бог-милостивец, он все видит, он вам всем это не простит, помни мое слово! Ну, мыслимое ли это дело: русские, православные люди сцепились между собой, и удержи нету. Ну, повоевали бы трошки, а то ить четвертый год на драку сходитеесь. Я стариковским умом так сужу: пора кончать!

Григорий попрощался со стариком и шибко поскакал догонять свой взвод. Чумаков долго стоял, опершись на палку, протирая рукавом слезящуюся пустую глазницу. Единственным, но помолодому зорким глазом он смотрел вслед Григорию, любовался его молодецкой посадкой и тихо шептал:

— Хороший казак! Всем взял, и ухваткой, и всем, а вот непутевый... Сбился со своего шляху! Вся статья ему бы с черкесами воевать, а он ишь чего удумал! И на чуму она ему нужна, эта власть? И чего они думают, эти молодые казаки? С Гришки-то спрашивать нечего, у них вся порода такая непутевая... И покойник Пантелей такой же крученный был, и Прокофия деда помню... Тоже ягодка-кислица был, а не человек... А вот что другие казаки думают — побей бог, не пойму!

★

Фомин, занимая хутора, уже не созывал собрания граждан. Он убедился в бесплодности агитации. Впору было

удерживать своих бойцов, а не вербовать новых. Он заметно помрачнел и стал менее разговорчив. Утешения начал искать в самогоне. Всюду, где только приходилось ему ночевать, шли мрачные попойки. Глядя на своего атамана, пили и фоминовцы. Упала дисциплина. Участились случаи грабежей. В домах советских служащих, скрывавшихся при приближении банды, забиралось все, что можно было увезти на верховой лошади. Седельные вьюки у многих бойцов невероятно распухли. Однажды Григорий увидел у одного из бойцов своего взвода ручную швейную машину. Повесив на луку поводья, он держал ее подмышкой левой руки. Только пустив в ход плетль, Григорию удалось заставить казака расстаться с приобретением. В этот вечер между Фоминым и Григорием произошел резкий разговор. Они были вдвоем в комнате. Распухший от пьянства Фомин сидел за столом, Григорий крупными шагами ходил по комнате.

— Сядь, не маячь перед глазами, — с досадою сказал Фомин.

Не обращая внимания на его слова, Григорий долго метался по тесной казачьей горенке, потом сказал:

— Мне это надоело, Фомин! Кончай грабильку и гулянки!

— Плохой сон тебе нынче приснился?

— Тоже, шуточки... Народ об нас начинает плохо говорить!

— Ты же видишь, ничего не поделаю с ребятами, — нехотя сказал Фомин.

— Да ты ничего и не делаешь!

— Ну, ты мне не указ! А народ твой доброго слова не стоит. За них же, сволочей, страдаем, а они... Я об себе думаю, и хватит.

— Плохо и об себе думаешь. За пьянством думать некогда. Ты четвертые сутки не просыпаешься, и все остальные пьют. В заставах, и то по ночам пьют. Чего хочешь? Чтобы нас пьяных накрыли и вырезали где-нибудь в хуторе?

— А ты думаешь, это нас минует? — усмехнулся Фомин. — Когда-нибудь придется помирать. Повадился кувшин по воду ходить... Знаешь?

— Тогда давай завтра сами поедим в Вешенскую и подыдем вверх руки: берите, мол, нас, сдаемся.

— Нет, мы ишо погуляем...

Григорий стал против стола, широко расставив ноги.

— Ежели ты не наведешь порядок, ежели не прикончишь грабежи и пьянку, я отколюсь от тебя и уведу с собой половину народа, — тихо сказал он.

— Попробуй, — угрожающе протянул Фомин.

— И без пробы выйдет!

— Ты... ты мне брось грозить! — Фомин положил руку на кобуру нагана.

— Не лапай кобуру, а то я тебя через стол скорей достану! — быстро сказал Григорий, побледнев, до половины обнажив шашку.

Фомин положил руки на стол, улыбнулся.

— Чего ты привязался ко мне? Без тебя голова трещит, а тут ты с глупыми разговорами. Вложи шашку в ножны! И пошутить с тобой нельзя, что ли? Скажи, пожалуйста — строгий какой! Чисто девочка шестнадцати годов...

— Я уже тебе сказал, чего хочу, и ты это заруби себе на носу. У нас не все такого духу, как ты.

— Знаю.

— Знай и помни! Завтра же прикажи, чтобы опорожнили вьюки. У нас — конная часть, а не вьючный обоз. Отсеки им это, как ножом! Тоже, борцы за народ называются! Огрузились грабленным добром, торгуют им на хуторах, как раньше, бывало, купцы-коробейники... Стыду до глаз! И на чорта я с вами связывался? — Григорий плюнул и отвернулся к окну, бледный от негодования и злости.

Фомин засмеялся, сказал:

— Ни разу нас конница не надавила... Сытый волк, когда за ним верховые гонят, все, что сожрал, на бегу отрыгивает. Так и мои стервцы — всё покидали бы, ежели б нажали на нас как следует. Ничего, Мелехов, не волнуйся, все сделаю! Это я так, трошки духом пал и распустил вожжи, но я их подберу! А делиться нам нельзя, давай кручину трепать вместе.

Им помешали закончить разговор: в комнату вошла хозяйка, неся дымящуюся миску щей, потом толпой ввалились предводимые Чумаковым казаки.

Но разговор все же возымел действие. Наутро Фомин отдал приказ опорожнить вьюки, сам проверил исполнение этого приказа. Одного из отъявленных грабителей, оказавшего сопротивление при осмотре вьюков и не пожелавшего расстаться с награбленным, Фомин застрелил в строю из нагана.

— Уберите это падло! — спокойно сказал он, пихнув ногой мертвого, и оглядел строй, повысил голос: — Хватит, сукины сыны, по сундукам лазить! Я вас не для того поднял против советской власти! С убитого противника можете сымать всё, даже мазаные исподники, ежели не погребуете, а семьи не трожьте! Мы с бабами не воюем. А кто будет супротивничать — получит такой же расчет!

В строю прокатился и смолк тихий шумок...

Порядок был, как будто, восстановлен. Дня три банда рыскала по левобережью Дона, уничтожая в стычках небольшие отрядики местной самообороны.

В станице Шумилинской Капарин предложил перейти на территорию Воронежской губернии. Он мотивировал это тем, что там они наверняка получат широкую поддержку населения, недавно восставшего против советской власти. Но когда Фомин объявил об этом казакам, те в один голос заявили: «Из своего округа не пойдем!». В банде замитинговали. Пришлось изменить решение. В течение четырех дней банда безостановочно уходила на восток, не принимая боя, который навязывала ей конная группа, начавшая преследовать Фомина по пятам от самой станицы Казанской.

Заметать свои следы было нелегко, так как всюду на полях шла весенняя работа и даже в самых глухих уголках степи копошились люди. Уходили летними весенними ночами, но едва лишь утром останавливались где-либо подкормить лошадей — неподалеку появлялась конная разведка противника, короткими

очередями бил ручной пулемет, и фоминовцы под обстрелом начинали поспешно взнуздывать лошадей. За хутором Мельниковым Вешенской станицы Фомину искусным маневром удалось обмануть противника и оторваться от него. Из донесения своей разведки Фомин знал, что командует конной группой Егор Журавлев — напористый и понимающий в военном деле казак Букановской станицы; знал он, что конная группа численностью почти вдвое превосходит его банду, имеет шесть ручных пулеметов и свежих, неизмотанных длительными переходами лошадей. Все это заставляло Фомина уклоняться от боя с тем, чтобы дать возможность отдохнуть людям и лошадям, а потом, при возможности, не в открытом бою, а внезапным налетом, растрепать группу ч, таким образом, избавиться от навязчивого преследования. Думал он также разжиться за счет противника пулеметами и винтовочными патронами. Но расчеты его не оправдались. То, чего опасался Григорий, случилось 18-го апреля на опушке Слащевской дубравы. Накануне Фомин и большинство рядовых бойцов перепились в хуторе Севастьяновском, из хутора выступили на рассвете. Ночью почти никто не спал, и многие теперь заснули в седлах. Часам к девяти утра неподалеку от хутора Ожогина стали на привал. Фомин выставил сторожевое охранение и приказал дать лошадям овса.

С востока дул сильный порывистый ветер. Бурое облако песчаной пыли закрывало горизонт. Над степью висела густая мгла. Чуть просвечивало солнце, задернутое высококовзихренной мглой. Ветер трепал полы шинелей, конские хвосты и гривы. Лошади поворачивались к ветру спиной, искали укрытия возле редких разбросанных на опушке леса кустов боярышника. От колючей песчаной пыли слезились глаза, и было трудно что-либо рассмотреть даже на недалеком расстоянии.

Григорий заботливо протер своему коню храп и влажные надглазницы, навесил торбу и подошел к Капарину, кормившему лошадь из полы шинели.

— Ну и место для стоянки выбра-

ли! — сказал он, указывая плетью на лес.

Капарин пожал плечами.

— Я говорил этому дураку, но разве его можно в чем-либо убедить?

— Надо было стать в степи или на крайней хутора.

— Вы думаете, что нападения можно ждать из леса?

— Да.

— Противник далеко.

— Противник может быть и близко, это вам не пехота.

— Лес голый, пожалуй, увидим в случае чего.

— Смотреть некому, почти все спят. Бойсь, как бы и в охранении не спали.

— Они с ног валяются после вчерашней пьянки, их теперь не добудисься.— Капарин сморщился, как от боли, сказал вполголоса. — С таким руководителем мы погибнем. Он пуст, как пробка, и глуп, прямо-таки непроходимо глуп! Почему вы не хотите взять на себя командование? Казаки вас уважают. За вами они охотно пошли бы.

— Мне это не надо, я у вас короткий гость, — сухо ответил Григорий и отошел к коню, сожалея о нечаянно сорвавшемся с языка неосторожном признании.

Капарин высыпал из полы на землю остатки зерна, последовал за Григорием.

— Знаете, Мелехов, — сказал он, на ходу сломив ветку боярышника, ошпыливая набухшие тугие почки, — я думаю, что долго мы не продержимся, если не вольемся в какую-нибудь крупную антисоветскую часть, например — в бригаду Маслака, которая бродит где-то на юге области. Надо пробиваться туда, иначе нас здесь уничтожат в одно прекрасное время.

— Зараз разлив. Дон не пустит.

— Не сейчас, но когда вода спадет — надо уходить. Вы думаете иначе?

После некоторого раздумья Григорий ответил:

— Правильно. Надо подаваться отсюда. Делать тут нечего.

Капарин оживился. Он стал пространно говорить о том, что расчеты на поддержку со стороны казаков не оправдались и что теперь надо всячески убе-

ждать Фомина, чтобы он не колесил беспечно по округу, а решился на слияние с более мощной группировкой.

Григорию надоело слушать его болтовню. Он внимательно следил за конем, и как только тот опорожнил торбу, — снял ее, взнуздal коня и подтянул подпруги.

— Выступаем еще не скоро, напрасно вы спешите, — сказал Капарин.

— Вы лучше пойдите приготовьте коня, а то тогда некогда будет седлать, — ответил Григорий.

Капарин внимательно посмотрел на него, пошел к своей лошади, стоявшей возле обозной линейки.

Ведя коня в поводу, Григорий подошел к Фомину. Широко разбросав ноги, Фомин лежал на разостланной бурке, лениво обгладывал крыло вареной курицы. Он подвинулся, жестом приглашая занять место рядом с ним.

— Садись полудновать со мной.

— Надо уходить отсюда, а не полудновать, — сказал Григорий.

— Выкормим лошадей и тронемся.

— Потом можно выкормить.

— Чего ты горячку порешь? — Фомин отбросил обглоданную кость, вытер о бурку руки.

— Накроют нас тут. Место подходящее.

— Какой нас чорт накроет? Зараз разведка вернулась, говорят, что бугор пустой. Стало быть, Журавлев потерял нас, а то бы он теперь на хвосте висел. Из Букановской ждaть некого. Военкомом там Михай Павлов, парень он боевой, но силенок у него маловато, и он едва ли пойдет встречать нас. Отдохнем, как следует, перегодим трошки этот ветер, а потом направимся в Слащевскую. Садись, ешь курятину, чего над душой стоишь? Что-то ты, Мелехов, трусоват стал, скоро все кусты будешь объезжать, вон какой крюк будешь делать! — Фомин широко повел рукой и захохотал.

Выругавшись в сердцах, Григорий отошел, привязал к кусту коня, лег около, прикрыв от ветра лицо полой шинели. Он задремал под свист ветра, под тонкий напевный шорох склонившейся над ним высокой сухой травы.

Длинная пулеметная очередь заставила его вскочить на ноги. Очередь еще не успела кончиться, а Григорий уже отвязал коня. Покрывая все голоса, Фомин заорал: «По коням!». Еще два или три пулемета затрещали справа, из лесу. Сев в седло, Григорий мгновенно оценил обстановку. Справа над опушкой леса, чуть видные сквозь пыль, человек пятьдесят красноармейцев, развернувшись лавой, отрезая путь к отступлению на бугор, шли в атаку. Холодно и так знакомо поблескивали над головами их голубые при тусклом свете солнца клинки. Прямо из лесу, с заросшего кустарником пригорка, с лихорадочной поспешностью опорожняя диск за диском, били пулеметы. Слева тоже с пол-эскадрона красноармейцев мчались без крика, помахивая шашками, растягиваясь, замыкая кольцо окружения. Оставался единственный выход: прорваться сквозь редкие ряды атакующих слева и уходить к Дону. Григорий крикнул Фомину: «За мной держи!» — и пустил коня, обнажив шашку.

Отскакав сажен двадцать, он оглянулся. Фомин, Капарин, Чумаков и еще несколько бойцов бешеным наметом шли сзади, в каких-нибудь десяти саженях от него. Пулеметы в лесу смолкли, лишь крайний справа бил короткими злыми очередями по суевившимся около обозных повозок фоминовцам. Но и последний пулемет сразу умолк, и Григорий понял, что красноармейцы — уже на месте стоянки и что сзади началась рубка. Он догадывался об этом по глухим отчаянным вскрикам, по редкой прерывистой стрельбе оборонявшихся. Ему некогда было оглядываться. Сближаясь в стремительном броске с шедшей навстречу лавой, он выбирал цель. Навстречу скакал красноармеец в куцом дубленом полушубке. Под ним была серая не очень резвая лошадь. Как при вспышке молнии, за какое-то неуловимое мгновение Григорий увидел и лошадь с белой звездой нагрудника, открытого хлопьями пены, и всадника с красным, разгоряченным молодым лицом, и широкий пасмурный просвет уходящей к Дону степи — за ним... В следующую миг надо было уклоняться от

удара и рубить самому. В пяти сажнях от всадника Григорий резко качнулся влево, услышал режущий посвист шашки над головой и, рывком выпрямившись в седле, только кончиком своей шашки достал уже миновавшего его красноармейца по голове. Рука Григория почти не ощутила силы удара, но, глянув назад, он увидел поникшего, медленно сползавшего с седла красноармейца и густую полосу крови на спине его желтой дубленки. Серая лошадь сбилась с намета и шла уже крупной рысью, дико задрав голову, избочившись так, словно она испугалась собственной тени...

Григорий припал к шее коня, привычным движением опустил шашку. Тонко и резко свистали над головой пули. Плотные прижатые уши коня вздрагивали, на кончиках их бисером проступил пот. Григорий слышал только воющий свист посылаемых ему в угон пуль да короткое и резкое дыхание коня. Он еще раз оглянулся и увидел Фомина и Чумакова, за ними сажень в пятидесяти скакал приотставший Капарин, а еще дальше — лишь один боец второго взвода, хромой Стерлядников отбивался на скаку от двух наседавших на него красноармейцев. Все остальные восемь или девять человек, устремившиеся следом за Фоминым, были порублены. Разметав по ветру хвосты, лошади без седоков уходили в разные стороны, их перехватывали, ловили красноармейцы. Лишь один гнедой высокий конь, принадлежавший фоминовцу Прибыткову, скакал бок-о-бок с конем Капарина, всхрапывая, волоча следом за собой мертвого хозяина, не высвободившего при падении ногу из стремени.

За песчаным бугром Григорий придержал коня, соскочил с седла, сунул шашку в ножны. Чтобы заставить коня лечь, понадобилось несколько секунд. Этому нехитрому делу Григорий выучил его в течение одной недели. Из-за укрытия он расстрелял обойму, но так как, целясь, он спешил и волновался, то лишь последний выстрелом свалил под красноармейцем коня. Это дало возможность пятому фоминовцу уйти от преследования.

— Садись! Пропадешь! — крикнул Фомин, ровняясь с Григорием.

★

Разгром был полный. Только пять человек уцелело из всей банды. Их преследовали до хутора Антоновского, и погоня прекратилась, лишь когда пятеро беглецов скрылись в окружавшем хутор лесу.

За все время скачки никто из пятерых не обмолвился ни одним словом.

Возле речки лошадь Капарина упала, и поднять ее уже не смогли. Под остальными загнанные лошади качались, еле переставляли ноги, роняя на землю густые белые хлопья пены.

— Тебе не отрядом командовать, а овец стеречь! — сказал Григорий, спешиваясь и не глядя на Фомина.

Тот молча слез с коня, стал расседлывать его, а потом отошел в сторону, так и не сняв седла, — сел на поросшую папоротником кочку.

— Что ж, коней придется бросить, — сказал он, испуганно озираясь по сторонам.

— А дальше? — спросил Чумаков.

— Надо пеши перебираться на эту сторону.

— Куда?

— Пребудем в лесу до ночи, тогда переедем через Дон и схоронимся на первых порах в Рубежном, там у меня родни много.

— Очередная глупость! — яростно воскликнул Капарин. — Ты предполагаешь, что там тебя не будут искать? Именно в твоём хуторе тебя теперь и будут ожидать! Чем ты только думаешь?

— Ну, а куда же нам деваться? — растерянно спросил Фомин.

Григорий вынул из седельных сум патроны и кусок хлеба, сказал:

— Вы долго думаете ладиться? Пошли! Привязывайте лошадей, расседлывайте их и — ходу, а то нас и тут сумеют забрать.

Чумаков бросил на землю плеть, затоптал ее ногами в грязь, сказал дрогнувшим голосом:

— Вот мы и пешие стали... А ребята наши все полегли. Матьер божья, как нас трепанули! Не думал я нынче в живых остаться... Смерть в глазах была...

Они молча расседлали лошадей, привязали всех четырех к одной ольхе и гуськом, одним следом, по-волчьи, — пошли к Дону, неся в руках седла, стараясь держаться зарослей погуще.

Глава XIV

Весною, когда разливается Дон и поля вода покрывает всю луговую пойму, против хутора Рубежного остается незатопленным небольшой участок высокого левобережья.

С обдонской горы весною далеко виден на разливе остров, густо поросший молодыми вербами, дубняком и сизыми раскидистыми кустами чернотала.

Летом деревья там до макушек оплетает дикий хмель, внизу по земле стелется непролазный колючий ежевичник, по кустам ползут, кучерявятся бледноголубые вьюнки, и высокая глухая трава, щедро вскормленная жирной почвой, поднимается на редких полянах выше человеческого роста.

Летом даже в полдни в лесу тихо, сумеречно, прохладно. Только иволги нарушают тишину да кукушки наперебой отсчитывают кому-то непрожитые года. А зимою лес и вовсе стоит пустой, голый, скованный мертвой тишиной. Мрачно чернеют зубцы его на фоне белесого зимнего неба. Лишь волчьи выводки из года в год находят в чаще надежное убежище, днями отлеживаясь в заваленном снегом бурьяне.

На этом острове обосновались Фомин, Григорий Мелехов и остальные уцелевшие от разгрома фоминовской банды. Жили кое-как: питались скудными харчишками, которые по ночам доставлял им на лодке двоюродный брат Фомина, ели впроголодь, зато спали вволю, подложив под головы седельные подушки. Ночами по очереди несли караул. Огня не разводили из опасения, что кто-либо обнаружит их местопребывание.

Омывая остров, стремительно шла на юг полая вода. Она грозно шумела, про-

рываясь сквозь гряду вставших на пути ее старых тополей, и тихо, певуче, успокоенно лепетала, раскачивая верхушки затопленных кустов.

К неумолчному и близкому шуму воды Григорий скоро привык. Он подолгу лежал возле круто срезанного берега, смотрел на широкий водный простор, на меловые отроги обдонских гор, тонущих в сиреновой солнечной дымке. Там, за этой дымкой, был родной хутор, Аксинья, дети... Туда летели его невеселые думки. На миг в нем жарко вспыхивала и жгла сердце тоска, когда он вспоминал о родных, вскипала глухая ненависть к Михаилу, но он подавлял эти чувства и старался не смотреть на обдонские горы, чтобы не вспоминать лишний раз. Незачем было давать волю злой памяти. Ему и без этого было достаточно тяжело. И без этого так наболело в груди, что иногда ему казалось — будто сердце у него освежено и не бьется оно, а кровоточит. Видно, ранения, и невзгоды войны, и тиф сделали свое дело: Григорий стал слышать докучливые перестуки сердца каждую минуту. Иногда режущая боль в груди, под левым соском, становилась такой нестерпимо острой, что у него мгновенно пересыхали губы и он с трудом удерживался, чтобы не застонать. Но он нашел верный способ избавления от боли: он ложился левой стороной груди на сырую землю или мочил холодной водой рубашку, и боль медленно, словно с неохотой, покидала его тело.

Погожие и безветренные стояли дни. Лишь изредка в ясном небе проплывали белые распушившиеся на вышнем ветру облачка и по разливу лебединой стаей скользили их отражения и исчезали, коснувшись дальнего берега.

Хорошо было смотреть на разметавшуюся у берега бешено kloкочущую быстрину, слушать разноголосый шум воды и ни о чем не думать, стараться не думать ни о чем, что причиняет страдания. Григорий часами смотрел на прихотливые и бесконечно разнообразные завитки течения. Они меняли форму ежеминутно: там, где недавно шла ровная струя, неся на поверхности побитые стебли камыша, мятые листья и

корневища трав, — через минуту рождалась причудливо изогнутая воронка, жадно всасывавшая все, что проплывало мимо нее, а спустя немного на месте воронки уже вскипала и выворачивалась мутными клубами вода, извергая на поверхность то почерневший корень осоки, то распластанный дубовый лист, то неведомо откуда принесенный пучок соломы.

Вечерами горели на западе вишнево-красные зори. Из-за высокого тополя вставал месяц. Свет его белым холодным пламенем растекался по Дону, играя отблесками и черными переливами там, где ветер зыбил воду легкой рябью. По ночам, сливаясь с шумом воды, так же неумолчно звучали над островом голоса пролетавших на север бесчисленных гусиных стай. Никем не тревожимые птицы часто садились за островом, с восточной стороны его. В тиховодьи, в затопленном лесу призывно трещали чирковые селезни, кричали утки, тихо гоготали, перекликались казарки и гуси. А однажды, бесшумно подойдя к берегу, Григорий увидел неподалеку от острова большую стаю лебедей. Еще не всходило солнце. За дальней грядиной леса ярко полыхала заря. Отражая свет ее, вода казалась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, вернувшиеся гордые головы на восход. Заслышав шорох на берегу, они взлетели с зычным трубным кликом, и когда поднялись выше леса, — в глаза Григорию ударил дивно сияющий, снежный блеск их оперения.

Фомин и его соратники каждый по своему убивали время: хозяйственный Стерлядников, примостив поудобнее хромую ногу, с утра до ночи чинил одежду и обувь, тщательно чистил оружие, Капарин, которому не в прок пошли ночевки на сырой земле, целыми днями лежал на солнце, укрывшись с головой полусубком, глухо покашливая, Фомин и Чумаков без-устали играли в самодельные, вырезанные из бумаги карты, Григорий бродил по острову, подолгу просиживал возле воды. Они мало разговаривали между собой, — все было

давно переговорено, — и собирались вместе только во время еды да вечерами, ожидая, когда приедет брат Фомина. Скука одолевала их, и лишь однажды за все время пребывания на острове Григорий увидел, как Чумаков и Стерлядников, почему-то вдруг развеселившись, схватились бороться. Они долго тсптались на одном месте, кряхтя и перебрасываясь короткими шутивными фразами. Ноги их по щиколотки утонули в белом зернистом песке. Хромой Стерлядников был явно сильнее, но Чумаков превосходил его ловкостью. Они боролись по-камыцки, на поясах, выставляя вперед плечи и зорко следя за ногами друг друга. Лица их стали сосредоточенны и бледны от напряжения. Дыхание — прерывисто и бурно. Григорий с интересом наблюдал за борьбой. Он увидел, как Чумаков, выбрав момент, вдруг стремительно опрокинулся на спину, увлекая за собой противника и движением согнутых ног перебрасывая его через себя. Секунду спустя гибкий и проворный как хорь, Чумаков уже лежал на Стерлядникове, вдавливая ему лопатки в песок, а задыхающийся и смеющийся Стерлядников рычал: «Ну, и стерва же ты! Мы же не уговаривались... чтобы через голову кидать...».

— Связались, как молодые кочета, хватит, а то как-раз ишо подеретесь, — сказал Фомин.

Нет, они вовсе не собирались драться. Они мирно, в обнимку, сели на песке, и Чумаков глухим, но приятным баском в быстром темпе завел плясовую:

— Ой, вы, морозы! Ой, вы, морозы!
Вы, морозы крещенские, лютые,
Сморозили сера волка в камыше,
Зазнобили девчоночку в тереме...

Стерлядников подхватил песню тоненьким тенорком, и они запели согласнo и неожиданно хорошо:

Выходила девчоночка на крыльцо,
Выносила черну шубку на руке,
Одевала урядничка на коне...

Стерлядников не выдержал: он вскочил и, прищелкивая пальцами, загребая песок хромой ногой, пустился в пляс.

Не прерывая песни, Чумаков взял шашку, вырыл в песке неглубокую ямку и тогда сказал:

— Погоди, чорт хромой! У тебя же одна ножка короче, тебе на ровном месте плясать неспособно... Тебе надо либо на косогоре плясать, либо так, чтобы одна нога, какая длинней, была в ямке, а другая наруже. Становись длинной ногой в ямку и ходи, поглядишь, как оно расхорошо получится... Ну, начали!..

Стерлядников вытер пот со лба, послушно ступил здоровой ногой в вырытое Чумаковым углубление.

— А ить верно, так мне ловчее, — сказал он.

Задыхаясь от смеха, Чумаков хлопнул в ладоши, скороговоркой зашел:

Будешь ехать — заезжай, милый, ко мне,
Как заедешь — расцелую я тебя..

И Стерлядников, сохраняя на лице присущее всем плясунам серьезное выражение, — начал ловко приплясывать и попробовал даже пройтись на присядку...

Дни проходили, похожие один на другой. С наступлением темноты нетерпеливо ждали, когда придет брат Фомина. Собирались на берегу все пятеро, вполголоса разговаривали, курили, прикрывая полами шинели огоньки папирос. Было решено пожить на острове еще с неделю, а потом перебраться ночью на правую сторону Дона, добыть лошадей и двинуться на юг. По слухам, где-то на юге округа ходила банда Маслака.

Фомин поручил своим родственникам разузнать, на каком из ближайших хуторов есть годные под верх лошади, а также велел ежедневно сообщать ему обо всем, что происходило в округе. Новости, которые передавали им, были утешительны: Фомина искали на левой стороне Дона, в Рубежном хотя и побывали красноармейцы, но после обыска в доме Фомина тотчас уехали.

— Надо скорее уходить отсюда. Какого тут анчихриста сидеть? Давайте завтра махнем? — предложил однажды во время завтрака Чумаков.

— Про лошадей надо разведать сначала, — сказал Фомин. — Чего нам

спешить? Кабы похарчевитее нас кормили — с этой живухой до зимы не расстался бы. Глядите, какая красота кругом! Отдохнем и — опять пойдем в дело. Нехай они нас половят, так мы им в руки не дадимся. Разбили нас, каюсь, по моей глупости, ну, обидно, конечно, только это не все. Мы ишо народу соберем! Как только сядем верхи, проедемся по ближним хуторам, и через неделю вокруг нас уж полсотни будет, а там и сто. Обрастем людишками, сй-богу!

— Чепуха! Глупая самоуверенность! — раздражительно сказал Капарин. — Нас казаки предали, не пошли за нами, и не пойдут. Надо иметь мужество и смотреть правде в глаза, а не обольщаться дурацкими надеждами.

— Как это — не пойдут?

— А вот так, как не пошли вначале, так и сейчас не пойдут.

— Ну, это мы ишо поглядим! — вызывающе кинул Фомин. — Оружие я не сложу!

— Все это пустые слова, — устало сказал Капарин.

— Чортова голова! — громко воскликнул вскипевший Фомин. — Чего ты тут панику разводишь? Осточертел ты мне со своими слезьми хуже горькой редьки! Из-за чего же тогда огород было городить? К чему было восставать? Куда ты лез, ежели у тебя кишка такая слабая? Ты первый подбивал меня на восстание, а зараз в кусты? Чего же ты молчишь?

— А не об чем мне с тобой разговаривать, ступай ты к чорту, дурак! — истерически вскрикнул Капарин и отошел, зябко кутаясь в полушубок, подняв воротник.

— Они, эти благородные люди, все такие тонкокожие. Чуть что — и он готов уже, спекся... — со вздохом проговорил Фомин.

Некоторое время они сидели молча, вслушиваясь в ровный и мощный гул воды. Над головами их, надсадно крикая, пролетела утка, преследуемая двумя селезнями. Оживленно щебечущая стайка скворцов снилась над поляной, но, завидев людей, взмыла вверх, сворачиваясь на лету черным жгутом.

Спустя немного Капарин подошел снова.

— Я хочу поехать сегодня в хутор, — сказал он, глядя на Фомина и часто моргая.

— Зачем?

— Странный вопрос! Разве ты не видишь, что я окончательно простудился и уже почти не держусь на ногах?

— Ну, так что? В хуторе твоя простуда пройдет, что ли? — с невозмутимым спокойствием спросил Фомин.

— Мне необходимо хотя бы несколько ночей побыть в тепле.

— Никуда ты не поедешь, — твердо сказал Фомин.

— Что же мне, погибать здесь?

— Как хочешь.

— Но почему я не могу поехать? Ведь меня доконают эти ночевки на холоде!

— А ежели тебя захватят в хуторе? Об этом ты подумал? Тогда доконают нас всех. Али я тебя не знаю? Ты же выдашь нас на первом допросе! Ишо до допроса выдашь, по дороге в Вешки.

Чумаков засмеялся и одобрительно кивнул головой. Он целиком был согласен со словами Фомина. Но Капарин упрямо сказал:

— Я должен поехать. Твои остроумные предположения меня не разубедили.

— А я тебе сказал — сиди и не рыпайся.

— Но пойми же, Яков Ефимович, что я больше не могу жить этой звериной жизнью! У меня плеврит и, может быть, даже воспаление легких!

— Выздоровеешь. Полежишь на солнышке и выздоровеешь.

Капарин резко заявил:

— Все равно я поеду сегодня. Держать меня ты не имеешь права. Уеду при любых условиях!

Фомин посмотрел на него, подозрительно сощурился, и, подмигнув Чумакову, поднялся с земли.

— А ты, Капарин, похоже, что на самом деле захворал... У тебя, должно быть, жар большой... Ну-ка, дай я попробую — голова у тебя горячая? — Он сделал несколько шагов к Капарину, протягивая руку.

Видно, что-то недоброе заметил Капарин в лице Фомина, — попятившись, резко крикнул:

— Отойди!

— Не шуми! Чего шумишь? Я только попробовать. Чего ты полахаешься? — Фомин шагнул и схватил Капарина за горло. — Сдаваться, сволочь?! — придушенно бормотнул он, и весь напрягся, сясь опрокинуть Капарина на землю.

Григорий с трудом рознял их, пустил в ход всю свою силу.

...После обеда Капарин подошел к Григорию, когда тот развешивал на кусте свое выстиранное белье, сказал:

— Хочу с вами поговорить наедине... Давайте присядем.

Они сели на поваленный бурей, обогнувший ствол тополя.

Капарин, глухо покашливая, спросил:

— Как вы смотрите на выходку этого идиота? Я искренно благодарю вас за вмешательство. Вы поступили благородно, как и подобает офицеру. Но это ужасно! Я больше не могу. Мы — как звери... Сколько дней уже, как мы не ели горячего, и потом этот сон на сырой земле... Я простудился, бок отчаянно болит. У меня, наверно, воспаление легких. Мне очень хочется посидеть у огня, поспать в теплой комнате, переменить белье... Я мечтаю о чистой, свежей рубашке, о простыне... Нет, не могу!

Григорий улыбнулся.

— Воевать хотелось с удобствами?

— Послушайте, какая это война? — с живостью отозвался Капарин. — Это не война, а бесконечные кочевки, убийства отдельных соработников, а затем бегство. Война была бы тогда, когда нас поддержал бы народ, когда началось бы восстание, а так это — не война, нет, не война!

— У нас нету другого выхода. Не сдаваться же нам?

— Да, но что же делать?

Григорий пожал плечами. Он сказал то, что не раз приходило ему на ум, когда он отлеживался тут, на острове:

— Плохая воля все-таки лучше хорошей тюрьмы. Знаете, как говорят в народе: крепка тюрьма, да чорт ей рад.

Капарин палочкой чертил на песке какие-то фигуры, после долгого молчания сказал:

— Не обязательно сдаваться, но надо искать какие-то новые формы борьбы с большевиками. Надо расстаться с этим гнусным народом. Вы — интеллигентный человек...

— Ну, какой там из меня интеллигент, — усмехнулся Григорий. — Я и слово-то это со трудом выговариваю.

— Вы офицер.

— Это по нечаянности.

— Нет, без шуток, вы же офицер, вращались в офицерском обществе, видели настоящих людей, вы же не советский выскочка, как Фомин, и вы должны понимать, что нам бессмысленно оставаться здесь. Это равносильно самоубийству. Он подставил нас в дубраве под удар и, если с ним и дальше связывать нашу судьбу, — подставит еще не раз. Он попросту хам, да к тому же еще буйный идиот! С ним мы пропадем!

— Так, стало быть, не сдаваться, а уйти от Фомина? Куда? К Маслаку? — спросил Григорий.

— Нет. Это такая же авантюра, только масштабом крупнее. Сейчас я иначе смотрю на это. Уходить надо не к Маслаку...

— А куда же?

— В Вешенскую.

Григорий с досадой пожал плечами.

— Это называется — опять за рыбу деньги. Не подходит это мне.

Капарин посмотрел на него остро заблистевшими глазами.

— Вы меня не поняли, Мелехов. Могу я вам довериться?

— Вполне.

— Честное слово офицера?

— Честное слово казака.

Капарин глянул в сторону возившихся у стоянки Фомина и Чумакова, и хотя расстояние до них было порядочное и они никак не могли слышать происходившего разговора, — понизил голос:

— Я знаю ваши отношения с Фоминым и другими. Вы среди них — такое же инородное тело, как и я. Меня не интересуют причины, заставившие вас

пойти против советской власти. Если я правильно понимаю, это — ваше прошлое и боязнь ареста, не так ли?

— Вы сказали, что вас не интересуют причины.

— Да-да, это к слову, — теперь несколько слов о себе. Я в прошлом офицер и член партии социалистов-революционеров, позднее я решительно пересмотрел свои политические убеждения... Только монархия может спасти Россию. Только монархия! Само провидение указывает этот путь нашей родине. Эмблема советской власти — молот и серп, так? — Капарин палочкой начертил на песке слова «молот, серп», потом впился в лицо Григория горячею блестящими глазами: — Читайте наоборот. Прочли? Вы поняли? Только престолом окончится революция и власть большевиков! Знаете ли, меня охватил мистический ужас, когда я узнал об этом! Я трепетал, потому что это, если хотите, — божий перст, указывающий конец нашим метаниям...

Капарин задохнулся от волнения и умолк. Его острые, с тихой сумасшедшинойкой глаза были устремлены на Григория. Но тот вовсе не трепетал и не испытывал мистического ужаса, услышав такое откровение. Он всегда трезво и буднично смотрел на вещи, потому и сказал в ответ:

— Никакой это не перст. Вы в германскую войну на фронте были?

Озадаченный вопросом, Капарин ответил не сразу:

— Собственно, почему вы об этом? Нет, непосредственно на фронте я не был.

— А где же вы проживали в войну? В тылу?

— Да.

— Все время?

— Да, то-есть не все время, но почти. А почему вы об этом спрашиваете?

— А я на фронте с четырнадцатого года и по нынешний день с небольшими перерывами. Так вот насчет этого перста... Какой там может быть перст, когда и бога-то нету? Я в эти глупости верить давно перестал. С пятнадцатого года, как нагляделся на войну, так и надумал, что бога нету. Никакого!

Ежели бы был — не имел бы права допускать людей до такого беспорядка. Мы — фронтовики — отменили бога, оставили его одним старикам да бабам. Пушай они потешаются. И перста никакого нету, и монархии быть не может. Народ ее кончил раз навсегда. А это, что вы показываете, буквы разные перевертываете, это, извините меня, — детская забава, не больше. И я трошки не пойму — к чему вы все это подводите? Вы мне говорите попроще да покороче. Я в юнкерском не учился и не доже грамотный, хотя и офицером был. Ежели бы я пограмотнее был, может и не сидел бы тут с вами на острове, как бирюк, отрезанный поводомьем, — закончил он с явственно прозвучавшим в голосе сожалением.

— Это не важно, — торопливо сказал Капарин. — Не важно, верите вы в бога или нет. Это — дело ваших убеждений, вашей совести. Точно так же не имеет значения — монархист вы или учредилец, или просто казак, стоящий на платформе самостийности. Важно, что нас объединяет единство отношений к советской власти. Вы согласны с этим?

— Дальше.

— Мы делали ставку на всеобщее восстание казаков, так? Она оказалась битой. Теперь надо выпутываться из этого положения. С большевиками можно бороться и потом, и не только под начальством какого-то Фомина. Важно сейчас сохранить себе жизнь, поэтому я и предлагаю вам союз.

— Какой союз? Против кого?

— Против Фомина.

— Не понимаю.

— Все очень просто. Я приглашаю вас в сообщники... — Капарин заметно волновался и говорил уже прерывисто дыша: — Мы с вами убиваем эту троицу и идем в Вешенскую, понятно? Это нас спасет. Эта заслуга перед советской властью избавляет нас от наказания. Мы живем! Вы понимаете, живем!.. Спасаем себе жизнь! Само собой разумеется, что в будущем при случае мы выступаем против большевиков. Но тогда, когда будет серьезное дело, а не

такая авантюра, как с этим несчастным Фоминым. Согласны? Учтите, что это — единственный выход из нашего безнадёжного положения, и притом блистательный выход.

— Но как это сделать? — спросил Григорий, внутренне содрогаясь от возмущения, но всеми силами стараясь скрыть охватившее его чувство.

— Я все обдумал: мы сделаем это ночью, холодным оружием, на следующую ночь приезжает этот казак, который снабжает нас продуктами, мы переезжаем Дон, — вот и всё. Гениально просто, и никаких ухищрений!

С притворным добродушием, улыбаясь, Григорий сказал:

— Это здорово! А скажите, Капарин, вы утром, когда собирались в хутор греться... Вы в Вешки собирались? Фомин разгадал вас?

Капарин внимательно посмотрел на добродушно улыбавшегося Григория и сам улыбнулся, слегка смущенно и невесело.

— Откровенно говоря — да. Знаете ли, когда стоит вопрос о собственной шкуре — в выборе средств не особенно стесняешься.

— Выдали бы нас?

— Да, — честно признался Капарин. — Но вас лично постарался бы оградить от неприятностей, если б вас взяли здесь, на острове.

— А почему вы один не побили нас? Ночью это легко было сработать.

— Риск. После первого выстрела остальные...

— Клади оружие! — сдержанно сказал Григорий, выхватывая наган... — Клади, а то убью на месте! Я заравстану, заслону тебя спиной, чтобы Фомин не видал, и ты кинешь наган мне под ноги. Ну?! Не вздумай стрелять! Положу при первом движении.

Капарин сидел, мертвенно бледнея.

— Не убивайте меня! — прошептал он, еле шевеля белыми губами.

— Не буду. А оружие возьму.

— Вы меня выдадите...

По заросшим щекам Капарина показались слезы. Григорий сморщился от омерзения и жалости, повысил голос:

— Бросай наган! Не выдам, а надо бы! Ну, и хлюст ты оказался! Ну, и хлюст!

Капарин бросил револьвер к ногам Григория.

— А браунинг? Давай и браунинг. Он у тебя во френче, в грудном кармане.

Капарин вынул и бросил блеснувший никелем браунинг, закрыл лицо руками. Он вздрагивал от сотрясавших его рыданий.

— Перестань, ты, сволочь! — резко сказал Григорий, с трудом удерживаясь от желания ударить этого человека.

— Вы меня выдадите... Я погиб!

— Я тебе сказал, что нет. Но как только переедем с острова — копти на все четыре стороны. Такой ты никому не нужен. Ищи сам себе укрытия.

Капарин отнял от лица руки. Мокрое, багровое лицо его с опухшими глазами и трясущейся нижней челюстью было страшно.

— Зачем же тогда... Зачем вы меня обезоружили? — заикаясь спросил он.

Григорий нехотя сказал:

— А это — чтобы ты мне в спину не выстрелил. От вас, от ученых людей, всего можно ждать... А все про какой-то перст толковал, про царя, про бога... До чего же ты склизкий человек...

Не взглянув на Капарина, время от времени сплевывая обильно набегавшую слюну, Григорий медленно пошел к стоянке.

Стерлядников сшивал дратвой скошевку на седле, тихо посвистывал. Фомин и Чумаков, лежа на попонке, по обыкновению играли в карты.

Фомин коротко взглянул на Григория, спросил:

— Чего он тебе говорил? Об чем речь шла?

— На жизнь жаловался... Болтал, так, абы что...

Григорий сдержал обещание — не выдал Капарина. Но вечером незаметно вынул из капаринской винтовки затвор, спрятал его. «Чорт его знает, на что он может ночью решиться...» — думал он, укладываясь на ночлег.

Утром его разбудил Фомин. Накладившись, он тихо спросил:

— Ты забрал у Капарина оружие?

— Что? Какое оружие? — Григорий приподнялся, с трудом расправил плечи.

Он уснул только перед рассветом и сильно озяб на заре. Шинель его, папаха, сапоги — все было мокрое от упавшего на восходе солнца тумана.

— Оружие его не найдем. Ты забрал? Да проснись же ты, Мелехов!

— Ну, я. А в чем дело?

Фомин молча отошел. Григорий встал, отряхнул шинель. Чумаков неподалеку готовил завтрак: он ополоснул единственную в лагере миску, — прижав к груди буханку хлеба, отрезал четыре ровных ломтя, налил из кувшина в миску молока и, раскрошив комок круто сваренной пшенной каши, глянул на Григория.

— Долго ты, Мелехов, зорюешь нынче. Гляди, солнышко-то где!

— У кого совесть чистая, энтот всегда хорошо спит, — сказал Стерлядников, вытирая о полу шинели чисто вымытые деревянные ложки. — А вот Капарин всюю ноченьку не спал, все ворочался...

Фомин, молча улыбаясь, смотрел на Григория.

— Садитесь завтракать, разбойнички! — предложил Чумаков.

Он первый зачерпнул ложкой молока, откусил добрых пол-ломтя хлеба. Григорий взял свою ложку, — внимательно оглядывая всех, спросил:

— Капарин где?

Фомин и Стерлядников молча ели, Чумаков пристально смотрел на Григория и тоже молчал.

— Капарина куда дели? — спросил Григорий, смутно догадываясь о том, что произошло ночью.

— Капарин теперь далеко, — безмятежно улыбаясь, ответил Чумаков. — Он в Ростов попал. Теперь, небось, уже возле Усть-Хопра качается... Вон его полубубочек висит, погляди.

— На самом деле, убили? — спросил Григорий, мельком глянув на капаринский полубубок.

Об этом можно было бы и не спрашивать. И так все было ясно, но он

почему-то спросил. Ему ответили не сразу, и он повторил вопрос.

— Ну, ясное дело — убили, — сказал Чумаков, и прикрыл ресницами серые, женственно красивые глаза. — Я убил. Такая уж у меня должность — убивать людей...

Григорий внимательно посмотрел на него. Смуглое, румяное и чистое лицо Чумакова было спокойно и даже весело. Белесые, с золотистым отливом усы резко выделялись на загорелом лице, оттеняя темную окраску бровей и зачесанных назад волос. Он был по-настоящему красив и скромн на вид, этот заслуженный палач фоминовской банды... Он положил на брезент ложку, тыльной стороной ладони вытер усы, сказал:

— Благодарю Якова Ефимыча, Мелехов. Это он спас твою душеньку, а то и ты бы зараз вместе с Капариным в Дону плавал...

— Это за что же?

Чумаков медленно, с расстановкой заговорил:

— Капарин, как видно, сдаваться захотел, с тобой вчера об чем-то долго разговаривал... Ну, мы с Яковым Ефимычем и надумали убрать его от греха. Можно ему все рассказывать? — Чумаков вопросительно посмотрел на Фомина.

Тот утвердительно качнул головой, и Чумаков, с хрустом дробя зубами неразварившееся пшено, продолжал рассказ:

— Приготовил я с вечера дубовое полено и говорю Якову Ефимычу: «Я их обоих, и Капарина и Мелехова, ночью порешу». А он говорит: «Капарина кончай, а Мелехова не надо». На том и согласились. Подкараулила, когда Капарин уснул, слышу — и ты спишь, похрапываешь. Ну, подполз и ткнул поленом по голове. И ножками наш штаб-капитан не дрыгнул! Сладко так потянулся — и покончил жизнью... Потихонечку обыскали его, потом взяли за ноги и за руки, донесли до берега, сняли сапоги, френчик, полушубок — и в воду его. А ты все спишь, сном-духом ничего не знаешь... Ближе от тебя, Мелехов, смерть нынешнюю

ночь стояла! В головах она у тебя стояла. Хотя Яков Ефимыч и сказал, что тебя трогать не надо, а я думаю: «Об чем они могли днем гутарить? Дохлое это дело, когда из пятерых двое начинают на издалеке держаться, секреты разводить...». Подкрался к тебе, и уже хотел тебя рубануть с потягом, а то думаю — вдарь его поленом, а он, чорт, здоровый на силу, вскочит и начнет стрелять, ежели не оглушу сразу... Ну, Фомин опять мне все дело перебил. Подошел и шепчет: «Не трогай, он наш человек, ему можно верить». То да се, а тут непонятно нам стало — куда капаринское оружие делось? Так и ушел я от тебя. Ну, и крепко же ты спал, беды не чуял!

Григорий спокойно сказал:

— И зря бы убил, дурак! Я в сговоре с Капариным не состоял.

— А с чего же это оружие его у тебя оказалось?

Григорий улыбнулся:

— Я у него пистолеты ишо днем отобрал, а затвор вечером вынул, под седельный потник схоронил.

Он рассказал о вчерашнем разговоре с Капариным и о его предложении.

Фомин недовольно спросил:

— Почему же ты вчера об этом не сказал?

— Пожалел его, чорта слюнявого, — откровенно признался Григорий.

— Ах, Мелехов, Мелехов! — воскликнул искренно удивленный Чумаков. — Ты жалость туда же клади, куда затвор от капаринской винтовки положил, — под потник хорони ее, а то она тебя к добру не приведет!

— Ты меня не учи. С твое-то я знаю, — холодно сказал Григорий.

— Учить мне тебя зачем же? А вот ежели бы ночью, через эту твою жалость, ни за что, ни про что на тот свет тебя отправил бы, — тогда как?

— Туда и дорога была бы, — подумав, тихо ответил Григорий. И больше для себя, чем для остальных, добавил: — Это в яви смерть живому принимать страшно, а во время сна она должно быть, легкая...

Глава XV

В конце апреля ночью они переправились на баркасе через Дон. В Рубежном у берега их поджидал молодой казак с хутора Нижне-Кривского, Кошелев Александр.

— Я с вами, Яков Ефимыч. Осторожно дома прожидать, — сказал он, здороваясь с Фоминым.

Фомин толкнул Григория локтем, шепнул:

— Видишь? Я же говорил... Не успели перебраться с острова, а народ уже — вот он! Это — мой знакомец, боевой казакишка. Хорошая примета! Значит, дело будет!

Судя по голосу, Фомин довольно улыбался. Он был явно обрадован появлением нового соучастника. Удачная переправа, и то, что сразу же к ним примкнул еще один человек, — все это подбадривало его и окрыляло новыми надеждами.

— Да у тебя, окромя винтовки с наганом, и шашка, и бинокль? — довольно говорил он, рассматривая, ощупывая в темноте вооружение Кошелева. — Вот это — казак! Сразу видно, что настоящий казак, без подмеса!

Двоюродный брат Фомина подъехал к берегу на запряженной в повозку крохотной лошаденке.

— Кладите на повозку седла, — вполголоса сказал он. — Да поспешайте, ради Христа, а то и время не раннее, да и дорога нам не близкая...

Он волновался, торопил Фомина, а тот, перебравшись с острова и почуяв под ногами твердую землю родного хутора, уже непрочь был бы и домой заглянуть на часок, и проведать знакомых хуторян...

Перед рассветом в табуне около хутора Ягодного выбрали лучших лошадей, оседлали их. Старику, стерегшему табун, Чумаков сказал:

— Дедушка, об конях дюже не горюй. Они доброго слова не стоят, да и поездим мы на них самую малость — как только найдем получше, этих возвратим хозяевам. Ежели спросят: кто, мол, коней угнал? — скажи: милиция станицы Краснокутской забрала. Пу-

щай хозяева туда идут... Мы за бандой гоняем, так и скажи!

С братом Фомина распрощались, выехав на шлях, потом свернули налево, и все пятеро свежей рысью пошли на юго-запад. Где-то неподалеку от станицы Мешковской, по слухам, появилась на-днях банда Масляка. Туда и держал путь Фомин, решившийся на слияние.

★

В поисках банды Масляка трое суток колесили они по степным дорогам правобережья, избегая больших хуторов и станиц. В тавричанских поселках, граничивших с землями Каргинской станицы, обменяли своих плохоньких лошадей на сытых и легких на побегу тавричанских коней.

На четвертые сутки утром, неподалеку от хутора Вежи, Григорий первый заметил на дальнем перевале походную колонну конницы. Не меньше двух эскадронов шло по дороге, а впереди и по сторонам двигались небольшие разьезды.

— Либо Маслак, либо... — Фомин приложил к глазам бинокль.

— Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет, — насмешливо сказал Чумаков. — Ты гляди лучше, Яков Ефимыч, а то, ежели это красные, нам надо поворачивать, да поскорее!

— А чорт их стюдова разглядит! — с досадой проговорил Фомин.

— Глядите! Они нас узрили! Разъезд сюда бежит! — воскликнул Стерлядников.

Их, действительно, увидели. Продвигавшийся правой стороной разъезд круто повернул, на-рысях направляясь к ним. Фомин поспешно сунул в футляр бинокль, но Григорий, улыбаясь, перегнулся с седла, взяв фоминовского коня под уздцы.

— Не спеш! Давай подпустим ближе. Их только двенадцать человек. Разглядим их как следует, а в случае чего можно и ускакать. Кони под нами свежие, чего ты испужался? Гляди в бинокль!

Двенадцать всадников шли на сближение, с каждой минутой всё более

увеличиваясь в размерах. На зеленом фоне поросшего молодой травой бугра уже отчетливо видны были их фигуры.

Григорий и остальные с нетерпением смотрели на Фомина. У того слегка дрожали державшие бинокль руки. Он так напряженно востраивался, что по щеке, обращенной к солнцу, поползла слеза.

— Красные! На фуражках звезды!.. — наконец глухо выкрикнул Фомин и повернул коня.

Началась скачка. Вслед им зазвучали редкие разрозненные выстрелы. Версты четыре Григорий скакал рядом с Фоминым, изредка оглядываясь.

— Вот и соединились!.. — насмешливо сказал он.

Фомин подавленно молчал. Чумаков, слегка придержав коня, крикнул:

— Надо уходить мимо хуторов! Попадимся на вешенский отвод, там глуше.

Еще несколько верст бешеной скачки, и кони сдадут. На вытянутых шеях их проступила пенная испарина, глубоко залегли продольные складки.

— Надо полегче! Придерживай! —скомандовал Григорий.

Из двенадцати всадников сзади осталось только девять, остальные отстали. Григорий смерял глазами разделявшее их расстояние, крикнул:

— Стой! Давайте их обстреляем!..

Все пятеро свели лошадей на рысь, на ходу спешились и сняли винтовки.

— Держи повод! По крайнему слева с постоянного прицела... огонь!

Они расстреляли по обойме, убили под одним из красноармейцев лошадь, и снова стали уходить от погони. Их преследовали неохотно. Время от времени обстреливали с далекого расстояния, потом отстали совсем.

— Коней надо попоить, вон пруд, — сказал Стерлядников, указывая плетью на синевшую вдали полосу степного пруда.

Теперь они ехали уже шагом, внимательно оглядывая встречные ложбинки и балки, стараясь пробираться так, чтобы их прикрывали неровные складки местности.

В пруду напоили лошадей и снова тронулись в путь, сначала шагом, а спустя немного — рысью. В полдень остановились покормить лошадей на склоне глубокого лога, наискось пересекавшего степь. Фомин приказал Кошелеву пешком подняться на ближний курган, залечь там и вести наблюдение. В случае появления где-либо в степи верховых Кошелев должен был подать сигнал и немедленно бежать к лошадям.

Григорий стреножил своего коня, пустил на попас, а сам прилег неподалеку, выбрав на косогоре место посуше.

Молодая трава здесь, на подсолнечной стороне лога, была выше и гуще. Пресное дыхание согретого солнцем чернозема не могло заглушить тончайшего аромата доцветающих степных фиалок. Они росли на брошенной залежи, пробивались между сухими будьями донника, цветным узором стлались по краям давнишней межи, и даже на кремнисто крепкой целине из прошлогодней поблекшей травы смотрели на мир их голубые, детски чистые глаза. Фиалки доживали положенный им срок в этой глухой и широкой степи, а на смену им, по склону лога, на солонцах уже поднимались сказочно яркие тюльпаны, подставляя солнцу свои пунцовые, желтые и белые чашечки, и ветер, смешав разнородные запахи цветов, далеко разносил их по степи.

На крутой осыпи северного склона, затененные обрывом, еще лежали слитые, сочащиеся влагой пласты снега. От них несло холодом, но холод этот еще резче подчеркивал аромат доцветающих фиалок, неясный и грустный, как воспоминание о чем-то дорогом и давно минувшем...

Григорий лежал, широко раскинув ноги, опершись на локти, и жадными глазами озирали повитую солнечной дымкой степь, синевшие на дальнем гребне сторожевые курганы, переливающиеся текучее марево на грани склона. На минуту он закрывал глаза и слышал близкое и далекое пение жаворонков, легкую поступь и фыркание пасущихся лошадей, звяканье удил и ше-

лест ветра в молодой траве... Странное чувство отрешения и успокоенности испытывал он, прижимаясь всем телом к жесткой земле. Это было давно знакомое ему чувство. Оно всегда приходило после пережитой тревоги, и тогда Григорий как бы заново видел все окружающее. У него словно бы обострилась зрение и слух, и все, что ранее проходило незамеченным, — после пережитого волнения привлекало его внимание. С равным интересом следил он сейчас и за гудящим косым полетом ястреба-перепелятника, преследовавшего какую-то крохотную птичку, и за медлительным ходом черного жука, с трудом преодолевавшего расстояние между его, Григория, раздвинутыми локтями, и за легким покачиванием багряно-черного тюльпана, чуть колеблемого ветром, блистающего яркой девичьей красотой. Тюльпан рос совсем близко, на краю обвалившейся сурчины. Стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать его, но Григорий лежал не шевелясь, с молчаливым восхищением любуясь цветком и тугими листьями стебля, ревниво сохранявшими в складках радужные капли утренней росы. А потом переводил взгляд и долго, бездумно следил за орлом, парившим над небосклоном, над мертвым городищем брошенных сурчин...

Часа через два они снова сели на лошадей, стремясь достигнуть к ночи знакомых хуторов Еланской станицы.

Красноармейский разъезд, вероятно, по телефону сообщил о их продвижении. При въезде в слободу Каменку откуда-то из-за речки навстречу им зашелкали выстрелы. Певучий свист пуль заставил Фомина свернуть в сторону. Под обстрелом проскакали краем слободы и вскоре выбрались на табунных земли Вешенской станицы. За поселком Топкая Балка их попробовал перехватить небольшой отряд милиции.

— Околесим их с левой стороны, — предложил Фомин.

— Пойдем в атаку, — решительно сказал Григорий. — Их девять человек, нас пятеро. Прорвемся!

Его поддержали Чумаков и Стерлядников. Обнажив шашки, они пустили

усталых лошадей легким наметом. Не спешиваясь, милиционеры открыли частую стрельбу, а потом поскакали в сторону, не приняв атаки.

— Это — слабосильная команда. Они протоколы писать мастера, а драться всурьез им слабо! — насмешливо крикнул Кошелев.

Отстреливаясь, когда увязавшиеся за ними милиционеры начинали наседать, Фомин и остальные уходили на восток, уходили, как преследуемые борзыми волки: изредка огрызаясь и почти не останавливаясь. Во время одной из перестрелок был ранен Стерлядников. Пуля пробила ему икру левой ноги, затронув кость. Стерлядников охнул от пронизавшей ногу боли, сказал, бледнее: — В ногу попали... И всё в эту же, в хроную... Вот сволочуги, а?

Чумаков, откинувшись назад, захохотал во все горло. Он смеялся так, что на глазах его выступили слезы. Подсаживая на лошадь спиравшегося на его руку Стерлядникова, он все еще вздрагивал от смеха, говорил:

— Ну, как это они выбрали? Это они нарочно туда целили... Видят — хромой какой-то скачет, дай, думают, возьятки ему эту ногу перебьем... Ох, Стерлядников! Ох, смертынька моя!.. Нога-то ишо на четверть короче станет... Как же ты теперь плясать будешь? Придется мне теперь ямку для твоей ноги на аршин глуби копать...

— Замолчи, пустобрех! Не до тебя мне! Замолчи, ради христа! — морщась от боли, просил Стерлядников.

Полчаса спустя, когда стали выезжать на изволок одной из бесчисленных балок, он попросил:

— Давайте остановимся, повременим трошки... Надо мне рану залепить, а то крови натекло полон сапог...

Остановились. Григорий держал лошадей, Фомин и Кошелев вели редкий огонь по маячившим вдали милиционерам. Чумаков помог Стерлядникову разуться.

— А крови-то на самом деле набезало много... — хмурясь, сказал Чумаков, и вылил из сапога на землю красную жижу.

Он хотел было разрезать шашкой мокрую и парную от крови штанину, но Стерлядников не согласился.

— Штаны на мне добрые, не к чему их пороть, — сказал он и уперся ладонями в землю, поднял раненую ногу. — Стягивай штанину, только потихоньку.

— Бинт у тебя есть? — спросил Чумаков, ощупывая карманы.

— А на чорта он нужен, твой бинт? Обойдусь и без него.

Стерлядников внимательно рассмотрел выходное отверстие раны, потом зубами вынул из патрона пулю, всыпал на ладонь пороху и долго размешивал порох с землей, предварительно размочив землю слюною. Оба отверстия сквозной разы он обильно замазал грязью и довольно проговорил:

— Это — дело спробованное! Присохнет ранка и через двое суток заживет, как на собаке.

До самого Чира они не останавливались. Милиционеры держались сзади на почтительном расстоянии, и лишь изредка оттуда звучали одиночные выстрелы. Фомин часто оглядывался, говорил:

— Провожают нас вназирку... Либо подмоги ждут со стороны? Не проста они держатся издали...

На хуторе Вислогузовском вброд переехали речку Чир, шагом поднялись на пологий бугор. Лошади предельно устали. Под гору на них кое-как съезжали рысцой, а на гору вели в поводу, ладонями сгребая с мокрых лошадиных боков и крупов дрожащие комья пены.

Предположения Фомина сбылись: верстах в пяти от Вислогузовского их стали нагонять семь человек конных на свежих, резво бежавших лошадях.

— Ежели они нас и дальше будут так из рук в руки передавать — репутух нам будет! — мрачно сказал Кошелев.

Они ехали по степи бездорожно, отстреливались по очереди: пока двое, лежа в траве, вели огонь, — остальные отъезжали сажен на двести, спешивались и держали под обстрелом противника, давая возможность первым двум

проскакать вперед сажен чetyреста, залечь и изготовиться к стрельбе. Они убили или тяжело ранили одного милиционера, под вторым убили лошадь. Вскоре была убита лошадь и под Чумаковым. Он бежал рядом с лошадью Кошелева, держась за стремя.

Длиннее становились тени. Солнце клонилось к закату. Григорий предложил не разъединяться, и они поехали шагом, все вместе. Рядом с ними шагал Чумаков. Потом они увидели на гребне бугра пароконную подводу, повернули к дороге. Пожилой бородатый казак-подводчик погнался лошадью вскачь, но выстрелы заставили его остановиться.

— Зарублю подлюгу! Будет знать, как убегать... — сквозь зубы процедил Кошелев, вырываясь вперед, изо всех сил охаживая лошадь плетью.

— Не трогай его, Сашка, не веляю! — предупредил Фомин и еще издали закричал: — Распрягай, дед, слышишь?! Распрягай, пока живой!

Не слушая слезных просьб старика, сами отцепили постромки, сняли с лошадей шлеи и хомуты, живо накинули седла.

— Оставьте хоть одну из своих взамен! — плача, просил старик.

— А того-сего не хочешь в зубы, старый чорт! — спросил Кошелев. — Нам кони самим нужны! Благодарю господа бога, что живой остался...

Фомин и Чумаков сели на свежих лошадях. К шестерым всадникам, следовавшим за ними по пятам, вскоре присоединились еще трое.

— Надо погонять! Трогайте, ребята! — сказал Фомин. — К вечеру ежели доберемся до кривских логов — тогда мы будем спасенные...

Он хлестнул плетью своего коня, поскакал вперед. Слева от него на коротком поводу шел второй конь. Срезанные лошадиными копытами, во все стороны летели, словно крупные капли крови, пунцовые головки тюльпанов. Григорий, скакавший сзади Фомина, посмотрел на эти красные брызги и закрыл глаза. У него почему-то закружилась голова, и знакомая острая боль подступила к сердцу...

Лошади шли из последних сил. От непрерывной скачки и голода устали и люди. Стерлядников уже покачивался в седле и сидел белый, как полотно. Он много потерял крови. Его мучила жажда и тошнота. Он съел немного зачерствевшего хлеба, но его тотчас же вырвало.

В сумерках, неподалеку от хутора Кривского они въехали в середину возвращавшегося со степи табуна, в последний раз сделали по преследователям несколько выстрелов и с радостью увидели, что погоня отстает. Девять всадников вдалеке съехались вместе, о чем-то, видимо, посоветовались, а потом повернули обратно.

★

В хуторе Кривском у знакомого Фомину казака они пробыли двое суток. Хозяин жил зажиточно и принял их хорошо. Поставленные в темный сарай лошади не поедали овса и к концу вторых суток основательно отдохнули от сумасшедшей скачки. У лошадей дневали по очереди, спали вповалку в прохладном затянута паутиной мякиннике и отъедались вволю за все полуголодные дни, проведенные на острове.

Хутор можно было бы покинуть на другой же день, но их задерживал Стерлядников: рана его разболелась, к утру по краям ее появилась краснота, а к вечеру нога распухла и больной впал в беспамятство. Его томила жажда. Всю ночь, как только сознание возвращалось к нему, он просил воды, пил жадно, помногу. За ночь он выпил почти ведро воды, но вставать даже при посторонней помощи уже не мог — каждое движение причиняло ему жестокую боль. Он мочился, не поднимаясь с земли, и стонал, не умолкая. Его перенесли в дальний угол мякинника, чтобы не так слышны были стоны, но это не помогло. Он стонал иногда очень громко, а когда к нему приходило беспамятство, в бреду громко и несвязно кричал.

Пришлось и около него установить дежурство. Ему давали воду, смачивали пылающий лоб и ладонями или шапкой закрывали рот, когда он на-

чинал слишком громко стонать или бредить.

К концу второго дня он пришел в себя и сказал, что ему лучше.

— Когда едете отсюда? — спросил он у Чумакова, поманив его к себе пальцем.

— Нынче ночью.

— Я тоже поеду. Не бросайте меня тут, ради Христа!

— Куда ты гож? — вполголоса сказал Фомин. — Ты же и ворохнуться не можешь.

— Как — не могу? Гляди! — Стерлядников с усилием приподнялся и тотчас снова лег.

Лицо его горело, на лбу мелкими капельками выступил пот.

— Возьмем, — решительно сказал Чумаков. — Возьмем, не бойся, пожалуйста! И слезы вытри, ты — не баба.

— Это — пот, — тихо шепнул Стерлядников и надвинул на глаза шапку...

— И рады бы тебя тут оставить, да хозяин не соглашается. Не робей, Василий! Заживет твоя нога, и мы с тобой ишо поборемся и казачка спляшем. Чего ты духом пал, ну? Хоть бы рана сурьезная была, а то так, ерунда!

Всегда суровый и хамовитый в обращении с другими Чумаков сказал это так ласково и с такими подкупающе мягкими и сердечными нотками в голосе, что Григорий удивленно посмотрел на него.

Из хутора они выехали незадолго до рассвета. Стерлядникова с трудом усадили в седло, но самостоятельно сидеть он не мог, валился то на одну сторону, то на другую; Чумаков ехал рядом, обняв его правой рукой.

— Вот обуза-то... Придется бросить его, — шепнул Фомин, поровнявшись с Григорием, сокрушенно качая головой.

— Добить?

— Ну, а что же, в зубы глядеть ему? Куда мы с ним?

Они долго ехали шагом, молчали. Чумакова сменил Григорий, потом Кошелев.

Взошло солнце. Внизу над Доном все еще клубился туман, а на бугре уже прозрачны и ясны были степные дали,

и с каждой минутой все синее становился небосвод с застывшими в зените перистыми облачками. На траве серебряной парчю лежала густая роса, и там, где проходили лошади, — оставался темный ручьи́стый след. Только жаворонки скрашивали великую и благодостройную тишину, распростертую над степью.

Стерлядников, в такт лошадиному шагу обезволенно мотавший головой, тихо сказал:

— Ох, тяжелехонько!

— Молчи! — грубо прервал его Фомин. — Нам с тобой няньчиться тоже не легче!

Неподалеку от Гетманского шляха из-под ног лошадей свечою взвился стрепет. Тонкий дребезжащий посвист его крыльев заставил Стерлядникова очнуться от забытья.

— Братцы, ссадите меня с коня... — попросил он.

Кошелев и Чумаков осторожно сняли его с седла, положили на мокрую траву.

— Дай хоть поглядим, что у тебя с ногой. А ну, расстегни-ка штаны! — сказал Чумаков, присаживаясь на-корточки.

Нога Стерлядникова чудовищно распухла, туго, без единой морщинки натянув, заполнив всю просторную штанину. До самого бедра кожа, принявшая темнофиолетовый оттенок, лоснилась и была покрыта темными бархатистыми наощупь пятнами. Такие же пятна, только более светлой окраски, показались и на смуглом, глубоко ввалившемся животе. От раны, от засохшей на штанах бурой крови уже исходил дурной, гнилостный запах, и Чумаков рассматривал ногу своего друга, зажав пальцами нос, морщась и еле удерживая подкатившую к горлу тошноту. Потом он внимательно посмотрел на опущенные синие веки Стерлядникова и переглянулся с Фоминым, сказал:

— Похоже, что антонов огонь прикинулся... Да-а-а... Плохие твои дела, Василий Стерлядников... Прямо-таки дохлые дела!.. Эх, Вася, Вася, как это тебя угораздило...

Стерлядников коротко и часто дышал и не говорил ни слова. Фомин и Григорий спешили как по команде, с наветренной стороны подошли к раненому. Он полежал немного и, опираясь на руки, сел, оглядел всех мутными и строгими в своей отрешенности глазами.

— Братцы! Предайте меня смерти... Я уже не жилец тут... Истомился весь, нету больше моей моченьки...

Он снова лег на спину и закрыл глаза. Фомин и все остальные знали, что такая просьба должна была последовать, и ждали ее. Коротко мигнув Кошелеву, Фомин отвернулся, а Кошелев, не прекослова, сорвал с плеча винтовку. «Бей!» — скорее догадался, чем услышал он, глянув на губы отошедшего в сторону Чумакова. Но Стерлядников снова открыл глаза, твердо сказал:

— Стреляй сюда, — он поднял руку и пальцем указал себе на переносицу. — Чтобы сразу свет потух... Будете на моем хуторе — скажите бабе, мол, так и так... Нехай не ждет.

Кошелев что-то подозрительно долго возился с затвором, медлил, и Стерлядников, опустив веки, успел договорить:

— У меня — только одна баба... а детишек нету... Одного она родила и то мертвого... А больше не было...

Два раза Кошелев вскидывал винтовку и опускал ее, все больше и больше бледнее... Чумаков яростно толкнул его плечом, вырвал из рук винтовку.

— Не можешь, так не берись, щенячья кровь!.. — хрипло крикнул он и снял с головы шапку, пригладил волосы.

— Скорей! — потребовал Фомин, ставя ногу в стремя.

Чумаков, подыскивая нужные слова, медленно и тихо сказал:

— Василий! Прощай и прости меня и всех нас, ради Христа! На том свете сойдемся, и нас там рассудят... Бабе твоей перекажем, об чем просил. — Он подождал ответа, но Стерлядников молчал и бледнел, ожидая смерти. Только опаленные солнцем ресницы его вздрагивали, словно от ветра, да ти-

хо шевелились пальцы левой руки, пытавшиеся зачем-то застегнуть на груди обломанную пуговицу гимнастерки.

Много смертей видел Григорий на своем веку, а на эту — смотреть не стал. Он торопливо пошел вперед, с силой натягивая поводья, ведя за собой коня. Выстрела он ждал с таким чувством, как будто ему самому должны были всадить пулю между лопатками... Выстрела ждал, и сердце отсчитывало каждую секунду, но когда сзади резко, отрывисто громыхнуло, — у него подкосились ноги, и он еле удержал вставшего на дыбы коня...

Часа два они ехали молча. Только на стоянке Чумаков первый нарушил молчание. Закрыв глаза ладонью, он глухо сказал:

— И на чорта я его стрелял? Было бы бросить его в степи, не брать лишнего греха на душу. Так и стоит перед глазами...

— Все никак не привыкнешь? — спросил Фомин. — Сколько народу ты перебил — и не мог привыкнуть? У тебя же не сердце, ржавая железяка за место него...

Чумаков побледнел, свирепо уставился на Фомина.

— Ты не трогай меня зараз, Яков Ефимович! — тихо сказал он. — Ты не квилу мою душу, а то я и тебя могу стукнуть... Очень даже просто!

— На что ты мне нужен, трогать тебя? У меня и без тебя забот хватает, — примирительно сказал Фомин и лег на спину, щурясь от солнца, с наслаждением потягиваясь.

Глава XVI

Вопреки ожиданиям Григория за полторы недели к ним присоединилось человек сорок казаков. Это были остатки растрепанных в боях различных мелких банд. Потеряв своих атаманов, они скитались по округу и охотно шли к Фомину. Им было решительно все равно — кому бы ни служить и кого бы ни убивать, лишь бы была возможность вести привольную кочевую жизнь и грабить всех, кто попадался под руку. Это был отпетый народ, и Фомин, глядя

на них, презрительно говорил Григорию: «Ну, Мелехов, наплав¹ пошел к нам, а не люди... Висельники, как на подбор!». В глубине души Фомин все еще считал себя «борцом за трудовой народ», и, хотя не так часто, как прежде, но говорил: «Мы — освободители казачества...». Глупейшие надежды упорно не покидали его... Он снова стал сквозь пальцы смотреть на грабежи, учиняемые его соратниками, считая, что все это — неизбежное зло, с которым необходимо мириться, что со временем он избавится от грабителей и что рано или поздно все же будет он настоящим полководцем повстанческих частей, а не атаманом крохотной банды...

Но Чумаков не стесняясь называл всех фоминовцев «разбойничками» и до хрипоты спорил, убеждая Фомина в том, что и он, Фомин, — не кто иной, как разбойник с большой дороги. Между ними, когда отсутствовали посторонние, часто возникали горячие споры.

— Я — идейный борец против советской власти! — багровея от гнева, кричал Фомин. — А ты меня обзываешь чорт-те по-каковски! Понимаешь ты это, дурак, что я сражаюсь за идею?!

— Ты мне голову не морочь! — возражал Чумаков. — Ты мне не наводи тень на плетень. Я тебе не мальчик! Тоже, нашелся идейный! Самый натуральный разбойник ты, и больше ничего. И чего ты этого слова боишься? Никак не пойму!

— Почему ты так меня срамишь? Почему, в рот тебе погильдь?! Я против власти восстал и дерусь с ней оружием, какой же я разбойник?..

— А вот потому ты и есть разбойник, что идешь супротив власти. Разбойники — они завсегда супротив власти, спокойн веков так. Какая бы она, советская власть, ни была, а она — власть, с семнадцатого года держится, и кто супротив нее выступает, это и есть разбойный человек.

— Пустая твоя голова! А генерал Краснов — или Деникин — тоже разбойники были?

¹ Наплав — мусор, остающийся на берегах реки после половодья.

— А то кто же? Только при эполетах... Да ить эполеты — дело маленькое. И мы с тобой можем их навесить...

Фомин стучал кулаком, плевался и, не находя убедительных доводов, прекращал бесполезный спор. Убедить Чумакова в чем-либо было невозможно...

В большинстве вновь вступавшие в банду были прекрасно вооружены и одеты. Почти у всех были хорошие лошади, втянувшиеся в бесконечные переходы и без труда делавшие пробеги по сотне верст в день. У некоторых имелось по две лошади: одна шла под седлом, а вторая, именуемая заводной, — налегках, сбоку всадника. При нужде, пересаживаясь с лошади на лошадь, давая возможность им отдохнуть по очереди, двуконный всадник мог сделать около двухсот верст в сутки.

Фомин как-то сказал Григорию:

— Ежели б у нас было сначала по два коня, — ни черта бы нас не угоняли! Милиции или красноармейским частям нельзя у населения брать коней, они стесняются это делать, а нам все дозволено! Надо обзаводиться каждому лишнюю лошадью, и нас сроду тогда не угоняют! Старые люди рассказывали, что в древние времена, бывало, татары так ходили в набеги, каждый одвуконь, а то и трехконным идет. Кто же таких пристигнет? Надо и нам так проделывать. Мне эта татарская мудрость дуже нравится!

Лошадьми они скоро разжились, и это на первое время сделало их, действительно, неуловимыми. Конная группа милиции, вновь сформированная в Вешенской, тщетно пыталась настигнуть их. Запасные лошади давали возможность малочисленной банде Фомина легко бросать противника и уходить от него на несколько переходов вперед, избегая рискованного столкновения.

Однако в середине мая группа, превосходившая банду численностью почти в четыре раза, ухитрилась прижать Фомина к Дону неподалеку от хутора Бобровского станицы Усть-Хоперской. Но после короткого боя банда все же прорвалась и ушла берегом Дона, потеряв восемь человек убитыми и ранеными. Вскоре после этого Фомин предложил

Григорию занять должность начальника штаба.

— Надо нам грамотного человека, чтобы ходить по плану, по карте, а то когда-нибудь зажмут нас и опять дадут трепки. Берись, Григорий Пантелевич, за это дело.

— Чтобы милиционеров ловить да рубить им головы, штаб не нужен, — хмуро ответил Григорий.

— Всякий отряд должен иметь свой штаб, не болтай пустяков.

— Бери Чумакова на эту должность, ежели без штаба жить не можешь.

— А ты почему не хочешь?

— Понятия не имею об этом деле.

— А Чумаков имеет?

— И Чумаков не имеет.

— Тогда на кой же хрен ты мне его суешь? Ты — офицер и должен иметь понятие, тактику знать и всякие другие штуки.

— Из меня такой же офицер был, как из тебя зараз командир отряда! А тактика у нас одна: мотайся по степи да почаще оглядывайся... — насмешливо сказал Григорий.

Фомин подмигнул Григорию и погрозил пальцем.

— Вижу тебя наскрозь! Все в холодок хоронишься? В тени хочешь остаться? Это, брат, тебя не выручит! Что взводным быть, что начальником штаба — одна цена. Думаешь, ежели поймут тебя, — скидку сделают? Дождись, как же.

— Ничего я про это не думаю, зря ты догадываешься, — внимательно рассматривая темляк на шашке, сказал Григорий. — А чего не знаю — за это и братья не хочу...

— Ну, не хочешь — и не надо, как-нибудь обойдемся и без тебя, — согласился обиженный Фомин.

Круто изменилась обстановка в округе: в дворах зажиточных казаков, всюду, где раньше Фомина встречали с великим гостеприимством, теперь на засов запирали ворота, и хозяева при появлении в хуторе банды дружно разбежались, прятались в садах и левадах. Прибывшая в Вешенскую Выездная сессия Ревтрибунала строго осудила многих казаков, ранее радушно прини-

мавших Фомина. Слух об этом широко прокатился по станицам и оказал соответствующее воздействие на умы тех, кто открыто выражал свое расположение бандитам.

За две недели Фомин сделал обширный круг по всем станицам верхнего Дона. В банде насчитывалось уже около ста тридцати сабель, и уже не наспех сформированная конная группа, а несколько эскадронов переброшенного с юга 13-го кавполка ходили за ними по пятам.

Из числа примкнувших к Фомину за последние дни бандитов многие были уроженцами дальних мест. Все они попали на Дон разными путями: некоторые в одиночку бежали с этапов, из тюрем и лагерей, но основная масса их состояла из отколовшейся от банды Маслака группы в несколько десятков сабель, а также из остатков разгромленной банды Курочкина. Маслаковцы охотно разделились и были в каждом взводе, но курочкинцы не захотели разъединяться. Они целиком составили отдельный взвод, крепко сколоченный и державшийся несколько обособленно ото всех остальных. И в боях и на отдыхе они действовали сплоченно, стояли друг за друга горой, а, разграбив где-либо лавку ЕПО или склад, всё валили в общий взводный котел и делили добычу поровну, строго соблюдая принцип равенства.

Несколько человек терских и кубанских казаков в поношенных черкесках, двое калмыков станицы Великокняжеской, латыш в охотничьих длинных до бедер сапогах и пятеро матросов-анархистов в полосатых тельняшках и выгоревших на солнце бушлатах еще больше разнообразили и без того пестро одетый, разнородный состав фоминовской банды.

— Ну, и теперь будешь спорить, что у тебя не разбойнички, а эти, как их... идейные борцы? — спросил однажды у Фомина Чумаков, указывая глазами на растянувшуюся походную колонну. — Только попа-расстриги да свиньи в штанах нам и нехватает, а то был бы полный сбор пресвятой богородицы...

Фомин перемолчал. Единственным же-

ланием его было — собрать вокруг себя как можно больше людей. Он ни с чем не считался, принимая добровольцев. Каждого, изъявлявшего желание служить под его командованием, он спрашивал сам, коротко говорил:

— К службе годен. Принимаю. Ступай к моему начальнику штаба Чумакову, он укажет, в каком взводе тебе состоять, выдаст на руки оружие.

В одном из хуторов Мигулинской станицы к Фомину привели хорошо одетого курчавого и смуглолицего парня. Он заявил о своем желании вступить в банду. Из расспросов Фомин установил, что парень — житель Ростова, был осужден недавно за вооруженное ограбление, но бежал из ростовской тюрьмы и, услышав про Фомина, пробрался на верхний Дон.

— Ты кто таков по роду-племени? Армянин али булгарин? — спросил Фомин.

— Нет, я еврей, — замаявшись, ответил парень.

Фомин растерялся от неожиданности и долго молчал. Он не знал, как ему поступить в таком, столь непредвиденном, случае.

Пораскинув умом, он тяжело вздохнул, сказал:

— Ну, что ж, еврей — так еврей. Мы и такими не гребуем... Всё лишним человеком больше. А верхом ездить ты умеешь? Нет? Научись! Дадим попервам тебе какую-нибудь немудрячую кобыленку, а потом научись. Ступай к Чумакову, он тебя определит.

Несколько минут спустя взбешенный Чумаков подскакал к Фомину.

— Ты одурел али шутки шутишь? — крикнул он, осаживая коня. — На чорта ты мне жиди прислал? Не принимаю! Нехай мететса на все четыре стороны!

— Возьми, возьми его, все счетом больше будет, — спокойно сказал Фомин.

Но Чумаков с пеной на губах заорал:

— Не возьму! Убью, а не возьму! Казаки ропот подняли, ступай сам с ними рядись!

Пока они спорили и пререкались, — возле обозной тачанки с молодого еврея

сняли вышитую рубашку и клешистые суконные штаны. Примеряя на себя рубашку, один из казаков сказал:

— Вон, видишь за хутором — бурьян-старюка? Беги туда рысью и ложись. Лежать будешь — пока мы уедем отсюда, а как уедем — вставай и дуй, куда хочешь. К нам больше не подходи, убьем, ступай лучше в Ростов, к мамаше. Не ваше это еврейское дело — воевать. Господь бог вас обучал торговать, а не воевать. Без вас управимся и расхлебаем эту кашку!

Еврея не приняли, зато в этот же день со смехом и шутками зачислили во второй взвод известного по всем хуторам Вешенской станицы дурачка Пашу. Его захватили в степи, привели в хутор и торжественно обрядили в снятое с убитого красноармейца обмундирование, показали, как обращаться с винтовкой, долго учили владеть шашкой.

Григорий шел к своим лошадям, стоявшим у коновязи, но увидев в стороне густую толпу, — направился туда. Взрыв хохота заставил его ускорить шаг, а затем в наступившей тишине он услышал чей-то поучающий рассудительный голос:

— Да не так же, Паша! Кто так рубит? Так дрова можно рубить, а не человека. Надо вот так, понял? Поймаешь — и сразу приказывай ему становиться на колени, а то стоячего тебе рубить будет неспособно... Станет он на колени, и ты вот так, сзади, и секани его по шее... Норови не прямо рубить, а с потягом на себя, чтобы лезвие режало, шло нанскось...

Окруженный бандитами, юродивый стоял на-вытяжку, крепко сжимая эфес обнаженной шашки. Он слушал наставления одного из казаков, улыбаясь и блаженно жмуря выпученные серые глаза. В углах рта его, словно у лошади, белели набитые пенистые заеди, по медно-красной бороде на грудь обильно текли слюны... Он облизывал нечистые губы и шепеляво, косноязычно говорил:

— Все понял, роденький, все... Так и сделаю... поставлю на коленочки раба божьего и шеечку ему перережу... как есть перережу! И штаны вы мне дали,

и рубаху, и сапоги... Вот только пальта у меня нету... Вы бы мне пальтишечку справили, а я вам ужогу! Изю всех силлов постараюсь!

— Убьешь какого-нибудь комиссара — вот тебе и пальто. А зараз рассказал бы, как тебя в прошлом году женили, — предложил один из казаков.

В глазах юродивого, расширившихся и одетых мутной наволочью, мелькнул животный страх. Он длинно выругался и под общий хохот стал что-то говорить. Так омерзительно было все это, что Григорий содрогнулся, поспешно отошел. «И вот с такими людьми связал я свою судьбу...» — подумал он, охваченный тоской, горечью и злобой на самого себя, на всю эту постылую жизнь...

Он прилег возле коновязи, стараясь не слушать выкриков юродивого и грохочущего хохота казаков. «Завтра же уеду. Пора!» — решил он, поглядывая на своих сытых, поправившихся лошадей. Он готовился к уходу из банды тщательно и обдуманно. У зарубленного милиционера взял документы на имя Ушакова, зашил их под подкладку шинели. Лошадей стал подготавливать к короткому, но стремительному пробегу еще две недели назад: во-время поил их, чистил так старательно, как не чистил и на действительной службе, всеми правдами и неправдами добывал на ночевках зерно, и лошади его выглядели лучше, чем у всех остальных, особенно — тавричанский серый в яблоках конь. Он весь лоснился, и шерсть его сверкала на солнце как кавказское череное серебро.

На таких лошадях можно было смело уходить от любой погони. Григорий встал, пошел в ближний двор. У старухи, сидевшей на порожках амбара, почтительно спросил:

— Коса есть у вас, бабушка?

— Где-то была. Только чума ее знает, где она. А на что тебе?

— Хотел в вашей леваде зеленки лошадям скосить. Можно?

Старуха подумала, потом сказала:

— И когда уж вы с нашей шеи слезете? То вам дай, это подай... Одни приедут — зерна требуют, другие приедут — тоже тянут и волокут все, что

глазом накинута. Не дам я тебе косы! Как хочешь, а не дам.

— Что ж, тебе травы жалко, божья старушка?

— А трава, она, что ж, по-твоему, на пустом месте растет? А корову чем я буду кормить?

— Мало в степи травы?

— Вот и поезжай туда, соколик. В степи ее много.

Григорий с досадой сказал:

— Ты, бабушка, лучше дай косу. Я трошки скошу, остальное тебе останется, а то, ежели пустим туда лошадей, — всё потравим!

Старуха сурово глянула на Григория и отвернулась.

— Ступай сам возьми, она, никак, под сараем висит.

Григорий разыскал под сараем старенькую, порванную косу и, когда проходил мимо старухи, — отчетливо слышал, как та проговорила: «Погибели на вас, проклятых, нету!».

К этому было не привыкать Григорию. Он давно видел, с каким настроением встречают их жители хуторов. «Они правильно рассуждают, — думал он, осторожно вымахивая косою и стараясь выкашивать чище, без огрехов. — На чорта мы им нужны? Никому мы не нужны, всем мешаем мирно жить и работать. Надо кончать с этим, хватит!».

Занятый своими мыслями, он стоял около лошадей, смотрел, как жадно хватают они черными бархатистыми губами пучки нежной молодой травы. Из задумчивости его вывел юношески ломающийся басок:

— До чего конь расхорош, чисто — лебедь!

Григорий глянул в сторону говорившего. Молодой, недавно вступивший в банду казачишка Алексеевской станицы смотрел на серого коня, восхищенно покачивая головой. Не сводя очарованных глаз с коня, он несколько раз обошел вокруг него, пощелкал языком.

— Твой, что ли?

— А тебе чего? — неласково ответил Григорий.

— Давай меняться! У меня гнедой — чистых донских кровей, любую препят-

ствию берет, и резвый, до чего резвый! Как молонья!

— Ступай к чорту, — холодно сказал Григорий.

Парень помолчал немного, вздохнул огорченно и сел неподалеку. Он долго рассматривал серого, потом сказал:

— Он у тебя с запалом. И отдушины у него нету.

Григорий молча ковырял в зубах соломинкой. Наивный паренек ему начал нравиться.

— Не будешь меняться, дяденька? — тихо спросил тот, глядя на Григория просящими глазами.

— Не буду. И самого тебя в додачу не возьму.

— А откуда у тебя этот конь?

— Сам выдумал его.

— Нет, взаправди!

— Все из тех же ворот: кобыла ожеребила.

— Вот и погутарь с таким дураком, — обиженно проговорил парень и отошел в сторону.

Пустой, словно вымерший, лежал перед Григорием хутор. Кроме фоминовцев, ни души не было видно вокруг. Брошенная на проулке арба, дровосека во дворе с наспех воткнутому в нее топором и с недотесанной доской возле, взналыганые быки, лениво щипавшие посреди улицы низкорослую траву, опрокинутое ведро около колодезного сруба — все говорило о том, что мирное течение жизни в хуторе было неожиданно нарушено и что хозяева, бросив незаконченными свои дела, куда-то скрылись.

Такое же безлюдье и такие же следы поспешного бегства жителей видел Григорий, когда казачьи полки ходили по Восточной Пруссии. Теперь довелось ему увидеть это же в родном краю... Одинаково угрюмыми и ненавидящими взглядами встречали его тогда — немцы, теперь — казаки Верхнего Дона. Григорий вспомнил разговор со старухой и тоскливо огляделся по сторонам, расстегнув ворот рубашки. Опять подступила к сердцу проклятая боль...

Жарко калило землю солнце. Пахло на проулке пресным запахом пыли, ле-

бедой и конским потом. В левадах, на высоких вербах, усеянных лохматыми гнездами, кричали грачи. Степная речушка, вскормленная где-то в вершине лога ключами родниковой воды, медлительно текла по хутору, деля его на две части. С обеих сторон к ней сползали просторные казачьи двory, все в густой заросли садов, с вишнями, заслонившими окна куреней, с разлапистыми яблонями, простиравшими к солнцу зеленую листву и молодую завязь плодов.

Затуманившимися глазами смотрел Григорий на поросший кучерявым подорожником двор, на крытую соломой хату с желтыми ставнями, на высокий колодезный журавль... Возле гумна, на одном из кольев старого плетня висел лошадиный череп, выбеленный дождями, черневший провалами порожних глазниц. По этому же колу, свиваясь спирально, ползла, тянулась к свету зеленая тыквенная плеть. Она достигла верхушки кола, цепляясь мохнатыми усиками за выступы черепа, за мертвые лошадиные зубы, и свесившийся кончик ее, ища опоры, уже доставал ветку стоявшего неподалеку куста калины.

Во сне или в далеком детстве видел все это Григорий? Охваченный внезапным приступом горячей тоски, он лег под плетень ничком, закрыл лицо ладонями, и поднялся только тогда, когда издали донеслось протяжное: «Сед-ла-ай коней!».

Ночью на походе он выехал из рядов, остановился как будто для того, чтобы переседлать коней, а потом прислушался к медленному удалявшемуся, затихавшему цокоту конских копыт и, вскочив в седло, наметом поскакал в сторону от дороги.

Верст пять он гнал лошадей, не оставиваясь, а потом перевел их на шаг, прислушался — не идет ли сзади погоня? В степи было тихо. Только жалобно перекликались на песчаных бурунах кулики да где-то далеко-далеко чуть слышно звучал собачий лай.

В черном небе — золотая россыпь мерцающих звезд. В степи — тишина и ветерок, налитанный родным и горьким запахом полыни... Григорий приподнял-

ся на стременах, вздохнул облегченно, полной грудью...

Глава XVII

Задолго до рассвета он прискакал на луг против Татарского. Ниже хутора, где Дон был мельче, разделся донага, привязал к лошадиным головам одежду, сапоги, оружие, и, держа в зубах подсумок с патронами, вместе с лошадьми пустился вплавь. Вода обожгла его нестерпимым холодом. Стараясь согреться, он быстро загребал правой рукой, не выпуская из левой связанных поводьев, вполголоса подбадривая стонущих и фыркающих на плыву лошадей.

На берегу торопливо оделся, подтянул подпруги седел, и, чтобы согреть лошадей, шибко поскакал к хутору. Намокшая шинель, мокрые крылья седла, влажная рубашка охладили тело. Зубы Григория стучали, по спине бежал озноб, и сам он весь дрожал, но вскоре быстрая езда его разогрела и неподалеку от хутора он поехал шагом, осматриваясь по сторонам и чутко прислушиваясь. Лошадей решил оставить в яру. По каменистой россыпи спустился в теклину яра. Под копытами лошадей сухо зацелкали камни, посыпались высекаемые подковами огненные брызги.

Григорий привязал лошадей к знакомому с детства сухому караичу, пошел в хутор.

Вот и старый мелеховский курень, темные купы яблонь, колодезный журавль под Большой Медведицей... Задыхаясь от волнения, Григорий спустился к Дону, осторожно перелез через плетень астаховского база, подошел к не прикрытому ставнями окну. Он слышал только частые удары сердца да глухой шум крови в голове. Тихо постучал в переплет рамы, так тихо, что сам почти не расслышал стука. Аксиныя молча подошла к окну, всмотрелась. Он увидел, как она прижала к груди руки, и услышал сорвавшийся с губ ее невнятный стон. Григорий знаком показал, чтобы она открыла окно, снял винтовку. Аксиныя распахнула створки.

— Тише! Здравствуй! Не отпирай дверь, я — через окно, — шопотом сказал Григорий.

Он стал на завалинку. Голые руки Аксиньи охватили его шею. Они так дрожали и бились на его плечах, эти родные руки, что дрожь их передалась и Григорию.

— Ксюша... погоди... возьми винтовку, — запинаясь, чуть слышно шептал он.

Придерживая рукою шашку, Григорий шагнул через подоконник, закрыл окно.

Он хотел обнять Аксинью, но она тяжело опустилась перед ним на колени, обняла его ноги, и, прижимаясь лицом к мокрой шинели, вся затряслась от сдерживаемых рыданий. Григорий поднял ее, усадил на лавку. Клонясь к нему, пряча лицо на груди у него, Аксинья молчала, часто вздрагивала и стискивала зубами отворот шинели, чтобы заглушить рыдания и не разбудить детей.

Видно, и ее, такую сильную, сломили страдания. Видно, солоно жилось ей эти месяцы... Григорий гладил ее рассыпавшиеся по спине волосы, горячий и мокрый от пота лоб. Он дал ей выплакаться вволю, потом спросил:

— Детишки живы-здоровы?

— Да.

— Дуняшка?

— И Дуняшка... Живая... и здоровая...

— Михаил дома? Да погоди же ты! Перестань, у меня рубаха вся мокрая от твоих слез... Ксюша! Дорогая моя, хватит! Некогда кричать, времени мало... Михаил дома?

Аксинья вытерла лицо, мокрыми ладонями сжала щеки Григория. Улыбаясь сквозь слезы, не сводя с возлюбленного глаз, тихо сказала:

— Я не буду... Я уже не кричу... Нету Михаила, второй месяц в Вешках, служит в какой-то части. Пойди же глянь на детей! Ой, и не ждали мы тебя и не чаяли!..

Мишатка и Полюшка, разметавшись, спали на кровати. Григорий склонился над ними, постоял немного и отошел

на цыпочках, молча присел возле Аксиньи.

— Как же ты? — горячим шопотом спросила она. — Как пришел? Где же ты пропал? А ежели поймают тебя?

— Я за тобой. Небошь, не поймают! Поедешь?

— Куда?

— Со мною. Ушел я из банды. Я у Фомина был, слыхала?

— Да. А куда же я с тобой?

— На юг. На Кубань или дальше. Проживем, прокормимся как-нибудь, а? Никакой работой не погнушаюсь. Моим рукам работать надо, а не воевать. Вся душа у меня изболелась за эти месяцы... Ну, об этом после.

— А дети?

— Оставим на Дуняшку. Потом видно будет. Потом заберем и их. Ну? Едешь?

— Гриша... Гришенька...

— Не надо! Без слез. Хватит же! Потом покричим с тобой, время будет... Собирайся, у меня кони ждут в яру. Ну? Едешь?

— А как бы ты думал? — вдруг громко сказала Аксинья и испуганно прижала руку к губам, глянула на детей. — Как бы ты думал? — уже шопотом спросила она. — Сладко мне одной? Поеду, Гришенька, роденький мой! Пешки пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нету мне без тебя жизни... Лучше убей, но не бросай опять!..

Она с силой прижала к себе Григория. Он целовал ее и косился на окно. Коротки летние ночи. Надо спешить.

— Может, приляжешь? — спросила Аксинья.

— Что ты! — испуганно воскликнул он. — Скоро рассветет, надо ехать. Одевайся и ступай покличь Дуняшку. Договоримся с ней. Нам надо затемно добраться до Сухого лога. Там в лесу переднюем, а ночью — дальше. Верхом-то ты усидишь?

— Господи, тут хоть бы как-нибудь, а не то — верхом! Я все думаю — не во сне ли это мне снится? Я тебя часто во сне вижу... и все по-разному... — Аксинья торопливо причесывала волосы, держа в зубах шпильки..

и говорила невнятно, тихо. Она быстро оделась, шагнула к двери.

— Разбудить детей? Хоть поглядишь на них.

— Нет, не надо, — решительно сказал Григорий.

Он достал из шапки кисет и стал сворачивать папироску, но как только Аксинья вышла — он поспешно подошел к кровати и долго целовал детей, а потом вспомнил Наталью и еще многое вспомнил из своей нелегкой жизни, и заплакал.

Переступив порог, Дуняшка сказала:

— Ну, здравствуй, братец! Приблизился к дому? Сколько не блукать тебе по степи... — и перешла на причитания. — Дождались детки родителя... При живом отце стали сиротами...

Григорий обнял ее, сурово сказал:

— Тише, детишек побудишь! Ты это брось, сестра! Я эту музыку слыхал! А слез и горя у меня своего хватает... Тебя я не за этим покликал. Детей возьмешь на воспитание?

— А ты куда денешься?

— Ухожу и Аксинью беру с собой. Возьмешь детей к себе? Устроюсь на работу, тогда заберу их.

— Ну, а как же? Раз уж вы обое уходите, — возьму. Не на улице же им оставаться, и на чужих людей их не кинешь...

Григорий молча поцеловал Дуняшку, сказал:

— Великое спасибо тебе, сестра! Я знал, что не откажешь.

Дуняшка молча присела на сундук, спросила:

— Когда уходите? Зараз?

— Да.

— А дом как же? Хозяйство?

Аксинья нерешительно ответила:

— Смотри сама. Пусти квартирантов — или делай как знаешь. Что останется из одежды, из имущества — перенеси к себе...

— Что я скажу людям-то? Спросят, куда делась, — что я говорить буду? — спросила Дуняшка.

— Скажи, что ничего не знаешь, вот и весь сказ. — Григорий повернулся к Аксинье. — Ксюша, поспешай, соберайся. Много не бери с собой. Возьми

теплую кофту, две-три юбки, бельшишко, какое есть, харчей на первый случай, вот и все.

Чуть забрезжил рассвет, когда, простившись с Дуняшкой и перецеловав так и не проснувшихся детей, Григорий и Аксинья вышли на крыльцо. Они спустились к Дону, берегом дошли до яра.

— Когда-то мы с тобой в Ягодное вот так же шли, — сказал Григорий. — Только узелок у тебя был тогда побольше, да сами мы были помоложе...

Охваченная радостным волнением, Аксинья сбоку взглянула на Григория.

— А я все боюсь — не во сне ли это? Дай руку твою, потрогаю, а то веры нету. — Она тихо засмеялась, на ходу прижалась к плечу Григория.

Он видел ее опухшие от слез и сияющие счастьем глаза, бледные в предрассветных сумерках щеки. Ласково усмехаясь, подумал: «Собралась и пошла как будто в гости... Ничто ее не страшит, вот молодец-баба!».

Словно отвечая на его мысли, Аксинья сказала:

— Видишь, какая я... свистнул, как собачонке, и побежала я за тобой. Это любовь да тоска по тебе, Гриша, так меня скрутили... Только детишек жалко, а об себе я и «ох» не скажу. Везде пойду за тобой, хоть на смерть!

Засыпав их шаги, тихо заржали кони. Стремительно приближался рассвет. Уже зарозовела чуть приметно на восточной окраине полоска неба. Над Доном поднялся от воды туман.

Григорий отвязал лошадей, помог Аксинье сесть в седло. Стремена были отпущены длинновато по ногам Аксиньи. Досаду на свою непредусмотрительность, он подтянул ремни, сел на второго коня.

— Держи за мной, Ксюша! Выберемся из яра — пойдём наметом. Тебе будет не так тряско. Поводья не отпускай. Конишка, какой под тобой, этого недолюбливает. Береги колени. Он иной раз балуется, норовит ухватить зубами за колено. Ну, айда!

До Сухого лога было верст восемь. За короткий срок они проскакали это расстояние и на восходе солнца были

уже возле леса. На опушке Григорий спешился, помог Аксинье сойти с коня.

— Ну, как? Тяжело с непривычки ездить верхом? — улыбаясь, спросил он.

Раскрасневшаяся от скачки Аксинья блеснула черными глазами.

— Хорошо! Лучше, чем пешком. Вот только ноги... — И она смущенно улынулась: — Ты отвернись, Гриша, я гляну на ноги. Что-то кожу пощипывает... потерлась, должно быть.

— Это пустяки, пройдет, — успокоил Григорий. — Разомнись трошки, а то у тебя ноженьки что-то подрагивают... — И с ласковой насмешкой сощурил глаза: — Эх ты, казачка!

У самой подошвы бурака он выбрал небольшую полянку, сказал:

— Тут и будет наш стан, располагайся, Ксюша!

Григорий расседлал коней, стреножил их, положил под куст седла и оружие. Обильная густая роса лежала на траве, и трава от росы казалась сизой, а по косогору, где все еще тайлся утренний полумрак, она отсвечивала тусклой голубизной. В полураскрытых чашечках цветов дремали оранжевые шмели. Звенели над степью жаворонки, в хлебах, в душистом степном разнотравьи дробно выстукивали перепела: «Спать пора! Спать пора! Спать пора!». Григорий умял возле дубового куста траву, прилег, положив голову на седло. И гремучая дробь перепелиного боя, и усыпляющее пение жаворонков, и теплый ветер, наплывавший из-за Дона с неостывших за ночь песков — все располагало ко сну. Кому-кому, а Григорию, не спавшему много ночей подряд, пора было спать. Перепела уговорили его, и он, побежденный сном, закрыл глаза. Аксинья сидела рядом, молчала, задумчиво обрывая губами фиолетовые лепестки пахучей медвянки.

— Гриша, а никто нас тут не захватит? — тихо спросила она, коснувшись стебельком цветка заросшей щеки Григория.

Он с трудом очнулся от дремотного забытья, хрипло сказал:

— Никого нету в степи. Зараз же глухая пора. Я усну, Ксюша, а ты по-

караул лошадей. Потом ты уснешь. Сон сморил меня... сплю... Четвертые сутки. Потом погугарим...

— Спи, роденький, спи крепше!

Аксинья наклонилась к Григорию, отвела со лба его нависшую прядь волос, тихонько коснулась губами щеки.

— Милый мой, Гришенька, сколько седых волос-то у тебя в голове... — сказала она шопотом. — Стареешь, стало быть? Ты же недавно парнем был... — И с грустной полуулыбкой заглянула в лицо Григорию.

Он спал, слегка приоткрыв рот, мерно дыша. Черные ресницы его, с сожженными солнцем кончиками, чуть вздрагивали, шевелилась верхняя губа, обнажая плотно сомкнутые белые зубы. Аксинья всмотрелась в него внимательнее и только сейчас заметила, как изменился он за эти несколько месяцев разлуки. Что-то суровое, почти жестокое было в глубоких поперечных морщинах между бровями ее возлюбленного, в складках рта, в резко очерченных скулах... И она впервые подумала, как, должно быть, страшен он бывает в бою, на лошади, с обнаженной шашкой. Опустив глаза, она мельком взглянула на его большие узловатые руки и почему-то вздохнула.

Спустя немного Аксинья тихонько встала, перешла поляну, высоко подобрала юбку, стараясь не замочить ее по росистой траве. Где-то недалеко бился о камни и звенел ручеек. Она спустилась в теклину лога, устланную замшелыми, покрытыми прозеленью каменными плитами, напилась холодной родниковой воды, умылась и досуха вытерла порумяневшее лицо платком. С губ ее все время не сходила тихая улыбка, радостно светились глаза. Григорий снова был с нею! Снова прозрачным счастьем манила ее неизвестность... Много слез пролила Аксинья бессонными ночами, много горя перетерпела за последние месяцы. Еще вчера днем, на огороде, когда бабы, половшие по соседству картофель, запели грустную бабью песню, — у нее больно жжалось сердце, и она невольно прислушалась:

Тега-тега, гуси серые, домой,
 Не пора ли вам наплаваться?
 Не пора ли вам наплаваться,
 Мне, бабёночке, наплакаться...

выводил, жаловался на окаянную судьбу высокий женский голос, и Аксинья не выдержала: слезы так и брызнули из ее глаз! Она хотела забыться в работе, заглушить ворохнувшуюся под сердцем тоску, но слезы застилали глаза, дробно капали на зеленую картофельную ботву, на обессиленные руки, и она уже ничего не видела и не могла работать. Бросив мотыгу, легла на землю, спрятала лицо в ладонях, дала волю слезам...

Только вчера она проклинала свою жизнь, и все окружающее выглядело серо и безрадостно, как в ненастный день, а сегодня весь мир казался ей ликующим и светлым, словно после благодатного летнего ливня. «Найдем и мы свою долю!» — думала она, рассеянно глядя на резные дубовые листья, вспыхнувшие под косыми лучами восходящего солнца.

Возле кустов и на солнцепеке росли душистые пестрые цветы. Аксинья нарвала их большую охапку, осторожно присела неподалеку от Григория и, вспомнив молодость, стала плести веночек. Он получился нарядный и красивый. Аксинья долго любовалась им, потом воткнула в него несколько розовых цветков шиповника, положила в изголовье Григорию.

Часов в девять Григорий проснулся от конского ржания, испуганно сел, шаря вокруг себя руками, ища оружие.

— Никого нету, — тихо сказала Аксинья. — Чего ты испугался?

Григорий протер глаза, сонно улыбнулся.

— Приучился по-заячьи жить. Спишь и во сне одним глазом поглядываешь, от каждого стука вздрагиваешь... От этого, девка, скоро не отвыкнешь. Долго я спал?

— Нет. Может, ишо уснешь?

— Мне надо сутки подряд спать, чтобы отоспаться как следует. Давай лучше завтракать. Хлеб и нож у меня в седельных сумках, достань сама, а я пойду коней напою.

Он встал, снял шинель, повел плечами. Жарко пригревало солнце. Ветер ворошил листья деревьев, и за шелестом их уже не слышно было певучего говора ручья.

Григорий спустился к воде, из камней и веток сделал в одном месте запруду, шашкой нарыл земли, засыпал ею промежутки между камнями. Когда вода набралась возле его плотины, он привел лошадей и дал им напиться, потом снял с них уздечки, снова пустил пастись.

За завтраком Аксинья спросила:

— Куда же мы поедем отсюда?

— На Морозовскую. Доедем до Платова, а оттуда пойдем пеши.

— А кони?

— Бросим их.

— Жалко, Гриша! Кони такие добрые, на серого прямо не наглядисься, и надо бросать? Где ты его добыл?

— Добыл... — Григорий невесело усмехнулся. — Грабежом взял у одного тавричанина.

После недолгого молчания он сказал:

— Жалко-не жалко, а бросать придется... Нам лошадьми не торговать.

— А к чему ты при оружии едешь? На что оно нам сдалось? Не дай бог, увидит кто — беды наберемся.

— Кто нас ночью увидит? Я его так, для опаски оставил. Без него мне уже страшновато... Бросим коней — и оружие брошу. Тогда оно уже будет ненужное.

После завтрака они легли на разостланной шинели. Григорий тщетно боролся со сном, Аксинья, опершись на локоть, рассказывала, как жила без него, как много выстрадала за это время. Сквозь неодолимую дрему Григорий слышал ее ровный голос и не в силах был поднять отяжелевшие веки. Иногда он вовсе переставал слышать Аксинью. Голос ее удалялся, звучал глуше и затихал совсем. Григорий вздрагивал и просыпался, а через несколько минут уже снова закрывал глаза. Усталость была сильнее его желаний и воли.

— ...скачали, спрашивали — где багтя? Я с ними по-всячески, всё больше

лаской. Приобькли, привязались ко мне и стали реже проводывать Дунышку. Полюшка — тихонькая, смиренная. Куклят ей нашью из лоскутков, она и сидит с ними под столом, занимается. А Мишатка раз прибегает с улицы, весь дрожит: «Ты чего?» — спрашиваю. Заплакал, да так горько. «Ребята со мной не играют, говорят — твой отец бандит. Мамка, верно, что он бандит? Какие бывают бандиты?». Говорю ему: «Никакой он не бандит, твой отец. Он так... несчастный человек». Вот и привязался он с расспросами: почему несчастный, и что такое несчастный? Никак ему не втолкую... Они сами, Гриша, стали звать меня матерью, не подумай, что я их учила. А Михаил ничего с ними обходился, ласково. Со мной не здоровался, отвернется и пройдет мимо, а им раза два сахару привозил из станицы. Прохор все об тебе горевал. Пропал, говорит, человек. На прошлой неделе зашел, погутарил об тебе и ажник слезьми закричал... Обыск делали у меня, всё оружие искали, и под застрехами, и в погребу, и везде...

Григорий уснул, так и не дослушав рассказа. Над головой его шептались под ветром листья молодого вяза. По лицу скользили желтые блики света. Аксинья долго целовала его закрытые глаза, а потом и сама уснула, прижавшись к руке Григория щекой, улыбаясь и во сне.

★

Поздней ночью, когда зашел месяц, они покинули Сухой лог. Через два часа езды спустились с бугра к Чиру. На лугу кричали коростели, в камышистых заводях речки насаживались лягушки, и где-то далеко и глухо стонала выпь.

Сплошные сады тянулись над речкой, неприветно чернея в тумане.

Неподалеку от мостка Григорий остановился. Полночное безмолвие царило в хуторе. Григорий тронул коня каблучками, свернул в сторону. Ехать через мост он не захотел. Не верил он этой тишине и боялся ее. На краю хутора

они переехали речку вброд и только-что свернули в узкий переулочек, как из канавы поднялся человек, за ним — еще трое.

— Стой! Кто едет?

Григорий вздрогнул от окрика, как будто от удара, натянул поводья. Мгновенно овладев собой, он громко отозвался: «Свои! — и, круто поворачивая коня, успел шепнуть Аксинье: — Назад! За мной!».

Четверо из заставы недавно расположившегося на ночевку продотряда молча и неспеша шли к ним. Один остановился прикурить, зажег спичку. Григорий с силой вытянул плетью коня Аксиньи. Тот рванулся и с места взял в карьер. Пригнувшись к лошадиной шее, Григорий скакал следом. Томительные секунды длилась тишина, а потом громом ударил неровный раскатистый залп, вспышки огня пронизали темноту. Григорий услышал жгучий свист пуль и протяжный крик:

— В ружье-е-е!..

Саженья в ста от речки Григорий догнал машисто уходившего серого коня, — поровнявшись, крикнул:

— Пригнись, Ксюша! Пригнись ниже!

Аксинья натягивала поводья и, запрокидываясь, валилась набок. Григорий успел поддержать ее, иначе она бы упала.

— Тебя поранили?! Куда попало?! Говори же!.. — хрипло спросил Григорий.

Она молчала и все тяжелее наваливалась на его руку. На скаку прижимая ее к себе, Григорий задыхался, шептал:

— Ради господ-бога! Хоть слово! Да что же это ты?!

Но ни слова, ни стоны не услышал он от безмолвной Аксиньи.

Верстах в двух от хутора Григорий круто свернул с дороги, спустился к яру, спешился и принял на руки Аксинью, бережно положил ее на землю.

Он снял с нее теплую кофту, разорвал на груди легкую ситцевую блузку и рубашку, ошупью нашел рану. Пуля вошла Аксинье в левую лопатку, раз-

дробила кость и наискось вышла под правой ключицей. Окровавленными трясушимися руками Григорий достал из переметных сум свою чистую исподнюю рубашку, индивидуальный пакет. Он приподнял Аксинью, подставил под спину ей колено, стал перевязывать рану, пытаясь унять хлеставшую из-под ключицы кровь. Ключья рубашки и бинт быстро чернели, промокали насквозь. Кровь текла также из полуоткрытого рта Аксиньи, клокотала и булькала в горле. И Григорий, мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни, — уже случилось...

По крутому склону яра, по тропинке, пробитой в траве и усеянной овечьими орешками, он осторожно спустился в яр, неся на руках Аксинью. Безвольно опущенная голова ее лежала у него на плече. Он слышал свистящее, захлебывающееся дыхание Аксиньи и чувствовал, как теплая кровь покидает ее тело и льется изо рта ему на грудь. Следом за ним сошли в яр обе лошади. Фыркая и гремя удилами, они стали жевать сочную траву.

Аксинья умерла на руках у Григория незадолго до рассвета. Сознание к ней так и не вернулось. Он молча поцеловал ее в холодные и соленые от крови губы, бережно опустил на траву, встал. Неведомая сила толкнула его в грудь, и он попятился, упал навзничь, но тотчас же испуганно вскочил на ноги. И еще раз упал, больно ударившись обнаженной головой о камень. Потом, не поднимаясь с колен, вынул из ножен шашку, начал рыть могилу. Земля была влажная и податливая. Он очень спешил, но удущье давило ему горло, и чтобы легче было дышать — он разорвал на себе рубашку. Предутренняя свежесть холодила его влажную от пота грудь, и ему стало не так трудно работать. Землю он выгребал руками и шапкой, не отдыхал ни минуты, но пока вырыл могилу глубиною в пояс, — ушло много времени.

Хоронил он свою Аксинью при ярком утреннем свете. Уже в могиле он крестом сложил на груди ее мертвенно по-

белевшие смуглые руки, головным платком прикрыл лицо, чтобы земля не сыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза. Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстанутся они ненадолго...

Ладонями старательно примял на могильном холмике влажную желтую глину и долго стоял на коленях возле могилы, склонив голову, тихо покачиваясь.

Теперь ему незачем было торопиться. Все было кончено.

В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория, скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца.

Глава XVIII

Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава, в степи начинаются весенние палы. Потоками струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой аржанец, взлетает по высоким будылям татарника, скользит по бурьим верхушкам чернобыла, стелется по низинам... И после долго пахнет в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли. Кругом весело зеленеет молодая трава, трепещут над нею в голубом небе бесчисленные жаворонки, падутся на кормовитой зеленке пролетные гуси и вьют гнезда осевшие на лето стрепета. А там, где прошли палы, зловеще чернеет мертвая обуглившаяся земля. Не гнездует на ней птица, стороною обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль.

Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу. Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть. Остались только дети. Но сам он все еще судорожно цепля-

ся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других...

Похоронив Аксинью, трое суток бесцельно скитался он по степи, но ни домой, ни в Вешенскую не поехал с повинной. На четвертые сутки, бросив лошадей в одном из хуторов Усть-Хоперской станицы, он переправился через Дон, пешком ушел в Слащевскую дубраву, на опушке которой в апреле впервые была разбита банда Фомина. Еще тогда, в апреле, он слышал о том, что в дубраве оседло живут дезертиры. К ним и шел Григорий, не желая возвращаться к Фомину.

Несколько дней бродил он по огромному лесу. Его мучил голод, но пойти куда-либо к жилью он не решался. Он утратил со смертью Аксиньи и разум и былую смелость. Треск поломанной ветки, шорох в густом лесу, крик ночной птицы — все повергало его в страх и смятение. Питался Григорий недозрелыми ягодами клубники, какими-то крохотными грибами, листьями орешника — и сильно отошал. На исходе пятого дня его встретили в лесу дезертиры, привели к себе в землянку.

Их было семь человек. Все они — жители окрестных хуторов — обосновались в дубраве с осени прошлого года, когда началась мобилизация. Жили в просторной землянке по-хозяйски домовито и почти ни в чем не нуждались. Ночами часто ходили проведывать семьи; возвращаясь, приносили хлеб, сухари, пшено, муку, картофель, а мясо на варево без труда добывали в чужих хуторах, изредка воруя скот.

Один из дезертиров, некогда служивший в 12-м казачьем полку, опознал Григория, и его приняли без особых пререканий.

★

Григорий потерял счет томительно тянувшимся дням. До октября он кое-как прожил в лесу, но когда начались осенние дожди, а затем холода, — с новой и неожиданной силой проснулась в нем тоска по детям, по родному хутору...

Чтобы как-нибудь убить время, он целыми днями сидел на нарах, вырезывал из дерева ложки, выдалбливал миски, искусно мастерил из мягких пород игрушечные фигурки людей и животных. Он старался ни о чем не думать и не давать дороги к сердцу ядовитой тоске. Днем это ему удавалось, но длинные зимними ночами тоска воспоминаний одолевала его. Он подолгу ворочался на нарах и не мог заснуть. Днем никто из жильцов землянки не слышал от него ни слова жалобы, но по ночам он часто просыпался, вздрагивая, проводил рукою по лицу — щеки его и отросшая за полгода густая борода были мокры от слез.

Ему часто снились дети, Аксинья, мать и все остальные близкие, кого уже не было в живых. Вся жизнь Григория была в прошлом, а прошлое казалось недолгим и тяжким сном. «Походить бы ишо раз по родимым местам, покрасоваться на детишек, а тогда можно бы и помирать» — часто думал он.

На просвесе как-то днем неожиданно появился Чумаков. Он был мокр по пояс, но попрежнему бодр и суетлив. Высушив одежду возле печурки, обогревшись, подсел к Григорию на нары.

— Погуляли же мы, Мелехов, с той поры, как ты от нас отбился! И под Астраханью были, и в калмыцких степях... Поглядели на белый свет! А что крови чужой пролили — счету негу. У Якова Ефимыча жену взяли заложницей, имущество забрали, ну, он и остервенился, приказал рубить всех, кто советской власти служит. И зачали рубить всех подряд: и учителей, и разных там фельдшеров, и агрономов... Чорт-те кого только не рубили! А зараз — кончили и нас, совсем, — сказал он, вздыхая и все еще ежась от озноба. — Первый раз разбили нас под Тишанской, а неделю назад — под Солоным. Ночью окружили с трех сторон, оставили один ход на бугор, а там снегу — лошадям по пузо... С рассветом вдарили из пулеметов, и началось... Всех посекали пулеметами. Я да сынишка Фомина — только двое и спаслись. Он, Фомин-то, Давыдку своего с собой возил с самой

осени. Погиб и сам Яков Ефимыч... На моих глазах погиб. Первая пуля попала ему в ногу, перебила коленную чашечку, вторая — в голову, наосклизь. До трех раз падал он с коня. Остановимся, подыдем, посадим в седло, а он проскачет трошки и опять упадет. Третья пуля нашла его, ударила в бок... Тут уж мы его бросили. Отскакал я на сотенник, оглянулся, а его уже лежачего двое конных шашками полосуют...

— Что ж, так и должно было получиться, — равнодушно сказал Григорий.

Чумаков переночевал у них в землянке, утром стал прощаться.

— Куда идешь? — спросил Григорий.

Улыбаясь, Чумаков ответил:

— Легкую жизнь шукать. Может, и ты со мной?

— Нет, топай один.

— Да, мне с вами не жить... Твое ремесло, Мелехов, — ложки-чашки вырезывать — не по мне, — насмешливо проговорил Чумаков и с поклоном снял шапку: — Спаси христос, мирные разбойнички, за хлеб-соль, за уют. Нехай боженька даст вам веселой жизни, а то дюже скучно у вас тут. Живете в лесу, молитесь поломанному колесу, разве это жизнь?

Григорий после его ухода пожил в дубраве еще с неделю, потом собрался в дорогу.

— Домой? — спросил у него один из дезертиров.

И Григорий, впервые за все время своего пребывания в лесу, чуть приметно улыбнулся:

— Домой.

— Подождал бы весны. К первому маю амнистию нам дадут, тогда и разойдемся.

— Нет, не могу ждать, — сказал Григорий, и распрощался.

Утром на следующий день он подошел к Дону против хутора Татарского. Долго смотрел на родной двор, бледнея от радостного волнения. Потом снял винтовку и подсумок, достал из него шитвянку, конопляные хлопья, пузырек с ружейным маслом, зачем-то пересчи-

тал патроны. Их было двенадцать обойм и двадцать шесть штук россыпью.

У крутояра лед отошел от берега. Прозрачно зеленая вода плескалась и обламывала иглистый ледок окраинцев. Григорий бросил в воду винтовку, наган, потом высыпал патроны и тщательно вытер руки о полу шинели.

Ниже хутора он перешел Дон по си- нему, изъеденному ростепелью, мартовскому льду, крупно зашагал к дому. Еще издали он увидел на спуске к пристани Мишатку и еле удержался, чтобы не побежать к нему.

Мишатка обламывал свисавшие с камня ледяные сосульки, бросал их и внимательно смотрел, как голубые осколки катятся вниз, под гору.

Григорий подошел к спуску, — задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он угадал в этом бородатом и страшном на вид человеке отца...

Все ласковые и нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дубраве, своих детей, — сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово:

— Сынок.. сынок..

Потом Григорий взял на руки сына. Сухими, исступленно горящими глазами жадно всматриваясь в его лицо, спросил:

— Как же вы тут?.. Тетка, Полюшка — живые-здоровые?

Попрежнему не глядя на отца, Мишатка тихо ответил:

— Тетка Дуня здоровая, а Полюшка померла осенью... От глотошной... А дядя Михаил на службе...

Что ж, вот и сбилось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром.

Конец.

Так мы росли

Из лирической хроники

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

★

ВОЗРАСТ

Все тяжелее день ото дня
Возраста ноша.
Реже друзья окликают меня
Ласковым словом — Алеша.

Я на судьбу не жалуясь... Что ж,
Так бывает со всеми.
Не переспоришь, не обойдешь
Неумолимое время.

Все на его переключке равны,
Все сосчитаны чохом.
Встретим же первый намек седины
Первым тяжелым вздохом.

Впрочем, не рано ли... Погоди.
Грусть не к лицу, не к дому.
Вслушайся: сердце в твоей груди
Бьется по-молодому.

Май зашумел, завились плющи,
Дворик тополю тесен.
Песни в броженьи... Не расплещи
Молодость этих песен.

★

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Сам с собой останешься. Проснется
В памяти бывшее иногда,
В нашем прошлом, как на дне колодца,
Черная стоячая вода.

Был порядок жизни неизменен,
 Как дневной круговорот земли.
 Но вошел в него Владимир Ленин
 И позвал. И мы за ним пошли.

Стали силой мы и стали властью
 В этот памятный и светлый час.
 Хочешь знать, как зарождалось счастье, —
 Мы расскажем. Спрашивай у нас.

★

НА ВОКЗАЛЕ

На площади у вокзального зданья
 Армейцы месили слякоть.
 В глаза целовала в час расставанья,
 Давала слово не плакать.

Шел снег. Поезда проходили мимо,
 Гудками сердце кололи.
 Зачем ты не плакала? Нестерпимо
 Немое горенье боли.

Чуть северным ветром дохнет погода—
 И боль оживет, упряма...
 Кричу тебе в даль сурового года:
 Расплачься!.. Расплачься, мама!

★

В СЕКРЕТЕ

Из-за Нарвы навстречу войне
 Машинисты ведут поезда.
 Я в секрете лежу. В вышине
 Из-за туч пробилась звезда.

Захолонуло сердце в груди.
 Ни огня, ни дыханья кругом.
 Каждый маленький куст впереди
 В этой темени смотрит врагом.

Бродят тени по кромке лесной.
 Волчьи свечи в чаще горят.
 А в приморском селе, за спиной,
 Разметался во сне отряд.

Море гулко, размеренно бьет
 О песок ледяную струю.
 Ветер, вечный бродяга, поет
 Про бездомную юность мою.

Как часы этой ночи долги.
 Как глуха одиночества речь.
 Жизнь! Хоть ты в этот год помоги
 Нежность юности в сердце сберечь.

★

ОТРЯД ИДЕТ В АТАКУ

Всех пулеметов кривотолки
 В свинцовый жгут атака вьет.
 Матрос-балтиец на двуколке
 Над смертью «Яблочко» поет.

На белый снег по кромке клеша
 Густая кровь стекает вниз.
 А ну-ка, мальчик мой Алеша,
 Вперед, в штыки, за коммунизм!

Про молодость в чаду сраженья
 Не вспомни и не пожалей.
 Закон земного притяженья
 Под пулями преодолей.

И в рост поднялся под шрапнелью,
 И робость в сердце замерла.
 Легко... Как будто над шинелью
 Метнулись в небо два крыла.

★

ЧТО ПЕЛА БАБКА

Все это было давным давно.
 Солнечный заяц прыгал в окно,
 Зыбка качалась, очеп скрипел,
 Старческий голос пел:

«Тараканы бегают
 По печку.
 Не ходи ты, внученька,
 Через речку.

Не ходи ты, внученька,
 Крутояром.
 Не труди ты ноженьки
 Зря, задаром.

Не созреет вишенья
 На рябине.
 Не найдешь ты радости
 На чужбине».

Неврок мне пошла этой песни наука.
 Ушел за околицу, с песней споря.
 Грозой прокатились по сердцу внука
 Года унижений, тоски и горя.

А все-таки радость нашлась на чужбине.
 Ошиблась ты, старая. Не в октябре ли
 Весна нас пригрела? А на рябине
 И вправду мичуринки-вишни созрели.

★

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Снова призывно труба поет,
 Бьют барабаны сбор;
 Рвется шрапнель; трещит пулемет;
 Залпы гремят в упор.

Нам ли не слышать трубу, друзья,
 В утренней мгле седой.
 Я запасной, но песня моя
 Ходит под красной звездой.

Ты меня, родина, в строй позвала
 В первой большой войне.
 Ты мне винтовку в руки дала,
 Цель указала мне.

Пусть мне сегодня под сорок лет.
 Что мне до седины?!
 В сердце зарублен глубокий след
 Первой большой войны.

Всадник на запад гонит коня.
 Зори встают в крови.
 Родина, ты не забудь меня,
 Снова в строй позови.

Я на-чеку, боец запасной,
 Жду призывного дня.
 Встану до солнца, прощусь с женой:
 — Жди с победой меня!

Маленькой дочке в глаза взгляну,
 Выбежит сын во двор.
 В скатку привычно шинель сверну,
 Трону рукой затвор.

Я свое место в строю найду.
 Буду с песней дружить.
 Не умирать я в поход иду,
 А побеждать и жить!..

Броненосец „Ушаков“

(Новая глава из романа «Цусима»).

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

★

Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков», поврежденный в дневном бою, ночью отстал от отряда Небогатова и шел самостоятельно во Владивосток.

Спокойно зыбились воды океанских просторов. Обливаемый лучами тропического солнца, соблюдая кильватерный строй, легко и плавно покачивался «Адмирал Ушаков». Низкобортный, одного типа с «Сенявиным» и «Апраксиним», он выделялся двумя высокими трубами, извергавшими толстые клубы дыма.

По мостику тяжелой и уверенной поступью прохаживался, покуривая папиросу, высокий и плечистый пожилой моряк. Его полнокровное лицо с раздвоенным подбородком, с большими рыжими усами было спокойно. Во всей могучей фигуре моряка, в его осанке и решительных движениях сказывалась властная натура. Среди своих людей он слыл героем моря, мужественным человеком с большими страстями. Это был замечательный командир судна — капитан 1-го ранга Владимир Николаевич Миклуха-Маклай, родной брат знаменитого русского путешественника и первого исследователя островов Микронезии.

Всех, хорошо знавших его, удивляло, что этот способный и образованный моряк командует не лучшим новейшим кораблем, а маленьким броненосцем береговой обороны.

Миклуха-Маклай был незаурядный человек, обладал большими знаниями по военно-морской истории, много плавал. Он не домогался повышения по службе. Его не прельщала даже адмиральский чин, который он мог бы получить, задержавшись в тылу. Миклуха стремился попасть на войну. Он хорошо знал японцев, долгое время плавал командиром на пароходе добровольного флота «Владивосток» у берегов Японии.

Впервые он попал на корабль гимназистом. Море увлекло Миклуху, и он поступил в Морской кадетский корпус. Там он примкнул к передовой молодежи и состоял членом тайного «Китоловного общества», распространявшего запрещенную литературу. Об этом узнало Третье отделение, произвело у Миклухи обыск, и до окончания Морского корпуса он находился под подозрением. Но и впоследствии он продолжал поддерживать связь с лейтенантом Сухановым и другими революционерами-моряками и хранил у себя на квартире нелегальную литературу.

С молодости Миклуха отличался храбростью. Служа во время турецкой войны на пароходе, обращенном в крейсер, он однажды днем, стоя на вахте, заметил на горизонте турецкий броненосец. Не спросив разрешения командира, Миклуха изменил курс и пошел навстречу противнику. Оба судна быстро сближались. В это время вышел

на палубу командир. Он немедленно отправил Миклуху под арест, а сам повернул корабль на обратный курс.

Родом Миклуха происходил из запорожских казаков. В детстве он был очень драчлив, не спускал обид мальчикам старше себя и часто приходил домой избитый и изодранный. Вспыльчивостью он отличался и в старшем возрасте. В приморском городе Николаеве у него произошло столкновение с офицером, оскорбившим его жену. Офицер был чином старше Миклухи. Но по своей горячности Миклуха не утерпел и дал оскорбителю оплеуху, зная наперед, что за это ему грозит военный суд. А физически он был очень силен: крестился двухпудовой гирей и в шутку за колесо останавливал одноконную повозку.

Можно представить себе, какой тяжелый удар получил его противник. Но Миклуха избег военного суда. По телеграфу он попросил свою мать, проживавшую в Петербурге, подать задним числом на «высочайшее имя» прошение об отставке. Отставка была принята, и он судился, как штатский человек. Миклуха отделался штрафом в 25 рублей.

В отставке Миклуха прослужил несколько лет сперва старшим офицером, потом командиром корабля добровольного флота на Дальнем Востоке. Призвание опять влекло его в военный флот. В 1882 году он вернулся в Петербург и, снова поступив на военноморскую службу, плавал на миноносцах в Черном море.

С тех пор прошло много лет. Он остался таким же горячим и бесстрашным, каким был в молодости, только больше стал нервничать. Вероятно, на него действовала спешность, с которой посылали 3-ю эскадру, ее неподготовленность. Иногда, впадая в раздражение, он не в силах был сдерживать себя. В такие минуты за время плавания на броненосце «Ушаков» от него не раз попадало провинившимся матросам. Случалось, ткнет в лицо матросу культишкой правой руки (пальцы у него были оторваны случайным выстрелом из охотничьего ружья) и тут же сконфу-

зится. Тем дело и кончалось. Но в запальчивости, не сдерживая себя, Миклуха преследовал офицеров, плохо относившихся к нижним чинам. Он пользовался большим уважением всей команды и офицеров, — те и другие верили в него, как в лучшего боевого командира. Броненосец под его руководством был вполне подготовлен к встрече с японцами.

Прохаживаясь под тентом по мостiku, Миклуха выкуривал одну папиросу за другой и изредка останавливался, задумчиво глядя сквозь очки вперед. Там шли корабли. На флагманском броненосце, где находился адмирал Небогатов, поднимались и спускались сигнальные флаги. Горячее тропическое солнце немилосердно накаляло верхнюю палубу.

На мостик поднимался, медленно передвигая толстые ноги, старший офицер, капитан 2-го ранга Мусатов. Ходил он вразвалку, как селезень. Матросы подшучивали: «Баркас плывет». Приблизившись к командиру, Мусатов вытянулся перед ним, приложил руку к козырьку и заговорил:

— Владимир Николаевич! Офицеры с радостью узнали, что мы скоро соединимся с эскадрой Рождественского. Некоторые повышены в чинах. В честь этих событий мы решили устроить праздничный обед с шампанским, и мне поручено просить вас сегодня в кают-компанию.

— Благодарю вас, Александр Александрович. С удовольствием приду разделить с вами компанию за столом.

На баке группа матросов убирала палубу. От природы угрюмый и сосредоточенный человек, квартирмейстер Василий Прокопович молча наблюдал за ними. Около людей, похрюкивая, разгуливал пестрый боров. Матросы избаловали его сахаром, поэтому он всегда ходил за ними, выпрашивая подачки. И сейчас он не отставал от них, хоть изнывал от жары. Прокопович долго смотрел на него хозяйским взглядом и, наконец, распорядился облить его водой. Один из матросов вооружился шлангом. С треском забила про-

хладная струя, под которую боров с удовольствием подставлял бока.

— Сюда!.. Калган, скорей!.. Только тебя нехватало... — крикнул один из матросов.

Каштановая дворняжка, любимица всей команды, виляя лихо загнутым на спину пушистым хвостом, обежала людей, обнюхивая каждого из них и острожно сторонясь лужи воды на палубе. Точно обходя свои владения, Калган направился к большой деревянной клетке с утками. Утки, надрываясь, кричали часто и по-весеннему неумно.

На баке, тихо разговаривая между собою, появились минно-артиллерийский содержатель — квартирмейстер Илья Воробьев и боцман Григорий Митрюков. Вдруг Воробьев разразился таким смехом, что сотряслась вся его здоровенная фигура. Он вынул из кармана лист почтовой бумаги и, повернув к боцману смуглое, с крупными чертами лицо, заговорил:

— Ты не веришь, что у Звягина столько же ума в голове, сколько у нищего денег в кармане? А я удивляюсь, как это такого человека в кондукторы произвели! Вот полюбуйся, какими делами занимается мой непосредственный начальник. Сегодня утром я в арсенале убирался. Смотрю — под клеенкой письмо. Слушай, что Звягин пишет жене...

Прокопович, а за ним и матросы обернулись к разговаривавшим и прислушались. А Воробьев, широко улыбаясь, начал читать:

«Милая Маруся! Бриллиант мой чистой воды! Пишу тебе из далеких стран. Плыдем уже мимо Китая. Много насмотрелся я на невиданных людей и на земли. Я ведь теперь дослужился до больших чинов и стал вроде, как армейский полковник. И такое же большое получаю жалованье. Мне от всех почет. Много стало у меня подчиненных. Но есть у меня Воробьев — противный человек. Я его скоро выгоню. И вестового дали мне. Он мне чистит ботинки и одежду. А я его бью, и все по морде...».

Боцман, русский плотный человек с

выпуклой грудью, откинулся назад и громким хохотом прервал чтение.

Все смеялись, кроме Прокоповича, который мрачно протянул:

— Полковник, лыком шитый!

— Мы теперь разыграем его высокоблагородие, — добавил Воробьев.

Засвистала дудка, и раздалась команда:

— Вино наверх!

Матросы побежали на обед. Воробьев и Митрюков направилась к корме. На шкафуте они встретили кондуктора Звягина. Это был невысокий, щедущий человек с острым, как птичий клюв, носом. Идя развинченной походкой, он намеревался проشمыгнуть мимо, но Воробьев остановил его, протянул письмо и с нарочитой почтительностью сказал:

— Не знаю, как вас теперь величать, но не вы ли случайно обронили это?

Звягин, беря бумагу, со злобой посмотрел на Воробьева. Губы самозванного полковника задрожали, и на щеках выступили красноватые пятна. Он прошипел:

— Пакостник отверженный!

И быстро засеменял к люку под хохот боцмана и Воробьева.

В кают-компании буфетчик Егор Сорокин и вестовые заканчивали приготовления к торжественному обеду. Световой люк на потолке и иллюминаторы по бортам были открыты; в них проникали лучи тропического солнца, играя на белой эмали стен и переборок. Длинный стол, обращенный концами к бортам, был накрыт чистой скатертью и тесно заставлен посудой, бутылками, стаканами, бокалами и рюмками. Солнце сверкало в хрустале. На правом борту черным глянцем отсвечивало пианино, а на левом стоял диван, к носовой переборке были прикреплены полубуфет с мраморной доской, установленной закусками, и книжный шкаф. Переборку, отделявшую кают-компанию от командирской каюты, украшал большой портрет. Из широкой рамы красного дерева строго глядели умные глаза старика в военно-морской форме павловских времен. На

полотне масляными красками был изображен по пояс знаменитый русский флотоводец — адмирал Ф. Ф. Ушаков, славное имя которого носил броненосец. С левого плеча адмирала спускалась на правый бок широкая красная муаровая лента ордена Александра Невского, грудь его была в крестах, звездах и орденах — самых высших знаках отличия за боевые заслуги. В руках он держал подзорную трубу. Поражало живое и мужественное лицо этого замечательного человека, непревзойденного в свое время стратега и тактика морских войн.

Когда офицеры собирались в кают-компанию на обед, каждого из них, входившего в дверь, адмирал как-будто встречал пристальным взглядом. По неписанному этикету люди занимали свои определенные места: в конце стола — старший офицер, справа от него — командир, слева — старшие специалисты, а дальше — младшие офицеры. Все в чистых белых кителях.

Настроение у всех было приподнятое. Люди радовались, что скоро встретятся с эскадрой Рожественского. В который уже раз на разные лады обсуждали предстоящую встречу с японцами. Но теперь было больше бодрости и уверенности в победе.

Командир Миклуха-Маклай, обычно скупой на слова, сегодня как-то особенно повеселел и разговаривался. Памятливый и начитанный, он мог, когда был в ударе, обворожить интересной беседой. Обращаясь ко всем присутствующим, командир с воодушевлением говорил:

— Господа, поздравляю вас с новыми известиями. Не будем сейчас спорить о том, кто кого сильнее. Будем помнить одно: мы, военные моряки, — солдаты. Наша задача сражаться, защищать честь своей родины и, если потребуется, умереть. Но все вы знаете, что представляет собой наша эскадра и как она снаряжалась. В помощь 2-й эскадре нас послали под давлением общественного мнения. И наш корабль, которым я имею честь командовать, никогда не предназначался в столь дальнее плавание. Все равно — сражаться

мы будем. За этим идем. А в истории морских войн — об этом я именно сегодня хочу напомнить — было множество примеров, когда количественно слабейшие били сильнейших.

Миклуха молча посмотрел на висевший в кают-компании портрет Ф. Ф. Ушакова и взволнованно продолжал, играя густыми медно-красными бровями:

— Господа, в чем же секрет таких побед? Взгляните, как пристально смотрит на нас сейчас Федор Федорович! Всем нам нужно брать пример с этого замечательного человека. Каждый из нас должен быть храбрым в бою, чтобы иметь честь прямо, без смущения, глядеть ему в глаза. Сколько раз и с каким блистательным успехом Федор Федорович в боях командовал русскими эскадрами!

Миклуха-Маклай встал с поднятым стаканом. Все последовали его примеру. Указывая на портрет адмирала, командир вместо госта сказал:

— Господа, дадим же здесь Федору Федоровичу честное слово русских воинов, что при встрече с японцами будем биться до последней возможности.

Чокнувшись, люди выпили и принялись за еду.

В продолжение обеда разговор об Ушакове возобновлялся несколько раз. С увлечением то командир, то офицеры вспоминали вычитанные из книг случаи из жизни и деятельности адмирала. Они наперебой приводили примеры замечательных подвигов его эскадры в Средиземном море, в Италии, Греции, на берегах Ионического и Адриатического морей, где русские моряки являлись избавителями народов от иноземного ига.

Боевая биография Ушакова действительно была незаурядна.

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году. На родине, в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от родителей ему досталось наследство в 19 ревизских душ. Своими победами он прославил Россию на морях. Это был самостоятельный адмирал, создатель русской морской тактики. В войну с тур-

ками на Черном море и с французами на Средиземном море он одержал ряд блестящих побед. Турки прозвали его «Ушак-паша». А турчанки его именем припугивали балующихся детей.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота, окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова, как великого флотоводца. В то же время другой великий, сухопутный русский полководец Суворов действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова, он сказал так: «Жалею, что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом...».

Английский адмирал Нельсон тогда же писал Ушакову: «От всей души поздравляю Ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить вас, что слава оружия верного союзника столько же дорога мне, как и слава моего государя...». Едва ли он искренно восхищался победами Ушакова. Как союзник России в войне с Францией, Нельсон несколько не помог русскому флоту. В 1799 году два великих флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твердо рассчитывал, что Ушаков станет покорным орудием в руках Англии. Но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое: от природы умный, самостоятельный русский адмирал не уронил достоинства России, ревниво блюдя интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме к леди Гамильтон писал, что Ушаков держит себя с достоинством, но под его вежливой наружностью скрывается медведь. Ушаков был единственным соперником Нельсона по славе.

Но в старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью, как Нельсон в Англии. Там каждый школьник знает этого адмирала. Там ему воздвигнуты памятники, написано о нем столько книг, что ими можно заполнить кают-компанию. А у нас, кроме морских офицеров, мало кто знал о

народном герое Ушакове. Одна или две книги — вот и все, что было написано о нем.

Цари не очень ценили Ушакова. Им не нравилась его самостоятельность, из него не получился «лукавый царедворец». Он вынужден был уйти в отставку 62 лет, полный сил, и уехать к себе в тамбовскую деревню. Там он и умер в 1817 году.

Незаслуженно забытый царской Россией, русский адмирал был любимым героем в Греции. От острова Итака ему была преподнесена медаль, на которой Ушаков был изображен в доспехах древнегреческого воина, с надписью: «Одиссей». На другой медали, полученной им от греков, вокруг его портрета было написано: «Знаменитый почитаемый Федор Федорович Ушаков, главный русский флотоводец»; на обороте значилось: «Кефалония всех Ионических островов спасителю».

В Италии Ушаков прославился не только военной доблестью, но и мудрой политикой. Итальянцы были восхищены героизмом русских моряков. Десанты Ушакова 3 июня 1799 года взяли Неаполь, а в ноябре того же года участвовали в занятии Рима. Это было подлинное торжество русского оружия. Впечатлительные южане, освобожденные от ига французов, с любопытством разглядывали северных мужественных воинов и приветствовали их криками восторга. В истории Веселого приведен отзыв очевидца: «Конечно, не было никогда примера, подобного сему происшествию, но лишь русским морякам возможно было сотворить такое чудо. Какое мужество, какая дисциплина, какие кроткие нравы! Их, русских, здесь боготворят, и память их пребудет запечатлена в роде родов, во всех сердцах нашего отечества».

Боевой адмирал навсегда останется гордостью русских моряков. Под его командованием русский флот был непобедим, а потери в людях — баснословно ничтожны. Достаточно сказать, что в продолжение всего похода 1799 года, когда эскадра Ушакова одержала много громких побед на Средиземном море, она потеряла только

400 человек. И самое замечательное: из 53-х боевых кампаний на море, проделанных Ушаковым, в 43-х он командовал непосредственно сам и ни одного сражения не проиграл.

Все это было хорошо известно офицерам броненосца «Ушаков». Во время похода среди них не раз поднимался разговор о знаменитом адмирале. Ни на одном корабле он не пользовался такой любовью, как здесь. В этом была заслуга командира.

В этом же духе воспитывалась и команда броненосца.

К концу обеда в кают-компании все повеселели. Буфетчик Егор Сорокин и вестовые уже разносили черный кофе, но разговор об Ушакове не прекратился. Возбужденный речами и раскрасневшийся от вина, старший офицер Мусатов громко заговорил, покрывая шум голосов:

— Господа, особенно мне врезался в память такой характерный штрих в облике Ушакова. В пылу сражения его не покидало не только мужество, но и чувство юмора. В 1791 году, отправляясь из Константинополя в поход, адмирал Саит Али дал султану клятву — привести пленником Ушакова. Молва об этом дошла до русского адмирала. Рассердившийся Федор Федорович в сражении у мыса Калиакрии 31 июля упорно стремился захватить корабль с адмиралом Саит Али. Обрезав в бою корму турецкого адмиральского судна, Ушаков с юта громко закричал: «Саит-бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!». Действительно, господа, в этом сражении турецкий флот был на-голову разбит. Особенно пострадал адмиральский корабль Саит Али. И только ночь спасла бахвала от плена.

Громкий смех и аплодисменты покрыли этот рассказ Мусатова. Все были возбуждены и веселы. Улыбался и командир. Казалось, люди забыли все трудности далекого похода и давнюю разлуку с родиной, словно этот обед происходил не в открытом море на военном корабле, идущем навстречу неприятелю, а в морском собрании в Кронштадте.

Миклуха встал, поблагодарил офицеров за гостеприимство и вышел. За ним начали расходиться и остальные. Один из офицеров, порядочно захмелевший, задержался в дверях, посмотрел на портрет Ушакова и, качая головой, сказал:

— Все это правильно, но нашу эскадру кто ведет в бой?

И, горько улыбнувшись, он вышел в коридор.

В кают-компании остались хозяйничать вестовые и буфетчик Егор Сорокин. Они с удовольствием допивали остатки вина и доедали закуски. Сорокин сильно захмелел. Пошатываясь, он с привычной ловкостью убирал бутылки, гремел посудой и мурлыкал что-то себе под нос. Ноги буфетчика подкашивались, его сильно качало. Вдруг он остановился перед портретом Ушакова. Вспомнил, что тут говорилось о нем, и с поднятым стаканом вина обратился к портрету:

— Ваше превосходительство... Осмелюсь и я выпить... Господин адмирал... Не смотрите на меня так строго. Я человек маленький. Ответственность у меня небольшая. Пока под моей командой только бутылки. А в бою посмотрим — и мне дело найдется... За вечный ваш покой, Федор Федорович, и за здоровье нашего орла... Наш Владимир Николаевич вам поддать. Лихой командир. Ну, плывем!..

Запрокинув голову, Сорокин опорожнил стакан. Не устояв на месте, он качнулся, натыкаясь на вестовых, те, отступив, громко захохотали. А Сорокин, уставившись на них остекляевшими глазами, начальственным тоном зыкнул:

— Плакать нужно, а вы, неучи, гогочете! Такого боевого адмирала больше нет, как Федор Федорович...

— А что же, по-твоему, Рождественский?.. Не боевой? — спросил один из вестовых.

Вместо Сорокина ответил другой вестовой:

— Возразить нечего... Чересчур боевой, да только не с того боку... Нашего брата матроса он много поколошматил...

★

Недели через три — 14 мая — при встрече с главными силами противника броненосец «Адмирал Ушаков» шел концевым в небогатовском отряде. Офицеры и команда занимали свои места по боевому расписанию. В боевой рубке было тесно от людей. Здесь, кроме командира, находились его ближайшие помощники: штурман, артиллерист, минер, а из команды — рулевой, рассыльные и другие матросы у телефонов и переговорных труб. Миклуха прильнул к прорези рубки. Эскадры сближались. Того неожиданно повернул влево, делая петлю. Рождественский, хотя и открыл огонь, но не использовал ошибочный маневр противника для решительного наступления. Миклуха ждал адмиральского сигнала к атаке, но его не было. Откинувшись от прорези, он схватился за голову и взволнованно воскликнул:

— Боже мой, что он делает! Нужно броситься строем фронта! Повторится Вафангоу! На море!..

Командир тоскливо взглянул на своих помощников, как будто искал у них подтверждения своему сравнению. Но они молчали. Теперь и для них было ясно, что Рождественский упустил самый выгодный момент для атаки. Миклуха отвернулся и приставил бинокль к глазам.

Люди на «Ушакове» самоотверженно исполняли свои обязанности. Никогда корабль не жил такой напряженной жизнью, как в эти часы. Грозно вращались броневые башни, задирая высоко вверх стволы 10-дюймовых орудий, искавших живую цель на горизонте. Выстрелы их были размеренны, сильны и оглушительны. Слабее, но чаще, словно торопясь, падали 120-миллиметровые пушки. От залпов содрогался весь корпус броненосца. Все было в движении, все действия людей и механизмов были согласованы: корабль представлял собою единый живой организм.

Сражение разгоралось. Броненосец «Адмирал Ушаков», вместе с другими кораблями, непрерывно стрелял по не-

приятелю. Пальба его орудий вливалась в общий грохот сражения. Казалось, над морем разразилась небывалая гроза: орудийные залпы, близкие и далекие, раскатывались, как удары грома, а сами воды раскалываются и гремят металлом. И в воздухе упруго дрожат и режут какие-то гигантские стальные струны.

Все внимание офицеров, наблюдавших из рубки за боем, было направлено в левую сторону, где, обгоняя русскую эскадру, вытянулась в обхват колонна неприятельских кораблей. На одном из них вспыхнул пожар, окутывая его черным дымом. Миклуха радостно отметил:

— Великолепно!

Были попадания русских снарядов и в другие корабли. Это поднимало у всех боевое настроение. Но вдруг из груди сигнальщика вырвался сдавленный возглас, похожий на стон:

— «Ослябя» тонет!..

Все обернулись вправо и увидели, как большой корабль сперва лег на левый борт, потом быстро повернулся и затонул. К месту гибели под сильным огнем неприятеля подходили миноносцы — спасать людей. Вскоре вышел из строя флагманский броненосец «Суворов», на котором держал свой флаг адмирал Рождественский. Эскадра лишилась главного командования. Ее повел броненосец «Александр III». Но под действием неприятельского огня кильватерный строй русских кораблей стал часто нарушаться. Они вылезали из боевой линии то вправо, то влево. Чтобы избежать столкновения с каким-нибудь впереди идущим судном, Миклуха, насупив медно-красные брови, четко приказывал:

— Право на борт!

Через полминуты раздавалась другая команда:

— Лево руля!

Иногда приходилось стопорить машины.

Миклуха проворчал:

— Идем каким-то стадом.

И тут же, словно отвечая на свои мысли, добавил:

— Хорошо Наполеон выразился...

Офицеры вопросительно оглянулись на командира, но не дождались от него окончания фразы. Может быть, наблюдая за сражением, он вспомнил изречение великого полководца о том, что армия без главы — ничто. И действительно, положение эскадры становилось все тяжелее. Неприятельские снаряды стали чаще перелетать и через броненосец «Ушаков». Офицеры и матросы бросали взгляды на командира. Но в бою он был спокойней, чем во время похода, и хладнокровно отдавал распоряжения. Однажды, когда противник оказался с правого борта, Миклуха спросил:

— Почему башни молчат?

— Задержка с определением расстояния, — ответил старший артиллерист лейтенант Дмитриев.

— А батарея?

— Тоже.

— Так поторопите же дальномерщиков!

С крыши штурманской рубки, где был установлен дальномер, послышался зычный голос:

— До неприятеля сорок кабельтовых.

Сотрясая воздух, полыхнули огнем из своих орудий обе башни. Четыре водяных столба поднялись вдалеке от одного из неприятельских кораблей. В рубке послышались замечания:

— Направление хорошее, но большой недолет.

Командир ничем не выдавал своего волнения, и только на его рыжеусом лице как будто сильнее стягивались узлы мускулов.

В батарейной палубе правого борта действовала одна только 120-миллиметровая пушка. Другая замолчала. В рубке не знали, что там случилось.

Правой батареей командовал мичман Дитлов, высокий темнорусый молодой человек. Сознывая всю важность и ответственность своей роли на корабле, он торопил комендоров заряжать орудия, а сам, приставив бинокль к глазам, наблюдал за падением снарядов. Вдруг он оглянулся на одну из пушек и крикнул:

— Почему нет выстрела?

— Гильза помята, снаряд не дохо-

дит, — ответили комендоры, стараясь дослать его руками.

Дитлов приказал.

— Чего ковыряетесь! Дослать затвором!

Этот разговор услышал минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев, только-что поднявшийся на палубу из крыйт-камеры. Он обратился к мичману:

— Нельзя так делать, ваше благородие. Снаряд еще больше заклинится, или несчастье произойдет. На одном корабле так двенадцать человек убило.

Дитлов сначала опешил, а потом крикнул:

— Молчать! Не разговаривать! Исполнять мои приказания!

Комендоры в нерешительности застыли около пушки. Нельзя не исполнить приказания начальника, и в то же время им угрожала бессмысленная смерть. Воробьев спокойно заявил:

— Ваше благородие, мы сейчас достанем специальные клещи и мигом вытащим застрявший патрон.

В запальчivosti мичман сам бросился к затвору, но ему преградил дорогу Воробьев и в свою очередь повысил голос:

— Вы можете застрелить меня на месте, но я вас не допущу до пушки.

Взгляды их встретились. Воробьев стоял, здоровенный и непоколебимый, как броня корабля. Мичман как будто понял свою ошибку, но все же крикнул:

— Запомни, Воробьев! После боя ты пойдешь под суд!

И, отступив, направился к другой пушке.

Через несколько минут ручным экстрактором вытащили патрон из орудия, и оно снова загрохотало выстрелами.

Уже более двух часов длился бой русских с главными силами японцев. «Ушаков», успевший выпустить сотни снарядов, оставался невредимым. Но вот «Александр III» с креном вышел из строя. Японская эскадра сосредоточила на нем усиленный огонь. Русские корабли проходили дальше. Как-раз в этот момент «Ушаков» поровнялся с «Александром III», и, имея его на ле-

вом траверзе, а на правом — японскую эскадру, стал случайной мишенью для противника. Снаряды, направленные в «Александра III», не долетали до него, зато вокруг «Ушакова» стало взметываться множество водяных столбов. За несколько минут на корабле обнаружилось повреждение и человеческие жертвы.

Первый снаряд крупного калибра попал в носовое отделение. Пробив у пятнадцатого шпангоута правый борт у ватерлинии, он образовал брешь в три фута диаметром. Осколками от снаряда были перебиты паровая труба, идущая к шпилевой машине, и пожарная труба. Хозяин трюмных отсеков, его подручный и двое матросов остались на месте мертвыми. Четверо из команды были ранены, но, получив в операционном пункте медицинскую помощь, вернулись на свои места. Под руководством трюмного механика поручика Желепова матросы заделали пробоину. Влившаяся через нее вода была спущена в канатные ящики и выкачена турбинами. Хуже обстояло дело со второй пробоиной, полученной в носовом гальюнном отделении. На ходу и в разгар боя ее не могли заделать. Пришлось задраить дверь непроницаемой переборки на десятом шпангоуте. Все это отделение наполнилось водою. Корабль осел носом. Даже при полном числе оборотов машины он убавил ход, точно охромел, и стал плохо слушаться руля.

Пожарная магистраль, перебитая снарядом в двух местах, не имела по всей своей длине ни одного разделителя, поэтому она вышла из строя, лишив корабль главного средства борьбы с пожарами. К счастью, пока машинист Максимов и слесаря исправляли ее, огня на корабле не возникло.

Третий снаряд, разорвавшись, образовал глубокую выбоину в кормовой башне и повредил палубу. При этом второй раз был ранен младший боцман Григорий Митрюков, но в операционном пункте не остался и продолжал исполнять свои обязанности.

В дневном бою больше никаких попаданий в броненосец не было.

С наступлением сумерек адмирал Небогатов поднял на «Николае» сигнал:

«Следовать за мной — курс норд-ост 23 градуса». Уцелевшие корабли начали выстраиваться в кильватер флагманскому броненосцу. Эскадра прибавила ход, но «Ушаков» от пробоины зарывался носом в море и стал постепенно отставать. В это время заметили, как из темноты на него слева катится корабль.

— Что вы делаете? Куда вас несет?! — закричали на корме «Ушакова».

На том корабле тоже послышались тревожные голоса.

Корабли могли столкнуться.

— Полный вперед! — громкоскомандовал на мостике Миклуха-Маклай.

Угрожавший корабль оказался броненосцем «Сенявин». Он проскользнул мимо кормы «Ушакова» в каких-нибудь 15 футах. Корабли благополучно разошлись.

Эта опасность миновала, но надвигалась другая. Начались минные атаки. По приказу командира из орудий не стреляли, прожекторы не светили. Только темнота служила верной защитой. С «Ушакова» разглядели, как несколько миноносцев шли мимо, не замечая его. Они спешили, привлеченные прожекторами других русских судов. Комендоры у заряженных орудий напряженно вглядывались в темноту, прорезанную вдали голубыми лучами прожекторов. Доносились отдаленные, глухие выстрелы с кораблей, отражавших минные атаки. Но шедший без огней «Ушаков» молчал, молчал и в то время, когда недалеко от его кормы вынырнули три японских миноносца и скрылись с глаз. Люди пережили тревожные минуты. На мостике Миклуха-Маклай вспомнил приказ Небогатова и сказал:

— Полная темнота — лучшая защита от миноносцев. Адмирал прав. Ведь они чуть не протаранили нас, полуночные разбойники!

На палубе никогда не унывавший в походе, прирожденный весельчак матрос Сельг радостно воскликнул:

— Значит, живем, братцы!

Даже лейтенант Гезехус, всегда замкнутый, не говоривший с командой ни доброго, ни худого слова, не вытерпел ни, теряя неряшливую бородку, заговорил с комендорами:

— Японцы приблизились к нам чуть ли не на револьверный выстрел. Они, вероятно, приняли наш броненосец за свой корабль. А, может быть, стремясь к судам, которые светят прожекторами, не заметили нас. Во всяком случае под покровом ночи мы идем, как под шапкой-невидимкой.

И в других частях корабля чудом уцелевшие люди обменивались впечатлениями о минувшей опасности.

К полночи минные атаки прекратились. Ветер стал слабеть. Редели облака, и в прорывы их проглядывали звезды.

На мостике, следя за темным горизонтом, стоял Миклуха-Маклай. Около него находились офицеры и матросы. Они не спали более суток, провели бой и теперь, усталые, с невероятным усилием боролись со сном. Пришел старший офицер Мусатов. Он обратился к командиру:

— Где мы находимся, Владимир Николаевич?

— Я тоже думаю об этом. Курс держим верный, а где находимся, — пока неизвестно.

Командир повернулся к дремавшему старшему артиллеристу, лейтенанту Дмитриеву:

— Помните, Николай Николаевич, без моего приказа ни огня, ни света не открывать. Пока можете соснуть, а я пойду в штурманскую.

— Есть! — ответил старший артиллерист, вытягиваясь перед командиром.

Подбитый броненосец «Ушаков» одиноко шел в ночную неизвестность. Его руководящим центром стала теперь штурманская рубка. Здесь шла напряженная работа по определению местонахождения корабля. Над картой склонился мужчина среднего роста. Несмотря на пережитый бой и беспокойную ночь, вид у него, как обычно, был опрятный. Аккуратно причесанные темные волосы оттеняли белизну его полного лица. Он был озабочен, точно готовился к экзамену в морском корпусе, и, не теряя присутствия духа, старался разрешить трудную задачу. Это был передовой офицер, любимец команды, старший штурман лейтенант Максимов.

Дверь в рубку открылась, и на пороге показался командир. Его приход не удивил штурманов, понимавших, что от них сейчас ждут решения ответственной задачи. Не отрываясь от своей работы, Максимов повернул лицо к вошедшему. Из-под нахмуренных бровей командира сверкнул знакомый блеск умных глаз. Миклуха подошел к развернутой на столе карте и нагнулся. Показывая на нее обрубками пальцев куцей правой руки, он негромко сказал:

— Как бы нам все-таки определиться?

— Очевидно, только звезды нам это подскажут, — ответил старший штурман Максимов, направляясь к выходу вместе со своим помощником.

— Только помните, господа звездочеты, каждая минута нам дорога. Не сделайте ошибки в наблюдении, — дал им наказ Миклуха.

Командир остался в рубке. Его клонило ко сну. Может быть, борясь с дремой, он вспоминал рассказы своего старшего брата, знаменитого русского путешественника, не раз попадавшего в очень тяжелое положение среди дикарей. Но брату везло, и всегда он как-то выпутывался из самых затруднительных и безнадежных обстоятельств. Повезет ли также и ему, командиру продырявленного корабля? Миклуха подпер голову руками и закрыл глаза.

В это время в носовой башне шла своя жизнь. К дежурившим комендорам пришли минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев и ординарец старшего артиллериста комендор Чернов. Беседуя между собою, они не стеснялись присутствием спавшего здесь командира башни, лейтенанта Тыртова.

Воробьев потрепал по плечу Чернова и заговорил:

— Эх, Ваня, друг любезный! Хоть ты и хвалишься своим старшим артиллеристом, а на поверку выходит совсем другое. Помнишь, как на острове Крите твой Дмитриев сменял Гаврилова? Где только у него глаза тогда были? Пушки-то никудашные подсунул ему Гаврилов. Наши башни ремонтировались в пути. Комиссия принимала их

от Обуховского завода тоже в пути, и все наша, как будто, в порядке. А кто-то все-таки тут руки погрел. Артиллерийский лейтенант Гаврилов после приема пушек тотчас списался по болезни. Я, конечно, не доктор. Но только его болезнь показала мне подозрительной. Медицина такой не знает. Не золотая ли у него была болезнь? Вот тут и дал маху твой Дмитриев, а за него теперь нам приходится отделяться своими боками. Для дальней стрельбы орудия не имеют нужного угла возвышения. Башенные механизмы держатся на честном слове приемочной комиссии. А главная беда — уже разошлись кольца, которые снаружи скрепляют орудие. Наша главная артиллерия вчера отслужила свою службу! С виду поглядеть — грозные пушки, а много из них уже постреляешь. И вреда от них неприятелю будет не больше, чем воронам от чучела на огороде.

Длинная фигура спящего заворочалась. Разговор замолк. Собеседники оглянулись в сторону Тыртова, который, на секунду открыв заспанные голубые глаза, медленно повернулся лицом к стене.

Воробьев, помолчав, сжал кулаки и, стиснув зубы, заговорил так сердито, как будто неприятель находился у него перед глазами.

— Досадно! Какой боевой командир у нас, а драться нечем. Такому бы командиру да хороший броненосец!

Не договорив, Воробьев, а за ним и его слушатели обернулись на дверь. В башню вошел боцман Митрюков. Он обвел взглядом всех сидевших, молча подошел к спящему Тыртову и тронул его за плечо:

— Ваше благородие, командир в штурманской рубке вас ждет на совет.

Обращаясь к Чернову, боцман сказал:

— А ты скорей разбуди лейтенанта Дмитриева. Туда же и его зовут.

В штурманской рубке командиру уже докладывали о местонахождении корабля. Кончив разговор с штурманами, Миклуха выпрямил свою сутулую фигуру, поправил очки и обратился к собравшимся:

— Мы находимся сейчас, господа, вот здесь.

Офицеры придвинулись к картам. Большой палец куцей руки командира показывал на карте местонахождение корабля.

— Нос броненосца затоплен, — продолжал Миклуха. — Больше десяти узлов броненосец дать не может. Наша эскадра ушла вперед. Полагаю держать курс тот же: норд-ост 23 градуса. Для нас важно теперь одно — прошмыгнуть до рассвета мимо противника. Свою эскадру догнать нам не удастся. Но все равно — мы и одни будем прорываться во Владивосток. Вот и все. А ваше мнение, господа?

Командиру никто не возражал. Не было и других мнений.

★

Настало 15 мая. Утро было тихое, море слегка зыбилось. «Ушаков», зарывшись носом в воду, шел прежним курсом. Солнце, оторвавшись от поверхности моря, повисло над горизонтом.

Справа по носу, дымя, показались четыре судна. Силуэты их едва намечались в дымке утренней мглы. На «Ушакове» все были уверены, что это идут свои корабли, и взяли курс на них. Вскоре и слева, немного впереди траверза, по лучезарному горизонту протянулись дымовые дорожки. Это шли наперерез «Ушакову» пять кораблей. Не сразу узнали в них старые японские броненосцы. Командир приказал изменить курс на ост. Первый и второй отряд постепенно начали скрываться. Но русским морякам стало ясно, что незамеченными пройти не удалось. Беспокойство усилилось, когда позади, справа, обозначились рангоуты двух судов — маленького и большого. На мостике определили: идут разведочный крейсер «Читозе» и какой-то миноносец. Миклуха-Маклай, не спускавший с них глаз, распорядился:

— Пройти боевую тревогу.

Послышались высокие и отрывистые звуки горна, и рассыпалась частая барабанная дробь. Люди, находившиеся

на верхней палубе, ринулись к своим местам.

Освещенный лучами солнца, боевой андреевский флаг развевался уже не на гафеле, накануне сбитом осколками, а на правом ноке грот-реи. У него стоял часовой — строевой квартирмейстер Василий Прокопович. От канонады он еще во вчерашнем дневном бою оглох на оба уха, но утром снова был на своем посту.

На крыше штурманской рубки, где были приспособлены дальномеры, опять, как и вчера в бою, вместе с сигнальщиками находились офицеры: мичман Сипягин и Транзе. Первый, с мальчишеским лицом, был высок, тонок, белобрыс и походил на гимназиста, сбежавшего из родительского дома в поисках приключений. Второй — ниже его ростом, головастый и задумчивый шатен, в пенсне. Они должны были стоять у дальномеров посменно. Но еще вчера между ними произошел спор за честь быть первым в бою под неприятельскими снарядами. Ни один не хотел уступить, и они оба стали на боевую вахту. Под огнем противника они пробыли до поздней ночи. Сегодня с утра их опять увидели вместе.

Дальномерная работа Сипягина и Транзе уже началась. До неприятеля определили сорок кабельтовых. Комендоры навели орудия на «Читозе». Но неожиданно этот японский крейсер вместе с миноносцем развернулся крутым поворотом и, удалясь, направился в сторону видневшихся раньше японских кораблей. На «Ушакове» сыграли отбой. Командир единственным большим пальцем правой руки сбил фуражку на затылок и громко скомандовал:

— Право руля!

Броненосец повернул на север. Некоторое время горизонт был чист. Вдруг на мостике все замолкли и насторожились: откуда-то издали слабо доносились глухие раскаты выстрелов. В сторону орудийной палубы были направлены бинокли, но сияющая поверхность моря оставалась попрежнему пуста. Миклуха, повернувшись к старшему штурману Максиму, сказал:

— Вот когда наши встретились с

японцами! Надо итти на помощь. Определите точное направление.

Острый взгляд Миклухи впился в морскую даль. Туда же смотрели офицеры и сигнальщики. Скоро все смолкло, но они еще долго слушали и молчали.

— Непонятно, что произошло, — удивленно пожимая плечами, промолвил командир.

— Да, бой не мог так скоро кончиться, — согласился Максимов.

Эта короткая стрельба так и осталась загадкой для всех на «Ушакове».

Спокойствие длилось недолго. Опять люди настроенно стали следить за горизонтом. А там то в одном, то в другом месте начали показываться неприятельские корабли, как-будто со всех сторон ими обрастало море.

В четвертом часу дня рассмотрели справа по носу шесть больших кораблей, шедших кильватерным строем. Видимость была отличная. Они все явственной выделялись над прозрачным горизонтом. А сигнальщики с марса кричали:

— Наши — «Аврора», «Олег»!..

На мостике офицеры уговаривали Миклуху догнать их, полагая, что это русский отряд крейсеров.

— Не может быть. Наши все равно нас догонят. Повернуть на обратный курс, — приказал командир.

«Ушаков» сделал поворот, ложась на юг, и над морем за клубилась гигантская петля дыма.

Командир сказал правду. Сомнения рассеялись, когда два корабля отделились от отряда и пошли в сторону «Ушакова». Неизбежность боя была очевидна.

Миклуха попрежнему был спокоен. Нельзя было заметить никакой суетливости в его движениях и жестах. Первым делом он приказал позвать на мостик минного офицера. С безупречной военной выправкой, стройной походкой к нему подошел лейтенант Жданов, спрятно одетый в морскую форму, будто только сейчас изготовленную у петербургского портного.

— Борис Константинович, вам ясно, с кем мы будем сейчас иметь дело? Два

первоклассных броненосных крейсера идут взять нас живьем, как подранка. На всякий случай приказываю приготовить корабль к взрыву. Все. Потом приходите на совет.

— Есть, Владимир Николаевич. Докладываю: в моей каюте уже готовы провода из кройт-камеры и бомбовых погребов. Заложены динамит и под котлами.

Затем командир обратился к старшему офицеру Мусатову:

— А вы, Александр Александрович, распорядитесь подготовиться к бою. На корабле оставить одни пробковые матрацы, а все горючее — за борт.

Через некоторое время на мостике начали появляться один за другим офицеры из разных отделений корабля. Они докладывали командиру о выполнении его приказов. Миклуха задержал пришедших и приказал остальным офицерам позвать на военный совет. С уверенностью он отдавал распоряжения, входя во все мелочи обороны броненосца.

На совете Миклуха кратко описал боевую обстановку и предложил офицерам высказать свои мнения. Начиная с самого младшего чина все офицеры твердо говорили об одном — драться, пока хватит сил и снарядов. Миклуха убеждался в готовности каждого умереть на посту. Его нахмуренные толстые брови приподнялись, морщины на лице разгладились. Он был доволен. Его беседы о героическом прошлом русских моряков, его система воспитания на боевых традициях адмирала Ушакова не пропали даром. Люди были готовы к подвигам.

Миклуха выпрямился и, вытянув правую руку вверх, к развевающемуся андреевскому боевому флагу, воскликнул:

— Умрем, но русский флаг на броненосце не опозорим. Будем драться по ушаковски. По местам, господа!

На корабле вновь раздалась короткая барабанная дробь-тревога.

Было около 4 часов дня. «Ушаков» свернул на запад. Но два крейсера продолжали за ним гнаться. Теперь они оказались на правой его раковине. Дым от них стлался низко над морем, что бывает при очень сильном ходе.

Дальномерщики определили расстояние до противника — сто кабельтовых. Но оно постепенно сокращалось. Неприятельские корабли заходили на параллельный курс и приблизились к правому траверзу «Ушакова». Первым шел «Ивате» под флагом контр-адмирала, сзади «Якумо».

Это были крейсера с ходом в 20 узлов и общим водоизмещением в 19 700 тонн. Их восемь 8-дюймовых орудий и двадцать восемь 6-дюймовых могли стрелять на 75 кабельтовых. «Ушаков» имел только 4 126 тонн водоизмещения и 10 узлов хода. Он мог противопоставить неприятелю четыре 10-дюймовых и четыре 120-миллиметровых орудия. Первые стреляли только на 63 кабельтовых, вторые — на 50 кабельтовых. Противник был сильнее почти в пять раз.

Мачты «Ивате» запестрели множеством флагов по международному своду. «Ушаков» ответил сигналом: «Разбираем». Через несколько минут штурман Максимов доложил командиру:

— Сигнал пока разобран до половины: «Советуем сдать ваш корабль...».

Японцы не допускали мысли, что такой маленький русский броненосец будет с ними сражаться. Но они ошибались. Люди корабля жили боевыми традициями знаменитого флотоводца Ушакова. И сам командир Миклуха был его последователем. Отвечая на доклад Максимова, он промолвил:

— Ну, а продолжение сигнала разбирать нечего.

И, повернувшись к старшему артиллеристу, он добавил:

— Открыть по неприятелю огонь!

Миклуха сказал это так спокойно, точно приказал окатить палубу водой.

С «Ушакова» всем правым бортом дали залп по «Ивате» — головному адмиральскому кораблю. Взметнувшиеся водяные столбы показали большие недостатки. Противник ответил ураганным огнем. Но японцы никак не могли пристреляться: в течение десяти минут ни одного снаряда в «Ушакова» не попало. Миклуха скомандовал итти прямо на неприятеля. В это время на «Ушакове» испортился механизм гидравлической

горизонтальной наводки в носовой башне. Она успела сделать только четыре выстрела. Командир этой башни лейтенант Тыртов распорядился вращать ее вручную. Это была очень трудная работа, но все же башня изредка продолжала стрелять.

На «Ушакове» раздался один за другим страшные взрывы и начались пожары. Командиру доложили, что снарядом разбито правое носовое 120-миллиметровое орудие, взорвались три бредки с патронами, правая сторона батареи разрушена. Началась борьба с пожаром.

Это был единственный момент, когда и ушаковские снаряды долетали до противника.

«Ивате» горит! — раздалось на мостике.

— Молодцы комендоры! — помедлив, сказал Миклуха, не отрывая глаз от флагманского корабля неприятеля, который на несколько минут был объят пламенем.

В последующие моменты боя неприятель держался вне выстрелов «Ушакова».

Командиру продолжали докладывать о новых повреждениях: 8-дюймовый снаряд пробил борт у ватерлинии под носовой башней. Было еще несколько мелких пробоин в борту. Вдруг в боевой рубке люди покачнулись, и весь корабль затрясся от взрыва огромной силы. Снаряд попал в борт под каюткомпанией, разворотив в нем большое отверстие. «Ушаков» начал заметно крениться на правый борт.

Ни один корабль из 2-й эскадры не попадал в такое трагическое положение, в каком оказался «Ушаков». Все люди на нем находились на своих местах, все выполняли свой долг, готовые умереть на боевом посту. Но никакая отвага не могла уже спасти броненосец. Быстроходные неприятельские крейсера, держась вне досягаемости русских снарядов, расстреливали его совершенно безнаказанно. А «Ушаков» не мог ни уйти от них, ни приблизиться к ним.

Миклуха-Маклай, наблюдая бой, все это отлично сознавал. Склонившись массивной фигурой и согнув в локтях ру-

ки, он точно приготовился броситься на врага. Подергав большие рыжие усы, он прохрипел в сторону своих помощников, как бы отвечая на их невысказанные мысли:

— Будь у нас бóльшая скорость, — я бы пошел на таран. Мы погибли бы, но и противник вместе с нами пошел бы на дно.

В боевую рубку поступали сведения о новых бедствиях. Люди крепились и не покидали своего боевого поста. Многие уже были убиты. Судовые врачи не успевали оказывать помощь раненым. Помимо больших пробоин в корпусе, были повреждения по всему правому борту. Не успели окончательно справиться с пожаром в передней части судна, как запылала кают-компания. В жилой палубе загорелись рундуки с матросскими вещами и бортовая обшивка. Всюду клубился дым, и казалось, что огнем охвачен весь корабль. Но ничто не могло сломить мужества моряков. Наконец, носовая башня совсем замолчала. Кормовая продолжала стрелять, но крен судна на правый борт значительно уменьшил угол возвышения ее орудий. Пальба из единственной 120-миллиметровой пушки правого борта стала бессмысленной — снаряды ее падали на полпути. Боевая способность корабля была потеряна.

Командир видел, что жизнь разбитого броненосца угасает с каждой минутой. Миклуха рукой потер лоб, потом сделал резкий жест. Только теперь судорога боли исказила его лицо. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Словно желая убедиться в стойкости присутствующих в рубке людей, он внимательно посмотрел на них сквозь очки и сдержанно, как будто решался пустяковый вопрос, сказал:

— Пора кончать. Застопорить машины! Прекратить стрельбу! Затопить корабль!

Распоряжение командира было передано по всем отделениям броненосца. Спустя минуту-другую орудия замолчали, и судно остановилось, все больше и больше кренясь на правый борт и беспомощно покачиваясь на морской зыби. Через пробоины и открытые кингстоны

с ревом врывалось во внутренние помещения море. Трюмные машинисты начали заполнять водой бомбовые погреба. Циркуляционные помпы были взорваны.

Командир отдал последний приказ:
— Команде спасаться!

Оба неприятельских крейсера продолжали стрелять по «Ушакову».

Его верхняя палуба быстро заполнилась матросами. Все шлюпки были разбиты. Люди с поспешностью хватали матрацы, набитые искрошенной пробкой, спасательные пояса и круги. Одни сразу бросались за борт, другие медлили, словно не решаясь на последний шаг. У дальномеров, на штурманской рубке, задержались мичманы Сипягин и Транзе вместе с сигнальщиками. Совершенно открытые, они каким-то чудом уцелели от неприятельских снарядов, бессменно простояв на своем боевом посту. Старший артиллерист Дмитриев, увидев их, крикнул:

— Вы больше там не нужны. Скорее спускайтесь спасаться!

Один за другим, они начали сбегать по трапу. В этот момент разорвался снаряд у основания боевой рубки. Сигнальщик Демьян Плаксин, спускавшийся последним, кровавым мешком свалился на мостик.

«Ушаков» с креном на правый борт медленно погружался в волны. На правом ноке его грот-реи, приводя в ярость врага, все еще развеивалась боевая андреевский флаг. Под ним, как и накануне, с самого утра стоял часовым квартирмейстер Василий Прокопович. Боцман Митрюков кричал ему:

— Вася, спасайся!

Но он, оглохший на оба уха, ничего не слышал. Тогда боцман, показывая за борт, махнул ему рукой. Молнией сверкнул взрыв снаряда. Прокопович свалился на своем посту мертвым. Митрюков, словно подхваченный ветром, бросился в море.

А бороз уцелел и, похрюкивая, прохаживался по палубе среди оставшихся людей. Голодный с утра, он настойчиво требовал корма. В птичьей клетке угол был разрушен. Из нее с кряканьем вылезали утки. На палубе появился и пес

Калган. Он сутился среди людей и с тревогой глядел на них.

Когда броненосец ничем уже не мог угрожать японским крейсерам, они стали к нему приближаться.

Вокруг «Ушакова» продолжали падать снаряды. На мостике, заложив руки назад, стоял Миклуха. В солнечных лучах пламенели его рыжие усы. Он не торопился спасаться и не выказывал ни страха, ни тревоги, как будто корабль не тонул, а все еще шел вперед. Вестовой принес спасательный пояс и положил его у ног командира, но тот не обратил на него никакого внимания. Рядом с Миклухой находились штурман Максимов и артиллерист Дмитриев. К ним подошел старший офицер Мусатов и доложил командиру:

— Корабль затопляется. Почти вся команда на воде со спасательными средствами. Раненых выносят наверх. Для них приготовлены спасательные круги. Прощайте, господа!

Мусатов пожал всем руки и направился к корме. Через минуту он уже был на спардеке, у правого борта. Держась одной рукой за шлюп-балку, Мусатов другой указывал, как лучше привязывать раненых к спасательным кругам. В этот момент с ростров сорвался горевший баркас. Голова Мусатова, придавленная к шлюп-балке, была расплюснута. Смерть наступила мгновенно.

На шканцах минно-артиллерийский содержатель Илья Воробьев, снимая рубашку, обратился к раздевавшемуся лейтенанту Тыртову:

— Ваше благородие, куда лучше прыгать? В ту сторону, куда корабль валится, или в противоположную?

— Голубчик, сам не знаю, первый раз в жизни приходится. Сейчас испытает, — ответил тот и бросился в воду с левого борта. За ним последовал и Воробьев.

Броненосец «Ушаков» перевернулся вверх килем. Но с минуту он еще держался на поверхности моря. Из его днища, обросшего ракушками, как рыбьей чешуей, через открытые клапаны кингстонов били высокие фонтаны воды. Внутри опрокинутого корабля раздался глухой взрыв, похожий на тяже-

лый вздох. После этого корма броненосца, содрогнувшись, стала быстро погружаться, и над водой торчал только один таран. А через несколько секунд «Ушаков» совсем скрылся под водою. Море кишело людьми, бревнами, разбитыми шлюпками, деревянными обломками, столбами, решетками, реями, ящиками, анкерками, досками. Кругом слышались вопли раненых, ругань, проклятия и крики. По временам их заглушали взрывы снарядов. Качаясь на волнах, разведенных знойным ветром, моряки не знали, куда плыть, какого держаться направления. До берега было слишком далеко — ни один пловец не мог бы его достигнуть. Минно-артиллерийский содержатель Воробьев с трудом приходил в себя. Долго ему не верилось, что он остался невредим. Рядом с ним, опираясь на спасательный круг, плавал священник Иона. Его искаженное лицо в черной лохматой бороде, с выкатившимися темными глазами казалось окаменелым. Повернувшись в сторону противника, он почти бессознательно размашистым жестом благословлял большим золотым крестом морское пространство.

Слышнее стали крики людей. И, что было удивительно, раздавалось кряканье уток. Истомленные в тесной клетке на корабле, эти птицы, очутившись на просторе, крякали с какой-то особенной радостью. Вместе с людьми на воде оказался и Калган. Повидимому, он не понимал того, что произошло. Он жалобно скулил и метался от одного человека к другому, не зная, куда и за кем плыть. Люди ничем не могли помочь своему любимцу.

С того момента, как затонул корабль, крупный боров не отставал от моряков. На воде у него было стремление на что-нибудь опереться. Взмешенный, ничего перед собой не видя, он карабкался на деревянные обломки, тонувшие под его тяжестью. Соскользнув с них, боров тут же взбирался на людей, подминая их под себя. Вынырнув из-под свинной туши, люди в страхе отфыркивались, а боров опять лез то на одного, то на другого человека. Трудно было отбиться от него. В последних усилиях он подплыл к своей очередной жертве. Под-

вернувшийся на этот раз человек спался на барабане. Отгребаясь одной рукой, матрос выхватил из-под себя барабан, высоко поднял его и с руганью начал колотить им по свиному рылу. Раздавались глухие удары.

Из группы людей, в испуге отплывавших от борова, отделился здоровенный рыжий матрос Петр Барышников. Сажеными бросками он ринулся на помощь человеку, изнемогавшему в борьбе с обезумевшим животным. Богатырскими руками Барышников подмял под себя борова и сел на него верхом. Под всадником боров, наконец, захлебнулся.

Два матроса поддерживали раненого Миклуху, плававшего в спасательном поясе. По старой, освященной веками традиции, командир оставил корабль последним. Слово не желая расстаться с тонущим броненосцем, он долго еще стоял на мостике, когда все люди уже были на воде. Закрепив на себе спасательный пояс, он все еще медлил покинуть корабль, с которым было связано столько переживаний со времени выхода из Ливавы. Держась за поручни, командир молча оглядывал море, усеянное людьми.

Он сделал все, чтобы победить.

И, однако, используя все боевые возможности людей и орудий, он один очутился на разбитом и тонущем корабле. Для настоящего моряка и волевого командира это было полное крушение надежд. Но в этом поражении виноват был не он, а те, кто не обеспечил его надежными боевыми средствами. Много, вероятно, передумал он в эти трагические минуты, стоя на мостике и держась за поручни, словно прикованный к ним. И только в самый последний момент, когда корабль, качнувшись, повалился на борт, Миклуха-Маклай вспомнил, что нужно спасаться. Перескочив за поручни мостика, он взмахнул руками и бросился в море. Здесь, на воде, раненный в плечо осколком, командир начал изнемогать. Матросы, поддерживавшие его, заметили, что у него беспомощно свешивается голова. Он слабо проговорил:

— Оставьте меня. Спасайтесь сами. Мне все равно погибать...

И командир закрыл глаза. Больше он ничего не говорил. Но матросы еще долго плавали около него и оставили командира, только убедившись, что он совсем очоленел.

А кругом, выбиваясь из сил и дрожа от холода, люди прощались друг с другом, молились богу, проклинали свою судьбу. Сильные и крепкие моряки, легко держась на воде, помогали более слабым товарищам спастись и передавали им спасательные средства. Многие даже и в эти страшные минуты сохраняли присутствие духа, шутили, смеялись над своим бедственным положением. Один из матросов плавал с папироской за ухом.

— Братцы, нет ли у кого спички закурить? — спрашивал он матросов с такой мольбой, как будто от этого зависело его спасение.

Из воды вдруг высунулись босые ноги. Сгибаясь в коленях, они дрыгали, будто делали гимнастические упражнения. Первым подплыл к ним машинист Григорий Скопов. Он без труда выправил потерявшего равновесие человека. Тот оказался кочегаром Семеном Минеевым, у которого спасательный нагрудник был подвязан слишком низко. Они вместе поплыли дальше.

Только через два часа подошли два японских крейсера: «Ивате» и «Якумо». Спустив шлюпки, японцы приступили к спасанию людей. К этому времени пловцов разнесло волнами в разные стороны, далеко от места затопления «Ушакова». Пока подбирали с воды людей, стемнело. Последних пловцов, еле живых и очоленевших, искали лучами прожекторов. Этим несчастным в темноте было тяжелее, чем на броненосце в боях. Там снаряд мог пролететь и мимо, а здесь они уже захлебывались в холодной пучине моря.

Луч скользил по сторонам, оставляя многих незамеченными.

Спасание закончилось в полной темноте около 9 часов вечера. Из 442 человек всего экипажа «Ушакова» на оба крейсера «Ивате» и «Якумо» попало живыми 339 человек. Среди них не было доблестного командира. Он умер в море, как герой.

Спасшийся штурман Максимов записал себе на память:

«Японское море. Широта 37° северная и долгота 133° — 30 минут восточная от Гринвича».

Это и есть точное обозначение места затопления броненосца «Адмирал Ушаков», достойно носившего имя великого флотоводца.

Рассказы

В. СТЕФАНИК

Перевод с украинского Н. Ляшко

★

НОВОСТЬ

По селу разнеслась новость: Грыць Летучий утопил в речке свою дочь. Он хотел утопить и старшую, но та отпросилась. Бедствовал он с тех пор, как умерла жена. Не мог справиться с собою, с детьми, а замуж за него никто не шел, — дети, нужда. Два года мучился он с маленькими ребятишками. Никто не знал, как он живет, что делает. Соседи рассказывали, что Грыць всю зиму не топил хаты, — зимовал с дочерьми на печи.

А теперь о нем заговорило все село. Как-то пришел он вечером домой и застал детей на печи.

— Тату, есть хочется, — сказала старшая, Ганночка.

— Ешьте меня, что я вам дам? Есть вот хлеб, ну и наедайтесь.

Дал им кусок хлеба, и они вцепились в него, как щенята в голую кость.

— Народила вас и оставила на мою голову, чтоб ее земля выбросила! И где только чума ходит, чтоб она голову сломала, — вас не берет. Такой хаты и чума боится.

Девочки не слушали: отец каждый день говорил так, — привыкли. Ели хлеб, и глядеть на них было горько и жутко. И в чем только душа держалась? Лишь четыре черных глаза были живыми, имели вес. Казалось, глаза эти тяжелы, как олово, и не будь их, тело в конце-концов полетело бы по ветру, как

пух. Даже теперь, когда сухой хлеб хрустел у них на зубах, казалось, что это похрустывают их кости.

Грыць со скамьи глянул на них, подумал: «Мертвецы» и так испугался, что его бросило в пот. Ему стало тяжело, будто на грудь навалился камень. Девочки жевали хлеб, а он припал к полу, молился, но его тянуло все глядеть на детей и думать: «Мертвецы».

Спустя несколько дней он уже боялся сидеть дома, ходил по соседям и, рассказывали они, очень тосковал. Почернел, глаза запали, будто глядели не вокруг, а лишь на камень, который давил грудь.

Однажды вечером он вернулся домой, сварил картошки, посолил и подал детям на печь.

Когда они поели, сказал:

— Слезайте с печки, пойдем в гости.

Девочки слезли. Грыць надел на них рубашки, младшую, Доцьку, взял на руки, а Ганночку за руку и вышел из хаты. Долго шел лугами и остановился на горе. В лунном свете жидким серебром струилась по долине речка. Грыць содрогнулся: блеск воды леденил его, и камень на груди стал тяжелее. Он задыхался и с трудом нес маленькую Доцьку.

Спустились в долину. Грыць так скрежетал зубами, что по лугу расходился визг, а в груди его полыхал огонь, жег сердце и голову. Он уже не

мог итти медленно и побежал, выпустив ручонку Ганночки. Та бежала следом. Грыць быстро поднял Доцьку и изо всей силы кинул в воду.

Ему стало легче, и он торопливо заговорил:

— Скажу судьям, что не было никакого выхода: есть нечего, топить нечем, ни выстирать, ни голову вымыть, — ничего! Я наказание принимаю, я виноват и пойду на виселицу.

Рядом с ним стояла Ганночка и быстро-быстро говорила:

— Таточку, не топите меня, не топите, не топите...

— Раз просишься, не буду, но тебе было бы легче. Мне одинаково отвечать, что за одну, что за двух... Будешь сызмальства бедовать, а потом пойдешь в няньки к торговцам и опять будешь бедовать. Как хочешь...

— Не топите меня, не топите!

— Нет, нет, не буду, но Доце легче, чем тебе. Ну, иди в село, а я пойду повинюсь. Ступай этой стежкой на гору, а как дойдешь до первой хаты, войди и скажи, что так, мол, и так, отец хотел утопить, но я отпросилась и пришла вот, пустите меня переночевать... А завтра, говори, может быть, отдадите меня к кому-нибудь в няньки... Ну, иди, уже ночь...

И Ганночка пошла.

— Ганна, Ганна, на тебе палку, а то на тебя собака нападет и разорвет, с палкой безопаснее...

Ганночка взяла палку и пошла лугом.

Грыць закатал штаны, чтоб перейти речку, — там была дорога города. Вошел в воду и задеревянул.

— Во имя отца и сына и святого духа, аминь. Отче наш, иже еси на небеси и на земли...

Вернулся и берегом пошел к мосту.

★

ПРЕДВЕСТНИКИ

То будут престарелые бедные вдовы, либо их внуки, или старые деды, что горбятся возле своих детей и постоянно чувствуют, что они им в тягость, либо те молодые женщины с детьми на руках, мужья которых ушли в город и забыли о них. Они вереницей будут итти полями, мимо придорожных крестов, уже не скрытых зеленью, будут сворачивать с блестящих, гладких дорог и расходиться по серым монотонным жнивьям: дети — собирать колосья, а старые — выдергивать корни сухого бурьяна.

И дед Михайло будет итти с двумя внуками и со старшей — Оксаной. Мальчики, как жеребята, то обгонят деда, то отстанут от него, а Оксана пойдет рядом с ним. Он будет нести драгую дерюгу на плечах и покашливать, у Оксаны в руке будет хлеб для братишек и для себя. Наступит полдень, и дед скажет Оксане:

— Это солнце уже с холодком.

Они будут итти-итти и остановятся на одном из полей. Дед станет у межи, Оксана пойдет серединой поля, а маль-

чики начнут искать норки зверьков, кнуты и ножички, потерянные пастухами.

Оксана будет поднимать по одному колоски и складывать их в левую руку, а когда пучок станет большим, положит его у спуска в долинку, чтобы потом легче было найти. Она обойдет все рвы и ямки, — в них чаще попадают колосья. Сто раз в минуту будет наклоняться и вглядываться — труженица. Изредка перед ее глазами начнут мелькать желтые или синие пятна, либо одна половина поля покажется обычной, а другая — зеленой. Она остановится, прикроет ладонью глаза и будет стоять. Потом отнимет от глаз руку, и марево исчезнет. Или она запоет песенку, — запоет только для себя, потихоньку, стыдясь и радуясь тому, что она уже умеет петь. Будет выводить звук за звуком, как ребенок, что учится ходить и с радостью касается чистыми ногами земли. Когда найдет колос, оборвет песенку и вновь затянет ее. А дед у межи будет говорить:

— Не знаю, но что-то мешает мне дышать. Если б разрезать грудь да вы-

пустить оттуда запекающуюся кровь, то я, может быть, еще пожил бы немного.

И будет выдергивать коренья, и кашлять, и садиться. Во время работы в его голове будут проплывать мысли об осени, о зиме, о весне. В голове зароятся такое, что он забудет о бурьяне, о пашне.

— Когда зимою есть чем топить, не так есть хочется. Встанешь рано, отметишь снег от порога, принесешь бурьяну, наложишь его в печь, затопишь — в хате сразу веселее станет. Катерина сварит суп с пшеном, встанут дети: уже есть ложка горячей еды, печь теплая, и тебе, старику, тепло. Бывает и лучше, но и так не плохо. Бурьян, если он сухой, хорошо греет.

И дед старательно, с большой охотой, будет выдергивать коренья. А мысль пойдет вдогонку мысли, и он не сможет отогнать их.

— Не умереть бы, пока мальчишки подрастут. Я б рассовал их по людям, чтоб каждый работал на себя, а глупая женщина, что она может? Только плакать. Я б их вывел на дорогу лучше, чем она.

Тогда он позовет внуков. Они подбегут к нему с выдолбленной тыквой.

— Эй, парни, вы почему Оксане не помогаете, или не хотите есть? Идите, играйте возле нее, а то ей скучно.

Внуки пойдут к Оксане, а дед будет дальше разматывать свои думы:

— Парни здоровые, рослые, только бы вошли в года. Меньший — замысловатый, как дед. На зиму просит сапо-

ги. А то, говорит, ему на печке нехорошо. Сколько смеху с ним: если померет, осиротеет...

Дед поглядит, низко ли опустилось солнце, достаточно ли он надергал кореньев. Потом позовет Оксану помогать сносить коренья и отряхивать с них землю. Они сложат их в ворох и стаянут колотить палками. Столб пыли окутает их, дед будет кашлять, Оксана — зажмуривать глаза, а внуки — есть хлеб. В этот час солнце повиснет над западом. Из сел на поле долетит звон и будет стлаться с вечерней росой по жнивьям. На дорогах заблеют овцы и загугают пастухи. Люди начнут выдергивать из борозд плуги и собираться домой. Из долин поднимется синий мрак. Воронье стаями потянет в село, собаки уже не смогут ловить на полях перепелок и разбегутся по домам.

Дед Михайло будет креститься, стряхивать с рубахи пыль и кашлять. Потом сложит корни на дерюгу, внуки помогут ему поднять ее на плечо — и они выйдут на дорогу. Оксана понесет снопики собранных колосьев, внуки будут совать за пазухи выпавшие из дерюги коренья. Пока дойдут до дому, пазухи их вздуются, а животы станут грязными от пыли.

... По селу все они будут итти устало: и бедные женщины, и их внуки, и деды, и молодые жены, которых покинули мужья... — все с надерганными на полях кореньями бурьяна, со снопиками собранных колосьев. Они возвещают, что наступает осень...

★

КОНЧИНА

Когда наступила глухая осень, когда лес уронил листья, когда поле усеяли черные вороны, — тогда к старому Лесю пришла смерть.

Умирать каждому приходится, смерть не страшна, но долго лежать перед смертью, ждать ее — вот мука. И Лесь мучился. То погружался в какой-то другой мир, то всплывал из него. А другой мир был мучительно странным. И только глаза были Лесю опорой. По-

этому он жадно ловил блестящим измученным взглядом огонек маленькой лампочки, держался за этот огонек глазами, не отрывал их от него, боялся, что веки вот-вот сомкнутся и он стремглав свалится в неведомый мир.

На полу заснули его сыновья и дочери, — не могли столько ночей не спать. Он не спускал взора с огонька и не давался смерти. Но тяжелые веки закрывали глаза.

Он видит во дворе много маленьких девочек, каждая держит в руке пучок цветов. Девочки глядят на кладбище и ждут смерти. Затем все переводят взгляд на него. Туча глаз — и синих, и серых, и черных. И эта туча плывет к нему, ласкает лоб и охлаждает его.

Открыл глаза, сжал пальцами жилу на шее — голову как бы сбрасывало с плеч — и подумал:

— Это, должно быть, ангелы перед смертью являются.

Пока он думал, свет лампочки ускользнул от глаз.

Ровное, широкое, солнцем сожженное поле. Оно просит воды, дрожит и притягивает к себе всю зелень, чтоб из нее хотя бы высосать влагу. Он пашет, но жажда так жжет горло, что нет сил держать рукоятку плуга. Волон тоже палит жара, и они роют ногами землю. Руки отваливаются от рукоятки, он падает, и поле сжигает его в уголь.

Свет лампочки вывел его из другого мира.

— И не раз, и не два погибал я в поле без воды, у бога все записано!

И вновь забылся.

За столом сидит его покойная мать и поет песню. Тихо и грустно стелется по хате голос и доходит до него. Это та самая песенка, какую мать пела ему маленькому. Он и плачет, и сердцем исходит, и ладонями ловит слезы, а мать поет прямо в душу, и все муки плачут в ее песне. Мать идет к двери, а с нею уходят и песня, и муки из души.

Вновь мелькнул огонек лампочки.

— Мама хочет притти с того света и заплакать над своим дитятей. Бог дал ей такое право.

Ноги ломило от холода. Он хотел накинуть на них тулуп, но глаза опять закрылись.

Над ним пронзительно громко звонят колокола и ударяются краями о его голову. Голова раскачивается, изо рта вылетают зубы. Сердца колоколов срываются со своих мест, падают ему на голову, ранят.

Он раскрыл глаза, страшные и бессмысленные.

— Я обещал купить колокол, чтоб звонил в случае пожара на селе, но годы были тугие, и я не собрался. Прости мне, господи милосердный...

И вновь скатился в пропасть.

Сверху, со страшной высоты, на него падают взлохмаченные снопы ячменя. Падают и заваливают его. Остинки лезут в рот, в горло, жгут красными иглами, проникают в грудь, пекут адским огнем и вонзаются в самое сердце.

Раскрыл уже мертвые потухающие глаза.

— Мартыну не отдал заработанного ячменя, и этот ячмень убивает меня.

Хотел крикнуть детям, чтоб отдали Мартыну ячмень, но крик не мог продрасть сквозь горло и разлился по телу горячей смолой. Лесь высунул черный язык и пропихнул в рот пальцы, чтоб помочь крику выйти. Но зубы щелкнули и не могли разжаться, защебив пальцы. Веки с громом опустились...

... Окна раскрываются. В хату всовывается белое полотнище и летит, летит, — нет ему конца и края. От него светло, как от солнца. Оно пеленает Лесья, как маленького ребенка, обвиняет ноги, потом руки, плечи... Туго, но ему легко-легко. Потом полотнище вползает в голову и щекочет мозг, входит во все суставы и мягонько устилает их собою. И наконец, оно обертывает горло... и все туже, все крепче. Оно ветром шуршит вокруг шеи и обматывает, сбивает...

★

ПЕСТУНЬЯ

Сидит маленькая Парася и держит в подоле ребенка; вокруг нее такие же, как она, — пестуны и пестуни.

Сборище выглядит так, будто стряс-

ли с дерева крупные яблоки, и они раскатились по земле.

Парася предлагает играть в похороны и причитать.

— Почему в похороны? Зачем причитывать?

— Я скажу почему. Этой ночью я слышала — отец говорил матери, чтоб этого ребенка не было в хате, — он не наш, он московского гусара. Отец говорил: «Или ты его убей, или живьем закопай, я его не хочу». А мать говорит: «Да как же я закопаю живого ребенка? Ты прежде сам убей, а потом закопай...». Я до рассвета ушла с ребенком и жду. Вы спите, а отец все кричит: «Убирайся от меня с этим байстрюком».

Маленький Максим, которого гусары очень интересовали, положил своего ребенка на землю и стал внимательно разглядывать гусарского ребенка.

Максим говорит:

— Этот ребенок такой же, как все, а отец твой какой-то глупый...

— Да, а как он хочет удушить этого ребенка?

— Ну, это не штука — душить такого маленького. Задушат и похоронят...

— Вот твоя мама будет причитывать, ай-я-а...

— Девочки, давайте причитывать. Мальчики — молчите, вам не полагается...

Девочки голосят, подражая бабам, — по выгону стелется звонкий похоронный напев.

Старуха Дмитриха из-за ворот кричит:

— Да вы, девки, что, посдурели со своим плачем? Грех причитывать, раз нет покойника.

— Бабушка, этот гусаров ребенок должен умереть, его хотят удушить, и нам не грех причитывать.

Старуха крестится, дети вновь голосят...

★

М А Й

Данило ждал у белых ворот, глядел, как вор, в господский сад и не смел войти:

— Разве я знаю, можно ли туда войти. А если выбежит и даст по лицу, откуда я знаю, что не даст?

Беленькие ровные дорожки шли по господскому саду, и он боялся, что за хочьбу по этим дорожкам его избьют, а пройти во двор можно было только по ним. Вот он и ждал у ворот.

Все мужики, — а их много миллионов, — умеют долго и терпеливо ждать. Если чиновник в канцелярии, они ждут стоя. Пусть их соберется неведомо сколько, они не дадут о себе знать. Стоят тихо, лица незаметно тупеют, выражения с них сплываюи куда-то на плечи, под рубахи. Во сне на ногах они разморены, бескрайне равнодушны, и чиновник среди них похож на черную муху, попавшую в густой мед. Крайнему, тому, что стоит у стола чиновника, хуже всех: он не имеет права заснуть. Он каждую минуту широко раскрывает глаза и тревожно оглядывается. За ним и соседи протирают глаза, оглядываются: беспокойство переднего перекиды-

вается к последнему, к тому, что оперся о печь. Тот, что стоит у стола — как ветер на ниве, тревожит все колосья от дороги до межи.

Если чиновника нет в канцелярии, мужики садятся на корточки. Хорошо полчаса отдохнуть — одна рука или одна нога, но все же отдохнет. Приседают, опираются друг на друга, бережно, чтоб не измять, держат шапки. Когда ладно устроятся локоть к локтю, начинают шептаться:

— Кабы трубкой подымить немного!

— Не стоит, ну ее.

— А табак у вас покупной?

— У меня на огороде растет.

— Молчите, а то еще услышит, да...

Все тянутся руками за пазухи, засовывают подальше табак, а иные чешутся. Шопот стихает, лица деревенеюи, на губы наплывает слюна, головы ложатся на ладони. Но если среди них окажется нетерпеливый, то он, как тот, что у стола, никому не даст спокойно посидеть. У него или рука онемееи, или его кольнет в спину, — он вздрогнет, потеряет равновесие и повалится. За

ним качнутся соседи, и взаимная крепость локтей, плеч рухнет. Все вновь начнут удобно устанавливать ноги, укладывать руки, а беспокойного опять какая-нибудь беда бросит на пол.

— Какие бывают нетерпеливые люди, господи! — осуждающе скажет кто-нибудь из терпеливых и сомкнет веки.

Так ждут все они, так ждал и Данило у барских ворот, хотя и был один. Его одолевали сонливость, равнодушие, мысли цеплялись друг за друга. Когда он шел к барину, у него был ясный план: увидит барина, снимет шапку и пойдет к нему, как аист по лугу — осторожно, не спеша, чтоб господского камушка ногой не обидеть. Подойдет совсем близко и поглядит так, чтобы барин подумал: «Это какой-то очень бедный человек!». Потом — поцеловать с обеих сторон руку, лбом дотронуться до ладони, немного отступить, опустить низко плечи, швырнуть назад шапку, вытереть рукавом губы и заговорить:

— Я пришел к барину наниматься. Туго мне перед жнитвом, детей четыре души, а огороду — маленький кусочек. Должен наниматься. Работу я всякую знаю, потому — здоровый. Прошу господской ласки, чтоб я пригодился барину и чтоб он дал мне плату натурой, сейчас же, чтоб отдал я все жене и детям. А на работу я могу стать хоть сейчас.

Первое слово барина будет такое:

— Ты, видно, вор?

— Я, барин, и стебелька чужого не трогал.

— Зачем врешь, поганец? Чтоб мужик не крал — выдумка это! Разве ты не мужик?

— Я полный простой мужик, но чужого не люблю брать.

— Так ты, наверно, пьяница?

— Я с водкой не вожусь, не на что пить.

— Врешь, как пес! Да ты без водки умер бы.

— Без водки не умру, а вот без хлеба, пожалуй что...

— Ты очень умно отвечаешь, значит, был в тюрьме. Там тебя научили умному.

— Пусть меня бог хранит! Я полжизни прожил, а нога моя в тюрьме еще не бывала.

— А зачем столько детей наплодил?

— Это от бога, барин.

— Поп научил тебя отвечать так?

— Я с попом не вожусь, на это деньги нужны, а мне даже в церковь не в чем ходить.

— Так ты, значит, радикал и не дашь попу с себя шкуру сдирать?

— Если бы я хотел дать попу, то не дам, потому у меня ничего нет, а он хотя бы и хотел содрать с меня, не сдерет, потому нечего сдирать. Вот мы и не сходимся.

Данило заранее знал, что барин сначала должен смешать его с грязью, насмеяться над ним, и только потом взять на работу. Дорогой он был уверен в себе, а здесь, у ворот, заколебался. Господский двор выходил в село. Как войти, он не знал, спросить не у кого, — и вот, ждал. Его ясный план посмутнел, он чесал затылок и робко заглядывал в сад.

— Они по этим дорожкам гулять ходят, ишь, как усыпаны песком.

Глаза его долго блуждали и, наконец, остановились на павлине, ослеплявшем красками перьев.

— На этом хвосте крейцер заработать можно, если забежать и вцепиться в него руками. А вот не знаю, едят ли его мясо?

Он окинул взглядом постройку.

— Барин много земли имеет, хорошо обрабатывает ее. Да-а, и куда он все девает?

Его мысли разлетелись в стороны.

— Весна такая хорошая, веселая, эх!

После этого он перестал интересоваться окружающим. Сидел, как столб, и чувствовал, что уснет. Чтоб отогнать сон, он широко раскрывал глаза, тер рукою лицо и похож был на несчастливую борца, который вот-вот сдастся на милость врага. Лег на один бок и хотел устроиться получше, чтоб можно было не то спать, не то ждать. Потом вытянулся во весь рост и закрыл глаза. Не проспал и минуты, как голос шепнул ему:

— Спи, спи под барскими воротами. Кучер так опояшет тебя кнутом, что кровь брызнет!

Он сел, испуганно глянул по сторонам и вдруг вскочил, как подстреленный. Постоял немного, махнул рукою и пошел от ворот в поле. Забрался в траву и лег спать. Снились ему и барин, и его руки, и песчаные белые дорожки. Барин говорил ему, чтоб он надел шапку, но он не хотел делать этого:

— Я, прошу прощения, бедный чело-

век, я не могу пред вами покрывать голову, потому я бедный, такой бедный человек...

Сладкий сон навевал видения, и Данило спал спокойно.

Солнце смеялось над ним, обливало его лучами и ласкало, как родная мать. Цветы целовали его в черные нечесанные волосы, кузнечики перепрыгивали через него. А он спокойно спал, и черные ноги и черные руки его казались приделанными к его загорелому кирпичному телу.

★

КАМЕННЫЙ КРЕСТ

I

На селе помнят: всегда у Ивана Де-духи был только один конь да малый возок с дубовым дышлом. Коня он запрягал слева, а сам впрягался справа; для коня полагалась кожаная шлея и нашилник, а на себя Иван надевал веревочную шлею. Нашильника ему не нужно было, — левой рукой он управлял, пожалуй, лучше, чем нашилником.

Когда они тянули снопы с поля или навоз на поле, одинаково напрягались у них жилы: в дороге под гору одинаково, как струны, натягивались постромки, с горы — волочились по земле.

На гору конь шел, как по льду, а Иван — так, будто его ударяли палкой по лбу: до того вспухала над бровями жила. С горы казалось, будто Иван правой рукой повесил коня за какую-то провинность на нашилник. Левую руку его, как цепь из синей стали, обвивала сеть багровых жил.

Не раз проезжал Иван полевой дорогой на заре, до восхода солнца. Шлеи не надевал, шел справа и как бы зажимал дышло подмышкой. И лошадь, и он сам за ночь успевали отдохнуть и шли бодро. Если дорога спускалась с бугра, они бежали, оставляя за собою следы колес, копыт и широченных пятток Ивана. Придорожные травы и стебли качались и роняли на следы росу. Порою на разбеге Иван начинал упираться ногами и сдерживать коня. Садился у дороги, брал в руки ногу и

слюнявил ее, стараясь найти вонзившуюся колючку чертополоха.

— Эту ногу сапой надо скрести, а не слюной промывать! — с сердцем говорил он.

— Дед Иван, кнутом бы вашего коня, чтобы даром овса не ел, — смеялся кто-нибудь на поле.

Иван привык к насмешкам и, не обращая внимания на голос, спокойно вытаскивал занозу. А если она не давалась, вставая говорил:

— Небось, загниешь и сама выпадешь, а нянчиться с тобой у меня нет времени.

В селе Ивана звали Переломленным. У него в пояснице был какой-то изъян, и ходил Иван так, будто железные крюки тянули его туловище к ногам. Это ветром прохватило его.

Вернувшись из солдатчины, Иван не застал ни отца, ни матери, — только полуразвалившуюся хатенку. Отец оставил ему кусок поля на бугре — высокая и самая плохая в округе земля. Вот и все имущество. На этом бугре бабы брали песок. Бугор был покрыт ямами и пещерами. Никто не пахал его, и меж на нем не было. Но Иван начал копать и сеять. Навоз подвозил к бугру вместе с конем, а наверх таскал на собственной спине — в мешке.

На полях, что лежали ниже, порою слышали его громкий крик:

— Эх, как брошу тебя, на нитки разлетишься, до того ты тяжелый!

Но он ни разу не бросил мешка: жалел его и на землю спускал с плеча осторожно. Однажды вечером рассказал жене и детям такой случай:

— Солнце жарит, прямо огнем палит. Я тащу навоз на бугор, а шкура с колен слезает. Пот стекает с каждого волоса, во рту солоно до горечи. Еле взобрался на бугор. Наверху дунул на меня ветерок, и такой легонький, что... эх!.. И вот, подите, как начало потом в поясище ножами чикать, — думал, что пропаду.

После этого случая Иван и начал ходить согнутым в поясище, и люди прозвали его Переломленным.

Однако бугор приносил и пользу. Иван вбил колья и обложил поле кусками дерна, чтоб осенние и весенние дожди не сносили в долину навоза. Жизнь свою положил на этом бугре.

Чем больше старился, тем тяжелее было ему, переломленному, сходить с бугра.

— Такой собачий бугор, так и подгоняет в долину!

Когда заходило солнце, тень Ивана вместе с тенью бугра падала на поля — тень великана, согнувшегося в поясище. Показывая на нее, он говорил бугру:

— Это ты меня, беднягу, согнул в дугу. Но пока меня ноги носят, ты должен рожать хлеб.

На полях, купленных Иваном на принесенные из солдатчины деньги, работали сыновья и жена. Сам он хлопотал у бугра.

Был Иван известен и тем, что в церковь ходил раз в году, на пасху, и тем, что муштровал кур. Он так их вышколил, что ни одна не осмеливалась разгребать во дворе навоза. Если какая царапнет лапкой, то найдет смерть под лопатой или палкой. Иваниха, крестом раскинув руки, защищала их — не помогало.

И еще одна странность водилась за Иваном: он никогда не ел за столом, — только на скамейке.

— Был я батраком, потом десять лет стбыл в солдатах, а стола не знал. Не вкусна мне еда за ним!

Вот какой чудак Иван: и нравом и работой.

II

Гостей у Ивана полна хата — хозяева и хозяйки. Иван продал все, что имел: сыновья с женой решили ехать в Канаду, и он, старый, должен был, в конце-концов, уступить им.

Пригласил все село.

Стоя перед гостями, держал в правой руке рюмку водки, от волнения, должно быть, цепенел и не мог слова выговорить.

— Очень благодарю вас, хозяева и хозяйки, что вы считали меня хозяином, а мою жену хозяйкой...

Договорить не мог и пить не мог, — тупо глядел перед собой и качал головой, будто молился, и каждое слово сопровождал кивком.

Так иногда глубинное течение подымет из воды камень, выкинет его, и он, тяжелый, бездушный, лежит на берегу. Солнце, освободив от ила, рисует на нем маленькие фосфорические звезды. Камень мертво поблескивает в свете утра и вечера, глядит каменными глазами на живую воду и тоскует, что она не давит его больше, как давила сотни лет. И глядит камень с берега на воду, как на потерянное счастье.

Так Иван глядел на людей. Тряхнул седыми волосами, как гривой, выкованной из стальных ниток, и продолжал:

— Хорошо, благодарю вас, и пусть бог даст вам всего, что вы ждете от него. Дай вам, боже, здоровья, дед Михайло!

Подавал Михайле рюмку, и они поцеловали друг у друга руки.

— Кум Иван, дай вам, боже, еще пожить на этом свете. Пускай господь милосердный счастливо доведет вас до места и поможет своей лаской снова стать хозяином.

— Если б допустил бог. Хозяева... Рассчитывал я, что за стол усажу вас, когда придете на свадьбу сына, а сложилось все иначе. Такое время настало, какого наши деды и отцы не знали, а мы должны знать. Господняя воля! Да угощайтесь, хозяева, и извиняйте в последний раз...

Взял рюмку водки и подошел к женщинам, сидящим на другом конце стола.

— Тимофеихо, кума, я хочу за ваше здоровье выпить. Гляжу на вас, и мне, как говорят, молодые годы вспоминаются. Где они? Вы были сильной девкой, исправной были вы. Я не одну ночь думал о вас. В танце вы плавно ходили, как сновальница. Ба, где, кума, эти лета наши? А ну-ка выпейте и извиняйте, что на старости о танцах вспомнил... А прошу, прошу...

Глянул на свою плачущую старуху и вынул из-за пазухи платок:

— Старуха, эй, на платок, да хорошенько утрись, чтоб я слез не видел. Заботься о гостях, а плакать потом будешь. Еще так заплачешься, что глаза вытекут.

Качая головою, отошел к хозяевам.

— Что-нибудь сказал бы я вам, да лучше помолчу. Чту иконы в хате и вас, любезные мои. Но не дай бог жить женским умом. Вот видите — плачется, а на кого плачется? На меня? Хозяйка моя, на меня? Разве я тебя выкорчевываю на старости из твоей хаты? Молчи, не хлипай, а то оборву твои седые косы, и пойдешь ты в эту Америку будто стриженная!

— Кум Иван, оставьте в покое жену, она не враг вам и детям вашим, ей жалко свой род и свое село.

— Тимофеихо, кума! Если не знаете всего, то не говорите ни динь-динь. Ей жалко, а разве я туда вприпрыжку иду?..

Заскрежетал зубами, как мельница жерновами, погрозил жене кулаком и, как долбней, стал бить им в свою грудь:

— Возьмите да всадите топор в печенки, может, желчь треснет, а то не выдержу! Люди!.. Такая печаль, такая тоска — не знаю, что с собою и делать!

III

— А прошу, хозяева, да берите без церемонии, да будьте ласковы, ведь мы уже странники. И не удивляйтесь, что я немного на жену нападаю, это не зря, ой, не зря! Сыны, извините, грамотные, достали где-то какое-то письмо,

какую-то географическую карту да как подсыпались под мою старуху и уж пилили, пилили ее,—прямо надвое перепилили. Два года в хате ни о чем больше и разговору не было—все Канада да Канада. А как притиснули меня, как понял я, что они меня всю жизнь будут грызть, если не пойду с ними, — вот и продал все до крошки. Сыновья не хотят быть батраками после моей смерти и говорят: «Ты наш отец, сведи нас на землю и дай нам хлеба, потому, когда разделишь нас, нам нечем будет жить». Пускай бог поможет им есть тот хлеб, а мне все равно, где умирать. Но, хозяйка, куда я, переломленный, пойду? Я сработался, все мое тело — мозоль, а кости такие дряхлые, что, пока их разомнешь утром, десять раз ойкнешь.

— Об этом, Иван, что говорить! Не забивайте головы печалью. Может, вы нам дорогу укажете, и все мы за вами поедем. Из-за нашего края не стоит печаль на сердце брать. Наша земля уже не может столько народу прокормить и столько беды вынести. Мужик не может, земля не может, — оба не могут. И саранчи нет, и пшеницы нет. А подати растут: если ты платил гульден, — теперь плати пять, если ты ел сало, — теперь ешь картошку. Ой, выщелочили нас и в руки так крепко взяли, что никто не может вырвать. Осталось одно — убегать. Но когда-нибудь на этой земле поднимется большая резня. Так что не из-за чего вам печалиться...

— Благодарю вас за это слово, но не принимаю его. Верно, народ поднимется и порежется. Разве бог не гневается на тех, кто торгует землей? Теперь никому не надо земли, — подавай банк да векселя. Теперь молодые хозяева мудрыми стали. Это такие пожарные, что за землю не сгорят. А поглядите вы на жену, на эту старую скрипку, разве можно ею торговать? Это ж трухлая верба: толкни ее пальцем — и упадет. И вы думаете, она доедет до места? Упадет где-нибудь в канаву, и разорвут ее собаки, а нас погонят дальше, оглянуться не дадут. Разве такое дело бог благословит? Старуха, иди сюда...

Иваниха, старенькая и сухая, подошла.

— Катерина, что ты, бедная, головой своей надумала? Где я тебя похороню? Или тебя морская рыба должна съесть? Да ведь у тебя порядочной рыбе нечего и на зуб взять. Смотрите!

Натянул кожу на жениной руке и показывал людям:

— Кожа да кости! Куда ей, хозяйева, итти с печки? Была ты порядочной хозяйкой, тяжело работала, не ленилась, а на старости собираешься в далекую дорогу. Знаешь, где твоя новая дорога и где твоя Канада? Там...

И показал через окно на кладбище.

— Не хотела итти в эту Канаду, пойдем по свету и разлетимся на старости, как листья по полю. Бог знает, что с нами будет, и я хочу перед нашими людьми простить тебе все. Мы с тобою венец брали перед ними, перед ними я хочу и проститься с тобою. Может, тебя бросят в море так, что я и не увижу, а может, меня бросят, и ты не увидишь. Прости мне, старая, что не раз допекал тебя, что, может, когда-нибудь зло причинил, прости мне: и в первый раз, и во второй раз, и в третий раз прости.

Поцеловались. Старуха упала Ивану на руки, а он говорил:

— Эх, везу тебя, беднягу, в далекую могилу...

Этих слов уже никто не слышал: от стола, где сидели женщины, как ветер повеял, набежал плач и склонил головы хозяев на груди.

IV

— А теперь ступай, старая, к бабам да угощай всех, да напейся, чтоб я тебя хоть один раз на веку пьяной увидел! А к вам, хозяйева, у меня две просьбы. Может, сыновья пришлют весть, что нас со старухой уже нет на свете. Прошу: отслужите по нас обедню, да чтоб, как сегодня, все сошлись на обед и прочитали за нас молитву. Может, бог грехов сбавит. Деньги я оставляю Якову; он молодой и справедливый человек, не спрячет стариковских крейцеров.

— Закажем обедню, закажем, и «Отче наш» за вас прочитаем!

Иван задумался. На его лице проступила краска стыда.

— Не удивляйтесь старику и не смейтесь. Мне и самому стыдно говорить, но, кажется, грех мне, если не скажу всего... Вы знаете, я на своем бугре поставил каменный крестик. Тяжело было везти его, втаскивать на бугор, но — поставил. Он тяжелый, бугор не сбросит его, бугор должен держать его, как держал меня. Захотелось мне маленькую память оставить после себя...

Сложил ладони трубой и прижал их к губам.

— Я тоскую об этом бугре, как ребенок о материной груди. Весь свой век провел на нем и окалечился. Если б можно, я его под рубаху спрятал бы и взял с собою. Тосковать буду по каждой крошке в селе, по каждому ребенку, но тоски по этому бугру никогда не забуду.

Глаза его подернулись скорбью, черты лица дрогнули:

— Прошлой ночью лежу в риге и думаю: господи милосердный, чем я так согрешил, что гонишь меня за какие-то моря? Я всю жизнь работал, работал и работал. Не раз было так: кончится день, я упаду на ниву и горько молюсь: господи, не оставь меня без куска черного хлеба, а я все буду работать... Разве что не смогу двигать ни рукой, ни ногой...

— Потом меня такая тоска взяла, что я пальцы грыз, волосы рвал и катался по соломе, как скотина. И тут нечистое прицепилось ко мне. Не знаю, когда и как, но очутился я под грушей с веревкой в руке. Еще бы минута — и конец. Но господь милосердный знает, что делает. Вспомнил я о кресте, и скверное отошло. Ой, мог ли я не бежать на бугор?.. Через минуту я уже сидел под крестом. Посидел, посидел, и стало мне легче.

— Смотрите, стою перед вами, говорю с вами, а бугор не выходит из головы. Все вижу его. Умирать буду, и тогда буду видеть его, все забуду, а его не забуду. Песни знал когда-то — на бугре забыл их, силу имел — на нем лишился ее...

Слезла катилась по лицу, как жемчужина по скале.

— Я прошу вас, хозяева, чтобы, когда будете поле святить, не обходили моего бугра. Кто помоложе, пускай взбежит на него и покропит крест свяченой водицей, — сам поп на бугор не пойдет. Прошу горячо, чтоб вы моего креста никогда не обходили. Буду за вас и на том свете бога молить, только выполните дедову волю!

Казалось, он готов кланяться гостям в ноги, казалось, он хочет взглядом своих добрых серых глаз навсегда запечатлеть в их сердцах свою просьбу.

— Иван, оставьте тоску, отбросьте ее прочь! Мы все будем вспоминать вас. Вы были порядочным человеком, никогда не брали нахрапом, чужого поля не запахивали и не засевали, чужого зернышка не взяли. Ой, не! Будут вас люди вспоминать и креста вашего не пройдут мимо...

Так Михайло утешал Ивана.

V

— Вот, хозяева, я сказал все. А теперь все, кто меня любит, будут со мною пить. Солнышко уже над кладбищем, а вы и рюмки со мной не выпили. Пока я в своей хате, пока я за своим столом вижу гостей, буду пить, и все, кто меня любит, будут пить со мной!

Началась попойка, та самая, что взрослых превращает в дурашливых парней. Пьяный Иван вскоре велел позвать музыкантов — играть для толпившейся во дворе молодежи.

— Эй, так танцуйте, чтоб земля гудела, чтоб ни одной травинки на току не осталось!

В хате пили, говорили все разом, и никто никого не слушал. Беседа шла сама собой, — у всех была потребность говорить, обязательно говорить, все высказать, хотя бы даже на ветер.

— Как, бывало, вычищу его, он весь гладкий: там, где черное, будто серебром по черному побрызгано, а где белое, там будто снегом присыпано. Лошади у меня были в порядке, царь мог ездить на них! А денег имел, ой, сколько имел...

— Если б я очутился среди такой пустыни, где только бог да я. И ходил,

как дикий зверь, и не видел ни этих господ, ни попов. Вот тогда можно было бы сказать, что я барин. А здешняя земля пусть провалится, пусть сейчас провалится, я жалеть не буду. Чего ради? Били да истязали отцов, в ярма запрягали, а нам не дают уже куска хлеба пожевать. Э-э, если б можно было сделать по-моему...

— Еще не было такого сборщика, который сумел бы взять с него что-нибудь в счет подати, ой, нет! Был чех, был немец, был поляк, — чорта лысого, извините, взяли! Но как стал сборщиком мазур, то сразу нашел у него тулуп под вишней. Говорю, вам, мазур — это беда, выжги ему глаза, и не будет за то никакого греха...

Много слов было сказано, но они разлетались в стороны, как подгнившие деревья в старом лесу.

В шум, в крики, в стоны, в жалостливую веселость скрипки врезалась песня Ивана и старого Михайла. Песня эта стародавняя, ее часто можно слышать на свадьбах, когда селяне изрядно выпьют. Слова песни идут через старое горло с трудом, словно у стариков не только на руках, но и в горле narosли мозоли. Плывут слова этих песен, как желтая осенняя листва, — ветер гонит их по мерзлой земле, а они то-и-дело цепляются за бугорки, за ямки и дрожат перед смертью.

Так Иван и Михайло пели про молодые годы, но годы не хотели возвращаться к ним даже в гости.

Поднимая голоса вверх, они стискивали друг другу руки так крепко, что суставы хрустели. А когда выводили жалостливый мотив, то склонялись, прижимали лоб ко лбу и исходили печалью. Бралась за шею, целовались, били кулаками по груди, по столу, и такую тоску будили в себе заржавленными голосами, что под конец ни одного слова не могли вымолвить, кроме:

— Ой, Иванок, братик...

— Ой, Михайло, дружище...

VI

— Отец, слышишь, пора итти на железную дорогу, а ты все спишь.

Иван открыл глаза, но так странно, что сын побледнел, подался назад, положил на ладони голову и долго о чем-то думал. Иван встал из-за стола, подошел к жене и взял ее за рукав:

— Старуха, эй, марш, раз, два, три! Иди, оденемся по-господски и пойдем барствовать.

Вышли вдвоем.

Когда вернулись, все, кто был в хате, зарыдали. Будто прорвалась туча плача, нависшая над селом, будто людское горе прорвало на Дунае плотину. Бабы заломили руки. А Михайло взял Ивана за плечи, крепко тряс его и верещал:

— Человече, если ты хозяин, то сбрось с себя это рванье, а то рожу искрошу, как...

Иван не глядел в его сторону, — обнял жену за шею и пустился с нею в пляс:

— Польку, польку мне играйте, погосподски, имею деньги!

Люди обомлели, а Иван дергал жену

так, будто решил живой не выпускать ее из рук.

Вбежали сыновья и насильно вынесли обоих из хаты.

Во дворе Иван опять танцевал польку, а Ивановна обхватила руками порог и причитала:

— Это ж мои следы на тебе, вот этими ногами я выгрызла их...

И все показывала рукою, как глубоки следы ее ног на пороге.

VII

Плетни при дороге трещали и падали, — все сельчане провожали Ивана. Он шел со старухой, сгорбленный, в дешевой серой одежке, и все танцевал польку.

А когда люди остановились против креста, поставленного им на бугре, он пришел в себя и указал старухе на крест:

— Видишь, старуха, наш крестик? Там вырезано и твое имя. Не бойся: и мое, и твое.

★

О С Е Н Ь

Дмитро латал женины сапоги. Собственно, не латал, а стягивал дыры: грех отдавать такую рванину сапожнику, да и деньги вывелись. А жена босая, воды не в чем принести. Поэтому Дмитро принялся за сапоги рьяно. Сидел у скамьи против окна, обложенный кусками старой кожи, вошил нитки на дратву и злился, как пес:

— Ей-богу, брошу в печь, швырну в огонь и развяжусь! Кожа перегорела, ниткой не стянешь... вот-вот порвется. Выбрось в мусор, плюнь, — да и все!

Приговаривая так над сапогами, Дмитро с великим старанием зашивал дыры. Продев дратву сквозь кожу, тревожно глядел, не порвалась ли? Работа шла медленно, и он сердился.

— Железо не кожа, да и то стирается, что уж тут говорить? Четыре года сапогам, этой осенью четыре года, конец им. Но зиму они должны послужить во что бы то ни стало.

И латал, и сердился, и сто раз собирался бросить сапоги в печь или в мусор.

Дмитриха сидела у печки и латала рубахи.

— Расползлись на части. Конопля не посеешь — под хлеб земля нужна, полотно не купишь — денег нет. Дойдет до того, что голыми будем ходить. Залатаешь в одном месте, в другом прорвется. Если б не стирать их, может, не так рвались бы. Как следует я уж не стираю их, но паутина так и остается паутиной. Прямо не знаешь, как чинить, с какой стороны приниматься за них?

С такими мыслями сидела Дмитриха над ворохом тряпья. Неказистое безрадостное лицо ее в прилежании склонялось к рваным рубахам. Грубое рваное полотно с потертыми красными вышивками было похоже на одежду солдат, вернувшихся с войны, а она — на милосердную сестру, что с грустью и сом-

нением хочет хоть чем-нибудь да залечить их раны.

— Ну, зиму еще как-нибудь переходим, но лето — бог знает!

И прихватывала суровой ниткой заплаты, и думала о своей горькой жизни.

На печи лежала мать Дмитра, маленькая, не больше десятилетнего ребенка, и, не переставая, кашляла.

— Боженька, боженька, пошли мне смерть, чтоб я так горько не валялась. Я уже, должно быть, замолила все грехи, какие были у меня. Где-то умирают люди, которым жить бы да жить, они добро оставляют, хозяйство, а я будто твердый камень, которого никто не может разбить. И за что мне такая мука?

И задыхалась от кашля.

Возле старухи сидели дети. Когда старуха синела и корчилась от кашля, они глядели на нее широко раскрытыми глазами, показывали на нее пальцами и говорили:

— Гляди, гляди, бабушка уже умирает.

Кашель отпускал старуху, и она говорила детям:

— Где, где, деточки, моя смерть? Забыла она меня.

Дмитру опротивело бороться с рваными сапогами. Швырнул их под скамью и начал ругаться:

— Если б я вас к смерти готовил, было б легче! Ни обувь вас, ни одеть, ни накормить — не наготовишься. Ходите босые, может, смерть скорее уберет вас от меня...

Сел к столу:

— Да, может, ты дала бы мне поесть, хозяйка моя! Ведь знаешь, что у меня сегодня крошки во рту не было.

Дмитриха встала и подала ему вареного картофеля. Была она запугана, как овца. Дмитро чистил картофелины, макал их в соль и грыз хлеб.

— Уж и кормишь ты меня! Но я тебя так накормлю, что сдохнешь. Ну, сварила бы борща или жидкой каши, или, ну, хоть чорта рогатого, что ли! Сунет картошки — и давись ею! Я уже ногами не могу передвигать!

— А что она, сынок, сварит тебе? Масла нет, муки нет, что она сварит?

— Ваши, мама, разговоры кончились.

Сидите себе на печке и кашляйте. Имущества вашего я не транжирил, волов и коров не брал, — вот и сидите потихоньку. Лучше подумайте, на что я хоронить вас буду? Ждете смерти, как птица дождя, все твердите: «Боженька, боженька, пошли мне смерть», но и ваша смерть упадет на мою голову.

Старуха хотела заплакать, но кашель помешал ей.

— Ей-богу, оглохну, — сказал Дмитро, — эй, ты, озорник, зачем виснешь на полке, хочешь горшки перебить? Чтоб ты навеки повис, — и начал бить мальчика.

Дети заверещали, старуха не переставала кашлять.

— Ой, на эту хату и птица не сядет, — сказал Дмитро.

— Да чего ты к детям придрался, или они виноваты, что сапоги износились?

— Это ты, собака, наплодила их, да еще лаешь! Я всех вас зарезу.

Выхватил из-под скамьи сапог и начал бить им жену. Затем натянул на себя тулуп и с порога сказал:

— Чтоб я не вернулся в эту хату!

— Иди, иди, слушай рассказы о Канаде! Думаешь, и я с детьми пойду за тобой на край света?! — вдогонку кинула ему жена.

★

Дмитриха топила печь. Дым заполнил хату, ел глаза, и она вытирала слезы.

Старуха на печке стонала:

— Будь лето, не грызлись бы, — солнышко всех развело бы по полю, а так... ад в хате. Боже, боже, не держи меня больше на свете! Видишь сам, что не стоит мне жить.

Дети бежали по хате. Когда в сенях раздавался стук, они спешили к старухе на печку. Лица их становились скучными, измученными. Они притихали, боялись, что отец будет бить. Но если в хату входил не отец, они опять слезали с печки и скакали по полу.

Так голуби стаей летают на ток, а когда хозяин скрипнет дверь хаты, бросают корм и испуганно взлетают в небо.

С У Д

I

Ковалюк поднял палку от постромок и сказал музыкантам:

— Играйте, как надо, эта свадьба прославится на всю Украину... и в Коломые, и в Станиславове...

— Этот уже не нуждается в веселье.

Он указал на Федьку Продана. Тот лежал на снегу с разбитой головой. Возле него сидела жена и, держа в руках его новую шапку, спрашивала:

— Ну, что прикажешь делать? Что детям сказать?

И еще что-то говорила ему, будто передавала слова на тот свет.

А Дмитро Золотой ходил у ворот и говорил стоявшей на улице толпе:

— Никому не советую входить сюда, иначе сразу заснет от моей руки. Это я вам говорю.

— Кого бьют?

— Богачей.

— А кто бьет?

— Свадьба.

— А Федька уже убили?

— Он уже на том свете.

— Ему, значит, смерть. А кому тюрьма?

На селе колокол забил тревогу.

— Сейчас общество сбежится и не даст бить.

— Даст, даст, общество будет стоять у ворот так, как стоите вы, — сказал Золотой.

У входа в хату начиналась новая драка. Михайло Печенюк упирался ногами и руками в раму двери, и ни Петр Синица, ни оба Золотых — Иван и Каллиник — не могли вытащить его во двор.

— Вы голодные, я крепкий, я каждый день мясо ем, а вы болтушку незабеленную.

— Будешь теперь сырую землю грызть!

Из сеней вырвался плач женщин.

— Не говори с ними так, Михайло, не говори, не говори, проси их, очень проси, — говорила Печенюку жена.

— Болтай, глупая баба, здесь не до просьб, здесь смерть.

Так спорили они, но Петр Синица изловчился ухватить зубами палец Печенюка и в минуту вытянул его во двор.

— Ого, Михайле теперь аминь!

— Михайлиха, садись мужу на голову: голова самое главное.

— Это ты советуешь? Вот я тебе по совету палкой!

— Кровь из него хлещет, как из свиньи, да такая красная, здоровая.

— Смотрите, креститесь! Бьют и не дают молитву прочитать!

— Михайлиха уже дает ему свечку, только незажженную.

— Ну, что с того, что он здоровый?

— А жена не плачет, крепится.

Из хаты выбежала толпа женщин, — среди них Касьян. Золотые и Синица кинулись за ними:

— Не спрячешься, богачей, под бабьими подолами!

Женщины окружили Касьяна.

— Не давайте меня!.. не давайте!.. — кричал он.

— Касьян боится, а его крепче других надо проучить. Он среди богачей самый вьедливый.

— Боится. Не то, что Михайло: тот не боялся.

— Смотрите, смотрите, как бабы оплевывают Золотых! Беда...

— Оттянули Петрика и все легли на него.

— Не дадут, все-таки...

— А вы чего из-за ворот вмешиваетесь? Горазды только своих баб бить, а как дошло до дела, стоите в сторонке и скулите, как щенята.

Это сказала толпе одна из тех, кто защищал Касьяна.

— А вы, старшина, чего не идете порядок наводить? Смотрите, женщины вместо вас взялись за это!

— Какая умная: иди, старшина, издыхай, потому что лодыри сговорились богачей бить!

Уже совсем рассвело. Хаты стояли на белом снегу, как стая больших черных птиц. Лес спокойно шумел. А колокол все еще голосил.

Из толпы вышла жена Ивана Золотого, взяла окровавленного мужа за рукав и сказала:

— Слушай, да погляди ты на людей, на село, на лес и опомнись! Что ты наделал? Ведь это люди — не скотина.

За нею вышла жена Каллиника:

— Ты, бедный, ступай уж сразу в тюрьму, в хату не заходи. Я с детьми уйду, ты не приходи, не надо.

Музыканты перестали играть, а Ковалюк все еще стоял с палкой от постромок и не знал, что с нею делать.

Золотые — все трое — бросили палки, сапы и пошли в лес. Ковалюк начал плакать, а Петрик Синица двинулся к хате, но на пороге упал, и на губах его показалась пена. Толпа зашевелилась и принялась поднимать убитых.

II

Судить убийц собрались в хате Онуфрия Мельника. Богачи не имели права присутствовать на суде: судили только бедные. Онуфрий разместил и суд, и прокурора, и защитника. Сам сидел за столом и говорил:

— Село — как отравлено, люди друг друга боятся, в церкви каждое воскресенье только и разговора, что о бедных. По селу рыскают жандармы, колокольчики звенят, приезжают комиссии: разрывают могилы, режут убитых, а нам, бедным, ниоткуда нет ни совета, ни доброго слова. Давайте сами судить, и если увидим, что наши виноваты, будем наказывать их.

Так говорил Онуфрий бедным. Те собрались чуть ли не со всего села, заняли хату, печь, постель, сени и двор.

— А если старшина придет разгневаться, не позволяйте. А если проталкиваться будет, дайте ему несколько затрещин, пускай удирает. А теперь расскажите нам, господин прокурор, акт обвинения.

Со скамьи поднялся Яков Дедьк и начал:

— Иван Зуб, бедный человек, справлял дочерину свадьбу. У бедного — знаете, как. Он всегда рад, если к нему приходит богач. Придет богач, иконы становятся светлее, потому — есть кому

сидеть под ними. Пришли одни бедные, но Зуб упросил трех богачей: Федьку Мельника, Михайлу Печенюка и Касьяна Крапивку. «А дай бог вам здоровья, благодарю, что вошли в мою хату, моя свадьба оттого будет еще веселее» — говорил Зуб. И все к богачам припадает. Бедные согнулись возле порога и слушают. «А прошу, будьте ласковы, доставайте, кушайте». И все к богачам. Богачи пьют, бедных все дальше от икон к постели оттирают. Зуб забыл о бедных, все за богачами ухаживает. Это первый пункт. Но Петрик Синица говорит ему:

— Ты, Зуб, должно быть, забыл, что у тебя есть другие гости, кроме этих трех?

А Зуб был уже навеселе и говорит:

— Синичка, не указывай мне в моей хате! Как хочу, так и будет.

— Ой, не будет так! Я пришел на свадьбу, как и другие, принес такие же подарки, как и другие, и имею право на такую же честь, как и другие.

Это сказал Синица. Бедные навострили уши, им это слово мило, как сладкий мед. На этом и остановилось все. Начали обед подавать. Перед богачами сало да мясо, а перед бедными мяса крошки. Фыркают бедные, едят и не едят. А богачи даже локти жиром измазали.

Но Иван Золотой взял из-под носа богачей бутылку с водкой и говорит:

— Выпьем, братья, водки, раз есть не дают.

— Эй, Золотой, а перед тобою что стоит, не дар божий? — спрашивает Зуб.

— Но почему перед богачами вон сколько дара божьего, а перед нами мало?

Богачи только краснеют, только поглядывают, но молчат. Кончился обед, начали музыканты играть. Танцуют. Взял Печенюк Касьяниху на танец. Танцует и все толкается. Не выдержал Петр Синица, да — хлоп Михайлу Печенюка по лицу. А Михайло ни два, ни полтора — хлоп Петрика.

— Эй, перестаньте играть! — кричит Зуб.

А Касьян Крапивка и говорит Зубу:

— Знаете что, Зуб, нате вам пятьдесят гульденов, оплачиваю всю вашу свадьбу, но выметайте весь этот сор из хаты!

Это второй пункт. Дошло до того, что чья-нибудь жизнь должна кончиться... Эх, господи! Каллиник Золотой как ахнет Касьяна по лицу — полная чашка крови набежала. А Михайло как схватит Каллиника за кожу на затылке, — вырвал пальцами все волосы, осталось одно голое место.

— А ну, богачи, или сейчас же убирайтесь, или останутся от вас одни лохмотья!

Если б вы слышали! И началась драка. Боязливые убежали, остались три богача, пятеро бедных да женщины. Женщины все остались, — знали, что в драке их не тронут. Первым вывели Федьку Мельника. Вывели его Ковалюк, Петрик и Иван. Ковалюк ударил его по голове палкой от постромок, череп хрустнул, и Федька уснул на месте, как цыпленок.

А Печенюка Михайлу не так легко было взять. Мужчина сильный, как медведь, и, знаете, небоязливый. С ним долго возились в хате: их четверо, а он один. Правда, помогали женщины, но что они могут? Свалили его в хате — он сбросил с себя всех четверых, как клецки; свалили в сених — опять не дался; приволокли к двери — за раму уцепился. Но Петрик Синица взял его палец в зубы и вывел, а когда вывел, его убили кольями. Убили Петр, Каллиник да Иван. Хотели еще Касьяна убить, но помешало и то, что он очень уж просил защиты у баб, и они держали его под юбками, и то, что наступил день и люди опаматовались. Убивали: Иван, Каллиник да Дмитро Золотые и Петрик Синица, и Никифор Ковалюк.

— Это прокурор сказал нам обвинение, а теперь будем слушать обвиняемых, — сказал Онуфрий.

— Иван Золотой!

— Здесь.

— Ты виноват в том, что убил Михайлу и Федьку Мельника?

— Нет, не виноват.

— А кто виноват?

— Не мы виноваты, а богачи.

— Как богачи?

— А так, они хотели выгнать нас со свадьбы.

— Хотели, а вы не дались и выгнали их на тот свет.

— Чего ради вы меня спрашиваете?

— Иван, молчи, гадина, не огрызайся на нас, а то сейчас же получишь... Говори, чем убил?

Здесь Онуфрию стали помогать все:

— Ты, Золотой, говори все по правде, а то получишь палок, — говорили хозяева из сеней.

— Я, ей-богу, только один раз ударил.

— Чем?

— Салой.

— По чему ударил?

— По плечам.

— Ну, а Каллиник?

— Я не знаю.

— Если не знаешь, садись...

— Каллиник Золотой!

— Я самый.

— Ты убил Михайлу?

— Его убило собственное богатство.

— Только не мудри, Каллиник!

— Какая тут мудрость? Пьяный я был, свадьба была, музыка играла, а богачи хотели нас выгнать, и мы решили побить их.

— Хорошо, а кто убил?

— Не помню.

— Какая у тебя короткая память! Чем ты бил?

— Что было в руках.

Онуфрий умолк и дал знак парням. Те взяли Каллиника в руки.

— Дайте ему пятнадцать палок, тогда он заговорит.

— И дознание пошло дальше. Сбравшиеся хотели сейчас же наказывать виноватых, но Онуфрий сдержал их и продолжал опрос. Когда виноватые не говорили правды, все, кто стоял в сенях, кричали:

— Они убили! Пускай каются!..

... И вытаскивали одного за другим, и передавали по рукам все дальше и дальше. Руки яростно, мстительно хватили их, оставляя за собой страшный вопль женщин и смертельные судороги наказанных.

ОДНА-ОДИНЕНЬКА

В хатенке, что лезет на бугор, как опрокинутый майский жук, лежала старуха. Под боком — мешок, а под головою — грязная твердая подушка. На полу возле старухи кусок хлеба и глиняная кружка с водой, — вот и все, что оставили ей дети для пропитания. Жили бедно, и ничего лучшего не могли дать старухе, а сидеть в рабочую пору возле больной, видит бог, нельзя.

В хатенке жужжали мухи. Садились на хлеб и ели; забирались в кружку и пили. Потом садились на старуху. Лезли в глаза, в рот. Старуха поохивала, но отогнать мух не могла.

Лежала и глядела блуждающими глазами на вырезанный в потолочине крест. С трудом разнимала опаленные жаром губы и смачивала их белым языком.

Сквозь старые оконные стекла падал солнечный свет, и переливы радуги страшно играли на сморщенном лице старухи. Мухи жужжали, разноцветные пятна мелькали по старухе, а она чмокала губами и показывала белый язык. Хатенка похожа была на заклятую пещеру, в которой великая грешница обречена терпеть муки от начала до конца мира.

Когда солнце сползло на ноги и остановилось на веревочке, которой был завязан мешок, старуха, катаясь по полу, начала искать кружку с водой:

— Ой, ой, ого-о-о!..

Притихла, — только рукой отгоняла видения.

Из-под печки вылез чорт с длинным хвостом и сел возле старухи. Она с трудом отвернулась от него. Чорт вновь очутился перед нею, взял хвост в руки и гладил им по ее лицу. Старуха только мигала веками да стискивала зубы.

Вдруг из печи вылетела туча маленьких чертенят и повисла над старухой, как саранча перед солнцем или туча ворон над лесом. И все они ринулись на старуху. Залезали ей в уши, в рот, садились на голову. Она оборонялась. Большим пальцем тянулась к среднему и пыталась поднести их ко лбу, чтобы перекреститься, но чертенята садились ей на руку и не давали перекреститься. А старый чорт грозил и замахивался на старуху, чтоб она не делала глупостей.

Сколько старуха ни силилась, перекреститься не могла. Наконец чорт обнял ее за шею и заготовал так сильно, что старуха вскочила на колени и лицом упала к окну.

От окна на нее кинулись ездоки на красных лошадях, в зеленых кафтанах, с трубками в зубах. Уже кони занесли копыта над старухой, — вот — и аминь ей.

Она сомкнула глаза. Пол расколосся, и она, раскачиваясь, полетела в щель. Летела все глубже и глубже. Где-то на самом дне чорт взял ее, взбросил на себя и начал летать с нею, как ветер. Она рванулась и головою угодила о стол.

Потекла кровь, старуха вскрикнула — и умерла. Голову склонила к ножке стола и широкими мертвыми глазами искоса озирала хатенку. Черти перестали гарцовать, только мухи всласть лизали кровь. Окрасили крылья, и с каждой минутой их, окровавленных, в хатенке становилось все больше.

Садились на черные горшки под печью, на миски на полке, где были нарисованы ездоки в зеленых кафтанах, с трубками в зубах. Всюду разносили старухину кровь.

★

СЫНОВЬЯ

Старый Максим боронил на молодых крепких лошадях яровую пшеницу. Бороны носились по вспаханной земле, как перья. Шапку Максим бросил на борозду, рубаха его вздулась и падала

на плечо. Облако пыли, поднятое боронами, заволакивало на его голове и груди седые волосы. Он кричал, злился, и люди на соседних полях говорили:

— Все лютует, старый пес, но молодыми лошадьми правит еще крепко! Богач, с молоду хорошо кормлен, да потерял сыновей и с тех пор кричит и в поле, и в селе.

Максим обтирал потных лошадей.

— Старые кости, как старая ветла: в огонь хороши, а за лошадьми бегать не годятся. Если ноги на работе подгибаются, а в танце слабеют, пусть такие ноги не говорят, что они чего-нибудь стоят! Лезь, дед, на печь, пора пришла.

Он тряс под черными гривами лошадей свою седой головой и опять кричал:

— На печь, брат, я еще могу влезть, но печь холодная, корявая! Иконы на стенах почернели, и святые глядят на пустую хату, как голодные псы. Старуха всю жизнь украшала их барвинком, васильками, и голубей им золотила, чтоб ласковыми были, чтоб хата была светлей, чтоб дети росли. Но святых много, а толку мало! Сыновей нету, старуха в земле, и вы, святые, должны мне извинить, что барвинку нет, — надо было лучше зарабатывать. А ну-у, звездочалый, беремса, брат, пора за работу-у!

И они ходили, окутываемые пылью, с одного конца поля до другого. Бороны грызли землю, гремели, расцарапывали комья, готовя зерну мягкое ложе.

— Ты босяк, ты пес, ты все плечи обгрыз мне, у меня рубец на рубце, всего искусал. Не дергай хоть ты, меня жизнь так издергала, что я еле на ногах стою! Я тебе до рассвета овса насыпаю, сам еще ничего не ел, а тебя чешу, старыми слезами поливаю. А ты кусаешь! Вон звездочалый, он у меня, как человек, он за мною черным глазом следит, он меня жалеет, он своей гривой вытирает дедовы слезы, а ты, поганец, сердца не имеешь. Недавно пук моих волос вырвал и бросил в навоз. Так нельзя работать! Хоть ты и красивый конь, но поганый. Продать я тебя не могу, но если б пришел святой Егорий, то, ей-богу, подарил бы тебя ему, чтоб шел ты с ним гадов убивать. Работать на земле ты неспособен, в тебе терпения нет.

Он слюнявил пальцы, промывал ими рану на плече и присыпал ее пылью.

— Эй, кони, идем, идем!..

Когда бороны останавливались, земля осыпалась под ногами. Максим чувствовал это, и его охватывала мягкость, — редкая гостья в душе мужика, — земля дает ему эту мягкость, и за это он любит ее. Когда он горстями сеял зерно, то приговаривал: «Колыбельку я вам постлал мягонькую, растите до неба».

Максим успокоился, перестал кричать и вдруг остановил лошадей:

— Да какого чорта ты мучаешься, старый полоз? Чего хрустишь каждым суставом, кривуля?

Он оглянулся, увидел позади себя длинную нитку крови и сел:

— Стекло подвернулось, бес твоей матери! Боронуй теперь! Но ведь поля недоделанным не оставишь, на куски разорвешься, а не оставишь. Но ты, бедное поле, большой пользы не получишь от моей старой крови: старая кровь, как старый навоз, ничего не дает. Мне утрата, а тебе пользы никакой.

Припадая на одну ногу, он выпряг лошадей, повел к возу и задал им сена.

— Ты, солнце, не хмурься, что старик скоро полдничать стал. Старику нечем ходить.

Максим вынул из сумки хлеб, сало, бутылку и промыл рану водкой; потом оторвал кусок рукава, обернул им ногу и завязал веревкой от мешка:

— Теперь или боли, или переставай, или как хочешь, а бороновать все-таки будешь!

Выпил водки, кусал хлеб и вновь сердито выкрикивал:

— Это хлеб? Им можно паршивую лошадь чесать, на хорошей шкуру сдерешь. Ко мне стаей приходят разные неряхи: «Дед, говорят, мы вам хлеб будем печь, рубахи стирать, завещайте нам поле». Думают, я для них поле берег? Когда умру, пускай на моем поле растут цветы, пусть кивают маленькими головками и читают за деда «Отче наш».

Он в злости бросил хлеб на дальнюю борозду:

— Зубы шатаются от этого кочана! Выпьем, Максим, водки, водка гладко проходит...

С поля взвился жаворонок и запел.

— Слышал, молчи, не заливайся над моей головою! Кому ты начал петь? Этому оборванному, изгрызанному конем деду? Лети на небо, скажи своему богу, чтоб не посылал мне глупую птичку с песней, а если он сильный, пускай вернет моих сыновей. Ведь по его воле я остался один на земле! Пускай твой бог песнями не дурачит меня, убирайся...

И он швырнул в жаворонка комком земли, но тот запел над его головою еще звонче, не захотел улетать к богу.

— Ты, пташка, ничего, ровно ничего не понимаешь. Когда мой маленький Иван хотел поймать тебя, когда он на межах искал твое гнездо да играл на сопилке, тогда ты, пташка, пела кстати, тогда тебе надо было петь. Твоя песня и голос сопилки стлались низом, а над вами было солнце, и вы проливали божий глас: и надо мною, и над сверкающими плугами, над всем веселым миром. А сквозь свет солнца, как сквозь золотое сито, бог осыпал нас ясностью, и вся земля и все люди сверкали золотом. Хорошо! Как в большом корыте, солнце замесило весну на земле...

— Из этого корыта мы брали калачи, калачи раскачивались перед музыкантами, и молодые в цветах любились, шли под венец, и катилась весна, как море, как поток. Вот, птичка, тогда твоя песня лилась в мое сердце, как студеная вода в новый жбан... Лети, птичка, в те края, где у людей еще не отняли калачей и детей их не перерезали.

Обеими руками обхватил седую голову и склонился к земле:

— Стыд тебе, седая голова! Стыдись, причитаешь и припеваешь, как плаксивая баба... ведь ничто уже не поможет тебе на этом свете...

— Эх, сыны мои, сыны мои, где лежат ваши головы?.. Не только поле, душу продал бы я, чтоб дойти до вашей могилы. Господи, врут золотые книги в церквах, что ты имел сына,

врут, что ты имел его... Ты своего воскресил, говорят. Но я тебя не прошу: «Воскреси моих», нет, я тебе говорю: «Покажи мне могилы их, пусть я лягу с ними». Ты видишь весь мир, а перед моими могилами ослеп...

— Пусть твой синий купол так потрескается, как потрескалось мое сердце!..

— Ну, приди какая-нибудь к старику; или вы не обнимали моих сынов и в постель не ложились с ними? Да они же были кудрявые, как дубы! Принесите мне хоть незаконнорожденного, не стыдитесь. Дед тебе под ноги все коврики постелет, а внуку на пеленки порежет самое лучшее полотно. Ты же ходишь невенчанная и плачешь от надругательства...

Дед поднял руки и звал ими:

— Иди, иди к отцу, на попа мне начихать!

Громко заплакал, лег и землю, как платком, вытирал слезы, — весь стал черным. И опять взывал:

— Или приходи ты, его любимая, без ребенка. Я на твоей шее увижу его руки, на твоих губах краснеют его губы, а из твоих глаз, как из глубокого колодца, я выловлю его глаза и спрячу их в сердце, как в коробку. Я, как пес, услышу носом запах его волос на твоей ладони... Иди, спасай старика... Ты еще живая, а их уже нет. Найдите дорогу ко мне и принесите мне весточку. Покропите холодной росой мои седые волосы, каждый из них жжет меня, как раскаленная проволока. Моя голова горит...

И рвал на себе волосы, и бросал их на землю.

— Седые волосы, жгите землю, я больше не могу носить вас!

В конце обессилел, прилег и долго лежал молча, потом начал рассказывать:

— В последний раз пришел Андрей. Он у меня был ученым. «Отец, говорит, мы идем воевать за Украину». «За какую Украину?» Он саблей подбросил комок земли и говорит: «Вот Украина здесь, — и поднес саблю к груди, — а здесь ее кровь; идем землю нашу от врага отбивать. Дайте мне, го-

ворит, чистую рубаху, дайте чистой воды умыться и будьте здоровы». Его сабля блеснула и ослепила меня. «Сынок, говорю, у меня есть еще младший, Иван, бери и его на это дело; он здоровый, обоих отдаю за нашу землю, чтобы враг не забрал ее». «Хорошо, — говорит, — отец, пойдем оба». Когда узнала об этом старуха, я сразу увидел, что смерть обвила ее белым саваном. Я отшатнулся к порогу и почувал, что глаза ее выпали, и, как мертвые камни, покатались по полу. Так казалось мне, но свет и в самом деле погас в ее глазах. Утром оба уходили, жена облокотилась на ворота, ничего не говорила, но взгляд у нее был таким, будто она глядела с неба. Когда я прощался с ними на станции, то сказал: «Андрей, Иван, назад не возвращайтесь, вспоминайте обо мне, я теперь один, ваша мать у ворот умерла».

До вечера Максим водил лошадей по

полю, но уже не кричал. Дети, что гнали овец, люди, что бряцали плугами на дороге, со страха не здоровались с ним. Измазанный грязью, оборванный, хромой, он будто увяз в земле...

★

Поздним вечером Максим обошел коров, лошадей, подоил овец, вошел в хату и сказал ей:

— Ты, бедная, совсем затихла, омертвела, будто в тебя нож вонзили. Не можешь даже слова сказать! Вот я в печи разгребу огня...

Он сварил жидкую кашу, надел белую рубаху, поужинал и затих.

Потом стал на колени и заговорил, глядя на иконы:

— Будь, божья мать, моей хозяйкой. Ты со своим сыном сядешь в середине, а по бокам примостятся Андрей и Иван. Ты дала одного сына, а я двух...

★

ВОЕННЫЕ УБЫТКИ

Седой комиссар въезжал в село и удивлялся, что оно чистое и белое.

— Этим мужикам, — думал он, — и чорт ничего не сделает, а не то, что война; жрут, как свиньи, да наливаются румынской водкой. Интересно, клюнет ли у меня и сколько дадут заработать? Я мастер ошпывать их...

Максим Онищук, увидев комиссара, спрятался за угол хаты.

— Откуда у Польши столько этих подгосподничиков? Возим, возим, а перевозить не можем! Лучше спрячусь, а жена скажет, что я на мельнице. У меня уже бока болят — возить эту саранчу.

Старый Куфлюк не имел лошадей и поэтому безбоязненно вышел за ворота.

— Откормленный, как свинья! Теперь богачи в кусты убегут, чтоб подводы не давать.

Старая Варвара вслух сказала: «Слава Иисусу», а дальше шопотом:

— Ну, это старое дупло не будет по ночам бегать с полицейским и хватать молодух за подолы...

Приходский поп резво, как жеребенок, кинулся в хату, чтоб не попасться комиссару на глаза.

— Моя госпожа, опять беда принесла какого-то урядника! Припрячьте все в комнатах и готовьте получше обед.

— Да уж у ляхов хороший аппетит! Учитель не боялся, что комиссар завернет к нему в гости, отвесил ему поклон и сказал:

— Падаю к ногам.

Возле общественной канцелярии старшина с сельскими выборными поджидал комиссара и говорил:

— Люди добрые, я этого не выдержу: старуха от хаты гонит, дети кричат на меня, как на пса. Нет покоя ни днем, ни ночью. Давай им есть, давай водки, рыскай с ними по селу за бунтовщиками: ищи винтовки, ищи прокламации из Вены, раскапывай землю да находи измену Польше. Зимой дверь не закрывается, старуха на печи мерзнет. Поищите себе другого старшину, я больше не могу эту тяготу нести! Вот видите, уже едет, чтоб его чорт взял...

— Старшина, где люди? Я же приказывал, чтоб все сошлись?

— Я оповестил, чтоб приходили... Может, еще сойдутся.

— Мужик глупый: как платить, так он хватает книжку, прячет ее за пазуху, ждет, чтоб отдать деньги, а как получить деньги, так он лежит на печи. Ну, и чорт вас побери, мне меньше работы, а жалованье одинаковое.

— Извиняюсь, барин, мы денег столько наплучали, что не можем донести.

— Не возражаю вам, хозяин, при австрийской власти было так, а при нашей — иначе.

— Дай, боже...

— Старшина, вы первый будете записывать свои военные убытки. Кто не придет, пусть сам себя винит. Фамилия?

— Михайло Вахнюк.

— Сколько моргов земли?

— Какие там морги? Всю дети расхватили.

— Но сколько вы обрабатываете?

— Может, десять, может, меньше, может, больше...

— Запишем двенадцать.

— Столько не будет.

— Ну, запишем одиннадцать.

— Ну, пускай.

— Какие военные убытки?

— Да какие убытки, разве кто мне их покроет? Не стоит о пустом говорить и писать...

— Вы, старшина, не понимаете того, что мы русских под Варшавой на винное яблоко измолотили, из Вены и Будапешта все золото заберем и выплатим золотом все военные убытки.

— Бог бы вашими устами говорил...

— Теперь мы ваши, а вы наши.

— А кто его знает, как оно будет.

— Будет Польша, а вы, если имете разум, берите золото от мадьяр, от немцев и русских и живите в добре под Польшей. А своих бунтовщиков гоните из села. Ну, старшина, какие убытки?

— Пару лошадей да воз в начале войны взяли австрияки, лошадь с возом — тысячу крон. Москали взяли корову и телушку, за обоих считаю восемьсот крон.

— Что еще?

— Еще мадьяры грабежом взяли двух кабанов, стоят они триста крон.

— А еще что?

— Да разве я могу все вспомнить! Да и что вспоминать плохое? Хорошо, что оно прошло.

— Нет, вы все записывайте, за все заплатим...

— Да брали подушки и дерюги, все сало стащили и сани и дрова из-под хаты, — ну, разве я могу все вспомнить?..

— Вот видите, ваши убытки, господин Вахнюк, равняются двум тысячам шестистам золотых крон, а если переведете их на марки, то вам будет на что жить до конца жизни.

— Эх, господин, бог те кроны считать будет, а марок мне не надо.

— Да подарите мне свои убытки, я вам сразу тысячу крон дам...

— Зачем же дарить господам, которые важнее меня...

Выборные записывали свои военные убытки тоже неохотно. А подошедшие мужики уже переводили золотые кроны старшины на марки, и не одного из них охватывала досада, что у него нет никаких военных убытков.

Говорили, говорили, наконец разбежались по селу убеждать свояков и соседей не терять золотых крон. Вскоре все село было на выгоне. Комиссар сказал:

— Вижу, люди, что ваше село умное, и все ваши убытки запишу, а пока пойду поем. Голоден.

И вместе — комиссар, старшина и выборные — пошли к лавочнику, долго закусывали там и вышли красными, как раки. Выборный Корч уже знал, что комиссару надо румынской водки, масла, кур и яиц. За то, что он уведомят селян об этих нуждах комиссара, ему скоре, чем через месяц, заплатят все его военные убытки.

— И вот, пока комиссар описывал в канцелярии военные убытки, бабы натащали в кладочку, где он остановился, всякого добра, а мужики в рукавах носили туда водку. Полицейский и Корч вскоре тоже покраснели, а с ними покраесли и их кровные родичи. Весь выгон взвеселился и до полуночи, пока комис-

сар записывал убытки, любовно гуторил. Выборный Корч держался того мнения, что кур и яиц комиссару собрано изрядно, но особенно много собрано водки.

В полночь мужики, как пчелы матку, обступили комиссара и проводили его к лавочнику на ужин. На заре усадили комиссара в телегу, обложили его курами, яйцами, водкой и, пожелав ему и возчику Николе счастливой дороги, все село разошлось по домам.

У лавочника остался только пьяный Свиц. Он до восхода солнца кричал:

— Пускай тех москалей чорт заберет, что они не грабили меня!

А Никола погонял исправных лошадей. Когда он проезжал рошу, на него и на комиссара напали парни, отобрали все дары, а самих избили. На прощанье крепко стегнули кнутом по лошадям, Никола и комиссар только под городом пришли в себя и начали стирать с лиц кровь. Никола рукавом, а комиссар платочком.

— Вот хамы деморализованные, вот падаль! И они рассчитывают получить возмещение убытков? Чорта в зубы...

Так и вышло...

★ ★ ★

Василий Семенович Стефаник родился в 1871 г. в Галиции, в зажиточной крестьянской семье. В уездном училище, а затем в гимназии Коломьи и Дрогобыча он испытал на себе все мерзости высокомерного отношения поляков — учителей и соучеников — к детям крестьян-украинцев. Воспоминания В. Стефаника об этой поре жизни звучат, как прокламация: «Ни до этого случая, ни после я не испытывал более жгучего стыда, и, не отрави меня этот стыд, я, кажется, был бы другим человеком». Его били, на уроках его называли хамом и рекомендовали итти пасти свиней...

Писать Стефаник начал еще в гимназии. Здесь же он зачитывался в подлиннике Глебом Успенским, и последний имел на него большое влияние. Первые вещи В. Стефаника пропадали в украинских редакциях Галиции. Объясняется это не небрежностью этих редакций, а неприемлемым для них творческим своеобразием В. Стефаника. Это своеобразие причиняло огорчения и самому В. Стефаннику: глубоко правдивые картины жизни крестьянства, выходявшие из-под его пера, противоречили его полународническому мировоззрению, и он в начале своей литературной деятельности публично протестовал против утверждения, будто его художественные образы подтверждают взгляды марксистов на судьбы крестьянства.

В печати произведения В. Стефаника начали появляться с 1899 г. За тридцать с лишком лет он написал около пятидесяти новелл, подавляющее большинство которых по размерам равно так называемым миниатюрам. Однако сила, знание и мастерство, вложенные в эти новеллы, так велики, что творчество В. Стефаника одновременно представляет собой и яркий правдивый документ эпохи, и горячую глубокую поэму о страданиях темного, нищего и бесправного крестьянства Западной Украины за последние сорок лет.

В. Стефаник знал всю подноготную бедняков и писал только о них. Его знание действительности подсказало ему верный, реалистический подход к людям. Многие его произведения похожи на разговор бедняка с самим собою, с окружающим миром. В. Стефаник рисует людей в таких положениях, когда каждая их фраза, каждое движение выражают одну или несколько сторон их характера или дают представление об их жизни. Бедный человек говорит скупой, в этих скупых словах заключена вся его горькая жизнь от детства до старости.

В этом — в социальной насыщенности, в беспощадной правдивости и любви к народу — сила произведений В. Стефаника. Писатель не дождался счастливых дней освобождения Западной Украины, своей родины, своего народа: он умер в 1936 г.

Творчество Стефаника очень высоко ценил А. М. Горький. Об его отношении к замечательному украинскому новеллисту, писателю-демократу мы узнаем из письма Коцюбинского. Находясь на Капри, он писал Стефаннику: «Мы здесь с Горьким очень часто вспоминаем о Вас, ибо и он большой Ваш поклонник... Он говорит, что когда читал Ваши рассказы, то немало плакал. Очень мне приятно, что мы так сходимся с ним на этом пункте».

Н. Ляшко.

Из походной записной книжки

КИРИЛЛ ЛЕВИН

★

Товарищи поехали по своим направлениям. Мой путь лежал на запад. Больше всего я боялся, что не застану свою часть. Так и случилось. Поздней ночью, протащившись два километра с вокзала, я вошел к дежурному по части. Он с сожалением поглядел на меня, осторожно положил на стол мои документы и объяснил, что часть номер такой-то в городе не находится.

— Как же быть? — спросил я, — мне надо немедленно туда ехать.

— Придется ждать оказии, — ответил дежурный, — может быть, завтра пойдет машина.

Оглядевшись в неуютной дежурке, я решил узнать об армейской газете, уверенный в том, что она выехала вместе со штабом. Оказалось, что редактор еще в городе. Меня соединили с ним по телефону. Глухой голос сказал мне:

— Здравствуйте. Высылаю машину. Приезжайте. Жду.

Через десять минут мы въезжали в огромный двор красноармейских казарм. В углу двора кипела работа. Из освещенного помещения выносили плоские ящики и грузили их на машины. На машинах были устроены глухие навесы из брезента, натянутого на деревянные каркасы. Пожилой человек с бледным лицом, типичный типографщик, кричал, страдальчески морщась:

— Куда же вы кассы суете! Потом где я их искать буду? Кладите их поближе к выходу.

Типография газеты грузилась на ав-

томобили со всем своим имуществом и запасами. Вот наборный цех на зисовской трехтонке. Рядом с ним печатный цех. Малая ротация заняла почти всю площадь грузовика. Ее заботливо укутывали брезентом, проверяли крепления. Две плоские машины уже стояли на двух грузовиках. Навесы надежно прикрывали их от пыли и дождя. Выкатывали из подвала тугие рулоны ротационной бумаги, грузили их.

Я поднялся в редакцию. Редактор сидел за опустевшим столом, подписывая последние распоряжения. Он зорко и сзабоченно оглядел меня.

— Готовы? — спросил он. — Через полчаса мы отправляемся.

Комнаты быстро пустели, принимали нежилой вид. Редакция и типография армейской газеты перешли на походный образ жизни, стали «на колеса».

Поход начался.

Это было в ночь на 16 сентября. По дорогам двигалась армия. На целые километры растянулись колонны грузовиков. Шли танки с потушенными фарами. По обочине проходила конница. Ровным шагом двигалась пехота. Походное снаряжение было хорошо пригнано, винтовки на ремнях висели за спинами бойцов, и стальные, низко надвинутые каски придавали им грозный, воинственный вид.

Мы ехали всю ночь, и ни разу не прерывался этот железный поток могучей воинской силы, текущий на запад. Ночью в воздухе гудели моторы не-

димых самолетов. Днем они кружили над колоннами, охраняя их путь. Колхозники выходили навстречу Красной Армии. Минутная остановка — и женщины бежали к колоннам с яблоками, с кувшинами молока. Опираясь на палки, ковыляли старики. Немолодая женщина в узорном платке упорно совала в руки смущенному бойцу новые портянки.

— Та бери... — сердито и ласково говорила она. — Я ж тобі як сыну даю.

Большой военный лагерь за городом был почти пуст. Части уже ушли к границе, оставался только штаб и некоторые служебные подразделения. Где-то здесь должна была находиться та часть нашей редакции, которая выехала раньше нас. Первый же боец, которого спросил редактор, с готовностью показал рукой на северный край лагеря.

— Редакция? Да вон в тех бараках.

Было уже вечер. Колыхаясь по ухабистой дороге, наши «коробки» шли на край лагеря. Справа от дороги лежала большая поляна. Оттуда шел ослепительный свет сильных электрических ламп, доносился рокот мотора. Из всех наших машин стали выскакивать люди.

— Наши, наши, — закричали они и побежали на поляну. Редактор тоже было побежал, но, оглянувшись на меня, пошел ровным шагом.

Выпускался очередной номер. Тут же на сырой от недавнего дождя траве работали наборщики, печатники, мотористы, литературные сотрудники. Подвешенная к дереву лампа ярко освещала наборные кассы, положенные на откинутые борты машин, укрепленные при помощи палок в горизонтальном положении. Наборщики бегло заглядывали в рукописи и ловкими движениями фокусника хватили буквы набора. Рядом с ними за ящиком, который служил столом, корректор правил набор. Батальонный комиссар на другом краю этого же ящика писал статью.

В стороне гудела походная электростанция, дававшая энергию печатным машинам.

Сотрудники здоровались, расспрашивали друг друга. Шесть работников ре-

дакции уже находились в частях, расположенных у границы. В части хотели ехать все; если бы отпустить их, редакция опустела бы.

Из штаба прибежал молодой белокурый политрук. Он принес только-что полученный приказ командарма первого ранга тов. Тимошенко о переходе границы, об оказании помощи братскому народу Западной Украины. Редактора окружили со всех сторон. С большим трудом ему удалось отбить эту страшную атаку.

— Вас послушать, так организовать из всех сотрудников ударный взвод и послать в бой, — не без иронии заявил он, — а газета будет выходить сама по себе. Нет уж, будем работать на своих местах.

Все же трех человек он отправил в район военных действий.

★

Прекрасная шоссе́нная дорога вела из Шепетовки к границе. Она проходила мимо деревьев, иногда врывалась в лес.

Весело было смотреть на Красную Армию, на великолепную слаженность ее боевого марша. Нигде не было видно ни одной застрявшей машины. Командиры зорко следили за движением, сигнализировали цветными флажками. Молодые запыленные лица пехотинцев мелькали мимо нас. По обочинам, чтобы не мешать движению частей, медленно тянулись гужевые обозы.

Чем ближе к границе, тем больше становилось войск. Далеко в полях сверкал металл машин и оружия. Укрытые под деревьями, стояли походные радиостанции и броневики с круглыми зелеными башнями. Тонкие черные дула пулеметов напоминали прямые ветви, лишенные листьев. На временных полевых аэродромах стояли самолеты-разведчики. Недалеко от дороги расположились цистерны с горючим, у которых заправлялись проходящие машины.

Мы въехали в местечко Кривин, расположенное в трех километрах от границы. Улицы и дворы были густо набиты людьми. Из походных кухонь раздавали бойцам суп. Весело смеясь, красноармейцы отбегали с дымящимися ко-

телками и присаживались в тени деревьев.

Сколько молодых жизнерадостных лиц кругом! Негромко звучат песни, бойцы оживленно разговаривают между собой. В одном месте застрял тяжелый грузовик, и несколько десятков бойцов, подперев его своими плечами, вытаскивали огромную махину из ямы. И все, что ни делали люди Красной Армии, носило на себе печать большой жизнерадостности, сильного и яркого утверждения жизни. Весь этот многотысячный красноармейский коллектив своим видом, действиями производил цельное, очень глубокое впечатление. «Какая жизнерадостная армия, — невольно думалось каждому. — Как дружно живут бойцы!».

В одном из домов посреди местечка помещался штаб. К дому тянулись черные провода полевых телефонов, стояли автомобили, работала полевая радиостанция.

В штабе работали над картами, разговаривали по полевым телефонам. Начальник связи армии, маленький смуглолицый полковник, стоял, наклонившись над трехверсткой.

— Нечего спрашивать, — суховаато ответил он нам. — Там, все там, — и он показал рукой, с зажатым в ней карандашом, на запад.

Через минуту мы уже неслись к границе. Дорога стала узкой, пробираться по ней из-за множества войск становилось невозможно. Посоветовавшись, мы решили оставить машину.

Большое колхозное село Соловьи вплотную примыкало к границе. Несмотря на то, что село было переполнено бойцами, орудиями, танками и машинами, что все население находилось тут же, — в селе было тихо, в селе было безмолвие. Это была та грозная, густая и сдержанная тишина, которая бывает перед бурей и перед большими событиями. Только-что в частях был прочитан приказ о переходе границы и проведены митинги. Каждый боец знал, в чем состоит его боевая задача.

Рядом со мной почти неслышным шопотом разговаривали бойцы. В темноте я едва различал их лица.

— Колхозники передавали, что оттуда крестьяне по ночам прокрадываются к границе и спрашивают, скоро ли мы придем освободить их. Теперь уж не долго...

Улица шла прямо и упиралась в границу. Граница делила село на два мира. Кончались колхозные избы, за ними тянулась длинная, узкая, поросшая дикой, нетоптанной и некошенной травой полоска земли. Это была ничья земля, и на западной ее грани подымались железные колья, опутанные ржавой колючей проволокой. Тут было поле и, если взглядеться, можно было различить черную тень польского солдата, медленно движущуюся по ту сторону границы. Там было тихо. Чуть видный огонек мерцал довольно далеко — в самой середине польского села.

Это было село Вильбовно, населенное украинцами. Утром следующего дня, когда наши части одним стремительным броском прошли Вильбовно, старинный русский город Острог и ринулись к Ровно, сметая короткими ударами разрозненное сопротивление поляков, — нам пришлось на короткое время задержаться в Вильбовно. Все его население было на улицах. Женщины, повязанные пестрыми украинскими платками, бежали к бойцам и протягивали им букеты, в которых преобладали васильки и ромашки. Мужчины усердно размахивали шапками. Многие из них плакали, не стыдясь своих слез. Дети быстро освоились с нашими бойцами. Одного мальчика посадили на танк, и он сидел, прислонясь к башне, а на него с завистью глядели его товарищи.

В центре Вильбовно, рядом с церковью и школой, стояло здание стражины — польской пограничной заставы. Я попросил молодого парня проводить меня туда. Он дошел до дверей и не решился войти.

— Нам туда не можно, — твердил он, робко глядя в открытый коридор, и так и не согласился войти со мною.

В стражице был хаос. Видно было, что оттуда бежали в величайшем смятении и поспешности. В пирамиде были оставлены две винтовки с оттянутыми

затворами. На маленьком столике лежала книга росписи дежурств. Последняя запись была в ночь на 17 сентября, подписал ее подофицер С. Ельницкий. Росчерк был уверенный, с лихой завитушкой — пан подофицер никак не думал, конечно, что больше ни одной вахты не будет на польско-советской границе.

Седельников, наш шофер, стоял опершись на низенький забор, и рассказывал что-то обступившей его толпе крестьян.

— У нас с тех межей смеялись бы, — услышал я, — ведь у вас на те межи, — он важно оглядел своих слушателей и на секунду замолк, точно подчитывая, — не меньше шести процентов земли уходит. Поняли? Да и пашете вы сохой?

— Сохой, — сразу ответило несколько голосов, — а чем же еще пахать?

— Трактором, конечно, — снисходительно пояснил Седельников. — Чи вы бачили, як трактор пашет?

— У соседнего помещика есть один трактор, — в голосе говорившего, молодого крестьянина в военной фуражке, звучало явное уважение к богатству помещика, — это ж сила, як пашет...

— Один трактор... — Седельников поглядел, как глядит учитель на учеников, — да у нашем колхозе шестнадцать тракторов вспашку ведут, а тут — один трактор.

На него глядели жадно, настороженно. Они ему верили, этому красному солдату, говорившему на украинском языке. Мимо проходили командиры, но он стоял свободно, не тянулся перед ними, видимо, не боялся разговаривать с крестьянами. Они засыпали его вопросами, и он отвечал им так понятно и хорошо, что одна старуха усомнилась:

— А вы, пане, не офицер будете?

... В каждом уголке села, где хотя бы на минутку задержались наши бойцы и командиры, вспыхивали беседы, или, если хотите, митинги, разговоры — назовите их как угодно. Каждый боец Красной Армии становился агитатором. До обидного мало знали о нас эти украинские крестьяне, двадцать лет жившие страшной жизнью —

нищей, униженной и подневольной. Они приходили к бойцам, как к родным, рассказывали им о своей жизни, о перенесенных страданиях.

★

Узкая дорога по направлению к Острогу была тесно забита нашими обозами. С трудом пробрались мы в город. Все население было на улицах. Грозный вид нашей армии, все эти мощные колонны танков, орудий, броневых машин, скачущая конница, как видно, не страшили жителей. Они стояли густыми толпами вдоль тротуаров, оживленно разговаривая, махали шапками, подносили бойцам и командирам цветы. В огромном дворе офицерского собрания были собраны несколько тысяч польских солдат и офицеров, взятых в плен в первый же день нашего наступления. Солдаты были веселы и довольны. Они смеялись, дружелюбно разговаривали с охранявшими их красноармейцами, шутили.

— Скоро пойдем домой панскую землю делить, — сообщил один из них. — Мне аж до Гродно нужно. Хватит, повоевали.

Офицеры были угрюмы и молчаливы. Я выбрал одного из них, помоложе и поприветливее видом, и разговорился с ним.

— То правда, что немец в Варшаве? — спросил он и горячо добавил: — А вы, почему вы нам не помогаете?

Я рассказал ему об известном интервью Ворошилова. Еще до начала войны Польша заявила, что не нуждается в нашей помощи. Он недоверчиво посмотрел на меня и покачал головой.

— То не так, — ответил он. — Нам говорили, что если германец нападет, Россия пойдет с нами...

То же утверждали и другие пленные. Пришлось объяснить им, что их правительством обманывало польский народ.

Рослый, чуть сутуловатый солдат внимательно прислушивался к нашему разговору. Не стесняясь офицеров, он подошел и поздоровался.

— Про обман мы знали, — сказал он, мешая польские слова с украинскими и русскими, — у нас, в Кракове, товарищ (он с явным удовольствием выговорил это слово и иронически поглядел на офицеров), польские рабочие не рассчитывали на Бека, они рассчитывали на эти звезды...

И он, протянув руку, на которой еще остались следы ввешшей в кожу машинной копоти, показал на красные звезды красноармейских фуражек.

В другом конце огромного двора помещалось приземистое угрюмого вида здание с узенькими окнами, забранными решетками. Здесь была гауптвахта. По странной случайности за те несколько часов, что прошли со времени нашего вступления в город, никто из представителей Красной Армии не побывал здесь. Пожилой усатый страж остался единственным представителем польской власти. Тут у него была квартира, жена, и он не решился бросить ни первую, ни вторую. С тупой готовностью он доложил командиру Красной Армии, что налицо у него пять арестованных «жолнеров», и тут же предложил свои услуги по охране арестованных, добавив, что у него имеется благодарность от самого «пана пулковника». Ему приказали открыть камеры. Вышли бледные, небритые жолнеры в мундирах без поясов и сразу повеселели, услышав, что они свободны. Один из них, проходя мимо стража, показал ему кукиш, и позелевший страж доложил, что этого жолнера нельзя выпускать, так как он наказан за непочтительное и дерзкое обращение с паном офицером.

Вечером мы мчались обратно в редакцию своей газеты. У старой границы пылали костры. Девушки и парни из колхоза Соловьи с песнями засыпали ров на границе. Лейтенант, начальник пограничной заставы, стоял рядом с ними, задумчиво поглядывая на их работу.

Редакция уже была в Кривине. Она расположилась под открытым небом, на большом дворе. «Кабинет редактора» помещался в легковой машине. Сотрудники, вернувшиеся с фронта, писали, примостившись где только было

можно: на низенькой садовой скамеечке, на ступенях лестницы, в кабинках грузовых машин. При свете укрепленных на шестах ламп работали наборщики. Метранпаж, стоя на коленях, наклонился над широким листом фанеры, где были разложены колонки готового набора, и готовился верстать полосы. Политрук Розбаш, ответственный секретарь газеты, устроил себе из двух ящиков стол и спокойно работал. Ноги его тонули в мокрой траве. Политрук Осипов налаживал СВД-9, готовясь к приему информации ТАСС. Приемник стоял на стуле, и провода его тянулись вверх к проволоке, идущей от нашей походной электростанции. Этот приемник был совершенно неоценим в нашей армейской газете. Благодаря его работе четвертая полоса состояла из самой свежей иностранной информации, той же, что в этот день печаталась в центральных газетах. Корректора устроились возле наборной. Трое людей вкатывали по доске рулон бумаги в «печатный цех». Малая ротация, укрепленная на зисовской трехтонке, была сердцем походной типографии. Но это сердце не всегда билось регулярно. От непрерывной тряски на плохих дорогах Польши работа чуткой, сложной машины нарушалась, и она рвала бумагу и давала в час много меньше положенных ей восьми-девяти тысяч экземпляров. Тогда выручали плоские машины. Обе они да еще «американка», в тех случаях, когда отказывала ротация, работали круглые сутки.

Когда накрапывал дождь, над наборным цехом, корректорами и «секретариатом» натягивали брезент и работа продолжалась. Ни на минуту не нарушалась живая связь с частями. Всегда больше сотрудников было на фронте и в поездках, чем в редакции. «Полевой штаб» нашего «Ворошиловского залпа» превосходно знал, на каких участках фронта происходят интересные события, и попевал посылать туда людей.

Все, кто уезжал в передовые части, старались захватить с собой пачки свежих, еще пахнувших краской газет. Газета была интересной, бойцы с нетерпением ждали ее и в одну минуту рас-

хватывали номера. С жадностью читали они «боевые эпизоды», в которых рассказывалось о подвигах их товарищей и где зачастую отличившиеся могли найти описание своих подвигов. Передовые статьи говорили о важнейших политических и фронтовых темах. Иностранная и внутренняя информация (тут, как я упоминал, нас выручал СВД-9) вводили в курс международной и советской жизни.

Центральные газеты попадали в части с опозданием на несколько дней и в малом количестве. Фронтная газета также опаздывала на день. И получалось так, что армейская газета, попадавшая в руки бойцов и командиров в день своего выпуска и дававшая достаточно актуального материала (среди которого был и материал, написанный самими бойцами), оказывалась самой нужной и популярной.

Она двигалась непосредственно за частями, располагалась, где было можно. Проходила в кипучей работе ночь, и к утру свежий номер уже попадал в части. Тяжелее пришлось во вторую половину похода, когда наступили ранние заморозки. У наборщиков зябли руки, смазка застывала в машинах, после чего работали они совсем плохо. А между тем, если и удавалось, как это было в Ровно, Луцке и Владимире-Вольнском, устраивать наборный цех и редакцию в помещении, ротацию нельзя было снимать с колес и приходилось употреблять неимоверные усилия, чтобы она продолжала работу.

Наши части двигались вперед. В стремительных маршах танковые, конные и стрелковые части захватывали города, железнодорожные станции и на них многочисленные эшелоны поляков. Уже так повелось в самом процессе наступления и было доказано на боевой практике, что малые подразделения выходили против целых польских частей и захватывали их после короткого сопротивления. Дороги в тылу наших наступающих армий были покрыты длинными колоннами пленных поляков. Они шли в полном походном снаряжении, только без оружия, и были, видимо, крайне довольны своей судьбой. Не-

мало украинцев и белоруссов в польской военной одежде спешило в свои деревни.

Земляки сбивались группами и маршировали, не стесняясь расстоянием.

— Идем делить панскую землю, — весело говорили они.

Пожилой полковник сказал мне, когда мы вместе стояли недалеко от Ковеля у края дороги, по которой непрерывным потоком текли колонны пленных поляков:

— А знаете, много мыслей вызывает у меня эта война. Если хотите, я вижу в ней как бы прообраз будущих освободительных войн, когда солдаты капиталистических стран будут для своих офицеров и генералов опаснее, чем для нас.

Когда под Сарнами, после довольно значительного боя, мы захватили в плен польскую часть, солдаты с упреком говорили нам:

— Почему вы раньше не послали свои самолеты бомбить нас? Мы бы тогда сразу сдались. А так не давали офицеры, стоявшие за нами с пулеметами.

Под Сарнами поляки, действительно, дрались ожесточенно. У Тынна у них был укрепленный район, покрытый многочисленными ДОТ (долговременными огневыми точками). Н-скому стрелковому полку пришлось штурмовать эти ДОТ. Обстановка для нас была трудная. Пришлось под огнем противника форсировать реку и довольно широкую наполненную водой канаву, вырытую перед фронтом ДОТ. Поляки открыли сильный огонь. Стреляли ДОТ, стреляла хорошо укрытая в складках местности вражеская артиллерия.

К началу боевых действий к нам перебежал из села Тынна панский батрак Кротюк. Это был человек средних лет в рваной свитке, с худым лицом, с впалыми глазами. Держался он смело и требовал, чтобы его привели к «товарищу главному коменданту». Его доставили в штаб части. Он сообщил много ценных сведений. Вызвался быть проводником. Его спросили, почему он все это делает? Глаза у него вспыхнули, губы задрожали.

— Хочу, чтоб ни одного пана, ни одного осадника не осталось в нашем краю, — тихо сказал он. — Когда возьмете Тыннэ, увидите, как я живу. Собаки и свиньи у пана живут лучше.

Начался бой. Поляки отчаянно защищали переправу через реку Случ. Третья рота первая перешла реку. Вперед прорвался третий взвод роты во главе со своим командиром Виктором Алексеевичем Барковым. Барков, бывший слесарь, спокойный и расчетливый командир, умеющий управлять людьми, держался превосходно. Нас сильно беспокоила своим огнем правифланговая ДОТ, и Барков принял решение подавить ее. Он побежал вперед, ловко подполз к ДОТ и, выждав момент, выстрелом из нагана через смотровую щель уложил офицера. Так же поступали и другие наши бойцы; об этом я расскажу ниже. Убив офицера, Барков подошел к ДОТ и закричал полякам:

— Эй, ребята, вашего пана уже нет, можете выходить к нам.

И они вышли все до одного и положили оружие. Барков со своим взводом бросился дальше в село Тыннэ. Жители поляками были выселены, каждый дом представлял собой маленькую крепость, везде было устроено множество ловушек. Барков ворвался в один из домов, где, по указанию Кротюка, были полицейские. Их было пятеро, а он один. Граната заставила их сдаться.

Поляки стали наступать на правом фланге. Уже после того, как полк втянулся в укрепленный район, они двинули во фланг нашему полку батальон пехоты с артиллерией. Станковые пулеметы противника задерживали наше продвижение. Отряд старшего лейтенанта Коваленко подавил один за другим несколько пулеметов. Два тяжелых пулемета и 25 пулеметчиков с двумя офицерами были взяты в плен. Польская артиллерия открыла огонь. Сначала бойцы Коваленко залегли, потом продолжали работу под огнем: снаряды противника ложились мимо, из сотни не попал ни один.

В отряде Коваленко был младший командир Фирсов, 22-летний рабочий,

токарь по металлу. Тоненький, всегда улыбающийся, он казался моложе своих лет. В бою он держался так свободно и легко, точно никакой опасности для него не существовало. Тут не было никакой рисовки, просто Фирсов не ощущал страха и самые трудные вещи делал, как бы играючи. В начале боя он вел свое отделение и попал под артиллерийский огонь противника. Фирсов проявил инициативу, избрал другое направление. Ползком повел отделение вперед и бросился в штыки. Сам сбил офицера и взял его в плен. Ловко маскируясь, один пробрался вперед и захватил три пулеметных расчета. ДОТ долго не сдавались. Фирсов подполз к одной, бросил гранату в щель. Он наловчился сбивать перископы — глаза ДОТ — и таким образом как бы ослеплял их. Его пример увлекал товарищей. Фирсов все время смеялся и шутил, и за ним шли, не обращая внимания на огонь поляков.

Пулеметчик Пресников, знатный человек в дивизии, имевший две премии — за штыковой бой и гранатометание, не уступал Фирсову. Он метал гранаты с такой точностью и спокойствием, точно был на показательном учении.

Старший лейтенант Коваленко, следивший, как ложились по целям гранаты, не мог удержаться от крика восхищения:

— Молодец Пресников! Пригодилось тебе твое умение!

Бой становился упорнее. Полк целиком втянулся в укрепленный район. Район насчитывал 360 ДОТ, из которых многие, прекрасно замаскированные, неожиданно открывали огонь с флангов и даже с тыла. Одно время казалось, что полк попал в мешок. Комиссар полка, старший политрук Штанько, высказался на летучем совещании в штабе полка за дальнейшее наступление.

Командир полка согласился с ним, и батальоны, поддержанные артиллерией и пулеметами, продолжали удар.

Надо было взять Тыннэ и Зносичи. два села, населенных осадниками, где все было укреплено. Зносичи оказались центром укрепленного района. В каж-

дом доме была пулеметная точка, а укрытые между домами и сараями ДОТ было чрезвычайно трудно обнаружить. Где-то здесь был и центральный пост управления УР (укрепленного района), откуда руководили огнем всех ДОТ. Первый батальон полка, руководимый смелым и инициативным командиром — капитаном Макартчаном, дрался очень хорошо и, несмотря на трудное положение, теснил противника и захватывал ДОТ одну за другой. В действиях против этих маленьких бетонированных подземных крепостей, снабженных перископами, отличилось столько бойцов и командиров, что невозможно привести имени их всех. Тут же на месте выработалась тактика борьбы с ДОТ. Старались выбить офицеров, после чего солдаты всегда сдавались. Когда Фирсов, уложив офицера, не прячась приказывал гарнизону ДОТ выходить и сдаваться, товарищи кричали ему:

— Ложись, убьют! — А он, весело улыбаясь, звонко отвечал:

— Теперь не убьют... Офицера-то нет...

В Тынне очень долго не удавалось обнаружить ДОТ под церковью. Ее огнем руководил офицер на колокольне. Когда пулеметная очередь хлестнула по колокольне, офицер побежал вниз и ринулся к дверям ДОТ. Он отчаянно колотил в них, но солдаты не открыли ему. Так и остался он там лежать.

Младший командир Токарев с 14 бойцами, пользуясь указаниями батрака Костюка, пробрался к правифланговой ДОТ. Токарев бросился первый, за ним бойцы. Они швыряли гранаты, в упор стреляли в щели башни. Поляки сделали несколько выстрелов и, ошеломленные смелым нападением, сдались. Токарев был убит в начале боя.

Перелом начался, когда удалось захватить центральный пост УР, после чего поляки, потеряв управление, начали сдаваться. Раскрыл тайну центрального поста офицер, взятый в плен. Вторая рота смелым ударом захватила пост. ДОТ, продолжавшие сопротивление, взрывались саперами. Пулеметчик Киримов, все время вырываясь вперед и

приспосабливаясь к местности, метко бил по щелям дотовских башен.

Боец Григорий Каранда из пулеметной роты шел впереди взвода. С первого же выстрела он подавил ручной пулемет противника, мешавший продвижению взвода. Заметив, что польские солдаты не идут вперед без офицеров, он во время боя сумел выследить и уничтожить трех офицеров.

Боец Нужный вместе со снайпером Кандаковым не давали польскому отряду, стремившемуся обойти наш левый фланг, продвинуться вперед. Пули двух смельчаков сдерживали целую роту! Пулеметчик Иван Петрович Иванов вместе со своим отделением был обстрелян с крыш и чердаков. Иванов спокойно изготовил пулемет под огнем противника и уничтожил несколькими очередями врагов.

Комиссар части Штанько весь день был в бою. Польский поезд стоял на путях. Увести его было трудно — поляки жестоко обстреливали каждого, кто пытался к нему пробраться. Штанько вспомнил, как работал в Днепропетровске слесарем и машинистом, и решил увести поезд. Ползком и перебежками добрался до паровоза, бывшего под парами, и под огнем поляков увел поезд к своим.

Когда пали Зносичи и большинство ДОТ перешло в наши руки, бой стал затихать. Поезд с продовольствием, который вывел комиссар, был быстро разгружен. Продовольствие выдавали и другим частям, действовавшим в этом районе. Сильный укрепленный район с трудными подступами к нему перешел в наши руки с сотнями огневых точек.

Когда наши передовые части подходили к Ровно, навстречу им вышли рабочие. Тогда они еще не назывались рабочей гвардией — это название они получили несколько позже, — но они шли стройной колонной, с красными повязками на рукавах, кое-как вооруженные револьверами, охотничьими ружьями и даже дубинками. Махая кепками, радостно крича, они бежали к бойцам. Некоторые из них, взявшись за руки, пели «Интернационал». Пожилой широко-

плечий рабочий, шедший впереди, пытался сказать речь, но только махнул рукой и, бросив на землю кепку, крепко обнял командира колонны.

Улицы Ровно были переполнены беженцами с запада. Лихорадочными глазами они смотрят на нас — мужчины, женщины, дети. Подходят и спрашивают, скоро ли им можно ехать домой...

Несколько мужчин, бритых, хорошо одетых, робко осведомляются, есть ли спрос на актеров. Трое из них из Варшавы, но там они были безработными. Рассказываешь им сжато о наших театрах, об актерах — орденоносцах и членах Верховного Совета, и глаза их вспыхивают и пылливо сверлят тебя — правду ли ты говоришь?

Двое юношей лет по восемнадцать подходят и спрашивают, нельзя ли им поступить в Красную Армию. Седой инженер осведомляется, могут ли его профессия и многолетний опыт обеспечить ему работу в Советском Союзе (он химик и работает двадцать лет). Как и всегда, когда задерживаешься на улице, сразу нарастает толпа. Сообщение о том, что не только инженеров, но и чернорабочих нехватает, вызывает у слушателей глубокое удивление. Что же это за такая страна, где нет безработицы? И опять в который уж раз думаешь, что до обидного мало знают за рубежом правду о нашей жизни.

На улице Фредерика Шопена, недалеко от дома, отведенного для редакции «Ворошиловского зала», колыхалась густая толпа молодежи. Все они с возбужденными лицами теснились вокруг красноармейца, напирали на него, протягивали к нему руки, что-то ему кричали. В руках у бойца был какой-то маленький предмет, и казалось, что толпа хочет его вырвать. Он высоко поднял маленькую книжечку в красной обложке и медленно обвел рукой толпу, как бы показывая книжечку всем. Это был комсомолец, которого просили показать его комсомольский билет. Все эти ребята, рабочие по виду, плохо одетые, блестящими глазами рассматривали билет, за обладание которым каждого из них всего несколько дней тому назад бросили

бы в тюрьму. Боец еще долго говорил с ними, — они никак не могли его отпустить, засыпая вопросами.

Наша редакция разместилась в трех комнатах. Наш редактор Иван Иванович Ламкин, как обычно, осмотрел все машины, разместившиеся на дворе, проверил, все ли в порядке, и ушел в штаб. Началась наша повседневная работа. Прибыли из частей машины за свежими газетами.

Утром мы трое поехали на запад, в части. Редактор, зная по опыту, что сотрудники подолгу остаются в частях, заявил, что мы должны вернуться к вечеру и немедленно сдать материал к завтрашнему номеру. Седельников весело сел за руль — он любил наши поездки. Ровенские рабочие, уже вооруженные трофейными винтовками, стояли на улицах. Танкисты с красными и зелеными флажками в руках регулировали движение на перекрестках.

Мы выехали на шоссе. По сторонам шли поля, прорезанные межами. Странно было видеть допотопную соху, за которой, низко нагнувшись и понукая чалую лошаденку, шел пахарь, — точно перенесли тебя в другой мир, в другую, страшную жизнь.

Воинские колонны и обозы двигались непрерывно в обе стороны. На обочинах и в поле, близко от дороги, лежали мертвые польские машины — польские только по принадлежности, так как Польша своей автопромышленности не имела. Огромные, как дома, автобусы, многотонные грузовики и «мухи» — малолитражные машины. Видно было, что хозяева бросили их в панике, при малейшей поломке или когда вышло горючее. Каждый проезжающий мимо шофер забирал из машины нужную ему деталь, и от многих машин оставались уже одни лишь скелеты.

Часть, в которую мы ехали, стояла в большом, красиво расположенном в холмистой местности селе. На горе раскинулся в зелени деревьев белый помещичий дом. Крестьяне захватили дом и все имущество бежавшего пана и стерегли все это до прихода Красной Армии. Комиссар части посоветовал им выбрать комитет из бедняков и распределить

землю и скот по степени нуждаемости. Председателем комитета был польский солдат. Его выбрали в тот же день, когда он прибыл с фронта, не желая сражаться с Красной Армией. Он рассказывал:

— Пан был много должен нашим крестьянам за работу. Не дал ни копейки. Позвал их, когда уезжал, в свой дом и сам на их глазах разбил многие дорогие вещи. В ящике порубил струны.

— Я вам должен, — сказал он, — так вы с красных получите. Бог даст, увидимся, так вы мне за все заплатите.

Крестьяне толпились вокруг бойцов и командиров. Пробрался вперед старичок, проворно снял шапку и робко протянул пачку цветных квитанций. Вокруг засмеялись.

— Спрашивай, диду, спрашивай...

Дед должен помещику и государству 200 золотых. Придется ли ему платить эту громадную сумму? Налоги съели все его имущество.

— Зачем же тебе платить? — в голове молодого бойца звучала досада. — Мы вас освободили от панов, а вы им платить собираетесь... Понимать же надо создавшуюся политическую обстановку, товарищ-дедушка.

Наблюдать наших бойцов здесь было очень интересно. Даже самые пассивные из них, у себя дома не помышлявшие ни о каких выступлениях, становились горячими и умелыми агитаторами. Сама логика вещей приводила их к этому. Они не могли не сравнивать свою колхозную жизнь со здешней — нищей и подневольной (пана бояться, стражника бояться, перед всеми снимают шапки, унижаются)... Со вкусом, с азартом они рассказывали о колхозных школах, больницах, яслях для детей, о тракторах, о сельсоветах. Все то, мимо чего они равнодушно проходили дома, здесь приобрело для них новую ценность. Они как бы увидели свою жизнь глазами здешних бесправных крестьян и почувствовали по-настоящему, что значит быть советским гражданином.

Крестьяне выпрашивали у бойцов газеты и портреты Сталина и Ворошилова.

★

Длиннейший польский обоз потянулся через село. Сбоку шли наши бойцы, а сзади маршировала большая колонна польских пленных. Отдельно шли офицеры под охраной красноармейцев. Высокый капитан в великолепных сапогах со шпорами шел, гордо подняв голову, помахивая стэком. Вид у него был решительный, воинственный. Начальник этой колонны, лейтенант Анненков, маленький, тихий человек, рассказал не без юмора:

— Нас было всего 37 человек. А в их обозе насчитывалось 1500 людей. Вот они все, — и он кивком головы показал на длинную колонну поляков. — Решил я их взять. Рассыпались по обе стороны дороги, — а дорога шла лесом, — дали две очереди в воздух и бросились на них с криками «клади оружие!»... В одном месте они начали было стрелять, да вот этот, — и маленький лейтенант Анненков показал на гордого капитана, — завизжал и первый сдал оружие. Потом, когда увидел, сколько нас, обиделся. Да как же вы смели, — говорит он мне, — с одним взводом атаковать целую часть? Ведь это противно всей военной науке...

★

В Луцк мы прибыли поздней ночью. Весь город был забит военными частями, и комендант предложил разместить в здании воеводства.

— Здание крупнейшее, — сказал он, сонно щурясь (редактор поднял его со стола, на котором он прикорнул), — правда, часть его снесена бомбой, но вам хватит... — он лукаво усмехнулся. — Комнат пятьдесят еще осталось.

Здание воеводства стояло на краю города, тонуло в темноте и имело мрачнейший вид. Было жутко входить в темное полуразрушенное здание. Все же мы быстро разместились: в двух комнатах, служивших, вероятно, канцелярией, устроили наборную, рядом — секретариат.

Надо было ехать в передовые части добывать материал. Седелников уже приготовил машину. Город скоро остал-

ся позади. В одном месте была песчаная дорога, ехали медленно. Попадались крестьянские дети, оборванные, босые, с худыми, землистыми лицами. В лесу встретился паренек лет семнадцати, пригляделся к нам и вдруг, отчаянно взмахивая руками и крича, побежал вслед.

Остановились. Задыхаясь, он попросил, чтобы мы взяли его в Красную Армию, и как можно скорее. Оказывается, обычная здесь история: отца убили жандармы, мать в тюрьме, а сын хочет отомстить. Смотрит на нас потемневшими глазами, и видно, что больше всего на свете боится, что не осуществится его желание. Дети и взрослые выходят на дорогу и монотонно кричат:

— Газет, газет...

В деревнях немногие богатые дома с железными крышами, с садами. А рядом с ними пригнувшиеся к земле, крытые почерневшей соломой хаты бедняков. На околицах высокие кресты с распятым богом, убранные выцветшими лентами и пожелтевшими венками. Валяются польские полевые кухни. Недалеко от Владимира-Волынского противотанковые рвы, заграждения и окопы. Дальше куча рваных солдатских ранцев, ржавые котелки, опрокинутые обозные телеги, грузовики. Сбоку за оградой ряд кирпичных зданий, большой парк. Надпись на воротах:

«Артиллерийская школа подхорунжих имени маршала Пилсудского».

Всюду следы укреплений — пулеметные гнезда, окопы, орудия. Эту школу брала N-ская танковая бригада. Боевое задание указывало, что школа, где засели подхорунжие с офицерами, защищавшие вход во Владимир-Волынский, должна была быть взята в кратчайший срок. Танки шли вперед, намного опередив пехоту. По дороге им встретились польские колонны. Не было времени забрать их, и машины, не сделав ни одного выстрела, промчались мимо, оставив поляков на добычу пехоте. Часовой у ворот школы, увидев танки, выстрелил и убежал. Офицеры выскакивали в одних кальсонах и становились к орудиям. Стрелять им пришлось мало. Они бежали с такой быстротой, что бросали все. В парке густо валяются лихие офицер-

ские конфедератки с орлами-кокардами, шпоры, палаши, воротнички, перчатки. Двери комнат распахнуты, окна настежь.

Парк великолепен, в нем еще цветут астры, хризантемы, гвоздики, имеются прекрасные беседки, клумбы, теннисная площадка. У входа надпись: «Жолнерам вход заборонен».

Перед боем, используя короткую передышку, коммунисты стрелкового полка устроили партийное собрание. Командиры, бойцы и политработники сидели и лежали на земле, слушая доклад секретаря полкового бюро. Он кратко доложил о моральном состоянии бойцов, указал, что командир первого батальона правильно отметил необходимость энергичнее работать с приписниками, и спросил, всем ли ясна предстоящая боевая задача, все ли сделано для ее успешного выполнения. Комиссар полка говорил мало.

— Партия и Сталин доверили нам дело самой высокой важности, — сказал он. — Если мы его выполним плохо, неточно, мы, значит, плохие коммунисты. Еще и еще раз проверим, все ли готово для боя. Проверим людей, правильно ли их расставили, доведем до каждого бойца боевую задачу. Все проверяйте сами. Место коммуниста в бою впереди, но безрассудства и ненужной лихости не надо. Пойдем в свои подразделения, подготовимся.

Во всех частях усилился приток бойцов и командиров, желающих вступить в партию. Часто заявления разбирались после боя, в полевой обстановке. Партийцы стремились всегда быть впереди, комсомольцы не отставали от них, а за ними шла остальная масса бойцов. В маршах, каких мало знала военная история (проходили по 70—80 километров в сутки), коммунисты показывали пример мужества. Товарищеская спайка была очень крепка. Боец Сергеев, сам легко раненный, вынес из боя тяжело раненного товарища и под огнем нес его 300 метров. Бойцы сердились на командиров и комиссаров, что те первыми идут под огонь и не берегут себя.

Майор М., командир N-ского полка, смеясь, рассказывал, что он получил настоящий нагоняй от своего бойца:

— Товарищ командир полка, ведь если вас убьют, всему полку будет плохо. Зачем же вы полк подводите?

В городах и селах каждого бойца Красной Армии рассматривали, как ответственного защитника. К ним шли с жалобами, делились горем. В селе Розваж крестьянка притащила бойцам портрет усатого человека в венгерке. Достает из-за пазухи и деловито осведомляется:

— Панов бьете? Так вот вам наш пан, я в его доме забрала, чтобы вы знали, какой он, и когда встретится — забейте... Много он нас мучил.

Сбитый польский самолет упал между двумя домами. Проломил крышу одного, надломил шасси и так и остался, как экспонат недавнего боя. Огромное количество взятого вооружения еще не успели отправить в тыл, и во многих местах можно было видеть груды винтовок, орудия, пулеметы, целые эшелоны на колесах. Рабочая милиция ревностно следила за охраной захваченного имущества и вылавливала скрывающихся офицеров, крупных чиновников. Она работала с необычайным энтузиазмом, люди вели себя образцово, как рыцари революции.

Старый портной в очках стоит на посту возле национализированной пекарни вместе со своим сыном, безработным столяром. Два грузчика, могучие, плотные люди, с восхищением ощупывают свои винтовки. Чахоточного вида юноша с тонкой шеей, на тонких ногах, дежурит на улицах по ночам и ни за что не соглашается лечь в больницу.

— Больница для меня тюрьма, — говорит он начальнику района Йокиму Чебалюку, — а в тюрьме я сидел, как вы знаете, товарищ Чебалюк, немало. Я не могу уйти, не могу...

И, застенчиво улыбаясь, закончил:

— Знаете, у русских рабочих есть курорты для туберкулезных. Один такой курорт устроен в Крыму, во дворце, в котором жил царь... Когда все будет в порядке, я попрошусь туда и там вылечусь...

...Тысячи и тысячи людей вокруг нас уже работали, охваченные горением новой жизни, помогая организовать и наладить новый порядок. Приходили безработные, твердо убежденные, что скоро будут работать. Инженеры, врачи, учителя, ремесленники, портные, каменщики, железнодорожники, горняки, металлисты, текстильщики. У них праздничные лица, глаза сияют, в движениях уверенность.

На собраниях местной интеллигенции выступают командиры и политработники. Слушают их с глубоким вниманием, в строгой тишине. Тринадцать миллионов людей, вчера еще бывших бесправными и подневольными людьми, жадно интересовались каждой мелочью из жизни своей новой родины. А им говорили не о мелочах, им говорили о великих сдвигах — о рабочих директорах, о дворцах культуры, о массовом высшем образовании для трудящихся, о бесплатном обязательном обучении, о социальном обеспечении инвалидов и стариков.

Они задают множество вопросов, они все хотят знать... И, наблюдая их — в городах, в деревнях, — разговаривая с ними, мы видели, как оживает большой народ, точно широкое поле весной.

★

Вновь минует мы старую границу в том месте, где переходили ее 17 сентября. Пограничный ров засыпан, и советская дорога, недавно еще заканчивавшаяся здесь, теперь идет дальше.

Идет на запад.

Сыну

ИГОРЬ ГУБАНОВ

★

Когда-нибудь сожмешь ли ты своей рукой штурвал?
Пока — лежишь ты у груди, беспомощен и мал.
Подушек пух — твой мир пока,
Да сладкий запах молока.

Декабрьский, бледный — чуть рассвел и уж стемнел тот день.
Мороз крепчал. По всем ветвям шла ледяная звень.
Впервые ты взглянул на нас.
А он летел в последний раз...

В кабину он привычно сел и шлем свой застегнул,
Махнул стартеру. И взлетел. И окунулся в гул.
Как на ладонь, леса легли
И город в дымчатой дали.

Прямые линии дорог, речные вензеля,
И крыши изб, и пики труб, и зимние поля —
Пейзаж, что с детства сердцу мил,
Под крыльями, качаясь, плыл.

Он над тобой тогда летел и твой берег покой.
И то же небо видел он, что было над тобой.
Родную землю видел он,
Где дышишь ты, где ты рожден.

Да, в нашей памяти всегда он ясный и живой:
От зноя южного смуглы черты лица его,
Их снег с размаху обжигал,
Их страх не искажал!

Глаза, выдавшие не раз полярный вечный лед,
Выдавшие, как океан в канадский берег бьет, —
Для них не мерк за тыщи верст
Рубин кремлевских звезд!

Когда под солнцем в синеве сверкнет металл крыла,
Вглядись, родимый, — различишь могучего орла,
И пусть полет его стальной
Напомнит день рожденья твой.

Мой сын! Мужайся и расти, и помни каждый час:
Оружье грозное — друзья крылатые у нас.
По-чкаловски будь смел и тверд,
За Родину будь горд!

Колумбы Русские

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

Колумбы Русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток.
И наша достигнет в Америку держава.

Ломоносов.

I. ТРОПА ОПЫТОВЩИКОВ*

ДВА ЗЕМЛЯКА

Человек на вершине утеса был недвижим, как памятник. Опираясь на ствол громоздкого фитильного ружья, он напряженно смотрел на северо-восток. Туда вела, петляя и теряясь в таежном море, тропа ясашных¹ опытовщиков. На ней, за дремучими лесами и стремительной гладью красавицы Ангары, лежали у девственных ленских берегов форпосты русской земли: Киренский, Олекминский и Якутский остроги².

Была страдная пора великих географических открытий, совершенных русскими людьми: первая половина семнадцатого века. Неведомой простиралась от Урала до Тихого океана азиатская земля. Вилась в глубь ее таежной целины тропа смельчаков-опытовщиков, редкими островками желтели на ней бревенчатые стены крепостей-острогов. Их возвели те, кто сумел одолеть не считанные никем тысячи верст и осесть на речных берегах среди нетронутых богатств северо-востока. К ним пробирались без карт и компасов отряды служилых людей и ватаги промышленников, беглые холопы и обиженные стрельцы. Шли,

обороняясь от зверя и стрел воинственных сибирских племен, гонимые нуждою, в поисках новых земель, «где можно головы свои прокормить», ели древесную кору и зимовали в медвежьих берелогах, пока не набредали на золотое руно тех мест — мягкую рухлядь — пушнину. Тогда били челом родной Руси из-за тридцати земель, слали повинные отписки о верности и новых владениях, несметную дань, выколоченную из покоренных народов. Нескончаемой вереницей тянулись вспять по ясашной тропе от острога к острогу обозы с мамонтовой костью, соболями и чернобурими лисицами.

Человек на вершине утеса поджидал очередной караван с ясашной казной.

У подножья кручи, подступив к раскиданным вдоль приплеска желтым срубам домишек Енисейского острога, плавно катила вешние воды пустынная река. Одинокий челн чернел на стрелке речного раздолья. Енисей, пробивая вечный путь к Студеному океану, дрожа-переливаясь в солнечных лучах, вснзался в малахитовую кущу неизведанных дебрей.

Оттуда, приближаясь к острожной опушке, двигался караван: на светлой полоске тропы ползли разноцветные жуки-возы. Едва они достигли поворота, за которым тропа выводила на опушку, человек на вершине утеса вскинул ружье, выстрелил вверх и сбежал с

* Опытовщик — землепроходец, проводивший новые земли.

¹ Ясак — дань.

² Крепости-поселения.

кручи. Эхо, перегоняя его, ринулось на приплесок, отозвалось в тайге, утонуло в солнечных водах Енисея.

Выскрел был долгожданным сигналом. Отовсюду, из жилых строений, с кабацкого двора, из нарядной избы таможенного целовальника, торопясь встретить обоз, высыпали обигатели острога: жаждущая новостей толпа служилых казаков, промышленников и всякого праздного люда.

Рыжебородый, лет тридцати осанистый промышленник в наброшенном на могучие плечи полушубке остановил человека, бегущего с кручи.

— Не туда поспешаешь, Семейка. Не твоя казна, не твоя радость. Нежели чужое добро считать, пора, земляк, свое добывать.

Он хитро глядел на казака.

Тот был моложе промышленника, на голову выше его. По глазам, по белокурым усам следовало признать в казаке уроженца Северной Руси — устюжанина, мезенца, либо архангелогородца. На нем была обычная, но порядком обветшалая одежда опытовщика: грязноватого цвета зипун, лапти и лихо сдвинутая на затылок шапка-столбун, сшитая из соболиных шкур.

Рыжебородый задел больное.

— Уйду,— с досадой молвил казак.— Душа, Ярко, рвется к тем землякам, к морю-окиану бесконечному. Опостылел Енисей. Третью весну в остроге. Не отпустит государев приказчик, сам уйду, ей-богу. Ераська Анкудинов гораздо погодя в сии места притащился, а послан с отрядом Копылова за Якутской, на Алдан-реку.

— Уйти недолго,— протянул рыжебородый Ярко.— Но ежели Енисейской острог на Якутской менять надумал — пустое. Зря лапти сносишь, нужду примешь, век прокукуешь Семейкой служилым. Иную избирай путь-дорогу, Семен сын Иванов Дежнев. Прославь родимый Великий Устюг. Послужи земле русской... и себя не забудь. Обнищал зипунишко твой изрядно.

Прискорбно покачивая головой, он ощупал заплатанную одежду казака.

На опушке показался ясашный обоз. По обем сторонам доверху гружен-

ных возов серые от грязи закованные в панцыри-куяки, с завесными¹ пищальми на плечах, насилу передвигая ноги от усталости, шагали на приплесок, направляясь к целовальной избе, ленские опытовщики. Их окружали нетерпеливые острожане, на ходу выпытывая известия о последних походах за ясаком, о друзьях, ушедших в новые земли.

— Пойдем, Семейка...— Рыжебородый тронул Дежнева за рукав, про себя подивился жадности, с которой земляк внимал речам опытовщиков.— Послушаем бывалых людей.

Казак молча побрел за промышленника.

Тем временем ясашный обоз поровнялся с целовальным двором, и опытовщики разом сняли шапки перед государевым приказчиком, вышедшим на красное крыльцо.

— Не учинилось ли какого воровства в дороге? Не потеряла ли от чьего лихоимства государева казна? — зорко оглядывая обоз, обратился к ним приказчик.

Опытовщики наперебой успокоили его. Возницы развязали веревки и сняли холстины. Под холстинами, привлекающая взоры толпы, грудями лежала мягкая рухлядь — соболиные и лисьи меха.

Приказчик степенно спустился с крыльца, выдернул за хвост соболиную шкурку с ближнего воза, помял ее и небрежно кинул обратно.

— Гуляйте, служилые, до зари, а там в путь-дорогу дальнюю...

Казаки благодарно поклонились и, когда приказчик скрылся в сенях избы, побросав обоз, гурьбой повалили в кружало².

Там уже было шумно, людно и пьяно. Грубо сколоченные столы и скамьи заполняли тесную избу кабака, отведенную для постоянных посетителей и почетных проезжих из Якутского острога. Вместе с клубами табачного дыма³,

¹ Фитильные ружья. Назывались завесными, потому что их носили за спиной на ремне.

² Кабак.

³ Курение табака было запрещено в то время, но в сибирских острогах не считались с запрещением.

выползавшими из приоткрытых дверей, на двор доносился нестройный гул голосов, хохот, мелодичное треньканье гуслей.

Дежнев и Ярко протиснулись внутрь избы. Сквозь сизые облака проступали фигуры промышленников и служилых, играющих в запрещенные царем зернь и карты; седая голова слепого гусельника, тянущего нараспев сказание о гибели Ермака Тимофеевича в быстрых иртышских водах; высокая стойка, заставленная оловянной посудой с вином, деревянные мерники с медом и олуем¹ — черемховым, паточным, можжевелевым, смородинным, — и тучный кабатчик под темноликими, в золоченых инкрустациях, иконами.

— Приставай к нам, Семейка! — позвали из дальнего угла, где разместились новоприбывшие опытовщики. Грузный рябой возница поднялся из-за стола и указал на место возле себя.

— Михайла! — обрадованно вскричал Дежнев и, поспешно подойдя к столу, облобызался с возницей. — Не сложил живот в дальних службах?..

— Чуть не прибрал бог, да леший помог, — пошутил рябой и, расстегнув ворот богатого кафтана, обнажил пробитое стрелой плечо. — На Вилюе реке аманата² изымал, там и сей гостинец пожалован Михайле Стадухину. Государю служили с Семейкой в Тобольском, — объяснил он соседям и спросил, кивая на промышленника:

— Твой покрученник?³

— Наш устюжанин, Ярофей Павлов Хабаров, соль варил на Вычегде, до тла выварил, гол, как сокол, остался, на мягкую рухлядь подался, — в тон вознице скороговоркой ответил Дежнев, представляя опытовщикам рыжебородого Ярко.

Казаки потеснились, придвинули подсевшим землякам братины с вином, затеребили Хабарова, услышав, что он только вернулся из родного посада.

Ярко хлебнул из чаши, погладил бороду, рассказал, что знал.

Попрежнему славен господин Великий Устюг, пуще прежнего нарядили его художники-зодчие; как прежде, сходятся на слиянии Сухоны с Югом торговые пути на Москву, к Белому морю, за Урал; сплавляются вниз по Двине соболиные меха на архангелогородскую ярмарку, где полным полно купцов с английских и голландских кораблей. Раздобрели устюжане, иные стали именитыми на всю Русь «гостями», — Ревякины, Босые, Грудцыны, Федотовы, десятками возов шлют к сибирским землякам обменные обозы с котлами, сукнами, бязью, порохом, зеркалами, топорами, всякой всячиной.

— Есть чем прославить Великий Устюг на веки вечные, — задорно перебил Хабарова молодой опытовщик Москвитин. — Сказывали инородцы — тунгусы, что де за ленскими лесами стоит Даурский камень¹, а по ту сторону камня, близ царства ханского², тысячи сороков соболей, сплошь звериные места, а обретаются в них, на Шилькаре³ реке, что течет в самое море-окиан, безъясашные люди-инородцы.

Глаза Дежнева разгорелись.

— Далек тот камень за Леной?

— Версты не считаны, путь не указан, — недовольно вмешался Стадухин. — Помолчи, Ванька. Опосля посудачим, нынеж гуляем. Пейте, земляки! Он наполнил вином братины, крикнул гусельнику:

— Сказывай, старый, про подвиги казачьи ратные, про море-окиан Восточное! Прими от прохожего опытовщика!..

На колени слепцу, певуче скользнув по гусям, упала лисья шкурка.

Загудели казаки. Появились и на их столе зернь и карты, заюлил, подливая вино, тучный кабатчик, перекочевала из сум опытовщиков под его стойку добытая в битвах кровавых мягкая рухлядь — чернобурые лисицы, полосатые горностаи, белоснежные песцы.

Охмелел и Дежнев. Поманил к себе пьяненького тощего подьячего с гусиным пером за ухом.

¹ Мерник — ведро, олуй — пиво.

² Пленник, бравшийся, как живой залог свевременного вноса ясака.

³ Пайщик.

¹ Горный перевал перед Зеей.

² Китайского.

³ На Амуре.

— Пиши, приказная душа, челобитье государеву прикащику, таможенному целовальнику: просится де опытовщик Семейка Дежнев на Лену-реку к государевой пользе, новые землицы проводить, в ясажном зборе прибыль учинить!..

Хабаров отстранил подьячего и прильнул к уху Дежнева.

— Погоди, земляк с челобитьем,— горячо зашептал он.— Про Даурский камень не впервой речь. Намедни бил я челом государеву прикащику, чтоб повелел итти с покрученниками на Лену-реку — хлеб засеять, ставить соляные варницы, рыбные промыслы и прочее хозяйство заводить. Уважил государев прикащик мою просьбишку, отпустил. Приставай ко мне. Два покрученника сысканы — брат Никишка да племянник Артюшка Петриловский. Обзаведемся на Лене добром, на подъем покличем душ полтораста охочих людишек, а тогда за Даурский камень уйдем, на свою ссуду, без государева жалованья, вольными птахами.

Дежнев пьяно отмахнулся.

— Путь мой, Ярко, в дальних службах лежит. Неведомо, где изгибну и какую смертью голову сложу, токмо жслаю нынеж итти для прииску новых землиц до самого моря-окиана. А соль варить не горазд Семейка Дежнев.

Он подозвал подьячего.

— Пиши челобитье!

Хабаров, прищурясь, хотел сказать обидное слово, но раздумал и спорить не стал.

Певучий рокот гуслей всплыл над кабацким гулом. Слепой гусельник нараспев затянул «скаску» о боевых делах опытовщиков, о Лене и Зее реках, о Восточном море-океане:

А среди тово моря-окиана
Острова стоят великие каменны.
А на тех островах обретаются,
Охраняют богатства несметные,
Злые люди с песьими главами,
Василиски с хвостами змеинными,
С девичьими лицами, власами.
А на тех островах червь живет,
На зоре рождает песок золотой.
А среди тово песка драгоценно

Есть жемчужины полпудовые.

А над теми жемчужинами богатырскими
Птица летает райская, гамаюн прозвищем.
И заносит на те острова каменны
Благоухание райское пречюдное...¹

Примолкли казаки, полны смелых дум хмельные головы. Застыл, подняв палец перед подьячим, Дежнев.

Тихо бренчали гусли, напевая о новых походах за ясаком; вещим голосом досказывал слепец «скаску», пророчил славу казачью, звал опытовщиков в путь-дорогу дальнюю — умножать владения земли русской...

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА «РЫБЬИМ ЗУБОМ»

И пошли казаки-опытовщики по дебрям таежным нехоженным, по рекам сибирским неисплаванным, на север и на восток, к морю-океану.

Много ли, мало ли миновало лет с памятного разговора Дежнева и Хабарова в кабаке Енисейского острога, но разошлись пути, по-разному сложилась судьба двух земляков-устюжан.

Хлопотливо и шумно на отлогом берегу Колымы, около крепостных стен ясажного нижнеколымского острожка. Уже пронесла река последние льдины к Студеному морю; на исходе июнь 1648 года; оделась тундра в нежный убор морошки и ягеля; красиво выстроились еще не вырубленные леса на песчаных островах среди реки; не успели поседеть от ветхости бревенчатые стены острожка.

Неподалеку от них, у шести новеньких кочей, нагружая суда провиантом и товарами для обмена, сновали казаки и промышленные люди.

Наблюдая за погрузкой, на пригорке у приплеска стояли четыре человека: ражий, косяя сажень в плечах, укутанный в меха таможенный целовальник колымский Петр Новоселов, которому зимой били челом промышленники, чтобы отпустил за рыбьим зубом на неведомую реку Анандыр; о ней, проведывая новые землицы, узнал позапрошлым

¹ Распространенная в XVII веке легенда о Тихом океане. Содержание ее изложено в «Космографии» Меркатора.

летом от чукчей Чаунской губы охочий человек из Мезени Исайка Игнатьев. Рядом с Новоселовым, почтительно выслушивая наказную память, склонил седую голову стройный, как юноша, холмогорец Федот Алексеев, приказчик московского «гостя» Усова, инициатор похода за моржовой костью — тем «рыбьим зубом», что так высоко ценился заморскими купцами на архангелогородской ярмарке. Чуть позади целовальника и приказчика, стараясь не пропустить ни одного напутственного слова, переминались начальные люди казачьи, приставленные Новоселовым к экспедиции для надзора за государевым интересом — взимать десятую долю с добычи и ясак с попутных инородцев — Семен Дежнев и товарищу его, надменного вида, с лицом, испещренным шрамами, одноглазый Герасим Анкудинов.

— Ежели путь на восток преградят, как тем летом, льды вечные, не вертаться назад, а итти пешей ногой, искать Анандыр, — наказывал целовальник. — Людей зря не губить... Не сподобляться пролазе и душегубцу Ваське Пояркову.

Целовальник пренебрежительно поджал губы, тщетно пытаясь скрыть неприязнь и зависть к удачливому сослуживцу. Давно ли Поярков был безвестным письменным головой у якутского воеводы Головина и просился на Колыму в товарищи к Новоселову, а нынче, благодаря слепому случаю, взлетел, будто орел над колымским ключом таежным. Досталось-таки счастье воеводскому писарю, — чрез сибирские земли и всю Русь-матушку до Кремля и государевых ушей промчалась слава поярковская. А уготовил ее служилый Москвитин из отряда атамана Дмитрия Копылова, когда прибыл в Якутск с вестью отрадною и клятвенной росписью скрепил свою «скаску»: достиг, мол, моря-океана, именуемого Ламою¹, изымал близ моря на Уде-реке тунгуса и выпытал у него про большую реку Амур, впадающую в то море к югу от удского устья. Говорил Москвитин со

слов тунгуса, что в Амур пали хлебные даурские реки Зея и Шилка, давно разыскиваемые казаками за богатство. Утверждал тунгус, что его земляки ездят на Амур, к народу Натки и выменивают на соборей и песцов всевозможные товары, привозимые из стран верхнего течения, а в тех странах обитают конные народы, засевают хлеб, курят вино, разводят птицу и всякую живность, имеют медь, кумачи и серебро. Вызывался инбродец вести туда Москвитина, да не посмел служилый отлучиться без разрешения.

— Оплошал Ванька, — высказал общую мысль Анкудинов. — Счастье, что птаха перелетная: споймал за хвост — не пушай, вдругорядь не изловишь.

Неожиданное назначение Пояркова начальным человеком над отрядом, посланным за Даурский камень, породило недовольство среди заслуженных казаков. Не ведали они за письменным головой дел ратных, достойных опытовщика. Был голова приказной душой, но пользовался доверием воеводы, потому и сумел отпроситься в даурскую землю. Там и показал себя: преуспел за три года больше, чем иные опытовщики за всю жизнь. Насквозь прошел неизведанные места по Зее и Амуру: привез из них чертеж и роспись дороге своей; потеряв, однако, от голода и драк с инородцами сто двадцать казаков, приплыл обратно в Якутск сам двенадцать, а на жалобы отвечал бесцеремонно: «Не дороги мне служилые. Десятнику цена десять денег, а прочим людишкам — два гроша».

Так сообщали казаки, пришедшие на Колыму за ясашной казной.

Крепко озлились опытовщики на Пояркова за бесчестные речи.

— Поганые те слова! — сплунув, сердито воскликнул Дежнев. — Токмо и я зарок не дам, что людей сберегу. Неведомо, куда плывем. Всякие немирные землицы бывают.

Новоселов тотчас обернулся, одобрительно кивнул.

— Зарок сей опытовщику негод, твоя правда, Сенька. Не приведи бог слукавить, а ходить тебе за смекалку в отаманах казачьих.

¹ Охотское море.

Он не жалел, что из многих служилых, набивавшихся в экспедицию, отдал предпочтение Дежневу.

Умнее и дальновиднее других опытовщиков прослыл Семен Дежнев, не напрасно уважали его за смекалку и храбрость на всем северо-востоке от Лены до Колымы. Никому не уступал в отчаянных ратных делах. Знали казаки точно: сам-четверт отразил нападение вдесятеро сильнейшего отряда юкагиров, когда вез с Яны в Якутск собольный ясак. Четыре года прокладывал тропы в тайге и тундре; собирал дань; бился смертным боем с инородцами у Оймекона; был семь раз ранен; спускался на утломе коче вниз по Индигирке в Студеное море; первый приплыл на крайний северо-восток и там, прельстясь рыбьим зубом, сообщая с Михайлою Стадухиным и Дмитрием Михайловым, заложил нижнеколымский острожек.

Прослышав о смекалке и храбрости устюжского опытовщика, бил челом целовальнику Федот Алексеев, упросил отдать кочи под начало Семену Дежневу. Внял Новоселов просьбам промышленников и тем самым надолго поссорил Дежнева с земляком-соперником Михайлою Стадухиным.

Тот даже не пожелал проводить флотилию.

До ее отплытия осталось недолго. Погрузка была закончена.

Новоселов и начальные люди спустились с пригорка и обошли суда. На однопалубных деревянных кочах, — любой в двенадцать сажен длиной, — было тесно от людей и товаров. Уезжало девяносто человек, почти половина обитателей острожка. Казаки метко прозвали свои суда погибельными, ибо немалое число подобных челнов пропало бесследно в Студеном море-океане. На носу каждого коча лежали бревна с привязанными к ним камнями-якорями, борта были обмазаны глиной и проконопачены мхом.

— Бабу берешь? — осуждающе спросил Новоселов Алексева.

Испуганная предстоящей разлукой с родными местами, молодая милостивая якутка понуро сидела среди воро-

ха пожитков на палубе алексеевского коча.

— Скучно без бабы, — виновато улыбаясь, оправдывался холмогорец. — Ежели в острожке покину, дождется ли? Велик спрос на женок, найдутся охочие молодцы, уведут.

— Раздор и грех в пути примешь на душу, — сухо предупредил Новоселов и, обнажив гунявую, желтую, как «рыбей зуб», голову, осенил себя крестным знаменем. — С богом, други-опытовщики. Не посрамите честь государеву, землю русскую...

Начальные люди заняли свои места: Дежнев с целовальником царской казны Иваном Пуляевым на головном коче; на втором — Алексеев с приказчиками московского «гостя» Гусельникова — Безсоном Астафьевым, Афанасием Андреевым и покрученником их мезенцем Елфимом Меркурьевым; на третьем — Анкудинов; на остальных трех — подчиненные служилые и промышленники.

— Приведется — смерть прииму в дальней службе, — завещаю статки¹ мои казне государевой, — объявил Новоселов торжественно серьезный Пуляев.

Таможенный целовальник важно поблагодарил.

— Все ли охочие? — для порядка обратился он к командам кочей.

Балагур Артемий Салдатко с дежневского судна крикнул под общий одобрительный смех:

— Служим с травы и воды без государева жалованья!

Целовальник захохотал, показав кривые испорченные зубы, дал знак отплывать.

На флотилии истоиво закрестились, разом поплевали на ладони и взялись за весла. Кормщики подняв ровдужные — из оленьих шкур — паруса, закрепили их ремнями вместо веревок.

Один за другим кочи отгребали от приплеска и, выплыв на стрежень, скрывались за островами колымского устья. Призывно гудел ветерок в тяжелых парусах, мелькая, как спицы

¹ Имущество.

мельничного колеса, пенили речную муть девяносто весел.

— Слыли мы опытовщиками-землепроходцами, — сказал Дежнев Пуляеву, когда кочи выбрались из устья и свернули на восток вдоль пологого приколымского берега, — прослывим от сего дня морепроходцами...

★

Бой был нещадный, хотя казаки скромно величали его дракой. Трупы чукчей в звериных шкурах валялись на отмели среди галечника, черепов моржей и китовых ребер.

Нежно голубые, как полярное небо в летнюю пору, источенные прибоем льдины обрамляли отмель. Шатры яранг рыжими кочками расплзлись вдоль нее.

Два углых челна покачивались на зыби у берега: все, что осталось от флотилии, три месяца тому назад покинувшей устье Колымы. Три кочи ушли в неизвестном направлении, будто бы на восток. Дело произошло солнечной июльской ночью, когда штормовой ветер, отогнав непроходимые льды в море, расчистил флотилии путь вдоль матерого берега. Кормщики тех кочей, не вняв уговорам Дежнева и Алексева, взяли курс в широкую прогалину, где чернели на ледовых лежбищах стада морских зверей с ценным рыбьим зубом. Впрочем, самовольство кормщиков никого не удивило; пример подавали начальные люди. Властолюбивый Анкудинов по всякому поводу ссорился с Дежневым, отказывался подчиняться ему, и вел шестой коч поодаль от флотилии. Глядя на Анкудинова, своевольничали и казаки.

Так продолжалось все лето, пока суда не достигли высокого бурого мыса, продырявленного тысячами птичьих гнезд. Матерой берег за ним круто сворачивал на юг. Опытновщики с первого взгляда наименовали мыс Большим Каменным носом¹. Его вершина терялась за облаками.

Порывистый ветер подхватил анкудиновский коч, шедший, несмотря на запрещение Дежнева, ближе других к земле, и разбил его о прибрежные льдины. Острый нос и надломленная мачта суденышка вздымались над голубыми торосами, сидящими на мели у мыса.

Спасая людей аварийного коча, а заодно решив пополнить запасы провизии и разузнать у жителей становища, расположенного близ отмели, далеко ли еще плыть до Анадыря, Дежнев и Алексеев направили суда к мысу.

Едва кочи уткнулись в галечник, из-за яранг на отмель взлетела стая свистящих стрел и вслед за тем, воинственно вопя, ринулись на казаков невиданные люди в одеждах из звериных шкур.

Не в обычае русских опытовщиков было пятиться и отступать из-за своей малочисленности.

— Как нива насеяна, — спокойно сравнил Дежнев, обводя движением руки галечник, откуда, дрожа, торчали стрелы, и приказал открыть огонь из пищалей.

Опытновщики, не трогаясь с места, дали залп по бегущей навстречу толпе. Вопль ужаса сменил воинственные возгласы.

— Мильхетанги-тан!.. Коле!¹ — дико взвыли чукчи и, сбросав луки со стрелами, кинулись без оглядки обратно.

Дежнев, в отместку за нападение, разрешил подчиненным забрать без выкупа из яранг рыбий зуб и мясо, а сам с Пуляевым и Салдаткой бережно подхватил стонущего Алексева. Кровь струилась из головы промышленника — меткий удар костяной стрелы.

Обозленные казаки, заняв становище, безжалостно добивали раненых инородцев. Уцелевшие чукчи укрылись в окрестных сопках.

Салдатко подвел к Дежневу пленника, обнаруженного в одной из яранг. Серый от страха старик-шаман в пестром фантастическом одеянии из искусно сплетенных и размалеванных нерпичьих ремней и оленьих жил, распростерся на галечнике перед казаками.

¹ Ныне мыс Дежнева.

¹ Огненные чужаки.. Злые духи.

Дежнев сердито, но не скрывая любопытства, разглядывал его.

Экспедиционный толмач, мезенец Исайка Игнатьев, научившийся чукотскому языку в Чаунской губе, куда ходил в прошлые годы проводить рыбий зуб, допросил пленника.

— Приняли нас за чухчей зубатых с тех островов, — Исайка показал на восток, где выступали из моря черные скалы. — Сказывает, что злы островные людишки, а живут вроде зверья морсково: прорезывают губы и продают в них рыбей зуб.

— Сколь плыть, попытай, — распорядился Дежнев.

Старик помахал в сторону мыса и тотчас же ткнул высохшим пальцем в море на острова.

— По ихнему ежели считать, до Анандыра реки трое ден пути, — перевел Исайка. — Для того надобно держать у матерова берега, льдов у него мало. Еще сказывает старый, будто за теми островами, полдня пути от Каменново носа на восток, Большая Земля стоит, и видимо-невидимо в ней зверья ценново, и людишек, на чухчей схожих.

Опытовщики жадно поглазели на восток; там, на фоне прозрачного неба, неясные, как туманная дымка, мерещились пики далеких гор американского материка.

Анкудинов выступил из-за спин казачков.

— Веди на восток, Семейка. Не велика важность — полдня.

Дежнев промолчал.

— Аль иное помышляешь? — вызывающее придвинулся к нему Анкудинов.

Казачки насторожились.

— Погубил свой коч, прочие погубить намерен? — не сдержал раздражения Дежнев. — Не бывать сему, Ерасим. Не об том велит наказная память, не об том крест целован, а итти, пока не дойдем, на Анандыр реку.

— Не мути служилых, Ераська, не лезь на грех, — пригрозил Пуляев.

Анкудинов гневно осмотрелся: казаки выжидательно помалкивали.

— Воля твоя, — смиренно проронил

он и, отойдя, свирепо уставился на пленника. Тот, перехватив его взгляд, испуганно моргнул изъеденными грахомой веками и попятился назад.

Сопровождаемый опытовщиками, Дежнев проследовал в поселок и долго дивился чукотским жилищам. Их остовы были сложены из китовых ребер и обтянуты снаружи моржовыми шкурами; внутри двойными стенами висели оленьи меха; посреди каждой яранги коптели мховые фитили, вставленные в налитые нерпичьим жиром звериные черепа. Тусклый свет фитилей падал на груды матово-желтых моржовых клыков: чукки искусно вытачивали из них статуэтки божков и морских животных. На иных клыках были раскрашены виды Чукотки и бытовые сцены: охотник, ползущий к дремлющей нерпе или волокущий подбитого лахтака, оленьи и собачьи упряжки. Яранги пустовали: их хозяева, забрав семьи и побросав на произвол судьбы имущество, бежали от незваных гостей.

Громкие вопли заставили казаков спешить из яранг наружу. На отмели разъяренный Анкудинов душил старика и рвал на нем шаманские одежды.

Салдатко смаху оттолкнул Анкудинова.

— Не тобой изыман чухча, не тебе владеть им!

— Артюшка, — потребовал Дежнев, — пусти аманата на волю.

Он обернулся к толмачу.

— Накажи, Исайка, чтоб сказал старый сородичам: вдругорядь пожалуем, встретили б не стрелами, а зубом рыбьем, ясаком государевым.

Старик потер дрожащими пальцами горло.

— Меценки, меценки¹, — благодарно кланяясь, бормотал он.

Дежнев взошел на коч. Следом, стаскивая отягощенные добычей суда с хрустящего галечника и на ходу взбираясь на палубу, потянулись служилые.

Анкудинов, отклонив приглашение Пуляева, прыгнул в алексеевский коч.

Дежнев понял и усмехнулся: Герасим надеялся своевольничать до выздо-

¹ Хорошо.

ровления Алексева. Тот лежал в беспомощности. Обмотанная окровавленной тряпкой голова промышленника покоилась на коленях плачущей якутки.

Кочи легко побежали по волнам и на закате вплотную приблизились к островам напротив мыса.

Шаман не соврал. У подножья голых скал, окруженных стамухами причудливой формы, толпились полуголые люди в пузырячатых штанах из нерпичьих кишек.

— Чюдной народишко! — заахал Пуляев и внезапно, увлекая за собой Дежнева, присел на палубе. Над их головами звонко пропела и вонзилась в мачту стрела.

Казаки, суетясь и прячась за выступы бортов, навели пищали на толпу, однако Дежнев благоразумно посоветовал не ввязываться в бой.

— Поберегите, други, зелье¹. Еще хватит нам драк за рыбой зуб на Анадыре.

Обогнув ближний остров, кочи опять повернули к матерому берегу, чтобы вдоль него спуститься на юг.

У Большого Каменного носа, заглушая грохот прибоя, неугомонно перекликались на птичьем базаре белокрылые топорки.

— Не одолеешь! — прокричал сквозь шум волн Салдатко, почтительно озирая лысую кручу. — Велик нос, знать, на краю света поставлен, а за ним море-окиян бесконечное!

Дежнев поднял глаза к бурой вершине, всмотрелся в гранитные уступы, почти отвесно спадавшие в море, прислушался к спорам опытовщиков.

Казаки делили моржовую кость и шкуры, добытые в чукотском поселке, судачили о Большой Земле на востоке и с опаской наблюдали за вспененной водной равниной.

Гонимые зыбью и попутным ветром, лавируя среди обломков ледяных полей, кочи выбрались из коридора меж островами и мысом. Вокруг, куда достигал взор человека, раскинулась свинцовая пустыня. Где-то на ее берегах несла студеные воды желанная ре-

ка Анадырь. Ветер уныло насвистывал в рыжих ровдужных парусах погибельных суденышек. Шальные волны плескались на палубу, кропили опытовщиков солеными брызгами. Перед Семеном Дежневым и его спутниками простирался неведомый европейцам Восточный, Великий или Тихий океан.

★

Великая географическая задача, над которой в следующем столетии будут ломать головы просвещенные европейские умы во главе с Лейбницем и которую вновь объяснят русские мореплаватели — подштурман Федоров и геодезист Гвоздев, — была впервые решена неграмотным устюжанином Семеном Дежневым. Он и не подозревал о своем открытии, ибо искал не ту грань, где Азия разошлась с Америкой, а новую реку Анадырь, на чьих берегах, по рассказам чукчей, моржи теряли клыки — рыбий зуб. Ради этого Дежнев переплыл Чукотское море и, первый из европейцев, пройдя проливом между материками, проложил путь в Тихий океан устюжанам, поморам, мезенцам, — да разве счесть и перечислить навеки прославленные места, откуда родом пионеры мореплавания нашей страны!..

...Ради рыбьего зуба опытовщики третью неделю терпели муки и лишения, молились и проклинали коварную судьбу, готовились принять смерть в океане и, не сдаваясь, вычерпывали оловянными кубками и ковшами, шапками и пригоршнями воду из коча; стыли сами, но берегли, на груди ладашки с порохом.

Полузатопленный, похожий на гроб, мотался по океану «всюду неволею» дежневский коч. Волны давно снесли мачту с парусом, смели с палубы деревянные якоря, ветер изодрал ременные снасти.

Судно Алексева и Анкудинова исчезло в океанских валах еще в начале пути от Большого Каменного носа. Осенний шторм, как всякая беда, нагрянул негаданно, разлучил кочи, воздвиг перед опытовщиками кипучие го-

¹ Порох.

ры и зыбкие пропасти, сломал мачту и поволок ее с парусом за борт.

Ночь напролет казаки твердили себе отходную. Кое-кто вовсе упал духом и винил Дежнева.

Исайка Игнатьев на карачках подполз к нему по ускользящей из-под ног палубе и крикнул в ухо:

— Побойся бога, служилый! На гибель ведешь нас!

— Прочь, баба! — презрительно проронил Дежнев. — Рыбей зуб добывать, не в зернь забавляться!

Исайка, сжав кулаки, стремительно вскочил с колен и, люто заревев, навалился на Дежнева.

Тот, едва устояв, тяжелым ударом в живот опрокинул толмача. Исайка навзничь распластался на палубе.

В ту же секунду волна, взметнув коч на гребень, яростно сбросила его в бурлящую бездну. На миг судно утонуло в пене. Горько-соленые потоки захлестнули казаков и навсегда слизнули Исайку.

Дежнев удержался за выступ борта и, когда волна схлынула, а коч снова обрел шаткое равновесие, вернулся к обломку мачты.

Служилые, отряхиваясь и сплевывая воду, громко сетовали на долю опытовщика. Даже балагур Салдатко, отчаянная душа, приуныл.

Дежнев не отзывался на ропот казаков. Утешать их он не мог: все вокруг было невидимо и загадочно для человека.

— Потерпите до зори, други, — упрашивал Пуляев. — Утро вечера мудренее...

Но утро было страшнее ночи. Лишь рассвело, глазам опытовщиков представилась безрадостная картина: всюду расстилась, сливаясь с небом, затянутая пеной бескрайняя пустыня. Кое-где на гребнях валов покачивались обломки льдин. Матерой берег исчез. Сгнуло бесследно и суденышко Алексеева. Из шести кочей остался один. Шестидесят четыре человека были потеряны.

Мрачно глядя вперед, Дежнев припомнил разговор о жестокости Пояркова и гибели его людей. Сам-две-

надцать вернулся письменный голова в Якутск, сам-двадцать шесть очутился Семен Дежнев в бушующих просторах, вдалеке от суровых землиц крайнего северо-востока.

Продрогшие опытовщики напрасно уповали на солнце. Не излучая тепла, оно низко висело над океаном, не в силах прорвать толщу облаков, гонимых штормом на юг. Обгоняя и обволакивая коч, задевая верхушки гребней и оседая прозрачными блестками на бортах, надвигался непроницаемый туман — осенний спутник мореплавателя на севере Тихого океана.

Дважды коч прибывало почти к самым берегам, смутно чернеющим в серой мгле и, по капризу дрейфа, вновь угоняло в сторону от земли. Борты расшатались и протекали. Казаки неотрывно вычерпывали воду, ежечасно пробовали ее, надеясь по вкусу определить близость реки, и неизменно ощущали на языке горько-соленую влагу; ропща, сулили Дежневу крошечные мучки в аду за то, что навлек гнев божий — сунулся за край света, ответственного человеку.

Дежнев хладнокровно выслушивал их угрозы и держался настороже: испуганные люди могли принести его в искупительную жертву разгневанному океану.

Не сдавался и Пуляев. Смертельно бледный, страдая от морской болезни, он добросовестно исполнял обязанности счетчика. По его подсчетам коч снесло гораздо южнее Анадыря. Льдов нигде не было видно. По зарубкам, которые ежедневно наносил Пуляев, стояла середина октября. Пятнадцать отметин желтели на огрызке мачты, а первую из них целовальник вырубил в канун «покрова», когда начался шторм и коч стремглав повлекло в океан.

На исходе восемнадцатых суток в третий раз показался берег: мертвое безлюдное плоскогорье, покрытое желтой увядшей травой. На горизонте, подпирая багровое небо, замыкали дорогу на северо-запад расплавленные вечерней зарей величественные конусы снежного хребта.

Океан подгонял коч. Вырастали, все-лая ужас в сердца опытовщиков, отвесные скалы. Грохоча, словно майский гром, бился штормовой накат, столбами пены взвиваясь к угрюмому мысу. То был мыс Олюторский между Камчаткой и Чукоткой, в северо-западном углу Тихого океана, в пятистах милях южнее устья Анадыря.

Дежнев спрятал за пазуху огниво, разделил еду и приказал опытовщикам снять тяжелые куяки.

— Чтоб не утянули на дно, — сказал он. — Не унывайте, други-товарищи. Авось догребем, поклонимся низко земной тверди.

— На бога надейся, а сам не плошай, — сбрасывая панцырь, отозвался Салдатко.

Пуляев одобрительно хмыкнул.

Уверенность начального человека и шутки Салдатко прибодрили отчаявшихся людей. Собирая раскиданное всюду имущество, они распозлились вдоль бортов.

— Поминай как звали! — узрев опасность, в страхе выкрикнул Пуляев.

Огромный вал накренил погибельный коч и, вращая, швырнул к берегу. Опытовщики закрестились и зажмурили глаза при виде гранитных ребер мыса. Крики, молитвы и ругань были неслышны в шуме прибоя. Единственный звук прорвался сквозь рычание волн — треск разломанного дерева.

Обледенелый коч выбросило на золоченную прощальными лучами солнца песчаную отмель между скалами и мысом. От сильного удара судно распалось на доски. Цепляясь за них, растеряв пожитки, опытовщики выкарабкались на землю, по которой уже не мечтали ступить.

Салдатко развел костер из плавника.

Весело затрещал огонь. Впервые за три недели казаки обсушились, а на рассвете пошли «пешей ногой» через горы в ту сторону, откуда дрейфом пришло коч.

Дежнев шагал впереди, рядом с Пуляевым.

— Побыли морепроходцами, — найдя мужество усмехнуться в лицо неведомому, говорил он на ходу, — пойдем опять землепроходцами...

ВСТРЕЧА В СИБИРСКОМ ПРИКАЗЕ

Тусклый свет февральского дня слабо пробивался сквозь крохотные слюдяные оконца под бревенчатые своды палаты. Было угарно от жарко натопленных печей, душно от множества людей. Приказный дьяк — повытчик, в длинном кафтане с воротником-оже релком из лисьего меха, поблескивая медной оправой очков, гнусаво тянул, держа перед сизым носом свиток бумаги:

...— И я, холоп твой, с ними торговыми и промышленными людьми шла морем... с Ковыми реки... и прискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анадырь... поднимался на те новые реки своими деньгами и своими подъемами. От морсково розбою¹ обнищал и обдолжал великими некупными долги... На тех государевых службах, в те многие годы всякую нужду и бедность терпел, и сосновую и лиственную кору ел, и всякую скверну принимал... раны великия... кровь свою проливал, и помирал голодной смертью...

Дьяк перевел дух, потянул носом (сморкаться в присутствии боярина считал непристойным), строго оглядел слушателей, с уважением покосился на стоявшего обок челобитчика, продолжал тем же, навевающим скуку и сон, речитативом:

...— Сто семьдесят третьего году² генваря в двадцать осьмой день, великий государь-самодержец, слушав севыписки и челобитья ленского казака Сеньки Дежнева, пожаловал — велел ему Сеньке свое государево годовое денежное жалованье и за хлеб на прошлые годы со сто пятьдесят первова го-

¹ Крушения.

² Т.-е. 1665 г.

ду по сто семидесятый год, на девятнадцать лет, за ево службу, что он в тех годах был на ево государеве службе на Анандыре реке для государева ясашнова збору и прииску новых земель, и, будучи на государеве службе упромышлял кости рыба зубу двести семьдесят девять пуд, цена по шестьдесят рублей пуд, и ясак на великова государя збирал, и аманаты имал, а на те прошлые на девятнадцать лет государева годовово денежново и хлебново жалованья нигде не имал, и за ту ево Сенькину многую службу и за терпение пожаловал великий государь-самодержец, велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказу треть деньгами, а две доли сукнами...

Дьяк еще раз потянул носом, кашлянул и, послунявив пальцы, развернул свиток до конца.

...— По указу великого государя, — зачитал он, — окольничий¹ Родион Матвеевич Стрешнев, слушав сее выписки, приказал: за ево Сенькину службу и за прииск рыба зуба, за кость и за раны — поверстать в отаманы, и оклад ему учинить против ево братьи этаманов — девять рублей денег, да хлеба семь чети ржи, да четыре чети овса, да два пуда с четью соли, и о том ему дать на Лену в Якутцкой острог государеву грамоту — велеть ему быть в отаманах...

Дьяк, замолчав, подобострастно поклонился боярину, почтившему приказ присутствием ради такого необычного дела. «Слыхано ль? — изумлялись приказные души, — трижды боярин бегал к государю с челобитьями сево опытовщика!» уж больно велика предстояла выдача — около двух тысяч рублей за привезенный помимо ясашного тридцать один пуд рыбьего зуба — собственность Дежнева, да сто двадцать пять рублей за девятнадцать лет службы.

Умаялся боярин. Скрестив пухлые руки на животе, веером распустив холеную бороду, развалился в кресле, убавоканный гнусавым говорком повытчика,

начальный человек Сибирского приказа, окольничий Стрешнев.

Перед ним стоял с непокрытой головой Дежнев. В полутемной палате сверкала седина на висках нового казачьего атамана.

Подьячие, дети боярские¹, именитые купцы московские из гостиных сотен, не пропускаящие удобного случая побывать в приказной избе, если пахло наживой, с любопытством взирали на бывалого человека, обласканного царскими милостями. Осторожно шептались: «Смел служилый: на краю света хаживал, рыбой зуб сыскал».

Повытчик, глядя на дремлющего боярина, убрал палец со свитка указов. Лист, скручиваясь, резко прошуршал: обычный способ побудки Стрешнева при исполнении им служебных обязанностей.

Униженно, по уставу благодаря за милость, повалился в ноги боярину Дежнев, громко стукнувшись лбом о половицу.

— Встань, отаман, — приоткрыв щелки глаз, лениво прогудел сонный Стрешнев. — Благодарю государя. Грамота устюжскому воеводе дана. Ежели твой племянник с женкой не тяглой², а вольной, отпустить в Сибирь на твоих водах.

Семен вторично бил челом.

Боярин, облокотясь на подскоченного повытчика, поднялся, бесцеремонно зевнул, перекрестил рот и удалился из палаты.

В приказе стало оживленно. Дьяк передал Дежневу оба указа к якутскому воеводе, и отаман, пробираясь сквозь ряды кремлевских завсегдашев, направился к двери.

Дородный старик в боярском терлике³ и расшитых золотом сафьяновых сапогах, назвал его молодым именем:

— Семейка!..

И, загородив дорогу, лукаво шепнул:

¹ Низшая степень дворянства.

² Не крепостной.

³ Длинная одежда из атласа, бархата или светлого сукна с перехватом и петлями на груди. Полы терлика обшивались золотом и серебром.

— Соль варить не горазд Семейка Дежнев... Не спознал, служилый?

Атаман с трудом признал в дородном боярине промышленника-солеварца Ярко Хабарова.

Облобызались земляки-опытовщики, поахали над нечаянной встречей.

Боярин, не дав Дежневу времени на расспросы, потянул его за собой на крыльцо приказной избы.

— Не погнушайся, атаман, — с показной скромностью вымолвил он, подтолкнув опытовщика к дверце нарядного крытого возка. — Чем богат...

Атаман, не переставая изумляться, нырнул в дверцу.

— Домой, Никишка! — крикнул боярин вознице и, отдуваясь, плюхнулся на сидение рядом с Дежневым.

Шагом, сдерживая грызущих заиндевелые удила коней, проплелись по двору Кремля за Спасскую башню и только там, вдали от места государева, блюдя устав, надели шапки.

Вокруг, разбегаясь от Красной площади узкими улочками и кривыми переулками, шумела Москва.

Подпрыгивая на ухабах, громяя по заснеженным бревенчатым мостовым, обгоняя конных стрельцов, подводы с товарами и пеший люд, переваливая через кучи навоза и всякого мусора, возок миновал Ильинские и Покровские ворота, выбрался на Земляной вал и покати к Разгуляю.

★

— Дважды подшибали крылья Ярофею, да новые отрасли... — В глазах Хабарова попрежнему мелькали рыжие хитринки, но крепко переменялся он обличьем: постарел. седой бородой обзавелся, стал тучен и медлителен в движениях. — Не забыл, Семен, как звал тебя на Лену, в покрученники?

Дежнев, едва успевая отвечать, разглядывал богатое убранство ярофеева пристанища на Разгуляе. На широкую ногу жил недавно испеченный боярский сын.

Земляки восседали за уставленным яствами столом, пили вино из сереб-

ряных кубков, ворошили невозвратное былое.

Ярко отвел душу, жалуясь на боярина Дмитрия Зиновьева, посланного на Амур посмотреть, чем славны места, завоеванные Хабаровым.

— Привез Митька меня на Москву, будто вора, наохальничал в пути, отобрал мягкой рухляди на полторы тыщи рублев, шубы и кафтаны собольи. всех аманатов из-за корысти, нажиться на чужом добре помышлял, да чуть голову не сложил за самоуправство. Сам государь-самодержец не погнушался принять Ярофея, ласково допрашивал, повелел вернуть все статки, пожаловал за кровь и раны деревеньки в Илимском уезде, возвысил в дети боярские. Взял Ярофей свое у судьбы. Не срам признаться, что родом из Устюга, сколь ни чернил Митька Зиновьев, сколь ни разорял вечный недруг Васька Поярков.

Рыжие глаза Ярко горели злым огоньком.

Быстро хмелея, он смертельно ругал Пояркова. Перехитрил его на первых порах письменный голова. На четвертый год жизни на Лене в Усть-Кутской заимке, на крепкие ноги встал Ярко: завел мельницу, солеварню, три тысячи пудов одного хлеба скопил, а все к тому, чтобы поднять на свой счет покрученников и итти за счастьем в Даурскую землю. Заготовил челобитную воеводе Головину и доверился Пояркову, а тот шепнул воеводе про хлеб. Головин приказал отобрать хлеб в казну по московской цене. Хабаров вспыл и сгоряча наболтал лишния слов письменному голове. Опомнился, да поздно: даром отняли хлеб, солеварню и мельницу, самого Ярко в яму бросили под стражу, а Поярков тем временем по Амуру проплыл. Чудом выкрутился Ярко из ямы, вышел на волю в худой одежонке сермяжной, подумывал обратно в Устюг податься, да на счастье другого воеводу назначили, «немкина сына» Франсбекова, еще пуще жадного до денег. На авось составил ему Хабарова челобитную — итти по стопам Василия Пояркова. Сообразителен был воевода. Все дал для

похода — денег, куяки, пищажи, пушку; зато и содрал за них впятеро больше красной цены.

— Не обеднел от сего Ярофей. Погулял по Амуру. Всю даурскую землю под государеву руку привел. Богата земля, Семен: за день всякий охочий человек десять собелей изловить сумеет. Пей во славу новой русской земли и устюжских опытовщиков!..

Он чокнулся с Дежневым, залпом осушил чашу.

— Сказывай, земляк, свою скаску. Чем прославлен тобой наш Устюг Великий?

Дежнев немногословно поведал о своих приключениях на Анадыре и рассказал о десятидневном, в снегах и морозах, переходе туда от места крушения коча.

— Пухли с цынки и голоду, замерзали мои людишки, наги и босы. Остался сам-двенадцать на Анадыре, бился с инородцами, имал ясак и отыскал близ устья коргу, куда тыщами морской зверь приплывает и зуб теяет.

Хабаров, не перебивая, дослушал атамана и, когда тот умолк, беззлобно хохотнул:

— Удружил тебе окольниковый Стрешнев... Две доли сукнами?.. Отныне сиднем сядешь, «гостем» назовешься в Устюге?..

Дежнев отчаянно замахал руками.

— Ладно, — снисходительно пообещал сын боярский. — Найду тебе человека в Гостином дворе, с барышом отдашь сукна. К спеху ль? Сколь на Москве прстоишь?

— Поутру скачу в Устюг, поклонюсь родным местам, да выведу племянника с женой. Сам государь повелел опустить их на Лену, — с горделивой радостью проговорил Дежнев.

Хабаров не остался в долгу.

— Пожаловал меня государь, — похвастал он, — своим государевым прикащиком на всю Лену-реку. На Амур не велел, на то ево государева воля. Покорюсь. Об ином пекусь, помышляю. Он пьяно жевал слова, но глаза его

оставались трезвыми. Себе на уме был боярский сын.

— Когда в Якутцкой путь держать станешь? — допытывался он.

— Отгромил¹ я на Анадыре у инородцев якутцкую бабу Федота Алексева, — пооткровенничал атаман. — Сказывала она, что коч алексеевский розбило о берег каменный. Алексеев с Ераськой Анкудиновым померли цынгою, а других товарищей их побили инородцы. Очутились безначальными те невеликие людишки и побежали в лодках с одною душою неведомо куда...

— Неведомо куда?.. — как эхо повторил разочарованный Хабаров.

— Ныне ж ведомо. Сказывала якутцкая баба про слова инородцев между собою, будто побежали те людишки алексеевские в землю Кончатку², а в той де Кончатке все инородцы безьясашные, а зверья превеликое множество.

— Был там? — вскинулся Ярко. — Пешей ногой аль на кочах?

— Не привелось, — сожалея, сказал атаман, — а стоит та Кончатка на полдник³, за Анадырем, двадцать ден пути на собаках возле Восточного моря-окиана... Деньгами меня государь пожаловал. Подниму на свой счет людишек, которые похотят, и пойду в ту страну Кончатку.

С Хабарова и хмель сошел.

— Зову тебя в товарищество, — без обиняков предложил он, — а покрученников сам поставлю. Иди на Анадыр за рыбьем зубом, умолим воеводу якутцково к его прибыли, отпустит. Опосля Анадыра и Кончатку проведешь.

Ударил по рукам земляки.

— Седина в бороду, бес в ребро, — Хабаров погасил улыбку. — Судьба опытовщика, друг Семен. Хто раз побывал им, до самой смерти к новым земляцам тянется...

¹ Отвоевал, отбил.

² Камчатку.

³ На юг.

II. ПУТЬ НА ВОСТОК

...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих..
Держайте ныне ободренные
Раченьем вашим показать.
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Ломоносов.

СУД ЧЕСТИ

На рассвете командиры линейных кораблей были призваны на кригсгерихт¹ в мазанковую башню Адмиралтейства.

На середине подобного кают-компании зала, за длинным столом, накрытым зеленым сукном, глубоко уйдя в кресло, восседал тучный белобрысый моряк, опоясанный голубой лентой. Алмазы на его орденах и шпаге отливали пламенем свечей. То был герой штурма Выборга, генерал-адмирал флота, царев шурин и сват Федор Матвеевич Апраксин. Прищуренные глаза генерал-адмирала зорко глядели из-под косматых бровей на дверь, откуда, кланяясь, входили озябшие командиры. Слева от Апраксина, уткнув подбородок в кружевные обшлаги, дремал размякший после ночного кутежа капитан-командор Александр Меншиков. Рядом с ним, пытаясь придать добродушному лицу выражение строгости, чинно сидел безупречный — от буклей напудренного парика до кончиков ботфорт — капитан-лейтенант Витус Беринг, старший офицер флагманского корабля «Рига». Невдалеке от Беринга, почесывая концом гусиного пера щеку, пристылся старый адмиралтейский канцелярист Гаврило Семенов. Кресло справа от Апраксина пустовало.

Командиры, отвесив поклоны генерал-адмиралу, расселись на лавках под зеркалами, закалили глиняными трубками-носогрейками, и, ожидая открытия кригсгерихта, чаще, чем следовало, поглядывали в противоположную сторону зала, где у окна стоял высокий плотный человек в мундире гвар-

дейского офицера, без всяких отличий. Лицо человека было неясно в сумраке неосвещенной части зала, но тень на стене за столом повторяла конвульсивную дрожь головы. По ней и по исполинской фигуре моряки угадали царя или, как ему было угодно именовать себя в стенах Адмиралтейства и на кораблях, шаутбенахта¹ Петра Алексеевича Михайлова.

Близилось зимнее неевское утро. Часы на вышке мазанковой башни прозвонили пять раз.

Едва замер отзвук последнего протяжного удара, Апраксин, выйдя из-за стола, направился к угловому окну.

— Призванные господа командиры налицо, — тихо доложил он. — Не пора ль кригсрехт держать нам?

Петр, повернувшись к нему, сказал, растягивая слова:

— Вспомнил я, что покойный Федор Алексеевич² пред кончины своей завещал. Наше Российское государство пред многими иными землями преизобилует и людьми способными, которые донине втуне пребывают. Своих пленцов плодить надобно неустанно, дабы не кланяться вековечно тем ярыжкам заморским. Поручаю исполнение сего тебе, сваток. Вторую навигацкую школу на манер московской учредить на Неве, учить детей в классах математическим искусствам всяким, географии, знанию членов корабельного гола³ и такелажа...

Приметя движение у двери, Петр оборвал разговор. Его круглое лицо опять сделалось скучным и злым, верхняя губа оттопырилась, выпятив короткие усики.

Он быстро шагнул к столу, куда приближались окруженные гвардейской стражей трое подсудимых: впереди, сурово глядя перед собой, шел высокий, чуть пониже Петра, вице-адмирал Корнелий Крюйс; следом сутулый и длиннорукий капитан-командор Вейбрант

¹ Контр-адмирала.

² Ф. А. Головин, первый генерал-адмирал русского флота.

³ Корпуса.

¹ Военный суд; на разговорном языке того времени — кригсрехт.

Шелтинг, с виноватой улыбкой озирающий моряков; последним, теребя рыжие бакенбарды, третий флагман флота, плешивый и надменный Авраам Рейс.

Стража подвела их к столу. Говор в зале прекратился. Минуту, пока Петр и Апраксин занимали места, длилось молчание.

— Изволь вычесть, Гаврило Семенов, об том, что учинено на прошлых кригсрехтах, — распорядился генерал-адмирал.

Канцелярист, вскочив, принялся читать протоколы тридцати девяти заседаний чрезвычайного суда над тремя флагманами.

Дело было конфузное. Полугодом ранее эскадра из восьми вымпелов, следуя от Кронштадта к Ревелю под флагом вице-адмирала Крюйса, обнаружила на траверзе острова Гогланда три неприятельских корабля. Шведы, завидя русских, повернули вспять. По сигналу Крюйса эскадра пустилась в погоню. Вблизи Гельсингфорса, когда противник находился на расстоянии пушечного выстрела, флагманский корабль «Рига» сел на камень. Та же участь постигла «Выборг», шедший под командованием Шелтинга, и «Эсперанс». Старшим на эскадре остался капитан-командор Рейс. Шведы были в его руках, стоило только взять их корабли на бордаж. Однако Рейс прекратил преследование, а Крюйс и Шелтинг не отменили его приказа. Шведы, не теряя времени, сломя голову улепетнули в лабиринт шхер. Петр, узнав обо всем, собрался было вздернуть флагманов под рею, но был удержан рассудительным Апраксиным. Генерал-адмирал упросил отложить расправу до закрытия летней кампании на Балтике. Так и порешили.

Тридцать девять суток не утихали жаркие споры в мазанковой башне. Рейс, как выяснилось, просто-напросто струсил. Шелтинг и Крюйс пренебрегли прямыми обязанностями, о чести флота не помышляли.

— ...По сентенции оказались они виновными, — устало заключил канцелярист чтение последнего протокола.

Поднялся, держа лист с приговором. Апраксин.

— Вице-адмирал, — произнес он ледяным тоном, — многократно сказывал нам, что ничего противно Морскому Уставу не учинил, но в кампанию доказал немалыми случаями, что не исполнил долга своего. Посему... — Апраксин поднес лист поближе, беззвучно пошевелил губами, затем прочел вслух: — За сию конфузую и различные преступления обязанностей своих и по несостоятельности оправданий, вице-адмирала Корнелиуса Крюйса приговорить на основании первого артикула к потерею жизни.

Крюйс гордо вскинул голову.

— Господа кригсрехт, подавайте голоса. — Апраксин вызвал младшего по чину судью. — Капитан-лейтенант Витус Беринг?

По залу скользнуло движение. Моряки знали о дружбе датчанина с вице-адмиралом. Вместе с ним и Апраксиным Беринг участвовал в азовском походе против турок, был принят во флот в 1704 году унтер-лейтенантом по рекомендации Крюйса, а до того плавал под его начальством в Ост-Индию на голландских кораблях.

Перехватив усмешку на тонких губах Крюйса, капитан-лейтенант побелел.

— Господину вице-адмиралу уповать надлежит на милость его величества за прошлые немалые отличия, а за сию конфузую осуждения достоин.

Крюйс иронически поклонился.

Петр испытующе глянул на расстроенного капитан-лейтенанта и обежал взглядом зал. Командиры не шелохнулись, но глаза договаривали за них. Симпатии иностранных мореходов были на стороне осужденного вице-адмирала.

— Капитан-командор Александр Меншиков?

Царский любимец, высвободив подбородок из кружев, обвел рукой вокруг шеи. Жест был предельно ясен.

— Шаут-бей-нахт Петр Михайлов?

— Сказать смерть, — мрачно буркнул тот.

Крюйс вновь поклонился.

— Участь моя, — почтительно проговорил он, — всецело во власти вашего величества. Счастье и несчастье в баталии и жизни состоит в случае. Адмирал Шифель флота не нашего, о чем многие помнят, потерял свой корабль на клипе¹, да чуть что не всех и людей погубил.

— Окольный Засекин свиным ухом подавился, а Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили, — насмешливо прервал его Петр и, уставясь в зал, вызывая докончил: — Кому деньги дороже чести, тот оставь службу. А деньги брать и не служить — стыдно!

— Капитан-командор Шхелтинга, — продолжал Апраксин, — поелику онный не получил от вице-адмирала ордер на командование эшквadroю, то записать его в младшие капитаны впредь до государевой милости.

Судьи согласно качнули париками.

— Капитан-командор Рейс, будучи вдвое сильнее свейских кораблей, убо ялся абординовать их, нанеся тем безчестье флоту нашему. — Апраксин, слыша рядом гневное дыхание, скосил глаза, ужаснулся дикому взору Петра, торопливо дочитал: — За неисполнение обязанности своей и за трусость выше-реченного Рейса на основании восьмого и двадцать девятого артикулов должно препроводить к месту казни и там разстрелять.

Рейс, посерев, обеими руками вцепился в скатерть на судейском столе.

— Не имея сигнала вице-адмирала и не ведая храбрости матрозкой, не посмел я абординовать свейскую эшквadroю!

— Но, но! — сипло предостерег Меншиков. — Много себе не позволяй врать, господин от конфузии командор!

— Шельм! — бешено выкрикнул Петр и стукнул кулаком по столу с такой силой, что пузырек с чернилами перед канцеляристом подпрыгнул. — Ты-ль, собака, храбрее русскаго чело века?!

Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась наружу. Петр, оттолкнув кресло, подскочил к флагману, схватил обомлевшего капитан-командора за грудь и с силой швырнул его к ногам перепуганной стражи.

— Прикажи, Федор Матвеевич!.. Казнить немедленно!..

Расталкивая сторонящихся командиров, он выбежал из зала и только на дворе, потянув раздувающимися ноздрями морозный воздух, опомнился. Тотчас же его догнал посланный Апраксиним Гаврило Семенов.

— Господин шаут-бей-нахт, не простынь за ради бога, — заботливо басил канцелярист, подавая треуголку и шинель.

Петр, не отвечая, порывисто надел шинель, нахлобучил треуголку и, размахивая руками, стремительно зашагал по двору к расположенным близ Невы стапелям¹.

Мглистое зимнее небо, суля снегопад, низко висело над незаконченным квадратом адмиралтейского двора. Всюду торчали ребристые остовы новых кораблей, высились горы навощенных и просмоленных канатов, штабеля досок, груды якорей. По обе стороны двора, за частоколом, на Адмиралтейском острове раскинулся петров «парадиз»: срези заснеженных пустырей пестрели расписанные яркими красками амбары с пенькой, лесом и смолой, бревенчатые корпуса прядильного, канатного и сушарного заводов, стояли опрятные флигели флотских служителей, провиантские магазины на сваях, лекальные² сараи и простенькая деревянная церковка Исакия Далматского, граничащая с Адмиралтейством.

Сухо скрипел снег под ботфортами.

— Ну, погодите, ярыжки заморские, хвастуны!.. — Петр презрительно фыркнул. Его бесила враждебная сдержанность, с какой приняли приговор командиры. — Забыли, что ради нужды в мореходах взяты в службу из кабаков амстердамских? Плачу вам жалованье вдвое против своих, за что?...

¹ Судостроительная площадка.

² Чертежные.

¹ Мель; подводная скала.

Злость на родовитую знать, из-за чьей косности приходилось нянчиться с проходимцами вроде Рейса, сызнова овладела им, как в тот день, когда экзаменовал дворянских недорослей, ездивших за границу учиться морскому искусству. Немногие из них вернулись сведущими в мореходных азах, большинство даже не знало компаса. Петр всердцах не одного великовозрастного недоросля попотчевал дубинкой, выдрал за уши, отдал в матросы, но толку не добился. Флот рос с каждой весной, а свои мореходы были наперечет. Основная в Москве в Сухаревой башне «школа математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств» не выручала. Кораблями попрежнему командовали морские бродяги, набранные из всех портов мира, привыкшие служить, да и то без особого усердия, лишь тому, кто хорошо платил. Редкие из сонма заезжих искателей длинного рубля—покойный Лефорт, Бредаль, Сиверс, Беринг—заодно со шпагой отдали русскому флоту свои чаяния, честь и сердце.

При мысли о Беринге лицо Петра прояснилось. Поведение молодого капитан-лейтенанта было безупречным: по искренности датчанина на кригсгерихте следовало судить, что он не из тех, кто из корысти способен оплевать и облаять человека.

У крайнего стапеля царь задержался. Плотники сорвали шапки. Он, здороваясь, велел не прерывать дела и, тщательно осмотрев скелет корабля, прошел к следующему эллингу.

Неподалеку от обшитой досками, почти готовой скампавеи, беззаботно судача, собирали вязанки шепок дети адмиралтейских мастеровых, живших за частоколом в казенных казармах. Несколькo мальчишек, обтрепанных и худых, как бездомные котята, обступили долговязого веснушчатого подростка в мешковатом, видимо с отцовских плеч, зипуне и, толкаясь, слушали его бойкую речь. Не замечая подошедшего сзади царя, подросток обстоятельно объяснял типы кораблей.

— Сие судно прозвано скампавея, а еще каторга. На нем ставят один машт

с парусом, також ходют на веслах и...— он, запинаясь, вымолвил подхваченное у матросов слово, — абордуют свейские корабли.

— А сие, Алешка?—допытывался, тыча на соседний элинг, большеголовый мальчуган с платком вместо шапки.

— Бомбардирский корабль с пушками. Батя с дядей Федосеем строят, — гордо прибавил веснушчатый Алешка.

— А чай страшно на море-то! Мамка сказывала, вода там под небеса хлещет. Пропадешь!

— А чаво страшно? Матрозы ведь ходют.

— Господин шаут-бей-нахт!—разнеслось на весь двор.

Петр недовольно обернулся. Подростки воробьями метнулись прочь.

От мазанковой башни рысцой трусил, придерживая шпагу, генерал-адмирал. Франтоватый Меншиков едва попевал за ним.

— Как велишь с Корнелиусом Крюйсом?—подбегая, спросил запыхавшийся Апраксин.—Зело просит не казнить его в одночасье с капитан-командором. Смилуйся над ним, Петр Алексеевич!

— И славных дел немало за вице-адмиралом числится. Вели, мин херц, заместо смерти в абшит¹ его писать,—в свою очередь упрашивал Меншиков.

Петр словно окаменел.

На дворе стало людно. Стража вывела осужденных. Позади бравого гвардейского поручика спокойно семенил опальный вице-адмирал и, шатаясь, плелся Рейс. Поодаль гурьбой двигались хмурые командиры. Апраксин приказал им присутствовать при исполнении приговора.

— Фортуна—женщина, ваше величество, — пошутил Крюйс и прощально приложил пальцы к измятой треуголке. —

Рейс, хныча, пал на колени.

— Пощаду молю, ваше миропомазанное величество!

— Трус, трус!—брезгливо отодвигаясь, пробормотал Петр и вполголоса,—

¹ В отставку.

никто, кроме генерал-адмирала, не разобрал, — обронил:

— Сказать ему смерть и привязать к столбу, потом свободить от смерти и послать в каторгу.

Стража, подхватив упирающегося капитан-командора, поволокла его на берег Невы к позорному столбу, у которого ежедневно стегали батогами штрафованных мастеровых. Два усатых гвардейца прикрутили Рейса к столбу. Капитан-командор, обессилев от ужаса, повис на веревках. Офицер завязал ему глаза платком.

На адмиралтейском дворе воцарилась непривычная тишина.

Снег под ногами Беринга не скрипнул, а выстрелил. Выйдя из толпы, капитан-лейтенант почтительно и твердо сказал:

— Прошу о милости Корнелиусу Крюйс.

Петр пристально взирал на датчанина с тем выражением, от коего становилось не по себе многим людям.

— Не по чину смел, Витус Беринг! — сердито крикнул Апраксин.

Властным жестом Петр успокоил генерал-адмирала.

— Капитан-командора Рейса, — проговорил он, — лишив чинов, сослать в Тобольск навечно; вице-адмиралу ехать в Казань на жительство, никуда из того места не отлучаясь.

Командиры облегченно завздыхали. Крюйс признательно склонил голову.

По знаку генерал-адмирала гвардейский офицер подошел к Рейсу и, сняв с его глаз повязку, передал волю царя.

Капитан-командор кулем сполз вдоль столба и, не веря помилованию, не разжимая зажмуренных век, визгливо завопил:

— Лутше пали, зоддат, лутше пали!..

Моряки отвернулись: вид перетрусившего капитан-командора был отвратителен.

Петр отрывисто хохотнул.

— Ну, трус! А ведь флагманом числится!

— Имеет быть сей флагман ехать в Сибирь ловить соболей, — сострил Мепшиков. — Не позно ль, мин херц, по-

миловал. Он со страху пошти преставился.

— Не сорочь, Данилыч! — Петр зло оскалился. — Милую, чтоб протчие не разбежались. Еще не срок без них обходиться. Своих прежде завести надлежит вдосталь и поставить над сими ярыжками, дабы в крепких руках держали.

Он поискал глазами веснущатого подростка и, найдя того в толпе мальчишек возле столба, где адмиралтейский лекарь пускал кровь задохнувшемуся от пережитого страха Рейсу, поманил к себе.

— Эй, малый!

Подросток, оробев, юркнул за спину сверстников, но был извлечен вынырнувшим парусным мастером. Усердно сгибаясь в поклоне, мастер приблизился, цепко держа мальчугана за руку.

— Господин шаут-бей-нахт. Сие ослушное чадо есть Ильи Чирикова, плотницкаго десяткаго из подручных Федосея Склеява, и часто господ мореходов в несказанное изумление приводит острым понятием в деле корабельном.

— Пусти его. — Петр взял подростка за рукав отцовского зипуна, нагнулся к синим глазам. — Звать как? Алешкой? Говори, Алешка, ведомы тебе какия корабли?

— Не пужайсь, постреленок, сам царь велит, — шепнул мастер.

Алешка ломким голосом назвал бомбардирский корабль, шняву, бригантину, их различие друг от друга.

Заинтересованные командиры окружили подростка.

— Ну-ка, — поощрительно сказал Петр. — Знаешь ли устройство корабельнаго гола?

Подросток зачастил без запинки.

— Ай, чада растут! — Апраксин восхищенно покрутил головой. — В сем малом толк будет.

Глаза Петра блестели.

— Тут, Федор Матвеевич, тут учить надобно, по соседству с морем. Учредить Академию Морскую. Собрать в нее детей способных, растить своих капитанов, флагманов, чтоб служили не как иные, — уколел он командиров. — А ежели дворяне противиться станут, ве-

лю всех недорослей, не щадя знатности, в матросы пожаловать! Не они, так солдатския, мастеровыя, холопыи дети сыщутся. В академию прикажи первым писать сего малого. Для науки нет знатности, ум надобен да прилежание.

— Истинно, мин херц,—откликнулся Меншиков.

— Ступай. Великую радость доставил своею разумностью.—Петр притянул к себе подростка, расцеловал в обе щеки и, отпустив, зашагал в глубь двора. Догоняя его, вприпрыжку понеслись Апраксин, Меншиков, командиры линейных кораблей.

Когда они удалились, а гвардейская стража увела разжалованных флагманов за застенок, с палубы высающегося над строительной площадкой кузова слез на снег пожилой красноносый плотничий десятник.

— Радуйся, Илья, за свое чадо,— завистливо сказал парусный мастер.— Царю, не убоясь, отвечал смысленш. Знать, летать ему высоко.

Десятник, расспросив сына о словах Петра, обрадованно перекрестился.

— Дай то бог, штоб сбилось сие наяву, а не сном сгинуло. Эх, и выстрою тогда кораблик тебе, Алексей сын Ильич Чириков!..

КОНЗИЛИЯ¹ МОРЕХОДОВ

Четверть века спустя, майским полднем 1741 года, на шканцы пакетбота «Святой апостол Петр» вышел пожилой, грузный человек — командующий Большой Северной экспедицией капитан-командор Витус Беринг. На кораблях его запростро величали Иваном Ивановичем. Разглядев среди матросов, занятых конопаткой палубы, дюжего рябого боцманмата, он кивнул ему.

Перепахканый смолой моряк вытянулся перед командующим.

— Взяв лангбот,—сказал Беринг,— поезжай к Алексею Ильичу и с должным почтением проси господина капитана с обер-офицерами пожаловать к нам для конзилии,

— Слетаю птицей, Иван Иваныч!..

Боцманмат громовым голосом кликнул гребцов и полез за борт. Следом прыгнули вахтенные матросы.

Защищаясь ладонью от солнца и опираясь на толстую медную трость—предмет бесконечного восхищения моряков, ибо она была и подзорной трубой,—капитан-командор наблюдал за шлюпкой. Взгляд его скользил вместе с ней по голубому раздолью бухты мимо прибрежных холмов к узкой отлогой косе, где виднелись возведенные зимой дощатые срубы провиантского магазина, казарм и невзрачной часовенки.

Это было все, что составляло жилое место на берегу Авачинского залива, названное Берингом в честь экспедиционных пакетботов гаванью Петра и Павла.

Капитан-командор, подождав, пока шлюпка с боцманматом пристанет к двухмачтовому бригу «Святой апостол Павел», стоящему близ косы, неторопливо побрел прочь со шканцев.

Вскоре шлюпка вернулась, и на палубу флагманского корабля взобрались три человека: совсем юный штурман Елагин, лейтенант Чихачев и командир «Святого апостола Павла» капитан Чириков. Он немного сутулился и все же на голову был выше спутников. Время неузнаваемо исказило его черты. Румянец недуга лихорадочно пылал на впалых щеках. Только глаза попрежнему отливали синевой.

Генерал-адмирал Апраксин в точности исполнил волю царя: первым в списке трехсот недорослей, набранных в Морскую академию, числился Алексей Чириков. Природное дарование помогло ему стать первым и по знаниям. Баловень фортуны и любимец Адмиралтейств-Коллегии, он задолго до срока, определенного положением о чинах, «по уму и достоинству, а не по старшинству», получил звание капитана и право общего совета с командующим экспедицией.

Сопровождаемый офицерами, Чириков направился в каюту Беринга.

Оттуда раздавались шумные возгласы:

— Фальшива талия!

¹ Совецание.

— Хлап ваш убит! ¹

Капитан, распахнув дверь, шагнул внутрь крохотного помещения.

Оно напоминало монастырскую келью. На стене, напротив двери, висели над полкой с книгами и парой скрещенных пистолетов картины на библейские сюжеты. В углу, кроваво отсвечивая на золоченых ликах икон и походной койке, теплилась цветная лампада, на случай крена вделанная в оправу карданового подвеса.

За столом играли в карты шесть человек; по одну сторону разместились: астрономии профессор Людвиг Делиль ла Кроер; возле него—уроженец Франконии, загнанный на Камчатку страстью к приключениям, адъютант Академии наук Георг Стеллер и лейтенант Свен Ваксель, правая рука Беринга на флагманском пакетботе; по другую—экспедиционный иерей Стефан, завязанный картежник и пьяница, нашедший верного друга в парижанине Делиле; по соседству с ним жизнерадостный старик Эзельберг, давнишний приятель капитан-командора, по его просьбе приглашенный Адмиралтейств-Коллегией в экспедицию из Ост-Индской компании, на чьих кораблях около полувека скитался под всеми широтами. Еще дальше, у раскрытого настезь квадратного оконца, откуда веяло свежестью морского воздуха, сидел, прижав к груди карты, Витус Беринг.

— Господин капитан-командор, и вас, господа, с добрым благополучием,—приветствовал Чириков.

— Милости прошу, Алексей Ильич!

Беринг, смешав карты, обратился к партнерам и вошедшим офицерам:

— Учиним без промедления конзилию с господином профессором. Протчих, кто к навигацкому искусству не причастен, не хочу неволить скучными разсуждениями.

Иерей, не тая разочарования, покинул каюту, но Стеллер заупрямился.

— Господин экспедицией командующий,—акцентируя, высокомерно запротестовал он.—Изумлению подвержен я немалому, что во всем принят не так,

яко по моему достоинству надлежит, а равно простому солдату и матрозу.

Моряки насупились. Всесторонне образованный ученый Стеллер обладал несносным характером и за короткое время пребывания в экспедиции воздвиг между собой и другими участниками се гору мелочных распрей. Офицеры едва терпели его.

— Сие не разсуждение будет о гадах и травах, а конзилия мореходов,—с ядовитой любезностью разъяснил ему Ваксель.

Лицо адъютанта покрылось пятнами.

— Господин лейтенант! Почитаю за бесчестье ваши слова! Об чем донесу в Академию и в Сенат! Яко, неведомо чего дожидаючись, поклоны кладете пред иконами, погоду отменную упуская, да стоянием при Камчатке казну разоряете!

Он, бранясь, выскочил за дверь.

Наступило неловкое молчание. Угроза адъютанта ошеломила моряков: причины задержки отплытия не зависели от них. Нехватало провианта. Посланный заранее на Камчатку заклятым врагом экспедиции начальником Охотского порта Писаревым, боярский сын Колесов не заготовил ни фунта рыбы, хотя ею кишели здешние реки. Не надеясь на доставку продовольствия из Охотска, Беринг отсрочил вояж и занялся рыбной ловлей. Весна была на исходе, а корабли, теряя драгоценные дни, отстаивались на рейде Авачинского залива.

— Нет, какова каналья!—пустил вслед Стеллеру Ваксель.—Что вы с ним много фигур строите, Иван Иванович? По мне, так выбить в шею господина франконца за подлые речи.

Беринг растерянно развел руками. В этом жесте сказалось все, присущее капитан-командору: нерешительность и мягкосердечие, нежелание затевать тяжбу и наживать лишнего врага, коих он имел предостаточно на огромном пространстве от Санкт-Петербурха до расположенной на краю света гавани Петра и Павла.

Чириков, заняв место адъютанта, с сострадательной усмешкой следил за Берингом. Было жаль расстроенного капитан-командора и досадно: его христиан-

¹ Карточные термины.

ская смиренность разлагающе действовала на участников грандиозного предприятия, равного коему не ведали современники. От Архангельска до Тихого океана, вдоль ледовых границ Арктики, сквозь пургу и стужу, двигались отряды Большой Северной экспедиции, ведомые «птенцами гнезда петрова» — Алексеем Чириковым, Степаном Малыгиным, Семеном Челюскиным, Дмитрием и Харитоном Лаптевыми. Ими был призван командовать человек, не умеющий даже опрадать себя от оскорблений. Навряд узнали бы его члены Адмиралтейств-Коллегии, восемь лет тому назад поручившей Берингу и Чирикову проведать путь к северо-западной Америке «для учреждения с оной прибыльной торговли». Восемь лет, пока длилось строительство кораблей, канули в небытие, растроченные на сутяжничества с якутскими и охотскими властями за каждый аршин холста для экспедиции, за каждый кусок хлеба, на оправдательные рапорты в Адмиралтейств-Коллегию, которая в ответ на ябеды слала капитан-командору выговор за выговором, стыдила за медлительность, грозила понизить в чине, лишила прибавочного жалованья...

Обок Чирикова сидел, подперев ладонями седую голову, глубокий старик, согбенный жестокими ударами судьбы, полный усталой покорности, с какой заезженная кляча тянет до издыхания непосильную поклажу. Беринг выглядел старше семидесятилетнего Эзельберга.

— Иван Иванович... — Астрономии профессор покровительственно притронулся к плечу капитан-командора. — Облызность господина адъютанта доведу до Академии членов с первой оказией. Беринг равнодушно поблагодарил.

— Надлежит исполнить долг наш, — вяло сказал он и, достав инструкцию Адмиралтейств-Коллегии, зачитал ее вслух:

— ...Идти для обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были...

Моряки напряженно слушали.

— Куда направить предстоящее плавание для открытия предполагаемых за Камчаткою земель? — вопрошал Бе-

ринг. — Каков курс избрать, господин капитан, господин профессор, господа обер-офицеры и штурманы? Не на восток ли, где в прошлую экспедицию искали загадочный материк? И ежели на восток, то каким румбом?

— Резон основательный, — тотчас заговорил Чириков. — Мехиканская провинция проведена гишпанцами и далее пятидесятаго градуса к югу спускаться ради одного уведомления об Америке ни к чему. Також далее шестьдесят пятиаго градуса подниматься к северу. Там обследует лейтенант Дмитрий Лаптев, коему назначено обогнуть Чукотский нос из устья Лены. Посему резонно полагаю плыть на восток в пределах сих пятнадцати градусов.

Чихачев присоединился к нему.

Вскочил, потрясая свернутой в трубку картой, астрономии профессор:

— Господа мореплаватели! На копии сей, снятой братом моим Жозефом Делилем, Санкт-Петербурхской академии членом и географом, с подлинной карты брата моего Гильома Делиля, первого географа короля французов, — он развернул ее, — в недалеком разстоянии от берегов камчатских на полдень¹ нанесена земля, виденная дон Жуаном де Гамой на востоке от земли Компании, голландским кораблем «Кастрикумом» найденной, об чем доподлинно ведомо господину командиру.

Офицеры навострили уши. Парижанин намекал на интригующую моряков тайну. Однажды, беседуя с земляком Шпанбергом, капитан-командор обмолвился, что держал в своих руках корабельный журнал голландского брига «Кастрикума» с подробным описанием земель Штатов, Компании и Жуана де Гамы, о чьих несметных богатствах распространялись самые фантастические версии. Шпанберг истолковал его слова, как признание; среди моряков разнесся слух, что у капитан-командора хранится купленный за большие деньги журнал «Кастрикума» с указанием пути к таинственным тихоокеанским островам.

Беринг не пошевелился, и Делиль продолжал:

¹ На юг.

— Сожаления достойно, что не можно мне было сыскать о сей земле иных известий, кроме что на ландкарте показано. Того ради я потому, яко положил, тако и расстояние обретенной де Гамой земли, применяясь к Камчатке, подлинно определить мог. Лежит она в параллели промеж сорок пятым и сорок седьмым градусами, куда прежде протчих курсов идти соблаговолите, уповаю.

Чириков не согласился.

— Мартын Петрович Шпанберг, возвратясь из вожака к берегам японским, доносил Ивану Ивановичу не в пользу сей ландкарты.

Моряки поддакнули. Рассказы участников плавания экспедиционного отряда, отправленного двумя годами ранее под командованием Шпанберга на поиски Японии, опровергали существование земель Компании, Штатов и Гамы. Шпанберг, по распоряжению Беринга, спустился на юг не вдоль Курильской гряды, а по меридиану Камчатки до сорок второй параллели, где предполагались острова сокровищ. Там, к общему разочарованию, простирался пустынный океан.

Делиль, предчувствуя спор, неприятно оглядел капитана.

— Корабельные выписки Шпанберга, рассмотрены мною, також господином командующим и не почтены за правильные. Счисление широт и долгот, в коих лежат на карте брата моего Курильская земли, разнится чрезмерно с оными выписками.

— А ежели и мы не сыщем тех показанных на карте земель? — в упор спросил Чириков. — Господин Делиль изволит признать за неверное наше счисление, яко шпанбергово?

Делиль вида иронические улыбки офицеров, прибегнул к последнему аргументу.

— Полагаясь на немалое искусство ваше, — польстил он, — мыслю, что землю Гамову легко взять под владение Российской державы, памятуя указ об экспедиции нашей, что действительно к славе Российской отправлена быть может.

— На земле Гамовой, — поддержал

профессора Беринг, и впервые за время конзилии загорелся его взор, — сколь знаю, не можно еще никакой державе иметь владения.

Делиль, расстелив карту на столе, ткнул в нее пальцем.

— Сюда, к славе и чести, избрать курс!

Головы офицеров склонились над картой. Братья-географы перенесли на нее легенды корабельщиков прошлых веков и мифы космографии о северной части Восточного океана. Берега Америки имели самые неправдоподобные очертания. В центре материка раскинулось море. К востоку от Камчатки, по размерам вдвое превосходя ее, расположился на месте Алеутского архипелага огромный остров. Курильская гряда упиралась в земли Компании и Штатов. Между ними и мысом Мендосино у Калифорнии был изображен пресловутый «земной рай», отысканный никому неизвестным Жуаном де Гамой. Ни Сахалина, ни Японских островов, кроме неверно очерченного Иезо, ни пролива, разделяющего мыс Дежнева и Аляску, на карте не значилось. На севере, острым клином вдаваясь в океан, примыкал к Америке безымянный арктический материк, якобы найденный испанским адмиралом де Фонте, чьи фантастические открытия в Новом Свете сбили с толку немало доверчивых людей и послужили основанием для карты братьев Делиль.

Офицеры рассматривали ее, обуреваемые противоречивыми желаниями. Далеко на востоке простиралась Америка. Что ожидало их в ней? Суровая неизвестность, новые лишения?.. А на юге, в теплых широтах, такая близкая, солнечная, по слухам полная несметных сокровищ, манила к себе земля Гамы. Почему Шпанберг не мог допустить ошибку в обсервации и пересечь совсем иное место, вблизи которого, чуть за горизонтом, вздымались серебряные берега острова Фортуны? Ученый человек, астрономии профессор, знал, должно быть, поболее, чем несимпатичный всем участникам экспедиции Мартын Шпанберг, прозванный за непомерную даже в то жестокое время грубость и крутой нрав «каторжным генералом». Да и ка-

питан-командор, обладающий, в чем моряки не сомневались, тайнами брига «Кастрикума», не стал бы радеть о пустом деле после грозных предупреждений Адмиралтейств-Коллегии.

— Инструкция велит нам проведать американские берега, а не землю Гамову, — упорствовал Чириков. — Курс должно избрать, яко сии вековечные странники ныне. — Он показал на облачные армады, влекомые ленивым ветерком на восток. — Время коротко, и все назначенное для исследования пространство не будет никакой возможности обойти в одно лето. Когда ж исполним долг свой, то плыть согласен я к оной земле не без пользы для счислений господина профессора и противных ему ишпанберговых записей.

Голоса разделились. Чичачев и Елагин повторили мнение командира «Святого апостола Павла»: не отвлекаясь, проложить курс на восток. Ваксель и Эзельберг, воспитанные на традициях космографии, приняли сторону Делиля.

Последнее слово принадлежало Берингу.

Капитан-командор раздумывал. Смущала рассудительность помощника: не зря Адмиралтейств-Коллегия «утверждалась на Чирикове по искусству его и не без надежды доброго плода в экспедиции». О том гласила инструкция, лежащая на столе перед командующим. Чувство долга ратовало за поход к Америке, а затаенные мысли тянули к земле Гамы: обретя ее, Беринг наверняка сумел бы восстановить свой авторитет. В инструкции не упоминалось о ней, но Адмиралтейств-Коллегия предписывала «действовать по мнению и предложению профессора».

— Приговорим без ущерба для долга нашего, — сказал старик. — Идти к юго-востоку по румбу зюйд-ост-тень-ост до сорок шестаго градуса; достигнув, повернуть к востоку по румбу ост-тень-норд и проведывать Америку до успения богородицы, дабы возвратиться к здешней гавани прежде заморозков.

— Время дорого, Иван Иванович, — предупреждал помощник. — Не было б печали о днях загубленных сверх прежних. Зело удивительно, почему чуже-

странный мореплаватели не пекутся взять во владение землю Гамову. Срок немалой для исканий: почитай, сто лет минуло.

Капитан-командор поспешил закончить консилию.

— Прошу, собрав людей, — наказал он, точно не слыша Чирикова, — разъяснить инструкцию: экспедиция секретна и при случае, ежели встретим какая корабли чужие, говорить, что посланы исполнить волю блаженнодостойных памяти императора Петра Великого для узнания, сходится где Азия с Америкую или они разделены проливом.

Он отпустил моряков и наедине ответил Чирикову:

— Батюшка, Алексей Ильич. Великую веру имею я в нахождение земли дон Жуана де Гамы. Коль скоро сыщем при ней гавань, сподручнее проведать берега американския, до коих, сдастся мне, прилепилась она.

Чириков, осененный догадкой, сообщил: рассказ о корабельном журнале «Кастрикума» справедлив; тайны голландского брига хранятся на борту «Святого апостола Петра».

Старик, снисходительно улыбаясь помощнику, проводил его к трапу.

— Желаю благополучия, Алексей Ильич.

Капитан откланялся и слез в шлюпку, где поджидали штурман и лейтенант.

Дюжина весел радужно сверкнула на солнце мокрыми лопастями. Шлюпка, огибая флагманский корабль, проплыла мимо оконца каюты командующего экспедицией, и моряки увидели привычное: став на колени перед киотом, Витус Беринг бил седой головой несчетные поклоны, вымаливая у Николы-угодника попутный ветер вояжу к земле дон Жуана де Гамы.

ТАИНА ВИТУСА БЕРИНГА

Пробираясь сквозь слякотную мглу, «Святой апостол Петр» спускался на юг. Монотонно гудел ветер в невидных парусах, скрипел раскачиваемый океанской зыбью деревянный кузов, лениво и глухо стучали в него поперечные волны,

выматывала людей назойливая бортовая качка. От нее некуда было укрыться: всюду кренило под таким углом, что палуба ускользала из-под ног, а солдаты, набранные в экспедицию из Охотского острога, вповалку лежали среди бревен, ящиков и бочек с пресной водой.

Из утреннего сумрака выступали расплывчатые очертания надстроек, рангут, шканцы и громоздкое штурвальное колесо. Двое рулевых насилиу ворочали его.

На шканцах, опираясь на трость-трубу, прирос к шаткой палубе капитан-командор. Космы седых волос Беринга спадали из-под размякшей от сырости зеленой треуголки на влажный беличий полушубок. Всю ночь старый моряк провел без сна: то на коленях у киота в каюте, то в одиночестве на своем посту близ шканечного компаса, вдыхая промозглые испарения и силясь угадать в мокром мраке очертания земли Гамы. По его расчетам корабль подплывал к ней, ибо сорок шестая параллель была вторично пересечена вчера в полдень, на шестые сутки после исчезновения «Святого апостола Павла».

Это событие, приведшее в уныние участников экспедиции, произошло по вине самого капитан-командора: он по обыкновению пренебрег дельным советом помощника. Тот не раз предупреждал его о риске потерять друг друга в тумане, если капитан-командор не расстанется с привычкой уводить флагманский корабль в сторону от курса. Так и случилось, когда эскадра, побывав на сорок шестом градусе и не найдя там суши, по настоянию Чирикова повернула на северо-восток. Пад туман, а поутру, едва прояснилось, вахтенные «Святого апостола Петра» увидели вокруг пустынный океан. Пакетбот исчез.

Два дня флагманский корабль отлеживался в дрейфе, и с каждым часом ожидания Беринг испытывал все большее облегчение. Плавание к неведомым берегам северо-западной Америки имело для него второстепенное значение; на первом плане, заслоняя все, чудился остров Фортуны. Радуюсь, что на время избавился от докучливого помощника с его непрестанными напоминаниями об

адмиралтейской инструкции, Беринг распорядился взять обратный курс на юг к сорок шестой параллели.

Упорство командующего поражало офицеров. Скептики — их количество увеличивалось пропорционально числу дней — уже предрекали бесплодность вторичного вояжа, когда вахтенный впередсмотрящий матрос прокричал с бушприта:

— Высокоблагородный господин Иван Иванович! Ошую морской дуб видать!

Моряки поспешили к борту. В самом деле, недалеко от корабля покачивался островок пловучих растений, похожих на дубовые листья. Капитан-командор нередко встречал их, плавая на голландских кораблях в Атлантике, и неизменно морской дуб оказывался недалгим соседом суши.

Старый штурман Андриян Петрович, поколдовав над квадрантом¹, определил широту: пятьдесят восьмая минута сорок пятого градуса.

А на закате, заволакивая горизонт и волны, опять набежал туман.

Капитан-командор предусмотрительно, чтобы не привалиться к скалам земли Гамы, приказал убавить парусов, и, всю ночь не смыкая глаз, молил Никола-угодника о благополучии и удаче.

Утро застало его у шканечного компаса. Привалюсь к нему, Беринг ждал, когда свежающий ветер раздвинет серый занавес, за коим была укрыта обетованная земля.

Флагманский корабль плыл прежним курсом под нижними марселями. Впередсмотрящий матрос часто и нараспев выкрикивал с бушприта:

— По-ло-го!..²

Двадцать первый день вояжа начался, как обычно. На шканцы долетало ворчание хлопотливого боцманмата, болезненные стоны солдат, разговор подвахтенных моряков, греющихся возле плиты на шкафуте, где кухарь уже стряпал обед: офицерам щи из солонины да рыбные пироги, команде заправленную мучицей похлебку из кетовой головизны. Тянуло дымком и приятным

¹ Секстан, угломерный инструмент.

² Чисто.

запахом варева; озябшие за ночь матросы судачили о своем.

Беринг, прислушиваясь к разговору, узнал бормотанье сновидца Шумагина. Людская молва, что морская волна: все подбирает с пути и уносит с собой. Кто мог отличить правду от вымысла? Обрывки небылиц меркаторской космографии переплетались в словах матроса с заманчивыми рассказами голландских мореходов.

— ...А за сим концом Симова жребия, части Азии, за Камчаткою и царством китайским, между востоком и полднем, в здешнем море-окиане, и есть оныя острова, — убежденно разглагольствовал Шумагин. — Сказывали промеж собою офицеры наши, что кронит¹ Иван Иванович, бережет пуще протчаго книгу фряжскую², а в ней все острова окианския означены... Потому и поспешаем мы вдругорядь на полдень... Первой той остров Макарицкой близ блаженного рая, да не к нему путь держим, а к иному, землей Гамовой нарицаемому, что стоит посреди моря-окиана, и берега на нем сверкают ослепляючи, из серебра сотворенныя. Не приведи бог глянуть на них средь яснаго дня: изойдут очи слезами горькими. Корабельщики многия поворачивали вспять от Гамовых берегов, слепотой удрученныя. А достигь их дозволено токмо праведникам; у кого ж грех на душе, не примет земля Гамова, погубит мзгла крошечная да стража берегов серебряных — человецы песьи главы, страшны зраком, смрадны дыханием зловонным. Кто ж одолеет, побьет в пень с головы на голову стражей песьеглавых, пред тем шеломя³ окатистыя⁴ откроются; всех шеломей сорок сороков, путь-дорога чрез них непроторена на три года и тридцать три дни без роздыху. А за шеломями земля потаенная раскинулась: в ней леса дремучия, реки бурливыя, теплыя, поляны высокотравныя, жизнь без нужды привольная; райская птица гамаюн залетает, чудное благоухание заносит, песни распевает сладчайшия. В

той земле безснежной червь рождает песок златой, жемчужины растут полпудовые, на деревьях камня драгия сияют... от них ночью свет исходит, яко днем от солнышка красного. Живут среди того благолепия люди зверообразныя; питаются зверем и рыбою, ядят кровавое и сырое, хлеба и не знают вовсе... Простирается та ж земля широко и долго, неподвластна никакому царю-государю, а видал ее корабельщик Иван да Гамов...

Матросы восторженно ахали. Из печлиного гула голосов выделился насмешливый бас устюжанина Михайлы Неводчикова:

— Горазд врать ты, сновидец... Близ блаженного рая... И попадем прежде в рай, нежели к оным берегам... Нет, братцы мои, баская¹, одначе пустая скаска Микишкина. Сколь годов минуло, яко видана земля Гамова, а никому не выпало счаски ступить на нее. Отчего б сие? Неужто праведники перевелись на божьем свете?

На устюжанина зашикали:

— Нишкни, шпынь²!

— Высокоблагородный господин Иван Иванович! — послышалось с бушприта. — Впереди море-окиан чистое!

На шкафуте умолкли.

Туман редел, понемногу выпуская корабль из холодных скользких объятий: вначале, поддерживаемый резной фигурой хвостатого чудовища, над волнами высунулся вздернутый бушприт; за ним, разрывая серую завесу и качаясь, как маятники, возникли пики мачт. Выгнутые ветром паруса были похожи на увязшие в сплетении тросов и рей ключья тумана. Грузно переваливаясь с борта на борт, «Святый апостол Петр» выбрался на солнечный простор океана.

И сразу все ожило. Из всех щелей выползли измученные солдаты, подставляя солнцу обескровленные лица. Весело закурился дымок над плитой. Придерживаясь за выступ фальшборта, неверной походкой проковылял на шканцы и чопорно раскланялся с Берингом бледный от морской болезни адъютант

¹ Скрывает.

² Иноземную, иностранную.

³ Горы.

⁴ Крутые.

¹ Хорошая.

² Шут, насмешник.

Стеллер. Следом высыпали из каюты небритые офицеры. Лейтенант Ваксель вел за руку белобрысого сына-подростка. Шумно благословляя день, появился иерей Стефан. Его покачивало не в такт крену: отец благочинный успел чуть свет причаститься крепчайшего вина из камчатских трав.

Взгляды семидесяти семи человек обратились к горизонту. Матросы, чтобы лучше видеть, взобрались на ванты и рей.

Беринг поднес к глазу подзорную трубу, пошарил ею окрест и внезапно ощутил холодную сырость истекшей ночи. Озноб, щекоча кожу, пробежал по спине. Труба запрыгала в дрожащих пальцах.

Необозримый, без конца-краю, океан катил позолоченные солнцем валы.

Земли не было.

Моряки молчали. Все было ясно без слов. Молитвы не помогли старику. Фортуна, как и прежде, насмеялась над его чаяниями.

— Господин лейтенант! — взволнованно позвал он Вакселя и вытянул руку в том направлении, где над волнистой линией горизонта синело далекое пятнышко.

Ваксель несколько мгновений рассматривал даль на юго-западе.

— Сие не суша, Иван Иванович... Похоже на тучу с дождем. Дай бог, напоила б. Мenee чем на месяц имеем водяного запаса.

Беринг прошептал:

— Сие не суша...

Жадно глядя в трубу, он долго не отрывался от синего пятнышка на горизонте.

— Иван Иванович, — настойчиво повторил лейтенант. — Вода пресная наполовину выпита. Пятьдесят бочек сухи, яко не наливались. Далее следовать оным курсом, испытать муку и жажду. Что предпринять велите?

Капитан-командор устало опустил трубу.

— Нынеж уменьшить рацион водяной. Барево стряпать команде чрез день, офицерам однажды в сутки.

Лейтенант поклонился.

— Каков курс положить велите? — не отставал он.

Из группы офицеров выступил седоусый, с непокрытой лысеющей головой, строитель обоих экспедиционных пакетботов, корабельный мастер Софрон Хитров.

— Господин командующий, — с официальной вежливостью произнес мастер, угрюмо глядя на Беринга. — Видев, что нашим отдалением к полдню довольно опорочена неправость карты Делиля Кроера, не пора ль повернуть в путь свой, Адмиралтейц-Коллегией определенный?

Капитан-командор повернулся к офицерам и прочел в глазах спутников одобрение словам Хитрова. Корабельный мастер высказал то, о чем думали все служители: им надоело терзаться неизвестностью. Уверенность, что Беринг обладает тайнами голландского брига, поколебалась давно: когда оба корабля впервые пересекли сорок шестую параллель. Ныне многое предстало бесспорным: правота Чирикова, пагубность избранного Берингом пути, погрешности карты братьев Делиль. Между сорок седьмым и сорок пятым градусами, где, по утверждению французов, находилась земля, не оказалось ничего, кроме неба и волн.

— Андреян Петрович, — сказал Беринг штурману, — соблаговолите приступить к обсервации.

Надежда не покидала его. Корабль мог сбиться с курса в тумане и уклониться в сторону от цели. Мысль о такой вероятности приободряла капитан-командора. От нее зависело все, ради чего он покорно сносил лишения долголетнего пути к океану: фортуна исследователя, возможность оправдать перед Адмиралтейств-Коллегией предыдущие неудачи.

Эзельберг, достав часы и квадрант, занялся вычислением широты. Моряки тесно обступили его.

— Солнце никогда не обманывало меня, Витус...

Штурман, дружеским прикосновением утешая Беринга, доложил:

— Сорок пятого градуса пятнадцатая минута.

Капитан-командор отвернулся к фальш-борту, откуда, саркастически щурясь, наблюдал за моряками адъютант. Цифры, сообщенные штурманом, прозвучали, как приговор. Последняя ставка в азартной игре с неведомым, которую Беринг вел с момента конзилии на Авачинском рейде, была бита. Корабль шел прямо по курсу и почти достиг южных пределов необнаруженной земли.

Офицеры принялись честить Делия и сообща досадовали на его отсутствие. Астрономии профессор вместе с арсеналом своих приборов, — дюжиной стальных и настольных часов, двадцатью барометрами, тридцатью термометрами, астролябиями, грандштоками — плыл неведомо где на борту пакетбота «Святой апостол Павел».

Беринг все ниже клонил седую голову.

Принятый в экспедицию на должность живописца, капрал из музыкантов, сухой и желчный Плениснер, зло заметил:

— Сожаление питаю, что не можно определить астрономии профессору скудный рацион водяной, положенный нам Иваном Ивановичем. Наговорил картошный мудрец семь верст до небес, а мы и уши развесили на то сладкоречие делилево, да невозвратно время упустили в местах, до коих инструкцией и плыть не велено.

Офицеры поддакнули.

— Ошибки сродны нам, — успокаивал их Беринг. — Кто знает, может, и Алексей Ильич с профессором вкупе в столь тяжком раздумьи на бездорожье муку терпят, и фортуна им також закрыта.

Сзади хлестнул смех. Моряки разом оглянулись. Смеялся адъютант.

— Напрасно печалитесь, господин экспедицией командующий, о фортуна капитана Чирикова. Полагаю иное: времени сей мореплавателю не теряет на долгие конзилии с подчиненными слушателями.

Офицеры неприязненно озирали задирчивого франкконца. Эдельберг сделал ему предостерегающий жест, но Стеллер не унялся,

— Капитан Чириков, — продолжал

адъютант растревлять командующего, — человек есть решительной и в курсах не сомневается, подобно другим, чья слабость деяний притчей во языцех служит.

Уязвленный в самое сердце капитан-командор не вытерпел насмешки. Сколько раз он втайне завидовал твердости и умению помощника итти прямо к цели! Пути кораблей разошлись неделю назад и, — кому дано ведать, — куда Чириков увел свой пакетбот, пока «Святой апостол Петр» блуждал в слякотной мгле тумана?

— Господин Штеллер! — с неприсущей ему резкостью вскричал Беринг. — За мои ошибки ответ держу токмо перед Коллегией и Сенатом, отнюдь не перед ябедниками!

Гневно стуча тростью-трубой, он шагнул к выходу со шканцев.

— Прикажите, господин лейтенант, сделав поворот, держать курс к востоку.

Ваксель обрадованно кликнул боцманов. Те громогласно повторили его команду. Матросы мигом разбежались по реям.

Капитан-командор бросил взгляд на юго-запад. Земли не было. Пятнышко на горизонте разрасталось в мрачную тучу. Заслоняя небо и настигая корабль, она подползала к зениту.

Словно убегая от нее, «Святой апостол Петр» прочертил килем пенистую дугу на темнеющей малахитовой зыби и, кренясь из стороны в сторону, подгоняемый попутным ветром, поплыл на восток.

Понуря голову, Беринг сошел по ступенькам трапа в каюту. С иллюзиями и мечтаниями было покончено. Предстояла расплата за напрасно потраченные дни, о чем, конечно, не преминет донести в Санкт-Петербург господин адъютант.

Уничтоженный ответом капитан-командора, Стеллер не сразу сообразил, что произошло, и опомнился, когда раздалась понукающая брань боцманов. Кусая губы, он помчался в каюту Беринга.

— Господин командующий! — Адъютант рывком распахнул дверь и ворвался в помещение. — Умоляю о прежнем

курсе на зюд-ост! Оттуда несло наемд-ни морской дуб, оттуда летели птицы! Токмо тамо суша!..

Беринг стремительно встал из-за стола, заслонив собой раскрытую книгу. Движение не ускользнуло от Стеллера. Он разглядел пожелтые от давности листы и тотчас припомнил рассказы спутников капитан-командора о таинственном корабельном журнале. Пылкое воображение адъюнкта сразу нарисовало сцену в амстердамской таверне «Летучая рыба»: толпу разноплеменных морских бродяг, пьющую за здоровье прежнего экипажмейстера Корнелиуса Крюйса, возвратившегося из Московии в чине вице-адмирала российского флота; на столах горки золотых монет, полученных на пропой души моряками, только что завербованными Крюйсом в службу к русскому царю герру Питеру; возле стойки с боченками эля и пива, рядом с краснорожим мингером, в табачном дыму, головы двух моряков, сидящих за крайним столиком; блеск очей вновь испеченного унтер-лейтенанта российского флота юного Витуса Беринга, слушающего красивую сказку о давнишнем вояже брига «Кастрикума»; истрепанный корабельный журнал шкипера де Вриза, переходящий из трясущихся рук пропойцы-штурмана в собственность Беринга за столбик золотых дукатов... Так говорили служители экспедиции. Стеллер скептически относился к их рассказам, но вид книги, с необъяснимой поспешностью заслоненной стариком, навел на размышления.

Адъюнкт попытался заглянуть через плечо капитан-командора. Тот, поняв уловку, показал на дверь.

— Ступайте прочь, господин Штеллер. Отписывайте в Сенат, что измыслите. А конзилии о курсах корабельных слабый в деяниях Витус Беринг вершит токмо с людьми, сведущими в мореходстве и достойными. Ступайте ж!

Он вытолкнул обескураженного адъюнкта на палубу и захлопнул дверь.

Далекий гром, как многократное эхо, повторил стук двери. В квадратном оконце быстро темнело: близилась непогода. Мерцающая, теплилась лампада в углу перед киотом, озаряя бесстраст-

ный лик Николы-угодника, покровителя плавающих и путешествующих.

Наверху, над каютой, сновали матросы, заунывно скулил ветер.

Беринг вернулся к столу, долго перелистывал выцветшие страницы, испитые неразборчивым почерком и, тужко вздохнув, изодрал книгу в клочья.

Молния, мелькнув на фоне оконца, огненной стрелой вонзилась в океан. Покрывая визг ветра и шум волн, раскатисто грянул гром.

Капитан-командор, перекрестясь, открыл иллюминатор и, швырнув бумажные хлопья за борт, грузно побрел на шканцы навстречу мгле и ненастью.

ПОДЛИННАЯ АМЕРИКА

Ночь была на исходе. Чириков дремал, стоя у компасного нактоуза. Отблеск скупого луча, отбрасываемого шанечным фонарем, дрожал на усталом лице капитана.

Вахтенный лейтенант неуклюжей тенью бродил по шканцам.

Каждые пятнадцать минут, вместе со звоном дюжины стенных и настольных часов, доносящимся из каюты Людовика Делиль ла Кроера, капитан пробуждался и, щурясь от бьющего в глаза луча, озабоченно спрашивал:

— Что на румбе?

Из мрака выдвигался толстяк Чихачев.

— Чисто море, Алексей Ильич!

— Так держать, — клоня голову на грудь, ронял успокоенный капитан.

— Так держать! — громко выкрикал лейтенант.

— Так держ-а-ать!.. — слышал Чириков протяжный ответ рулевых и вновь погружался в дремотное оцепенение, убаюканный тишиной, равномерным покачиванием палубы, соблазнительным храпом служителей.

Всюду, — под шляпками, у пушечных лафетов, среди обломков бочек с пресной водой, разбитых штормовой зыбью, — спали измученные авралом люди. Изо дня в день, кляня свою подневольную участь, они откачивали воду из разбухшего корабельного чрева, чинили изодранные паруса, карабкались по

скользким вантам на рей и, коченея от ветра и ужаса, ладили запасные стеньги. Смертельная усталость помогала матросам коротать морозные ночи на мокрой от брызг палубе, а всепобеждающее, свойственное русскому человеку терпение не давало угаснуть вождельным мечтам о Большой Земле за морем-океаном, где, по слухам, водилась драгоценная мягкая рухлядь. Просыпаясь от предрассветного холода, служители отдирали примерзшие за ночь к палубному настилу овчины, с надеждой глядели на восток и видели там, как и прежде, низкое, иссиня-темное небо над холмистой пустыней океана. Тогда они обращали взоры к шканцам, где недвижно, словно прикованный к нактоузу, стоял неумолимый человек в треуголке и наглухо застегнутом бостроге¹. Что различал он за вечной линией горизонта? Почему не внимал совету господина астрономии профессора? Не упускал ли талан, о чем назойливо твердил по обыкновению пьяный Делиль, уверяя моряков, что капитан-командор, пока они рыщут по океану, высадился на серебряных берегах и пожинает плоды исканий разноплеменных корабельщиков?..

Побеждает непоколебимый. Алексей Ильич Чириков был слеплен из иного теста, чем командующий экспедицией. Ничто не сломило волю этого человека с чахоточным румянцем на впалях щеках: ни штормы, кои, чередуясь с туманами с первого дня плавания от Авачинского залива, без малого полтора месяца донимали моряков; ни жестокие ветры, под чьим напором рухнули за борт стеньги мачт, увлекая за собой лохмотья парусов; ни тягостное чувство одиночества, охватившее его, когда сгинул флагманский корабль; ни злобные запугивания брата королевского географа, ни глухой ропот служителей. Так бывало испокон веков: роптали участники любой экспедиции в неведомое. Чириков знал это и, в точности исполняя инструкции Адмиралтейств-Коллегии, вел пакетбот на восток наперекор всему — стихии, людям, космографическим канонам.

Неведомое нехотя расступалось перед дерзновенной смелостью семидесяти проведывателей, рискнувших искать Америку и пересечь океан на утлом суденышке, вдвое меньшем, чем колумбова каравелла «Санта Мария».

На сороковые сутки вояжа, в час очередной обсервации, штурман Елагин и геодезист Красильников растерянно доложили капитану, что корабль достиг суши. Так показывала карта. Однако вокруг пакетбота расстился океан. Моряки обратились за разъяснениями к брату королевского географа. Делиль, не пытаясь опровергнуть вычисления, заперся в каюте и с горя запил. Офицеры окончательно убедились, что в роли астрономии профессора подвизается невежественный хвостун. Их давно смущали его странные недомогания. Ссылаясь на болезнь, он, едва наступало время астрономических наблюдений, предоставлял подчиненным ему студентам из геодезистов — Красильникову и Попову — возиться с приборами, а сам развлекался излюбленным: опустошал боченки с вином, накуренным из камчатских трав, и, подвыпив, грозил Чирикову немилостью Санкт-Петербургского начальства за то, что капитан, вопреки его, Делиля, доводам, не ищет серебряных берегов земли Гамы.

Пакетбот продолжал путь на восток сквозь туманы и штормы, рядовые служители, стеноя, заранее отгевали себя, и не сразу поверили радостным воплям вахтенного матроса, который разглядел с марсовой площадки очертания плавника.

Вестник близкой земли — громадный желтоватый ствол невиданного на Камчатке дерева, разметав по сторонам зеленые сучковатые ветви, распростерся на волнах.

Матросы втащили его на палубу и, ликуя от восторга, прозвали душмянкой за приятный ароматный запах. Ветви дерева еще не увяли в соленой воде. Где-то неподалеку была суша.

Люди спокойно уснули, а капитан, не меняя курса, повел корабль, судя по карте, в глубь американского материка. Трезвость мышления не изменила Чирикову. Он предпочел поверить неодно-

¹ Бушлате.

кратным вычислениям своих спутников, нежели выдаваемым за непреложную истину ориентирам карты географических авторитетов.

Раскинув паруса-крылья, «Святой апостол Павел» ходко плыл навстречу штилевому дню. Ветер неистовым наскоком разогнал тучи и, тихо ворча в складках истерзанных парусов, притаился во тьме, будто встревоженный ночными шорохами, готовый сорваться с цепи лютый пес. Обессиленный штормовым разгулом, океан угомонился. От всех румбов, неся ощущение необъятных просторов, хлынула звенящая, почти осязаемая тишина. На шканцах, чуть озаренные тусклым светом фонаря, вполголоса, чтобы не потревожить дремлющего командира, препирались закадычные друзья — геодезист Красильников и штурман Елагин.

Ночь на пороге неведомого была для них вечностью. Волнуясь, они стерегли долгожданный берег и, надоедая вахтенному лейтенанту, спорили о своих вычислениях долготы.

— Об чем переться, птенцы, попусту языки мозолить, — шипящим шопотом урезонил друзей Чихачев. — До зари недолго, она разсудит, чья правда. Токмо чаю: Большая Земля в недалеком разстоянии.

Он отошел в тень паруса.

И, словно подтверждая его слова, с мачтового кбота раздалось певучее щебетанье.

Моряки замерли. Послышался легкий шелест. Привлеченная светом, крохотная, диковинной расцветки, крылатая гостья бесстрашно уселась на компасный нактоуз рядом с дремлющим капитаном.

Чirikов, вздрогнув, открыл глаза.

Птичка, прощепетав, перелетела на перила шканцев.

— Иван Дмитрич! — Радость и тревога одновременно овладели капитаном. — Гляньте: непугана птаха. Означает сие, что не приучена к коварству людскому и на той суше, откуда пожаловала к нам, не ступала нога человечья. Что на румбе?

— Чисто море, Алексей Ильич!

Чихачев сделал шаг к перилам. Птичка вспорхнула на рею.

— Господин геодезист, — подозвал капитан Красильникова. — Захватив трубу, ступайте на астадипуп¹ и, что приметя, рапортуйте без промедлений. Не привалитесь б к суше, — пояснил он и обратился к Елагину: — Також и вы, господин штурман, ползайте с трубой на марс.

Елагин, цепляясь за скользкие от росы выбленки² вант, вскарабкался на марсовую площадку и глянул на восток.

Океан еще был под покровом серого мрака, но холодные блики звезд на округло неясных холмах зыби уже потухли. Даль впереди, куда волны лениво подтакивали пакетбот, быстро прояснялась. Радугой из бледно-голубых и розовых лент безостановочно ползла, кружа по линии горизонта, узкая полоска рассвета. За ней всплыла над океаном похожая на цепь вершин снежного хребта гряда облаков. Их нижние слои отражали пламя пожара, бушующего за горизонтом.

Зрелище было столь чудесно, что штурман, обняв мачту и забыв о своих обязанностях, застыл в немом восхищении.

— Господин мечтатель! — прервал его укоряющий голос Чirikова. — Что на румбе?

Юноша спохватился и, наведя подзорную трубу на восток, увидел сквозь двойное стекло, как над облачной грядой величаво поднялось солнце нового дня.

Люди на шканцах неотрывно следили за движениями Елагина. Он протер стекло полый бострога, опять впился взором в горизонт и вслед за тем, потрясая треуголкой и трубой, заорал на весь корабль:

— На румбе суша, господин капитан! Тамо, где светило взошло по-над облаками! Тож не облака, а подлинныя горы снежныя!

Чirikов тотчас полез наверх и, переведя дух, приник к трубе.

Штурман протянул руку на восток и с горделивой радостью посмотрел вниз.

¹ Носовая часть корабля.

² Ступеньки.

Все на корабле встрепенулось, разбуженное магическими словами. Матросы, солдаты, офицеры, толпясь на палубе и задрав головы, не спускали глаз с марсовой площадки.

— Подлинная суша!..—Чириков размахисто перекрестился. Служители на палубе повторили его жест и, обступив мачту, молча ждали, пока штурман и капитан спускались по вантам.

— Курс истинной, друзья! — весело известил Чириков. — На востоке горы снежные высоты отменной. Полагаю, что сие матерой берег американской, отнюдь не край света доступного.

— Нам, людишкам подначальным, без роптаний не жить. Отмолим грех рачением, — торжественно заговорил боцман Савельев. — А за попечительство ваше, высокоблагородный батюшко наш, Алексей Ильич, что не дал ты морюокиану утянуть нас в геенну адову, сыскал сушу желанну, земной поклон от служителей всех!

Он грохнулся на колени и, прежде чем Чириков приказал ему встать, трижды стукнулся лбом о палубу.

Матросы и солдаты, скинув шапки, простуженными голосами завопили здравицу капитану.

— Прочь, каналы! — врываясь в хор славословия, хрипло прозвучал за спинами служителей сердитый окрик.

Бесцеремонно расталкивая толпу, к Чирикову направлялся Делиль. Наспех надетый парик сидел на нем задом наперед; на висках торчали рыжие волосы. Он был так комичен, что капитан рассмеялся.

Делиль не понял причины смеха.

— За достойное рачение в трудах ваших, благодарствую вам, господин капитан от Академии наук членов. — Он важно, с ужимками поклонился. — Не премину отписать в Париж брату моему, короля французов первому географу, и брату моему географу Академии наук Санкт-Петербургской, что, полагаясь на карту, сочиненную ими при моем участии, пакетбот под моим и вашим, господин капитан, смотрением, достиг ныне берегов американских.

Произнес эту напыщенную тираду, он хотел удалиться.

Моряки опешили; им-то хорошо было известно «смотрение» Делиля: пьяные рассказы о земле Гамы, коими он подбивал служителей возмутиться против капитана. Рядовые участники экспедиции давно дознались, зачем парижанин пожаловал в отдаленные места. Оставленные им на Камчатке ляке¹ под пьяную руку разболтали матросам, что вершат вскладчину с братом королевского географа немалые прибыльные дела: выменивают на всякую всячину у инородцев сибирских запретную мягкую рухлядь и под видом ученых коллекций поочередно отвозят в Санкт-Петербург, а там сбывают по красной цене, не платя государственной пошлины.

Радость померкла в глазах Чирикова. Он сухо сказал:

— Господин Делиль. Карта братьев ваших негожа мореплавателю. По оной судя, пакетбот наш второй день на матером берегу обретается. Суша сия ж разыскана не возлияниями вашими, Бахусу зело приятными, а служителями флота российского пакетбота «Святой апостол Павел», кои токмо под моим смотрением пребывают и впредь. О чем извольте, коль станет охоты, отписывать в Париж и Академию братьям вашим.

Он отстранил Делиля с дороги и прошел на шканцы.

Служители, посмеиваясь над парижанином, устремили взоры на восток, где, как награда за долготерпение, вырастала вместе с солнцем и днем заповедная Большая Земля.

Пакетбот подплывал туда, где вечный прибой провел извилистую грань между водной пустыней и неровной линией побережья. Там, за широкой чертой пены, раскинулась страна девственного покоя. Молочные туманы клубились в ущельях, сползали к подножью хребта, текли через долины и таяли в лучах пламенеющего дня на пустынном берегу.

Ничто не выдавало присутствия человека.

Капитан обернулся к Чихачеву.

— Велите, убавив парусов, глубину смерить.

¹ Ляке — слуга.

Лейтенант перегнулся через перила шканцев.

— Убрать брамсея!

Матросы послушно взобрались на реи и закрепили верхние паруса. Корабль замедлил бег.

— Накинуть 'глубомер! — распорядился лейтенант.

Боцман, раскрутив веревку, швырнул лот. Коротко булькнув, железный брусок исчез в океане.

— Шестьдесят саженей! — отрапортовал боцман.

Пакетбот почти достиг черты приборя у невысокого мыса. Дальше идти было рискованно. Чириков приказал лечь в дрейф.

Служители дружно взялись за брасы и развернули реи так, что половина парусов двигала корабль в обратную сторону.

— Лангбот на воду! — скомандовал капитан, едва маневр был закончен и «Святой апостол Павел», клюя носом набегающую из океана зыбь, сонно закачался напротив мыса. — Вам, господа офицеры, с иными всеми служителями неослушно находиться под смотрением лейтенанта Чихачева впредь до возвращения моего. Штурману Елагину, взяв приборы навигацкие, ехать на берег для обсервации.

Юноша, просияв, кинулся в каюту за квандрантом и картой.

— Господин комиссар Чоглоков! — окликнул Чириков молчаливого офицера, ведающего корабельным хозяйством и продовольственными запасами. — Людям выдайте вдвое рыбы, сухарей и воды, да по две чарки вина опосля молебна благодарственного о принятии здешней земли под высокую руку державы Российской. Готовьте бочки. Сыщем удобное для якорного стояния место, где и налиться можно, немедля приступайте к пополнению водяного запаса.

Сделав последние указания, капитан слез в шлюпку.

Матросы, зажав ружья в коленях, разобрали весла.

Иерей в подряснике и ушастой шапке, подойдя к борту, благословил отплывающих.

— С богом, друзья, — усаживаясь на корме, напутствовал Чириков. Голос его дрогнул.

Подгоняемая зыбью, шлюпка поплыла к отмели. Матросы гребли, не сводя выжидательных взоров с лица командира: сидя спинами к берегу, они не видели, что там происходило, и были готовы сменить весла на ружья по малейшему знаку Чирикова.

Капитан волновался. Свершалось заветное, чему были отданы его чаяния и дела. Миновало шестнадцать лет с тех пор, когда по воле Петра начался тернистый и славный путь на восток, но Чириков помнил каждую секунду последней встречи с царем-адмиралом. Она осталась в памяти самым дорогим для капитана видением молодости.

...Пронзая острым шпилем морозную мглу январского вечера, возникла мазанковая башня Адмиралтейства, невдалеке от нее, между Морской академией и особняком генерал-адмирала Апраксина, небольшой домик на берегу Невы.

Сопровождаемые караульным гвардейцем, моряки с трепетом взошли на крыльцо домика. Важный усатый денщик встретил их в полутемном коридоре и, узнав имена, отправился доложить.

Из-за приоткрытой двери зазвучали голоса: мягкий, старческий, флегматичный и властный, прерываемый болезненным кряхтением.

Услышав его, моряки подтянулись.

— Ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы, Федор Матвеевич, в изследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которых многократно покушались обыскивать берегов американских...

Властный голос умолк и спустя несколько мгновений сказал:

— Зови.

Денщик распахнул дверь и перед моряками открылся просвет длинной комнаты: озаренный трехсвечными канделябрами стол; за ним, у окна конторка, заваленная докладами одиннадцати коллегий, управляющих страной от Балтики до Анадыря; голландские пейзажи на обитых холстом стенах под низким по-

толком; возле стола знакомые лица Петра и Апраксина.

Стиснув пальцами войлочные треуголки, моряки перешагнули порог комнаты и замерли у стола.

Петр, то-и-дело кряхтя от боли, — смертельный недуг уже беспощадно изменил его лицо, — как бы извиняясь, с усмешкой произнес:

— По мне судите, сколь несовершенное животное есть человек... Ведомо, зачем потребован, капитан Витус Беринг? — Он взял у генерал-адмирала исчерченный листок. — Ну, садитесь, господа мореплаватели. А ты, Алексей Чириков, что помышляешь? С охотой или неволею пристанешь к сему делу? Говори от сердца, знай: честь свою показать и славу отечеству добывать надобно и в морских службах дальних. Сиди! — Петр ласково положил тяжелую горячую руку на плечо хотевшему вскочить унтер-лейтенанту и, приковав его к креслу, зашпешил взад-вперед по кабинету. И верно: всю жизнь спешил, наверстывая за два века ханского ига и за сто лет боярской лени.

— Ваше величество, господин адмирал! — вспыхнув, отвечал Чириков. — Истинному морского флота служителю долгом своим почитать надлежит не токмо баталии, а и проведывание стран неизвестных к умножению и пользе отечества нашего.

— Птенец крылья отрастил, слышь, сваток! — Петр от удовольствия даже подмигнул Апраксину. — Достоин быть в чине лейтенантовом.

И он заговорил о предстоящей экспедиции:

— Надлежит на Камчатке или в другом том месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на Норд, и по чайнию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать...

...Она была найдена.

Шлюпка, подхваченная накатом, с ходу зарылась килем в отмель.

Капитан, опережая спутников, спрыгнул на влажный песок. Земля заколебалась под ногами, будто палуба шканцев пакетбота. Потревоженная шоро-

хом шагов, чернубурая лисица высунула хитрую мордочку из листвы и, задорно твякнув, подалась обратно. Две голубогрудых сойки, передразнивая ее лай, взмыли над отмелью. Утиный выводок, задевая крыльями листву, неспеша проплыл над капитаном. Кустарник, благоухая, радушно протянул навстречу свои ветви, отягощенные продолговатыми розовыми плодами.

— Ей-ей, малина! — восторженно вскричал боцман, отведав первый дар Большой Земли и радуясь, что нашел на чужбине родную ягоду. — Зрите, братцы, с неусыпным рачением, яко на астадипупе вахту в ночи, — наставляя он, рассылая матросов по берегу. — По-за кустами всякие иноземцы немирные таиться могут. Живут в здешних местах люди с хвостами псовыми, наряжаются в одежку соболиную, а соболей и лисиц превеликое множество имеют, яко псов на суше камчатской, кормятся ж зверьми морскими да оленями, и часто промеж собою воюются.

— Полно, боцман, небылицу плести! — отозвался Чириков. — Пора б знать, что люди на людей схожи, а все прочее для маскарада.

— Алексей Ильич! — донеслось издали.

От шлюпки, размахивая квадрантом, мчался сияющий Елагин.

— Господин капитан! — звонкий голос юноши пресекался от полноты чувств. — Доношу с почтением: широты пятьдесят пять градусов и двадцать одна минута. Обсервовав, полагаю без сомнения, что сушу признать надлежит подлинною Америкую!

Чириков молчал, бессчетно повторяя про себя цифру, названную штурманом. Сбылось! Веками стремились сюда конквистадоры всех стран и, едва достигнув сороковой параллели, утраченные непогодами, убирались во-свояси, прикрывая неудачи враньем о сокровищах фантастических земель Гамы, Штатов, Компании. Северные широты Тихого океана попрежнему лежали под властью неведомого. Материк Нового Света был исследован только до мыса Мендосино у Калифорнии. Дальше на ты-

сячи миль простиралась страна огнедышащих ледяных гор и мягкой рухляди, недоступная изнеженным тропиками мореплавателям Западной Европы. Она поджидала иных проводывателей, свободных от предрассудков в космографии, сильных духом и безграничным терпением. Моряки пакетбота «Святой апостол Павел» высадились в преддверии ее.

— Высокоблагородный батюшко наш! — не утерпел боцман. — Дозволь о желанном служителей всех порадовать! Заждались в томлении.

— Погоди. — Чириков нацелился квадрантом на солнце и проверил вычисления Елагина. Обсервация была точной. Пакетбот находился у северо-западных берегов американского материка.

— Сожалею о товарищах наших, друзья мои, кои в безвестности держат путь свой, — помедлив, сказал капитан. — Господину командующему Берингу разделить бы с нами ликование по достоинству должно.

Елагин пожал плечами.

— Разлучась, господин командующий не прежний курс избрал ли к земле Гамовой, дни безценныя сбывая попусту, яко и мы в исканиях той земли?

— Поелику несовершенны карты наши, — назидательно проговорил Чириков, — путь к земле Гамовой пройден не без пользы истине. Познается она не токмо в обретениях земель новых, но столь же полезным исправлением ошибок тех корабельщиков, что, усердствуя языком в баясах, изрядно сочинили басен вредных.

Он кивнул боцману.

Тот, вскинув ружье, выпалил поперх кустов.

Стая нарядных, как радуга, крохотных птичек, испуганно вереща, взвилась над отмелью.

И разом, заглушая птичий гомон и ритмичный плеск прибоя, гаркнули в приветственном салюте четырнадцать корабельных пушек. Белесые облака дыма окутали борт и мачты «Святого апостола Павла».

Матросы, сняв шапки, благодарно молились.

Гулкое эхо, взрывая вековечную тишину, понесло по ущельям и горным долинам Нового Света весть о прибытии Колумбов Росских.

Было пятнадцатое июля тысяча семьсот сорок первого года.

★

Пятью сутками позже, под вечер Ильина дня, Беринг привел флагманский корабль на рейд острова Каяк близ берегов Аляски и, равнодушно выслушав поздравления спутников, заторопился в гибельный обратный рейс.

Дальнейшее известно.

Кораблям экспедиции не суждено было встретиться, а капитан-командору не довелось принять рапорт помощника о высадке у мыса Аддингтона.

Пути Беринга и Чирикова навсегда разошлись в туманную июньскую ночь, на сорок девятой параллели.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Жарким летним днем, когда столичная знать пребывала на лоне природы за пределами Санкт-Петербурха, на крыльце опрятного флигеля, выходящем в садик на берегу Мойки, беседовали, сидя в креслах, три академика — хозяин дома, одетый в легкий халат и стоптанные туфли, — Михаил Васильевич Ломоносов; напротив него застегнутый на все пуговицы чинный историограф Герард-Фридрих Миллер, коего для удобства звали по-русски Федором Ивановичем еще с времен Большой Северной экспедиции, и естествоиспытатель Степан Петрович Крашенинников¹.

Оба ученых пришли к Ломоносову с жалобами на президента Академии наук Шумахера, властолюбивого и ограниченного человека. Тишайший и кроткий Миллер, разведя руками, сообщил, что по распоряжению президента академическая типография закрыта на замок до его возвращения из отпуски, и долголет-

¹ Миллер и Крашенинников — участники Большой Северной экспедиции (до отплытия пакетботов к Америке).

ний труд историографа «Описание царства Сибирского» лежит ненабранным.

— Также и мое «Описание земли Камчатки», — присоединился Крашенинников. — Коль так поведется и впредь, быть ему, яко и прочим донесениям экспедиционным, под спудом архивным.

— Тож иное, — возразил Миллер. — Экспедиция секретна.

— Однако, — всердцах вскричал Крашенинников, — известие об оной давным давно напечатано в «Gazette de France» заодно с пояснением об ужасной кончине господина Беринга и достижении Алексеем Ильичом Чириковым северо-западных берегов американских! Секретна! — негодуя, повторил он. — Потому пройдохи всякие и тщатся чужую славу загрести. Ведомо ль вам, Михайла Васильевич, что изволил приписать господин Жозеф Делиль на карте вояжа пакетбота «Святой апостол Павел», в Париже напечатанной?

— А что? — заинтересовался Ломоносов.

Крашенинников процитировал на память:

— «Карта открытий, сделанных в плавании к Америке братом моим Людовиком Делилем и капитаном Чириковым»... Вся-то польза от хвастуна парижского в том была, что признал он в жителях островных американских людей, подобных обличьем тем, коих он видел в Канаде. И сему невежде, скончавшему жизнь свою от кондрашки в камчатской гавани, сочиняют славу, должную принадлежать Чирикову с флотскими служителями!..

— Достойный человек Алексей Ильич, — сказал историограф. — И что похвально: большой скромности и души, яко помню его в бытность с экспедицией. Морская служба не могла ожесточить в нем чувствительное сердце. Да вы ж сами о том говорили, герр профессор, — обратился он к хозяину.

Ломоносов утвердительно наклонил голову. Встреча с пленцом гнезда петрова ему запомнилась. Она произошла позапрошлой весной в царском дворце на приеме, коим удостоила Ели-

завета заслуженного моряка. Чириков бесхитростно поведал о злоключениях экспедиции. Картины возникали одна за другой: туманное штормовое море, среди чьих студенов валов блуждал, сбившись с курса, флагманский корабль в обратном рейсе от Аляски, пока не был выброшен на скалы пустынного острова; полузасыпанный осыпающимся песком, умирающий в земляном логове Беринг, запретивший откапывать себя, ибо в земле было легче переносить зимнюю стужу... Чириков лаконично повествовал обо всем, что пришлось пережить морякам, и скромно умолчал о главном: о том, что не слепому случаю обязан своим первенством в открытии северо-западной Америки, но точному расчету и навигаторским познаниям. Они помогли ему и безошибочно проложить обратный курс через океан, и благополучно достичь Петропавловского порта сквозь те самые непогоды, кои были гибельными для капитан-командора. Цыгя унесла за борт всех офицеров пакетбота, кроме юного штурмана Елагина. С ним и сорока семью служителями вместо семидесяти, едва переждав зиму в камчатской гавани, Чириков отважился начать новое путешествие. Измученный цыггой и чахоткой, он повел пакетбот на восток и, открыв два острова, не подзревая, что на одном из них терпит бедствия экипаж «Святого апостола Петра», повернул назад в надежде свидеться с Берингом на Камчатке. Чаяния были тщетными. Капитан-командор уже покоился в могиле под крестом, воздвигнутым из обломков реи флагманского корабля. Чириков вернулся в Санкт-Петербург и, спустя двадцать два года после аудиенции у Петра, доложил его дочери о подвиге, совершенном русскими людьми, о найденном ими пути через Восточный океан к берегам Нового Света. Императрица, вначале участливо, подконец не скрывая скуки, выслушала моряка и, повелев произвести его в капитан-командоры, вскоре в заботах о придворных балах забыла о нем и открытых землях. Чирикова назначили смотрителем школ при Морской академии, других участников экспедиции наградили чинами и деньгами, а донесения

о вояже к Америке упрятали в секретные архивы.

— Господин Чириков — истинный сын отечества. Деяниями его и служителей флота будут восхищаться и потомки наши, — сказал Ломоносов, раскуривая погасший чубук.

— Не в укор многострадальному господину Витусу Берингу, но истины ради, — проговорил историограф, — не ему, но Алексею Ильичу главой надлежало быть в той экспедиции. В бытность мою с ней имел я время наблюдать и дивиться слабости беринговой. На сих днях разбирал я бумаги покойного адъютанта господина Стеллера и разыскал в них место, в коем аттестация господину Берингу будто с моей списана. Нередко признавался командующий офицерам, что экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнения сего предприятия россиянину. И то его мнение резонно: Алексей Ильич Чириков достойным командующим мог быть по праву. Неоднократно подавал он важные советы, но господин Беринг, по слабости характера, более слушал иных советчиков, нежели благоразумного товарища своего. Потому и доказать не умел раздельности Азии с Америкю, хотя плавал к тому проливу меж оными.

— Раздельность материков ныне признана точной по рапорту подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михайлы Гвоздева, — вмешался Крашенинников, — кои в лето тридцать второго года видели в проливе оба берега — Азии и Америки. А без малого веком ранее их, как разузнал доподлинно господин историограф, бывали в проливе прежние наши опытовщики, когда искали реку Анадырь.

— Сказывал про то Федор Иванович. — Ломоносов, привстав, отвесил поклон Миллеру. — Наука премного благодарна вам, господин историограф, за отыскание истины. Отписки казачьи,

найденные вами в Якутском архиве, ценности необычайной. По ним судить надлежит, что россияне первыми мореходами в нордных водах Восточного океана плавали и зело великую задачу решили о раздельности материков. — Он, гордясь и сияя, прибавил: — Семен Дежнев почти земляк мой. От Великого Устюга до Холмогор недалече. А господин Чириков откуда родом?

Академики не знали.

— Степан Петрович, коль приведется повидать, зовите мореплавателя славного пожаловать ко мне. Буду рад сызнова побеседовать.

Крашенинников печально вздохнул.

— Давеча из Москвы письмо с оказией получил. Алексей Ильич на страстной неделе богу душу отдал по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахотной и цынготной болезнью, отчего зубы у него почти все выпали пред кончиной.

Ломоносов перекрестился.

Академики помолчали, разделяя печаль Крашенинникова.

— Память его у всех, кои знали Алексея Ильича, в забвение не придет, — промолвил историограф. — Заслужил себе честь не токмо искусного и прилежного офицера, но и праводушного человека...

Ломоносов с пылкостью перебил Миллера:

— Не токмо искусного и прилежного офицера честь, но и Колумба Росского, ибо новую славу добыл сей безкорыстный мореплаватель отечеству нашему.

И, проникновенно глядя на собеседников, чуть нараспев произнес найденные экспромтом слова будущей оды:

— Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...
Ни бури, мразом изошренны,
Ни волны, льдом отягощенны,
Против него не могут стати..

Шамиль

Баллады и песни

БОРИС БРИК

★

Повествование ведется от лица декабриста А. Бестужева-Марлинского, который согласно легендам не погиб при высадке у мыса Адлер в 1837 г., а ушел в горы и стал свидетелем борьбы горцев за свободу. Этим и объясняются упоминания его имени в тексте.

ПРОИСКИ СТАМБУЛА

Сабли блещут сквозь туман,
Дым смешался с прахом.
Это бьется Дагестан
С русским падишахом.

Содрогается вокруг
Вся земля от гула,
И дошел зловещий звук
До ушей Стамбула.

Захватил седой Стамбул
Свой клинок дамасский
И поспешно заглянул
За хребет Кавказский.

Видит старый, что близка
Гибель тариката¹,
Что измучены войска
Младшего собрата.

И решил прибегнуть он
К низкому обману
И, притворно огорчен,
Молвил Дагестану:
— Долго ль будешь, нелюдим,
Волей утешаться,
Покровительством моим
Брезгать и гнушаться?

Хоть гяура все сильней
Вылазкой тревожишь,
Но без помощи моей
Одолеть не сможешь.

Не надейся на клинок,
Погнутый и ржавый,
А найди приют у ног
Дружеской державы.

Мне покорны все края
В мусульманском мире.
Слава бранная моя
Катится все шире.

На краю своей земли
Стал я при Босфоре
И гяуров корабли
Запер в Черном море.

Не страшится мой народ
Русского сардара,
И страна моя цветет,
Как весной чинара.

Водомет в саду моем
Синеву пронзает
И серебряным копьём
В небе исчезает.

И не молкнет птичий хор,
И в прохладе сада

¹ Учение, вначале проповедывавшее отказ от мирских благ, впоследствии ставшее знаменем равенства горцев перед законом и помогавшее горцам Кавказа в борьбе против беков.

Дивных вымыслов ковер
Ткет Шахерзада.

Я народы озарил
Факелом корана,
Я навеки усмирил
Тигров Тегерана.

Ятаган свой закалив
В пламенном Дамаске,
Правоверными калиф
Правит без опаски.

И эмиры дальних стран,
В прахе распростерты,
Словно суру, чтут фирман¹
Оттоманской Порты.

Общей связаны судьбой,
Верные сунниты²,
Мы ученостью с тобой
Оба знамениты,

Оба смело мчимся в бой,
Молимся на Мекку...
Так признай же над собой
Братскую опеку!

— Не согласен, — говорят
Дагестан Стамбулу, —
Предан исстари мюрид
Своему аулу.

Ничего, что нищ и наг, —
Без следа не сгину,
А калиф твой не кунак
Бедному лезгину.

Ведь, червонцами бренча,
У твоей чинары
Всю листву, как саранча,
Съели янычары.

И, свирепостью дыша,
Пламенем одетый,
Ненасытный твой паша
Душит вилайеты¹.

Пусть не в золоте клинок
И ножны потерты, —
Не сложу его у ног
Лицемерной Порты.

Вечно видеть в ней врага
Я не перестану,
Вечно будет дорога
Воля Дагестану.

Для того, кому мила
Только доблесть сердца,
Кроме горного орла,
Нет единовежда...

И, сказав, исторг клинок,
Сотворил молитву
И, как прежде, одинок,
Устремился в битву.

Отступился навсегда
От меньшого брата,
И предрек Стамбул тогда
Гибель тариката.

И, рукой махнув, пропал
За Евксинским понтом —
Там, где пенящийся вал
Слился с горизонтом.

★

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Много лет Шмеля³ ловили
Роты храбрые Пулло

И совсем уж затравили,
Да начальство проспало.

Быстрой молнии подобен,
Каждый раз спасался Шмель.

¹ Сура — глава корана; фирман — указ.
² Мусульмане делятся на суннитов и шиитов:
лезгины, аварцы и чеченцы были суннитами,
как и турки.

³ Так русские солдаты называли Шамиля.

¹ Вилайеты — провинции, округа.

Как шайтан, он был способен
Ускользать в любую щель.

Но решил за дело взяться
Фезе — гордый генерал,
И приметы азиатца
Огласить он приказал:

«Горец выше всех в ауле,
Всех могучей и храбрей,
Не страшится он ни пули,
Ни штыка, ни батарей.

Тот, кто шашкою своею
Косит наших, как ковыль,
Кто из горцев всех сильнее
И грознее, — тот Шамиль!».

Так по ротам апшеронцев
Объявил их генерал
И в награду сто червонцев
За поимку обещал.

Вот начался штурм аула,
Где стоит гнездо Шмеля,
И от пушечного гула
Содрогается земля.

Кровь лезгин рекою льется,
Взят последний их редут,
И в палатку полководца
Храбрых пленников ведут.

Все они широкоплечи,
Все отвагой велики,
Не бежали от картечи
И кидались на штыки.

Но имама нет меж ними...
Плохо Фезе метил в цель!
Не раззявами такими
Будет пойман хитрый Шмель.

С той поры, решив упрямо
Сделать все, как обещал,
Ловит храброго имама
Раздраженный генерал,

Но меж рук уходит дымом,
Как и прежде, верткий Шмель.
И для всех неуловимым
Остается он досель,

А в горах шумит восстанье
С каждым годом все смелей,
Потому что в Дагестане
Гнезда целые Шмелей!

★

ПЕСНЯ МЮРИДОВ

Тучи угрюмы и хмуры.
Кровь узденей потекла...
Прокляты будьте, гяуры!
Ля-илляга-илляла!¹

Бекам лукавым не верьте!
Ханов бессильна хула.
Нет для отважного смерти.
Ля-илляга-илляла!

К бедным сойди с минарета!
Время ль молиться, мулла?
Делом молитва согрета.
Ля-илляга-илляла!

Враг нам наносит обиды,
Сакли сжигает дотла.

Шашки точите, мюриды!
Ля-илляга-илляла!

Слову внимлите имама,
Горного славьте орла,
Силу умножьте низама!¹
Ля-илляга-илляла!

Бойтесь и чтите Аллаха!
Смелые ждут вас дела.
В бой выступайте без страха!
Ля-илляга-илляла!

Родину спасшему — слава!
Павшему в битве — хвала!
Нет без свободы ислама.
Ля-илляга-илляла!

¹ Нет бога, кроме бога! — стих корана.

¹ Низам — ополчение.

★

МАРЛИНСКИЙ В ДАГЕСТАНЕ

Здравствуй, барса могучего логово,
Где от века бушует гроза,
Где на версты ни склона пологого,
Ни тропы не отыщут глаза;

Где Аргуна лютует и бесится,
Где, гремя, джигитует Койсу,
И, увенчан значком полумесяца,
Стяг восстанья мелькает в лесу!

Пусть и нет в тебе нежности Грузии
И приволья кубанских степей,
Но навек в нерушимом союзе я
С одичалой красою твоей.

Как чадрою, страна-погорелица,
Ты укрыта туманом седым!
Снизу дым, словно облако, стелется,
Сверху облако вьется, как дым.

И, ничем перед миром не хвастая,
Ты печальна, как доля твоя.
Лишь Гуниба вершина гривастая
С высоты озирает края.

Здесь в июле проходят, как по-суху,—
А в апреле гремела вода;

Здесь, покорны пастушьему посоху,
На утесы взползают стада;

Здесь дорога петляет и крутится,
Горизонт перед взором кружа,
Здесь царят гололедь и распутица.
И неистовый дух мятежа;

Здесь баранину жарит на вертеле
Только в джуму¹ голодный лезгин...
И поэты тебя обессмертили,
Но не понял тебя ни один.

Для одних ты — Аллаха избраница,
Для других ты — абрека жилье,
Для меня же навеки останется
Незабвенным страданье твое.

Не величья полна сатанинского,
А исполнена скорби и слез,
Ты близка только сердцу
Марлинского.
Как угрюмый и голый утес.

И бесплодно-скупая земля твоя
Мне милей благодатнейших стран...
Так свяжи вековечною клятвою
Декабриста с собой, Дагестан!

★

МАРЛИНСКИЙ У БЕГЛЫХ СОЛДАТ *

Прощай, тесак постылый,
Прощай, российский царь,
Прощайте, фронт унылый
И каторжный сухарь!
Вовеки не коснутся
Шпицрутены солдата,
И в этом вам, ребята,
Клянется ваш главарь.

Сменили мы на горы
Зеленые поля,
Не тешит наши взоры

* Русские солдаты, которым угрожала «зеленая улица», в особенности же старые семеновцы, участники волнений в Семеновском полку, и солдаты-декабристы, переведенные на Кавказ, нередко находили приют в горах. Шамиль не принуждал их принимать мусульманство и позволял жить особняком в так называемой «русской слободке» в Ведено.

Родимая земля;
Но пусть нас разделяет
С отчизной вал Аргуны —
Да здравствуют драгуны,
Драгуны Шамиля!

Холодные биваки,
Гранитная постель,
Папаха и чувяки,
И драная шинель —
Вот все, что ожидает
Мятежного солдата
В горах, где собирает
Отряды грозный Шмель.

Но не впервой драгунам
На камнях засыпать,

¹ Пятница — праздничный день у мусульман.

В боях ядром чугунным
 Подушку заменять.
 Оставьте же тревоги!
 Назад нам нет дороги,
 А если и найдется —
 Не двинемся мы вспять.

Пускай дрожит от гула
 Ущелий темных дно,
 Пускай литое дуло
 На нас наведено, —
 Пляши и знай, молодка,
 Что русская слободка
 Гуляет перед боем
 Сегодня в Ведено!

А ты, казачка Ганя,
 Склонись ко мне на грудь,
 В житейском урагане
 Подругою мне будь
 И до конца со мною
 Пустынею земною
 Пройди, определенный
 Нам свыше, тяжкий путь!

Так славьте ж край лезгинский!
 А завтра на заре,
 Построит вас Марлинский
 В железное каре,
 И, как в былые годы,
 Вы смело в бой пойдете
 За гордый стяг свободы,
 Что реет на горе.

Но пусть гонимым людям
 Нет участи другой, —
 Вовеки не забудем
 Отчизны дорогой;
 Не дрогнем перед битвой,
 Но, если пасть придется,
 Умрем с родной молитвой
 Иль с песнею родной.

Свобода вновь воспрянет.
 Не кончена борьба.
 Не раз, наверно, грянет
 В расселинах пальба.
 Мужайтесь же, драгуны,
 И пусть во мрак грядущий,
 Как грозный вал Аргуны,
 Уносит нас судьба!

★

ЛЕЗГИНКА

Давно я в вальсы не влюблен,
 Не обольщаюсь бальной пляской,
 И не заменит котильон
 Мне танца вольности кавказской
 Вот почему, лишь уздени
 В круг соберутся по-старинке,
 Я покоряюсь, как они,
 Живой мелодии лезгинки.

Ее стремительный мотив
 Знаком давно всему Кавказу
 И, сердцу юность возвратив,
 Огнем охватывает сразу.
 Напева горского слова
 Опять твержу я без запинки,
 И вновь кружится голова
 От звуков пламенных лезгинки.

Вот замелькали лезвия,
 Суровой, строже стали лица,
 И, как блестящая змея,
 Кольцо танцоров шевелится;

Вот понеслись во весь опор
 Вокруг белеющей косынки,
 И вторит эхо дальних гор
 Лихому гиканью лезгинки.

Белки блестят, оскален рот,
 На лбы надвинуты папахи,
 И от танцующих народ
 Порой шарахается в страхе;
 Как будто близится резня
 Из-за красавицы гимринки —
 Так веет гневом на меня
 От диких выкриков лезгинки.

Кружись под гиканье друзей,
 Пляши, мюрид, и шашкой лязгай!
 Пляши и грусть мою рассея
 Своею бешеною пляской,
 А ты, зурнач, переходи
 От звона гулкою к сурдинке,
 Чтоб сердце дрогнуло в груди
 Восторгом яростным лезгинки.

Когда утихнет прежний пыл
И станет глуше ропот крови
И чернокрылый Азраил
Угрюмо сядет в изголовьи, —
В бою ли штык пронзит мне грудь,
Или свинец на поединке, —
Прошу собрата помянуть
Безумной музыкой лезгинки.

На свете всем конец один,
И вместо таинств погребенья —
Хочу, чтоб сумрачный лезгин
Плясал мне гибель и забвенье;
Помчится он, тоской объят, —
То будут славные поминки! —
И если к жизни есть возврат,
То я воскресну от лезгинки!

★

ИСТОРИЯ ШУАНЕТ

В награду за жизнь без порока
Трех жен дал имаму Алла,
Почтенны все жены пророка,
Но мужу лишь третья мила.

Однажды (и горы, и берег
Вечерняя кутала тьма)
Был послан имамом за Терек
Наиб Ахверды-Магома.

В их косах сверкают монеты,
Изъяна в наряде их нет.
Но меркнут они, как планеты,
В слепящих лучах Шуанет.

Готовили в тайне глубокой
Свой дерзкий набег уздени,
И ночью в пределы Моздока
Негаданно вторглись они.

Она весела, как ребенок,
Душою проста и добра,
И звук ее голоса тонок
И нежен, как звон серебра.

Красавиц пленили немало
Джигиты в ту грозную ночь,
И песен родных не слышала
С тех пор Улуханова дочь.

Малиновый бархат катибы
Сжимает упругую грудь,
И, вспомнив армянку, наибы
Не могут тайком не вздохнуть.

Навек она стала рабою,
И руки скрутил ей ремень.
На крупе коня, за собою,
Умчал ее в горы уздень.

И каждый бы сделал наибшей,
Любимой назвал бы женой,
Затем, что и в битве погибший
Жены не заслужит такой.

Не ведал суровый чеченец,
Кого ей пленить суждено.
С толпою рыдающих пленниц
Ее привезли в Ведено.

Богат был Сурен Улуханов
И славен на целый Моздок.
Гурты его тучных баранов
Ходили на юг и восток.

И вскоре, во время байрама,
Из окон кунацкой она
Услышала голос имама
И топот его скакуна;

Удачлив во всем несказанно,
Был счастлив степей старожил,
Но дочерью — милою Анной —
Сильнее всего дорожил.

Увидела яростных старцев,
Веселой толпы торжество,
Восторг и безумство аварцев,
Целующих стремя его, —

Недаром по левому флангу
Молва о красавице шла,
И, где ни встречали армянку,
Вослед ей летела хвала.

И взорам, таящим угрозу,
Навек покорилась она
И бросила дикую розу
К копытам его скакуна.

Один только взгляд неприметно
На дерзкую кинул пророк,
Но сердце имама ответно
Зажглось, как пунцовый цветок.

Напрасно молил Улуханов
И выкуп большой предлагал, —
Сородич хребтов и туманов
Все просьбы его отвергал.

Надежду на выкуп утратив,
Ей братья сулили побег. —
Напрасно! Забыла и братьев,
И родину Анна навек.

Над строгой строфою корана
Дала она вечный обет,
И стала красавица Анна
Женой Шамиля — Шуанет.

Жених ее, храбрый хорунжий,
Измены не снес роковой
И в яростной стычке за Сунжей
Забвенье нашел и покой.

Сопутствуя мужу в походах,
Привыкла армянка к горам,
И свой кратковременный отдых
Лишь с нею проводит имам.

Несхож он с женой молодою,
Как с горлинкой смелый орел,
Но, грозной влекомый судьбою,
В ней верное сердце обрел.

Порой лишь она вспоминает
Семью и далекий Моздок,
И грудь Шуанет подымает
Тайком подавляемый вздох.

Изменчивы судьбы, и вскоре
Бедой может стать торжество,
Но верит имам, что и в горе
Она не оставит его;

Не дрогнет, и мир покидая,
И ссылку с супругом деля...
Так вот какова молодая
Армянка — жена Шамиля!

ШАМИЛЬ И ДЖЕМАЛЕДДИН *

— Мой первенец пропавший, ты ль
Мне возвращен сардаром?
Ужели горестный Шамиль
Судьбу молил недаром?
«О, да, я вновь в родном краю.
Перед тобой опять стою
И руку мощную твою
Целую с прежним жаром!».

— Хоть верю взору твоему, —
Страшит меня подмена...
Скажи, сберег ли ты чалму
Среди соблазнов плена?
«Отец, напрасен твой вопрос!
Хоть меж гяурами я рос,
Но вера в сердце, как утес,
Тверда и неизменна».

— Когда взаправду ты мой сын,
И нет в душе обмана, —

Скажи отцу, Джемаледдин,
Заветный стих корана!
«Как пастырь стад, родимый край
Храни от хищных волчьих стай,
Свети и правду возвещай
Народу неустанно!».

— Ты мусульманин, но мечеть
Не брезгует и трусом;
Мой сын возлюбленный, ответь:
Кто вел тебя к урусам?
«Когда Ахульго был зажжен
И всюду плач стоял и стон,
Я был к гяурам приведен
Слугой твоим Юнусом».

— Навеки смолкнуть прикажи
Сомнениям упрямым
И грудь немедля обнажи,
Мой сын, перед имамом!
«Хоть это время позади,
Но след доньне на груди:
То — когти коршуна: гляди —
И верь старинным шрамам!».

* Джемаледдин, старший сын Шамиля, шесть лет от роду был отдан заложником Николаю I при взятии аула Ахульго. Возвращенный отцу в 1855 г. — уже поручиком уланского полка — Джемаледдин стал в оппозицию борьбе горцев за свободу.

— Благодарение судьбе!
 Еще одно лишь слово:
 Скажи, что к яростной борьбе
 Душа твоя готова,
 Что, полон к недругам враждой,
 Не мыслишь участи иной,—
 И сына, найденного мной,
 Обнять смогу я снова!

«Отец! У русских я постиг
 Немало горьких истин.
 Прости, что дерзок мой язык;
 Совет мой бескорыстен.
 Внемли же правде наконец!
 Не лицемер я и не льстец,
 И лгать не стану я, отец,
 Что царь мне ненавистен.

К чему бесплодная борьба
 И дикая свобода?
 За императора — судьба;
 Иного нет исхода
 Нам вечный мир дарует он,
 Признай скорей его закон,
 И будешь ты вознагражден
 Молитвами народа!».

— И это сын свободных гор,
 Сын гордого Кавказа?
 Или ни разу до сих пор
 Ты не свершал намаза?
 О, горе мне! Так вот каков
 Коварный дар моих врагов —
 Гниющих заживо рабов
 Зловещая проказа!

Довольно! С глаз моих беги!
 Позор моим сединам!
 Отныне вечные враги
 Шамиль с Джемаледдином
 Таков-то сын мой дорогой!
 А я-то веровал порой,
 Что будет сердцем и душой
 Со мною он единым!

Ничем на свете не смогу
 Я возместить потерю, —
 Не место тайному врагу
 Перед отцовской дверью!
 Живи на страх родным горам,
 Живи на радость их врагам;
 Я в мире все тебе отдам,
 Но шашки — не доверю!

★

ИСПОВЕДЬ ДЖЕМАЛЕДДИНА

Ты хочешь знать, Марлинский,
 Как к русским я привык
 И позабыл лезгинский,
 Родной душе язык?
 Но к цепи привыкает
 С годами даже хищник,
 И наконец смолкает
 Когда-то грозный рык.

В душе Джемаледдина
 Коварный яд врага.
 Ни Мекка, ни Медина
 Ему не дорога.
 И охладел я сердцем
 К своим единоверцам
 С минуты, как покинул
 Аргуны берега.

Как пойманный тигренок,
 Я пищу взял не вдруг
 Из вражьих, обогранных
 Отцовской кровью рук,

И мне под чуждым кровом
 Был спутником суровым
 Кинжал — подарок деда —
 Единственный мой друг.

Я вырос на чужбине,
 Где вечный дождь и мгла,
 Но прошлое донине
 Мне память сберегла,
 И по ночам нередко
 Мне продолжают сниться
 События и лица
 Родимого угла.

Я помню скат кремнистый
 Над быстрою рекой,
 И сакли нашей чистой
 Прохладу и покой,
 И согнутого деда,
 Дэнгау-Мохамеда,
 Ласкающего внука
 Морщинистой рукой.

Я помню жизнь иную,
Среди седых громад,
И мать мою родную —
Гимринку Патимат,
И первые походы,
И первый пыл свободы;
В те годы все народы
Признали имамат.

Я помню бой последний
В Ахульго роковом,
Когда завал передний
Захвачен был врагом;
Я слышу треск ружейный
И грохот батарейный,
И крики апшеронцев,
Идущих напролом!

Я вижу их атаки
В пороховом дыму,
Белевщую во мраке
Отцовскую чалму,
И зарево пожара,
И воинов имама,
Под знаменем ислама
Теснившихся к нему.

Слугой отца Юнусом
Ко Граббе приведен,
Стоял перед урусом
Я, бледен и смущен,
И вздрогнул, как от боли,
Почуяв цепь неволи,
Когда рукою пухлой
Меня погладил он.

Как аманат, России
Я отдан был отцом
И покоряться силе
Невольню стал потом,
Поняв уж в эти годы,
Что в мире нет свободы,
А если есть, — склониться
Должна перед мечом.

Среди сердец порожних,
Лишь грезами богат,
Я жил, полузаложник
И полуренегат,
И если мне досталась
В удел одна усталость,
То в этом я, быть может,
Не слишком виноват.

Я был почти свободным,
Но, сын страны иной,
На севере холодном
Не знал души родной,
И в мире оставался
Я путником безвольным,
Пока однажды в Смольном
Не встретился с княжней¹.

Мне стали вдруг желанны,
Мне стали вдруг милы
Веселые уланы,
Блестящие балы;
Душа была готова
К мечтам о жизни новой,
Когда раздался с юга
Суровый зов Аллы.

И, встречен тем же самым,
Седым уже, слугой,
Я узан был по шрамам
Отчизной дорогой.
Ты знаешь остальное:
Расстался я с княжней,
И неприязнь возникла
Между отцом и мной.

И если повидаться
Сумеешь ты с Нино,
Скажи, что нам встречаться
Уже не суждено,
И ей, взамен привета,
Кольцо мое вручая,
Скажи, что от печали
Померкло и оно.

Нет бога, кроме бога,
А он для всех один.
У смертного порога
Стоит Джемаледдин,
И — пусть эдем туманен —
Умру, как мусульманин,
Ничем не опозорив
Шамилевых седин.

Печальный сын двух родин,
Избавлен от стыда,
Я стану вновь свободен
И счастлив навсегда;

¹ Джемаледдин любит грузинскую княжню Нино Баратову. Их разлучает обмен пленными: Джемаледдина возвращают Шамилю в обмен на Нино, попавшую с семьей князя Чавчавадзе в плен к лезгинам.

Родимые ущелья
Даруют мне прощенье,

И в бедном сердце смолкнут
И скорби, и вражда.

★

СМЕРТЬ ХАДЖИ-МУРАТА

Он пал геройски, как Гамзат,
Исчез он без возврата,
И горше не было утрат
Для дела тариката.
Избрал он целью счастье гор,
Но заслужил от них позор.
И оправдания до сих пор
Ждет тень Хаджи-Мурата.

Он был опорой Шамяля
В горах и на равнине,
Но о конце его земля
Не ведает донине,
И лишь немногие из нас
В вечерний час ведут рассказ
О том, чей яркий взор угас
Печально на чужбине.

Досель постыдно с ним родство,
Сыны его презренны,
Досель на имени его
Горит клеймо измены.
От всех свою скрывая цель,
Он лег на смертную постель
И потому забыт досель,
Лишь подвиги — нетленны.

Как сам имам, он был левша,
Носил он шашку справа,
И, по следам его спеша,
За ним летела слава.
Что добывал в бою булат,
Он беднякам раздать был рад...
Таков-то был Хаджи-Мурат,
Лихой джигит ислама!

Досель стоит Хаджи-Мурат
И горестно, и немо,
И милосердья ждет у врат
Священного эдема.
Досель смолкает лучший друг,
Едва о нем слышит звук,
И не о нем поет ашуг
На играх мухаррема¹.

И вдруг нагорья слух смутил,
В аул примчался вестник:
«Бежал к урусам тот, кто был
Прославлен в горских песнях!
Врагам готовя торжество,
Не пощадил он ничего;
В Тифлисе чествует его
Сиятельный наместник!».

Но день придет, великий день.
(Тот день не за горою!)
Тебе, обманутый уздень,
Я истину открою,
И дети гор произнесут
Над обесславленным свой суд
И уважение вернут
Аварскому герою.

Из уст в уста стремится весть:
«Хаджи-Мурат — изменник;
Забыл коран и продал честь
Он ради царских денег!
Врагу принес он совесть в дар,
Готовит родине удар,
И первым сделает сардар
Его в своих владеньях».

Врагов сметая, как гроза,
Отважный сын ислама,
Глядел он гибели в глаза
Бестрепетно и прямо,
Отверг забавы и покой
И кровь гяуров лил рекой,
Благословляемый рукой
Великого имама.

Как в бездну мрачную на дво
Катящаяся глыба,
Летит молва от Ведено
До грозного Гуниба.
Смолкают давние хвалы,
И в исступлении муллы
Зовут проклятие Аллы
На голову наиба.

¹ Один из месяцев мусульманского года: в мухарреме происходят состязания ашугов.

Изгнал детей его и жен
Аварец непреклонный.

И двор наиба был сожжен
Толпою разъяренной,
И отвернулись с этих пор
От беглеца народы гор,
И сам Шамиль потупил взор,
Угрюмый и смущенный...

Уже ликующий Тифлис
Ласкает ренегата,
Уже над горами навис
Клинок Хаджи-Мурата.
Он знает горные пути,
Он сам полки готов вести,
Чтоб поражение нанести
Джигитам тариката.

А между тем иной успех
Наиба обольщает;
Свой тайный замысел от всех
Умело он скрывает,
Но цель заветная близка,
Не дрогнет мощная рука:
В теснинах царские войска
Сгубить он замышляет!

Но разгадал героя цель
Его старинный кровник,
Бек элисуйский Даниэль,
Помещик и полковник.
Царем лишенный эполет,
Имамом дружески пригрет,
Да будет проклят наших бед
Действительный виновник!

От Воронцова ждет награда
И милостей помещик,
И пишет он: «Хаджи-Мурат —
Лукавый перебежчик.
Будь осторожен, мудрый князь:
Твой гость с имамом держит
связь!»
И над героем собралась
Громада туч зловещих.

Уж видит он: за ним следят
Внимательные взоры...
Но в ту же ночь Хаджи-Мурат
Бежит с друзьями в горы.
И раздраженный Воронцов
За ним в погоню шлет гонцов,
И мчат вослед со всех концов
Кордонные дозоры.

Весь день с друзьями он скакал,
Покрылись пеной кони,
Но слух все ближе различал
Зловещий звук погони.
Когда ж мелькнули издали
Значки врагов его земли, —
В кустах джигиты залегли,
Готовясь к обороне.

Тогда сказал Хаджи-Мурат:
«Пусть брат стоит за брата!
Мы будем биться, как Гамзат,
Во славу газавата.
Живым не сдамся я врагам,
И, если пасть придется нам,
Я жизнь недешево продам,
И страшной будет плата.

На свете не было и впредь
Не будет большей чести,
И, если надо умереть,
Умрем, джигиты, вместе!
Жесток над нами приговор,
И все ж дойдет, сменив позор,
Когда-нибудь до сердца гор
Правдивое известье.

Кривой и скользкий путь земной
Мне предрекли дервиши...
Да совершится ж надо мной
Начертанное свыше!».
Сказал — и высь окутал мрак,
И окружил мюридов враг,
И страшен был предсмертный
знак —

Зловещее затишье.

И в бой вступили уздени,
Рубили и кололи,
Покрыты ранами, они
Не чувствовали боли.
Слетело множество голов
От их сверкающих клинков,
И вскоре трупам врагов
Кругом покрылось поле.

И долго бились храбрецы,
Стреляли, метко целя,
Молились богу, как отцы,
И песни смерти пели,
Но пали все, и, горячи,
На землю брызнули лучи,
И лишь тогда их палачи
К ним подползти посмели.

Был мертв наиб, хоть голова
Зрачком еще косила,
Как будто, даже и мертва,
Мучителям грозила.
Ее отсек Гаджи-Ага,
И дерзновенная нога
На грудь сраженного врага
Надменно наступила.

И долго голову его
Возили по селеньям,
Не омрачая ничьего
Покоя сожаленьем,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза, —
Всегда народная гроза
Нешадна к преступленьям.

Вот почему Хаджи-Мурат
И горестно, и немо
Ждет милосердия у врат
Священного эдема,
Вот почему смолкает друг,
Едва о нем заслышит звук,
И не о нем поет ашуг
На играх мухаррема.

Досель постыдно с ним родство,
Сыны его презренны,
Досель на имени его
Горит клеймо измены.
От всех свою скрывая цель,
Он лег на смертную постель
И потому забыт досель...
Лишь подвиги — нетленны!

Но час придет, и близок он:
В один из дней байрама,
Отважный! будешь ты почтен
Хвалой из уст имама,
И толпы горцев молодых,
Твердя корана мудрый стих,
Восславят павшего за них
Подвижника ислама.

Прославлен будешь ты, наиб,
С Восхода до Заката!
Как барс, ты бился и погиб
За дело тариката.
О, если б всем такая ложь,
О, если б всем бесславе то ж,
Чтобы конец наш был похож
На смерть Хаджи-Мурата!

★

СМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Меж святых посланцев рая,
Что слетают в Дагестан,
Награждая и карая
Правоверных мусульман,
Есть один посол прекрасный,
Друг забвенья и могил, —
Это тихий и бесстрастный
Ангел смерти — Азраил.

По ночам к земле слетает
Он, свободен и могуч;
Меч в руке его сверкает,
Пламенеющий, как луч.
Грозным взором человека
Прожигает он насквозь,
И снести тот взор от века
Никому не удалось.

Для того, кому на свете
Жизнь отрадна и мила,
Чьей мольбе в святой мечети
Внемлют небо и Алла,

Для того несносен мертвый,
Скорбный взмах зловещих крыл,
Для того ужасен взор твой,
Чернокрылый Азраил!

Где же смолкли упованья
И сердца язвит тоска,
Где под бременем страданья
Жизнь презренна и жалка,
Где бесплодны все стремленья
И напрасен бранный пыл, —
Там, как вестник избавленья,
Меч подымет Азраил.

Ныне пала оборона,
Вождь Аварии одрях,
У мюридов ни патрона
Не осталось в газырях,
Нет от недругов защиты,
Нет спасения в борьбе,
И в несчастьи джигиты
Обращаются к тебе:

— Угаси в нас жизни пламя
И залей огонь в груди,
И могучими крылами
От насилья огради;

Окажи нам милосердье,
Как посланец высших сил,
И прими нас в лоно смерти,
Ангел мира — Азраил!

★

МОГИЛА ШАМИЛЯ

Могила есть в Медине у дороги,
Ее плита увенчана чалмой.
Стихи на ней немудры и убоги,
Как бедняки, бредущие с сумой.

Стоит она на зное аравийском,
Надгробный знак над нею невысок,
И вихри, вдаль несущиеся
с визгом,
Вокруг нее метут сухой песок.

Там спит имам Чечни и
Дагестана,
И на восход держащие свой путь
Хаджи вблизи проходят
непрестанно
И на гранит садятся отдохнуть.

И, говорят, наносами своими
Уж скрыл ее неистовый самум,
И лишь чалма гранитная над
ними
Еще видна, как знак минувших
дум.

Прощай, Шамиль! Ты отдал все
на свете
Народам гор, был верен до конца,
И мы скорбим и плачем, словно
- дети,
Лихой судьбой лишенные отца.

И пусть ты был лишь горцем
простоватым,
Но пробудил нагорья ото сна,
И по тропе, открытой газаватом,
Когда-нибудь придет сюда весна.

Взамен молитв и ветхого корана
Иной завет народу будет дан,
И, как жерло воскресшего вулкана,
Вновь загремит угрюмый Дагестан.

И знаю: век настанет исполинский,
Он навсегда народы примирит.
И с мыслью той без грез уснет
Марлинский,
Как братский долг исполнивший
мюрид.

Александр Пархоменко

ПЕТРО ПАНЧ

Перевод с украинского П. Киселевой

★

Начиналось утро. В темном влажном лесу на разные голоса щебетали птицы, в поле наливалась рожь, серебряная от росы, а над лугами плавал туман.

Через все поле до самого леса протянулась густая туча пыли, поднятая всадниками. 14-я кавдивизия преследовала белополяков, удиравших из Киева на Новоград-Волынский.

В стороне от дороги на холме стояла группа командиров. Солнце сверкало на их оружии и на ордене Красного Знамени, украшавшем грудь одного из них. Он крепко сидел на вороном коне, расправив широкие плечи, и удовлетворенно разглаживал усы, такие же черные, как грива его коня.

Заметив его, всадники стремением толкали соседей.

— Начальник дивизии товарищ Пархоменко, вот тут, с орденом, а по левую руку его — наш комбриг, — и они, расправляя плечи, давали шенкеля и оттягивали каблуки вниз, а на запыленных лицах играла довольная усмешка победителей.

— Орлы! — баском крикнул Пархоменко, — козарлюги¹ научились и биться, и сидят в седле, будто влитые. А вот как речку будут форсировать?

Впереди лежала речка Случ, за которой укрылись белополяки.

— Поручите мне, товарищ начдив, — самоуверенно сказал комбриг 1,

сбивая на затылок кубанку. — Мои хлопцы Дон переплывали, как гуси!

— А теперь пусть другие поучатся, — ответил Пархоменко, даже не взглянув в его сторону.

Командиры других бригад переглянулись.

14-я кавдивизия Первой конармии была самой молодой. Первая бригада начала формироваться в районе Воронежа только в феврале. Набранная из бедняцкого крестьянства Старобельщины, Воронежчины и Тамбовщины, она уже через месяц добывала под Майкопом остатки деникинской армии, что бежала из-под Орла. Остальные две бригады были сформированы в Ростове и сразу же двинулись походным маршем на польский фронт.

Натравленная Антантой, которая в третий раз пробовала уничтожить молодую республику Советов, Польша напала на Белоруссию и на Украину, мечта о восстановлении границ 1772 года и о богатых хлебом и рудой украинских землях. Воспользовавшись некоторым перевесом над Красной Армией, белополяки успели захватить Минск и Киев и продвинуться на юг до самого Гайсина.

Вместе с белополяками возвращались на Украину в составе шестой дивизии и остатки петлюровской армии, уже однажды выброшенные за Збруч.

Польская армия сидела в глубоких траншеях, опутанных колючей проволокой. За ними расположены были ты-

¹ Козарлюги — казаки.

Александр Пархоменко

сячи пулеметов, сотни батарей и блестяще вымуштрованная кавалерия генерала Крайницкого. Польские солдаты знали, что Первой конной армией красных командует Буденный, который в империалистическую войну был в дивизии генерала Крайницкого вахмистром. Командует конной армией и Клим Ворошилов, никогда раньше не служивший в армии.

Во главе польских войск под Самгородком стоял боевой генерал Савицкий. Поляки спокойно ждали дерзкого наступления на свои траншеи, полагая, что красные повиснут на проволоке и лягут под пулями.

Пятого июня 1920 года, с утра, 14-я кавдивизия, идя впереди Первой конной армии, повела наступление на местечко Самгородок, расположенное на стыке 6-й и 3-й польских армий. К полудню солнце затмилось от дыма, люди оглохли от выстрелов, птицами носились конные ординарцы, пулеметные тачанки обгоняли их — и польские легионеры, не выдержав атаки, начали удирать.

В прорыв, как весеннее половодье, ворвалась конница Буденного и пошла гулять по тылам Третьей армии Рыдз-Смиглы, уничтожая ее военные базы. Третья армия, взорвав мост через Днепр, оставила Киев и начала быстро отступать на запад, отмечая свой путь расстрелами крестьян и пожарами. Спесь поляков сменилась паникой и дезертирством. Солдаты, еще недавно бившиеся упорно, начали сдаваться в плен целыми командами. Другие удирали кто куда; чтобы не оторваться от врага, красные полки шли ускоренным маршем.

— Молодцы хлопцы! — как в трубу, загремел Пархоменко с холма, — даешь Варшаву!

Тысячеголосое «ура» всколыхнуло сельскую тишину и эхом прокатилось по лесу.

Миновав лес, колонна с шоссе повернула на юг и двумя дорогами спустилась в заболоченную долину речки Случ. Разведка доносила о том, что левый берег обложен белополяками. Ими же заняты были и некоторые села по

эту сторону реки. Пархоменко, не дожидаясь Четвертой кавалерийской дивизии, которая по приказу также должна была наступать на Новоград-Вольнский, повел стремительное наступление, и к вечеру 79-й полк захватил село Рудню, а 80-й — Тальки.

Отвлекая внимание врага на этот район, начдив приказал первой бригаде искать брод где-нибудь выше по реке. Комбриг 1 довольно потер руки.

— В таких делах без меня не обойдешься, товарищ начдив!

— Будешь хвастать, когда переправишься, — ответил Пархоменко, осматривая в бинокль противоположный берег, — а если Четвертая кавдивизия форсирует речку раньше нас, то я тебя в обоз отошлю.

Комбриг 1 поскакал к полку, расположенному в перелеске, против села Киково. Но ни этой ночью, ни на другой день Пархоменко не получил донесения о форсировании реки. К занятому участку подходила 45-я стрелковая дивизия, уже появилась разведка Четвертой кавдивизии и кавбригада Котовского.

Комбриг 1 метался по берегу, стараясь не попадаться на глаза начдиву, а начальник штаба плаксивым голосом отвечал в телефон, что польские заставы сбивают разведку пулеметным огнем. К речке нельзя подступить.

Пархоменко расхохотался на всю хату.

— Они Дон переплывали! Настоящие ушкуйники! Куры вы ощипанные, а не кавалеристы. На карте вы переплывали Дон!

Он поскакал на своем вороном жеребце искать переправы. Заболоченный и открытый правый берег против села Киково действительно не имел подступов. Удобнее был участок у впадения в Случ речки Лубянки. Здесь пролегал овраг, хотя и здесь разведка не могла выйти на берег без того, чтобы ее не обстреляла польская застава из траншей на другой стороне реки.

В 79-й полк приехал комбриг и, собрав красноармейцев, сказал:

— В бригаде был начдив товарищ Пархоменко и приказал, чтобы 79-й полк любой ценой сегодня же форси-

ровал речку. Есть случай показать себя, товарищи кавалеристы!

— Первая бригада уже пробовала,— с сомнением проговорил мешковатый боец.

— Они только важничать умеют,— перебил его другой. — Нужно польскую заставу снять, вот и вся премудрость.

— А охотники найдутся?

— Я первый такой, товарищ комбриг, — выступил вперед Кириченко.

— А я второй, — сказал из толпы Малахов и тоже протолкался вперед. — Чтобы мы да не сообразили, как обмануть панов? Лишь бы позволили на риск пойти.

— А по-пластунскому ползать умеете?

— Этому еще не учены, а как в забор лазить, то уже нас не учите — мы оба шахтеры.

После дождей вода была мутная. На рассвете, когда над болотом стоял туман, Кириченко и Малахов из ручейка выплыли на речку и тихо, без плеска, приблизились к противоположному берегу. Оба они были русые, и головы их, торчавшие из воды, были почти незаметны. Вскоре их спрятали тальник.

В окопчике сидели восемь польских солдат. Сбившись в кучу, они дремали, убаюканные тишиной. Только телефонист раздраженно нажимал кнопку полевого телефона, но зуммер молчал: провод, связывавший заставу с полком, Кириченко и Малахов успели перервать. К окопу они подползли незаметно. Вскочили на ноги и в один голос крикнули:

— Руки вверх! Сдавайся! — и наставили винтовки, из стволов которых еще капала вода.

Солдаты, увидев над собой голых, ошалело протирали глаза. Не растерялся один телефонист. Он бросился к винтовке, но в ту же минуту приклад винтовки опустился ему на голову. Солдаты, придя в себя, поспешно подняли руки.

Кириченко стал на бруствер и поднял над головой берданку. В ответ под конскими копытами зазвенела вода. Впереди шел 4-й эскадрон.

Появление кавдивизии с юга, меж речками Случ и Смолкой, было для белополяков полной неожиданностью. Их главные силы сдерживали наступление 45-й стрелковой дивизии по Житомирскому шоссе. С юга город прикрывали только 101-й и 106-й стрелковые полки. Застигнутые врасплох легионеры, боясь быть отрезанными, бросились в город.

Начдив Пархоменко остановил запыхавшегося «Орлика» под кустами верб. 4-й эскадрон, распластавшись по долине, уже скакал наперерез вражьей пехоте, которую полк гнал сплошной массой.

— Добре рубают хлопцы! Раз пехтура сорвалась с места, так она уж бежит на тот свет.

Ординарцы окружили понурых солдат в конфедератках. Один из них, с острым птичьим лицом, дрожал от страха: он стрелял в начдива, когда тот проскочил мимо него, и промахнулся. Теперь он ждал смерти от его сабли, но начдив вложил клинок в ножны и спросил:

— Из каких будешь?

— Мазур, — предупредительно ответил солдат.

— С Киева драпаешь?

— С Белоруссии перебросили, прошу пана. Мы только вчера прибыли.

— Много?

Солдат замялся.

— Не вем, прошу пана, чулись мы, штыри полки¹.

— Стреляешь ты погано, а брешешь добре. Не поможет, панский прихвостень. Узнали и без тебя.

Солдат, испугавшись сердитого голоса начдива, умоляюще сложил руки.

— Прошу пана, из Белоруссии перебросили только шестую и третью пехотные дивизии легионеров, пусть меня гаралич разобьет, если вру. Я же бедный хлоп.

Впереди клекотали пулеметы. Пархоменко, написав две записки, послал с ними ординарцев — одного в резервную бригаду, другого к комполка 79.

¹ Не знаю, пан, мы слышали—четыре полка

— Удирают, клятые! — внезапно закричал он и приподнялся на стремянах. На запад от города росла длинная тучка пыли; ее только и видно было за холмами. — Третью бригаду!.. Броневик!

И он поскакал по лугу к речке Смолке, где переправлялась кавбригада.

К вечеру дивизия вошла в город. Пленных гнали в тыл, их было больше пятисот человек. На лугу, возле моста, земля была покрыта трупами изрубленных легионеров 101-го и 106-го полков. Остатки белополяков отошли к речке Горынь.

Третьего июля поздно вечером Первая конная армия Буденного перешла речку Горынь. Город Ровно защищала другая польская армия легионеров. Спешенная кавдивизия Пархоменко наступала по шоссе, с правой стороны наступали еще две дивизии, а за нею уступами шла Шестая. Вокруг города, как горбы верблюдов, поднимались высоты, занятые врагом. Начдив Пархоменко и военком, окруженные ординарцами, ехали позади колонны на стыке двух бригад. Третья стояла под лесом в резерве. У военкома от утренней росы блестели не только сапоги, но и штаны, промокшие выше колен; военком ежился. Рожь доставала только до стремян Пархоменко, но он тоже невольно вздрагивал. Утренний ветерок разгонял гуман.

— Что до меня, — пробормотал Пархоменко себе под нос, — так отсюда бы делать только демонстрацию.

Военком придерживался мысли, одержавшей верх вчера на совещании командиров: «Наступить в лоб компактным кулаком и на плечах врага ворваться в город». Поэтому и сейчас он отрицательно покачал головой. Разбивая серебряную волну хлебов, скакал напрямик начальник Четвертой кавдивизии, коренастый человек с монгольским плоским лицом и косо поставленными глазами.

— Что там у тебя, Ока? — крикнул навстречу ему Пархоменко.

— Моя напрямик один кавдивизия.

Будет бить меня фланг, ты бей его фланг.

— Ладно, Ока, пусть только вынутся! А может быть, я еще пойду им резать дорогу?

Начдив 4 повернул коня и поскакал обратно. Сбоку от шоссе скакал отряд из восьми всадников. Пархоменко узнал красноармейцев из третьего эскадрона и крикнул:

— Савченко, куда стрибаешь?

Всадники остановились, передний с вихрастым чубом, по виду сорвиголова, подскочил к Пархоменко.

— В разведку, товарищ начдив, — молодецки отрапортовал он. — Осто-чертело ползает на пузе, еду косточки размять. Дозволите ехать?

— Возвратишься, расскажешь. Езжай! — любясь всадником, ответил Пархоменко, — Слышал? — обратился он к военкому. — С ними на стены можно итти!

Польская артиллерия заметила наступление красных и открыла огонь не меньше, как из десяти батарей. Большинство снарядов рвалось вокруг шоссе.

— А все потому, что орудия сюда наведены, — снова пробормотал Пархоменко.

То залегая, то перебегая, красные продолжали продвигаться вперед. Сзади заговорила артиллерия, но стреляли экономно: все знали, что в последние дни нехватало артиллерийских боеприпасов. К артиллерии с обеих сторон присоединились пулеметы. Под городом Ровно начинался бой. Воздух задрожал от грома выстрелов, разрывов бомб, треска шрапнели и клекота пулеметов. Над головами плавали розовые тучки, похожие на медуз.

Савченко вернулся из разведки. Его выпуклые глаза горели от возбуждения. Сабельные ножны были разбиты пулей. Он лихо посадил на задние ноги коня перед начдивом и скороговоркой отрапортовал:

— Задание выполнено, товарищ начдив! На правом фланге — спешенный эскадрон. Но силы их поубавились: которых насмерть порубили, а которые на карачках поползли назад.

— Еще видели и такое... вроде танка... ползает по шоссе, — добавил другой.

— Истинная правда, — подтвердил Савченко.

Пархоменко усмехнулся: разведка всегда преувеличивает виденное. На всякий случай он приказал одной батарее стать возле шоссе. Скоро выяснилось: на этот раз Савченко не преувеличивал. Не один, а два танка, пронзительно скрежеща, черепахами ползли по шоссе навстречу цепям.

— Бейте прямой наводкой, в лоб, — сказал Пархоменко азартно, потирая руки. — Начинай!

Батарея выпустила несколько очередей, но волнистый профиль шоссе давал танкам возможность легко скрываться от наводки: они упрямо ползли вперед, на обе стороны расстреливая красных из пулеметов. Пархоменко плюнул под ноги командира батареи и поскакал в полк. Натолкнувшись на командира полка, язвительно спросил:

— О какой-нибудь панночке мечтаете?

И крикнул, испугав коня:

— Гранатчиков давай!

Гранатчики подползли к шоссе с обеих сторон. Танки подходили к оврагу. Пархоменко, удилами раздирая рот коню, повернул его и погнал прямо на танки, уже вышедшие на пригорок.

— Бросай бомбы, бей в точку! — закричал он во весь голос, схватился за бомбу.

На шоссе треснуло сразу несколько гранат, поднялся столб дыма, и оба танка остановились, ткнувшись носами в землю.

После первой атаки стало очевидным, что овладеть городом лобовым ударом не удастся без больших жертв. Враг встал на высотах, которые господствовали над подступами с востока. У него было много боеприпасов. Пархоменко раздраженно почесывал затылок: польская пехота зарылась в землю, препятствуя конной атаке. Четвертая дивизия нуждалась в помощи. После полудня на командирский пункт на опушке леса приехали командарм Буденный и член Реввоенсовета Ворошилов.

— Что-то сегодня, начдив, твои хлопцы невеселы, — сказал Ворошилов, кивая на линию фронта, где шла вялая перестрелка.

— Слушают, как поляки смеются, — ответил Пархоменко, криво усмехаясь.

— А если их пощупать сзади? — спросил сухой, подвижной и статный Буденный, пряча усмешку под длинные распушенные усы.

Пархоменко блеснул глазами и тоже пальцем подбил усы.

— Тогда мы будем смеяться, товарищ командарм. Ручаюсь, через два часа буду в городе, даже если одну бригаду оставлю здесь.

— Лучше до вечера подождать, — сказал командарм, как о вопросе, уже решенном, — на железнодорожной линии ползает бронепоезд, можно всю кашу испортить.

Пархоменко не мог дожидаться вечера. Воспользовавшись тем, что передняя цепь залегла за холмом, он незаметно посадил дивизию на коней и перелесками поскакал на запад.

Впереди дивизии в разведку пошел эскадрон, которому было приказано снять заставы врага без единого выстрела. Опускались вечерние сумерки, скрадывавшие силуэты всадников, на востоке гремела артиллерийская канонада, и небо беспрестанно озарялось сполохами.

Первая бригада подошла к городу с запада, когда уже стало смеркаться. Вдруг с околицы донесся выстрел, потом второй.

— К бою готовьсь! — прозвучал голос начдива. Лошади вздрогнули, запрядали ушами и нетерпеливо затоптались на месте.

В сумерках показался всадник и еще издали крикнул:

— Один удрал, а остальные готовы! Пленный сказал, будто полк конницы скачет сюда.

— Сабли! — снова прозвучала команда. — За революцию марш, марш!

Топот тысяч копыт ворвался в темные улицы и переулки и понесся к центру. Многоголосое «ура» слилось в сплошной крик, от которого у наших сердца радостно бились, а у поляков ка-

менели от страха. По улицам в панике бежали солдаты, гремели телеги, трещали выстрелы.

Впереди этой грозной лавины скакал, смеясь и крича, начдив Пархоменко.

— Руби, хлопцы! Пропало все сало, изведут паны на пятки!..

Из боковой улицы выскочил эскадрон улан и смело бросился навстречу.

— Молодцы уланы! — крикнул Пархоменко — и первого вместе с конем свалил на мостовую. — Храбрые уланы! — и ударил по голове другого. — Умеют биться уланы! — Третий повернул коня, но, проколотый, свалился с седла. — Учитесь у них, хлопцы, биться, а не бежать, как паны!

Уцелевшие уланы повернули лошадей и уже высекали подковами искры из мостовой.

В центре города часто застрекотали пулеметы. Бой закипал и пенился на центральных площадях, куда встревоженные поляки стягивали свои части, чтобы удерживать дорогу для отступления хотя бы на север. Этой дорогой они и отошли ночью, а на рассвете 14-я кавалерийская дивизия захватила весь город.

Потеряв Ровно, Дубно, Тарнополь, командование польской армии отдало приказ об отступлении по всему фронту на сто километров.

★

На конвертах не был указан аллюр, но ординарцы ветром неслись к своим полкам. Они знали, что этот приказ встретят с радостью. После пяти месяцев ежедневных боев с поляками они рады были передохнуть и дать передышку изнуренным коням.

Ординарец Апшеронского полка всю ночь проспал в клуне на свежей соломе и теперь хныкал перед товарищами, прося рассказать, что они слышали от штабных писарей. Ради этого он поехал с ними в противоположную сторону. Наконец, перестав шутить, товарищи ответили:

— Нашу дивизию перебрасывают на врангелевский фронт.

— А разве Врангель снова вылез из Крыма? — спросил Савченко, прогоняя остатки сна.

— Дошел аж до Синельникова, Мариуполь захватил.

— Хочет, дьявол, на Дон пробиться! Так это ж, братцы, боевой приказ, а вы мне голову морочите, — и он повернул коня в свой полк.

В конце октября 14-я кавдивизия подошла к Бориславу. На другой стороне Днепра, за Каховкой, чернели окопы, флангами упиравшиеся в речку. В них сидели 51-я стрелковая дивизия, латышские части и огневая бригада. В разных местах притаились замаскированные подсолнечными стеблями батареи. Этот кулак должен ударить в тыл врагу и отрезать его армию от Крыма.

Начдив Пархоменко с вечера поехал разведать местность для выхода дивизии в рейд. На десятки километров перед ним лежала ровная степь. Вдоль Днепра дул пронзительный ветер и забивал глаза черной пылью. На южной стороне едва заметно мерцали огоньки.

— Какое там село? — спросил Пархоменко у смуглого телефониста.

— Наталино, — ответил тот, поднимая глаза на незнакомого командира. — Там уже врангелевцы. Сидят по хатам, а нам и огня нельзя разводить. — Затем, понизив голос, добавил: — Танки, говорят, подвезли.

— А вы когда-нибудь видели, какие они?

— Танки? Где же их увидишь! У нас еще никто не видел.

В штабе Каховского плацдарма Пархоменко слышал про эти танки и теперь подумал с тревогой, какой они могут натворить беды, если их испугается пехота и в панике побежит перед ними. Танки пройдут на Каховку, перебьют штабы и захватят в тылу единственную переправу, по которой он должен перебросить на левый берег свою дивизию.

— Как слепые щенки, эти танки, — сказал он красноармейцам, собравшимся возле телефониста. — Ничего страшного в них нет, если сидеть в окопах. Важно, чтобы не пропустить идущей следом пехоты, а танки мы бомбами били на польском фронте!

Красноармейцы покашливали и боязливо озирались на Наталино. Только смуглый телефонист оставался спокойным. Будучи артиллерийским наблюдателем, он был уверен, что его батарея близко не подпустит танки. Под конец разговора телефонист сказал:

— Может, и на Григорьевку будете наступать? Мое село, сейчас же за Чаплинкой. Если у нас остановитесь, крайняя хата, передайте родным: видели Свирида Перепону — жив, здоров, а домой придет, как прикончит Врангеля.

Перед рассветом Свирид Перепона, разогреваясь бегом на месте, внезапно услышал шум, что накатывался из степи. Застыв на одной ноге, Свирид прислушался и почувствовал, как волосы зашевелились у него под шлемом. Не иначе, как подкрадывается дьявол. Он схватил телефонную трубку и во весь голос закричал:

— Батарея, батарея, танки!

Такой же истерический крик наблюдателей услышали командиры всех батарей, но ничем не могли помочь. Враг, зная, что танки днем были бы прекрасными мишенями, пустил их ночью. Теперь их не разглядеть, пока они не приползут к окопам, а тогда уже стрелять невозможно.

Командир правофланговой батареи, тщетно пытаясь что-нибудь разглядеть со своего пункта, схватил телефонную трубку и закричал в отчаянии:

— Свирид, Свирид, ты видишь их? Молчит! — Он бросил трубку о землю. — Неужели бежал?

На фронте затрещали выстрелы, потом блеснул огонь и раздался взрыв. Дежурный телефонист на командирском пункте, выдавший танки под Тарнополем, авторитетно сказал:

— Гранаты бросают. Если попасть в самый раз под брюхо, так и квакнет. О, слышите, через окопы лезет, чертяка! Не попал значит, промахнулся.

Звук мотора и гусениц выровнялся, и под аккомпанемент выстрелов танки двинулись на Каховку. Стреляли редко и беспорядочно. Комбат, ждавший, что степь покроется пехотой, в панике

всматривался в темноту, но слышал только скрежетанье железа и далекие разрозненные выстрелы. Он снова взялся за телефонную трубку.

— Свирид, Свирид, а, ты слышишь? Отозвался! Кого? Тебя? В голову, что, что? Замолк!

Он печально глянул на телефониста. — Беги на передовой пункт... Перепона ранен!

Телефонист молча ступил в темноту и исчез. Скрежет танков приближался, но разглядеть их все еще было невозможно. Проскакала запряжка с одним орудием. Впереди на дорожном коне промелькнул незнакомый широкоплечий человек с большими усами. Комбат долго не мог сообразить, откуда и куда скакала эта пушка и кто мчался впереди нее. Комбатов своей дивизии он знал хорошо. Наконец хлопнул себя по лбу и схватил телефонную трубку.

— Первое орудие в передки!

Вскочил на коня — подался на батарею.

Сам захватил пушку и поскакал прямо на верезжающий шум. Вместе с металлическим скрежетом на комбата надвигалось какое-то красное пятно, похожее на раскаленную втулку. «Что б это было?». Он вгляделся — красные пятна пламенели там, откуда доносился и лязг железа. «Труба, чтобы выпустить газ, позади танка! — додумался он. — Тогда ты наша!».

Орудие снял с передка. Наводчик дрожащими руками направил его прямо на красное пятно. Когда под снарядом лопнула земля, в золотом сиянии четко проступили контуры огромного, похожего на корабль танка. Он продолжал ползти. У наводчика еще сильнее застучало сердце. Выстрелил вторично. Танк, словно ужаленный, подпрыгнул на месте, заскрежетал и, задрав вверх рыло, остановился. Вокруг башни замигали огоньки пулеметов. Артиллерист выстрелил снова и выругался: «Может, хоть этим подавишься, проклятый!».

Пулеметы на танке замолкли. Он лежал на боку, и бойницы его смотрели в темное небо, где уже гасли звезды. Над головой комбата прожужжал сна-

ряд и упал правее, где мигала такая же красная точка.

Взяв снова орудие на передки, комбат в неизъяснимом азарте, точно борзая за зайцем, погнался за третьим танком, настойчиво шедшим к Каховке. Дорогу им перебежала запряжка с соседней батареи. Весело, словно на футбольном поле, комбат крикнул:

— Уже расквасил одного, и этот не уйдет!

Танк, подползавший к Каховке, остановился, и его раскаленная труба наклонилась. Вокруг вспыхивали огоньки, и беспорядочно трещали выстрелы. Подъехав ближе, комбат увидел в предрассветной мгле красноармейцев, сбежавшихся из Каховки. Один из них блеснул зубами и закричал комбату:

— В нашу баню провалился. Теперь попарятся их благородия.

Из танка, зарывшегося носом в яму, стреляли. Команда, вероятно, поджидала свою пехоту, но позади, где остались окопы, было тихо. Красноармейцы обступили высокого широкоплечего командира с большими усами, — чего-то настойчиво от него добивались. Комбат узнал в нем всадника, проскакавшего с орудием мимо его пункта. Теперь он, взбивая загнутым пальцем усы, уговаривал красноармейцев:

— Точка! Раз он наш, так зачем же его портить? Разве нам не нужны танки? Их пехота сюда уже не дойдет. На проволоке повисла, и офицерская рота также. Их благородия отстали от танков, и из атаки получился пшик.

Подъехал ординарец и отрапортовал командиру:

— Товарищ начдив, дивизия уже пошла на переправу.

Красноармейцы только теперь заметили на куртке широкоплечего командира два ордена Красного Знамени и почтительно расступившись, дали дорогу его коню.

★

Савченко хлопал заспанными глазами. Он только тогда понял, что его команду посылают в дозор, когда начальник разведки кончил говорить.

Уже вторую ночь дивизия продвигалась по тылам врага, направляясь на

восток. По селам могли стоять арьергарды белых частей — и дозор ехал настороженно. Ровная степь позволяла растянуться длинной цепочкой. Ночь была темная, от Сиваша катились в степь влажные туманы.

Савченко ехал крайним и, мечтая о теплой хате, сладко дремал. Вдруг он услышал впереди конский топот. Оглянулся на своих, но никого не увидел. Повидимому, его конь, не чувствуя повода, уже давно ступал, куда ему вздумалось. Всадники приблизились, и Савченко увидел двух казаков. В первую минуту у него с перепугу отнялся язык. Кони мирно терлись мордами и звякали удилами.

— Куда ты едешь? — спросил, наконец, казак.

Савченко вздрогнул, как от холодной воды, и скороговоркой ответил:

— Вас ищут, чорт вам в глотку. Сотник наказал одному ехать дальше, а станичник чтоб ехал со мной. Нам секретное поручение.

В темноте звезды на кубанке Савченко не было видно, и казаки, ничего не подозревая, решили, что выполнять секретное поручение поедет с Савченко старший казак. Он был сухой, высокий и на один глаз слепой. Молодой поскакал дальше, а Савченко со «станичником» свернули в сторону.

— Что там еще за секретное поручение? — спросил скрипучим голосом казак, когда они отъехали в степь.

— А ты из какой станицы, что такой нетерпеливый?

— Ну, из Митякинской, — сердито буркнул казак. От него тянуло перегаром водки и запахом плохого табака. — Может, снова языка ловить?

— А что б ты сделал, если бы сейчас поймал красного?

— То, что и всегда. В штаб Душина его!

— Тогда давай оружие!

Казак вопросительно уставился на Савченко своим единственным глазом. но увидел перед самым носом дуло винтовки.

— Чего дуришь, сопляк!

— Вот я тебе покажу сопляка. Снимай саблю, дьявол проклятый! Ты нас

в штаб Духонина отправляешь? А мы с вами, чертями, нянчимся.

Казак хлопал глазом — все не мог сообразить, откуда здесь появился красноармеец. Чертыхаясь, он бросил на землю саблю. Винтовку Савченко выдернул у него сам и указал, куда ехать.

Из темноты уже выступали сиротливые огоньки сынбайских хуторов.

— Будешь стрелять? — оглянулся спустя некоторое время казак, мучительно ощущая дуло за спиной.

— А разве ничего не скажешь?

— Нет.

— Заядлый. А может, поболеешь, как земляков увидишь. У нас из Митягинской не один честно служит народу, не так, как ты: панам сапоги лижешь. Или паны ровня тебе?

Казак засопел и снова чертыхнулся.

— Убегу, если не расстреляешь. Моя душа чорту продана, а ты в ней чистоту хочешь наводить. Не тронь души или водки дай, я тогда слезой душу вымою и предстану перед тобой человеком.

— Как стукнет тебя раз товарищ Пархоменко, так ты и без водки слезой умоешься, а может, и человеком станешь.

Лошади остановились у штаба дивизии.

В кривом казаке митякинцы узнали своего земляка Савку, служившего долгое время стражником у пана Ильенкова в Макаровом-Яру. Злой и наглый, как коршун, Савка на все вопросы отвечал одним чертыханьем, но, завидев чарку, выложил, всхлипывая, все, что знал о расположении конного корпуса генерала Барбовича. Корпус стремился прорваться на Чонгарский перешеек. Обстрелянные из пулеметов квартиреры подтвердили, что в селе Рождественском стоит какая-то военная часть. (Дивизия направлялась к этому селу на ночевку.)

— А придется тут, в степи, и ночевать, — сказал, подстрекая командиров, Пархоменко. — У Барбовича на верное танки есть.

В степи дул пронзительный ветер. Командиры дрожали от холода. Еще

больше мерзли в ветхих шинелях красноармейцы.

— Если хотите погреться, надо взять Рождественское, — пожал плечами Пархоменко.

Совещание продолжалось недолго: через какой-нибудь час по степи загрела артиллерия, затрещали пулеметы, зазвучала команда начдива, и Апшеронский полк стремительно поспешил в атаку.

Бой продолжался до самого вечера. Наконец враг не выдержал и отошел к селу Отрадное. Красные возвратились на ночевку в Рождественское.

В селе и за селом земля была покрыта трупам. Среди них нашли и четырнадцать изрубленных красноармейцев. В крайней хате умирал тяжело раненный командир полка. По другим хатам красноармейцы грелись у печек и весело рассказывали друг другу свои боевые приключения. Тут же осматривали оружие, пулеметчики проверяли пулеметы прямо из окон и пускали в небо очереди, а среди выстрелов слышалась гармонь и стучали каблуки о мерзлую землю.

В команду разведчиков вскочил раскрасневшийся от мороза Савченко. Он выкрикнул с порога:

— Привели двух пленных — полковника и полного генерала!

Красноармейцы, которых Савченко прервал на полуслове (а рассказ казался им самим очень интересным, — сама хозяйка заслушалась), даже не шевельнулись, только пренебрежительно оттопырили губы.

— Может, ты никогда генералов не видел, то и любуйся, а нам неинтересно.

— Так товарищ военком узнал одно-го — начальником контрразведки был в Таганроге.

— Ну, а теперь уже не будет, — флегматично промолвил толстый маленький красноармеец. — Где потерял шапку?

Простоволосый Савченко ответил с прежним пылом:

— Казак пополам перерубил.

— А голова уже срослась? Или ты перед ним шапку на колоду положил?

Савченко услышал, как прыснула в кулак хозяйка, покраснел до слез и торопливо вынул из кармана кисет.

— А вы такого, хозяйюшка, наверно, не сумеете смастерить? Это мне дивчина прислала, — и он расправил перед каганцом кисет. По зеленому бархату желтым шелком было вышито: «Никто так не страдает, как мой милый на войне — пуль он не боится, все думает обо мне».

Разведчики забыли про свои рассказы и про шапку Савченко: с завистью они смотрели на бархатный кисет, гладили его почерневшими руками и молча вздыхали. Среди подарков, присланных армией населением к октябрьским праздникам, такого кисета никто из них не видел.

★

Враг был ужален в самое сердце. Теперь его армия не имела перевеса, и маневр Фрунзе мог «положить конец последним расчетам с капиталом» еще на таврийских степях. Врангель начал поспешно пробиваться назад в Крым, где его армию могли прикрыть гнилые озера и Турецкий вал. Части отходили на Арабатскую стрелку через Чонгарский перешеек и через Перекоп.

Александр Пархоменко получил приказ поспешить с дивизией к Перекопу и перерезать путь арьергардам врага. Вечером дивизия подошла к Новопокровску. Село лежало в стороне от дороги, и его жители могли ничего еще не знать о последних событиях на фронте. Начдив вызвал горнистов и с полевым штабом во главе дивизии направился в село.

— А ну, возвестите им про последний расчет с капиталом. Пусть и они с нами порадуются.

Горнисты набрали полную грудь воздуха, и громкие звуки медных труб весело загремели над селом.

Кавалькада всадников, гарцуя на лошадях, торжественно подвигалась к площади, где стояла церковь. В ее окнах отсвечивало солнце, что багровым шаром опускалось в Сиваш. Крестьяне удивленно смотрели на красное знамя. Лица их были встревожены. Пархомен-

ко удивило такое поведение крестьян. Один старик, прячась за ворота, покачал головой и украдкой кивнул на церковь. Начдив, заметив это движение, перевел взгляд на площадь.

Там, опережая друг друга, в беспорядке рассыпались в разные стороны подводы, скакали всадники, разбегались пешеходы.

— Деду, — крикнул Пархоменко в ворота, — беляки?

Дед кивнул головой. Пархоменко схватил саблю и оглянулся: за ним ехал полевой штаб и вся разведка.

— Беляки удирают! Трубачи, точка! В атаку!

Савченко, дежуривший при штабе дивизии, в это самое время смеялся над неудачной попыткой своего товарища поцеловать дивчину, которая вынесла ему воды. Команды начдива он не слышал. Но, увидев, что передние сменили шаг на карьер, он тоже задергал повод и помчался за другими.

На церковной паперти кучкой стояли крестьяне, а из ограды высыпали заинтересованные всадниками ребятишки.

— Разве сегодня праздник? — спросил их Савченко, — почему это у вас церковь открыта?

Ребята переглянулись, словно удивляясь вопросу солдата.

— Офицер венчается, а не праздник, — ответил самый большой.

Прискакало еще несколько разведчиков.

— Слышали? Происшествие в церкви! — крикнул Савченко и стремглав бросился в ограду.

Оторопелые крестьяне, еще ничего не понимая, перехватили брошенные им в руки поводки и удивленно смотрели в спины солдат, которые побежали в притвор, на ходу снимая винтовки.

Красноармейцев было пятеро. Одного Савченко оставил с бомбой в дверях, а остальные, сняв шапки, вошли в церковь. Посреди нее, перед аналоем, стоял капитан, а слева от него под фатою невеста. Над их головами поручики держали золотые венцы. Еще несколько офицеров кучкой стояли за ними. Крестьяне жались к стенам и растерянно смотрели на молодых. В

подсвечниках и на паникадиле ярко горели свечи. Перед молодыми, гнусавя скороговоркой, бормотал лысый поп, а на клиросе заливались певчие.

Молодые и шафера были без оружия. Это сразу же заметил Савченко, подходя к ним сзади. Венчание, как видно, только-что началось. Ждать его окончания не входило в расчеты красноармейцев: они поняли, что село занято белыми, и еще не известно, чем кончится атака. Савченко беспомощно оглянувшись на товарищей. Он хорошо знал, что религия — опиум для народа. Но знал и то, что красные нигде не мешали религиозным обрядам. Кроме того, обстановка сложилась необычно: перед аналоем — враги; их нужно забрать в плен, но они — в церкви, и поп, вычитывающий молитвы, — в ризах и с крестом в руках!

От такой сложной ситуации Савченко вспотел. Потом он рассердился: легче рубиться с целым эскадром, нежели покончить с этим венчанием, будь оно трижды неладно!

Солдаты, державшие оружие наготове, наконец обратили на себя внимание крестьян. Когда крестьяне заметили, что солдаты без погон, послышалось перешептывание, затем кто-то попробовал выйти из церкви, но в дверях загремело сердитое — «назад!».

Крестьяне начали волноваться. Поп оглянувшись, и его поднятая для благословения молодых рука застыла в воздухе.

Певчие, не видя, что происходит у аналоя, продолжали свой церковный концерт. Поп молчал: глядя на окаменевшие лица красноармейцев, он думал, что день расплаты настал и для него. Большой виной он был виноват перед красными. Уверенный, что они никогда не возвратятся, он с облегченной душой назвал офицеру, стоявшему у него на квартире, фамилии активистов своего села. Где они теперь? Каждый мог догадаться! Когда белые впервые отступили за Перекоп, он сына родного послал в армию Врангеля, дочь просватал за офицера, а сколько раз давал пристанище тем, кто приходили и исчезали по ночам!

Всё припомнил поп и затрясся. Из головы вылетели слова венчального обряда. На их место лезли неуместные печальные слова панихиды. Неужели придется произнести их вместо «многие лета»? Поп еще раз взглянул на красноармейцев. Они стояли спокойно, даже торжественно. Это было страшнее, чем если бы они кричали или стреляли! И вдруг поп истерично завопил, поднимая вверх руки: «Все упование на тя возлагаю, мати божия, сохрани мя под кровом твоим!».

Капитан, который все время влюбленно переглядывался с невестой, удивленно вытаращил глаза на попа и только сейчас заметил его встревоженное лицо. Оглянувшись на шаферов, он увидел Савченко и наведенную винтовку. Капитан покраснел от гнева и громко спросил поручика:

— Почему солдат напустили?

Поручик сердито подступил к ближайшему солдату, но тот наставил дуло винтовки прямо в его лицо. Офицер испуганно отшатнулся. Капитан, побледнев, что-то шепнул на ухо невесте. Она завизжала и упала ему на руки.

Хор не видел, что творилось возле аналоя, но по времени предполагал, что поп уже должен обводить молодых вокруг аналоя. Пропев все, что полагается по службе, он весело, не жалея глоток, загремел: «Исаия ликуй, дево!»...

Поп, окончив чтение придуманной им с отчаяния молитвы, сейчас же стал снимать епитрахиль. Савченко, увидев, что поп, не кончив службы, снимает ризы, несмело спросил:

— Обкучивать не будешь, батя?

Поп дрожащими руками продолжал разоблачаться. Савченко укоряюще покачал головой.

— А гроши¹ небось забрал! Пойдемте в штаб, там товарищ Пархоменко разберет, только ручки горе подымите.

Процессия с невестой направилась к выходу. Поручики в поднятых вверх руках несли золотые венцы, не зная, куда их давать. Певчие залиvisto все еще выводили свой концерт.

¹ Гроши — деньги.

За оградой веселый кортеж встретился с начдивом. Он скакал с раскрасневшимся лицом. За ним по улице красноармейцы вели пленных, а дальше тянулась длинная вереница подвод с имуществом этапного коменданта. Комендант все еще держал на руках заплаканную невесту. Пархоменко, увидев своих красноармейцев в церковной ограде, сердито насупил брови, но Савченко протолкался вперед и громко отрапортовал:

— Товарищ начдив, это — недовенчаные, а с нашей стороны никакого нахальства не было. Поп сам скапсутился.

Пархоменко только теперь заметил молодых и шаферов в офицерских погонах и долго молча смотрел на ошалелого капитана. Затем бросил поводья и закачался в седле от смеха.

— Правду говорят, что любовь слепа: целой дивизии не приметили! За что вам только чины дают?

Крестьяне, сгрудившиеся вокруг молодых, все это наблюдали вначале молча, потом и на их лицах заиграли робкие усмешки. А когда они увидели пленных, то поверили, что пришел конец офицерскому веселью, и громко захохотали.

Через несколько дней после этого, когда степи были освобождены от врангелевцев, в эскадронах дивизии читали приказ Фрунзе: «...Армии фронта ставлю задание: по крымским перешейкам внезапно пробиться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции».

— На Перекоп будем наступать? — спросил у Савченко взволнованный товарищ.

Савченко, гордясь тем, что знает больше иного командира, авторитетно ответил:

— Запасайся трусиками. Первой конной армии приказано готовиться к переправе через Сиваш.

★

Над таврийской степью, скованной первыми морозами, носились стаи во-

ронов. Всюду следы только-что утихших боев: разбитые телеги, телефонные двуколки, поломанные винтовки, стреляные гильзы и патроны, втопанные в грязь красноармейские шлемы и солдатские фуражки с кокардами, офицерские погоны и задубелые трупы лошадей. Изрытая окопами и воронками земля похожа на побитое оспой лицо в морщинах. Там и сям поднимались свежие могилки с воткнутыми в землю штыками винтовок. Почти на каждой из них надрывно каркал черный ворон, скликая воронье на богатую поживу.

В разрушенных селах чернели обугленные хаты, зияли выбитые окна, но и над степью, и по селам уже стояла звонкая тишина. Артиллерийская канонада вслед за Врангелем перекатилась через Сиваш, через Перекоп, затем через Юшунь. Двенадцатого ноября 1920 года на берегах Черного моря эхом прозвучал последний выстрел, как салют победоносной Красной Армии.

Красноармейцы с обветренными лицами, протягивая покрасневшие от мороза руки к огню, грелись возле печек и рассказывали друг другу о последних стычках. Каждый знал о них не меньше любого другого, но не в силах был молчать — хотелось еще и еще раз вспомнить острую игру со смертью, чтобы сильнее почувствовать радость победы. Больше полугода 14-я кавдивизия не выходила из боя, добывая врагов, посланных Антантой на Советскую республику. Бойцы поили своих коней в Дону и в Днепре, в Случи и в Горыни, в Гнилой и Золотой Липе и, наконец, в горных речках Крыма.

Опершись локтями о стол, слушая их с грустной усмешкой хозяин хаты и недоверчиво покачивал головой. За эти полгода он стал слаб на уши от артиллерийской канонады, он собственными глазами видел врангелевскую армию, одетую в английское сукно, их лошадей, выкормленных на овсе. Что ни шаг — пулемет, что ни сто шагов — батарея. Он видел страшные танки, которые ходили через дворы, через хлевы и через окопы. Над головами, словно коршуны, кружились аэропланы. И

все это двигалось из Крыма. Он видел, как наступали на Крым красные. На них были рваные шинели. У изнуренных лошадей выступали ребра. Командиры ломали последний сухарь, чтобы половину отдать своему ординарцу.

— Врангель, может, на хитрость пошел, хочет замануть вас, дурней, в Крым, как в пасть, а вы и верите, — проговорил с укором хозяин. — Вот так и Свирид мой хвалился: «Приду домой, как только Врангеля-барона побью». Врангель, может, чай пьет в накладку, а мне сына не видеть.

— Нет, врангелевской армии, деду, больше не существует, — твердили красноармейцы, перебивая друг друга. — Это уже как бог свят. Кто успел на пароходы сесть, поплыл куда глаза глядят, а остальные спрятались в горах.

— Тех уже татары добьют.

— Врангель, конечно, думал зимовать на Украине, а то и на Дону. Разве он ожидал, чтобы красные Сиваш по дну перешли, чтобы Турецкий вал взяли или Юшунские позиции? Это же не какие-нибудь две крепости, а больше двадцати двух сильнейших укреплений. Мы входим в село, а врангелевский комендант в церкви венчается. Вот насколько они себя сильными воображали!

— А теперь куда идете? — спросил хозяин.

— С поляками замирились, пойдем теперь на зимние квартиры, а потом, наверное, и домой: пользоваться новой жизнью. — Они удовлетворенно потирали руки.

Хозяин вздохнул глубже и шумно высморкался. В выцветших глазах его стояли слезы. Красноармейцы узнали, что его сына, смуглого телефониста Свирида, убили под Каховкой, а жену разорвал артиллерийский снаряд на подворье. Они умолкли. У каждого были если не братья, то друзья, положившие головы на многочисленных фронтах Республики. У всех на лицах залегла грусть. Так сидели они, пока на улице не заиграла труба. Красноармейцы засуетились, по привычке схватились

за винтовки и только потом прислушались: труба играла сбор.

— Ну, дедушка, будьте здоровы, — сказал первый. — У меня табачок завелся, а вы, вижу, курите, — и он положил на стол пачку кременчугской махорки восьмой номер. Другой оставил на столе полбуханки хлеба, а чтобы хозяин не стал отказываться, пожал ему руку и поспешно вышел из хаты.

— А у меня вот лишний рушник, — сказал третий, — а себе я где-нибудь достану.

У деда бежали слезы по щекам и, как дождевые капли, падали на стол.

— Чем же, детки, я вас пожалую? — проговорил он, утираясь рукавом. — Все отнял проклятый враг! Может, коней напоить?

Но красноармейцы уже скакали на площадь, где строилась дивизия.

Командиры и военкомы, держа коней за поводья, стояли на выгоне перед своими частями и вспоминали боевые эпизоды, которые теперь казались романтическими и неповторимыми. Красноармейцы, звякая стременами, выравнивали ряды. Блеклое осеннее солнце поблескивало на оружии, веселя однообразный серый тон степи и военного строя. Лица красноармейцев, отражая внутреннее настроение, играли усмешками и белыми зубами. За одну ночь исчезло утомление, точно и не было каждодневных боев и сотен убитых и раненых товарищей. Даже забинтованные не кривились, заверяя, что их раны больше не болят.

Дивизия ждала командарма. Наконец, из села выехала группа всадников, прозвучала команда «равняйся!», затем «смирно!», и над выгоном опустилась тишина. Навстречу всадникам, тяжело рассекая упругий воздух, на вороном коне поскакал начдив Пархоменко. Он был в серой тапахе, в кожаной куртке, перекрещенной ремнями, на груди сияли два ордена Красного Знамени и цейссовский бинокль, сбоку покачивалась в такт галопа сабля с дорогой насечкой на серебряном эфесе.

Впереди кавалькады скакали командарм Буденный и член Реввоенсовета Ворошилов. Встречая и нагоняя их, пе-

рекатами катилось тысячеголосое «ура!», могучее, как морской прибой.

Командарм приветствует бойцов с победоносным окончанием войны. Выношенный в мечтах во время походов, ожидаемый «мир хижинам» наконец настал, армии Врангеля не существует! «Ура» снова прокатилось от одного фланга к другому и перекинулось на группу крестьян, стоявших у околицы с красным знаменем.

Когда эхо замерло в степи, начдив Пархоменко скорей почувствовал, чем понял, что вместе с этим эхо умерла какая-то часть жизни, страшной, неповторимой, но и привлекательной. Клинок будет мирно почивать в ножах, верный конь уже не понесет на врага, боевые друзья и товарищи, ставшие роднее кровных, разойдутся в разные концы и, может быть, навсегда. Терпкая грусть охватила сердце. Но он тут же вспомнил о своей давнишней мечте. Еще во время боев под Харьковом однажды он остановился со штабом в бывшем поместье Харитоненко. Огромный парк, рыбные пруды, а вокруг — луга и бескрайные поля золотой пшеницы. Тогда он сказал: «Окончив войну, приеду сюда хозяйствовать для советской власти».

Эта мысль потом не оставляла его нигде. Он даже удивился, как это теперь, когда выполнение его мечты стало возможным, он мог об этом забыть! Весело усмехнувшись своим мыслям, Пархоменко взглянул на лица своих бойцов, сидевших вольно и слушавших речь Ворошилова, и ему представилось, что и у бойцов было такое же настроение: и радостное, и грустное.

Ворошилов короткими и четкими фразами говорил о том, в каких тяжелых условиях приходилось бороться советской власти против внешней и внутренней контрреволюции. Но Красная Армия одолела интервентов, потому что борьбой руководила коммунистическая партия во главе с мудрым Лениным; потому что власть в руках держит пролетариат в союзе с крестьянством; потому что советская власть защищает интересы широких народных масс, и это рождало в них волю к по-

беде; потому что наша борьба за свое освобождение от капиталистического ярма вызывала помощь и сочувствие мирового пролетариата; потому что мы имеем талантливого и смелого стратега Сталина, отважного командарма Фрунзе и непобедимую Красную Армию.

— Четырнадцатая кавалерийская дивизия, — так закончил свою речь Ворошилов, — прославлена в боях и с Деникиным, и с белополяками, и с Врангелем, заслужила отдых, но по степям Украины еще гуляет банда «батьки» Махно. Она грабит села, погромами заливаает местечки, убивает и вешает коммунистов и всех честных граждан и глумится над нашими сестрами и женами. Мы должны уничтожить последнюю гидру контрреволюции, чтобы крестьянин и рабочий спокойно могли взяться за мирный труд. Партия и правительство это почетное задание возлагает на вас, товарищи красноармейцы, командиры и политработники, и на вашего отважного начдива товарища Пархоменко.

В глазах бойцов вспыхнули огоньки. Так всякий раз загорались глаза перед атакой. Шелест голосов, будто стая птиц, пронесся над дивизией. Пархоменко почувствовал, как екнуло его сердце, и невольно расправил плечи.

Когда инспекторский смотр дивизии был окончен, Пархоменко вспомнил, что село, где они остановились, называется Григорьевкой. Припомнил он и смуглого телефониста Свирида Перепону, который под Каховкой просил его передать родителям, что жив и здоров. Пархоменко оглянулся на село, увидел крайнюю хату и поскакал к ней.

★

На другой день утром дивизия выступила на Знаменку, где сосредоточились главные силы Махно. Восьмая кавдивизия, входившая теперь в группу войск Пархоменко, должна была подойти с запада.

Высланная вперед разведка нащупала врага в селе Петровцы и узнала, что здесь собраны его главные силы. На до-

роге встретился крестьянин в заштопанной свитке. Сойдя с дороги, он будто про себя сказал:

— Только не ходите дорогой, вас там уже давно ожидают, — и, покрутив головой, пошел дальше. Но красноармеец повернул коня и остановил крестьянина.

— Что ты, как девка на исповеди! Не бойся, скажи все. Табачку на цыгарку хочешь?

Крестьянин, скрутив цыгарку, стал более разговорчивым и рассказал не только о том, где стояли в селе батареи и конница, а и о том, как лучше подойти к селу, чтобы не заметил враг. Он показал на овраг.

— А чего ты махновцами недоволен? — подыхав к ним, спросил Пархоменко, — может, тебя ограбили?

— Меня ограбили? — удивился крестьянин. — Через наше село пятнадцать банд прошло — и Маруся, и Лыхо, и Гнида, и Чорт, а чтобы грабить меня — никто не осмелился. Я вот весь перед вами. Мне за наших боевых товарищей обидно, восемь человек зарубили только за то, что они за народ стояли. Такая власть нам не нужна!

— А ты проведешь нас через овраг?

Крестьянин заколебался и, словно взвешивая, посмотрел на свои сапоги, перевязанные бечевкой. Затем решительно махнул рукой.

— Как добыю эти, останусь совсем босой, ну, да, может быть, у вас веревка найдется для прочности. — И он, длинный, как журавль, пошел вперед, обгоня лошадей и внимательно присматриваясь к командирам. — И начальника вашего увижу?

— Какого начальника?

— Товарища Пархоменко! Слышал, махновцы упоминали о нем. Должно быть, геройский командир, если слава впереди него бежит.

— Он к тебе в гости придет, — сконфузившись, ответил Пархоменко.

Через овраг наступала вторая бригада. Стоял туман, дороги оттаяли, к ногам липла грязь, и пешим передвигаться было почти невозможно. Но в овраге зеленела трава, и спешенная бригада быстро подошла к селу. Она повела стремительную атаку во фланг и тыл

врага. Выстрелы загремели почти одновременно и с дороги, и с оврага. Не видя маневра противника и не зная его численности, махновцы, предпочитавшие внезапные набеги позиционной борьбе, начали отходить.

Теперь можно было начинать рубку, и кавбригада из оврага ворвалась в село. Кривыми улочками и переулками красноармейцы выскочили на площадь к церкви, где стоял обоз. Крестьянские подводы, запряженные чахлыми лошаденками, неслись сплошной массой. Махновцы сбрасывали с телег возниц, которые жалели лошадей, и сами гнали их клинками. В подводы врзалась артиллерия и, ломая в щепы телеги, прокладывая себе путь для отступления. И с каждой тачанки строчил пулемет; пулеметчики мало заботились о том, кто попадет под их пули. Сраженные своими, махновцы устилали трупами улицы и переулки. Красноармейцы рубили на выбор. Перепуганные махновцы, сидя на подводах, переполненных награбленным хламом, сопротивлялись слабо.

Махно отступал таким аллюром, что утомленные кони красных не могли за ним угнаться. Но замести свои следы он не мог: трупы расстрелянных большевиков, загнанных лошадей, поломанные телеги, ободранные кресла, кушетки без ножек, либо разбитые абажуры от ламп, или порванные на куски свитки, торбы валялись по обеим сторонам пути отступления Махно.

Эти «трофеи» указывали, что Махно удирает на Гуляй-Поле, в свою столицу, где он, как уже не раз это делал, думал спрятаться на кулацких хуторах. Войска Пархоменко, несмотря на распутицу, снег и длинные переходы, шли по гням врага, не давая ему ни одного дня передышки.

На восьмой день Пархоменко перерезал дорогу махновцам на Гуляй-Поле, и они принуждены были повернуть на Полтавщину. Морозы сковали землю, стояла гололедица. Раскованные лошади махновской армии, попав на скользкий наст, не годились для марша. Махновцы бросали искалеченных лошадей на дороге, отбирали свежих у крестьян или пересаживались на подводы. Они бежа-

ли, запутывая следы, как старые лисыцы. Путь передвижения врага теперь обозначался брошенными орудиями, вмерзшими в глубокие колеи дорог, пулеметными тачанками и трупами советских районных работников, жестоко изрубленных.

С Полтавы Махно повернул на Киевщину. До сих пор его армия отступала перед железной группой войск Пархоменко одной колонной. Уже приближался конец 1920 года. В ежедневных переходах и арьергардных боях армия Махно значительно уменьшилась, часть махновцев была перебита, а большая часть дезертировала с награбленным имуществом.

С этими силами Махно уже не мог выдержать боя. К тому же за Днпром его встретили части Восьмой кавдивизии, когда он потерял больше трехсот пулеметов и почти всю артиллерию, его армия распалась на несколько отрядов. Они бежали теперь в разных направлениях: этим затруднилось их преследование.

Махно со своим отрядом повернул на юг, в район Уманщины. Пархоменко понимал: если кулаки потеряют своего идейного вожака и организатора, банда рассыплется сама собою. И он с частями Четырнадцатой кавдивизии погнался за Махно.

Избавившись от больших и неуклюжих обозов, махновский отряд, посаженный на лошадей, стал более подвижным. Это обстоятельство дало ему возможность оторваться, наконец, от красных. Враг мог теперь выбрать любую дорогу для отступления, повернуть обратно, наступать с тыла или устроить засаду. Однако в районе Юстин-городка, к северу от Умани, Пархоменко снова нагнал на его след. В местечке на новый год были зарублены продработники и два еврея, улицы устилали перья, выпущенные из перин.

Второго января, поздно вечером, Пархоменко собрал в школе совещание командиров и политработников. В печи весело потрескивали дрова, от промерзших оконных стекол шел пар, на них появились проталины. В комнате учителя становилось душно. Командиры с ответ-

ренными лицами знали, что командующий группой недоволен результатами похода; они разбрелись по углам с постными физиономиями. Сидя за столом над картой, Пархоменко шопотом советовался с начальником штаба дивизии Мурзиным. Тут же, уткнувшись носом в карту, сидел комиссар группы Беляков. Адьютант чинил карандаш, готовясь вести протокол. Последним пришел комбриг 2. Пархоменко взглянул на часы, затем на комбрига.

— У вас, комбриг, наверное часы отстают на двадцать восемь минут? Если бы вы подвели их дней тридцать назад, мы бы уже давно выполнили приказ партии и правительства. Товарищи командиры, — обратился он ко всем присутствующим, — я хочу знать, куда мы будем нянчиться с Махно? Что вы забыли, как мы били денкинецов, белополяков, Врангеля? Или вас, может быть, белые постели разнежили, или вам ночи коротки? Как могло случиться, что враг оторвался? Комбриг 2, поясните!

Комбриг оттолкнулся от печи и, укоризненно взглянув на комполка, начал разбирать маневр врага в тот день, когда он сбил с толку его разведку.

После него, чертыхаясь, говорил комполка, потом другие командиры. В ожидании своего выступления они избегали встречаться глазами с начдивом, но, взяв слово, каждый заканчивал тем, что теперь Махно уже не выскользнуть. Этой операции не придавали большого значения. А враг оказался хитрым и скользким, как вьюн. Под конец совещания все весело хохотали, вспоминая приключения последних дней. Больше всех смеялся Пархоменко. Прощаясь, он каждому пожимал руку с такой силой, что не один из них склонялся набок.

В накуренной комнате Пархоменко остался с адъютантом Федькой Кривоусином, — они еще в 1906 году вместе готовили восстание в Макаровом-Яру. Своего друга детства он нашел среди красноармейцев, бившихся под Харьковом, и взял к себе. Ординарец Ягор внес парующий самовар. Пархоменко, глянув на Ягора, вспомнил хилого Васьля Макогона, который искал смерти и очутился у Григорьева, а потом был

хорошим ординарцем. Во время перехода на польский фронт проходили мимо его села; он отпросился забежать домой и больше не возвратился.

— Как ты думаешь, — спросил Пархоменко адъютанта, — почему он не вернулся, Василь Макогон?

Кривосын, наливая в стаканы чай и с вожделением поглядывая на кусок мерзлого сала, ответил уверенно:

— На банду наскочил, его и сцапали, не иначе. Знаешь, кого он мне напоминал? Такой же суетливый, как Григорий. Тоже голову сложил — правды искал.

— Это тот Григорий, что делегатом в Луганск приходил? Когда ж он погиб?

— В семнадцатом году он был в земельном комитете. Когда нарезали панскую землю, кулак Моргун сплутовал. Григорий при всех и потянул его истыком¹. А как пришли белые, Моргун выдал Григория.

— Жаль, я помню, как он эту песню пел:

На Україні є долина,
В тій долині є хатина.

— Признаться, люблю песни: от них будто сердце раскрывается.

В тій хатині є дівчина,
Дівчинонька молода...

Кривосын начал подтягивать, они раскачивались в такт песне. Постепенно глаза Пархоменко стали наливать грустью. Наконец он замолк, глубоко вздохнув.

— Где-то моя женушка верная, где мои сыны-сыночки? — пряча лицо, он ствернулся к окну. — Покончим с бандой, поеду искать — наверное, повырастали уж, нужно в школу определять, чтобы инженерами выходили. О нас, Федя, раньше никто не думал.

На другой день, утром, отдав приказ бригадам выступать на Бузевку, через которую лежал путь Махно, Пархоменко выехал в это село. С ним были: началь-

ник штаба дивизии, комиссар группы, начальник формирования и начальник связи. Позади ехал адъютант Кривосын с ординарцами.

До Бузевки было не больше трех верст. Снег, выпавший ночью, прикрыл дорогу и поле ровной пеленой. Вокруг — тишина, нарушаемая только звяканьем стремян. На кровлях заснеженных хат заиграло раннее солнце; деревья, покрытые инеем, издали казались кистями розовой сирени. У крайних хат замаячило двое всадников; они покрутились у околицы и исчезли в улице.

Узнать издали, чья это разведка — второй или третьей бригады, ночевавших в соседнем селе, — было трудно. Пархоменко тронул шпорами коня и въехал следом за этими двумя всадниками в село. На улице было пусто и тихо, только одна женщина в теплом платке шла с ведрами на коромысле к колодцу, над которым торчал журавель. Всадники, скакавшие впереди, остановились посреди улицы и, поджидая Пархоменко, зазывающе крикнули:

— Едь-ка сюда! — хотя он и без того приближался к ним.

Заметив уже в последнюю минуту, что всадники почему-то глупо оскалились, Пархоменко инстинктивно схватился за маузер и оглянулся назад: товарищи, отстав, теперь нагоняли его, растянувшись по улице длинной цепочкой.

Передовых частей бригады, которая должна была идти следом, все еще не было видно. Из дворов, как на тревогу, начали выскакивать всадники на оседланных конях и, размахивая саблями, с громкими криками бросились к нему. Пархоменко успел заметить, как Федька Кривосын с ординарцем повернули коней и, сбивая махновцев, поскакали обратно. «Значит, выручат» — подумал он.

Остальные очутились в плотном кольце махновцев.

— До чорта ж вас наплодил Махно, — сказал Пархоменко, стреляя махновцу в голову. Бандит упал под ноги коню. Возле него лег другой, третий, четвертого конь поволок по улице.

Сбившись в кучу, красные — кто саблей, кто револьвером — прокладывали се-

¹ Истык — палка для очистки плуга от земли.

бе дорогу назад. Первым упал конь под комиссаром Беляковым, но комиссар не переставал стрелять. Вторым потерял свою саблю Мурзин; упал разрубленный ординарец. В маузере Пархоменко не стало пуля. Он выхватил саблю.

— Будете, бандиты, знать Пархоменко! — и взмахнул клинком: — Вот так бьются большевики за революцию! — Два разрубленных махновца упали на снег. В это время словно молния ему ударила в голову: из глаз посыпались искры, затем все вокруг помутнело. Он еще успел, как сквозь сито, заметить чье-то широкое плоское лицо, оскаленные зубы, а под шапкой волосы, как у дьяка, — и упал на снег.

Когда пришел в себя, над головой топотали кони. Его череп словно разваливался на-двое от глухих ударов их копыт по мерзлой земле. Превозмогая боль, он усмехнулся. «Смотри, когда подошла бригада! Сейчас товарищи помогут мне встать. Наверное, бандит попал в голову». Он с большим усилием раскрыл глаза и будто сквозь красную сетку увидел на снегу всех своих товарищей, разбросанных, как дрова.

— Живой еще, — крикнул кто-то с коня, — мигает!

Пархоменко вдруг подумал, что мимо него проезжают бандиты, и закрыл глаза. «Где ж его сабля?». Позади послышались чьи-то неровные шаги. Кто-то приковылял, нагнулся над его головой и

назвал его имя. «Какая это часть? Может, Федька Кривонос подошел? Чего ж он молчит?». Пархоменко открыл глаза. Над ним стоял с плоским лицом и конскими зубами, похожий на сельского дьячка Нестор Махно и злорадно смеялся. Он торжествовал над лежащим врагом. Пархоменко смерил его презрительным, но уже померкшим взглядом, собрал последние силы и кровью харкнул ему в глаза:

— Бандит! Это тебе за мою смерть, за тысячи невинных смертей!

Прогредел выстрел, и пуля ужалила его в самое сердце.

Ни второго, ни третьего выстрела он уже не слышал. Не слышал также, как час спустя бригада нагнала махновцев у речки и изрубила почти всех.

★

«...Когда Пархоменко погиб, все женщины, даже не родственницы, плакали, а мужчинам плакать не полагается. Вербка выросла там, где он родился. Яблоня выросла там, где он погиб. Дуб вырос над его могилой.

Играй, бандура! Вспомни командира Александра Яковлевича, весь его род трудовой, всех его знакомых по сабле и коню! Может быть, и нашу песню услышат косари на дороге! Веселый услышит — песню подхватит, разумный услышит — на ус наматает, дурень услышит — ума наберется, храбрый услышит — саблю наточит!...». (Из «Думы про Пархоменко»).

Киев, 1938 год.

Теплые горы

РОМАН

СЕРГЕЙ КРУШИНСКИЙ

★

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

По дороге из города бекляшевский грузовичок задержался у паромной переправы. Истомившийся в духоте кабины, Кузьма Ильич вышел на край берега.

За ночь Макаров наслушался шумных и несогласных речей и сам наговорился до одури; и в пути он мысленно все еще спорил с кем-то и никак не мог остановиться.

Теперь он отдыхал.

Ласковый ветерок доносил теплые ароматы леса, сухую горечь полыни с безграничных степных просторов. Макаров доверился ветру, небу...

Сильная, мускулистая река мерцала по-весеннему беспокойно. Завивались у берега воронки, выбивались из глубины и, шелестя, разливались донные струи. Последние клочья тумана, отслоившись от воды, уходили вверх по руслу реки — казалось, что и река идет за ними.

Цепляясь за прутья верб, Кузьма Ильич съехал с кручи в воду. Навившись из пригоршней, он скинул рубаху и стал растирать мокрыми ладонями запотевшую короткую шею, крепкую грудь с широким клином загара.

— Ух! Ух, холодна водица! — вскрикивал он задыхаясь.

Свежий и успокоившийся, выбрался Кузьма Ильич на берег. Спутники его — юноша в щегольском берете и

старик с разросшейся вширь бородой — уже отдыхали в тени орешника. Он повесил на ветку картуз и лег на траву между ними. Легкие пряди пшеницы сплелись над его лицом. Выпятив нижнюю губу, он подул на мокрые усы и вдруг заметил в блеклорыжей щетине сверкающий седой волосок. «Неужели? — удивился Кузьма Ильич. — Значит, молодость-то тютю?..».

Он закрыл глаза. Ему мерещились плывущие в небе облака.

— Ты, Тимофеич, хорошо помнишь Семена Демьянова? — спросил Макаров.

— А то! — прогудел глухой, но сильный бас. — Первейший был дегтекур. Подумать — какое раздул кадилло!.. Я Семена Наумовича знал, когда у него и дырявого челночка не было и он, черный, на плоту за берестой плавал. С шестом.

— Сказки! Кулацкие басни! — Голос юноши звучал задорно. — Плавал с шестом, а за голенищем тысячи прятал. Факт!

— Ты уж ляпнешь, Ванюшка, — возразил Тимофеич с обидой. — Небось, кулаки не из господ, а из нашего же брата, лапотников, выходили. Ты спроси Кузьму Ильича.

Макаров слушал их в пол-уха.

— Потерпите, скоро сынок расскажет, как батька в кулаки вылупился. Мотыка идет из ссылки, прислал колхозу письмо.

Зажужжал колыхнувшийся над рекой трос — паром только еще причаливал

к далекому берегу. Кузьма Ильич улегся поудобней и решительно начал рассказ:

— Дело было в 1930 году... Вот этак же подъехал я к речке, но верхом. Время — близко к весне, местами закрайки открылись: не сегодня—завтра река тронется. Выбрал место поглубже, где лед крепче, — вон за той ветлой, помнится, перебрался. Время ночное, спешить некуда. Подтянул я подпруги, еду шажком. Гляжу — на хуторе, в сенном амбаре огонек светлеет. Ну, а весна была строгая. Организовались колхозы, а сеять нечем. И мы Демьянова сильно трепали: не хотел он сдавать ни зернышка. Ладно, думаю, старый, как бы мне тебя не накрыть. Тихонько привязал коня — шасть туда!.. Ты, Тимофеич, прошлялся на стороне, сказать тебе — не поверишь: сено разворочено, а под полом целая изба — тайная келья сектантская — чуть не доверху засыпана хлебом. Впоследствии времени взвесили: боле двух тысяч пудов! Да. И сам старый леший тут. Ну, напомню я ему: зачем, говорю, ты народ смутьянил, голодной смертью грозил? И дернула меня нелегкая зачерпнуть горсть пшеницы — уж очень была хороша. Стал я на колени, наклонился, а старик — откуда сила взялась — руками в затылок мне уперся, да и столкнул вниз. А сам выскочил и дверь на засов!

— Ишь, чорт! — воскликнул Ванюшка с азартом, хоть он и знал всю эту историю.

Макаров говорил медленно, он как бы заново рассматривал и тайник с хлебом, и дверь из верхковых досок, обитую листовым железом, и бревенчатые стены с отдушинами под карнизом.

Через отдушину упал в сено огонь, а из-за стены послышался торжествующий голос Семена Демьянова: «Ешь мой хлебец, жри!». Бросился Макаров на огонь, замял, но уже через другое оконце упал новый пучок горящей соломы... Макаров выстрелил для тревоги из револьвера, хоть и знал — никто не прибежит, до деревни-то шесть верст. Попробовал шинелишкой забить огонь, но уже занялась

и соломенная крыша. Свалился он, пополз на четвереньках к двери. Глядит — а дверь открыта, и кто-то подхватывает его под руки.

— Ишь, дьявол! — воскликнул Ванюшка азартней прежнего.

Рассказчик сорвал зубами травинку, выплюнул.

— И кто же, как ты думаешь, Тимофеич? — Мотька Демьянов! Признаться, слезы у меня из глаз поползли. Ну, да не целоваться же с ним. Спрашиваю, где отец. «Ищи, отвечает, ветра в поле. Да не думай, говорит, не для тебя я это: не хочу, чтобы по дурости батька пропал. В случае заберут его — заступись: я тебе собаке, жизнь спас. А теперь — до свиданьица». С этим вскочил он из моего коня — и был таков. Конь-то был с демьяновской же конюшни, иноходец Окаянный, и сейчас на нем развезжаем. Одиннадцатый годок, и пойдет — шапку снимешь.

— Его Семен Наумыч из чужой губернии сосунком привел вместе с маткой, — объяснил Тимофеич. — Выходит, ты, председатель, и съел от Мотьки «собаку»?

— Кулацкая порода! Факт! — проворчал Ванюшка.

Председатель коротко досказал о Демьяновых. Скрывались они у сектантов с год. Крали у колхоза хлеб и сыпали в заброшенный глиняный карьер — целый подземный элеватор устроили. Надеялись голодом колхоза заморить. А попались по-пустому, до смешного. На свою голову втянули и шайку Панкрата Бобыля; он в ту пору заведывал мельницей. Жаден был Бобыль да трусоват. Раз шел он лесом за своим делом, увидел милиционера и нырнул в кусты. Взбрело дураку в голову — за ним. А милиционер не ротозей был. Думает — не спроста человек прячется, изловил. Панкрат со страху все разом и открыл: где главари скрывались, где хлеб, где что...

— Я сам на суде и общественным обвинителем выступал. Требовал, что для отца, что для сына, высшей меры, — закончил Макаров твердо. — Конечно, не утаил, как Мотька мою

жизнь спас и как просил заступиться. Ну, да мы, говорю, не благородные спектакли разыгрываем, мы классовую справедливость в жизнь проводим... Старика расстреляли, а сыну дали восемь лет высылки. Он и на суде волком держался. Пожалел, что не поджарили меня в амбаре...

— Эй, на берегу, заснули? Принимай чалку! — прокричали с реки.

Бекляшевы нехотя пошли к машине.

II

Паром был отвязан, но, прижатый к берегу течением, еще не оторвался от причала. Из-за кустов несмело вышел юноша в пестрядевых штанах, которые закрывали одну его ногу до самой пятки, другую же только до коленки, и в соломенной шляпе с оторвавшимися полями. Было что-то трогательное в его худой фигуре, в лице, обросшем цыплячьим пухом, в грустных глазах больного ребенка. Ванюшка стал махать парню руками, а хромой татарин-паромщик понуждал его бранным словом.

Стоя в носовой части парома, татарин оттолкнулся шестом; вода налегла на борт; по железному тросу, натягивая его в струну, заскользил ролик, — и из-под горы стал выдвигаться навстречу парому берег.

Ванюшка зазвал юношу в кабину и спросил, выводи грузовик на легкую лесную дорогу:

— А ты, малый, не сулячьей породы? Случайно не в норе ли живешь?

— Не ведаю, чего говоришь, — был ответ. — В займку я иду, на дальнюю поляну, к свойственникам.

— Не ве-да-ешь? Все понятно! Гляди, как бы я тебя в милицию не свез! Ну, а насчет девок ты соображаешь? Как у тебя по мужской линии?

— Не тело велено укрощать, а страсти.

— Ишь, ты, елки зеленые! Да ты не архиерей ли будешь? Где ты премудростям таким научился? А все же зайди как-нибудь на вечерку. Только, знаешь, у нас девки лютые. Попадешься — они тебя укротят... Факт!

Макаров не слушал балагура.

По обеим сторонам дороги стояли липы. Мелькали ободранные стволы — здесь добывали лубок на поделки. На поворотах ветви задевали кабину, и в раскрытое оконце теплой струей вривался запах цветов.

«А не вывезти ли сюда, поближе к липовой роще, часть пасеки? — подумал Макаров. — Сколько цветов пропадает!».

Он постучал в стекло над своим затылком. Появилась борода Тимофеича.

— А все же ты приготовь ульев полсотни, перевезем! — прокричал Макаров.

— Плохое ли дело, — ответил старик.

На хребте Орлиной горы, когда внизу показался колхоз, Тимофеич вылез из кузова и пошел на пасеку напрямиком. Ванюшка выпустил и сектанта, а на прощанье сунул в руки ему пачку папирос.

Машина петлями спустилась к оврагу, прошла колыхнувшуюся плотину, отпугнув на середину уже зазеленевшего пруда выводки уток, и повернула на широкую улицу. Наперерез бросился лютый кобель, пал на вылетевший из-под колес ком земли, поперхнулся и отстал.

Шофер уже приготовился лихо влететь в открытые ворота, но пришлось дать тормоз: на повороте, подняв руки, стояла девочка.

— К Турьсихе, Кузьма Ильич! Скорея! — со стоном проговорила она.

В конце улицы перед открытой дверью низенькой избушки теснилась толпа.

Стоя на подножке грузовика, девочка продолжала скороговоркой:

— Ох, товарищ Макаров, мы же собирались с Марусей за луговым чесночком, я зашла — а ее нету. А брехунья старая говорит — ничего не знаю. Стала Маруську красавицей называть: «Марусенька, говорит, мне дороже родного дитяти», а все врет, все врет, вы ей не верьте, Кузьма Ильич. А потом записку мне дала. Такая записка — все бабы как заревут...

Девочке нравилось рассказывать, но путь на ее беду был недалог.

Макаров знал, как трудно жилось Марусе. Бабка морила девочку голодом, томила в темноте. Зимой прежде времени закрывала трубу и уходила, а Маруся угорала. У старухи на все ее жалобы был один ответ: «Потерпишь, не девяносто тебе годов». Пытался Макаров устроить Марусю в детский дом, но старуха подняла в отделе народного образования страшный визг, и затея сорвалась.

Теперь прощальная записка Маруси Пестриковской лежала на грязном столе, под большой деревянной солонкой. Макаров развернул ее. Крупными буквами было написано: «Ухожу туда, куда зовет Христос». А внизу — мелкими, торопливыми: «Прощайте, подруженьки».

Макаров подумал, что, может быть, перед самым уходом Маруся тайно приписала эти слова.

Старуха все плакала.

— Ну, рассказывай, кто тебя обидел? — заговорил Кузьма Ильич. — Рассказывай, рассказывай, куда внучка девала?

Турсыха затрясла головой и громко запричитала:

— Она тут прописала что-то, да грамоты я не знаю. Ах ты, сладкая моя внученька, да ты кормилица моя, да ты красавица, да уж я ли тебя не холила, да уж я ли тебе не мила была!

Макаров остановил старуху, взявши рукой за плечо:

— Чего же ты плачешь? Может быть, внучка твоя пошла по щавель?

Старуха нашлась что ответить.

— Да ведь, кабы по щавель, ты б сюда не пришел... Стара я, мил человек, надо мной грех смеяться. Вижу — люди бегут... Ах, и горько ж мне, старенькой да сирой!

Так ничего и не добившись, Кузьма Ильич вышел на улицу; там его тотчас окружили женщины:

— Чего новенького узнал, председатель? За матерью ушла, в странство?

— Правду люди говорят — кровью Маруся расписалась, иль брешут?

Макаров показал записку.

— Крови никакой нет, а дело все ж серьезное. Долго, бабоньки, будем тер-

петь этих мошенников? Где их искать, как думаете?

Бабоньки вдруг поскущели.

— Чего мы знаем — печку да корыто.

— Ты спрашивай с грамотных.

Женщина с грудным младенцем, турсыхина соседка, строго спросила:

— А чего ты на них взъелся? Они тебя не приневоливают в свою веру. Маруська сама пошла, тут виноватых не найдешь... Однако пойду, дома-то семеро по лавкам.

Круг расступился. Одни ушли домой, другие отвернулись от Макарова и стали со вздохами и охами судачить о беде.

III

Остаток дня Макаров провел в бригадах. Когда он воротился домой, Поля мыла пол, уверенно двигаясь в полутьме. В углу на сундуке заворочался старик-отец. Макаров позвал жену в горницу. Там на темном квадрате мокрого пола четко вырисовывалась белая кровать. Прислушиваясь к легкому дыханию ребенка, Макаров тихо спросил:

— Слыхала?

Поля вздохнула. Макаров осторожно, боясь загромоздить, присел к столу.

— Ну, скажи, куда твои разлюбезные странники заманили девочку?

— Что ты, Кузьма Ильич, чего я знаю? — робко ответила Поля.

— Сама подумай: разве они о ваших душах хлопчат? — продолжал Макаров, смягченный ее покорностью. — Держи карман! Тут душа ни при чем, под колхоз яму роют. Читала подметные записки? Небось, и сама переписывала по десять раз, как вас научают?

Поля промолчала. «И то переписывала» — подумал Макаров, опять ожесточаясь. Он стал говорить ей, что она не мать, а злодейка своему сыну, и если будет косить одним глазом в сторону сектантов, то непременно искалечит мальчишку

— Ну, где же у них тайные кельи? — спросил он, упираясь в стол сжатыми кулаками.

Полины плечи стали вздрагивать.

— Не знаю же я, не знаю, и не хожу я к ним никогда, и работать в колхозе буду до последнего вздоха — лишь бы тебя дурой-женой не корили; но сердце не могу от них отгнать. Не приневоливай ты меня. — Сгорбившись, Поля побрела из горницы.

Макаров остался сидеть в темной комнате.

За окнами прошла гурьба молодежи. Проиграла гармонь, девушки пропели половину куплета, опять гармонь... На минуту компания притихла. Послышались сдержанные голоса парней, короткие всплески девичьего смеха. Чья-то фигура заслонила окно, громко спросила:

— Хозяева, живы? — И тихо, на улицу: — Забыл наш председатель окошко закрыть.

Окошко захлопнулось.

Чистые и легкие, точно издалека, донесли девичьи голоса:

Меня милый не узнал,
Кол березовый обнял...
Думал — платок розовый,
А это — кол березовый.

И вдруг вспомнился Кузьме Ильичу лакированный козырек, — не сам гармонист Мотька Демьянов, пьяный и ломающийся, а только над пышным его чубом козырек, поблескивающий в лунном свете. А уж вокруг этого козырька ватага ребят, и он, Макаров, в ватаге, и все немного приниженные, сознающие, что человек с козырьком будет господствовать над ними всю жизнь, что за него могут высватать любую девушку. Кузьма и сам побаивался — не приглянулась бы Мотьке Поля... И вот теперь Мотька прислал жалкое письмецо: спрашивает, примут ли его односельчане.

IV

Поднявшись затемно, Кузьма Ильич помог конюху заложить в дроги иноходца и поехал к лесному сторожу.

Караульная избушка находилась в пятнадцати верстах от колхоза, в горах. Твердая лесная дорога сама стлалась под колеса, умытая росой листва радовала глаз. Чуя нетерпение ездока,

Окаянный не баловал, не топтался на месте, — летел вперед стремительно и плавно. Едва возшло солнце, дроги уже выбежали на поляну, посреди которой стоял обшитый тесом дом со следами желтой краски на карнизе.

Макаров бросил вожжи жеребцу на спину, быстро вошел в маленький дворик и требовательно постучал в ставень. Минуту спустя — торопливые шаги босых ног через сенцы.

Кузьма Ильич прикрыл за собой дверь и как бы невзначай задвинул в скобку короткую задвижку «Если вправду кто-нибудь скрывается здесь, теперь не улизнет» — рассчитал он. Накануне ему сказали, что видели вблизи лесной сторожки самого сектантского вожака Христофора.

В комнате была полутьма. Полосы света, точно синие холсты, тянулись от щелей в ставнях к полу. Где-то под толком в паушем плену в предсмертном отчаянии ныла муха. Макаров выбил из косяка болт, открыл вместе с окном ставень. Осмотрелся. Объездчик срубил сторожку из отборных дерев. Стена из бревен в обхват толщиной, половицы — все было добротное. Сам Лукич, кругленький, румяный, сидел на тяжелой скамейке, опираясь откинутыми назад локтями о подоконник. Он легонько позевывал, вытирал мякотью большого пальца губы и рассматривал свои босые ноги.

В первые годы революции Лукич был председателем сельского совета за рекой, да и теперь не считался человеком отсталым, и все же Кузьма Ильич не верил объездчику ни на грош. Даже самая сторожка, всегда закупоренная, слишком аккуратная для бобыля, была Макарову не по душе. На этот раз он осматривался особенно пристально.

— Хочу деготь курить. Советуешь? — издалека подступил Кузьма Ильич. — Стидно покупать в городе.

— В лес дров не возят, в колодезь воды не льют, — заметил Лукич одобрительно. — В аккурат две березовых дачи к будущему году назначены на вырубку. Одна тут недалеко, — но эти деревья в годах, да и на высококом месте, кора у них будет сухая. Другая —

на речке, повыше парома. Вот там и место сырое, и дерево в самой поре, и бересту удобно перебрасывать, если построить печь на реке.

— Стало быть, берестой можно будет пользоваться? Ну, и добро... Однако ты чисто живешь. И спальню устроил? — Макаров поднялся, неторопливо подошел к перегородке, отвел занавеску. Узкая, застланная пестрым одеялом кровать, берданка на стене — и никаких следов чужого человека. — А к тебе, говорят, Христофор заходит? — круто обернулся Кузьма Ильич. — Давно бывал?

— Кто видел, того и спросили бы, а я не видал, даже не знаю, где он есть, — ответил лесник обидчиво. — Кому еще я поперек дороги стал?

— Говорили...

— Все ведь нам много надо. Счастья ищем. А счастье наше — мираж в пустыне песчаной. Вон солнышко поднялось — жарко стало. Думаем: эх, кабы дождь пошел, вот было бы счастье. А в другом месте дожди замучили — там солнышка ждут. Где оно, счастье?

— Вот и надо гнаться. Нам за солнцем, им — за дождем.

— Другая забота придет. Вы, конечно, член ВКП(б), с вами нам, неученым, мудрено спорить, а все же, не касаясь партийности, скажу: кто его видел, счастье? Замерзает в снегу человек — и снится ему теплая изба. Дойти бы, и ничего больше не надо. А брат родной сидит на печи и знать не знает своего счастья. Дожить до ста лет — вот это хорошо. А кто знает, вы доживете аль я?

— Ну, а про Марусю ты что скажешь? — оборвал Макаров говоруна.

— Это еще что за птица? Иль беда стряслась? Я ведь один тут, как сыч. — Лукич с простодушнейшим видом ждал разъяснений.

Но Макаров только плечом повел:

— И сыч неплохо видит. Ночью.

V

По дороге от лесника Макаров завернул к Тимофеичу Пчельник раскинулся над оврагом, вблизи реки. На жердяной изгороди, как полагалось по

старинке, висел выбеленный ветрами лошадиный череп — защита от поверий и дурного глаза. Тимофеич сидел на порожке своей крохотной избушки и выдалбливал стамеской сердцевину толстого кругляша.

В его курчавой бороде запутались мелкие стружки.

— Ну, как твои барометры показывают?.. — спросил Кузьма Ильич, усаживаясь рядом с пчеловодом. — Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет?

Тимофеич перевернул колоду, выбил из нее сколки древесины.

— Могу предсказать. Дождя не жди. Уголь на загнетке не гаснет — это одно, пчела далеко летит за взятком — другое, оляк и мухи с самой полночи гудут, а к непогоде муха с места не стронется, пока не стонишь.

— А в Москве дураки деньги ученым платят. Глядели бы на мух, — тут тебе и вся карта погоды.

Они всегда так разговаривали насчет примет: Макаров с усмешкой, Тимофеич серьезно, как бы вовсе насмешек не замечая.

— Видишь тополя? — спросил пчеловод.

— Ну, вижу, ничего на них не написано.

— Это и я скажу — в газете ничего не написано, когда грамоте не знаю. Грациные гнезда видишь?

— Ну?

— Вот то-то, что ну. Гнезда на теневой стороне — быть жаркому лету. К холодному лету птица на солнце гнездует. Теперь лето будет жаркое, а зима ранняя: июнь-месяц, а мураши уже высокие избы построили...

И пошел, пошел Тимофеич, только слушай!

Станный это был человек! Однажды он оскандалил Макарова на весь район. Председатель райисполкома товарищ Семин, человек, Макаровым весьма уважаемый, приехал посмотреть новый пчельник. Выходит с ним Макаров из легковой машины и видит: посреди пасеки стоит Тимофеич, держа в одной руке клок горячей шерсти. Кузьма Ильич, чуя недоброе, торопит па-

сечника: сходи за сетками — будем, мол, открывать ульи. Тимофеич же спокойно отвечает: «Сейчас, вот только козлиная борода догорит, а то мыши, проклятушие сластены, одолели. Самое надежное средство!».

Прошел год, а районные работники все посмеивались над Макаровым и его колдуном-пчеловодом.

Впрочем, Тимофеич был золотой работник. Что же до примет, то Макаров, хоть и смеялся над ними, но запоминал их и проверял: предсказания пчеловода часто сбывались.

На этот раз, не препираясь, Макаров заговорил о пчельнике.

Тимофеич повторил, что хоть завтра можно перебраться на лесную поляну до шестидесяти пчелиных семей. Поляна далеко, пчела никогда в том лесу не бывала, — можно ее переселить среди лета.

— А хотя и бывала?

— Гдет, не скажи. Если бывала, она найдет дорогу назад. Ну, а здесь уж в чужую семью ее не пустят.

Они обсудили, когда и сколько перевезти ульев, кого назначить для осмотра.

— Слышал, что христофоровцы наторили? — спросил Кузьма Ильич, отвязывая иноходца.

— Слухом земля полнится. Но только, товарищ Макаров, ты меня про чужую веру не пытай. — Тимофеич представил колоду к косяку. — Я живу по пословице: держись, вошь, своего тулупа. Ежели я в церковной вере родился, в ней и подохну, и ни в какую секту меня на цепи не затащишь. А Христофор — он тоже, чего зря болтать, силу большую имеет. Слышал про большой пожар в Туночной? Идут женщины на покос — что за чудо: странник Христофор — тогда он молодой еще был — ни свет, ни заря пляшет в палисадничке у «благодетеля». Ну, засмеялись они. А он им и загадай загадку: «Мне чего не плясать, мы не сторим, а вот вы чего зубы скалите?». Ладно. О полднях пожар. Полсела как ветром смело. И чего ты скажешь, — взялся пожар с лавочникова суседа, а лавочник не сгорел... Ты

Христофора не замай: он человек опасный.

— Еще бы не опасный. Сам и поджег соседа, я думаю. Кому беда, а ему — подай, господи.

Но Тимофеич посуровел, опять взялся за свою колоду.

— Бога зачем тревожить, — сказал он. — Без бога и червяк сгложет.

У околицы Макаров обогнал стадо. Коровы шли по склону оврага и беспокойно мычали, вытягивая шеи. Косые лучи солнца окрашивали в красный цвет их набухшие сосцы.

Макаров оставил лошадь на общем дворе и пошел через пустырь на кухню. В дверях лежало на козлах бревно. Чумазые, малоприветливые кузнецы выжигали раскаленным прутом его сердцевину. Дерево шипело, из-под прута бил дым. В кузне было жарко, темно. А за стеной, на лужайке, у оврага, под высоким и прохладным небом, работали степенные бородатые плотники. Они затесывали один конец прошерленного бревна, выдалбливали воронку в другом и, подгоняя звено к звену, составляли длинную трубу.

За оврагом громоздилась гора; доносился сверху стук топоров, скрежет камней под лопатами, треск падающих деревьев. То молодежь прорубалась из оврага на Орлиную гору. Уже наметилась просека к самой вершине.

Исполнялась заветная мечта Макарова — строился водопровод. Теперь уже недолго оставалось бекляшевцам пить гнилую воду из пруда.

Макаров перебрался через овраг. Теплый настой лесных запахов одурманивал. Он вскарабкался по крутому склону горы на заросшую кустами прогалину. Здесь под теплую шкуру леса пробирался ночной холодок.

— А ну, топор! — крикнул Макаров. Кто-то сунул в руки ему теплое топориче. Он расстегнул косоворотку и стал вырубать кустарник. Тонкие стволы пружинили даже у самого корня, топор срывался, рогатки ветвей в кровь царапали руки. Макаров не чувствовал боли, забыл все, врубаясь в чащобу с веселой яростью здорового, сильного человека...

Лишь в полной темноте он спустился с горы и оврагом — чтобы ни с кем не встречаться и дольше сберечь чувство простора и силы — прошел домой. Поля уже спала в сенцах, куда они на лето выносили постель. «Не приневоливай меня, Кузя» — просила она во сне и вертела головой, точно в удушье. Макаров тронул ее плечо и сказал:

— Ты не сердчай. Как-нибудь все устроится.

Мгновенно очнувшись, Поля по-своему поняла его добрые чувства.

— Ты и сам не сердчай, — попросила она. — Помнишь, я говорила тебе про шестые числа? Вчера Маруся пропала — ведь было шестнадцатое.

— Ну, чего еще? — запротестовал он морщась.

Но она продолжала:

— И год нынче тяжелый. Ох, подумай, Кузя, 666 — антихристово число.

— Да ты в своем ли уме? Сообрази, умная голова, какой у нас год? 1936.

— Все говорят. Будто от самого Христофора. От девяти тройку отнял он и к тройке прибавил. Сколько будет? 666.

Они не ссорились, но уснули чужие друг другу.

VI

Юноша, которого бекляшевский шофер подобрал на пароме, был сектант бегунского согласия и возвращался из далекой и трудной поездки. На груди он вез послание от самого преимущественного старца Артемия, главы секты. Целых три дня ехал он в поезде. Ему велено было избегать объяснений с неверующими, и ради этого в пути он не молился открыто, а только в душе, чтобы отвлекаться от соблазнов.

А соблазнов было так много!

У него были деньги, и он мог покупать вкусную пищу, приятную для тела, но расслабляющую дух христовых странников. Юноша отдохнул в вагоне, почувствовал прилив бодрости и стал бросать тайные взгляды на обнаженные руки и обтянутые платьями тела женщин. Их лица не были за-

крыты черными платками. Глядя на них, Досифей слабел, мысли его затуманивались, и он шептал:

... Горе мне, увя мне,
Во молодой во юности!
Плоть-то моя хочет согрешати,
А душа хочет царство получати...

Юность ты моя, юность,
Младое ты мое время!

Он шептал молитвенные стихи, но думал не о царстве небесном, к которому тянулась его душа, но о грехах, по которым томилось его тело.

Его лицо уже покрылось бесцветной растительностью, но разумом и чувствами он был ребенок.

Досифей не знал ни матери, ни отца, не знал своего возраста. Его вырастило братство на севере. Первые слова, которые он пролепетал, были слова молитв. Он был странник, отрекшийся от мира, слуга господ бога.

Оставшись один на Орлиной горе. Досифей долго рассматривал подарок шофера — папиросную коробку, потом отбросил ее в сторону и проворчал вдогонку машине:

— Горе и тем окаянным, которые слушают вас, окаянных! — И тотчас же жалобно и неуверенно: — Юность ты моя, юность, младое ты мое время...

Верстах в двадцати от Бекляшева лежала среди гор широкая болотистая низина, где топи чередовались с чащами кустарников и нетронутыми зарослями смешанного леса. Долина находилась на меже двух областей, но так как окрестности оставались незаселенными, а место по условиям транспорта было неудобно даже для лесоразработок, то не навевались сюда представители власти ни с той, ни с другой стороны. Зимой изредка забиралась артель охотников. Летом болото считалось непроходимым. Не было здесь ни бревенчатых тропинок, ни вешек над глыбыми местами, над теми зыбучими пучинами, о которых от отцов к сынам передавались суеверные предания.

В самом глухом уголке западины посреди бурелома торчали на некотором расстоянии друг от друга два обгорев-

ших дуплистых дерева, каждое толщиной в два-три обхвата. В определенное время дня они начинали куриться. Это были дымовые трубы подземных жилищ.

Сюда-то и пробирался Досифей.

Путь его был труден. То-и-дело приходилось переползать через овраги по бурелому, находить в навале деревьев прикрытую ветками лазейку. Зимой странники ходили здесь на лыжах, привязав сзади к поясу охапку хвороста, чтобы замести лыжню.

Досифей подошел к скиту уже в сумерках. Он развел колючие ветви шиповника и стал осторожно спускаться в подземелье.

Странник слишком долго дышал мирским воздухом, и теперь ему сразу бросилось в глаза убожество подземного обиталища. Пузырек с маслом давал слишком мало света, запах земли стеснял дыхание.

На широкой скамейке одиноко сидел старец Харламий и наощупь плел лапти. Досифей припал к его ногам и стал просить прощения.

Харламий поднял его и поцеловал в голову.

— Недостоин я видеть слез твоих — сам погряз в грехах с головой, — сказал старец растерянно.

Харламий повел юношу наверх. Они уселись на широкий пенёк с крепким околышем и трухлявой сердцевинкой. Когда Досифей успокоился, Харламий спросил, как встретил его преимуший старец Артемий.

Досифей ответил:

— Любопытствовал узнать жизнь нашей пристани и гневом своим смутил мой покой. Одна у нас мать — странствующая церковь, а разъедает ее распря.

— Оставим несогласия на усмотрение большаков, — отозвался Харламий со вздохом. — Гляди лучше на небушко. Я вот слабоват стал глазами, уходит от меня чертог небесный. Скажи, звезды не джоже падают?

Досифей посмотрел. Нет, звезды недвижно мерцали в темном небе.

— Хочешь спастись, страдалец мой, — ласково продолжал старик, — отвращай

лицо свое от земли, во всякий час взирай на небеса. Небо — божий чертог, глазу утешение, душе спасение на всякий день отныне и до века... Давно, я еще в миру жил, было знамение, по осени огненно падали звездушки и угасали. И стала война. Смотри на небушко, страдалец, как увидишь то же знамение — знай: приближается последнее время... Христофор сказывал: как пройдет у безбожников пятилетка, так станет война, всегубительство и судный день.

— Слышно, войны не было, — усомнился Досифей.

— А что, разве уже прошла у безбожников пятилетка?

— Говорят, давно идет у них другая, — возразил юноша с невольной улыбкой превосходства.

Харламий перекрестился.

— Все в руке божьей.

Вкрадчивая речь Харлампия и величественная картина ночи с притаившимся в потемках лесом и загадочными, нивесть откуда шедшими звуками, настроили Досифея на молитвенный лад. Воротясь в келью, один в глухой погребной тишине, он долго перебирал лэстовку, шепча слова молитв.

Весь следующий день Досифей собирал валежник. К вечеру ждали Христофора, но он где-то задержался.

Досифея позвала к себе мать Анфия. Спустившись в женскую келью, юноша с любопытством огляделся по сторонам. Здесь было просторней и лучше, чем у мужчин. Стоял на крестовинах длинный стол под кружевной скатертью. Женщины в черных платках сидели вокруг и что-то шили. Между ними пристроился слепой мальчик с вязальными спицами в ручонках. В конце стола, на высоком чурбане, восседала прямая, долгогая мать Анфия с рукописной книжкой в руках.

Она пела хрипловатым голосом, и ей вторили все женщины, призывая друг друга зажигать по ночам светильники, ожидать жениха — Иисуса Христа сладчайшего.

Досифей стоял у порога.

Из темного угла кельи, с трудом отодвинув осевшую дверь, медленно вы-

шла босая женщина с опухшим лицом. Досифей знал, что там держали запощиванцев — тех, кто дал обет запощиться досмерти. Он с ужасом смотрел на эту женщину, одной ногой уже шагнувшую за пределы жизни. Она медленно-медленно двигалась к Анфии. Преодолев половину пути, женщина остановилась и с мольбой посмотрела на Досифея. Он не осмелился притти ей на помощь. Отдохнув, она побрела дальше и, наконец, добралась до стола. Глядя в безучастно-скорбное лицо матери Анфии, женщина спросила:

— Братец от Христофорушки пришел?

— Иди-иди, беса тешишь, — ответила мать Анфия, подхватила ее под руку и замаха Досифею, приказывая убраться наверх. Потом она и сама вышла и сказала, где найти Христофора.

VII

В начале восемнадцатого века в горах, в лесных дебрях России скиталось множество беглых людишек. Бежали они от крепостного права, от солдатчины. Бежали староверы от преследования никонианцев. Гибли бродяги в болотах от лихорадки, замерзали около погасших костров и с упрямством фанатиков ждали чудесного избавления. В середине столетия появились между бездомными свой пророк — начитанный в старообрядческих книгах беглый солдат Евфимий. Он-то и положил начало согласию странников. Беглецы ожидали избавления, и Евфимий сказал им: уже не за горами второе пришествие Иисуса Христа, который будет «судить живых и мертвых». Государство обрекало беглецов на гибель — Евфимий объявил его антихристовым. Отвергал он и церковь за то, что она поддерживала государство.

По необходимости беглецы пользовались приютом у старожилов, чаще всего у своих родственников. И Евфимий разделил новое согласие на два разряда. Первый, высший разряд составляли «бегуны», они же «странники», «миростречники», «подпольники», «чердачники», «крыющиеся». Покровители же

их получили звание «благодетели», иначе «странноприимцы», «христолюбцы», «жилые бегуны», «исповедники», «знаемые».

Дерзкие мысли давно бродили в головах беглецов, но Евфимий первый свел их воедино и записал в книги, которые назвал «Цветниками». Он писал: «Закон градской вконец истреблен. Вместо закона воцарилось беззаконие, лихоимцы все грады содержат».

Но пришел срок, лихоимцы прибрали к рукам самих странников. Забучали новые молитвенные слова.

В особых «божественных паспортах», какие давались страннику взамен мирских документов, говорилось: «Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати с прилежанием, а пить и есть с воздержанием, хозяевам не прекословить...». И бегуны работали с прилежанием. Пахали, пасли скот. В двойных подметках лаптей приносили благодетелям золотой песок из далекой Сибири.

Появились у благодетелей и промышленные предприятия, на которых работали бегуны.

Новшества прививались не безболезненно. В 1913 году произошел даже раскол всего бегунского согласия. Собравши «собор в Вычугской стране», наставники, приверженцы старины, запретили христолюбцам держать мельницы и прочие заведения, «ибо кто богом своим сделал богатство, тот не спасется». Но мироедам нужны были мельницы, и даже паровые, и они созвали в «Пензенской стране» новый собор, который ответил: «Осуждается не богатый, но завидующий богатству. Христолюбцы имеют мельницы для прикрытия и пропитания крыющихся». Мироеды жертвовали на поддержание секты большие суммы. Треть пожертвований шла «в уважение большакам».

Революция, лишив благодетелей их богатств и связей, выбила те подпорки, что поддерживали странствующую церковь. Секта распалась на множество не согласных между собой толков, главари-пророки повели редущие общины разными путями. Самым сильным

из числа новых вожаков оказался Христофор.

Это был человек сильной и мрачной воли. Мучения, какие он прошел в начале пути, как послушник в монастыре, а потом как бездомный христов скиталец, не сломили его духа. Он ожесточился, научился не видеть никого, кроме себя, а это и нужно пророку.

Бог был вроде наковальни для его духа. С каждой мыслью своей он обращался к богу, но молитва лишь укрепляла его в уже принятых решениях.

За ним шли.

Самоуверенный и властный, Христофор не придерживался мертвого слова догмы. В 1919 году он создал кулацко-бегунскую коммуну под Ярославлем и предложил советской власти сделку: власть поддерживает учение странников, как единственное угодное богу, странники же создают по всей стране коммуны. Таковы были его условия.

Коммуна «Аксиома» была распущена, ее имущество конфисковано. Христофор бежал на Урал.

Новый страшный удар нанесло бегунам раскулачивание.

Самые богатые странноприимцы лишились своего могущества. Многие из них бежали в тайные сектантские кельи и принесли с собой бешеную злобу против мира, то-есть против Советов. Но из всех большаков один только Христофор безоговорочно сделал эту злобу своей религией.

Имя его означало — носитель Христа. Свои послания он стал подписывать двумя буквами — Х. И. Это были инициалы Иисуса Христа в обратном порядке. И Христофор Иванович объявил: как Христос пришел возвестить начало, так я живу, чтобы возвестить о конце. Все христофорово учение держалось на том, что он пророк последнего времени. На этом основании он и призывал к самоубийствам.

Он считал себя пророком всех странствующих, но многие большаки в разных краях объявили его новшества лжеучением. Сам преуспевающий старец ополчился против Христофора.

VIII

На рассвете во дворе лесной сторожки Досифей передал большаку пакет.

Едва глянув на первые строчки послания, Христофор, хмурясь, спросил: — Что, старый пес еще смердит?

Досифей не осмелился ответить, но и молчаливое его присутствие вдруг разгневало большака.

— Ну, чего ты мне в рот глядишь? — остановился Христофор. — Как мыши, шмыгаете в греховном любопытстве. — И сделал знак уходить.

Послание преиущественного старца было полно укоров.

«Осталась в лоне нашей церкви малая горстка людей, — писал Артемий, — и те от твоих ересей разбегутся». Преуспевающий старец с гневом отвергал доказательства Христофора о бездеятельности бегунской церкви. «Значит, по-твоему, блудницей оказалась та церковь, которая тебя воспитала, которая была тебе матерью, к которой ты присоединился при познании веры? — спрашивал он. — Пост до уморения придумал Василий Волосатый, ты еретика слушаешь, а запрещению собора не покорился. Тако же не покорился ты запрещению собора о принятии девиц на откровение помыслов и свои беззаконные сближения с женским полом не считаешь даже за грех и не раскаиваешься в них ни перед богом, ни перед людьми... Если теперь опять гласу предостерегающему не внемлешь, православный собор за вышеизложенные вины на основании закона божия извергнет тебя со степени старейшинства и отлучит от своей соборной и равноапостольской церкви и постановит, чтобы никто из христиан не имел с тобой общения ни в молитве, ни в ядении, ни в питии...

... Валены сапоги хорошие, спасибо, однако левый тесноват. Пришли чулки потоньше».

— Я тебе пришло, поганцу, — ворчал Христофор, входя в сторожку. — Веревку я тебе пошлю да кусок мыла, — удавись на осине, как Иуда Искариот.

Он переждал день, а как стемнело, — пробрался огородами в Бекляшево и постучался со двора в окно огромного мол-

чального дома. Увидав приложившееся к стеклу знакомое лицо, Христофор проговорил:

— Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Но ответного «аминь» не услышал.

Хозяин вышел в подштанниках, босой, и зашептал гостю в самое лицо:

— Уж я сказать не могу, как ты, Христофор Иванович, напужал меня. Ну, можно ли нынче с причетом стучаться? Да и не ждал я тебя. На ум ничто нейдет — в семействе у меня хворые, сам чуть на ногах держусь. Уж прости, пожалуйста, не взыщи...

Христофор — иссиня-черный, сумрачный — молча ждал, когда позовут в дом. Александр Петрович потупился в смущении, но только спросил:

— Дело, что ли, большое?

— Стар я стал по безделью бегать, — ответил Христофор жестко. — Лукич не бывал?

При упоминании лесника Александр Петрович смягчился:

— Аль обещался? Однако чего же мы тут стоим? Хоть и не хоромы какие у меня, а все не на улице.

IX

В просторной горнице Христофор истово помолился. Хозяин вынес подушечки — плоские лоскутные подушки, — и оба, опираясь на них ладонями, трижды поклонились друг другу в ноги и потом троекратно поцеловались. За переборкой, в спальне, застонала жена Александра Петровича.

— Никак там Христофорушка? Ох, уж, родимый, и времечко пришло — все следят да подсматривают. А тут еще Маруся — зачем уж муравейник-то бередить? Ты заварил кашу, а мы расхлебывай. К тебе ведь ушла?

— Ко Христу ушла, — отозвался Христофор. — А я, христов слуга, перед ним, сыном божьим, и ответ держать буду.

Женщина опять застонала.

— А ты, Александра, никак лампу зажег? Переведешь керосин, а осенью ночи длинные, будем в кулички играть...

Варвара вышла из спальни, лишь

для виду придерживаясь за переборку. На полном лице молодой женщины жарко горел здоровый румянец.

— Уж коли ты, Христофор Иванович, не побрезговал нашей бедностью, — моленье бы послушать. Обасурманились мы, а все же помним субботние дни.

«Не удалось выжить меня, так хочешь по жадности заступничество перед богом получить» — догадался Христофор, но не обиделся: он был слишком горд. Зажгли свечи, и он прочитал краткую вечерню. Хозяева вполголоса подпевали ему.

Женщина занялась на кухне стряпней, а Александр Петрович взял в спальне расплакавшегося ребенка и подсел к Христофору. Рослые, крутоплечие, они были похожи, как родные братья. Только бородой были несхожи. У Христофора борода — вороново крыло, у Александра же — помягче, с красниной. Да еще: гость, горделивый, смотрел требовательно и говорил жестко, хозяин же был уклончив, себе на уме, и над головой у него неспроста висел плакат с большим советским гербом.

Придвинув лампу, Александр Петрович внимательно, слово за словом прочитал послание Артемия, вернул бумагу Христофору и, насторожившись, занялся сынишкой.

— Надо мной надругаются, а ты готов терпеть? — Христофор ладонью прижал письмо к столу. — Ужели налет оскудела вера? Соберу христолюбцев — пускай ответят, за мной ли пойдут, иль за Артемкой, который в детство впадает. Как была через мельницы распря — без Христофора не доказал бы старичишка истины, а теперь лишний я стал, можно меня вшей. Ты как? Замолишь за меня словечко?

Александр Петрович осторожно усмехнулся.

— Отчего нет? Выйдем мы, друг за друга замолвим, а Макаров нас обоих и свяжет. Христолюбцы нынешние наперегонки побегут доносить.

Христофор смял послание всей горстью.

— Знаю. Ответ Артемке подпишешь?.. Вижу, что нет. Лукича у ворот

встречаешь — он дровишки дает, а я нынче беден, на меня можно собак спускать? Не ошибитесь! Христос-то со мной.

— Эх, Христофор Иваныч, — вкрадчиво вздохнул хозяин. — У Лукича-то и паспорт, и должность, а ты — я говорю прямо: пора и тебе шкуру смелить. Жизнь по своему характеру не повернешь, не миновать характер менять по жизни.

Христофор не вспылил, только склонил голову.

— Спина у меня не гнется, вот беда.

— А коли не гнется — смотри, не сломалась бы...

— Не такой я родился. Уж лучше руки на себя наложить. — Привычными пальцами Христофор стал перебирать зерна лэстовок, читая про себя молитвы.

Александр Петрович легонько покачивал на коленке сынишку. Он рисовался: смотрите, мол, в 60 лет няньчу годовалого сына от молодой жены. Маленький Санька тянул ко рту то одну, то другую ножонку, а отец мешал ему приговаривая:

— Ах ты, рыжий, красный, ах ты, утиный носок!

Ласковые эти прозвища тоже имели свой смысл. Мальчик был вылитый отец.

Окончательно примирил их Лукич. Круглолицый, чистенький, вечный инстинктив, вошел он немного бочком — этак ходят бойкие пристяжные — и спросил простодушно:

— Никак чего-то не поделили?

— Каждый хочет быть выше большака, — отвернулся Христофор.

Лукич тронул пальцем советский герб на плакате.

— Вот он — большак! Видал? А мы все нынче маленькие. Я нарочно свел вас с глазу на глаз. Ты ведь, Христофор Иваныч, мне не веришь, думаешь — из зависти я тебя на люди не пускаю. Однако не все так будет. Есть у меня гостинчик...

Он достал из нагрудного кармана и развернул на столе газетный лист.

Газета сообщала о начале войны в

Испании. Говорилось, что мятеж против республики организовали чужие сильные государства.

— Началось, дай-то, господи, — перекрестился хозяин свободной рукой.

— Что бы тебе, Александр Петрович, радио провести, — мягко выговаривал Лукич. — Разве нынче мыслимо без новостей жить? Другой раз и я приехал бы послушать. — Он обернулся к Христофору. — Ты человек большой, мы тебя бережем, как родного отца. Было в твоих пророчествах о последней брани, — вот где она, истина, подумай. И Артемий перед тобой шапку снимет. Зачем старичка обижать, ты с ним добром посоветуйся.

— Нет уж, сами... — Теперь, когда с ним заговорили уважительно, в Христофоре проснулись обиды.

— Сами мы — дым, ничто. Ни вида у нас, ни святости. А за тобой пойдут, как позовешь, — убеждал Лукич.

Разволновался и Александр Петрович. Посадил мальчонку на скамейку, обнял Христофора и проговорил тихо, с хрипотцой:

— Не гневайся, братец, — все для тебя найдется: и почести, и золотишко.

Однако храбрился недолго. Христофор после ужина сказал, что пришлет кого-нибудь за мучидей. Александр Петрович испуганно запротестовал:

— Разве мыслимо? Что ты? Поеду в город — сброшу в лесу на прежнее место, а если кого пришлешь — не признаю.

Встревоженный, он вышел за Христофором в сенцы, повторяя:

— Лучше не присылай. В контору сведу! Скажу: да, было, имел я с ними дела, но давно забросил, а они на вороту виснут.

Христофор смерил Александра Петровича брезгливым взглядом и наперекор обычаю ушел, не попросивши прощения.

За плотиной вожака обогнал на дрогах Лукич и не пригласил подсесть. Вожак знал, что так нужно — их не должны были видеть вместе, но ему стало еще тяжелей.

X

Мотька Демьянов был в грубых разбитых ботинках, в мятой-перемятой фуражонке и черной выгоревшей рубаше из прочнейшей материи — чортовой кожи. За спиной у Мотьки — туго скатанный стеганый ватник.

Выбеленная солнцем дорога, сбоку которой он шел, лежала раскаленная и мертвая.

Рябенские ящерицы смотрели на него из травы, поводя запыленными боками; тяжело жужжал шмель в ветвях березок. И только суматошная сорока, перелетая впереди Мотьки с дерева на дерево, отрывистым стрекотаньем будила дремлющий в зное лес.

Мимо отцовского хутора Мотька прошел, не останавливаясь, лишь немного замедлил шаг. На месте сожженных отцом хозяйственных построек Мотька увидел длинные овчарни под чешуйчатыми черепичными крышами. Дом был полуразобран.

Мотька отвернулся и зашагал быстрее к хребту Орлиной горы.

Обрыв был крут. За вершинами деревьев Мотька увидел внизу овраг, а дальше беспорядочно разметалось Бекляшево. За домами широко раскинулся светлый бугор, вокруг него по изломанному горному горизонту чернели леса. Лишь в одном месте, слева, горы расступились, там поблескивали на солнце излучины реки, и в сиреновом колеблющемся пространстве степи смутно виднелись селения.

Мотька быстро спустился под гору, решительными шагами вошел в родную деревню. Но на крыльце колхозной конторы он замешкался, беспомощно оглянулся назад. Орлиная гора закрывала от него покинутую сторону...

В большой комнате за деревянным барьером сидел незнакомый Мотьке синопсый человек. Мотька сказал, кто он и откуда пришел. Он думал ошеломить незнакомца, но тот только спросил:

— Жарища?

— Есть немножко, — разочарованно ответил Мотька.

Заезжий двор, куда Мотьку послали из конторы, содержала от колхоза вдова

Лукерья. Мотька знал эту гулящую бабу. Ему и самому случалось захаживать к ней. Это была женщина крутого нрава, угрюмая, с продолговатым скуластым лицом и сильными, по-мужски цепкими руками. Бывало, подвыпившие парни резались за столом в карты, а она лежала на печке и озлобленно поглядывала на них маленькими глубокими глазками. Утром она говорила тому, с кем вместе провела ночь: «Ступай, ступай, от вас, кобелей, голова болит». Знал Мотька и нехитрую историю падения Лукерьи. Ее муж пропал на германской войне. Ребенка, перенесшего тяжелую болезнь, она, исполняя обет, отдала в секту, а потом сильно затосковала и пошла по наклонной дорожке.

Войдя в знакомую притулившуюся за оврагом избушку, Мотька увидел седую женщину. Она стояла на коленях около печки и чистила толченым кирпичом самовар.

— Не сдох? — без удивления спросила Лукерья разгибаясь. — Говорят, бабы даже живучие, а и мужики не уступают. Из конторы прислали? С харчами встанешь аль так? Садись, дам обедать. — И она с решительным видом отставила самовар.

Изба бекляшевской вдовушки, бывало, славилась своей грязью. Теперь стены были выбелены, пол и подоконники выскоблены; но Мотька видел, что чистота здесь принудительная и порядок поддерживается без любви. Из-под кровати, накрытой тканевым одеялом, выглядывала куча хлама. Крышка стола была отскоблена до шероховатости, а ножки обросли плесенью.

Лукерья подала чашку щей, полкаравая хлеба и вновь занялась самоваром. Размазывая по измятой меди мокрый кирпичный порошок, она отрывисто, ие по-женски жестко рассказала о семье Демьяновых. Мотькина мать, скитаясь по чужим людям, три года тому назад простыла и отдала богу душу. Сестра уехала с московским шофером, — по слухам, была брошена им и с тех пор пропала из виду.

Итак, доходившие до Мотьки неясные слухи подтвердились: он остался один-одинешенск на целом свете. В заречной

деревне Елшанке жили, положим, родные по материнской линии, но к ним тропа от Демьяновых давно заросла.

С невеселыми думами сидел Мотька над пустой чашкой, пока Лукерья не понукала его:

— Чего еще ждешь? Стыдным делом не занимаюсь, не прогневайся. На сеновале дерюга, будешь спать, а одеяло не дам, — небось, ко всему привык...

Утром его позвали к председателю колхоза.

Дверь председательской избы была открыта, но Мотька захлопнул ее за собой и был встречен ворчаньем:

— Кого тут носит нечистая сила, опять закрыли весь свет...

Еще три года назад ударила старику Макарову в очи темная вода. Уже он не узнавал людей, но еще отличал свет от тьмы, и это радовало его.

В погожие дни, когда все были в поле, дедушка — одинокий, босой — с утра до вечера сидел в глубине избы, лицом к открытой двери, упершись иссохшими руками в колени и дремотно поникнув головой.

Мотька назвал себя. Старик вдруг заволновался, поправил на себе штаны, даже встал и переступил навстречу Демьянову плохо разгибающимся ногами. Путая старое с новым, он сказал о своем сыне:

— А ну их ко псам, все бегают, бегают, а дела не видно. Вот раньше были дела! Ты спроси стариков, какой тут был лес! Страшное дело. Вот тогда была работа, не то, что у нынешних.

— Работы и теперь хватает, — опасно возразил Мотька. — Взять хотя бы водопровод: нешуточное дело затеял Кузьма Ильич.

— И ты туда же! Кабы мы думали об этих забавах, здешняя земля так и гуляла бы пустая, — нетерпеливо отмахнулся старик. — Батюшка твой Семен Наумыч, что про ихние игрушки говорит? Смеется над дураками! Артельщики нашлись! — Шаря рукой по стенке, старик приблизился к Мотьке и прошептал ему в самое лицо: — Ты скажи папане, пускай не очень на моего Кузю обижается. На слово Кузя стал дерзкий, а душа у него почтитель-

ная. В случае мой дурак придет с нуждой, поучить надо, почему нст; поучить — поучи, а потом и помилуй.

Мотька с опаской поглядывал на дверь.

— Схоронили давно отца-то...

— Прости меня, старого, христа ради. Скажи на милость, какая башка дырявая стала. — Старик перекрестился.

Вошел Кузьма Ильич и вывел Мотьку из неловкого положения.

— Опять ты, батька, чего-нибудь наврал? — сказал председатель равнодушно.

Мотька дрожащими пальцами распутал тряпочку и молча протянул председателю пучок бумажек. Тот, по прямой, поофициальной усевшись за столом, пересмотрел каждую в отдельности.

— По чистой? — спросил он, с откровенным любопытством приглядываясь к возвращенцу.

— По чистой, гражданин Макаров. Второй год как на свободе, — с излишней торопливостью ответил Мотька.

— Попал под сокращение срока?

— Попал, Кузьма Ильич, согласно постановлению правительства. Ну, и потом заслужил честной работой.

— А теперь как думаешь жить?

Мотька заволновался. Перебрал пальцами от груди к горлу по вороту рубашки — она была застегнута на все пуговицы.

— Не знаю уж, куда мне и податься, — начал он нерешительно — и тут же подхлестнул себя: — Потянуло меня в родные места. Хочу прощенья просить за прежнее. Речь скажу на собрании, перед всем народом. Объясню, до какого понятия я дошел. — Он осекся, повертел на руке картузишко и виновато признался: — Время пришло, а слова разбеглись...

Макаров долго молчал, показывая, что и сам считает положение возвращенца нелегким. Потом сухо сказал:

— Поживем — узнаем друг друга и без речей. По делу. А дело тебе поручаем ответственное: ступай в лес и обеспечь колхоз дегтем. Нет у нас дегтекура, а ты с пеленок эту премудрость знаешь.

XI

Целый день Мотька блуждал по прибрежному лесу, да так и не выбрал для дегтекурочной печи места удобней отцовского.

Когда в деревню пришли первые машины, колхозники думали, что больше не понадобится им колесный деготь, и снесли дьяновские печи. Усеянная кирпичным щебнем поляна заросла татарником, лебедой и крапивой, — этими хищными травами, идущими за крестьянином, как воронье за войском.

Сохранилась только дьяновская избушка, снаружи похожая на курную баню; на ее освешей крыше разрослась суренка; трава росла и на земляном полу, а в очаге, на груди слежавшейся золы, под прямым дымоходом распустился хилый лиловый цветок. Потолок покрылся лишаями, на рухнувших нарах валялись клочья прелой овчины.

Мотька починил нары — выбросил поломанные доски, сдвинул к стене остальные и поселился в избушке.

Он купил котелок и ложку; в колхозе ему дали рыболовную снасть; хлеб и картошку он получал в виде аванса.

Не теряя времени, Мотька принялся за работу.

Он очистил поляну от щебня и выкопал крапиву. Цельные кирпичи Мотька сложил в стороне башенкой, так, чтобы каждый верхний опирался на края двух нижних и между ними гулял ветер.

Из села привезли несколько тысяч новых кирпичей, и строительство началось.

Мотька подымался с зарей, брал с косяка над дверью сердцевидную лопаточку, закатывал выше локтя рукава и до сумерек укладывал, подгонял, намазывал глиной кирпичи, проверяя на-глаз и отвесом, ровна ли кладка. Он хотел одного, чтобы ему не мешали и впредь ночевать в избушке и работать на этой поляне. «Мне немного надо, ужели не заслужу?» — думал он, с ожесточением орудуя скребком.

...Рано утром, накладывая в дырявый таз глину, Мотька услышал гулкий стук водовозных дрог по оббитой корнями лесной дороге. «Теперь, с помощником,

работа пойдет скорее» — думал он, смачивая водой вчерашнюю зачерствелую кладку. На поляну тряской, ленивой рысью выбежала саврасая лошадь. Позади бочки стояла девушка и крутила над головой обрывком веревки. Она стояла крепко, не упираясь коленками в днище бочки; лишь коротко подобранные вожжи поддерживали ее. Перед избушкой дроги останвлились. Мотька разглядывал девушку воровато и жадно. На ней была красная юбка в крупную черную клетку и белая кофточка. Изпод платочка, завязанного по-городскому, — на затылке, — выбилась прядка волос. Лицо у нее было обветренное, и только на висках меченая веснушками кожа сохраняла нежность и белизну.

— Ну, вы, поповы работнички! — сказала помощница, придерживая савраску. — Долго же этак будем строить!

Дергая вожжи и чмокая, она трусцой покатила к реке и смело спустилась с берега по обвалившейся дорожке. Бочка поплыла и, пожалуй, могла бы стащить лошадь на глубину, но девушка круто поворотила против течения, прыгнула в воду и уперлась плечом в заднее колесо. А через несколько минут она уже выехала наверх. Расколыхавшаяся вода выбивалась из бочки каскадами брызг. Крепкое, сильное тело девушки вырисовывалось под мокрой материей.

— Разинули рты, поповы работнички! — проворчала помощница. Мотька был для нее чем-то безликим, она даже как бы не замечала, что он один на поляне.

Обедали они врозь. Он сидел на пороге своей избушки и ел из котелка обжигающую, пахнущую дымом уху, которую сам приготовил между делом, а она в холодке, около бочки, жевала черствую ватрушку и попивала молоко из бутылки.

Вечером девушка уехала, так и не сказав своего имени. Оставшись один, Мотька долго думал о ней. Он понял, что нашел еще не все счастье.

Дня через два явился и второй помощник, подросток, сын осевшей в

колхозе портнихи. С ножницами и кулечком ниток переходила модистка из села в село, обшивая сельских модниц, пока не забрела в Бекляшево. Здесь Кузьма Ильич нашел для нее половину избы и, чтобы крепче привязать к колхозу, приставил к делу и Гогу, ее сынишку, — учиться у Мотьки дегтярному промыслу.

У Гоги была петушиная грудь, кирпич он поднимал обеими руками. Не привычный к физическому труду, он быстро уставал, но не подавал виду и страшно сгорчался, если ему предлагали отдохнуть. К Мотьке он относился с недоверчивым любопытством, причем в недоверии, как и в работе, был усерден и неопытен. В каждом шаге, в каждом слове Демьянова он искал тайный смысл.

— Мне приходилось и не так биться на работе, — сказал Мотька во время первого артельного обеда. Девушка — ее звали Настя Зотова — сделала вид, что не слышит. А Гога насторожился:

— То-есть?

— А очень просто. Тут и тепло, и тихо, а мы клали кирпич зимой, — вот какую я прошел закалку.

— То-есть? — повторил Гога еще подозрительнее. — И такую же агитацию разводил?

XII

Всего лишь лет сорок тому назад пришли к подножью Орлиной горы первые поселенцы.

Они размежевывали будущие усадьбы засечками на деревьях, наплели шалашей с подвесными котлами посредине и принялись корчевать лес, рубить дома. Все лето пекли хлебы в общей курной избушке, там же и парились по субботам, в очередь охраняли от волков скот на общем дворе, всем миром насыпали плотину, артелью стаскивали в овраг непосильно-кряжистые деревья. А как построились, — разбрелись по своим дворам.

Первым облюбовал здешние места щуплый, но уверенный в себе и спокойный мужичонка — Илюшка Макаров. Как говорили, он разбил о пороги земских канцелярий три пары лаптей, а

свое взял. Казна, связав желающих круговой порукой, продала необжитую землю недорого, в рассрочку на пятьдесят один год и с небольшим учетным процентом.

Высокие каменные гряды прикрывали новую землю от северных ветров, и прикрывали так хорошо, что сеяли новоселы на два-три дня прежде заречных. В бумагах село называлось Бекляшевым, по имени какого-то башкирского хана, который в давние-предавние времена охотился здесь на медведей. Но поселенцы любовно именовали местность по-своему: Теплые горы.

Первые жители ставили дома в одну цепочку — огородами к оврагу. Открытые дворы выходцев из православной Елшанки чередовались с глухими, неприступными жилищами староверов из Туночной.

На обжитое место стали перебираться богатые христороубы — Крайновы, Чеготаевы, Махины; этих уже не нужда гнала, — влекли их сюда свои, далекие расчеты. Они построили второй порядок, огородами в степь. Каждый их домище с полуподвалами, с кельями и крытыми дворами глядел в оконца двух-трех приовражных домишек.

Богачи быстро отставили ходока Ильку Макарова на задний план, стали сами вертеть деревней.

Для отвода глаз они поставили церковь, изредка посещали ее, даже говели и только не подходили к причастию: этого бегунский устав никак не позволял. Приходской священник Влас отлично знал, что прихожане каждую его службу потом по-своему, еретически замаливают, как тяжкий грех, но его доход не уменьшался от этого, и ему завидовали коллеги из богомольных деревень.

От волостного начальства христороубы также откупались. У многих на задних дворах полукрыто жило по десятку и больше беспаспортных странников и странниц.

Женщины рукодельничали, помогали в дома, и в поле; мужчины плотничали, строили, писали иконы. Наставники проповедывали, группировали вокруг благодетелей странников и всю при-

овражную бедноту. Скоро выделился один особенно предприимчивый христороубец и стал главенствовать уже почти над всей деревней. То был Семен Демьянов. Явился он в Теплые горы бездомным странником. Слепил на реке землянку, вышел к ужасу проповедников в мир и занялся дегтярным делом. Сумел разбогатеть, получил прощение и поддержку от большаков, поставил хутор и при нем келью для почтеннейших старцев, усталенную коврами, с изразцовой печью и подземным ходом на случай облавы. Его воля была законом для наставников, а через них и для всех поселян, потому что даже выходцы из Елшанки с течением лет стали больше бояться бегунского, чем своего, православного бога. Они ходили слушать сектантские моления, поддерживали бегунов посильными подавниями.

Все туже стягивались обручи, да вдруг лопнули. Раскол бегунского согласия в 1913 году поделил Бекляшево на два неравных лагеря. Большая часть здешних «видовых» христиан пошла за сторонниками мельниц. Здесь их стали называть демьяновцами и еще степовыми бегунами. Но безнадежные бедняки, видя в мельниках своих разорителей, твердо стояли за старинные порядки. Эти прослыли овражными бегунами и еще — по имени своего вдохновителя — никаноровцами.

Наставники никаноровцев были бедны и мало начитаны. Понемногу их поглощало более сильное братство степовых. Но революция внесла новое замешательство, а коллективизация уже окончательно все спутала. Семен Демьянов был расстрелян, Махин раскулачен и выслан на север, молодой Крайнов, в гражданскую войну дослужившийся у белых до офицерского чина, бросил хозяйство и скрылся. Из крупных сектантских воротил один только Александр Петрович Чеготаев уцелел и сумел приспособиться к новым порядкам.

Опять привражная беднота подняла голову. Вожаком в деревне стал Кузьма Макаров, сын состарившегося Ильи Осиповича. На его-то плечи и легла нелегкая задача — объединить деревню новой дружбой.

XIII

После неудачных поисков Маруси Пестриковой, вернувшись к хозяйственным заботам, Макаров не все увидел в прежнем порядке.

На племенную конюшню он едва протиснулся между осевшими створками ворот. Полез ощупывать петли.

— Дай уж сам, я и так нынче собирался, — соврал старший конюх и похмельно зевнул.

Макаров оттеснил его.

— Этак мы скоро с тобой поругаемся, — сказал он сердито. — Ворота доломаем, через крыши лазить начнем. Плох ты стал, Богдан.

Неразговорчивый — слова клещами не вытянешь — Макаров прошел по длинному коридору конюшни.

Половина стойл пустовала. Мслодням исчезал на выгонах, в конюшне остались только недавно ожеребившиеся матки два производителя да разъездные лошади.

— А ну, Петя, посмотрим Гутбоя, — сказал Макаров второму конюху, точно радостью поделился.

Рослый неуклюжий парень, преувеличенно грозно покрикивая на поджарого жеребца, вошел в крайнее стойло.

Жеребец завизжал и попытался встать на дыбы, но Петя осадил его.

Гутбой долго не мог успокоиться. Раздувал тонкие ноздри, косился закряхневшим глазом, скоблил копытом землю. На дворе он виден был весь — с крутым крупом и гибкой шеей, с маленькой крепко поставленной головой Светлая, цвета ржаной соломы грива волнами спадала на левую сторону.

— Ого, — сказал Макаров, — да вы как в плохой столовой, перевели лошадей на самообслуживание. Это что?

— Грива.

— Знаю. А в каком она виде?

— Свалялась немножко.

— Немножко? Давай гребень.

Петя хотел сам расчесывать гриву, но Макаров не дал.

— Подумай, — женишься, и начнет баба кой-как ходить: один чулок спустился, волосы сорок ден не чесаны и в пуху. Понравится тебе, Петя?

Жеребец косился на Макарова, скалил желтые горбатые зубы. Макаров, играючи же, брал его за храп. Жеребец вскидывал голову и отворачивался, точно хотел сказать: «Ладно уж... Не укушу, будь спокоен!». Сила так и клочкотала в нем. Тугая кожа с лоснящейся рыжей шерстью то тут, то там вздрагивала, словно иголками ее кололи. Макаров взял Гутбоя за щетку и заставил показать копыто. На подошверосло много мякоти, и края стакана местами потрескались. Макаров спросил, часто ли бывает на конюшне ветеринарный фельдшер, и строго-настрого наказал, чтобы не сегодня, так завтра копыта были приведены в порядок.

— Гордого и маток выведите без меня, — распорядился он, передавая Пете повод.

Выгозоры Макарова обезоруживали всякого. Чувствовалось, что председатель с превеликой радостью выполнил бы сам работу, о которой говорит. И от этого виноватому было вдвойне советно.

XIV

Бригадной дорогой, по меже, Макаров покатил за бугор. Утренний ветерок гнал через поле бесконечные волны, открывая темные глубины хлебов, сверху уже высветленных солнцем. Макаров с дрожek захватывал колос, выжимал молочную капельку — завязь зерна — и уже прикидывал, каков будет урожай.

В опустевшем полевом домике Кузьма нашел десятиметровку и отправился на озеро. За ним увязался веснушчатый рыжий сынишка бригадира.

Перья травы уже обсохли, а в паузах, у стебля, и в чашечках цветов еще сверкали капли росы. «Ну, уж нет, с лугами я не расстанусь» — думал Макаров, глядя на колькины выбеленные росой ноги, как будто в них было все дело. Бекляшевские луга попали в план расширения посевных площадей, и только на-днях Макаров отбил их.

На озере Кузьма Ильич приметил высохший куст таволожника и пошел от него замерять берег. Натянув веревку, он завязывал две прядки пырея. К отметинке переходил Колька с другим

концом веревки, а Макаров шел дальше. За ними в сизой траве оставалась зеленая влажная борозда.

— Тридцать... Сорок... Пятьдесят, — громко объявлял Кузьма Ильич.

— Не надо же, дядя Кузьма, — умолял Колька, — я сам, я уже в третий класс перешел.

— Ну, смотри! — предупредил Макаров.

Пырей доставал до пояса, цветы кашницы щекотали шею и лицо. Местами приходилось продирааться между кустами пахучего шиповника.

Выйдя в конец озера, Кузьма Ильич увидел застывшую под берегом фигуру рыбака. Камышевый поплавок, мелко вздрагивая, плыл к расчесанной подводной траве. По воде расходились дробные круги.

Колька кубарем скатился к рыбаку. Кузьма Ильич засмотрелся сверху.

Поплавок остановился. Рыбак нехотя поймал пустой крючок.

— Опять слопала, проклятущая, — проворчал он и только тут оглянулся.

Это был Тимофеич. Он насадил нового червяка, осторожно закинул удочку на прежнее место и попросил у Кузьмы Ильича табачку.

— Чертей пришел вязать? — кивнул Тимофеич на веревку.

— Надо бы к уборочной заарканить пяток, пускай вялку покрутят. — Макаров спустился с обрыва и присел на корточки. По другую руку рыбака, поближе к удилищам, устроился Колька.

— Хочу отбить у тебя доход, — продолжал Кузьма Ильич. — Ты как, судиться не будешь?

— Судился пескарь со щукой, да она его, говорят, и сожрала.

Колька хотел пересчитать в ведерке красноперых рыбок, но Тимофеич не дал: не будет клева.

— Хочу рыбу в озере развести, — сказал председатель. — Зеркального карпа. Этакие угоды пропадают! Расчистим дно, привезу весной маток — и пушу. Каждая матка выбрасывает сто тысяч икринок.

— Сам считал?

— Будем огребать с гектара водной поверхности триста рыбин. Каждая по

фунту — и то семь пудов. А озеро не маленькое. Вон Колька замерил. Скажи, Коля, сколько насчитал?

Колька растерянно пролепетал:

— Забыл... Вы тут долго будете? Я другой раз смеряю.

— Ладно уж, сиди. Герой! 800 метров. Да в другой конец столько намеряем. И в поперечнике метров сорок будет. Чуешь, Тимофеич, какое богатство?

Поплавок медленно поворачивался во круг погрузившегося в воду носика.

Тимофеич отмахнулся:

— А ну тебя, председатель, с твоими карпами, федотами да расчетами. Я прошлый год без всякой канители вытянул сазана фунта на три!

Поплавок нырнул ко дну.

— Пропади они пропадом, твои карпы! — с азартом прибавил старик, ловко, с подсечкой вытягивая удочку, и сразу помрачнел, увидев вместо золотистого сазана колючего зеленого ерша.

Всередцах старик выдрал крючок вместе с ершиными внутренностями, а рыбешку бросил через голову на берег.

— А ну вас всех, — ворчал он, похлопывая руки. — Перебили рыбалку. Теперь пойдут ерши сопливые. — И он с оскорбленным видом стал сматывать удочки.

Макаров пошел на бахчи проверить неладные слухи.

ХV

«У нас бахчи трехэтажные» — шутили бекляшевцы. Высоко по склону бугра были посеяны арбузы. Серые их плети сливались с землей; издали казалось — на земле лежат валуны. Ближе — дыни и тыквы прятались в пышной ботве, а у самого озера, на спадке, росли низинные овощи: капуста и огурцы. У грядок стояли две телеги. Женщины пригоршнями бросали в них огурцы. Третий, закрытый пологом короб ждал в стороне. К нему Макаров и подошел.

У бекляшевцев было принято без особых церемоний заглядывать друг к другу в возы. Макаров запустил руку под траву, нащупал в пологе прореху и вы-

тащил длинный, пупырчатый, изогнувшийся рогом огурец.

— Со своего огорода? — спросил Макаров кузнеца, который отдыхал в тени короба.

Посмеивались, что мать кузнеца не во-время «на цыгана глянула». По смуглому лицу его были рассеяны родинки — совсем, как угольные брызги.

— По чужим не лазим.

— Это же клинский огурец! Все такие в возу?

— А хотя бы и все. Наверно, не у одного нашего колхоза такие семена?

— Ты где разжился?

— У соседа.

— А сосед?

— Он мне не сказывал.

Макаров круто переменял тон.

— Мы с тобой не ребята — в прятки играть.

Телин не ответил.

В деревне Макаров прошел оврагом. Здесь на огородах степовых бегунов он нашел целые грядки клинских оружиков. Ему стало обидно за Телина, искусного, уважаемого мастера, который оказался причастен к жульничеству.

ХVI

Всю ночь шумели на ветру истомившиеся деревья, а на заре хлынул ливень, и улица посветлела от луж. Накрывшись на телегах мешками, приехали с поля полотьщицы, вернулись вымокшие плотники, гнавшие к родинку деревянные трубы. Колхозники отсиживались по избам, толпились на крыльце конторы, под железным козырьком.

Макаров решил созвать народ на собрание.

Приспособленное под клуб здание дерквушки пустовало с самой зимы. Непромытые окна были тусклы, около круглой печки валялись забытые березовые поленья.

Распахнули все окна, ровный шум дождя заглушал и обесцвечивал голос Макарова, когда тот открывал собрание.

Приближалась уборка урожая. Бригады, старший кузнец рассказали о состоянии лошадей, сбруи, машин и инвентаря. Выступили немногие; ждали «текущих дел», разбора кляузных историй.

О клинских огурцах собранию рассказал сам Макаров.

— Мы с вами хлопочем переименовать деревню, — начал он спокойно. — Хотим, чтоб везде ее называли так, как наши старики промеж себя величали. И такое нас взяло нетерпение, что переименование еще не пришло, — Улита едет, когда-то будет, — а мы на своей базарной палатке уже и надпись намалевали: «Теплые горы». В той палатке продаем мы горькие огурчишки. А рядом некоторые наши уважаемые колхозники с возов подторговывают клинскими огурчиками, и к ним со всех ног бегут с кошолками подгорские женщины, да и огородники из других деревень приходят подивиться, как это в Теплых горах колхозники стали богаче своего колхоза? А очень просто: обокрали мы с вами колхоз... Не шумите, товарищи! И ты помолчи, Чеготаев. Не торопись, коза, в лес, все волки твои будут... Когда план обсуждали, надеялись мы на Хомутинах сажать одни клинские огурцы, получить побольше дохода и на другую весну снабдить семенами всех колхозников. Но нашлись некоторые люди «поумнее» всех. В нашей знаменитой артели, в Теплых-то горах, они сколотили свою «артель» для кулацкой растащилки. — Голос Макарова теперь раздавался громко, зал насторожился, и уж никто не слышал дождя. Воспользовавшись паузой, Чеготаев бросил с места:

— Ты трудящихся колхозников не окулачивай — советские законы не дозволяют!

Макаров — точно этой реплики и ждал — вскинулся, закричал:

— А ты весной, гражданин Чеготаев, что мне сказал? Крысы семена разворовали? Видишь, крысы были очень учены — мало им разворовать, и в рядки семена посадили. Законом меня не тычь! Я законы знаю! Выйди и

скажи народу в глаза — твоих рук дело или нет?

Председатель собрания — Ванюшка Лобанов — предложил завхозу выступить с объяснением. Тот вышел вперед, вытер красным платочком бычью шею, к удивлению Макарова, с первых же слов признался, что семена раздавал он. Раздавал, но не со злым умыслом, а следуя лозунгу советской власти о чуткости. Не сказался Макарову — верно. Но почему? Надеялся, что семян хватит и все обойдется. «Ошибся. Казните, как знаете».

— Что ж у тебя чуткости не на всех хватило? — спросил Макаров. — Почему семена получили одни твои дружки-приятели?

Александр Петрович ответил с простодушным видом:

— Я в этих делах неопытный. Кто у меня спросит, тому даю. Сам я зернышка не взял, а уж кто себе не дружок?

Выйти из воды сухим Чеготаеву все же не удалось. Активисты припомнили завхозу, что он и прежде пытался гнуть свою линию — и лучших телят с фермы, и лучшее сено раздавал все тем же, кто теперь «догадался» спросить у него семян.

Собрание, хоть и не единогласно, постановило: сделать завхозу последнее предупреждение, а если еще раз провинится, — тогда снять с работы.

XVII

Трактирный музыкант Зотов привез в Теплые горы сундук тряпья да семерых детей, которых и вытряхнул под дерево, как арбузы из мешка. А сам отправился со своей двухрядкой на заработки и вскоре был убит при пьяной поножовщине. Соседи помогли семейству слепить хатенку, и сироты худобно держались, пока не померла рано состарившаяся мать. Дети рассеялись по белому свету. Из всего выводка в Бекляшеве остались трое: старший Степан да две сестренки — Настя и Лиза.

Степан в противоположность безработному гуляке-отцу был скуп, жесток, свято соблюдал отжившие обычаи. В

тридцатом году он ездил на заработки в город — лишь бы подальше от колхоза. Настю сосватал было тракторист из Верхнего Тукшума, но вернулся Степан и не пожелал родниться с колхозником.

— Не будет на эту свадьбу моей братней воли,—заявил он Насте.—Ты слыхала ли где, чтобы замуж выходили по любви? Небось, не собаки—снюхались, да и ладно. Старшие больше понимают.

Прибежала сваха из Тукшума, посрамила Зотовых перед всем честным народом, взыскала 45 рублей.

— Мы для вас вечеринку устраивали, — говорила она, — угощали вас, как хороших, а вы вона как!

Вскоре Степан просватал сестру за единоличника с хутора Биринского.

Жениха звали Костей. Он приехал щуплый, прилизанный, в рубаше с мелкими пуговками. За столом говорил невпопад, и его одергивала мамаша. Степан послал Настю за водой на Орлиную гору. Собираясь, услышала она, как посылали следом за ней и Костю. Подымаясь в гору, со страхом ждала она за спиной скрипа шагов по снегу. Однако не дождалась. А спустившись вниз, увидела Костю у оврага с оравэй подростков. Они следили за кружившимся в небе белым голубем.

— Ты мамаше не сказывай,—попросил жених,—я турмана привез в кармане. Ого! На хутор залился!

В день свадьбы падал крупный снег, шумели оцепившие деревню леса. Мир показался Насте темен и тесен. Во всем подвенечном наряде она повесилась в катухе, написав записку: «Сестрица Лиза, не выходи за немилого. Чем за нелюбимого итти, лучше на перекладке жизнь положить».

Настю спасли. За биринского единоличника выдали Лизу. Уже было пять или шесть гулянок, и обе стороны не захотели, чтобы расход пропал даром.

А Настя осталась жить у брата в его большой семье. Степан недолго упрямылся — вступил в колхоз. Хотя Настя выработывала больше трудодней, чем он сам, и весь заработок оставляла в до-

ме, ес считали дармоедкой. Таков удел лишнего члена семьи.

Незестка, женщина простая и в глубине души добрая, считала своим долгом учить Настю, то-есть попрекать:

— Не по-родственному ты, Настюшка, обошлась с нами. Осрамила перед всем честным людом, да и ладно. Небось, мы не порченые какие-нибудь! Мне вон шестнадцать годочков не сравнялось — меня уже за Степана просватали. А ты что?

По вечерам она говорила Насте:

— Вона, опять под окнами с гармонью прошли — тебя зазывают, иди уж! Добегаешься, принесешь в подоле безотцовщину!

Если Настя без разговоров накидывала на плечи платок и шла на улицу, невестке не нравилось, что она слишком поспешала. Если же отнекивалась, говоря, что у нее на душе невесело, невестка раздражалась еще пуще.

— Тоже гордячка нашлась! Другая давно бы выскочила замуж хоть за кривого да вдового, а эта сидит на братней шее, и горя ей мало! Иди, иди, пока избу дегтем не намазали, а то еще и сожгут с пьяных глаз.

Степан иногда прикрикивал на разворчавшуюся жену, но так, что грубость его Настя должна была принимать на свой счет.

— Не больно тебя слушают, — оставив на столе ложку, ударял по краю железной миски. — Дураков крести, а они кричат «пусти».

Настя затем и помощницей к дегтекурру пошла, чтобы поменьше видеть домашних.

В первый же вечер, воротясь с лесной поляны, она заметила, что брат и невестка подобрали. Степан починил сестрину колченогую кровать, а невестка достала из сундука кусок душистого мыла.

— Умывайся на здоровье. Пока в девках — и понежитья, — сказала она Насте.

За столом ее спрашивали, как понравилась новая работа и горячо ли взялась за дело Мотыка Демьянов. Настя отвечала без затей: в лесу ей по душе. она готова весь век не уезжать с поля-

ны; возвращенец копошится, без дела пока не сидит, а дальше видно будет.

Утром невестка посоветовала ей надеть новую кофточку: девушка никогда не знает, где встретит суженого. Настя вспыхнула, швырнула кофту в угол и ушла раздосадованная.

Весь день Мотька и Настя поглядывали друг на друга почти озлобленно. Настя боялась, как бы не пошли по деревне толки о ней и об этом темном человеке. Мотька сердился на нее за свои мажорские мечты, за то, что самым повлечением своим Настя растревожила его.

Под вечер дегтекур подобрал в траве газету. На первой странице изображались изуродованные трупы детей с номерами на груди. То были маленькие испанцы, убитые при бомбардировке Мадрида. Небольшая заметка рассказывала, как в бекляшевском колхозе проводится сбор средств в пользу женщин и детей республиканской Испании.

...Настя выехала на берег, и Мотька протянул ей бережно свернутый газетный лист.

— Ну, чего в колхозе нового? — спросил он. — Я тут сижу без людей, как бирюк.

— Бывают люди, а бывают звери, — ответила она, вырывая газету и глядя на картинку с изуродованными детскими телами.

— Там, будто, деньги собирают в пользу сырых детей? — продолжал Мотька, пересилив обиду.

— Собирают, — ответила она с таким видом, точно хотела добавить: «Да тебе-то какое дело?». Скрестив под дрогами две жерди, они сняли бочку с перекладом (Настя оставляла бочку на поляне, чтобы не расстрясти ее по неровной лесной дороге).

— А мне можно пожертвовать? — спросил Мотька.

— Жертвовали при старом прижиге, — сурово ответила Настя, — а теперь бывают взносы солидарности. — Она расправила вожжи и стала на переднюю ось.

— Вот это самое я и хочу. Я только выразился не так.

— Ладно, спрошу. Н-но, ты, кляча водовозная! — И Настя уехала.

Утром она привезла подписной лист и огрызок карандаша.

Мотька старательно расправил на ладони две пятерки и вывел на листе свою подпись.

— Щедрый какой! — сказала Настя. — Да нашего председателя не обманешь, он и не таких ласковых видел.

А Мотька и не думал кого-нибудь обманывать.

XVIII

Мотька попрежнему жил только работой. В деревне он бывал редко и знакомства ни с кем не поддерживал. Одни его сторонились, других сторонился он сам.

Как-то в колхозном амбаре Мотька столкнулся с Александром Петровичем. Завхоз приехал с мельницы; на его наглых скулах, на огненной бороде лежала мучная пыль. Он посмотрел на Мотьку неузнающими глазами, хотя прежде был нередким гостем в доме Демьяновых. Запустив руку в ведро с мотькиным пшеном, которое стояло на весах, завхоз сердито бросил кладовщику:

— Жирными кусками разбрасываешься. Насыпь из крайнего.

Он легко поднял ведро над головой и, выплеснул пшено в высокий сусек.

Мотьке отвесили дробленого пшена с примесью земли — из запасов птичьего корма. Он вышел, проклиная Александра Петровича на все лады.

На краю деревни дегтекура подозвала Турыха и со вздохами зашептала из окна:

— Ах ты, страдалец, ах ты, болезный, уж я-то тебя жду, я жду. Словечко есть для тебя — радость. Сам Христофор Иванович про тебя спрашивал. Уж так жалеет...

Мотька буркнул, что ему некогда рассуждать о пустяках, и ушел...

Мотька был рад, что работает в одиночестве, в тиши леса. Попади он на полевые работы, ему пришлось бы, может быть, с кем-то поссориться, против кого-то поднимать руку, а он видел в этом одно беспокойство. «Неправда,

замечают, — буду работать так, чтобы хребет трещал» — часто повторял он себе.

И он действительно работал на удивление всем односельчанам. Настю и Гогу спрашивали, не брехня ли это, что Мотыка Демьянов обещает к страде дать колхозу деготь.

Это была правда.

Настя и сама поглядывала на возвращенца со скрытым любопытством. Ей хотелось знать, что же у этого человека на душе? Но в обращении с Мотыкой она держалась раз взятого насмешливого тона.

— Что же ты на улицу не приходишь? Облюбовал бы барышню покрасивше, — говорила она ему, как говорят дурачкам или юродивым.

— Я и тут хорош, — отвечал он сурово и отходил в сторону.

Насте нравилось дразнить его. Но иногда, видя, как этот сильный и замкнутый человек прячет от нее свои глаза или, потупясь, отходит прочь, и руки его висят, одеревяневшие от томления, — она внезапно грустнела.

Случилось, что на поляне нехватило кирпичей. Гога вызвался съездить в деревню, а Мотыка и Настя остались вдвоем сидеть на траве, у порога землянки, над пустыми железными тарелками.

— Я с севера воротился совсем другой, — сказал Мотыка, отодвигаясь в сторону.

Настя давно ждала этих слов, но не осталась сидеть сложа руки, чтобы он не подумал лишнего, а принесла из бочки воды и принялась ополаскивать ложки.

— Как прочитали приговор, я прямо сказал караульным: «Хоть сейчас меня расстреляйте, хоть погодите, а я советской власти не слуга» — начал Мотыка, невольно смягчая то, что он сказал когда-то караульным.

Насте же не понравилось и это вступление, и она бросила насмешливо:

— Ну, и что, не запугал советскую власть?

Мотыка переждал, показывая своим молчаньем, что впереди все будет сказано.

— Везли нас с неделю. Что ни день, холодало. Природа дикая. Кой-кто по ночам плакал. Раскулаченные говорили друг дружке: «Погибаем, братцы, примем смерть в чужом, лютом краю». Я и сам сгорбился, голова — стопудовая гиря... — Тут Мотыка спохватился, что старается выставить все в слишком жалобном виде, и поправился: — Конечно, некоторые от злости клацали зубами... В городе Котласе пришлось ждать у реки парохода. Дождик мелкий шел, туман, не видно другого берега. Стоял час, другой. Ветер бил с низовья, вода прибывала. Мы стояли в первом ряду — волна уже плескала под ноги. А мы и с места не сдвинулись, пока конвоиные не отогнали назад. Поднимись вода до горла — захлебнулся бы и не пикнул! — воскликнул Мотыка.

— А советская власть и тут не испугалась? — опять спросила Настя, на этот раз помягче.

— Нет, не испугалась, — согласился рассказчик. — Конечно, сидеть сложа руки не позволяли; хлеб — по выработке. Зимой я лес рубил и разделявал, весной бревна катал с берегов в речушку и провожал с багром до запаней. Приходилось и плоты вязать. Но мыслями был далеко. Если бы не тормозили, упал бы на землю и сгнил, как лесина. На третий год сняли конвой. Кругом без конца и краю тайга — бежать некуда. К другим поселенцам приехали семьи, а я остался один, как столб верстовой. В холостяцком бараке над всеми верховодил один сектант. Никогда не звали, земляк мой, лицом ни мужик, ни баба, хоть юбку надень, но человек был редкого упорства. Работы не признавал ничем. Все исправительные лагеря прошел, а на своем стоял. Молился богу за прочих ссыльных, а мы его за это кормили... До того измучился — морду не умоет. Да не все коту масленица! Пришло время, отвернулись мы от него.

На середине третьего года разболелась у меня душа. Тоска и тоска. Птица ли пролетит, детишки ли пробегут вперегонки, у меня от тоски в глазах темнеет. Завидовал всему живому.

А раз выгнал из осинника лося. Будто по воздуху прошел сохатый поперек болота. А у меня сердце зашло стучком, даже топор из рук выпал... В другой раз под утро будто шашкой меня колоснули, вскинулся, а на мне змея. Вскочил на ноги. Змеи ползают по полу, обвиняют табуретки, топчаны. Выбежал народ наружу. Меж деревьями мгла. Птицы с криком летят, зайцы, ежи улепетывают. Лесной пожар.

И тут — словно осенило меня: «Мой день!».

Отбрал я крепких мужиков и повел тушить.

Лесной пожар чем страшен? Идет он прыжками, в тыл забегает, в клещи берет. Одно средство — вырубать впереди лес, рыть рвы. Так мы и действовали. Один пожар потушили, через два дня снова — в огонь. А к концу лета у меня уже целая бригада набралась — двадцать багров.

Правда, один раз огонь меня переохитрил, отрезал со всех сторон. Ложись и помирай. Да на счастье пролегла через лес небольшая речушка. Скатил я бревно с берега, прицепился к нему и поплыл, чуть высунув нос. Река была извилистая — плыл целые сутки. Душил дым, вода нагрелась. Ну, да человек все может перебороть, если только он знает, чего хочет...

Настя приняла рассказ возвращенца близко к сердцу, но потом, собирая в лесу ягоды, она подумала, что слишком много разговаривает с Мотькой — и глот, чего доброго, заберет в голову лишнее. Кто он такой в конце-концов? Недобитый кулак, пришлый, чужой человек!

Настя решила даже не дразнить его больше, но не выдержала. На другой же день, в то время как Мотька постукивал по кирпичу своей лопаточкой, она метнула в него куст сурепки. Трава зацепилась корнем за волосы дегтекура, а влажными листьями обхватила шею. Взмахом руки Мотька сбросил траву на землю.

— Смотри, доиграешься, — сказал он, стоя перед Настей с обессиленными руками.

— Матушки, страх какой! — восклик-

нула она задорно и бросила ему в лицо другой куст. — Ты не пужай меня к ночи, а то я и спать забоюсь.

Неяркие лучи солнца пробивались сквозь вершины елей. Саврасый мерин, позвякивая уздечкой и фыркая, быстро щипал траву. Было так тихо, точно за пределами этой поляны жизнь остановилась.

— Тебе вредно спать.

— А что же мне ночью делать? — спросила Настя с нарочитой наивностью, срывая новый стебель.

— Добалуешься, я научу, — сказал Демьянов и поймал ее за кисть руки. Настя отпрянула и выронила траву, но руки ее Мотька не выпускал.

— Пусти, кулацкий пес! — выкрикнула Настя и наотмашь ударила его левой рукой по лицу.

Прибежал Гога с посиневшим от купанья лицом, на ходу застегивая рубашку.

— Что тут такое? — спросил он с азартом.

Настя, поправляя волосы, смерила холодным взглядом Мотьку, потом Гогу, брезгливо встряхнула головой и ответила:

— Так, заяц по кустам пробежал.

Гога обидчиво бросил:

— То-есть?

Мотька молчал. «Кулак! Ужели до самой могилы буду носить это клеймо?» — думал он.

XIX

Не прошло и месяца с начала работы, а Мотька уже вывел свод дегтекурочной печи и вмазал над топкой желязный короб.

Несколько дней он заготавливал поблизости, в овраге, бересту. Гога ушел на строительство гаража. Настя собирала валежник и топила печку, которая должна была хорошенько просохнуть. Общая забота примиряла ее с Демьяновым.

Принимать первый деготь приехала целая комиссия.

— Ну, товарищ Демьянов, показывай нам свои достижения, — сказал Ма-

каров. Он сказал «товарищ», и уже это было для Мотьки наградой.

В железном кубе потрескивала над пламенем нежная береста, по деревянному жолобу выходил наружу горький и едкий пар.

Прибежал из поселка Панкрат Бобыль; он искал случая разок-другой поддакнуть председателю и еще кому придется. Мотькин сообщник по зоровской шайке и прежде слабый характером Панкрат после ссылки стал посмешищем всей деревни. Он так и расстилался перед каждым портфелем, и заискивал и заглядывал начальству в лицо глазами преданной собаки, напрашивался помогать по дому, чинил обувь. Упреки за навязчивость он принимал, как похвалу. «Не беда,— говорил он с приторной улыбкой.— Мне нетрудно, я ведь не активист, не так много работаю, где уж мне».

На этот раз Панкрат увивался вокруг Мотьки, называя его для пущей торжественности по фамилии и на вы.

— Вот что значит перековка,— говорил он.— Видите, и почет вам, и уважение от людей, товарищ Демьянов. Небось, и поспать вам некогда? Меня бы когда позвали, помогу, чем умею, я ведь не так занят, не вам ровня, товарищ Демьянов.

В конце-концов Панкрат всем надоел, и председатель отослал его с поручением в поле.

Огонь гудел, бушевал в печи, из желобка капала в кадку жидкая пахучая влага. Деготь! Колхозники растирали его между пальцами, подносили к носу, намазывали им тыльную часть ладони и смотрели, быстро ли кожа впитывает его. Деготь был чист, мягок, ароматен, в меру густ.

— Первач, чистый первач,— сказал один из колхозников и крякнул, точно собирался подставить под жолоб стаканчик.

— Этим деготьком не то что телеги, голову можно мазать,— сказал другой.

Ванюшка же, шофер, не найдя более сильного комплимента, заявил:

— Да ты, гражданин Демьянов, и машинное масло сумел бы гнать, кабы тебе подходящее сырье. Факт!

Уезжая, Макаров дал Мотьке бумажку и велел завтра же идти к леснику, чтобы тот указал, где драть бересту. До жатвы оставалось еще время, можно было обеспечить гужевой транспорт своим дегтем.

— К которому леснику?— спросил Мотька.

— К Лукичу.

Грузовик ушел, увозя комиссию и кадку с первым дегтем. Настя складывала на водовозные дроги оставшиеся кирпичи. Она торжествовала не меньше Мотьки и, пожалуй, не только за себя.

— Теперь держись,— сказала она серьезно,— вона как тебе верят.

— А чего мне держаться, кому я нужен?

— Себе. А гляди и другому кому. Может, кулачку какую-нибудь оставил на севере?

— Никого я не оставлял. Не веришь?

Настя спохватилась:

— А мне и верить незачем. Хоть десять оставляй, мне-то что!

С этим она уехала, и поляна опустела. Мотька пробил заложенный кирпичом и замазанный глиной лаз, отодрав железную заслонку аршина в два высотой, выгреб из короба нагар. Но больше уже не к чему было приложить руки. А спать тоже не хотелось. Он полежал на траве, лениво поднялся, обошел поляну и направился к отцовской избушке. У порога он споткнулся о ведро забытое Настей. Мотька обрадовался ему, как другу. Быть может, не так уж он одинок? Он поставил ведро на подоконник в своей землянке.

XX

Странную картину увидел Макаров, когда машина, обогнув озеро, вынырнула на бахчевник. На дороге, у самых огуречных грядок, стояли три трактора с плужными прицепами и будка на колесах. В холодке спали трактористы. Один вольготно раскинулся и надвинул на глаза кепку, другой лежал на животе, засунув голову под стеганую одежду, трое залезли под будку, выставив между колес голые пятки.

А от будки в глубь луга нестройной цепью уходили, размахивая косами, мужчины, и следом за ними двигались женщины с граблями: они выносили траву на обочину бугра и разбрасывали там для просушки.

Макаров узнал в ряду косцов долговязую фигуру бригадира и направился прямо к нему.

— Что за паника? — спросил Макаров. — Всемирного потопа ожидаете?

— Трохи похуже, — ответил Белохатко, подбивая пятой косы несрезанную прядь. Обернулся, приподнял фуражку и, все еще держа ее над лысым черепом и ловя ею ветер, продолжал: — Пахать будут. Иль не ты послал подводы за горючкой? — Худое лицо бригадира блестело от пота, а с макушки по вискам ползли грязные ручейки. — А я прямо рассерчал. Чего, думаю, Макаров не предупредил? Хорошо — косы на стану были. Ну, думаю, хоть траву успеем косить.

Их обступили косцы и сгребальщицы, кто-то принес из-под прибрежных кустов накрытое лопухом ведро с водой, и оно пошло по рукам.

Сонный тракторист протиснулся к Макарову и, слепо щурясь на сверкающее небо, спросил:

— Ну, скоро, хозяин?

— Когда рак свистнет, — ответил кто-то за председателя.

— Я про горючее — скоро ли привезут? — не понял тракторист.

— На тот год об эту пору, когда бык отелится!

Косцы и сгребальщицы смеялись и осыпали сонного парня ядовитыми шутками. Они верили Макарову, что луга не будут распаханы.

— Иди в свою будку, пока репейников в портки не напихали, — сурово, без улыбки подытожила Лукерья.

Тракторист хотел рассердиться, но из уважения к передовому колхозу передумал и только сказал, что его дело маленькое — исполнять распоряжения МТС.

Макаров послал в деревню грузовик, и Ванюшка мигом доставил завхоза. Кузьма Ильич нарочно вытащил Чеготаева на народ. Александр Петрович

уже тем был поставлен в положение ответчика, что шел один через открытое место и на него вместе с Макаровым выжидающе смотрела из-под кустов вся отдохавшая бригада.

— Поторопился же ты подводы послать, — встретил завхоза Кузьма Ильич.

— Беда, товарищ Макаров, — попросил Чеготаев подладиться. Он остановился возле председателя, ожидая, что тот подвинется и даст ему место рядом с собой. Но Макаров не шевельнулся. Завхоз отошел, прилег под куст на левом крыле полукружья, и это тоже было ему невыгодно. — Прислали такую телефонограмму, что и рассуждать невозможно, — закончил он.

— Беда-то беда, — возразил Макаров, — а надо бы хоть за мной послать, если у самого язык не повернулся спорить.

Чеготаев вытащил из бумажника телефонограмму, но Макаров не спешил протянуть руку за ней. Красное лицо завхоза еще больше побагровело. Вглядело стало трудно, и он сам напал на Макарова:

— А ты не знал? Не ты ли, как председатель, с властями дело имеешь? Видно, власти не очень тебя слушаются! А я человек маленький, против приказанья итти не в силах.

У Макарова нехватило терпенья скрутить папиросу. Страхнул табак с бумажки в кiset.

— Ты, гражданин Чеготаев, на советскую власть не сваливай. Ты нас с ней не поссоришь. — Макаров оглядел косцов. — Советская власть никогда не поступит нам во вред. А если вышла ошибка, — мы должны доказать свое, иначе незачем нам и на выборных должностях сидеть.

Макаров поднялся.

Поднялись и другие, взяли за косы и грабли.

— А нынче как же? Косить? — спросил бригадир.

Макарову очень хотелось сказать «не надо», но приходилось считаться со всякими неожиданностями. И он, поколебавшись, сказал:

— Вали! Все одно со вторника хотели начать.

XXI

Кузьма Ильич перехватил на эмтеевской дороге подводы с бочками и повернул их назад на нефтебазу.

— Пускай там составляют на меня хоть акты, хоть протоколы за простой тракторов, а то хоть и сразу обвинительное заключение, — сказал Макаров, — а сегодня я еще председатель. Вредительству потакать не буду.

Сам он покатил дальше, в город.

За рекой начались чужие владения.

На бекляшевской стороне Кузьма Ильич был хозяин. Давала ли течь плотина, нависало ли над дорогой подгнившее дерево — он все замечал и принимал свои меры. А здесь он мог только смотреть.

Мелькнула за стеной колосьев беззаботно брошенная сеялка. На южном, полдневом косогоре близ многоцветных лугов так ощутимо недоставало пашки.

Жадно озирался Макаров по сторонам, сравнивал все со своим. Облегченно вздыхал, убедившись, что рожь в Теплых горах выше, коровы бокастей и даже кочеты гуляют там по улице более бравые.

В открытой степи остановили машину два крестьянина. Они соскочили с тарантаса, и один поднял руку. Макаров узнал председателя коммуны «Прогресс», человека с чудной фамилией Бибич. Другой был бригадир. Ругая лихачей-шоферов, которые вывели из строя грузовики коммуны, оба залезли в кузов. Макаров из вежливости и сам перебрался к ним.

Только-что остались позади каменные фермы и круглые силосные башни коммуны, и Кузьма Ильич любовался ими. Усадьба «Прогресса» на макушке бугра, обложенная вековым парком, вызывала в Макарове зависть. Собственно, «Прогресс» давно уже перешел на артельный устав. Там теперь распределяли доход не по едокам, а по труду, вокруг многоквартирных домов разбиты были огороды, каждый член артели обзавелся живностью, построил хлев. Но осталось кое-что и от комму-

нарского быта: круглосуточные детские ясли, хорошая общественная столовая и главное — какая-то особая коммунарская лихость в людях.

В продолжение многих лет «Прогресс» служил образцом для окрестных колхозов. Там была своя электростанция, свой сыроваренный завод, свой стадион. Но с недавних пор Теплые горы стали обгонять коммуну в урожаями, и удоиностью коров, и приплодом на свиноферме.

Председателями овладел дух соперничества, особенно Бибичем, который считал себя оскорбленным. Он ни за что не поднял бы руки, если бы узнал теплогорскую машину.

Бибич был постарше Макарова, носил пышные, метелкой, усы. Шутники говорили, что жена каждое утро треплет эти усы, как треплют куделю.

Теперь они сидели рядышком и разговаривали, затаив обиды. Теплогорский председатель по долгу гостеприимства, стараясь обойти вечные распри, щедро сообщал все новости, без утайки посвящал собеседника в свои планы. Он рассказал, зачем едет в город.

— Отстоишь? — дрогнувшим голосом спросил Бибич про луга.

— Живой не буду, а своего добыюсь. Тебя-то бюрократы из МТС не трезоват?

— У нас луга не такие, — неохотно ответил Бибич. — Мы не особенно возражали.

— А сено?

— За нас не беспокойся. А ты, Макаров, скажу я тебе, ничего не добыешься. Раз советской власти нужно, значит — точка. Мы ведь тоже не круглые дураки.

— Сказал бы я тебе... Серчать не будешь?

— Не маленький.

— Хозяйской самостоятельности в вас мало. Иждивенчество вас испортило. Многовато вы безвозвратных ссуд получили, — вот и развинулись. Кто лучше вас интересы ваши знает? А советской власти и нужно, чтоб мы все умели постоять за интересы колхоза. Я так понимаю.

— Староват я в ученики записываться, — ядовито заметил Бибич. — В девятнадцатом году банды со всех сторон на коммуны наседали, — так у нас хватило самостоятельности. Что-то мы не видали учителей.

— Старых заслуг никто у коммунаров не отнимает, — смутился Макаров.

— А новых нет ни на копейку? Так, что ли? Все заслуги к Теплым горам отошли?

— Я же — не в укор тебе.

— А я и от матери родной укоров не принимаю.

Оба председателя сделали вид, что рассматривают бегущие поля, и уже не заговаривали до самого города. Оба знали, что нехорошо, по-пустому поссорились, но Макарову обидно было во второй раз протягивать руку, Бибич же боялся создать впечатление, что признает себя побежденным.

На окраине Подгорска коммунары слезли. Они сказали, будто им нужно к кому-то зайти, но Макаров понял: они не хотели показываться на теплогорском грузовике.

Через минуту Ванюшка остановил машину у голубого шатрового домика райкома партни.

XXII

На застекленной веранде Макаров снял фуражку и стряхнул с нее пыль. У входа в кабинет секретаря райкома он откашлялся в кулак; двустворчатую белую дверь прикрыл за собой осторожно, обеими руками.

Головастый человек с короткими ручками и ножками выслушал Макарова спокойно, солидно. Он смотрел собеседнику прямо в лицо и мелкими ударами указательного пальца стряхивал пепел с папироски. Пустовойтов умел слушать. Кузьма Ильич сгоряча обвинил МТС во вредительстве. Секретарь и тут сказал только:

— Ну-ну?

— Это же золотые луга! — воскликнул Кузьма Ильич. — Колхозники наши не позволят пахать.

— Ну-ну... По обыкновению ты наговорил много глупостей. Но об этом

после. Расскажи лучше, как ты дошел до выдвижения кулаков?

Секретарь райкома нарочно перебил Макарова и взял в свои руки нить разговора. Кузьма Ильич отвечал вяло, не скрывая своего недовольства. Дело простое: колхозные телеги скрипят на все голоса, дегтю в продаже нет. А ведь совестно сидеть в лесу без дров.

— Да и вообще, — сказал Макаров, — наша местность не степная, это не Украина: колхозы тут не могут жить одним зерном, надо развивать все отрасли хозяйства.

— А не слишком много доверил ты возвращенцу?

— Глину и кирпичи. Цена всему 200 рублей. Печка уже поставлена.

— А на людях не лучше было его придержать?

— Куда ж его? В детские ясли?

— Смотри сам, тебе видней. Районный комитет пока ничего тебе не скажет... Но что мне определенно не нравится, так это твоя затея с водопроводом. Зачем? Не осталось у вас более насущных забот?

— Помнится, прежде вы одобряли, — вставил озадаченный Макаров.

— Возможно. — Пустовойтов легонько поморщился. — Но мы, большевики, никогда не отказываемся учиться, в этом наша сила. Посмотри, что пишут в журнале — органе областного комитета. — Пустовойтов не показал журнала, а только покосился на книжную полку. — Нам прямо говорят: увлечение колхозов водопроводами — преждевременно, это погоня за внешним эффектом. Лишняя трата сил и средств.

Макаров развел руками.

— Вы меня прямо, как обухом по лбу. Про другие колхозы не скажу, а мы ведь воду с лягушатами в самовары наливаем. Нас так и зовут — теплогорские лягушатники. А колхоз-то не последний...

— А-та-та, батенька мой! — оживился секретарь. — Вот оно, пустое тщеславие заговорило.

— Товарищ Пустовойтов!

— Сначала меня послушай. Построил бы ты общественную баню — да,

этого от нас требуют. Скажи — я когда-нибудь сковывал твою инициативу? Кто тебе достал черепицу для овцеводческой фермы? Хочешь, сейчас дам задание — хоть со дна морского, а доставят медные краны. С душем устроил бы... — Пустовойтов опять замолчал. Это была его манера — неожиданно остановиться и тем дать слово собеседнику.

— В Теплых горах, товарищ Пустовойтов, у каждого своя баня. Так жарят — камни трескаются. А без водопровода дышать нам нельзя. Вот приедете вы — мы бежим к роднику, на Орлиную гору, а туда каждый день не набегаешься.

— Я тебе про Фому, а ты опять про Ерему. — Пустовойтов начинал нервничать. — Ты подумай. Заглянет начальство из области, что мы покажем? Водопровод? Поглядят нас за это, да только против шерсти.

— Ну, из области приедут и уедут, а мы круглый год в Теплых горах. Мало что люди измаялись — скотину губим. Без водопровода нам не перейти к племенным фермам.

Пустовойтов обиженно потупился.

— Ладно. Так и запишем. Конечно, я не приеду сам разбрасывать твой трубы. Подумай. А теперь о лугах. Говоришь, собираются пахать?

Макарову показалось, что Пустовойтов смягчился. Мелькнуло: «Примет мою сторону».

— Ну, да! Вот выдумали! Ну, и пни, однако, сидят...

— А ты насчет 7—8 миллиардов пудов зерна читал? — Секретарь, слегка склонив набок голову, мазал пером по бумаге.

— Там же, товарищ Пустовойтов, никакого зерна не взять! Луга-то заливные!

— Знаю. Придется к весне насыпать по берегу дамбы... Без расширения зерновой базы нам не разрешить в новом объеме ни мясную, ни молочную проблему...

— Никак невозможно, товарищ Пустовойтов. Место низкое, вода туда из оврагов заходит.

— Большевики не позволят — не

зайдет. — Пустовойтов окончательно обиделся. — Ты мне веришь? У нас есть директива области максимально расширить посевную площадь. Ты должен радоваться, что честь вывести район на первое место будет принадлежать твоему колхозу. Вот, — посмотри сводку. Гривин — первый год на партийной работе — и обогнал меня на три места! Наш долг — отвоевать первенство. Или так и напишем — Кузьма Ильич не позволяет нам выполнить директиву партии?

— Кузьма Ильич человек маленький. Общее собрание не отдаст луга.

— А ты что должен, руководить народом или плестись в хвосте? — спросил Пустовойтов вставая. — Так упорствовать значит не уважать своих руководителей. Не забывай: мы должны драться за сталинские 7 — 8 миллиардов пудов хлеба. Других вопросов у тебя нет?

XXIII

Из райкома, так ничего и не добившись, Макаров, разочарованный, злой, отправился к председателю райисполкома.

Семин встретил его приветственным жестом: поднял на вилке сосиску с отъеденным концом. К полированному письменному столу был приставлен длинный стол для заседаний. Два председателя сельских советов сидели рядком и в ожидании очереди разглядывали добротное зеленое сукно, а директор районного отделения банка что-то рассказывал Семину. При виде Кузьмы Ильича он умолк, дал поговорить друзьям.

— Видик у тебя — хоть сейчас в драку! — воскликнул Семин, усаживая Макарова к своему столу. — погоди, не спеши, поцарапаться всегда успеем. Я ведь собирался ехать к тебе. И знаешь зачем? Позавчера твой «любимец» Христофор был у наших головотяпов в руках! — Семин убрал заслонявшую собеседника лампу. — Понимаешь, Кузьма, вечером вдруг звонит мне Акимов. Говорит, поймали занятную птичку. Я сейчас туда! — Семин ударил по коленке ладонью, показывая, как реши-

тельно он в подобных случаях поступает. — Прихожу. Вводят голубчика... Ты, Кузьма, видел когда-нибудь Христофора? Ну, да это все равно. Черный такой, высокий, пожалуй повыше меня, и в плечах будет не уже. Ни одного седого волоска.

— Немножко есть, — заметил Макаров.

— Ну, разве самую малость. Смотрит волком. Приглашаю сесть. — Семин снова ударил по коленке. — Спрашиваю, как фамилия. Он смотрит мне в глаза и отвечает: «Нет у меня сатанинского прозвища». Спрашиваю, зачем людей обманываешь, а он мне в ответ: «Это, говорит, и я могу вас спросить, зачем вы людей обманываете...». Начиная напирать. Уличаю в антисоветской деятельности. А он, знаешь, что? «Нам, говорит, все равно, что царская власть, что советская — обе антихристовы». Ну, уж тут я не выдержал. И отбрил же я его! Да, постой, упустил что-то.

— Насчет святости, — подсказал директор банка.

— Да, да! Спросил я его, зачем он прикидывается святым, дурачит народ. А он мне в ответ: «Меня святым считают христороубцы за мою праведную жизнь. У вас, говорит, почитают своих ударников, так все равно и у нас...». И такую птицу упустили наши растяпы! Сделал подкоп под стену. Самих надо за это сажать, честное слово.

Семин вскочил и прошелся по комнате.

— Выношу вопрос на заседание бюро, — закончил он и перевернул несколько страниц настольного блокнота. — Вот. «О подрывной деятельности сектантов, о мерах борьбы с их преступной деятельностью и об усилении антирелигиозной пропаганды»... Ну, что у тебя еще, товарищ банкир? Зашел бы ты завтра...

— Вот так целыми днями, — пожаловался Семин, выпроводив и председателей сельсоветов. — Ну, как жизнь молодая?

— Живу, как на пожарной каланче. Каждый день где-нибудь неладно. А уж теперь подошло — прямо закатывай ру-

кава да выходи на кулачный бой... Приехали пахать луга, — пожаловался Макаров и в упор глянул Семину в лицо: — Ты ж обещал положить конец глупой затее?

Семин беспомощно пожал плечами.

— Посевными площадями занимается сам Пустовойтов. Ты ведь знаешь, как он не любит подказчиков.

— Луга-то какие, подумай! Идем к нему. Вместе. Ты член бюро, пускай соберет заседание!

Семин еще раз поежился:

— Я со своей стороны сделал все.

Макаров с минуту сидел молча, перебирая околыш фуражки, потом поднялся и вышел.

Уже Кузьма Ильич готов был вернуться в Теплые горы ни с чем, но снова подумал об ярком разливе душистых трав, где еще на-днях с ликующим сердцем шагал он вокруг озера, о сенокосе, к которому с такой любовью готовились бекляшевы, о лошадях, овцах, коровах, что останутся без самого лучшего корма, и сердце его разгорелось. Вспомнив наглую усмешку Чеготаева, Макаров окончательно решил. Он пошел на почту и дал телеграмму секретарю обкома партии. «Прошу приостановить вредительскую распашку лугов колхоза Теплые горы. Местные организации не считаются с протестом колхозников. Председатель артели Макаров».

Он вышел расстроенный, недовольно крутя головой и бормоча под нос слова оправдания. Нехорошо жаловаться на своих местных руководителей, не нравилось это ему, но надо было как-то спасти луга...

На обратном пути Ванюшка не мог добиться от председателя ни слова. В кузове гремели полосы поделочного железа, и Макаров делал вид, что не слышит вопросов.

У переправы долго сигналили. Далеко вокруг галдели растревоженные лягушки. Воздух здесь был прохладный, а вода оказалась теплой. Отдуваясь и поглядывая на багровую полосу рассвета, занимавшегося за горами, Кузьма Ильич и Ванюшка рядом, плечом к плечу, переплыли речку впереди паромы. У то-

го берега они снова вылезли на дощатый настил. Сидя на перилах и одеваясь, Макаров мечтательно сказал хромому перевозчику:

— А сжег бы ты свою лоханку.

— Что так?

— Неохота в район ездить. Какие-то они там чудные, Ильяс.

XXIV

Христофор Иванович легко бежал из под стражи. Арестное помещение предназначалось, собственно, для бесчувственно пьяных. Ржавая решетка на окне чуть держалась. Но под окном по двору проходили люди. Еще раз осмотрев камеру, Христофор обнаружил оторванную половицу, а под ней готовый подкоп под стену, засыпанный щебнем. Он выгреб щебень, протиснулся сквозь узкую нору и вылез среди лопухов в безлюдный переулок. Вожак настолько чувствовал себя в безопасности, что тут же неспеша перекрестился на восток и направился через пустую базарную площадь.

На окраинной улице повстречалась Христофору ватага мальчишек. Проводив в табуны коров, босоногие сорванцы, щелкая веревочными кнутами, шли без дороги, выбирали траву повыше и поросистой.

— Ребя, глянь, пророк идет, — с восхищением шепнул один, поровнявшись с Христофором.

Веснущатое рыжебровое лицо озорника показалось большаку знакомым, но он не мог вспомнить, откуда. «Ужели память помутнела?» — досадовал на себя Христофор, гордившийся тем, что узнавал людей, однажды увиденных в детстве.

Он все еще отыскивал мелькнувший образ на многолюдной ярмарке своих воспоминаний, когда его настиг задорный окрик:

— Пророк, пророк, на печи промок!

Христофор покосился через плечо. Он знал по опыту: мимо собак и мальчишек надо проходить не замечая, — скорее отвяжутся.

Но детям, любителям всего необычайного, живой пророк показался слиш-

ком лакомой добычей, — и они двинулись за ним всей ватагой, вперебой повторяя насмешку.

Уже виден был на выезде из города домище с закрытыми ставнями, где Христофора ждали сообщники, — а мальчишки не отставали.

Христофор обернулся. Ребятишки попятились и, толкая друг друга под локти, остановились.

— Подойдите, побеседуем. — Христофор показал детям руки: — У меня ничего нет, кроме правдивого слова. — И пошел к ватаге: — Не бойтесь, я вам ничего не сделаю.

— А мы и не боимся, — выкрикнул рыжебровый, пускаясь наутек. Остальные бросились за ним, но скоро остановились врассыпную и стали подтягиваться к рыжебровому. А тот даже сел на дороге, чтобы показать свое бесстрашие.

Каждую минуту могли появиться люди, ребятишки наклевали бы на Христофора беду. Большак попытался уйти, но ребятишки опять двинулись за ним. Мстя за свое бегство, рыжебровый закричал во всю глотку:

— Христофор Иваныч, скинь портки на ночь!

Голос мальчишки вызвал в памяти Христофора образ одного не очень ревностного благодетеля, будочника. У рыжего мужичонки был малыш, видно, он-то и вырос в наказание родителям за грех отступничества.

Мальчишки и прежде досаждали большаку. Когда-то Христофор шел по улице этого города с холщевым мешком за плечами. Проказник закричал ему вслед с земляной крыши своей избенки: — Дяденька-бегун, почему не бежишь? Дяденька, беги, а то догоню!

Сидевшие на травке женщины, пересмеиваясь, не очень грозно останавливали крикуна — они были непрочь за чужой счет испытать силу бегунского бога.

Христофор, обернувшись к землянке, сказал убежденно:

— Не ведаешь, желторотый, что нога твоя уже на моей стезе.

Переждав месяца два, ночью он потучался в землянку. Седеющая, измож-

денная женщина повалилась к его ногам. Тыча сынишку грязной мордочкой о сапоги большака, она просила пощады. Ей передали пророчество, и она за время ожиданий вся истерзалась. Христофор был непреклонен. Ребенка отдали в странство. Подростком он погиб от повального мора...

Воспоминание еще больней растравило душу Христофора. «Увы мне, дешево теперь ценят мое слово» — подумал он с яростью.

Мальчишки все еще гарцовали у него за спиной, забегали сбоку. Сын будочника кричал под общий смех:

— Христофор Иваныч, скинь портки на ночь, а как день, так опять надень.

Страшно было пророку видеть свое бессилие перед этой назойливой мошкаррой. Под сердцем у него шевельнулась колючая, издавна лелеемая тоска по мести. «Неужто не придет мое время?» — спрашивал он розовеющее впереди небо, сворачивая со своей дороги в переулок, чтобы не привести сраву к тайному обиталищу.

Ребята долго еще бежали за ним между плетнями, над которыми подымалась пахучая конопля. Когда, наконец, они умчались через огороды за подбитым галчонком, Христофор остановился и шумно вздохнул: «У-ух!». Spина его взмокла — не от усталости, конечно. Руки дрожали.

В глухом доме, на выезде из города, только-что отслужили полунощницу.

На широких скамейках сидели, опираясь на посохи, полуслепые старцы с замшелыми ушами, с лиловыми губами и руками, с зеленоватыми бородами; между старцами пять-шесть большаков и начитанных странников средних лет. Был один жилой бегун, колхозник из деревни Туночной. Христофор приглашал также Чеготаева и Лукича, но оба наотрез отказались.

Без вожака беседовали старцы о житейских работах, о дне второго пришествия и о том, будут ли грешники перед последним днем пребывать в веселии или в скорби, — а все было скучно. Христофор созвал собор, от него и ждали новостей.

Быстроу освобождению вожака все

обрадовались, некоторые даже прослезились.

Отказавшись от утренней трапезы, большак огласил свои доводы по вопросу: «Кому толковать?». Он начал с того, что пророческое откровенное писание глубину сущих в нем тайн имеет невидимую, а стало быть, не может быть истолковано раз навсегда. Но глубину новую может открыть лишь просвещенный духом.

Старички заволновались. Это были стреляные воробьи, они тотчас сообразили, что Христофор хочет лишиться из права прорицать. Старец Ипатий спросил Христофора, на основании каких текстов предсказывал он войну в конце первой пятилетки?

— Напомняти тебе и другое пророчество, — мямлил Ипатий. — В твоём послании к православным писано было: «Я убежден до смерти, что перемен к лучшему не будет, а будет все хуже как для нас, так и для мирских». Как думаешь, оно теперь в силе или ослабело? В жизни получилась перемена: стали продавать муку и хлеб и сказывают — впрдь еще больше всего будет.

Христофор перекрыл голосишко Ипатия своим повелительным басом:

— Прорицаю не всегда, чтобы сбылось, но чтобы обратить грешников к покаянию.

Ипатий и еще двое стали бить Христофора цитатами. Иоанн Златоуст-де говорил, что доброе неведение лучше худого знания и что ясный признак знания — не домогаться познания всего. А блаженный Иероним прямо писал: «В гордости еретики хвалятся, что нашли самое сокровенное».

Христофор досадливо морщился. «Вот уж артемиевы скворцы. Сами не знают, зачем спорят» — думал он. Он любил ворочать большие глыбы и не цеплялся за мелочи. Теперь он жалел, что заговорил о пророчествах. Это был только подход, и уж лучше было прямо сказать главное. Он встал, отодвинул грудь книг и заговорил глухо, но внятно:

— Пришел час последней брани с антихристом. Война теперь уже началась в государстве испанском, скоро и к нам будет. Сбываются все пророчества. Свя-

тые отцы писали, что будут кони летать по небу, изрыгая огонь и смрад. Сбылось! Летают аэропланы, бросают бомбы зажигательные, пушают удушливые газы! Приходит время и праведникам вступить в брань. Примеры тому уже были. Странники-донатисты применяли железное оружие. Другие своих противников удушали. И мы должны готовиться, ибо скоро сойдет вторым пришествием Христос, и после этого времени уже не будет. Церковь же принимает победителей, а не побежденных.

Наставники в растерянности молчали. Христофор скрыл в бороде торжествующую улыбку. Опершись рукой о стол, сел.

Харлампий из лесного скита осмелился молвить:

— Пророки велели побеждать силою духа, а не разбоем.

— Для последних дней святые отцы действий не предуказывали, — осадил его Христофор, снова подымаясь. — Настало последнее время, ибо звергнулся антихрист в высшие органы, и возлюбили высшие органы бедняков и стали преследовать богачей. Правильно ли я говорю, брат Ипатий? — спросил он.

— Истинную правду, Христофор Иванович, — согласился покоренный Ипатий.

— Была у тебя лесопилка, шестеро сынов жило в доме. Сырым и убогим давал пристанище. Жил бы до самой смерти в благодати, умирать, отрешившись от суетного мира, перешел бы в потайную горницу. А теперь ты что? Сам милостыней живешь.

— Истинная правда, Христофор Иванович.

— Слышишь ли ты меня, брат Никодим? Будучи в книжках начитан, собирал бы ты бегунство вокруг благодетелей, был бы тебе от них почет. А теперь, как нищий, рыскаешь, опасаясь попасть на рудокопню.

— Гоняется, гоняется за мной козлоногий, — торопливо заговорил неяршливый странник Никодим, дико поводя зрачками. — Пасть смрадна, глас рыкающий.

Христофор продолжал грозно:

— Будем убивать наших врагов не ради мести, но для спасения их душ, исполняя волю милосердного господя.

— Смотри кого, а то и душу к ногтю, — прохрипел из уголка рябой длиннорукий Исидор. Хотя выразился он не в тон с остальными, восклицание его принято было с одобрением. Даже Христофор, презиравший Исидора за недостаток благочестия, вечно враждовавший с ним, верил в силу этого человека.

Харлампий, возмутившись, крикнул Христофору:

— Не ты ли, душеглот, трех мучениц проглотил? И остальных погубить хочешь? Если бы по-твоему было, давно божий свет опустел бы, и земля быльем поросла!

Старцы зашикали на строптивного, застучали по полу посохами. Христофор не ответил. Торжественно, глухо он продолжал:

— На основании пророческого откровения разрешаю истинно-православным вступить в брань с антихристовым семенем. Солдат, когда убивает солдата, неповинен в человекоубийстве, ибо ему повелел тот, коего приказ нельзя не исполнить...

Только теперь, одержав полную победу над единоверцами, Христофор огласил ругательское послание Артемия. Оно было встречено общим протестом. Решили послать к преимущему старцу с устным — ради безопасности — ответом Ипатия и поручили посланцу защищать перед Артемием новое учение Христофора.

Обо всем этом договорились уже без споров, но времени между тем прошло много, и Христофор после бурного подъема почувствовал некоторый упадок сил. Чтобы несколько задобрить Харлампия, большак дал ему денег, велел закупить угощение к родительской субботе — мятных пряников, риса и изюму, — а сам тотчас же, невзирая на опасность, среди бела дня ушел в сторону Теплых гор. Пошел он не столбовой дорогой, а лесными тропами и вышел к реке в глухом месте, где в тальнике была спрятана у него лодочка.

XXV

— Стало быть, деготек им спонадобился? — испытующе спрашивал Лукич Мотьку Демьянова. — Зачем же они родителя твоего жизни решили, или он не одинаковый деготь курил?

Они сидели на перевернутых санях во дворе, под навесом. Мотька вытянул тяжелые от усталости ноги. Он ничего не ответил, и Лукич свернул в сторону.

— Ну, что ж, укажем рошу, почему нет, в аккурат лесничего жду. О-хо-хо! Пойду в избе приберусь.

Минут через десять лесник вновь появился на пороге и недружелюбно поманил Мотьку пальцем.

Мотька вошел в избу да так и обмер: навстречу ему вышел из-за цветистой занавески сам Христофор, расчесывая волосы и позевывая, — он любил поспать.

Большак приветствовал Мотьку, как сына: сжал ему ладонями виски и поцеловал в темя. Разговориться они не успели — послышался стук тарантаса. Христофор поднял за кольцо податливую крышку подпола и приказал Мотьке спускаться. Он не спросил, хотел ли Мотька прятаться с ним. Свое расположение вожак дарил, как неоспоримое благо. Мотька пришел не за тем, чтобы выказывать Христофору свою покорность. Но раз уж они встретились, нужно было объяснить без излишней запальчивости, и он повиновался.

Спустившись в подпол, Христофор засветил спичку и, согнувшись, прошел по неровной земле к полкам, заставленным горшками. Он взялся за одну подпорку, надавил ее вниз и от себя. Открылся лаз в простенок, полный паутины. Между двумя стенами можно было пройти только боком. Простенок был загорожен досками, в щели виднелись кусты картофеля. Христофор прошел в другой, глухой конец и при помощи увесистого кола открыл под ногами нору. Устройство таких тайных ходов Мотька знал. Нору прикрывал треугольный ящик с землей, который уходил под стену.

В норе мерцал свет. Мотька нащупал ногой поставленную в углу плаху и

по зарубкам спустился вниз. Он увидел узкую келью. В ее глубине на застланном соломой уступе сидела девушка, обняв колени и прижавшись к ним лицом. Глаза ее были едва различимы за прядями спутанных волос. Сбоку, на другом уступе, виднелись стопки книг, жестяной чайник и кружка. Был еще в келье аналой, потом табуретка и еще топорной работы скамейка, на которую и опустился Мотька. В уголке под потолком висела медная створчатая икона.

Пока Христофор молился, девушка следила за его большой жилистой рукой, совершавшей крестное знамение. Вожак сел на табурет и некоторое время молча перебирал лестовки. Нанизанные на ремешок бусины быстро скользили между его пальцев. Он так же прямо, как и в былые годы, держал голову; расчесанные на прямой пробор волосы наполовину закрывали уши. Так же облежала его мощную фигуру длинная черная рубаха со сборками на груди.

Продолжая перебирать лестовки, Христофор стал спрашивать, как прожиты эти годы. Мотька отвечал скупо.

— Тернист твой путь, — сказал Христофор, — но на то воля господня. Христос говорил своим ученикам: я, как сын божий, могу сделать, что вы не подвергнетесь гонениям, но не хочу этого, чтобы вы заслужили больше похвалы.

— Я теперь работаю в колхозе, старое все бросил, — твердо ответил Мотька, но Христофор словно и не заметил вызова, — все тем же учительским тоном он продолжал:

— Знаю. Тяжкий грех. Сатана земными делами сотрясает душу, как решето. Единоверцы наши, которые жили прежде нас, завещали нам работы избирать такие, чтобы не нарушали безмолвия нашей жизни. Но я не лишаю тебя благодати, ибо сказано: кто прощает малое, дабы сохранить целое, тот имеет дух апостольский.

Он подождал слов согласия, но Мотька молчал. Христофор продолжал ровным властным голосом:

— Братец наш Никодим, бежавший из северных мест, тебе известных, по весне воротился из странствия по чужим

землям, долгого и многоопасного. Виделся там с многими изгнанниками, говорил с благодетелем, странноприимцем Федором Ивановичем. Отец твой знал его. Для покрытия христиан Федор Иванович держал кожевенное дело в трех губерниях. Велел Федор Иванович передать, что многие зельможи и военачальники в чужих землях пекутся о братстве нашем. Скоро будет война. Как возьмут Москву, возвеличат на всю Россию странствующую церковь и подвижников ее. Велел собирать под хрустальные своды святой нашей церкви всех гонимых и отверженных и странствующих во тьме и вести на последнюю брань!

Христофор обождал еще немного, но видя, что Мотья молчит, продолжал:

— Доверяю тебе всецело, хотя многие не советуют. Быв в изгнании, видел ты много других таких же. Всех надо приобщить к истинной вере нашей. Даже кто не приемлет ее, кто готов вступить в брань с антихристом в силу мирских страстей, а не по откровению божию, и им откроем убежища наши, как воинам христовым.

Мотья встал и круто, в упор глядя на Христофора, ответил:

— Я буду жить в миру, как сам знаю. Нет во мне веры!

— Не говори слов невозвратимых.— Христофор взял Мотью за плечо и силой посадил на скамейку. — Душа моя преисполнена страха за тебя, но в ней нет гнева. Ты, в час испытания устоявший против соблазнов и своим молчанием спасший меня для дела Христова, всегда будешь моим духовным сыном, — большак повернулся к уступу и закончил, указывая на девушку, отпрянувшую к стене: — как она — моя духовная дочь, отданная в мои руки ее родителями по плоти.

Только тут Мотья догадался, что перед ним была Маруся Пестрикова. Мотья сидел, упрямо глядя в землю. Он сказал все и теперь хотел только, чтобы Христофор понял непоколебимость его решения.

Сверху донесся невнятный стук.

Христофор закрыл книгу и молча пошел из кельи.

Оставшись наедине с Мотькой, Маруся Пестрикова проворно соскочила с земляного уступа и быстро, не давая ему времени отвечать, заговорила:

— Уведи меня, дяденька, отсюда. Я тебя знаю, — ты кулака Демьянова сын, ты заодно с ними. Все равно, уведи меня. Христофор страшный. Он целует меня, а потом убьет. Уведи меня отсюда. Мне сказали, отведут к маме, а сами посадили в яму и держат тут одну. Раз я вылезла наверх, а там две стены и итти некуда, а Христофор бил меня. Он пристаёт, сажает меня на колени, а мне страшно, я бежать хочу. Уведи меня, уведи, а не хочешь — тогда убей...

Легкий шорох над головой помешал ей. Маруся метнулась в свой угол и снова прижалась подбородком к коленям.

Глянув на нее подозрительно, Христофор сказал Мотьке:

— Лукичу надо уезжать — иди, устраивай мирские дела. Не хочу, чтобы ты терпел за меня. И в миру можешь быть полезен братству, пока не пробил час.

— Ничего от меня не дожидетесь, — ответил Мотья.

Но Христофор больше не хотел слушать.

— Когда опомнишься, постучишься сам. Идем!

И Христофор повернулся к нему спиной.

Выбравшись наверх, Христофор сдвинул вбок один из горбылей, которыми был заколочен простенок, и выпустил Мотью на огород.

Мотья обошел вокруг сторожки и вернулся в нее через ворота, чтобы поговорить с Лукичом и лесничим насчет березовой рощи.

XXVI

Первым утренним поездом приехал в Подгорск начальник областного земельного отдела и тотчас отправился с Пустовойтовым смотреть луга. За ними покатило все районное начальство. Когда Макаров из полевого стана увидел стоявшие на дороге машины, он поза-

был про запряженную лошадь и побегал напрямик по косогору. Районные работники шли внизу нестройной группой, по пояс закрытые травой. В центре шагал незнакомый Макарову человек — невысокий, в белом костюме, с белой же фуражкой в руке. Макаров догнал их. Человек в белом костюме — его называли Борисом Ефимычем — коротко и крепко пожал ему руку, и шествие продолжалось.

Макарова придержал за локоть суетливый, всполошенный Полуянов, заведующий райземотделом, и стал журить: зачем-де Кузьма Ильич не пошел за помощью к нему (хотя Макаров обращался в райземотдел не раз).

Тем временем приехал Семин, — он проспал.

Борис Ефимыч небрежно кивнул ему.

— Что же у вас тут делается, товарищ районный премьер-министр? — сказал он насмешливо. — Имеете в виду: новая конституция, тайное голосование... Теперь найдется и на вас кнутик. Губить такие луга? Надо же иметь голову на плечах! Практиков, — вот кого слушайте. — Борис Ефимыч взял за плечо Кузьму Ильича и втиснул его между собой и Семиным. — Людей от земли, а не от чернильницы. — И уже совсем строго закончил: — А где Полуянов? Как его угораздило составить такой план?

Полуянов уже забежал вперед и шел бочком, поворачиваясь то в одну сторону, чтобы не залезть в куст колючки, то в другую, чтобы уловить выражение лица Бориса Ефимыча, и бормотал что-то невнятно.

Макаров едва скрывал довольную улыбку.

Сбоку делал короткие перебежки ослистый фоторепортер. Он припадал к земле, наставлял на Макарова и Бориса Ефимыча свой крошечный аппаратик, опять отбегал и опять припадал к земле.

Закончив обход лугов, Борис Ефимыч отвел Макарова в сторону и спросил, кто, по мнению Кузьмы Ильича, виноват в этой глупой затее — пахать заливные луга.

— Обвинять я никого не могу, а все же размагнитились, я бы сказал, некоторые наши товарищи. Взять хотя бы товарища Семина — смутный он какой-то стал, скользкий. И тут обещает, и там, и все уходит, как уж сквозь вилы.

— Семин? — Борис Ефимыч поставил ногу на придорожный камень и задумался. — Надо будет присмотреться. Есть какие-нибудь факты?

— Ничего такого нет. Вернее всего — пустое. Я с ним вместе учился, очень был он политически активный. Не должно быть...

— Не должно. Никак не может быть, — подтвердил и Борис Ефимыч.

Макаров долго смотрел вслед убегающим машинам. Он был счастлив. Одно было нехорошо — слишком все делалось суетливо, и травы много помяли, не надо бы ходить по лугу всей гурьбой.

XXVII

После ужина Борис Ефимыч сказал:

— Ну, а теперь, Фриночка, оставь нас вдвоем, нам надо поговорить с твоим мужем о скучных вещах. Пожалуйста, Ефросинья Васильевна. Не обижайся.

— Какие вы все, партийцы, несносные! — воскликнула Фрина капризно. — Неужели вы думаете, что я разболтаю ваши тайны? Вот нарочно не уйду. Отправляйтесь с Семиным в столовую, если я вам мешаю.

И она ушла, недовольно пожимая плечами.

Семин отодвинулся от Бориса Ефимыча.

— Мне непонятна твоя линия, — сказал он.

— Чудак, я забочусь о тебе же, — ответил Борис Ефимыч. — Гибкость, главное — гибкость. Между прочим, твой Кузьма Ильич мне совсем не нравится. Хотя ты и считаешь его другом молодости, он задает о тебе вопросы весьма определенного свойства... Но довольно о пустяках. Я должен передать тебе слова одного видного человека о нашей тактике. Наша цель захватить корабль изнутри. Прежде чем брать капитанскую рубку, надо подменить хотя бы часть часовых. Понятно? Имен-

но таких, как твой Макарков. Затем, это уже я от себя, надо всегда помнить, что мужик понимает только предметные уроки. Пусть он почувствует бесплодность своих усилий, ненадежность своих успехов — и он нам поможет. Пусть колхозы станут ярмом на шее мужика. Такие колхозы, как этот, в Теплых горах, мешают нам. У нас две дороги — или к власти, или на свалку. Может быть, мировая война — дело месяцев. Я не пророк, но, повторяю, это очень и очень возможно. Придется поставить на карту все. Ты в машине с чистоплюйским азартом ратовал против вонючих псов средневековья, как ты называешь этих ваших дырников или попрыгунчиков, словом — сектантов. А чем они тебя обидели? Они бандиты? Тем лучше. Можно принять помощь самого чорта, лишь бы рога были покрепче.

Семин был ошеломлен откровенным цинизмом гостя. Он не любил нравучений.

— Ну, а когда победим? — проворчал он. — Не учредим же мы святейший правительствующий синод?

Борис Ефимыч снисходительно рассмеялся:

— А тогда и разберемся. Ну же, поговорим спокойно...

Занавески уже порозовели в первых лучах солнца, когда Борис Ефимыч плеснул портвейна на доньшки рюмок и, держа свою порцию перед глазами, подмигнул Семину, как бы желая сказать: «Пить, так пить». Он был трезвенник.

Семин улыбнулся.

XXVIII

Христофор был убежден, что он — страждущий спаситель рода человеческого. Он всегда был пророк, даже наедине с собой, даже прелюбодействуя, даже вкушая пищу или в одиночестве шагая по лесной тропе. Хотя его постоянно подстерегали опасности, вожак в пути не оглядывался по сторонам. На таких людей обычно не лают собаки, и они действительно не лаяли на Христофора, что наивные люди считали доказательством святости большака.

Как только от Лукича уехал лесничий, Христофор перекинул через плечо котомку и направился в лес. Легко переставляя он толстую суковатую палку длиной в человеческий рост.

Вожаку сказали, что Василиса приговорила к смерти, и он шел исполнить свой долг. Уже накануне Христофор не принимал пищи и теперь чувствовал себя достаточно суровым, чтобы вести эту женщину на смертный подвиг. О ней он и думал. Его сжимавшая посох рука порой вздрагивала, точно уже лежала на затылке насмертницы и испытывала неровные толчки погруженной в воду головы.

Число подвижников все уменьшалось, но зато оставшихся Христофор, пророк последнего времени, заставлял каждый день трепетать от страха. «Пускай покажут глубину своей веры в открытой брани за дело христово, — думал он теперь. — Если же будем побеждены, я приведу остальных благочестия к самоубийственной смерти, и странствующая церковь падет вместе со мной!».

С этими мыслями он незаметно добрался до лесного скита. Когда он спустился в подземелье, онемевшие странницы расступились к стенам. По запавшим глазам большака они догадались, что все совершится сегодня же.

— Идите, — сказал он, не глядя на них. — Помолитесь о спасении души сестры нашей Василисы.

...Когда Василиса пришла из мира, Христофор благоволил к ней. Он ложился с ней спать, говоря, что соединение со святым не греховно.

Василиса забеременела и пожелала вернуться в мир. Тогда Христофору стало ясно, что в нее вселился сатана. Он назначил отступнице самый строгий пост и стал склонять к самоубийству, дабы чистые ризы, в которые она облачилась, покинув мир, не подверглись загрязнению. Она долго упорствовала, но была сломлена.

Христофор обещал Василисе прощальное свидание с дочерью, но теперь решил, что встреча может расшатать в молодой подвижнице веру, и пришел в келью один. Он сел на чурбак, который

принесла Анфия, развернул свою книжку (она называлась «Цветники», как у основоположника бегунства — у Евфимия). «Будем во всякий час помнить о бренности нашей жизни, — прочитал большак торжественным, гудящим басом. — Будем готовы к последнему часу, ибо тому, кто приготовился умереть, не страшна сама смерть».

Василиса лежала на спине с открытыми глазами, в которых светились и покорность, и укор, и беспокойство. Страница хотела и не могла что-то вспомнить.

— А Маруся?.. — спросила она наконец.

— ...У первых странников самоубийственной смерть считалась мученичеством, — рассказывал Христофор по книжечке. — В 1765 году филипповцы ворвались в зеленецкий монастырь и самосожглись... В ночь на 6 января 1679 года со старцем Данилом сгорело 1700 человек... Увидев какой-нибудь дом, на их вкус устроенный, странники, жившие прежде нас, со слезами взывали: «О, если бы сюда бог привел нас сгореть...».

Когда картины чужих страданий утомили Василису, притупив страх смерти, Христофор сделал Анфии знак поднимать.

Они вместе взяли Василису под руки и повели.

Анфия была первая странница, отмеченная вниманием Христофора. Уже лет тридцать прошло с тех пор, как он покинул ее. Она сумела укротить в себе ревность, осталась около Христофора, и теперь, на склоне жизни, злорадствовала, глядя на страдания своих соперниц. Поддерживая Василису под руку, она шептала ей лицемерные слова утешения.

Свежий воздух и яркий солнечный свет лишили Василису остатка сил. Она уже не могла переставлять ног, и они волочились по земле, сгребая сухие листья и прутья.

Посреди леса, на берегу тихого гниющего ручья, собрались все обитатели тайной пристани — десятка два женщин и восемь мужчин. Христофор сказал свое любимое пророчество о судном

дне. Он стоял печальный, и ветер шевелил страницы книги и его седеющие кудри. Насмертница смотрела на него преданно и умиленно. Когда Христофор брал ее за плечи, она коснулась губами его руки. Но в следующее мгновение, когда Христофор погрузил ее голову в воду, Василиса, уже захлебываясь, сжала зубами его палец.

...В ту же ночь зашитое в рогожу тело ее с пением заунывных песен было отнесено братией в глухую чащобу и заброшено ветками. Всякий день ожидая конца света, странники не зарывают своих мертвецов в землю, дабы им легче было подняться по первому зову трубы.

Имя Василисы было записано не в древёник, не с именами покойных странников местного придела, а в синодик, с именами усопших святых отцов. Обе книги читались в лесном скиту всю эту ночь и на завтра, в родительскую субботу, до полудня.

XXXIX

При Мотьке был мешочек с провизией, топор и самодельный нож дегтекура, насаженный на длинную палку. Он выбирал деревья помоложе со свежей и гладкой корой и ножом вспарывал бересту вверх метра на два — до частых веток. Затем он приставлял к дереву коряжину, поднимался по сучьям ее, как по лестнице, и запускал лезвие под бересту, где зеленая живая прослойка отделяла крепкую ткань от коричневой ломкой коры.

С весны, пока текут под кожей живые, клейкие соки, хороший дегтекур снимает бересту не иначе, как целыми трубами, — в этом гордость мастера. Но теперь Мотька был доволен, когда ему удавалось снять кольцо в несколько четвертей высотой, а больше шли клинышки да лоскуточки. В июле береста держится крепко.

Руки его почернели, рубаха просмолилась. Ночевал Мотька под деревом, положив голову на мешок с берестой. Он работал с ожесточением, желая уйти от простишихся над ним христофоровых рук.

Большак не отпустил его, а только поблагодарил за оказанную услугу. Большак знал, о чем напомнить. Да, Мотька в свое время на суде не выдал Христофора, хотя и знал, где тот скрывался. И теперь это мешало Мотьке искать защиты у представителей власти. «А почему ты молчал тогда?—спросят его.— А почему ты молчал, возвратясь из ссылки, хотя знал, что прежние твои сообщники похитили Марусю Пестрикову?». Мотька вспомнил горящие, испуганные глаза девушки, но тут же успокаивал себя: «Сама шла, пускай сама и выбирается». Мешало ему думать о помощи представителей власти и самолюбие. Неприятно было представить, что кто-то со стороны решит — поверить ему или нет и в какой мере поверить. «Ты сам, один за себя постоишь» — диктовал Мотьке внутренний, живший в нем голос, жестокий и сильный, голос отца.

«Сам, один» — таков был окрепнувший вывод. И когда Мотька окончательно пришел к этому решению, в нем еще больше поднялся гнев против Христофора — нетерпеливый, толкающий к действию.

Он хотел, он должен был освободиться от этой тяжелой руки, еще лежавшей на его плече. Надо было поговорить с Христофором круче, так, чтоб у бородатого не осталось никаких надежд на возвращение Мотьки к сектантам. Порвать все, а затем спокойно завоевывать счастье, уже блеснувшее издалека. Когда все пять мешков были туго набиты берестой и наступило время отправляться домой, Мотька вдруг пошел к леснику.

Сторожка была закрыта со всех сторон. Напрасно Мотька стучался, припадал глазом к щелям в ставнях, — он не находил ни малейших признаков жизни. Наконец он подлез под ворота в том месте, где колеса выбили в земле небольшой желобок. На двери дома висел замок. Тогда Мотька пошел на огород и ощупал горбыли, закрывавшие вход в простенок. Ни один из них не подался.

Конечно, можно было и выломать их, но на это Мотька не решился, подумав,

что Христофор, верно, ушел, и под землей осталась одна Маруся. Что он ей скажет?

XXX

Мотька отправился со своей добычей в сумерки на плоту, который связал днем. Два десятка сухих плах да охапка гибких ивовых прутьев вместо веревок — вот и все, что ему понадобилось. Плот так глубоко осел в воду, что Мотька замочил ноги. Он устроился на мешках с берестой и оттолкнулся от берега.

Он плыл неторопко, лишь время от времени брался за шест, чтобы отогнать плот на стремя.

Левый песчаный берег потерялся во тьме, — правый крутой еще чернел зубчатыми вершинами елей, но вскоре исчез и он. Мотька хорошо знал реку, он мог бы плыть с завязанными глазами. Когда течение прибывало плот слишком близко к берегу, Демьянов угадывал это по шелесту воды и отходил к середине.

Ни месяца, ни облаков... одна лишь мерцающая звезда отражалась в воде, создавая впечатление бесконечной глубины.

Он думал о Насте. Если бы эта девушка полюбила его! Это была бы вторая жизнь, начало жизни. Он твердо стал бы на ноги. В его семье царило бы спокойствие, в его доме играли бы дети. И Настя всегда была бы рядом. И никогда уже она не назвала бы его кулацким псом...

Незаметно прошла ночь. В глухой тьме предрассветного часа повеял влажный ветерок. Мотька зажег широкий берестяной лоскут, береста мгновенно скрутилась, опалив ему пальцы. Он бросил огонь на горбины мокрых плах и вытащил из мешка еще десяток берестяных трубок, — на плоту запылал костер. Огонь осветил кусок берега — крутого, лесистого, в причудливых переплетениях света и теней. До поляны было еще далеко. Мотька видел, как в глубине вода колебала пряди водорослей, как взмывала и несла песчинки по желтому рубчатому дну, над которыми висели сонные рыбы. Шевеля красными перьями, сбрасывая обволакивающую

тяжесть течения, они появлялись из тьмы и исчезали во тьме. Этот ночной подводный мир был, как мотылькины мечты, и далек, и близок.

Костер согрел ему веки, тепло разлилось по всему телу сладостью дремы. Он забылся. Как вдруг огромная черная рыба вывернулась из-под коряжины, изогнулась, могуче хлестнула по воде, так что закачался на волне плот. Мотылька встрепенулся. Сом! Утро! Мотылке казалось, что он едва смежил веки, но уже выступили на горизонте силуэты гор, и зеленые звезды, мердавшие между поредевшими тучами, не отражались в седой воде.

Пора держать к берегу! Мотылька вскочил на ноги, схватил шест и стал загребать им с обеих сторон плота, погружая в воду то один конец, то другой. Шест гнулся в его руках и дрожал, разрывая крутую воду. С берега донесся легкий поющий звук, и Мотылька узнал: это ведром задела ветку. Пригнув к берегу плот, он побежал в землянку — ведра не было. Он пошел по тропинке, все прибавляя шагу, наконец догнал Настю. Она тоже шла очень быстро, почти бежала. Она не оглядывалась, пока Мотылька не оказался рядом с ней.

— А я сейчас с верховья, бересту привез, — сказал Мотылька несколько хвастливо.

— Ну, и что? — остановилась Настя. Лицо ее было бледно, даже веснушки около ушей поблекли, в глазах светились боль и озлобление.

— Чуть опоздал, — тихо сказал Мотылька. Ее лицо было совсем для него новым, грустный взгляд Насти как-то приблизил ее к нему, точно Мотылька мог защитить девушку.

— Куда опоздал? — продолжала она еще резче.

— Ну, так, никуда. Ты тут приходила.

— Я за ведром приходила. И сама нашла.

— А я не спорю, что нашла, — сказал тихо Мотылька, теряя опору. — Теперь можно будет пуда три накурить дегтю.

— Я на покосе работаю, мне итти

надо, — сказала Настя, оставаясь на месте.

Это окончательно сбило Мотылька. Он не знал, как удержать ее. Если бы он был моложе, он мог бы легко заговорить об ее голубой майке или о косынке, спросить, не озябла ли она, наконец он мог бы молча вздохнуть, и это молчанье не было бы ему в тягость. Но ему было двадцать шесть, и он молчал долго и мучительно. Наконец сказал напрямик то, что считал самым существенным:

— Я старое бросил навсегда.

— А мне что? — ответила Настя насмешливо. — Скажи председателю. — Но тут же вдруг погрузнела и уже серьезно спросила: — А, видать, весело было у Лукича? Долго ты гостил...

— Я от него ушел сразу и чаю не пил.

Настя с облегчением вздохнула.

— Ну, я пойду.

— Дождик! — воскликнул Мотылька радостно. В самом деле, косой дождь быстро накрывал лес, шестая, как внезапно налетевшая стая птиц.

Настя побежала по тропинке и укрылась под зеленым шатром разлапой, неуклюжей ветлы. Но ветер заломил гибкие ветки и плеснул ей в лицо пригоршню крупных и теплых капель. Смеясь, она перебежала на другую сторону и прижалась спиной к шершавому теплему стволу дерева. Мотылька стал подле нее лицом к лицу. Разделявшая их стена пала. Стало легко и просто. Мотылька сорвал огромный лопух и накрыл им нагину голову. Ее плечи под мокрой кофточкой были, как омытые росой камни. Солнечные лучи ударили в корни деревьев. Ливень ушел со свистом и шелестом — голенастый, в золотых сапогах. Протянув руку к веткам, Мотылька осыпал Настю крупными дождевыми брызгами.

— И пускай, — говорила она вызывающе. — И пускай! — Лопух упал, все лицо ее было мокрое, глаза сияли.

Мотылька так тряхнул ствол дерева, что с дождем капель упало несколько листьев. Один повис у Насти на волосах. Мотылька хотел снять этот листок, но взял его вместе с прядью волос. Настя схватила его за руку. Сквозь холод-

ную кожу от одного к другому передавалась живая теплота крови. Мотька отвел ее руки, их лица так сблизилось, что они уже не видели друг друга. Тогда Мотька взял ее за плечи и губами нашел ее губы, холодные и твердые. Ослабевшими руками Настя оттащила его... И вдруг рядом раздался противный визгливый кашель. Отшатнувшись друг от друга, они увидели сгорбленную фигуру Турыхихи, — старуха собирала на краю тропинки землянику. Не поднимая головы, она приблизилась к ним и сорвала несколько ягод у них под ногами.

Настя поправила волосы и, не оглядываясь, пошла сквозь кусты в сторону села; мокрые травяные листочки облепили ее крепкие икры. Когда Настя скрылась, Мотька с ненавистью вспомнил о старухе и обернулся, но ее уже не было.

В этот день Мотька переплыл на своем плоту речку и купил в деревне Лужники две пары шелковых женских чулок и черные туфли на полувысоком каблучке. Все это он спрятал под наррами.

XXXI

Первой мыслью Насти, когда она, раскрасневшаяся от стыда, ушла из лесу, было — больше не здороваться с Мотькой. И в самом деле, встретившись с ним в этот день на дороге, она посмотрела на него незнающими глазами и прошла мимо с надменным и гордым видом. Но, доказав и себе, и Мотьке, что она может не здороваться с ним, Настя поняла, что это не сделает ее счастливой. Давно уже в тайных предчувствиях стала она связывать свое счастье с судьбой этого человека, но старалась скрыть это от самой себя. А теперь необходимо было ясно сказать себе — да или нет. Настя думала о Мотьке, и это был уже не тот Мотька, которого она увидела в первый день на поляне. Тогда это был для нее только кулак, она отнеслась к нему, как к тайному врагу. Но с тех пор она узнала другого Мотьку, — это был человек молчаливый и сильный, угрюмый и упрямый. Его рассказу о лесных пожа-

рах она не могла не верить. И главное — он любил ее какой-то безвыходно-полной любовью, как ее еще никто не любил. Она была бы рада все оставить по-старому, рада была бы еще играть в прятки, но после дождя возврат к прежнему был отрезан.

Все в этот день напоминало ей о Мотьке. Вечером, когда под ее окном дважды прошел с гармошкой подгулявший продавец из сельмага, Настя подумала, что, если она выйдет замуж, никто больше не станет помогать от нее легкой любви. А когда гармонист ушел и издалека-далека донесся обрывок песни, Настю растрогало предчувствие, что скоро она уже не будет знать щемящей тоски одиночества.

И все-таки он был кулак! Настя вспоминала об этом каждую минуту и вся холодела от страха, точно лед под ней на реке подламывался. Но тотчас она говорила себе, что Мотька совсем не то, что другие кулаки; это скажет каждый, кому довелось бы лучше его узнать. Как ей хотелось посоветоваться с кем-нибудь — и не с кем было!

На другой день, увидев Макарова, одиноко шагавшего по краю бугра над лугами, Настя неожиданно для себя самой побежала ему наперерез.

— Кузьма Ильич, — сказала она торопливо, глядя в землю, — скажите, что вы подумали бы про колхозницу, ну, если б полюбила она... кулака?.. Ну, такого, что работает в колхозе?

Макарову никогда в голову не приходило, что между Настей и Мотькой возможны какие-то чувства, и он удивился. Прямо глядя в ее разгоревшееся лицо, он сказал:

— Я бы советовал ей подумать.

— Ну... а если она уже подумала?

— Посмотреть, что он теперь за человек.

Настя проговорила еще тише:

— Ну... а если он теперь человек другой?

— Не торопиться. Кто знает — встретишь человека и получше. Ты бы зашла на досуге, об этом много можно говорить, — добавил он.

Но Настя не зашла и решила все сама. «Ну, конечно, они будут отговари-

вать, — подумала она, — ведь они знают о Моте только то, что и я знала раньше, но они не знают и не могут узнать то, что я знаю теперь».

Вечером она сама сказала невестке:

— Ну, что ж, если вам охота, так и позвали бы Мотьку в гости.

А когда Мотька пришел, все сразу решилось, потому что Настя не хотела давать повод для сплетен и уже больше не колебалась.

XXXII

Они зарегистрировались в сельсовете. Настя взяла пятидневный отпуск в бригаде, и Мотька перенес ее пожитки в землянку.

Немедля она принялась наводить там порядок. Солома, на которой спал Мотька, была выметена вон. Вместо нее появилась перина в красную и голубую полоску, а поверх перины — простыня с кружевной каймой. Из-под нар Настя выгребла ворох мусору. Стены и печку Настя побелила, земляной пол намазала глиной.

Нары, потолок и окно были вымыты. На передней стене против двери появились карточки в самодельных свитых из соломы рамках, на одной был изображен Мотька со своей пожарной бригадой, без конвоя, на фоне обгорелых деревьев. И то, что эту карточку Настя своими руками повесила на стену, было для Демьянова новой наградой за риск, отвагу.

Мотька заглядывал в землянку через каждые полчаса, будто бы за делом, но, в сущности, единственно затем, чтобы покачать головой да потрогать загрубевшими пальцами чудесное убранство. Потом он снова бежал к печке, где курился деготь.

Строго говоря, до этого Мотька жил на одних только нарах. А теперь ему стала служить вся избушка. В печурке,

которую Настя очистила от тряпья и застелила белой бумагой, он стал хранить табак, спички и рыболовные крючки. В углу у двери повесил плащ и шапку, а раньше там и гвоздя не было. Обедали они теперь на самодельном столике. Мотька сам смастерил его из досок и березовых кругляков.

Но и этого было мало! Они нашли, что потолок слишком навис над средней комнаты, и Мотька подвел под него новую балку. После этого Мотьке уже не приходилось наклонять голову, когда он шел от порога к нарам.

На четвертый или пятый день Настя отметила еще одно неудобство: к ним в окошко никогда не заглядывало солнце. Перед избой стояли две огромные ели. Одна — пирамидальная, с густыми, правильно чередовавшимися ветвями, точно высеченная искусным мастером из зеленого камня. Другая — разлапая, взъерошенная, но зато более сильная. (Это были однолетки, вероятно, — красавица-сестра и силач-брат.) Из-за них вся стена с внешней стороны поросла мхом и грибами. Настя заметила это вечером, уходя в деревню за краской, чтобы разрисовать печку цветами.

— Если бы не деревья, — сказала она мимоходом, — у нас было бы много светлее.

Как только она ушла, Мотька взялся за топор, и к возвращению Насти одна ель уже лежала на земле, а другая, разлапая, висела над тропинкой, зацепившись за ветви других елей.

Рано утром Демьяновы вдвоем распилили стволы деревьев и оттащили в сторону. Воротясь в землянку, они увидели, что солнечные лучи, проскользнув между вершин далеких елей, вливались в их жилище сверкающим потоком, окрашивая стену в золотой цвет. И они засмеялись от удовольствия.

(Продолжение следует.)

Три стихотворения

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

★

О Н

Она, видать, немножечко кокетка.
Но близкие заметят в мелочах,
что материна старая жакетка
ей, худенькой, чуть широка в плечах.
Ей восемнадцать скоро. А ему,
кого в мечтах лишь иногда видала?
В тропическую вглядываясь тьму,
он, может быть, на вахте у штурвала
забрызган океанскою волной,
а то стоит в забое, коренастый,
а может быть, давно на посевной,
иль на Чукотке мчат его по насту
шесть пар собак полярною весной...
Кто б ни был он, — он есть на белом свете,
и он сумеет сто земель пройти...
Где б ни был он, — на этой он планете,
где, как известно, сходятся пути.

★

НА ПАРТКОМЕ

Еще и на парткоме так
сидеть случается, друзья:
заметишь дома, сняв пиджак,
что ты прокурен до белья.
На улице — весна давно,
дождем обрызгана трава,
а тут еще зима в правах,
еще замазано окно.

Сосед мой снова закурил.
Но секретарь окно открыл, —
и ветки бросились к рукам,
к его горячему лицу.
Гул самолетов, детский гам,
землей пахнуло, как в лесу.
Земля от яблони бела,
и годы впереди ясны.
Решать партийные дела
нельзя, не чувствуя весны.

★

СМЕРТЬ ДЕРЕВА

Поэтам.

Конечно, любопытно,
как дерево цвело:
на зыбкой, первобытной
земле оно росло.
В болоте неглубоком,
среди древовидных трав,
о ствол чесался боком
детеныш динозавр.
Оно копило ветки
под струями дождя.
Но рухнуло, навеки
в трясиину уходя...
Пласт угля, черный, крепкий.
Кто знает, сколько лет
окаменевшей ветки
на нем хранится след?
Ты сядешь с книгой в кресло,
забудешь свист пурги.
Пусть дерево исчезло,
как множество других,
пусть жизнь не повторится,
но комната светла,
и, может, есть частица
в ней и его тепла.
И знаю я, поверьте
(в одном ряду стоим),
кто не желал бы смерти
такой стихам своим?

Ленин и Сталин — организаторы Красной Армии и вдохновители ее побед

Полковник Е. БОЛТИН

★

История вооруженной борьбы и побед Советской республики в годы гражданской войны, история создания и строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии неотделима от имени Ленина, от имени Сталина. Ленин и Сталин были подлинными организаторами и вождями вооруженных сил победившего пролетариата; в их руках сосредоточивалось высшее руководство народной войной трудящихся против всех эксплуататоров — от момента победоносного вооруженного восстания в октябре 1917 г. до окончательного и полного разгрома армий интервентов и белогвардейцев. Писать о военной деятельности Ленина и Сталина — это значит писать об Октябрьской социалистической революции, о гражданской войне, об истории Красной Армии.

★

Красную Армию создавала и вела к победам великая партия большевиков. Партия осуществляла руководство армией через Ленинский Центральный Комитет, через политорганы, военных комиссаров и рядовых бойцов-коммунистов. Ленин и Сталин концентрировали в себе и направляли это партийное руководство; они несли вдвоем огромную тяжесть организационных, политических и оперативных функций по управлению многочисленными фронтами гражданской войны, борясь в то же время со скрытыми врагами партии в ее собственных ря-

дах — троцкистами, бухаринцами и другими предателями рабочего класса.

Революционный гений великих вождей пролетариата, их обширные знания и опыт обеспечили глубокое понимание природы гражданской войны, как высшей, наиболее открытой и острой формы классовой борьбы пролетариата и руководимого им трудового крестьянства против разбитых в Октябре эксплуататорских классов России и их иностранных союзников. Исходя из этой природы гражданской войны, Ленин и Сталин умели во всех случаях выбирать именно те формы и методы решения военных задач, которые соответствовали данной обстановке, данным условиям. Они мастерски применяли законы материалистической диалектики в практике военного дела.

Гражданская война в СССР решала судьбы пролетарской диктатуры. Против победившего пролетариата и руководимых им многомиллионных масс трудового крестьянства выступили с оружием в руках обломки разбитых, но еще не окончательно уничтоженных классов буржуазии, помещиков, кулачества. Эти классы были орудием в руках мирового империализма, организовавшего вооруженную интервенцию против Страны Советов. Ясно, что буквально с первого же дня существования советской власти работа Ленина и Сталина по необходимости была на $\frac{9}{10}$ работой военной, работой, направленной к главной и основной цели — организации победы над

объединенными силами внутренней контрреволюции и международной интервенции.

Вопрос о необходимости организации собственной вооруженной силы пролетариата после победы социалистической революции был ясен Ленину и Сталину задолго до октября 1917 г. В течение всего дореволюционного периода своей партийной и научной работы Ленин не переставал уделять этой проблеме огромное внимание. Вот почему он так глубоко штудировал книгу Клаузевица «О войне», военные труды Маркса и Энгельса. Владимир Ильич еще в 1905 году подчеркивал, что «Ни один социал-демократ (Ленин, разумеется, имеет в виду революционных социал-демократов. — Е. Б.), знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»¹.

Ту же мысль настойчиво развивал товарищ Сталин, говоривший рабочим на митинге в Тифлисе в день объявления манифеста царя в 1905 г.:

«Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение»².

Но ни в трудах основоположников марксизма, ни в огромном теоретическом и практическом опыте руководства революционным движением, накопленном партией в годы подполья, нельзя было найти готовых ответов на вопрос о том, как строить вооруженные силы пролетарской революции после ее победы, в условиях длительной и упорной гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией. Весной 1919 г. в разгаре гражданской войны, когда Красная Армия уже стала вполне сло-

жившейся боевой силой, В. И. Ленин говорил об этом на VIII съезде партии: «Вопрос о строении Красной армии был совершенно новым, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли»¹.

Это была задача огромной, колоссальной трудности, и решение ее было по плечу лишь таким революционным вождям нового типа, как Ленин и Сталин, лишь такой закаленной в боях партии, как партия большевиков.

«Только она, партия, и рабочий класс, который шел безоговорочно за партией, могли бесстрашно взяться за эту сложнейшую задачу. Только благодаря напряжению сил всей партии под непосредственным руководством Ленина — этого гиганта воли и настойчивости, только благодаря самоотверженной работе таких организаторов, как Сталин, ставший в короткий срок настоящим нашим большевистским военным специалистом, нам удалось организовать Красную армию и побеждать на многочисленных фронтах» — говорит товарищ Ворошилов².

★

Ленину принадлежит честь непосредственного создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 28 января 1918 г. он подписал декрет СНК «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Из воспоминаний участников исторического заседания Совнаркома в Петрограде, в Смольном, где был подписан декрет, известно, что Ленину пришлось самому, от слова до слова, отредактировать этот первый военный закон советской власти. Настолько новым и неясным для большинства работающих партийных и советских работников был вопрос о создании Красной Армии, что проект декрета СНК оказался плохо подготовлен-

¹ Ленин. Соч., т. VII, стр. 384—385.

² Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Изд. 1938 г., стр. 84.

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 121.

² К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат, 1936 г., стр. 554.

ным. Ленин тут же на заседании стал сам исправлять текст проекта и в конце концов в корне переделал его, потратив на эту работу около часа. Так была положена основа организации новой армии.

В тот же день Ленин подписал декрет СНК «О Всероссийской коллегии по формированию Рабочей и Крестьянской Красной Армии», одним из основных руководителей которой стал выдающийся большевик—Л. М. Каганович. Это был первый практический шаг к реализации декрета о создании РККА.

Все последующие законы, определявшие путь дальнейшего развития Красной Армии в годы гражданской войны, были подписаны Лениным и его ближайшими соратниками — Сталиным и Свердловым. 8 апреля 1918 г. за совместными подписями Ленина и Сталина был принят декрет СНК «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам».

При непосредственном руководящем участии Ленина 22 апреля 1918 г. были приняты декреты ВЦИК, подписанные Свердловым, «Об обязательном обучении военному искусству», «О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии», «О сроке службы в РККА» и «О формуле торжественного обещания при вступлении в РККА». 4 мая Ленин подписал декрет СНК «Об учреждении военных округов». Были созданы также центральные органы управления РККА: Главный штаб, Реввоенсовет республики, Всероссийское бюро военных комиссаров. Все это были первые краеугольные камни в фундаменте нового здания, в строительстве первой в мире армии освобожденных трудящихся.

В июле 1918 г. 5-й Всероссийский съезд Советов, при участии Ленина, заслушал доклад об организации Красной Армии. «Советской республике необходима крепкая революционная армия, способная сокрушить буржуазно-помещичью контрреволюцию и дать отпор натиску империалистических хищников» — постановил съезд¹. К этому времени уже развернулась героическая

борьба за Царицын под руководством товарища Сталина, шел процесс формирования Красной Армии на началах обязательной военной службы. 19 августа 1918 г. Ленин подписал декрет СНК, по которому войска Красной Армии были сведены в соединения (дивизии, армии) и были разграничены линии фронтов. РККА получила законченную организацию; и вскоре Ленин уже выдвигает задачу создания трехмиллионной армии.

Первоначальный этап существования Красной Армии был завершен решениями VIII съезда партии по военному вопросу (март 1919 г.). Эти решения, сформулированные и предложенные Лениным и Сталиным на основе накопленного полуторагодового опыта борьбы, исчерпывающе отвечали на вопрос Владимира Ильича:

«Как классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистского класса, — как создать ему своих командиров, как решить задачу сочетания энтузиазма, нового революционного творчества с использованием того запаса буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны?»¹.

Голос Ленина мощным набатом звучал над Советской страной во все решающие, кризисные моменты гражданской войны. Этот голос слышали молодые отряды Красной Армии, в 1918 г. защищавшие под руководством товарища Сталина цитадель революции на юге России — красный Царицын. Ему внимали красноармейцы Поволжья, освобождавшие от чехословаков и белогвардейцев Самару, Симбирск и Казань. В грозные дни генерального наступления Колчака, 11 апреля 1919 г., Ленин пишет знаменитые «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». 9 июля 1919 г., когда на смену Колчаку приходит новый враг — Деникин, Ленин обращается к партии с историческим письмом ЦК «Все на борьбу с

¹ Из протокола 5-го съезда Советов от 10 июля 1918 г. Стенографический отчет, стр. 211.

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 122.

Деникиным». 24 августа 1919 г., когда в итоге блестящих побед красных армий, руководимых М. В. Фрунзе, Колчак «был снят со счета» (Сталин)¹, Ленин шлет «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». 17 октября 1919 г. в кризисный момент наступления Юденича на Петроград, гремит ленинское воззвание «К рабочим и красноармейцам Петрограда». Наконец 28 декабря 1919 г., когда разбитые по гениальному плану Сталина деникинские армии бегут к портам Черного и Азовского морей, Ленин пишет «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным».

Все эти и многие другие руководящие документы гражданской войны, вышедшие из-под пера Ленина, играли гигантскую организующую роль в вооруженной борьбе масс. Ленин во-время направлял энергию Красной Армии, партии и всех трудящихся против главного на данном этапе врага. Он мастерски ставил задачи стратегии, нацеливая основной удар в решающем направлении.

Гражданская война была продолжением политики советской власти, ленинско-сталинской политики свержения и уничтожения эксплуататоров и освобождения трудящихся из-под гнета капитала. И... «Красная армия победила потому, что политика Советской власти, во имя которой воевала Красная армия, была правильной политикой, соответствующей интересам народа»².

Ленинские директивы эпохи гражданской войны служат ярким выражением этой правильной народной политики. Но руководство Ленина не ограничивалось общими политическими директивами. Оно проникало и в подчиненную область — в область оперативно-стратегических вопросов. Так, «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» не только мобилизовывали партию и народ на отпор Колчаку, но и предопределяли оперативный план разгрома этого злейшего врага совет

ской власти — план сильного контрудара, который нанес тов. Фрунзе во фланг главной группировке белых в Бугурусланно-Уфимском направлении. Короткая телеграмма Ленина РВС Восточного фронта, от 25 мая 1919 г., о необходимости во что бы то ни стало до зимы освободить от белых Урал, — была одновременно и оперативной директивой, решавшей судьбу Уфимской операции тов. Фрунзе и весь ход борьбы за Урал. Из этой же директивы вытекало отклонение ЦК партии подозрительного плана Иуды-Троцкого о прекращении преследования Колчака и отстранении Троцкого от руководства делами Восточного фронта.

Ленин лично утвердил исторический сталинский план разгрома Деникина и отменил изживший себя, по существу своему пораженческий «план» Троцкого о главном ударе от Царицына на Новороссийск. Он с необычайной зоркостью и пониманием военного существа событий следил за развитием боев на Южном фронте, активно вмешиваясь в недопустимо плохую работу Реввоенсовета Республики, возглавляемого предателем Троцким, и лично занимаясь проверкой исполнения.

В короткой телеграмме исполкому Петроградского Совета по поводу наступления Юденича от 14 октября 1919 г. Ленин дает предельно сжатую оперативно-стратегическую оценку действий белых и указание об основной задаче Красной Армии: «Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге, — пишет он. — Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов»¹. Именно по этим двум операционным направлениям и развернулось через полмесяца контрнаступление 7-й и 15-й красных армий, приведшее к полному разгрому Юденича.

Ленин еще 11 марта 1920 г., за месяц до начала белопольского наступления, предупреждает партию и Красную Армию о возможной войне с поляками. По предложению товарища Сталина он дает указание о переброске с Северного Кавказа на польский фронт 1-й

¹ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, изд. 2-е, 1937 г., стр. 107.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 233.

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 486.

Конной армии, сыгравшей впоследствии решающую роль в разгроме белополяков на Украине.

Как председатель Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, организованного 30 ноября 1918 г., Ленин вместе со Сталиным руководит превращением нашей страны в единый военный лагерь. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны решает огромный круг вопросов жизни, строительства и обеспечения боевых операций РККА. Его работа включает снабжение частей артиллерией, винтовками, боеприпасами, обмундированием и снаряжением; помощь раненым; бесконечные заботы о продовольствии для армии; новые формирования, переброску резервов и огромное множество других конкретных задач.

Совет Обороны под председательством Ленина полностью объединил в своих руках руководство обороной страны и контроль над работой всех ведомств в этой области. Совет стал высшей военно-оборонной инстанцией республики, а его постановления были обязательны для всех.

Ставя задачи, требуя, проверяя исполнение партийных директив органами главного командования, Ленин никогда не забывает ободрить войска в тяжелую минуту неудач и поздравить их от имени партии и Советской власти с победой. Освобождение от белых Самары, Казани, Ижевска, Перми, Кунгура и многих других городов Поволжья, Урала и Сибири отмечено теплыми, энергичными и по-ленински деловитыми поздравительными телеграммами. Защитники полуокруженного Царицына постоянно ощущали заботу вождя революции.

«Ильич душой с Вами, он полюбил вас чертей»¹ — передает по прямому проводу товарищ Сталин Ворошилову в начале ноября 1918 г.

«Это нам самая большая награда...»² — отвечает К. Е. Ворошилов.

И когда 16 июня 1919 г. Ленин в телеграмме на имя М. В. Фрунзе про-

сит передать «...горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель...»¹ — эти простые слова вливают необыкновенную энергию в сердца осажденных. Уральск выдержал, пока извне не подошла на помощь славная 25-я Чапаевская дивизия.

Так, тесно сочетая политику с военным делом, руководил небывалой борьбой вождь пролетарской революции. В дни гражданской войны Ленин, находясь безвыездно в Москве, был тем не менее теснейшим образом связан со всеми фронтами. Он жил событиями войны и был в курсе мельчайших деталей ее изменчивого хода. Рабочий кабинет Ленина в Кремле был по существу своеобразным оперативным отделом. Здесь, на огромных картах, развешанных по стенам, изо дня в день фиксировалось положение на всех фронтах республики. Каждое утро Ленину приносили на доклад пачку военных телеграмм. Он изучал их тщательно, но необыкновенно быстро, и обычно сам отмечал на картах изменения в положении войск. Оценив полученные сведения, иногда выслушав доклады представителей военного командования, он немедленно реагировал на события телеграммами, директивами, указаниями. Напряженная работа частенько не прекращалась и ночью.

Вернейшим и лучшим помощником Ленина в руководстве гражданской войной был Сталин. Владимир Ильич высоко ценил военный талант и боевой опыт товарища Сталина. «О деталях переговорить со Сталиным» — пишет Владимир Ильич 22 апреля 1918 г. в предписании Наркомвоенмору в связи с постановлением СНК об обороне восточной границы Харьковской губернии от немецких оккупантов².

Такие же указания и резолюции — «Послать товарищу Сталину», «Запросить точку зрения Сталина», «Сталин добавит может быть подробнее о военно-технических способах выполнения»

¹ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Изд. 2-е, 1937 г., стр. 68.

² Там же.

¹ Ленин. Соч., т. XXIX, стр. 503.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 63.

и т. п. — можно прочесть на многих документах эпохи гражданской войны.

Великое содружество обоих вождей революции — Ленина и Сталина — это замечательный образец подлинно партийной, коллективной работы по руководству борьбой масс.

★

Историческая роль товарища Сталина в создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в организации ее побед на полях гражданской войны ярко освещена в двух работах К. Е. Ворошилова: «Сталин и Красная Армия» и «Сталин и строительство Красной Армии».

Первая из этих работ, положившая начало опубликованию ряда важнейших документов эпохи гражданской войны, дала толчок разработке вопросов истории, тесно связанных с военной деятельностью товарища Сталина. И чем дальше, чем шире и глубже проникает мысль исследователя в прошлое, подвергая его анализу в свете опыта пройденного двадцатидвухлетнего пути, тем все более и более ясным становится гигантское значение личности Сталина в организации побед советского народа над объединенными силами иностранной интервенции и помещичье-буржуазной контрреволюции.

Военная работа товарища Сталина чрезвычайно широка и многогранна. Он — организатор вооруженных сил молодой Советской республики, ближайший помощник великого Ленина в нечеловечески трудном деле строительства новой, невиданной миром армии освобожденных трудящихся. Он — великий стратег гражданской войны, творец гениальных планов разгрома вооруженных сил контрреволюции. Он — выдающийся политический деятель Красной Армии, первый из славных большевистских комиссаров, подлинный вождь красноармейских масс.

Вот почему, как пишет товарищ Ворошилов, Сталин «...это имя Красной Армии. Вооруженная защита победившего социализма, строительство Красной Армии Советского Союза, ее история, ее

сила и могущество, ее сплоченные и стальные ряды, ее техника и героические кадры — неразрывно связаны с именем Сталина...».

«О Сталине, создателе Красной Армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции — будут написаны многие тома»¹.

Известно, что товарищ Сталин с первых же дней существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии непосредственно руководил формированием ее частей и их организационным строительством.

Это было именно непосредственное руководство — на месте, в гуще событий войны, в массах бойцов молодой армии. «Величие заслуг нашего Сталина в том и заключается на этом героическом этапе истории, — говорит товарищ Ворошилов, — что армия, как организованная боевая сила, создавалась его твердой рукой в самом процессе борьбы за победу. Борьба, требовавшая для ее выигрыша организованной военной силы, сама использовалась опытной рукой Сталина, как организующий, созидательный фактор»².

Особенно широкий разворот эта организационная работа получила в период Царицынской обороны, летом 1918 г. Созданная товарищем Сталиным и его ближайшими помощниками — товарищами Ворошиловым, Щаденко, Рудневым, Куликом и другими, — славная 10-я красная армия была, по существу, первой действительно регулярной, организованной и твердо управляемой советской армией. В ту пору настроения партизанщины в частях Красной Армии были еще очень сильны, в недавнем прошлом многие из них возникали стихийно, формировались из добровольцев. И даже такие крепкие части Царицынского фронта, как отряды Сиверса и Киквидзе, из которых вскоре выросли славные советские дивизии, иногда проявляли неустойчивость, поддавались панике, действовали разрозненно именно в

¹ К. Ворошилов. Сталин и строительство Красной Армии. Воениздат, 1939 г., стр. 5.

² Там же, стр. 6.

силу неизжитых партизанских тенденций.

Товарищ Сталин упорно боролся с язвами партизанщины и в самый короткий срок достиг поразительных успехов в организационном строительстве частей Царицынского фронта. Он быстро ликвидировал неразбериху и чересполосицу в многочисленных военных учреждениях Северо-Кавказского военного округа, создал гибкий оперативный штаб, максимально приближенный к войскам и тесно связанный с частями. Царицынские войска и прибывшие в июле из Украины и Донбасса части армии товарища Ворошилова в течение лета и осени 1918 г. получают достаточно стройную и единообразную организацию. Формируются полки, бригады и дивизии; создается система запасных формирований, руководство которыми товарищ Сталин поручает Николаю Рудневу; организационно оформляются технические роды войск — артиллерия 10-й армии, возглавляемая товарищем Куликом, знаменитые царицынские бронепоезда во главе с товарищем Алябьевым, инженерные части. Наконец в это же время зарождаются и первые формирования красной кавалерии, и на арену руководства ими выдвигается славный руководитель красной конницы — С. М. Буденный.

В декабре 1918 г. ЦК партии по предложению В. И. Ленина направил товарищей Сталина и Дзержинского на Восточный фронт для исправления катастрофического положения, создавшегося под Пермью. И здесь товарищ Сталин в новой обстановке блестяще применяет организационный опыт, накопленный им в период героической обороны Царицына. Доклад Сталина и Дзержинского — «Товарищу Ленину о причинах падения города Перми в 1918 году», написанный 31 января 1919 г., — это замечательный документ, ярко освещающий ряд основных политических, оперативных и организационных проблем строительства Красной Армии и показывающий правильные пути их разрешения.

Характерно, что организационно-политические моменты выдвинуты товари-

щем Сталиным в этом докладе, как одна из основных причин пермской катастрофы. В частности, товарищ Сталин вскрыл тот факт, что Всероглавштаб нарушил основной принцип формирования Красной Армии. В ее ряды пробрались кулаки, торговцы, монахи и прочие враждебные элементы, пытавшиеся разложить наши части изнутри и на первых порах достигшие в этой гнусной «работе» кое-каких успехов.

Вмешательство товарищей Сталина и Дзержинского положило решительный конец этому грубому извращению политики советской власти. Товарищ Сталин лично занимался проверкой и отбором прибывших на фронт пополнений; он непосредственно руководил формированием новых частей и, в частности, создал особый экспедиционный отряд лыжников, численностью до 1 000 бойцов, для действий на ранее необеспеченном левом фланге 3-й армии.

Организационные меры не ограничились этим. Товарищ Сталин из опыта ликвидации катастрофы под Пермью делает вывод о необходимости отказаться от принципа местных формирований частей и предложил направлять мобилизованных в другие районы. Это предложение было осуществлено во всей стране в 1919 г. в форме создания Запасной армии республики и дало замечательные результаты.

Комиссия товарищей Сталина и Дзержинского сделала также ряд важных выводов о необходимости коренной реорганизации политаппарата Красной Армии; эти выводы в дальнейшем были целиком осуществлены партией.

Вся сумма вопросов организационного строительства РККА, гениально обобщенная товарищем Сталиным в докладе о причинах падения города Перми, нашла полное разрешение в резолюциях VIII съезда партии по военному вопросу. Замечательный опыт, накопленный товарищем Сталиным в борьбе за Царицын и Пермь, стал достоянием всей партии и Красной Армии.

VIII съезд партии был переломным этапом в организационном строительстве Красной Армии. Здесь партия, ус-

пешно отбив все наскоки троцкистов, развернула также решительную борьбу с так называемой «военной оппозицией», защищавшей пережитки партизанщины в армии. Ленин и Сталин твердо выступили против попыток сохранить партизанские черты в строительстве РККА, за четкую, определенную, строго классовую ее организацию.

«Либо,— говорил товарищ Сталин,— создадим настоящую рабоче-крестьянскую, по преимуществу крестьянскую, строго дисциплинированную армию и защитим республику, либо пропадем»¹.

Такая армия была создана, и она одержала полную победу над всеми врагами советской власти. И в создании этой армии гигантскую роль сыграла работа товарища Сталина.

«В годы гражданской войны могучая воля Сталина, твердая, как сталь, сталинская рука, исключительное хладнокровие и непоколебимость в любых условиях обстановки, требовательность к себе и окружающим, при исключительной заботе о людях, — вдохновляли бойцов, командиров, комиссаров и политработников нашей армии на героизм, подвиги и отвагу, и она побеждала и, побеждая, росла, крепла и складывалась в несокрушимую силу, отстоявшую Советскую страну от всех ее врагов»².

Одной из наиболее блестящих страниц организационной военной деятельности товарища Сталина, несомненно, является создание им 1-й Конной армии.

Красная конница зародилась в донских и кубанских степях, где в силу социальных и географических условий существовала иррегулярная казачья кавалерия. Контрреволюционная кулацкая часть казачества составляла основу белых армий Краснова и Деникина, в рядах которых кавалерия занимала крупное место. Для борьбы с белой конницей нужны были организованные, сильные красные кавалерийские части и соединения — полки, дивизии, корпуса.

Для успеха дела нужны были также талантливые и энергичные кавалерийские начальники. Такие нашлись, и первым, крупнейшим из них был Семен Михайлович Буденный. Сталин и Ворошилов увидели в Буденном необыкновенное дарование кавалерийского начальника. Этот самородок был выведен ими на широкую полководческую дорогу. Еще из опыта боев за Царицын товарищ Сталин сделал вывод, что конница может и должна стать могучим тараном революционной армии. Об этом очень ярко говорит К. Е. Ворошилов в своей книге «Сталин и Красная Армия».

«Товарищ Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение или прямое сопротивление. Но не таков товарищ Сталин: раз он был уверен в полезности и правильности своих планов, он всегда шел напролом в их осуществлении»¹.

Всем известно, какое огромное место в победах гражданской войны заняла созданная и направляемая товарищем Сталиным 1-я Конная армия. Под командованием верных сталинских питомцев — Ворошилова, Буденного и Щаденко — героическая Конная сыграла решающую роль в разгроме Деникина. Весной 1920 г. она прошла тысячекилометровым маршем с Северного Кавказа на белопольский фронт и нанесла сокрушительный удар польским армиям на Украине, вызвав этим коренной перелом в ходе советско-польской войны. Наконец, переброшенная осенью 1920 г. против Врангеля, 1-я Конная разбила армии «черного барона». И на протяжении всего этого замечательного боевого пути Конной армией руководил и любовно следил за ней великий Сталин; он советовал, ободрял, помогал, оберегая свое детище от наскоков Иуды-Троцко-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 225.

² К. Ворошилов. Сталин и строительство Красной Армии, стр. 7.

¹ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, изд. 2-е, 1937, стр. 26.

го и его приспешников, остро ненавидевших верное оружие революции — славную красную конницу.

Сталин внес огромный вклад в теорию и практику военного искусства. Его классические труды — «Вопросы Ленинизма», «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов», его доклады на партийных съездах и другие работы полны драгоценными указаниями, охватывающими вопросы военной стратегии, тактики, организации и партийно-политической работы в РККА. Товарищ Сталин впервые в марксистской науке дал четкое, сжатое определение сущности стратегии и тактики, показал внутреннюю диалектическую связь между ними и зависимость тактики от стратегии. Он показал, что в военном деле не может быть шаблонов, заранее и раз навсегда выработанных планов и приемов, ибо... «стратегический план, годный для одного исторического периода, имеющего свои особенности, не может быть годным для другого исторического периода, имеющего совершенно другие особенности. Каждому историческому повороту соответствует необходимый для него и приуроченный к его задачам стратегический план.

То же самое можно сказать и в отношении военного дела. Стратегический план, выработанный для войны с Колчаком, не мог быть пригодным для войны с Деникиным, требовавшей нового стратегического плана, в свою очередь не пригодного для войны, скажем, с поляками в 1920 г., ибо как направления основных ударов, так и схемы размещения основных боевых сил не могли не быть различными во всех этих трех случаях»¹.

Это положение товарищ Сталин блестяще применял на практике. Его планы действий под Царицыном, Пермью и Петроградом, гениальный план разгрома Деникина, планы контрударов по белополякам на Украине и по Врангелю в Северной Таврии — замечательные образцы гибкой стратегической мысли,

¹ Сталин. К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов. Журнал «Коммунистическая революция», № 7 (46) за 1923 г., стр. 17.

выработки таких приемов и способов действий, которые могли дать и дали наибольший эффект именно в данной, конкретной обстановке, при данном соотношении сил.

Товарищ Сталин, обогащая и углубляя учение Маркса, Энгельса и Ленина о войне и армии, осветил исторические законы развития военного искусства. Он подчеркнул важнейший вопрос — о зависимости организационных форм армии от способов ведения войны.

«Способы ведения войны, формы войны не всегда одинаковы, — говорит товарищ Сталин. — Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего в зависимости от развития производства. При Чингис-хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX веке ведется иначе, чем в XIX веке.

Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки»¹.

Говоря о формах организации армии и соотношении родов войск в ней, товарищ Сталин указывает, что они «...приспосабливаются обычно к формам и способам ведения войны. С изменением последних меняются первые. При маневренной войне дело решает часто массовая кавалерия. При позиционной войне, наоборот, кавалерия либо не играет никакой роли, либо второстепенную роль: тяжелая артиллерия и авиация, газы и танки решают все.

Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия»².

Нетрудно видеть, что именно эти организационные принципы были положены Лениным и Сталиным в основу

¹ Сталин. К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов. Журнал «Коммунистическая революция», № 7 (46) за 1923 г., стр. 14.

² Там же, стр. 15.

структуры Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Неверно делают те, кто сравнивает Сталина с полководцами прошлого, хотя бы последние и были крупнейшими мастерами военного искусства. Такое сравнение ошибочно потому, что Сталин, как и Ленин, является вождем огромных революционных масс, гениальным политическим деятелем нового типа, который «...счастливо сочетает в себе великого стратега и блестящего тактика пролетарской революции, по-марксистски, диалектически применившего законы стратегии и тактики классовой борьбы к военной действительности, к борьбе вооруженных сил революции»¹.

Замечательной особенностью военно-организационной работы товарища Сталина является органическое сочетание оперативного и политического руководства. «Сталин немало внимания уделяет политаппарату армии, этому особому «роду оружия», которого в нашем понимании не имеет ни одна армия в мире и являющемуся, пожалуй, самым мощным фактором в системе Красной Армии, определяющим в немалой степени ее боевую силу и моральный облик, — говорит товарищ Ворошилов. — ...Сталин сам лучший комиссар армии в годы гражданской войны. У него, у Сталина, должны мы учиться великому искусству политического руководства войсками»².

Во всех операциях гражданской войны, которыми руководил товарищ Сталин, проявляется исключительное внимание, которое он уделял организации и службе тыла. Буквально всюду — в Царицыне, под Пермью, в Петрограде, на Южном и Юго-Западном фронтах — товарищ Сталин в труднейших условиях хозяйственной разрухи, голода и недостатка самого необходимого снабжения ни на минуту не забывает о тыле и находит возможности для организации его бесперебойной работы. Характерно, что, уезжая в Вятку

в конце декабря 1918 г., для выполнения задания Ленина и ЦК по расследованию причин пермской катастрофы, товарищ Сталин еще в Москве заблаговременно принимает ряд мер по укреплению тыла Восточного фронта. Через Совет Рабочей и Крестьянской Обороны товарищ Сталин дает приказ комиссии по снабжению РККА немедленно обеспечить 3-ю армию валенками, полушубками и лыжами. К 18 января 1919 г. это снабжение было получено и значительно помогло организации успешного контрнаступления левого крыла фронта.

В докладе «Товарищу Ленину о причинах падения города Перми в 1918 году» товарищ Сталин уделяет исключительно большое место необеспеченности тыла, констатируя «полный развал тыла третьей армии»¹. Он глубоко анализирует работу органов снабжения и эвакуации и устанавливает, что «Основная болезнь в деле снабжения — невероятная чересполосидца органов снабжения и отсутствие координации между ними»². Опыт доказывал, что «Большое место наших армий — непрочность тыла, объясняемая, главным образом, заброшенностью партийной работы, неумением Совдепов претворить в жизнь директивы центра...»³. Из этого опыта товарищ Сталин сделал практический вывод о необходимости реорганизации центральных органов снабжения РККА и всего дела управления тылом. Эти предложения, удивительно конкретно сформулированные в докладе товарищей Сталина и Дзержинского, были приняты и проведены в жизнь. В частности к июлю 1919 г. была осуществлена полная централизации дела снабжения РККА в форме назначения Чрезвычайного уполномоченного Совета Рабочей и Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии (Чусоснабарм) с весьма широкими функциями. Эта мера помогла упорядочить снабжение РККА в самый трудный период гражданской войны — осенью 1919 года.

¹ К. Ворошилов. Сталин и строительство Красной Армии, стр. 8.

² Там же, стр. 15.

¹ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, стр. 88.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 91.

Оценивая значение выводов о тыле, сделанных товарищем Сталиным на основе опыта ликвидации пермской катастрофы, товарищ Ворошилов говорит:

«Сталинский план восстановления прорыва на Восточном фронте у Перми, консолидации сил 3-й армии и переход ее в наступление против Колчака — план, построенный исключительно на учете уральской обстановки и значения тыла, также говорит о Сталине, как о стратеге нового типа, стратеге, умеющем в сложнейшей политической и военной обстановке найти важнейшее звено, чтобы удержать всю цепь развертывающихся событий в нужном направлении и добиться полностью поставленной цели. «Пермские» соображения Сталина, по сути дела, — новая наука о службе тыла»¹.

Ярким примером глубокого учета значения и роли тыла служит также руководство товарища Сталина оборонной Петрограда летом 1919 года.

Прибыв в Петроград в 20-х числах мая 1919 г., товарищ Сталин застаёт картину фактического развала войск и тыла, допущенного подлыми двурушниками Зиновьевым, Евдокимовым и сознательно насаждавшегося белогвардейско-шпионской агентурой иностранных разведок. Одним из первых мероприятий, проведенных товарищем Сталиным, явился беспощадный удар по контрреволюции, политическая очистка тыла 7-й армии. В то же время он и здесь уделяет огромное внимание упорядочению службы войскового тыла, улучшению дела снабжения и эвакуации. Для этого товарищ Сталин создает должности начальников тыла 7-й армии и ее боевых участков с соответствующими органами управления. Работа начальников тыла, на которых была возложена как организация снабжения, так и обеспечение революционного порядка, дала прекрасные результаты. Этот опыт товарищ Сталин применил впоследствии и на других фронтах гражданской вой-

ны, в частности — на Юго-Западном фронте (в 1920 г.).

Теоретический вывод о роли тыла в военном деле товарищ Сталин изложил так:

«Ни одна армия в мире не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями и идеями. Неустойчивый, а еще больше враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию»¹.

Таковы некоторые, далеко не полные черты гигантской и разнохарактерной работы товарища Сталина, как организатора Красной Армии в годы гражданской войны.

★

Незадолго до конца своей жизни Ленин, целиком отдавшийся кипучей работе по восстановлению разрушенного многолетней войной народного хозяйства и по строительству социализма, говорил партии и народу: «...взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте на-чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока...»².

И над гробом вождя мирового пролетариата его верный ученик и соратник товарищ Сталин дал от имени партии большевиков клятву: укреплять Красную Армию и Красный Флот. Это обещание партия и советский народ держат твердо.

К своей 22-й годовщине Красная Армия пришла, как сильнейшая армия мира. Не будет преувеличением сказать, что все успехи и достижения социалистического строительства в нашей стране были обеспечены тем, что на-страже

¹ К. Ворошилов. Сталин и строительство Красной Армии, стр. 11.

¹ Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 93.

² Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 120.

ее границ стояли и стоят несокрушимые Красная Армия и Красный Флот.

В течение всех лет мирного существования Красной Армии ее строительством продолжал и продолжает руководить товарищ Сталин. «...Перестав давно быть формально военным, товарищ Сталин никогда не переставал глубоко заниматься вопросами обороны пролетарского государства. Он и теперь, как в былые годы, знает Красную Армию и является ее самым близким и дорогим другом»¹.

Руководя строительством социализма в нашей стране, товарищ Сталин никогда, ни на минуту не упускает из поля зрения интересов ее обороны. Именно благодаря сталинской заботе и руководству так сказочно быстро выросли и развились технические роды войск РККА — авиация, танковые части, артиллерия и др. Благодаря победам социализма, под гениальным водительством товарища Сталина СССР уже превратился в сильнейшую, могучую сухопутную и воздушную державу и быстро становится сильной морской страной.

Как член Главного Военного Совета РККА, товарищ Сталин лично и непосредственно участвует в разрешении всех основных вопросов организационного строительства, технического оснащения и боевой подготовки Красной Армии. Он проявляет исключительную

заботу о подготовке военных кадров, ибо «кадры решают все» (Сталин). Он, как всегда, уделяет особенное внимание политическому аппарату армии, ее воспитанию в духе беззаветной преданности коммунизму.

Сталин дал нашей партии «...ясную перспективу развития вооруженных сил, в том числе и в коммунистическом обществе в нашей стране при капиталистическом окружении»¹. Благодаря наличию этой ясной перспективы советское правительство своевременно перевело Красную Армию с территориально-милиционной системы комплектования на кадровую, обеспечив этим высокую мобилизационную готовность и мощь нашей армии.

Крупнейшим актом сталинского руководства строительством обороны страны явился «...новый закон о всеобщей воинской обязанности — закон, над созданием которого так много поработал товарищ Сталин»².

Свою мощь, свои замечательные боевые качества, свою безграничную преданность народу и большевистской партии, свою горячую любовь к Родине и вождю народов товарищу Сталину Красная Армия и Военно-Морской Флот доказали и доказывают славными боевыми делами. Армия освобожденного народа, созданная великим Лениным, руководимая великим Сталиным, — непобедима.

¹ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, стр. 33.

¹ К. Ворошилов. Сталин и строительство Красной Армии, стр. 12.

² Там же.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

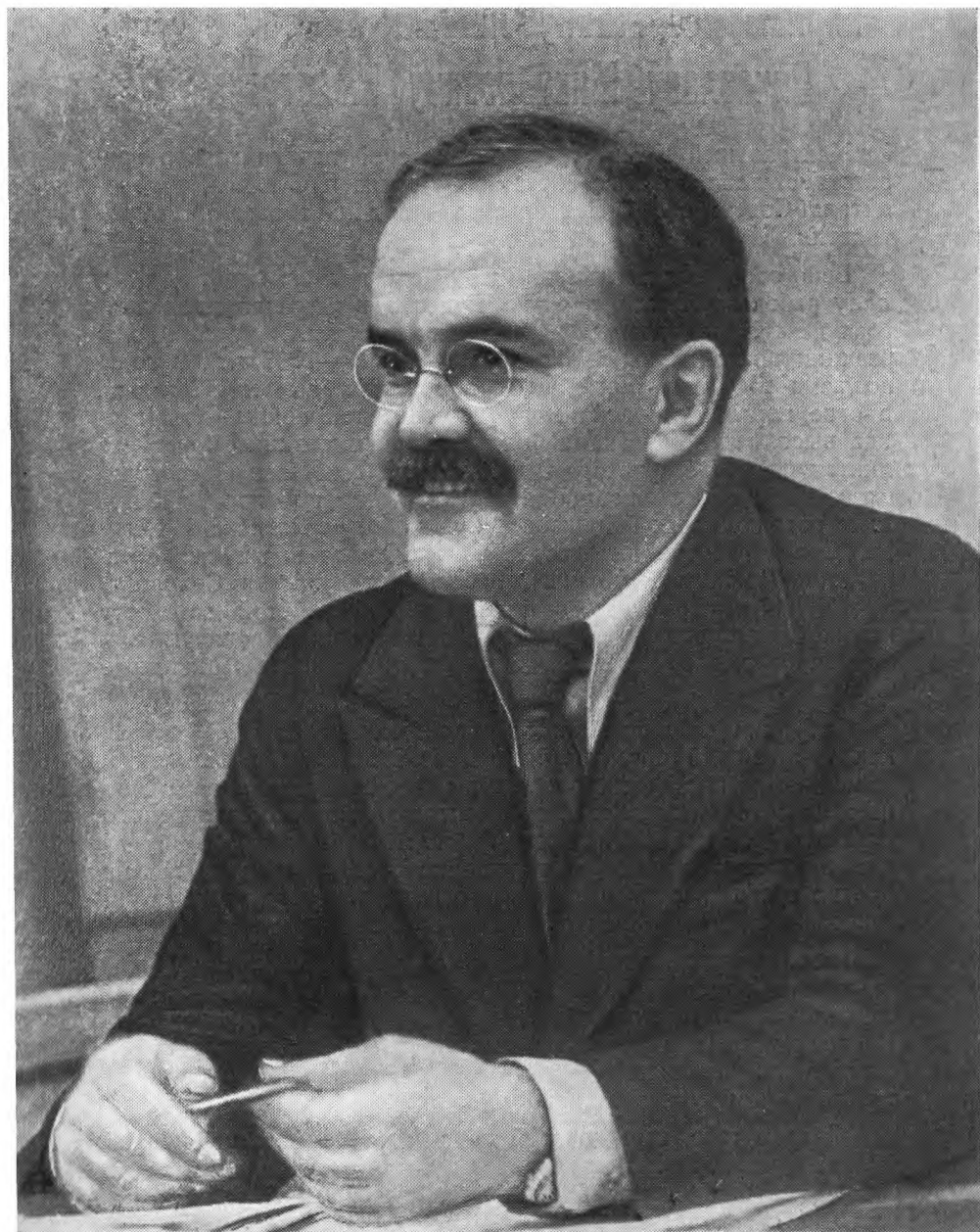
О награждении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича Молотова Орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в деле организации Большевистской партии, создания и укрепления Советского государства наградить Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича МОЛОТОВА, в день его пятидесятилетия, — ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.
8 марта 1940 г.

В. М. Молотов.

Верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, верного соратника Ленина и Сталина, руководителя Советского Правительства — в день твоего пятидесятилетия.

Всю свою сознательную жизнь ты непрерывно служишь делу рабочего класса, делу коммунизма в качестве выдающегося деятеля и вождя большевистской партии. В черные годы реакции после поражения революции 1905—1907 г.г., в годы подъема рабочего движения, в эпоху «Звезды» и «Правды», в огне первой мировой империалистической войны — ты всегда высоко держал знамя большевизма, неутомимо борясь за диктатуру пролетариата в нашей стране. Как член Петроградского Военно-Революционного Комитета ты провел большую революционно-большевистскую работу в Октябре 1917 года. Своей работой в качестве руководителя партийных организаций Донбасса, Украины, Москвы, в качестве Секретаря ЦК ВКП(б), своей многолетней славной работой на посту главы Советского Правительства ты заслужил горячую любовь и огромное уважение партии и трудящихся Советского Союза.

Как один из виднейших вождей большевистской партии, как крупнейший организатор социалистической экономики и новой, коммунистической культуры, ты воплотил в себе лучшие качества политического деятеля ленинско-сталинского типа. Ты всегда вел и ведешь последовательную борьбу за идеи марксизма-ленинизма, неуклонно отстаивая линию партии против врагов партии и советского народа, против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других агентов буржуазии.

Твоей энергии, твоей неутомимой работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР страна социализма во многом обязана своими успехами и победами. В своих устных и печатных выступлениях перед партией и страной ты обобщаешь гигантский опыт великой работы по созданию коммунистического общества.

Желаем тебе, наш дорогой друг и товарищ, от всей души многих, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии, на благо нашей родины, на благо коммунизма.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).**

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР товарищу Вячеславу Михайловичу Молотову

Главный Военный Совет от лица Красной Армии в день Вашего пятидесятилетия шлет Вам, ближайшему соратнику Ленина и Сталина свой красноармейский привет и горячие поздравления.

Вместе с Лениным и Сталиным Вы, товарищ Молотов, строили могучую партию большевиков, вместе с ними Вы вели партию и рабочий класс на победоносное вооруженное восстание в Октябре 1917 г. и на завоевание диктатуры пролетариата.

В годы гражданской войны, занимаясь политическим просвещением Красной Армии, Вы ковали победу на фронтах гражданской войны.

С первых дней создания Красной Армии Вы стали любимым ее другом. Ваше неустанное руководство и сталинская забота, как главы Советского государства, о Красной Армии обеспечили ее крепость и сокрушительную мощь в боях с врагами нашей родины.

Ваша беспощадность на всех этапах к врагам нашей большевистской партии и социалистической родины служит образцом для каждого бойца, командира и политработника Красной Армии.

С Вашим именем, как главы Советского государства, связаны великие исторические победы в нашей стране и укрепление могущества Социалистического государства.

По Вашему приказу, как главы Советского государства, 17-го сентября 1939 г. Красная Армия с лозунгами «За родину», «За великого Сталина» разбила хвастливую белспанскую свору и освободила тринадцать миллионов единокровных братьев Западной Украины и Западной Белоруссии.

Ныне бойцы Ленинградского военного округа, защищая северо-западную границу нашей родины и ликвидируя очаг империалистической войны, по приказу Советского Правительства громят с той же силой маннергеймовские войска.

В день Вашего славного пятидесятилетия, товарищ Молотов, желаем Вам жить долгие и долгие годы на благо трудящихся нашей родины.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ.

Пример большевистской партийности

М. И. КАЛИНИН

★

Наша дореволюционная литература, в лице ее лучших представителей, усердно искала путей лучшего служения народу. Но надо сказать, что даже великие русские писатели, поскольку они не выходили из сферы буржуазного общества и его мировоззрения, не видели путей, обеспечивающих победу народа над угнетателями, не видели и людей, борющихся за эти пути.

Советская литература находится куда в лучших условиях. Она обогащается теорией марксизма-ленинизма, опытом пролетарской революции, практическим строительством социализма. Наконец, советское общество дает ей возможность в художественной форме выявлять из реальной действительности положительных героев для своих произведений. Успехи советской литературы в этом отношении неоспоримы. Однако, мне кажется, что для дальнейшего движения вперед в создании более сложных и общенных типов бойцов за социализм и его строителей нашим художникам необходимо более глубокое изучение истории партии и ее деятелей.

Эти мысли невольно приходят в голову в связи с исполнившимся сегодня пятидесятилетием жизни товарища Молотова и более чем тридцатилетней его работой в рядах нашей партии.

Не имея возможности даже приблизительно и хотя бы отдельными штрихами набросать всестороннюю характеристику товарища Молотова, я хочу отметить только одну его черту, которая,

как мне кажется, более всего бросается в глаза.

Товарищ Молотов вступил в нашу партию в 1906 году, т. е. тогда, когда фактически уже начался отлив первой русской буржуазно-демократической революции. Царское правительство, оправившись от первых ударов, переходило в наступление и громило революцию по частям в различных городах и районах страны. Либеральная буржуазия, напуганная невиданным размахом народной революции не менее самого царя, бросилась теперь к нему в объятия. Она была готова заключить с ним сделку на базе любой «конституции». Среди буржуазно-демократической интеллигенции все больше распространялись так называемые «веховские» идеи, т. е. идеи ренегатства, отречения от революции, т. е. «провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще» (Ленин).

На почве этих сдвигов во всех слоях буржуазного общества стало «модным» поливать грязью революцию, проклинать революционное подполье и разносить марксизм. И такие «модные» настроения захватили большую часть социал-демократической интеллигенции. Меньшевики считали, что революция окончилась, что нелегальную революционную партию надо ликвидировать и повести политику на базе одних только

легальных организаций, приспособляясь к «подновленному» самодержавному режиму, выпрашивая или, вернее, вымаливая у царя расширения легальных возможностей. А часть бывших большевиков, отколовшиеся от большевистской организации интеллигенты, как Богданов и другие, начали открыто ревизовать философские основы марксизма. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» дал достойную отповедь всем ревизионистам и фальсификаторам марксизма.

Значит, в то время, когда контрреволюция наступала, когда начиналась реакция, когда она уже чувствовала себя победительницей, — товарищ Молотов вступил в ряды большевиков. Работая сначала среди учащихся Казани, он получил первую высылку в Вологду. В Вологде его подпольная работа началась с организации группы большевиков. (Здесь, между прочим, он экстерном сдал экзамен на аттестат зрелости, что дало ему возможность после отбытия ссылки в 1911 году поступить в Петербургский политехнический институт.)

Вся обстановка того времени и самое начало партийной работы товарища Молотова ясно показывают, что его вступление в партию не было результатом увлечения юности, а явилось вполне сознательным актом, определившим всю его последующую жизнь и политическую деятельность. Он пошел, если можно так выразиться, против общественного течения, избрал самый трудный, самый тяжелый путь своей жизни и деятельности. Судя по бесчисленным примерам практической жизни других революционеров, да и по началу своей собственной политической деятельности, он мог хорошо видеть, что этот путь предвещает ему тюрьмы, ссылки и другие расправы реакции.

Он избрал этот путь именно потому, что по своему глубокому убеждению считал его наиболее честным, наиболее эффективным в деле служения рабочему классу, народу. И мы видим, что вся последующая деятельность товарища Молотова подчинена только этой цели. Он отдался весь, без остатка борьбе,

беспощадной борьбе за идеалы рабочего класса, а тем самым — за весь угнетенный народ, за освобождение трудящихся от всякого рабства и гнета. А за это, как известно, непосредственно и прямо, последовательно и до конца боролась лишь одна партия, партия Ленина — Сталина, партия большевиков. Поэтому товарищ Молотов и стал верным бойцом этой партии.

Отбыв вологодскую ссылку, товарищ Молотов переехал в Петербург. Подпольная работа в столице была блестящей школой для политических деятелей большого размаха. Известно, что Петербург был центром революционной борьбы. Питерский пролетариат был наиболее организован, его воля к борьбе с царским самодержавием и капитализмом была неукротимой. Петербург располагал и наиболее сильными противниками партии большевиков. Я имею в виду не только органы царской охраны и полицейшины, но и общественно-политические организации от черносотенцев до анархистов. Борьба с этими партиями за влияние в рабочей среде велась отчаянная.

В этом политическом водовороте работал товарищ Молотов. Здесь он закалялся в большевистском руководстве: сначала организация нелегальных студенческих кружков и руководство пропагандой в рабочих районах, потом сотрудничество в «Звезде», организация «Правды» и работа в ней в качестве ответственного секретаря ее редакции. «Правдой» из-за границы руководил Ленин. Переписка с ним не только давала руководящие указания, но и обогащала товарища Молотова в политике. В этот период в Петербурге работал товарищ Сталин, непосредственно возглавлявший «Правду» от ссылки до ссылки. Встречи с ним, как с одним из опытейших революционеров-большевиков и как с членом Центрального Комитета партии, непосредственно служили для товарища Молотова великолепной школой в практической работе и в теоретическом освоении марксизма-ленинизма.

Царская охранка по достоинству «оценила» работу товарища Молотова. В ап-

реле 1913 года он был арестован и выслан из Петербурга. Поселившись в окрестности города, товарищ Молотов продолжал активно работать в петербургской организации и сотрудничал в «Правде», защищая с неослабной энергией дело большевизма. Вскоре последовал новый арест, который, однако, кончился благополучно, т. е. за ним осталась старая высылка. В мае 1914 года опять арест, но теперь степень репрессии была усилена. В начале мировой войны товарищ Молотов нелегально вернулся в Петербург и сразу же включился в руководящую партийную работу, последовательно проводя ленинскую политику.

Много раз царская охранка выслеживала товарища Молотова, арестовывала и высылала его из Петербурга, но он снова и снова возвращался в столицу, чтобы продолжать партийную работу. Недаром полиция отмечала в своих сводках, что «Скрябин определенный социал-демократ, большевик». А петербургские рабочие, особенно старшее поколение, с чувством глубокого удовлетворения вспоминают товарища Молотова, как верного солдата партии, беспощадного ко всем врагам партии и рабочего класса, стойкого и непримиримого большевика-ленинца.

Затем нелегальная работа в Москве. Арест. Ссылка в Сибирь. Очередной побег. Возвращение в Петроград на партийную работу.

Осенью 1916 года Центральный Комитет партии кооптировал товарища Молотова в Российское Бюро ЦК, на которое выпала ответственная задача непосредственно и практически руководить всеми организациями партии, а через них — пролетариатом страны накануне и во время Февральской революции.

Подводя краткий итог общественно-политической деятельности товарища Молотова за весь предреволюционный период, мне хотелось бы отметить прежде всего и в особенности ее глубокую идейность, революционно-марксистскую последовательность, неуклонное проведение на практике ленинской линии, целеустремленность в борьбе за коммунизм, короче говоря, — партийность в

самом высоком смысле этого слова. А это качество я считаю самым главным, самым ценным качеством революционера. И надо сказать, что это качество оставило глубокий след на всей борьбе нашей партии в дореволюционный период. Такие люди могут с гордостью сказать: мы не без успеха воевали с царизмом, расчищая путь к осуществлению конечной цели рабочего класса.

В бурные дни кануна Октября мы видим товарища Молотова в руководстве подготовкой и проведением вооруженного восстания в качестве одного из основных руководителей Петроградского совета и члена Военно-революционного комитета.

Едва только завершилось победой Октябрьское вооруженное восстание, партия и советская власть взялись за борьбу с разрухой. Надо было хотя бы минимально обеспечить функционирование промышленности, чтобы закрепить победу. И товарищ Молотов выдвигается председателем Совета Народного Хозяйства Северного района, т. е. целой группы губерний, примыкающих к Петроградской. Здесь он начал непосредственно руководить социалистическим строительством, практически осуществляя рабочий контроль и проводя национализацию промышленности. Под его руководством рабочие проходили, так сказать, школу подготовки к управлению промышленностью.

В годы гражданской войны товарищ Молотов работал на важнейших участках партийного и советского строительства, укрепляя диктатуру пролетариата.

На X съезде партии товарищ Молотов был избран членом ЦК. Он работает секретарем ЦК.

Почти десять лет проработал товарищ Молотов секретарем ЦК партии. Писать о его деятельности в этот период — это значит писать историю строительства нашей страны, историю укрепления советской власти, историю жестокой борьбы со всеми врагами коммунистической партии, в том числе с разными изменниками и предателями внутри партии. Лучшим показателем эффективности этой работы являются всем известные успехи как в области социалисти-

ческого строительства, так и в деле укрепления единства партии.

Под руководством Ленина и Сталина товарищ Молотов во всей своей деятельности, как член ЦК и Политбюро, как секретарь ЦК, высоко держал знамя марксизма-ленинизма. Он был непреклонным проводником в жизнь идей и указаний Ленина и Сталина. А это по существу есть наилучшее, максимально полезное служение советскому народу и партии.

С декабря 1930 года товарищ Молотов — Председатель Совнаркома СССР. Приступая к работе в качестве главы советского правительства, он так определил свою задачу: «До сих пор мне приходилось работать, главным образом, в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета».

Каждому, кто близко знает товарища Молотова, понятно, что это заявление он сделал не для красного словца. Мысль, вложенная в это заявление, выражает его внутреннюю сущность. Товарищ Молотов и партия неотделимы.

Почти за десятилетний период работы на посту Председателя Совнаркома товарищ Молотов последовательно и неуклонно проводил ленинско-сталинскую политику, по-партийному, по-большевистски направляя советскую работу. Можно перебрать все решения, принятые по инициативе и под руководством товарища Молотова, все его книги, статьи, речи, доклады, — и сразу, без особого труда всякий заметит, что они исходят из принципов марксизма-лени-

низма, из указаний партии. А это как раз и является ценнейшим свойством советского государственного деятеля. Без такого свойства не может быть правильного направления в повседневной работе. Оно же предполагает и большое искусство в осуществлении правильного направления.

Быть верным бойцом партии — великое дело. Недаром в самые острые моменты, переживаемые нашей страной, наблюдается большой наплыв в партию лучших людей. Недаром перед битвой или перед выполнением какого-либо опасного задания на фронте беспартийные люди просят принять их в партию. Это имеет глубокий смысл.

Товарищ Молотов служит образцом верности партии, верности марксизму-ленинизму. Его подход к решению больших и малых вопросов всегда обусловлен глубокой партийностью. От начала своей революционной деятельности до наших дней стоит он в первых рядах в борьбе за партию. Все это лучше всего показывает глубокое понимание им марксизма-ленинизма, умение применять его в практической жизни и в своей государственной деятельности.

Сегодня партия, советский народ с чувством огромного удовлетворения и с гордостью произносят славное имя товарища Молотова, как символ большевистской партийности, как залог верности советского правительства народным интересам и непобедимому знамени Ленина — Сталина. Они шлют ему горячий привет и свои поздравления. Они желают ему от всей души еще много, много лет работать на благо трудящихся, во имя процветания нашей родины, для завоевания коммунизма.

Наш Молотов

Н. Т. ВИНОГРАДОВ

(старый рабочий «Звезды» и «Правды»)

С Вячеславом Михайловичем первый раз я встретился в 1911 году в Петербурге, в типографии «Художественная печать», где в то время печаталась «Звезда», а позже «Правда». Я работал тогда в типографии сменным техноруктом. Мне приходилось здесь часто сталкиваться с членами редакции газеты: товарищами Ольминским М. С., Еремеевым К. С., Полетаевым Н. Г. и др. Они относились ко мне с полным доверием. Особенно близкие и дружеские отношения создались у меня с Николаем Гурьевичем Полетаевым, с ним я нередко бывал вместе на собраниях рабочих, на концертах, устраиваемых в пользу «Правды». В свободное время я запросто заходил к нему на квартиру.

Каждую ночь, когда набиралась и версталась газета, в типографию приходили работники редакции. Они интересовались всем, вникая буквально во все: и в набор статей, и в отливку стереотипов, и в печатание газеты и, наконец, в отправку ее на заводы и фабрики. Помню, как-то ночью, идя по двору типографии, я встретил Н. Г. Полетаева. Николай Гурьевич остановил меня и сказал:

— Поднимемся наверх в редакцию. Там товарищ Молотов у нас. Он будет теперь работать в газете...

О товарище Молотове я много слышал и раньше. Уже тогда он был широко известен среди питерских пролетариев и передового студенчества, как крупный партийный работник, пламенный большевик, неутомимый пропаган-

дист и организатор. И мне давно хотелось встретиться с ним.

В редакционной комнате за столом сидел еще совсем молодой черноволосый человек. Одет он был в скромный коричневый костюм. Это и был товарищ Молотов. Углубленный в чтение рукописи, он не заметил нашего прихода.

Когда тов. Полетаев сказал обо мне, Вячеслав Михайлович поднялся, любезно подал руку и, улыбнувшись, проговорил тихо:

— Ну что ж, хорошо, будем вместе работать...

В этих словах, сказанных дружеским тоном, я почувствовал и доверие к себе, и большую ответственность.

После этой памятной встречи мне пришлось провести с Вячеславом Михайловичем в типографии не одну бессонную ночь.

Приход товарища Молотова в «Звезду» сразу же внес оживление во всю работу газеты. Стало увеличиваться число корреспондентов, в редакции все чаще начали появляться представители рабочих организаций. Завязывались тесные связи. Товарищ Молотов умел привлечь рабочих к газете, пробудить интерес к большевистскому печатному слову.

Каждый день Вячеслав Михайлович легкой юношеской походкой всходил по лестнице в редакцию, не пользуясь даже лифтом, хотя редакция и находилась на четвертом этаже.

Глубокая вера в дело большевистской партии, постоянное общение с

товарищем Сталиным, письма Ленина вдохновляли Вячеслава Михайловича, и он ни на минуту не оставлял своего ответственного поста. Редакция «Звезды» в тот период была центром организационной работы нашей партии, штабом, откуда большевики последовательно и беспощадно разоблачали предательскую тактику ликвидаторов и троцкистов и плачевали широкие рабочие массы на попрание революции. С огромным незабываемым подъемом набирали мы ясные, предельно четкие и образные статьи товарищей Ленина и Сталина, вскрывавшие перед рабочим классом суть и значение происходивших событий. Особенно запомнилась мне статья о ленинских событиях. Читая ее, мы кипели злобой к самодержавию, проливавшему безвинную кровь рабочих.

В 1912 году полиция закрыла «Звезду», но у всех нас, ее работников, была твердая уверенность, что большевистская печать будет жить. Существовать дальше без своей газеты рабочие массы не могли. Она нужна была нам, как кусок хлеба. В ней мы видели защитника кровных своих интересов, она объединяла нас и учила бороться и побеждать. В скором времени наши надежды сбылись. Как-то утром ко мне зашел Николай Гурьевич.

— Подготовься, — сказал он мне, — на днях начнем выпускать новую газету.

Весть эта с быстротой молнии облетела все цеха типографии и вызвала неопишущую радость у рабочих.

22 апреля (5 мая) 1912 года вышел первый номер ежедневной легальной большевистской газеты «Правда». В создании этой газеты самое близкое и непосредственное участие принял товарищ Молотов. Он вошел в состав редакции.

На выпуске первого номера газеты мне вновь пришлось увидеться с Вячеславом Михайловичем — он теперь работал секретарем редакции. Тепло, как родного человека, встретил меня товарищ Молотов. Короткая беседа с ним оставила в душе у меня глубокий след.

Выход первого номера «Правды» сразу же поставил на ноги всю полицию и охранку. Они пришли в ярость, ко-

гда увидели в газете статьи большевистских вождей. Уже на следующий день типография была битком набита полицейскими и жандармами. Они шныряли всюду и что только ни делали, чтоб помешать и сорвать выпуск газеты! Приходящих в типографию рабочих задерживали и здесь же, обыскав, устраивали допросы.

Царская охранка и полицейские сыщики давно уже установили слежку за товарищем Молотовым. Ведь он отбыл уже два года ссылки. Охранники знали, какую опасность для самодержавия представлял этот человек, отдавший всего себя делу рабочего класса. Они видели, что ссылка не только не «образумила» товарища Молотова, а, наоборот, он с еще большей активностью продолжал вести революционную работу. Он стал организатором и душой большевистской «Правды». Остервеневшая полиция начала охотиться за Вячеславом Михайловичем. В апреле 1913 года он вновь был арестован и выслан из Петербурга.

Арест Молотова вызвал большое возбуждение среди рабочих нашей типографии и на заводах Питера. Всех, кому дорога была большевистская «Правда», охватили негодование и злоба к царскому правительству, громившему рабочую печать. Репрессии охранки не только не подавляли боевого духа рабочих, но еще более усиливали его и поднимали людей на борьбу за политическую свободу.

Преследования полиции не сломили и не могли сломить железной воли стойкого большевика, верного сына нашей партии Вячеслава Михайловича Молотова. После выхода из тюрьмы он, находясь на нелегальном положении и устроившись в окрестностях Петербурга, продолжал все с той же энергией и упорством свою революционную деятельность.

Товарищ Молотов принимает активное участие в работе петербургских профсоюзов, выступает на собраниях рабочих. И одновременно он снова берется за кипучее и живое дело нашей «Правды». Он отдается всей душой газете, продолжая в ней сотрудничать, не-

посредственно работая в самой редакции.

Каждую ночь в строго определенное время своей бодрой и уверенной походкой Вячеслав Михайлович приходил в типографию и оставался здесь до утра. Часто он проводил в типографии несколько ночей подряд, оставаясь без сна. Он готовил рукописи к печати, занимался организационными делами и в то же время много писал сам; статьи его шли в «Правде» либо без подписи, либо под псевдонимами: Рябина, Михайлова, Званова.

В этих статьях, как и во всей своей деятельности, товарищ Молотов вел непримиримую борьбу с ликвидаторами-меньшевиками и другими антибольшевистскими течениями в рабочем движении.

Но и полиция не унималась. Она ни на один день не оставляла в покое ненавистную ей большевистскую «Правду». Налеты ее на редакцию и типографию вошли в систему и учащались с каждым днем. Главной своей целью полиция ставила — вырвать из редакции газеты ее руководителей и организаторов, в числе которых она видела прежде всего Вячеслава Михайловича Молотова. Но мы, рабочие типографии, принимали все меры к тому, чтоб не дать полиции осуществить ее подлые намерения.

В один из очередных налетов полиции Вячеслав Михайлович находился в редакционной комнате. Арест его казался неизбежным. Однако полиция просчиталась: мы вывели Вячеслава Михайловича из типографии под видом «заказчика».

Вскоре нагрянул второй — усиленный — наряд во главе с приставом Литвиновым. Он, заявив, что номер газеты конфискован, расставил городских во всех дверях и приступил к обыску. В это время у машин лежало несколько десятков тысяч отпечатанных номеров «Правды». Пока пристав «обнюхивал» углы, рабочие из-под самого носа городских утащили всю конфискованную «Правду». Когда пристав вернулся к машине и не нашел оставленных им номеров, он так озверел, что, грозя

сгноить всех нас в крепости, втокнул меня и нескольких попавшихся под руку рабочих в экспедиционную комнату и держал там под арестом до утра, бесильно злобствуя и ругаясь.

На следующий день мы рассказали о происшедшем Вячеславу Михайловичу. Он долго смеялся над незадачливым приставом. Затем сказал:

— Да, товарищи, надо стараться, чтобы ни один номер нашей газеты не попадал в руки полиции. Все номера газеты должны доходить до рабочих!

И мы делали все, чтоб выполнить его указания. Обыкновенно полиция, придя в типографию, конфисковывала отпечатанные номера газеты, которые еще не были вывезены из типографии. Она забирала их с собой, вынимала из машин стереотипы, разбивала их, рвала матрицы, составляла протокол и уходила. А нам этого только и надо было. Проводив полицию, мы доставали заранее приготовленные запасные матрицы, отливали новые стереотипы, вкладывали их в машину и допечатывали недостающее количество номеров газеты.

До сих пор я не могу без смеха вспомнить комический случай, который произошел однажды во время конфискации «Правды». Городовые обычно, придя конфисковывать газету, держались очень нахально, чувствовали себя хозяевами положения. Обступив машину, на которой печаталась «Правда», они старались прощупать все ее части. Поведение городских сильно возмущало и злило рабочих. На ротации тогда у нас печатником работал смекалистый и расторопный мастер Божуков. Как-то, отведя меня в сторону, он сказал: «Я придумал средство отучить городских совать свой нос к машине». «Что ж, говорю, валяй, действуй, только осторожно, чтобы не засыпаться».

Спустя несколько дней после разговора с Божуковым, в типографии появилась наряд полиции.

По старой привычке городовые обступили машину, а некоторые из них облокотились на ограждение ротации, и вот тут-то я понял, в чем заключалось «средство» Божукова. Один из городских, дотронувшись до ограждения,

вдруг затрясся и начал выделять разные виртуозные движения, тщетно стараясь оторваться от проволоки. Другой городской, желая помочь своему приятелю, схватил его за руку, но и его постигла та же участь. Так двое царских служаек, как черти в аду, плясали и корчились около машины. Видя танцующих городских, рабочие и газетчики помирали от смеха, да и некоторые городские не могли удержаться и улыбались во всю рожу.

Божуков молча, сосредоточенно наблюдал эту картину и незаметно выключил рубильник. Придя в себя, городские под общий хохот рабочих отскочили от машины.

— Ну ее к черту, эту проклятую газету, — ругались они.

Как оказалось, Божуков тонкой проволочкой соединил ограждение ротации с электрическим проводом, и пущенным током были притянуты к машине ретивые конфискаторы «Правды». Эта, казалось бы, невинная шутка рабочих сыграла большую роль, она дала понять городским, что они далеко не хозяева положения. С тех пор городские стали бояться близко подходить к машине, рвение их ослабело; уже с оглядкой отыскивали они по углам отпечатанные и конфискованные номера «Правды».

В числе прочих врагов «Правды», причинявших ей немало вреда, был и старший инспектор типографии Бутовский. Однажды ночью, явившись в типографию и прикинувшись простачком, он жаловался на свою судьбу, что вот где его сослуживцы к новому году получают на новые шубы, а его, Бутовского, «за эту проклятую газету» обещают выгнать со службы; что он совершенно больной человек, при сорокаградусной температуре вынужден приезжать сюда в типографию... В заключение Бутовский просил показать ему свеостанные полосы очередного номера «Правды». Но его крокодиловы слезы не обманули нас: так как просматривать газету он имел право только по отпечатании первых номеров, то полос ему мы не дали. Уходя, Бутовский с плохо скрытой злобой посоветовал печатать «Правду» где-нибудь в Финляндии.

Когда передали об этом случае Вячеславу Михайловичу, он сказал:

— Видите, как заботится цензура о нашей «Правде»: при сорокаградусной температуре не оставляет своей слежки! — и, как всегда, весело рассмеялся.

Вообще, всякая победа рабочих над полицией радовала Вячеслава Михайловича: он любил свою газету, он знал, что рабочие собираются вокруг «Правды», как пчелы вокруг улья, он в полной мере отдавал себе отчет в историческом значении тех революционных ленинско-сталинских призывов, которые раздавались со страниц газеты.

Большую роль товарищ Молотов сыграл и в таком деле, как сбор средств на выпуск газеты. Известно, что «Правда» издавалась исключительно на рабочие копейки, собиравшиеся по подписке и в виде добровольных пожертвований. Очень много из этих скромных ресурсов уходило на уплату штрафов, которыми полиция душила газету. Налагались эти штрафы чуть ли не ежедневно, увеличиваясь все более в своем размере. И вот тогда, по инициативе товарища Сталина, был организован сбор средств среди рабочих в так называемый «железный фонд «Правды»». На призыв товарища Сталина немедленно откликнулись не только рабочие Питера, но и многих других городов.

Собранный таким путем «железный фонд» давал возможность редакции газеты выдерживать жестокий шквал штрафов.

В. И. Ленин придавал большое значение сборам в фонд «Правды». Эти сборы приобщали людей к политической жизни и втягивали в революционную борьбу все новые и новые массы рабочих.

«Пятаки и гривенники, — писал Ленин, — собранные вместе, снабженные пометками: «от группы рабочих с такой-то фабрики», дали возможность судить и о настроении рабочих, и об их сознательности, сплоченности, отзывчивости на рабочее дело.

Вот почему непременно следует продолжать, развивать, расширять этот обычай групповых рабочих сборов... и разумеется необходимы такие же отчеты

и о сборах, какие были всегда в «Правде»...

Ежемесячная сводка данных о рабочей копейке будет показывать всем и каждому, как сбрасывают с себя рабочие всех концов России равнодушие и спячку, как просыпаются они к разумной культурной жизни...».

Товарищ Молотов вложил много труда в это насущное дело пролетариата. Он не гнушался никакой черной, невидной работой, лишь бы она шла на пользу рабочему классу. Товарищ Молотов тщательно учитывал все собранные трудовые копейки на издание «Правды». Он вел переписку, принимал представителей рабочих, подолгу беседовал с ними, давал советы, указания. О собранных деньгах Вячеслав Михайлович помещал точные отчеты в газете.

Скромный, чуткий к товарищам, беспощадный к врагам партии, не знающий усталости, безгранично преданный делу революции — вот каков был товарищ Молотов в годы своей работы в «Звезде» и «Правде». Таким он остался у меня в памяти, и таким продолжает быть и теперь, стоя во главе правительства первого в мире государства рабочих и крестьян.

В 1914 году, после разгрома царским правительством «Правды», я был арестован и после отсидки в тюрьме выслан из Петербурга. Вернувшись в Питер в 1917 году, я направился на знакомую квартиру Н. Г. Полетаева.

Когда я поднимался по скрипучей деревянной лестнице, меня невольно охватило душевное волнение. Все в этом доме напоминало мне о былой работе, о памятных встречах с лучшими людьми партии. Я остановился на пороге комнаты, где в 1912 году укрывался от поли-

ции наш великий учитель и друг товарищ Сталин. И перед моими глазами встала знакомая картина. Вот из этой самой комнаты когда-то быстро, с озабоченным лицом, с светлым взглядом своих пронизательных глаз выходил Иосиф Виссарионович... Здесь, в стенах этого дома, под руководством товарища Сталина было вынесено историческое решение об издании боевого органа нашей партии — большевистской «Правды». В этой же квартире был назначен секретарем «Правды» товарищ Молотов. Из этой же квартиры в июльские дни 1917 года в момент, когда юнкера громили типографию «Правды», мы вместе с тов. Подвойским были направлены на выпуск газеты «Рабочий и солдат», которая и была отпечатана в типографии бывшего градоначальства...

В доме, где жил Полетаев, я нашел только одного старого рабочего тов. Орехова В. Ф. Он сказал мне, что товарищ Молотов работает в настоящее время председателем Совета Народного Хозяйства Северного района, на Тучковой набережной. Я пошел туда.

Вячеслав Михайлович сразу же узнал меня, обнял и мы долго говорили с ним о днях совместной работы в «Звезде» и «Правде».

В дальнейшем я встречался с Вячеславом Михайловичем Молотовым не раз, уже в Москве, во время его работы секретарем ЦК ВКП(б) и позднее — председателем Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Во всех этих встречах и сейчас, когда мне приходится обращаться к Вячеславу Михайловичу Молотову, я неизменно встречал и встречаю все такое же любезное, чуткое и сердечное отношение к себе, какое было в трудные годы подполья.

Укрепленные районы

Воени. инженер Г. НЕВСКИЙ

★

Начало первой империалистической войны ознаменовалось быстрым падением целого ряда крепостей. Льеж, Намюр, Мобеж, первоклассный Антверпен... пали под ударами немецкой армии в несколько дней.

Не только на общественность, но и на военные круги всех стран это произвело тогда ошеломляющее впечатление. Как так? Крепости, сооружаемые в мирное время десятками лет с применением наилучших средств защитной техники, стоящие десятки миллионов рублей, на длительной и упорной защите которых основывались стратегические планы, крепости, которые по опыту предшествующих войн стяжали себе неувядаемую славу доблестью и упорством обороны, — оказались вдруг столь непрочными, столь ненадежными.

Только после войны, и то не сразу, были поняты причины столь быстрого падения крепостей. Форма крепостей и их применение отстали от уровня развития всей военной техники и новых тактических приемов борьбы.

Крепостное ядро (город, важный стратегический пункт) окружалось одной-двумя линиями фортов, представляющих собой прочные фортификационные сооружения. Эти форты, расположенные в огневой связи друг с другом, составляли основу обороны, не позволяя атакующему проникнуть в промежутки между ними.

Каждый форт был трудно доступен и мало уязвим для противника, так как имел вокруг себя хорошо обороняемые рвы, проволочные препятствия, надеж-

ные защитные бетонные и броневые постройки и сильное вооружение. Огонь из фортов надежно прикрывал промежутки между соседними фортами и подступы к ним. За фортами и в промежутках между ними располагалась главная масса крепостной артиллерии и ряд мелких дополнительных оборонительных сооружений (опорные пункты, окопы, препятствия).

Но форты были ясно видимы для атакующего: располагались они обычно на возвышенностях, командующих над окружающей местностью, и самые постройки носили солидный характер. Площадь, занимаемая фортом, была ограничена, и атакующий имел полную возможность покрыть весь форт сосредоточенным артиллерийским огнем.

И форт, взятый под непрерывный огонь тяжелых орудий противника, хотя и не разрушался, но оказывался бездейственным, лишенным возможности вести огонь по промежуткам и перед собой. Непрерывные разрывы снарядов окутывали форт дымом, пылью, разлетом обломков бетона, осколков, не позволяя ни видеть что-либо, ни стрелять. Французский форт Дуомон (у Вердена) получил свыше 120 000 попаданий, из которых было 300—400 попаданий 42-см снарядов. Внешне форт был совершенно изрыт воронками снарядов, но все жизненные части форта остались целы, и форт держался.

Атакующий не жалел снарядов для подавления фортов и разрушения оборонительных сооружений на промежут-

ках, так как тыл атакующего был свободен для подвоза боевого питания.

Крепость же, замкнутая кольцом укреплений, легко окружалась атакующим и поэтому могла рассчитывать только на свои запасы, не имея подвоза из тыла. А эти запасы ни в какой мере не соответствовали тому громадному расходу снарядов, который требовался для защиты крепости.

Упорные бои у Вердена оказались возможными только потому, что тыл этой крепости оказался свободным, и французы смогли для обороны Вердена расходовать ежедневно в среднем свыше 100 000 снарядов.

Крепость, оторванная от своего тыла, от производственных сил страны, с резко выделяющимися на местности фортами, не могущими проявить свою деятельность под сосредоточенным огнем атакующего, не могла долго сопротивляться.

После первой империалистической войны начались искания новых форм крепостей, новых укреплений, отвечающих современной военной технике и новым формам боя.

Вторая империалистическая война крупнейших стран Европы началась с совершенно иным отношением к крепостным сооружениям. Эти сооружения вылились в форму укрепленных районов и полос. Нам известно, что на Западном фронте созданы укрепленные полосы: «линия Мажино» на французской границе и «позиция Зигфрида» на германской границе. Эти укрепленные полосы созданы за последнее десятилетие (1929—1939 гг.) с применением новейших средств техники и с учетом опыта первой империалистической войны. Подобного же рода укрепленная полоса — «линия Кирка-Маннергейма» — была создана империалистами и в первую очередь английскими поджигателями войны на границе Финляндии с Советским Союзом, как плацдарм для нападения на нашу родину.

★

Что же представляют собой современные укрепленные районы («УР», как их называют сокращенно)?

Для того чтобы ясно себе их представить, сначала нужно разобрать важнейший элемент этих УР — долговременную огневую точку (сокращенно — ДОТ), а затем уже говорить об укрепленных районах в целом.

Под «огневой точкой» подразумевается место, подготовленное для действия какого-либо огневого средства — орудия, пулемета, миномета. Место это выбирается с таким расчетом, чтобы с него можно было удобно вести огонь и чтобы оно было хорошо укрыто.

ДОТ — это едва возвышающаяся над землей постройка, площадью около десятка квадратных метров, в зависимости от того, на какое количество огневых средств она сделана: 1—2 пулемета или орудия или же на несколько пулеметов и орудий. Снаружи обычно почти ничего не видно, кроме небольшого бугра, сливающегося по цвету и форме с местностью.

Очень часто ДОТ ставятся «на обратных скатах», т. е. за возвышенностями, полностью скрывающими ДОТ со стороны наступающего. Такие ДОТ называются фланкирующими, так как дают огонь продольно во фланг по наступающим танкам и войскам противника.

Внутри ДОТ, в верхнем этаже, едва возвышающемся над землей, размещаются орудия или пулеметы, ведущие огонь в заданных направлениях через амбразуры — специальные отверстия, строго ограниченных размеров, в стенах. Амбразуры тщательно маскируются и прикрываются броневыми заслонками, обеспечивающими от осколков и мелких снарядов.

В нижних этажах ДОТ (чаще всего ДОТ бывают двухэтажные и трехэтажные) размещаются: склад боеприпасов, фильтры с насосами для вентиляции, пункт связи, убежище для отдыха гарнизона, вода (насос или цистерна), уборные и подземное сообщение для входа и выхода.

Постройка обеспечивается от проникновения в нее отравляющих веществ и газов, образующихся при стрельбе и взрывах. Самый вход в ДОТ относится в тыл на несколько сот метров и

маскируется; от входа в ДОТ устраивается подземная галлерея (потерна), обеспеченная от разрушения тяжелыми снарядами. Таким образом, ДОТ в своей основной части глубоко погружена в землю (до 10 и более метров).

Гарнизон ДОТ невелик и рассчитан на непрерывное обслуживание огневых средств и наблюдения.

Стены ДОТ и покрытие сверху (потолок) делаются из железобетона — бетон из цемента высшего качества со включением в него металлической арматуры. Бетон с металлом при затвердевании прочно сцепляется, и образуется монолитная масса, прочно выдерживающая удары и взрывы снарядов.

Стены и верхнее покрытие, которые подвергаются действию снарядов, делаются толщиной в зависимости от калибра снарядов, от которых желают предохранить постройку.

Французские огневые точки (казематы, как их называют) создаются на 2—4 пулемета. Они занимают площадь 13×10 метров и имеют покрытие из железобетона толщиной 1,75 метра, рассчитанное на сопротивление одному попаданию 42-см снаряда. Гарнизон такой точки 11 человек. Стоимость 75 000—100 000 золотых рублей.

Немецкие огневые точки более просты, стандартны и делаются чаще всего в 1 этаж.

Некоторые ДОТ вместо верхнего железобетонного покрытия имеют броневой колпак, заделанный в железобетонный массив. В этом колпаке помещаются орудия или пулеметы или устраивается наблюдательный пост. Броневые колпаки бываюг наглухо заделанными в бетон, с амбразурами для стрельбы и наблюдения (бронеказематы), или вращающимися для ведения огня в любом направлении.

Такие бронебетонные огневые точки наиболее выгодны для ведения фронтального огня и для расположения в местах, легко наблюдаемых противником, так как видимая площадь броневых ДОТ весьма незначительна (2—4 кв. метра), попадание весьма трудно, а броня и при незначительных толщах дает хорошую защиту.

Опыт первой империалистической войны показывает, что в Намюре из 40 башен (вмещавших 57 орудий) было разбито только пять, а по ним было выпущено 6 763 снаряда калибром от 21 до 42 см. В Осовце (русская крепость) в броневую башню под 15-см орудие было выпущено 1 500 снарядов (счет снарядов в этих случаях ведется по воронкам) калибром 10,5—30,5 см; отмечено два попадания в башню, но башня из строя выведена не была и продолжала работать.

В настоящее время применение брони в фортификационных закрытиях получает значительное развитие.

Общий вес долговременных броневых закрытий для отдельных пулеметов и наблюдателей колеблется около 10 тонн, а для установки орудий—около 100 тонн. На французской укрепленной «линии Мажино» применено свыше 55 000 тонн брони (и более 3 000 кв. м железобетона) на каждый километр посылы.

Таким образом, современную ДОТ мы можем охарактеризовать, как железобетонный гвоздь, крепко забитый в землю. Этот гвоздь трудно уязвим для противника, так как его прежде всего надо разыскать на местности—он тщательно замаскирован; в него надо попасть снарядом, а он мал по площади, и поэтому требуется большой расход снарядов; наконец для ДОТ нужен снаряд крупного калибра, свыше 20 см, так как ДОТ очень прочна.

Примерно таким же образом устраиваются и другие элементы современных укрепленных районов — командно-наблюдательные пункты, пункты связи, санитарной помощи, специальные склады, убежища для резервов, отдельные силовые станции и т. п. Эти постройки, как увидим дальше, либо разбрасываются в отдельности на местности, либо составляют группы, связанные подземными сообщениями.

Французская система долговременного укрепления местности применяет отдельные ДОТ описанного устройства, кроме того, промежуточные укрепления в виде более крупных железобетонных массивов (100×50 метров) и ансам-

бли — значительные группы сооружений, связанные подземными сообщениями на площади до 1 кв. километра.

Промежуточное укрепление имеет вооружение до 10 орудий и 15 пулеметов и ведет огонь преимущественно по промежуткам между такими укреплениями. В промежуточном укреплении устраиваются обширные подземные жилые помещения, склады и пр. Выход подземной галлереей относится в тыл до 1—2 километров.

Само промежуточное укрепление обносится рвом. Располагаются на местности промежуточные укрепления на расстоянии 4—5 км друг от друга в одну-две линии. Между промежуточными укреплениями располагаются в значительном количестве отдельные ДОТ.

Ансамбли устраиваются на решающих в оперативном смысле направлениях и обладают большой огневой силой. Ансамбль — это отдельные железобетонные блоки, разбросанные на местности и связанные целой системой подземных галлерей на глубине 20 метров и более, что полностью предохраняет их от действия крупнейших снарядов и авиабомб. Железобетонные блоки имеют покрытие 3 метра толщиной, что предохраняет их от двух попаданий 42-см снаряда, в них размещены броневые башни для орудий, пулеметов и наблюдателей. Эти блоки уходят несколькими этажами в землю и, соединяясь друг с другом под землей, образуют там крупные казармы, склады, силовые станции и даже железнодорожные пути. В подземной глубине этих ансамблей не слышно шума сражения, и люди, находящиеся там, получают полный комфорт и безопасность. В подземельях ансамблей имеется электрическое освещение, водопровод, канализация, центральное отопление, кухни, лифты, ванны, телефонная сеть и даже кино.

Такие крупные и дорого стоящие сооружения, где защитная мощь доведена до предела, таят в себе и отрицательные свойства: они предопределяют пассивную оборону.

Немецкая система долговременных укреплений основана на мелких стан-

дартных ДОТ, площадью 5×5 метров (примерно), разбросанных с большой щедростью на местности.

На «позиции Зигфрида» имеются и более крупные сооружения.

Чтобы закончить описание элементов современных укрепленных районов, нужно сказать еще об устройстве долговременных препятствий против пехоты и танков. В укрепленных районах прежде всего широко и планомерно используются все местные препятствия. Соответствующим образом подготавливаются лесные пространства (делаются вырубki для ведения огня, создаются завалы), реки, озера и болота используются так, чтобы затруднить для противника продвижение, размещение технических средств и поражать его огнем при преодолении им этих местных препятствий. Местные препятствия усиливаются эскарпированием (увеличением крутизны откосов), заболачиванием и наводнениями.

Кроме того, в укрепленных районах создаются специальные препятствия, которые, как правило, окружают каждую ДОТ и каждую группу ДОТ, действующих во взаимной связи. Эти препятствия делаются и против пехоты, и против танков весьма основательно: железные решетки на бетонных основаниях, проволочная сеть на металлических кольях, заделанных в бетон, обычные проволочные сети, шириной 20—60 метров, рвы с откосами, обделанными бетоном, каменные и железобетонные надолбы с заделанными в них рельсами и т. п.

В мобилизационный период широко применяется устройство всевозможных подрывных заграждений — фугасов, мин, ловушек и т. п.

Так как все эти мероприятия делаются заблаговременно и наиболее продуманно, в тесной связи с системой огня ДОТ, и хорошо маскируются, то наступающему для прорыва этих препятствий приходится затрачивать значительное время, силы и средства, проявляя при этом большую изобретательность.

Общую систему УР или укрепленных полос, создаваемых в настоящее время на границах государств, можно сравнить

с Великой Китайской стеной. Эта стена была построена за 200 лет до нашего летоисчисления для охраны границ Великого Китая, на протяжении около 5 000 километров, и имела высоту около 8 метров при толщине в 4 метра. Грандиозность этой постройки ощутительна и для нашего времени.

Современные «китайские стены» — Мажино, Зигфрида — возведены с учетом мощного развития артиллерии, авиации и танков. Они не возвышаются так высоко над землей. Протяжение их измеряется сотнями километров. Обычно эта полоса глубиной 4—10 километров обильно насыщена рядами и группами ДОТ, значительным количеством всевозможных препятствий, артиллерийских позиций и путей сообщения для подвоза боевого питания и маневрирования войск, артиллерии, бронепоездов, машин и пр.

На каждый километр такой полосы приходится 20—30 ДОТ, что позволяет при современной дальности пулеметного и артиллерийского огня покрывать каждую точку местности огнем в несколько слоев. ДОТ расположены так, что они взаимно поддерживают друг друга по фронту и в глубину, и разрушение или захват нескольких ДОТ не нарушает общей системы огня. Большинство ДОТ имеют возможность вести круговой огонь, и поэтому наступающий, захвативший ряд ДОТ и вклинившийся в оборонительную полосу, оказывается в очень трудном положении.

Атакующему приходится буквально прогрызаться через эту полосу, наполненную ДОТ и всевозможными сюрпризами.

Французы на своей «линии Мажино» имеют не равноценно укрепленную полосу: на важных направлениях у них создана большая кучность сооружений с применением ансамблей (Лотарингский УР — 120 км; Эльзасский УР — 80 км); имеются глубокие районы разрушений и затоплений на пассивных направлениях; на второстепенных направлениях имеются «подготовленные поля сражения» и полосы с применением си-

стемы ДОТ и промежуточных укреплений.

В целом «линия Мажино» носит характер укрепленной полосы, более приспособленной к пассивной обороне (меньшая глубина, крупные сооружения, сильное развитие подземных сооружений).

«Позиция Зигфрида» в основном состоит из ряда укрепленных полос, общей глубиной до 50 километров с сильным развитием противотанковых препятствий и сетью автострад для маневра. Самые полосы состоят по преимуществу из значительного числа мелких ДОТ.

Таким образом, «позиция Зигфрида» более приспособлена для активной обороны, для возможности, опираясь на нее, вести наступательные действия.

Из тех особенностей устройства УР, что нами отмечены, понятно, что атака УР требует большой планомерности действий: тщательной и всесторонней разведки, сосредоточения крупных масс артиллерии и авиации, обеспечения их действий путями маневра и путями подвоза боеприпасов, непрерывного закрепления за собой захваченной местности и ДОТ и особой выучки войск действиям в этих сложных условиях.

Очень серьезны современные УР.

Но за всякой техникой стоит живой человек — творец и разрушитель этой техники.

В умелых руках бойца, знающего, за что он дерется, техника делает чудеса.

Боец капиталистических армий, угнетенный рабочий и крестьянин, не захочет использовать могущество современной техники.

Эту неуверенность мы видим на Западном фронте, на границах Германии и Франции.

Иное мы видели на границах Советского Союза. Мощные сооружения, созданные империалистами на подступах к Ленинграду, сила и значение которых были не меньше «линии Мажино» и «позиции Зигфрида», наша доблестная Красная Армия уверенно и планомерно разбила, доказав еще раз, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики.

Кто правит Англией*

Из книги «Консервативные члены парламента»

САЙМОН ХЭКСИ

Летом прошлого года в Лондоне двумя изданиями вышла книга Саймона Хэкси. «Консервативные члены парламента». В связи с войной в Западной Европе эта книга, как справедливо отмечает ряд английских и американских газет и журналов, приобретает сейчас необычайно актуальный интерес.

Она раскрывает читателю, каким образом частные интересы членов английского парламента определяют внешнюю и внутреннюю политику английской буржуазии.

Саймон Хэкси наглядно, на многочисленных примерах показывает, что английская консервативная партия является партией богатства во всех его видах: крупной земельной собственности, промышленного капитала, банковского капитала и т. д. Книга показывает, что консервативные члены палаты общин состоят в близком родстве и тесно связаны с аристократией и «пэрами», т. е. членами палаты лордов, что все крупные банки и промышленные монополии имеют представителей своих интересов в рядах депутатов-консерваторов и т. д.

Хэкси в своей работе ограничился социальной характеристикой одной только, правда, наиболее многочисленной в парламенте партии — консерваторов. Но приводимые им данные почти в полной мере могут быть отнесены и к представителям других буржуазных партий, заседающих в английском парламенте, и в частности, к национал-либералам и национал-лейбористам, которые с 1931 г. входят в «национальный» блок, возглавляемый консерваторами.

Это не марксистская книга. В ней цитируется неоднократно «Империализм» Гобсона, но не упоминаются ни разу имена классиков марксизма-ленинизма. Тем не менее, намеренно или не намеренно, книга Хэкси представляет собой конкретную иллюстрацию к тезису Энгельса об «обуржуазившейся» английской аристократии и к положению Ленина о переплетении финансовой олигархии с государственным аппаратом, о господстве финансовой олигархии над государством. Поэтому для всякого, кто интересуется внутренней и внешней политикой современной Англии, книга эта чрезвычайно полезна, а во многих отношениях даже необходима.

Неангличанину весьма нелегко ориентироваться в личных связях английских политиков. Мы встречаем здесь великое множество особенностей, которых нет ни в одной другой стране. Пусть кто-либо — например, хорошо нам известный генеральный директор крупного банка — возводится в пэры. Это сопряжено с переименованием фамилии. Во главе директоров Ллойдс-банка появляется вдруг вместо Бимонт-Пиза новое лицо — лорд Уордингтон. Оказывается, что Бимонт-Пиз получил титул лорда, и прежнее его имя исчезло. Еще сложнее обстоит дело в старых пэрских семьях: глава семьи носит одну фамилию, старший сын — другую, младшие сыновья — третью. Когда глава семьи умирает, родовая фамилия переходит к старшему сыну и т. д. Нам, привыкшим к тому, что отец, сыновья и братья носят одну и ту же фамилию, трудно разобратся в родственных (переплетающихся с деловыми и политическими)

* В более полном виде перевод книги Саймона Хэкси издается Соцэкгизом.

связях английских политиков. Книга Хэкси ценный путеводитель в этом лабиринте.

Слабая сторона книги состоит прежде всего в том, что автор совершенно не касается того политического вопроса, который возникает буквально на каждом шагу при чтении его книги.

Как это возможно, что в Англии, где пролетариат составляет подавляющее большинство населения, где существует всеобщее и тайное избирательное право, консерваторы, партия богатства, партия крупного капитала, получают на выборах большую часть мандатов?

Саймон Хэкси не дает ответа на этот важнейший вопрос. Он лишь глухо и вскользь упоминает про мощный аппарат пропаганды и физического насилия над пролетариатом, которым издавна искусно владеет британская буржуазия. Правда, и Хэкси свидетельствует о том, что партии консерваторов все труднее становится маневрировать в борьбе за сохранение своей власти.

Акад. Е. Варга.

★ ★ ★

ДЕМОКРАТИЯ В РУКАХ ТОРИ

Избирательное право было даровано английскому народу только в XIX столетии. До 1832 г. число избирателей составляло менее 250 тысяч человек, теперь их около 30 миллионов. Городской рабочий получил право голоса в 1867 г., а сельскохозяйственный рабочий — в 1884 г. В 1918 г. «Актом о реформе» был установлен принцип «один человек — один голос», право голоса было дано женщинам в возрасте от тридцати лет, и таким образом число избирателей возросло до 21 миллиона. Актом 1929 г. женщине были даны равные права с мужчиной, и число избирателей увеличилось до 28 850 тысяч.

Однако на самом деле Англия даже при парламентской системе управляется олигархией, которой не может противостоять никакое политическое действие, даже основанное на конституции.

Каковы же пределы власти этой олигархии? На этот вопрос мы постараемся по возможности точно ответить в настоящей книге.

Уже с 1931 г. демократия в Англии испытывает серьезное ограничение.

Такие законодательные мероприятия, как «Акт об охране государственной тайны», направленный против журналистов, как «Акт о подстрекательстве к мятежу», принятый в 1934 г., как огра-

ничение права собраний и демонстраций, впервые в нашем столетии (за исключением периода мировой войны) характеризуют определенное движение в сторону ущемления демократических свобод.

За этот регресс полную ответственность несет консервативная партия, которая стоит у власти с 1931 г.

Вот почему главной целью нашей книги мы ставим изучение лица консервативных депутатов в нынешнем парламенте, ибо это позволит нам понять те подспудные силы, которые определяют политику «национального» правительства.

Ни в коем случае нельзя забывать, что депутат палаты общин выбирается еще прежде, чем он избран. Избиратель не имеет возможности решить, за какого консервативного кандидата он будет голосовать. Партия консерваторов подбирает кандидата, за которого предстоит голосовать избирателям, если они, вообще говоря, голосуют за консерваторов.

Насколько же осведомлен рядовой англичанин о депутатах палаты общин нынешнего состава? В палате общин заседает более 400 правительственных депутатов. Каждый из них был избран тысячами голосов. И все же много ли избирателей могло бы точно рассказать о том человеке, которого они выбирали, или о той партии, за которую они го-

лосовали? Задайте первому встречному на улице хотя бы такие вопросы:

Кто ваш депутат в парламенте?

Что говорит ваш депутат в парламенте о важнейших текущих вопросах?

Как часто бывает ваш депутат на заседаниях парламента?

Как он голосует в парламенте?

Выступает ли он в прениях по важнейшим вопросам; следите ли вы за его выступлениями?

На какие средства существовал ваш депутат до его избрания в парламент? Есть ли у него еще и сейчас какое-нибудь занятие, кроме его парламентских обязанностей?

Является ли он обладателем крупного состояния?

Проявляет ли он постоянный интерес к волнующим вас проблемам или же только эпизодическое сочувствие — в течение кратковременных всеобщих избирательных кампаний?

Соответствует ли его поведение в парламенте его предвыборным речам?

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению лица правительственных депутатов парламента, мы хотели бы в нескольких словах объяснить, насколько это важно.

Есть множество консервативных депутатов, чье присутствие в парламенте абсолютно нетерпимо с точки зрения демократии. Одним из примеров этого рода может служить сэр Томас Мур.

Этот защитник реакции получил парламентский мандат только благодаря поддержке консервативной партии, которая пока что держит в своих руках будущее нашей демократии.

Те настойчивые требования ограничить демократические права народа, которые раздаются со стороны определенной школы политических деятелей, несомненно, тесно связаны с желанием сократить расходы на социальные нужды.

«Пришло время, — говорит консервативный депутат сэр Джон Уордло-Милн, — для полного пересмотра политики, проповедающей, что детям следует дать образование независимо от той платы, какую могут внести их родители».

Бесплатное всеобщее начальное обучение бесспорно является одним из важнейших демократических завоеваний последнего полувека. Консервативный депутат хочет отнять это право. Можем ли мы сказать, что демократия в верных руках?

Отношение других консервативных депутатов к нашим социальным расходам не менее сурово. Говоря о безработных, другой консервативный депутат, Хопкинсон, заявляет следующее:

«Средства, которые мы берем от них (от «образованных групп общества»), распределяются в виде пособий среди тех людей, которые охотно готовы стать паразитами и не интересуются будущим своих детей».

Отсюда видно со всей ясностью, что желание ограничить социальные расходы сочетается с презрением к «простонародью».

Даже само по себе такое презрение к народу является угрозой для демократии. Вполне откровенно проявляет это отношение к народу и желание ограничить его демократические права еще один консервативный депутат, Хели-Хатчинсон. Вот как предлагает он решить проблему безработицы:

«Я бы лишил права голоса тех, кто получал пособие в течение определенного срока за данный год, и возвращал бы это право только в том случае, если человек снова проработал определенное время».

Если вспомнить о миллионах людей, которые не имеют работы «в течение определенного срока за данный год», то мы поймем, что это предложение означало бы лишить избирательного права огромную часть населения.

Такое равнодушное отношение к важнейшим социальным проблемам проявляется и в других формах. Так, при обсуждении самых насущных проблем национальной жизни в парламенте депутаты-консерваторы часто проявляют непростительное безразличие и легкомыслие, не совместимые с демократией. Депутат-консерватор капитан Гарольд Бальфур следующим образом описывает, как он и лорд Лаймингтон высту-

пали со своими первыми речами в парламенте.

«Однажды во время путанных прений по поводу законопроекта о страховании от безработицы, внесенного лейбористским правительством, мы с Джерардом Лаймингтоном... решили, что, пожалуй, настал момент... Мы выпили по стопке виски с содовой... и взошли один за другим на трибуну. Не помню, что говорил Джерард Лаймингтон, но только, кажется, он сказал что-то про «стабилизацию лодырничания», применительно к обсуждаемому законопроекту; я же, насколько мне помнится, пробормотал что-то насчет «простигования принципов страхования».

Мы уже говорили о том, какое значение имеет подбор кандидатов политической партией. Приведем еще одно высказывание, свидетельствующее о том, насколько недемократично действует консервативная партия. Вот что пишет граф Уинтертон, консервативный депутат, член кабинета в 1938 г. Свои мемуары, написанные в 1932 г., он начинает с того, как он был впервые выдвинут кандидатом от консервативной партии:

«В начале октября 1904 г. я вернулся в Оксфорд, чтобы начать третий год моей университетской карьеры, принесшей мне столько друзей, столько удовольствий на верховых прогулках, на зимней охоте, а летом — от игры в поло... К несчастью, первые два моих университетских года лишены были интеллектуальных достижений какой-либо ценности, в чем целиком повинен я сам. В октябре же умер консервативный депутат от Хоршэма. Местный комитет консервативной организации выдвинул мою кандидатуру. Благодаря поддержке лорда Леконфильда я был избран депутатом, когда мне еще не исполнилось и 22 лет».

Можно подумать, что с 1904 г. в Англии все переменилось. На самом деле это не так. Уже в 1939 г. на годичном собрании центрального совета консервативной партии леди Астор жаловалась: «Мы знаем о молодых людях, не обладающих никаким политическим опытом, но которым дали депутатские мандаты от самых верных округов в стране».

Графа Уинтертона еще оксфордским студентом выставили кандидатом от консерваторов, главным образом потому, что это был богатый молодой аристократ.

Прочие депутаты-консерваторы проявляют отвращение или нелюбовь к народу тоже потому, что ни один из названных выше членов парламента сам не принадлежит к народной массе.

И тем не менее, в палате общин их заседает более 400 человек.

Приведенные нами выдержки рисуют лицо лишь двух-трех из них, но по существу эти цитаты определяют лицо всех депутатов-консерваторов, ибо избрание их зависит от главного штаба консервативной партии; таким образом эти цитаты характеризуют не только руководителей консерваторов, но и консервативную партию в целом.

О богатствах консервативных политиканов можно судить по цифрам личных состояний умерших консервативных депутатов. Из числа 43 консервативных членов палаты, умерших в 1931—1938 гг., мы получили данные о владениях 33 человек. Эти 33 тори оставили своим наследникам в общей сложности 7 199 151 ф. ст.¹, что в среднем составляет 218 156 ф. ст. (а с движимым имуществом — 230 656 ф. ст.) на каждого. Приведем более точные цифры о наследствах депутатов-консерваторов:

2 депутата-консерватора оставили своим наследникам более чем по 1 000 000 ф. ст.; 12 депутатов-консерваторов — от 100 000 до 1 000 000 ф. ст.; 7 депутатов-консерваторов — от 40 000 до 100 000 ф. ст.; 7 депутатов-консерваторов — от 20 000 до 40 000 ф. ст.; 5 депутатов-консерваторов — от 10 000 до 20 000 ф. ст.

Эти цифры, пожалуй, весьма точно отображают имущественное состояние депутатов-консерваторов вообще. Они показывают, что огромная часть консервативных депутатов принадлежит к исключительно богатому классу.

Можно привести многие высказывания самих консерваторов о том, что богатство почти всегда является главным условием того, чтобы человек был выставлен кандидатом от консервативной партии. Вот что писала об этом мисс Вера Черчилль, член женской консервативной организации, в газете «Дэйли Телеграф» (июнь 1938 г.):

¹ 1 фунт стерлингов—21 рубль.—Прим. перев.

«Что бы ни говорили, но остается неопровержимым тот факт, что только обладатели крупных частных доходов могут питать какую-либо надежду вступить в парламент с мандатами консервативной партии... К сожалению, приходится согласиться с общепринятым мнением о том, что консерватизм является синонимом обладания богатством...».

Еще более откровенное свидетельство дает в газете «Ивнинг Стандарт» (1939 г.) консервативный кандидат в депутаты Айэн Харви. Он делит кандидатов в депутаты на три категории:

«Первая категория — это те кандидаты, которые соглашаются оплатить расходы по избирательной кампании в размере от 400 до 1 200 ф. ст. и вдобавок ежегодно вносить от 500 до 1 000 ф. ст. в кассу местной консервативной организации. Кандидатам этой категории представляется великолепная возможность быть избранными».

Для того чтобы истратить подобные суммы, надо обладать доходом не менее чем в 10 тыс. ф. ст. в год.

«Вторая категория — это кандидаты, которые соглашаются оплатить хотя бы половину расходов по избирательной кампании и вносить от 250 до 400 ф. ст. в год в кассу консервативной партии. Эти кандидаты имеют небольшие шансы на избрание».

И, наконец,

«Третья категория — это те кандидаты, которые не могут оплатить расходы по избирательной кампании и могут вносить в кассу консервативной партии не более 100 ф. ст. в год. У подобных кандидатов едва ли есть какие-либо шансы на избрание».

Вывод из этого можно сделать тот, что если человек обладает доходом менее 2 тыс. ф. ст. в год, то едва ли он имеет малейшую возможность стать членом палаты от консервативной партии.

На том же годичном собрании центрального совета консерваторов леди Астор заявила:

«Наш центральный совет считает, что действует правильно, но я в этом не убеждена. Когда к нему обращается претендент на депутатское место, то первым делом его спрашивают: «сколько у тебя денег?». Беда с нашей партией в том, что слишком часто люди вступают в нее только ради того, чтобы преуспеть в жизни. Следовало бы вступать в нашу партию ради того, чтобы служить стране, а не самим себе. Из этого, правда, отнюдь не вытекает, что в лейбористскую партию люди тоже вступают не для того, чтобы преуспеть в жиз-

ни, но все же ни одна другая партия не считает столько людей, делающих карьеру, сколько наша партия».

Около 21 миллиона людей в Великобритании имеют тот или иной самостоятельный доход; из них только примерно 100 тыс. (грубо говоря, полпроцента) платят налоги с доходов, превышающих 2 тыс. ф. ст. в год; всего лишь около 10 тыс. (т.-е., грубо говоря, еще 0,05 процента населения) имеют доходы в размере 10 тыс. ф. ст. в год. А доходы примерно 88 проц. населения составляют менее чем по 250 ф. ст. в год. Отсюда видно, что наши консервативные депутаты принадлежат к той части общества, у которой нет ничего общего с массой населения.

ДЕЛЬЦЫ В РОЛИ ПОЛИТИКОВ

В 1936 г. одна воскресная английская газета писала:

«Достопочтенный Уолтер Рэнсимэн прежде был директором компании «Ройял мэйл стим пакет». Его отец лорд Рэнсимэн является директором пяти паровых компаний и входит в правление Ассоциации британских паровых владельцев. Сам Уолтер Рэнсимэн является директором четырех паровых компаний и, кроме того, Ллойдс-банка.

Он же является держателем 21 тысячи акций в акционерном обществе «Мур-Лайн». Он в качестве председателя торговой палаты внес на обсуждение палаты общин предложение о 2-миллионной субсидии торговому судоходству и сам потом распорядился этой субсидией».

Небезынтересно в этой связи привести данные о субсидии, полученной акционерным обществом «Мур-Лайн»: в 1936 г. фирма получила 44 240 ф. ст., а в 1935 г. — 48 327 ф. ст. правительственной субсидии.

В 1852 г. лорд-канцлер Коттенхэм вынес решение в пользу судоходной компании, в которой он состоял акционером. Палата лордов отменила это решение. Однако в нынешнем парламенте, который называют верховным судилищем страны, принцип «нельзя быть судьей в собственном деле» уже не применяется. Пример с лордом Рэнсимэном не составляет исключения: десятки наших консервативных депута-

тов поступают, как «судьи в собственном деле», причем — легально.

Шахтовладелец, который голосует или выступает в качестве депутата палаты по законопроекту об условиях труда в угольной промышленности, или судовладелец, который выступает или голосует по законопроекту, касающемуся судоходства, — оба виновны в том, что действуют, как судьи в собственном деле. Этот принцип нарушается и тогда, когда депутат голосует в пользу законов, отвечающих интересам его группы или класса. Например, акционер может проголосовать против увеличения налогов на сверхприбыли, владелец фабрики может голосовать в пользу снижения арендных ставок на земельные участки, владелец недвижимого имущества может голосовать за снижение ренты и т. д. Во всех этих случаях депутат будет голосовать в интересах лишь ничтожной группы избирателей. Таким образом, он действует и как судья в деле узкой социальной группы, к которой он сам принадлежит.

Мы уже говорили, что консервативные депутаты отличаются от народа тем, что они неизмеримо богаче рядового избирателя. Далее оказывается, что огромная часть консервативных депутатов является нанимателями, капитанами индустрии. Из числа 415 правительственных депутатов в палате общин 181 состоит в директоратах (правлениях) разных фирм. Таким образом, 44 проц. консервативных депутатов — это наниматели. Многие другие депутаты до избрания в парламент тоже являлись директорами фирм.

Каковы же размеры этой группы компанийских директоров? В «Справочнике директоров» за 1938 г. приведено более 33 тыс. имен. Сравним это с рабочим населением (не считая домашних хозяйств), составляющим 21 млн. человек, и с 29 млн. избирателей. Получается резкий контраст: 44 проц. консервативных депутатов являются директорами фирм, а по отношению к массе избирателей директоров насчитывается всего лишь 0,1 процента.

Но даже эти цифры не дают полной

картины, ибо существует правило, что члены министерства не имеют права сохранять директорские посты. Это правило, формально говоря, соблюдается с 10 декабря 1900 г., когда парламент, по инициативе Ллойд-Джорджа, протестовал против огромных прибылей от поставок вооружения, полученных родственниками Джозефа Чемберлена. Вооружения поставлялись для ведения войны против буров, а Джозеф Чемберлен был тогда министром по делам колоний.

Большинство наших консервативных политиков, которые занимают министерские посты, в тот или иной период были директорами фирм. Так, Невилль Чемберлен в недавнем прошлом состоял директором фирмы «Бирмингемских заводов малого оружия» и металлургической фирмы «Эллиотт» (ныне — дочернего предприятия «Имперского химического треста»), в которой он являлся держателем 23 250 акций (см. список акционеров от 5 октября 1925 г.). Однако от министров не требуется окончательной отставки с постов директоров частных предприятий; они могут (и делают это часто) немедленно вернуться в прежнюю фирму, как только выйдут из состава министерства. В то же время, как правило, они сохраняют за собою свои акции, даже в военных фирмах, какой бы правительственный пост они при этом ни занимали.

Цифра в 44 проц. еще в одном отношении недостаточно отражает представительство эксплуататорских классов в парламенте, так как все консервативные депутаты, быть может за редкими исключениями, являются если и не директорами, то акционерами. А, как известно, крупный акционер может играть не меньшую роль, чем член директората. Так, в 1926 г. во время великой стачки горняков граф Болдуин, тогдашний премьер-министр, имел 194 526 простых акций и 37 591 привилегированную акцию в компании «Болдуинз, лимитед», которой принадлежали огромные угольные копи.

181 консервативный депутат в общей сложности занимает 775 директорских постов. Приведенная ниже таблица по-

казывает, в каких отраслях промышленности они заинтересованы и сколько директорских постов занимают в каждой отрасли. Здесь раскрывается лишь часть связей консервативных депутатов с промышленностью. Многие депутаты, не являясь директорами, принадлежат к крупным промышленным и финансовым семьям от рождения или посредством браков.

**Директора фирм среди
правительственных депутатов**

Название отрасли	Число депутатов-консервативов	Количество директорских постов
Банки	16	18
Страховое дело	43	49
Кредитные фирмы и инвестиционные тресты	27	42
Железные дороги и авиалинии	18	31
Пароходства	9	19
Шоссейный транспорт и каналы	5	10
Торговые посредники и грузоотправители	11	20
Телеграф, мор. кабель и радио	1	15
Железо, сталь и уголь	17	29
Машиностроение (включая оружие, самолеты и т. п.)	42	80
Пивоварение	11	20
Продовольствие	6	13
Табачные изделия	2	2
Патентованные медицинские продукты	3	23
Текстильная и швейная промышленность	19	37
Полиграфич. и бумажное производство	8	17
Прочая обрабатывающая промышленность	26	40
Гостиницы и рестораны	10	19
Розничная торговля	12	18
Газетные и книжные издательства	17	24
Кино, театры, собачьи бега и пр.	13	15
Электроснабжение	7	45
Газ и водопровод	10	12
Строительная промышленность и строительные материалы	14	29
Торговля недвижимым имуществом	20	52
Нефть	7	9
Золотодобыча	13	25
Прочая горная промышленность	12	17
Каучуковые плантации	3	15
Чайные и кофейные плантации	7	9
Разное	19	21

Директорские посты отдельного депутата палаты очень редко показывают, каков весь объем деловых связей его семьи. Так, капитан Энгус Хамбро (консервативный депутат от Северного Дорсета) является членом знаменитой банкирской семьи, его брат — заместитель управляющего страховой компании «Ройял Эксчейндж», а его племянник — старший директор банка «Хамброс», директор Английского банка, компании Большой Западной железной дороги и пяти других компаний. Общая сумма капиталов тех фирм, в которых члены семьи Хамбро являются директорами, составляет более 132 млн. ф. ст.

Наиболее важная в английской экономике группа концернов — это банки и страховые общества. Удивительно, сколько директоров этих фирм заседает в парламенте. Эти фирмы не только влияют на правительство через своих директоров, но и играют большую роль в политике, непосредственно обращаясь к правительству с докладными записками или же путем личного контакта с членами кабинета. Однажды, когда возникло небольшое разногласие между правительством и банками, газета «Финэншэл Таймс» спрашивала министра: «Понимают ли он и его коллеги, что «полудюжина людей», возглавляющих «большую пятерку» банков, может опрокинуть все здание правительственных финансов посредством отказа от возобновления казначейских билетов?».

Сумма основных капиталов «большой пятерки» банков, фактически монополизировавшей банковское дело в стране, составляет более 205 млн. ф. ст., кроме того, текущие вклады и прочий их актив составляют более 2 010 млн. ф. ст. Это образует весьма значительную часть всех «денег» страны и представляет силу, которая, как говорит «Финэншэл Таймс», может при желании потрясти основы власти.

Достаточно посмотреть, кого из директоров банков возводило в перское достоинство нынешнее «национальное» правительство, чтобы понять, к какой общественной группе принадлежат эти пэры. С 1931 г. в правлениях крупней-

ших английских банков звание пэра распределялось так:

Английский банк	2
Барклейз-банк	1
Ллойдс-банк	4
Мидлэнд-банк	3
Национальный провинциальный банк	3
Вестминстерский банк	2

Влияние этих банков на экономическую жизнь страны непропорционально велико даже в сравнении с их огромными капиталами. Они контролируют и средства держателей акций и сотни миллионов фунтов стерлингов, принадлежащих прочим людям.

Некоторые демократические страны ограничи́ли политическую деятельность банкиров. Но — не в Англии. Здесь банковские директора становятся депутатами парламента, а депутаты парламента становятся банковскими директорами. Например, Английский банк имеет среди своих директоров члена парламента сэра Алана Эндерсона (депутат от города Лондона); Национальный провинциальный банк имеет двух депутатов: лорда Бэргли и виконта Уомера; директор Мидлэнд-банка лейтенант-полковник Мэйсон — тоже депутат парламента. Многие другие директора «большой пятерки» в прошлом были депутатами парламента и министрами.

Виконт Рэнсимэн был директором Вестминстерского банка с 1924 по 1931 г. Став в 1931 г. министром, он ушел с директорских постов. В 1937 г. виконт Рэнсимэн был возведен в звание пэра. Тогда же он опять стал директором Вестминстерского банка, а в 1938 г. снова вошел в кабинет. Отец виконта Рэнсимэна, умерший в 1937 г., оставил в наследство сыну 2 388 453 ф. ст.

Другой виконт — Хорн, ныне директор Ллойдс-банка, был министром труда в 1919 г., министром торговли в 1920—21 гг., депутатом-консерватором он был с 1918 до 1937 года.

Значительные посты этих людей в банковском мире являются не столько наградой финансового мира за их служ-

бу, сколько знаменуют возвращение в родной мир.

Консервативный депутат сэр Джон Эндерсон, который недавно вошел в кабинет в качестве лорда-хранителя печати и, кроме того, руководит департаментом противовоздушной обороны. был до этого назначен директором Мидлэнд-банка.

Итак, руководящие посты в консервативной партии и в министерстве поочередно занимают директора крупнейших английских банков. Наряду с этим существуют, естественно, обширные семейственные связи между депутатами парламента и правлениями крупных банков. Так, например, отец консервативного депутата виконта Уомера граф Селборн входит в правление Ллойдс-банка; лорд Ричард Кавендиш, занимающий пост директора Вестминстерского банка, имеет в палате общин двух зятюв, тоже консерваторов.

Кроме «большой пятерки» есть еще 11 банков (вроде Хамброс-банка и Коммерческого банка Шотландии), которые тоже имеют своих директоров на депутатских скамьях. В общей сложности среди правительственных депутатов в палате общин насчитывается 16 банковских директоров.

В мире крупных финансов страховые общества играют роль не менее важную, чем банки. Они располагают огромными фондами для капиталовложений, образовавшимися в результате спекулятивных сделок с товарами и акциями и в процессе ведения страхового дела. Кроме того, они являются кредиторами правительства, владея в общей сложности правительственными облигациями на сумму до 350 млн. ф. ст.

Из числа 90 людей, возведенных в звание пэра «национальным» правительством начиная с 1931 г., насчитывается 35 директоров страховых компаний. В правления 32 крупнейших страховых компаний в Англии входит 43 правительственных депутата палаты.

Граф Болдуин, например, является ныне директором страховой компании, и еще многие недавние члены кабинета, вроде лорда Хэйлшэма, графа Уин-

тертона и сэра Сэмюэля Хора¹, тоже состояли директорами страховых компаний.

Британская федерация промышленно-сти на первых же порах своего существования, еще в 1918 г., предприняла кампанию против закона о всеобщем обучении и закона о налогах на сверх-прибыли; федерация неизменно встает против всякого увеличения прямого налогообложения.

Каждый год перед выступлением министра финансов в палате с объяснениями по бюджету федерация посылает ему меморандум, в котором сформулированы взгляды фабрикантов на проблему налогов и требуемые ими изменения в законодательстве. Этот меморандум печатается в бюллетене федерации британской промышленности. Депутаты палаты, связанные с федерацией промышленников, используют эти меморандумы для воздействия на правительство. В 1938 г. такой меморандум содержал протест против намечавшегося увеличения прямого налогообложения и требование, чтобы все расходы на противоздушные мероприятия в промышленности были «покрыты» из подоходного налога.

Напомним, что еще недавно в палату был внесен законопроект, который предусматривал покрытие огромных расходов на перевооружение посредством платежей от промышленности. Тогда федерация британской промышленности совместно с ассоциацией британских торговых палат, палатой торгового судоходства, британской федерацией железодельной и стальной промышленности, фирмой «Братья Левер энд Юнилевер», «Имперским химическим трестом», ассоциациями шахтовладельцев и т. д. приняла резолюцию, требовавшую «резких изменений» законопроекта.

Два дня длились в палате прения по законопроекту: наконец, после хитрой речи Черчилля, премьер-министр Чемберлен объявил, что предложение о взносах промышленности снимается.

¹ Ныне министр внутренних дел. — Прим. *псрев.*

Почти все требования промышленности были полностью удовлетворены.

В списке титулований в связи с коронационными торжествами в 1937 г. значительное место отведено деятелям федерации британской промышленности. Наград удостоились один из вице-президентов, двое членов совета, трое членов комитетов и один зарубежный член-корреспондент федерации британской промышленности. Та же картина повторяется при награждениях по всяким другим поводам.

Федерация британской промышленности является лишь одной из многочисленных предпринимательских организаций, каждая из которых несет свои специализированные функции. Большая часть этих организаций имеет в своих правлениях или же на постах директоров примыкающих к ним организаций консервативных депутатов палаты.

Стало быть, значительная часть правительственных скамей в палате общин заполняется представителями того класса общества, который владеет частной собственностью и эксплуатирует труд рабочих. Тот факт, что почти половина наших депутатов-консерваторов активно участвует в деятельности, направленной на получение торговых и промышленных прибылей, в то время как другая часть косвенно связана с промышленностью, неизбежно должен оказывать решающее влияние на общую политику консервативной партии. Подавляющее большинство депутатов-консерваторов имеет частнособственнические интересы и направляет правительство по пути, который должен облегчить им получение прибылей. Консерватор-депутат Морис Хели-Хатчинсон пишет со свойственным ему красноречием:

«Финансы — вот моя профессия. Я познал, что деньги — мать всякого дела, а отцом его является жажда прибыли».

В некоторой мере это может служить объяснением закону 1929 г., четверо уменьшившему налогообложение промышленности; благодаря этому в 1930—1937 гг. промышленность сберегла 170 млн. ф. ст. Ответственность за этот

закон несет Невилль Чемберлен. Этот случай служит еще одним примером того, как люди выступают «судьями в собственном деле», ибо большинство депутатов-консерваторов, в том числе и сам мистер Чемберлен, являются держателями акций. Как признался лорд Мелчет, «Имперский химический трест» благодаря этому закону сэконобил по 200 тыс. ф. ст. в год. А недостачу в сумме более 20 млн. ф. ст. в год, образовавшуюся в государственном бюджете из-за этого закона, пришлось возмещать из других источников.

В самое последнее время картина налогообложения не изменилась. С 1931 по 1936 г. обложение богачей оставалось почти неизменным, в то время как обложение бедняков в высшей степени возросло. В 1929—30 гг. поступления от подоходного налога и налогов на сверхприбыли составили около 294 млн. ф. ст.; в 1925—36 гг. они составляли тоже только 289 млн. ф. ст. А таможенные доходы за то же время увеличились со 120 до 196 млн. ф. ст. Таможенные пошлины всей своей тяжестью падают на беднейшие слои населения, которым приходится платить более высокие цены за предметы потребления. Политика повышения цен, ставшая особенно явственной с 1931 г., есть политика парламентского большинства, состоящего почти исключительно из плательщиков налогов на сверхприбыль. Только в 1936—1937 гг. правительство вынуждено было несколько увеличить налогообложение состоятельных классов населения, чтобы покрыть расходы на вооружения, но на самом деле они отнюдь не несут своей доли бремени военных расходов, ибо дополнительное налогообложение богачей не уравновесило добавочных прибылей, которые они же извлекают из военной промышленности.

Посмотрим, чего достиг парламент, руководимый нанимателями, в области трудового законодательства.

Граф Уинтертон, депутат-консерватор, а до недавнего времени член кабинета, весьма резко осуждает законодательное ограничение продолжительности рабочей недели.

«Длительная всеобщая забастовка горняков, — говорит он, — явившаяся первой в ряду губительных горняцких стачек, имела своим следствием закон о регулировании рабочего времени, который положил начало многим злощастным парламентским актам об угольной промышленности».

Предприниматели восстают не только против демократического вмешательства правительственных органов в дела промышленности, но отвергают и всякие предложения о введении демократического контроля изнутри. Так, депутат-консерватор Хопкинсон в своей книжке «Религия воинствующая» (1927 г.) соглашается на уступки, демократические по форме, но предупреждает предпринимателей, чтобы те не делали фактических уступок.

«Я не вижу никаких оснований к тому, чтобы он (капиталист) не мог назвать их (рабочих) владельцами капитала, если им этого так уж хочется, — но при том условии, что он не уступает им управления. Именно так поступил я в том уголке промышленности, где я являюсь полновластным хозяином... Но запомните хорошо одно: я попрежнему сохраняю неограниченный контроль над делом... Коллективное владение капиталом есть бессмыслица... Это — бессмыслица, и потому вреда принести она не может... Но демократический контроль над капиталом — штука весьма реальная, и избежать этого надо всеми средствами».

Политическое влияние депутата-консерватора на остальных его коллег во многом зависит от его собственного положения в промышленности. Не все те 775 директорских постов, которые занимают депутаты-консерваторы, имеют одинаково важное значение. Одни депутаты-консерваторы принадлежат к всемирно-знаменитым банкирским домам или промышленным концернам, сеть которых покрывает всю Англию, в то время как другие являются лишь директорами провинциальных универмагов или газовых заводов. Банки и страховые компании занимают главенствующее положение в нашей экономике. Тесно связаны с ними крупнейшие промышленные предприятия. На правительственных скамьях директора этих промышленных предприятий восседают бок-о-бок с банкирами и хозяевами страховых компаний. Лишь очень немногие

важные отрасли промышленности не представлены своими директорами в палате общин.

Приведем данные хотя бы о некоторых отраслях промышленности, в которых подвизаются депутаты-консерваторы.

На железных дорогах Англии занято наибольшее число рабочих. Главные четыре железнодорожные компании нанимают более 600 тысяч рабочих и служащих. А в общей сложности более 2 млн. населения целиком зависят от политики заработной платы, которую проводят правления этих железных дорог. В 1937 г. их прибыли достигли наивысшей точки за семь лет и выразились в сумме 38 млн. ф. ст. Среди 600 тысяч рабочих и служащих этих колоссальных предприятий нет ни одного, который был бы членом парламента по списку консервативной партии; зато в палате общин заседают 9 человек из числа 73 директоров этих предприятий. Отсюда ясно, что партия консерваторов есть партия эксплуататорского класса.

В химической промышленности господствует «Имперский химический трест». Этот огромный концерн с 74 млн. ф. ст. акционерного капитала фактически монополизировал тяжелую химическую промышленность. Депутат-консерватор сэр Джон Эндерсон вошел в правление «Имперского химического треста» в 1938 году и оставался на этом посту вплоть до своего назначения членом кабинета. В настоящее время среди депутатов палаты общин нет директора «Имперского химического треста», зато многие депутаты являются его акционерами. Так, в 1932 и 1934 гг. акционерами «Имперского химического треста» являлись следующие члены партии консерваторов: нынешние министры — мистер Невиль Чемберлен (держатель 5 414 простых и 833 привилегированных акций), маркиз Зетланд и сэр Джон Саймон; нынешние депутаты-консерваторы — капитан Буллок, Н. Кольман, сэр Генри Пэйдж-Крофт и сэр Хью О'Нил.

В железоделательной, стальной, угольной, машиностроительной и т. п. отраслях промышленности 51 депутат палаты занимают

100 директорских постов, например: «Виккерс» (капитал — более 14 млн. ф. ст.) представлен сэром Джоном Эндерсоном и Л. Эмери; «Кэммелл Лэрд» представлен Л. Эмери (эта фирма связана с фирмой «Виккерс» через совместное дочернее предприятие); компания «Бирмингемских заводов малого оружия» представлена своим заместителем председателя сэром Патриком Хэнноном и сэром Юджином Рэмзедом.

Эти отрасли промышленности постоянно влияют на политику английской консервативной партии. Последние три консервативных премьер-министра — Бонар Лоу, граф Болдуин и мистер Невиль Чемберлен — все происходят из семей, на протяжении долгого времени связанных с военной промышленностью.

Общая прибыль 97 крупнейших машиностроительных фирм за последние годы возростала следующим образом:

Годы	В млн. ф. ст.
1932	16,6
1933	18,4
1935	34,9
1936	44,3
1937	53,6

Разумеется, это главным образом прибыли от производства вооружений. Как ни убедительны эти цифры, они все же далеко не отображают подлинного роста прибылей. Вполне ясно сказал об этом на собрании акционеров председатель одного из крупнейших машиностроительных концернов Артур Чемберлен:

«Я не думаю, чтобы в аудитории нашлись простаки, которые поверили бы, что отчет фирмы, особенно акционерного общества, отображает ежегодные прибыли фактически и точно».

В судоходстве и смежных отраслях 18 депутатов палаты занимают 39 директорских постов. Приведем примеры: «Эндерсон, Грин и компания, восточное пароходство» (капитал — более 2 млн. ф. ст.), дочернее предприятие пароходства «Пенинсулар энд Ориент» (капитал — более 7 млн. ф. ст.),

представлено сэром Аланом Эндерсоном; «Объединенная балтийская корпорация» (капитал — 2 млн. ф. ст.) представлена своим заместителем председателя сэром Чарлзом Барри; «Клан-Лайн Стимерз» (капитал — более 2 млн. ф. ст.) представлена своим вице-председателем майором сэром Гербертом Кайзером, являющимся одновременно членом совета палаты торгового судоходства и председателем парламентского комитета судоходства; «Верфи Хэй» (капитал — более 2 млн. ф. ст.) представлены своим главным управляющим Делабером.

Кроме этих, на консервативных скамьях в парламенте заседают члены правлений многих других важнейших предприятий английской промышленности. Назовем «Британско-цейлонский» концерн с капиталом около 9 млн. ф. ст., директором которого является депутат-консерватор генерал Александер; «Комбинат египетских мукомолен», Ланкаширский комбинат бумагопрядильных фабрик, директорами которого являются депутаты-консерваторы Рэдфорд и сэр Джон Шют. Директора концерна «Производителей портландского цемента» и «Британской спичечной корпорации (Брайант энд Мэйз)» тоже заседают в палате общин, и т. д.

Очень часто наши крупные дельцы связаны не с одной какой-нибудь отраслью промышленности; их финансовые интересы весьма многообразны. Иллюстрируем это примером промышленных связей сэра Чарлза Барри. Этот депутат является членом совещательного комитета министерства внешней торговли, членом совещательного комитета министерства почт и членом верховного экономического совета. Такова практика консерваторов — назначать крупнейших предпринимателей на должности в важнейших совещательных и административных парламентских комиссиях.

Консервативной партией заправляет не местный мелкий наниматель, а та социальная группа, к которой принадлежат крупные банкиры, фабриканты и купцы. Но бывает, что местная организация консервативной партии желает выставить местного кандидата. Как правило, он принадлежит к числу крупней-

ших в данной местности предпринимателей. Так, например, депутат-консерватор от Глостера является хозяином местной газеты, местного газового завода, судоходства по каналу и одного из крупнейших машиностроительных заводов («Глостерская компания вагоностроительных заводов»); достопочтенный Джон Греттон (депутат-консерватор от Бертон-он-Трент) является председателем правления акционерного общества знаменитых пивоваренных заводов «Басс, Ратклифф энд Греттон»; Дж. Додд, национал-либеральный депутат от Одхэма, является директором бумагопрядильного концерна.

Таким образом, во многих избирательных округах создавалось любопытное положение: депутат-консерватор является эксплуататором труда своих же избирателей. Правда, в последнее время это стало более завуалировано, потому что с укреплением профессиональных союзов позиции консервативной партии в ряде округов пошатнулись. Вот почему на местах все чаще стали выдвигать в качестве поборников политики консерваторов каких-нибудь совершенно неизвестных избирателям людей: вместо нанимателя выдвигают какого-нибудь плутократа, которого труднее критиковать за положение вещей в данном избирательном округе. В то же время рабочий класс уже перестал считать нанимателей своими «природными» вожакими. Депутат-консерватор мистер Остин Хопкинсон никак не может понять, почему рабочий класс отшатнулся от консерваторов:

«Что касается меня, то я не могу отделаться от чувства глубокого унижения, когда вижу лица зловредных и глупых лидеров труда. Несколько же мы, капиталистические наниматели, должны были пренебречь своими обязанностями, если рабочий предпочитает следовать не нашему руководству — руководству своих природных лидеров, а руководству подобных людей».

Мистер Хопкинсон резко выражает ненависть предпринимателей к тем, кто оспаривает их авторитет. Его выступление показывает, как укоренилось среди консерваторов представление, будто власть олигархии богачей «дана от природы». Когда-то Гладстон сказал: «Мы

отказываемся признать за каким-либо классом, — будь то пары или прочая знать, будь то кто угодно, — право вершить судьбами нации против воли народа».

Это весьма отличается от взглядов наших консервативных политиков. Пока консервативная партия остается у власти, до тех пор класс крупных нанимателей в нашей стране вершит ее судьбы. Этот класс использует парламент, как средство, помогающее ему наживать прибыль, и как орудие усиления собственной власти и авторитета.

ФАБРИКАНТЫ ОРУЖИЯ НА ДЕПУТАТСКИХ СКАМЬЯХ

Актом парламента, принятым еще в царствование Георга III, подрядчику, исполняющему государственные заказы, было запрещено заседать в палате общин. Закон должен был предотвратить столкновение частных интересов с общественным долгом, которое возникло бы неизбежно, если бы подрядчик обладал парламентским мандатом.

Но, к несчастью, в этом парламентском акте осталась лазейка: он неприменим к «инкорпорированным торговым компаниям». По сути дела это означает, что акционеры и директора акционерных обществ, которые исполняют государственные подряды, имеют право заседать в палате общин. Следовательно, ничто не может помешать директору или акционеру военной фирмы стать депутатом палаты и отсюда влиять на всю политику расходов на вооружения, в результате чего лично он извлечет прибыль; он может помешать установлению надлежащего контроля над фабрикантами оружия; он может определить курс правительственной внешней политики, от которого зависит ход вооружений. Подкуп чиновников фабрикантами оружия, может быть, и является сам по себе нетерпимым явлением, но с точки зрения национальной политики еще более нетерпимо то, что сами фабриканты оружия входят в состав законодательных органов.

Соображения этого рода и привели к тому, что конституции некоторых малых

европейских стран запрещают директорам военных концернов заседать в парламенте.

В Англии этот принцип провозглашен в отношении местных органов власти.

Непонятно только одно, почему подобные ограничения применены лишь к местным органам власти, а не к палате общин. Еще в 1914 г. тогдашний лейбористский лидер Филипп Сноуден, говоря о депутатах парламента, являющихся директорами или акционерами военных концернов, заявлял:

«Но кто же эти акционеры? Слишком много потребовалось бы времени, чтобы привести даже неполный список этих людей; оказывается, что среди них очень много distinguished депутатов палаты. Поистине, куда ни кинешь взор на правительственные скамьи, непременно наткнешься на акционера той или иной из этих фирм».

Изменилось ли положение с 1914 г.? Среди наиболее видных депутатов-консерваторов, лично заинтересованных в производстве вооружений, мы находим в настоящее время, например, следующих:

Сэр Джон Эндерсон — директор фирмы «Виккерс» (перед назначением в кабинет министров);

Л. С. Эмери — директор фирмы «Кэм-мелл Лэрд»;

Сэр Юджин Рэмзден — член директората «Бирмингемских заводов малого оружия»;

Сэр Патрик Хэннон — член директората «Бирмингемских заводов малого оружия».

Мы назвали только нескольких директоров самых крупных военных концернов. Не менее 23 депутатов-консерваторов являются директорами самолетостроительных фирм, но еще многие и многие депутаты являются директорами концернов, тесно связанных с производством вооружений. Как известно, многие машиностроительные фирмы в значительной мере зависят от производства вооружений.

Важнейший военный концерн — это «Виккерс». В совет его директоров входил сэр Джон Эндерсон до своего возвышения на пост министра. В палату

общин он был избран на дополнительных выборах 21 февраля 1938 г. (в качестве депутата от округа шотландских университетов), а 1 апреля того же года на годичном собрании акционеров «Виккерс» было заявлено, что в виду «избрания сэра Джона в середине года» его можно сохранить в составе директоров фирмы, после чего собрание акционеров утвердило его, т.-е. члена парламента, директором военного концерна «Виккерс». Другие депутаты тоже являются акционерами концерна «Виккерс». Среди них мы находим сэра Роберта Хорна, впоследствии министра финансов, сэра Джона Гильмура, министра внутренних дел в 1932—35 гг. (ныне министр торгового судоходства. — *Ред.*), сэра Джона Уордло-Милна, Гарольда Митчелла, лорда Хэйлшэма, который был лорд-канцлером в 1928 — 29 гг., военным министром в 1931 — 35 гг. и — акционером концерна «Виккерс» в 1932 г. Производство вооружений фирмы «Виккерс» в основном осуществляется субсидиарным предприятием «Виккерс-Армстронг», этой крупнейшей в мире фирмой вооружений. Капитал концерна «Виккерс» составляет ныне более 14,5 млн. ф. ст., капитал «Виккерс-Армстронг» — более 17 млн. ф. ст. В 1931—32 гг. брезжила реальная надежда на разоружение наций. И вот на годичном общем собрании акционеров концерна «Виккерс» в 1932 г.¹ председатель жаловался на то, что:

«Общий мировой упадок промышленности и торговли и сокращение вооружений под влиянием общественного мнения как в нашей, так и в других странах отрицательно повлияли на прибыли нашей компании».

Но напрасной была эта тревога. Конференция по разоружению провалилась. Лига наций, это «фантастическое собрание» и «беспокойная организация», как охарактеризовал ее председатель концерна «Виккерс», была брошена на произвол судьбы, и весь мир пустился

¹ «Конференция по всеобщему разоружению» открылась в Женеве 2 февраля 1932 г. и, как известно, под давлением заправил Лиги наций отвергла все советские предложения, которые предусматривали подлинное всеобщее разоружение. — *Прим. перев.*

в величайшую гонку вооружений, какую еще не знала история.

Великобритания приступила к выполнению своей программы перевооружения.

По мере роста народных расходов на вооружение дивиденды фирмы «Виккерс» выросли с 4 проц. в 1933 г. до 8 проц. (плюс 50-процентная премия) в 1935 г. и до 10 проц. в 1937 г. В марте 1938 г. лондонская «Биржевая газета» объявила:

«Крупное производство вооружений пережило, естественно, лучший год после 1918-го... Общая наша прибыль, включая дивиденды, полученные от дочерних предприятий, составила 2 020 653 ф. ст., т.-е. увеличилась по сравнению с прошлым годом на 401 410 ф. ст., или на 25 проц. Чистая прибыль составляет 1 351 056 ф. ст., что дает увеличение на 16,2 проц.».

«Виккерс» имеет крупные финансово-промышленные интересы за границей. На заседании королевской комиссии, расследовавшей в 1934 г. производство и торговлю оружием, представитель концерна «Виккерс» заявил, что фирма владеет 21 проц. капитала «Испанского общества морского судостроения», работающего главным образом на вооружение; «Виккерс-Армстронг» совместно с фирмой «Джон Браун и Ко» являются техническими советниками указанной испанской фирмы. Они также контролируют фирму «Пласенсия де ляс армас», которая производит вооружения.

На заседании комиссии было зачитано письмо от сэра Чарлза Крэйвена, председателя фирмы «Виккерс-Армстронг», которое, между прочим, гласило:

«Конечно, события в Испании сейчас кажутся очень бурными; но я горячо надеюсь, что ничто не помешает повороту вправо¹, который там происходит, потому что нынешнее правительство, повидимому, будет с большой симпатией относиться к «Испанскому обществу морского судостроения» и закажет нам весьма приличную программу. А это, смею вас заверить, господа, чрезвычайно полезно для поддержания наших дел».

¹ Речь идет о событиях октября 1934 г., когда испанская реакция потопила в крови восстание астурийских горняков и ввела в стране режим белого террора. — *Прим. перев.*

«Виккерс» и ассоциированные с ним компании сохранили значительные «интересы» в двух японских военных концернах, а именно: 25 проц. капитала японской фирмы сталелитейных заводов «Кабусики», производящей артиллерию, станки и т. д. и связанной с крупнейшим японским промышленным концерном Мицуи, и 20 проц. капитала другой фирмы, являющейся, главным образом, инвестиционным предприятием.

На одном из заседаний королевской комиссии по расследованию частного производства и торговли оружием член комиссии сэр Филипп Гиббс спросил сэра Герберта Лоренса, бывшего председателя концерна «Виккерс»:

— Но действительно ли для вас выгодно большее увеличение японского военно-морского флота?

На что сэр Герберт Лоренс ответил: — Безусловно.

Другая крупная военная фирма — это «Бирмингемские заводы малого оружия». С нею непосредственно связаны депутаты палаты — сэр Патрик Хэннон (депутат с 1921 г.), который был директором «Бирмингемских заводов малого оружия» с 1925 г., а теперь является заместителем председателя фирмы, и сэр Юджин Рэмзден (депутат-консерватор с 1931 г.), директор «Бирмингемских заводов малого оружия» с 1937 г. Сэр Юджин Рэмзден — один из руководителей консервативной партии, он председатель ее исполнительного комитета с 1938 г. Среди бывших директоров этого концерна мы находим мистера Невилля Чемберлена, директора «Бирмингемских заводов малого оружия» с 1919 по 1922 г. По официальному определению самой фирмы, она занимается «производством военных и спортивных принадлежностей... пулеметов... запасных частей к самолетам и т. п.».

Достопочтенный депутат Л. Эмери является директором «Кэммелл Лэрд» с 1933 г., другим директором этой фирмы является лорд Ранкейлур, который был помощником министра вооружений в 1919—1921 гг.; сын лорда Ранкейлур капитан Артур Хоуп тоже является депутатом палаты общин и личным каз-

начеем его величества. Фирма «Кэммелл Лэрд» производит суда и двигатели и связана с фирмой «Виккерс» через совместно управляемые компании. Дивиденды этой фирмы, так же как и фирмы «Виккерс», за последние годы резко выросли:

1923—24 г.	дивиденды не выплачены
1935 г.	3½ проц.
1936 г.	5 »
1937 г.	8½ »

Мистер Эмери в прошлом занимал посты помощника военного министра, парламентского секретаря и помощника по делам финансов морского министра и пост морского министра.

В 1934 г. председатель компании «Кэммелл Лэрд» заявил от имени компании, «что они крайне благодарны адмиралтейству за судостроительную программу, которая спасла фирму от катастрофы».

Но это еще не все. Примерно, 23 депутата-консерватора имеют интересы в авиационной промышленности. Возьмем первый попавшийся пример — фирму «Элвис, лимитед», производящую авиамоторы и контролирующую другую фирму — «Элвис Страусслер, лимитед», которая производит «высокомеханизированные средства транспорта для военных и торговых нужд». Одним из директоров фирмы является национал-либеральный депутат палаты Эдгар Грэнвилль. Фирма «Петерс, лимитед», производящая заводские и морские нефтяные двигатели и т. п., владеет половиной капитала авиационной фирмы «Уэстлэнд Эркафт». Директором этой фирмы является депутат-консерватор Крэйвен Элис.

Финансовые вложения в промышленность вооружений не ограничиваются чисто военными концернами или даже самолетостроительной и машиностроительной промышленностью. Очень часто в вооружениях глубоко заинтересованы страховые общества, кредитные фирмы и инвестиционные тресты. Так, депутат-консерватор сэр Альфред Бэйт до октября 1938 г. был парламентским личным секретарем помощника военного министра по финансовым делам; сэр

Альфред Бэйт — богатый человек. Его отец сэр Отто Бэйт завещал ему 3 651 247 ф. ст. (в движимом имуществе). В 1938 г. сэр Альфред Бэйт состоял директором «Треста управления авиационными предприятиями», который контролирует «Трест финансирования авиационного производства». Вложениями последнего охвачены следующие фирмы:

«Англо-Иранская нефтяная Ко», «Остин Мотор Ко», «Бристоль Аэроплайн Ко», «Бритиш алюминий Ко», «Де Хевилэнд Эркафт», «Фэри Авиэйшен», «Имперский химический трест», «Хокер Сидделей Эркафт», «Международная Канадская компания никеля»¹, «Роллс-Ройс, лимитед», «Братья Шорт (Рочестер и Бедфорд)», «Юнайтед Стил Компаниз» и т. д.

Многие из этих фирм являются подрядчиками военного министерства, в частности авиационные фирмы и «Имперский химический трест», который производит взрывчатые вещества.

Приведенные в предыдущей главе данные о прибылях показывают, что на вооружениях наживается большинство машиностроительных фирм. Перевооружение вызвало временное оживление и огромное увеличение прибылей в ряде отраслей промышленности. Множество депутатов-консерваторов или членов их семей извлекло из этого личную прибыль. Невозможно только точно сказать, кто и сколько, потому что подробные данные об акционерах не публикуются. Одно несомненно, что поживились на этом деле все депутаты, являющиеся директорами или акционерами железодельной, сталелитейной и машиностроительной промышленности. Факт глубокой личной заинтересованности правительственных депутатов в производстве оружия неизбежно должен вызвать у избирателя подозрительное отношение к политике правительства. Недаром общественное мнение усиленно требовало сокращения и контроля над частными доходами от поставок оружия. Законно будет спросить, способна ли

политическая партия, насчитывающая среди своих парламентских депутатов столько фабрикантов оружия, решать эту проблему с тем беспристрастием, какого требуют народные интересы.

Правительство назначило шестерых дельцов «для рассмотрения запросов по поводу задержек и недостатков в поставках и производстве, связанных с программой перевооружения». Эти «присяжные заседатели» обязаны были заняться в первую очередь контролем над частной прибылью.

Оказалось, что эта шестерка в общей сложности занимает 26 директорских постов в разных фирмах. Все они входят в правления крупнейших акционерных компаний, которые наживают огромные прибыли благодаря почти монопольному своему положению. Кто же эти шестеро судей? Дж. С. Аддисон, главный управляющий «Курто, лимитед»; сэр Джордж Бихэррелл, председатель фирмы «Дэнлоп Роббер Ко, лимитед»; П. Ф. Б. Беннет, председатель фирмы «Джозеф Люкас, лимитед», заместитель президента федерации британской промышленности, директор «Имперского химического треста»; Дж. О. М. Кларк, председатель фирмы «Дж. и П. Коутс, лимитед»; сэр Джоффри Кларк, главный управляющий фирмы «Строительства и эксплуатации телеграфа», директор компании Тихоокеанского и Восточного пароходств, президент ассоциации торговых палат Великобритании; Ф. Дарси Купер, председатель фирмы «Братья Левер энд Юнилевер».

Мистер Невилль Чемберлен заявил, что эти люди выбраны в комиссию, «потому что они в общем не связаны с военными фирмами». В действительности же ряд концернов из числа тех, с которыми связаны эти члены парламентской комиссии, выполняет подряды или субподряды для военных министерств. Так, сэр Джордж Бихэррелл является председателем фирмы «Дэнлоп Роббер Ко», которая хотя формально и не считается военной фирмой, но производит не только резиновые части противогазов для гражданского населения и пожарные шланги, но также снабжает армию pokrышками для военного транспорта и

¹ Этой фирме принадлежат крупные никелевые разработки в Финляндии. — Прим. перев.

производит определенные части для военных самолетов; «Имперский химический трест» дает тяжелую химическую продукцию, в том числе взрывчатые вещества. Трудно понять, почему правительство поручило дело столь антидемократичной комиссии, состоящей из монополистов.

ПАРЛАМЕНТ И СЕМЕЙНЫЙ КОШЕЛЕК

В прошлом веке нанимателем обычно являлся хозяин небольшого семейного предприятия; в наши дни видный наниматель является директором громадного концерна. В иных случаях одна фирма целиком контролирует какую-нибудь отрасль английской промышленности. Так, «Имперский химический трест» фактически охватывает всю английскую тяжелую химическую промышленность. Другие фирмы зачастую контролируют почти всю данную отрасль промышленности во всей Британской империи; например, фирма «Братья Левер энд Юнилевер», можно сказать, охватывает всю имперскую мыловаренную и маргаринную промышленность. Напомним, что пока в какой-либо отрасли действует много фирм, до тех пор конкуренция между ними удерживает цены на приемлемом уровне. Когда же благодаря объединению этих фирм конкуренция ослабевает, — цены растут.

Общественный контроль над монополиями может быть осуществлен только через законодательные органы. Только парламент может вмешаться в управленческие коммерческие предприятия. Однако в этой области возможности парламента выступить на стороне потребителя целиком зависят от соотношения сил в парламенте между представителями фабрикантов и представителями потребителей. Крупные монополисты великолепно понимают, что законодательство могло бы ограничить их прибыли. С этой опасностью они борются путем соответствующего давления на парламент. Наиболее яркими примерами действия монополии в Англии могут служить коммунальные отрасли промышленности, где конкуренция иногда

ограничена каким-либо законом или постановлением.

Но и такой контроль очень часто не защищает потребителя от монопольных высоких цен. Пресловутый недостаток пассажирского автомобильного транспорта во многих районах Англии принято объяснять или оправдывать доводами о нерентабельности. Другими словами, эксплуатация транспорта в этих районах не дала бы такой высокой нормы прибыли, как в других. Ну, а удобства публики, конечно, отходят на последний план.

Пределы государственного вмешательства в конфликт между фабрикантом и потребителем при наличии консервативного правительства в значительной мере определяются интересами фабриканта.

Сама крупная промышленность тоже является крупным потребителем определенных товаров и услуг. Это усложняет картину и в большой мере определяет систему законодательства.

Если бы позволить железным дорогам действовать, как неограниченным монополиям, то они эксплуатировали бы не только индивидуального потребителя, но нанесли бы ущерб и тем крупным промышленным концернам, которые пересылают грузы по железной дороге. Железнодорожное законодательство было принято не столько в интересах пассажира, сколько в интересах большей части промышленности.

Таким образом некоторое ограничение монополии составляет часть консерваторской политики. Возникают эти ограничения по требованию крупной промышленности в процессе арбитража между нею и железными дорогами.

Наиболее существенному законодательному ограничению подвержены предприятия коммунального обслуживания. Наряду с железными дорогами жизненно важную роль для многих отраслей промышленности играют электрические, газовые и водопроводные предприятия; вот почему законодательство тоже ограничивает их политику цен. Не следует, однако, полагать, будто коммунальные отрасли промышленности испытывают при этом особый урон. Достаточно ска-

зять, например, что газовые и электрические компании все еще служат для акционеров более верным и прибыльным объектом капиталовложений, чем большинство других отраслей. Нечего и говорить, что тот богатый класс общества, к которому принадлежат депутаты-консерваторы, также контролирует автобусный транспорт, производство электричества и газа.

Много депутатов-консерваторов насчитывается среди директоров компаний электрического снабжения. Одной из виднейших фигур в этой отрасли промышленности является депутат-консерватор Дж. Бальфур.

Десятеро депутатов - консерваторов входят в директоры водопроводных и газовых компаний. Так, капитан Энгус Хамбро является директором одной из крупнейших в Англии газовых компаний — «Газовая корпорация Соединенного Королевства». Этот концерн контролирует 45 газовых компаний во всех районах страны.

Наиболее ярким примером монополии служит предприятия коммунального обслуживания; в то же время огромная часть современной обрабатывающей промышленности тоже монополизирована. Производство мыла и маргарина почти целиком сосредоточено в руках одной фирмы — «Братья Левер энд Юнилевер». Она выпускает почти все известные английские марки мыла, многие наиболее распространенные косметические товары, свечи, детскую пищу, маргарин и прочие предметы массового потребления. Кроме того, она контролирует крупную фирму рыбных продуктов с капиталом в 2,5 млн. ф. ст., которая, в свою очередь, контролирует 31 дочернюю компанию. В целом финансовые интересы фирмы «Братья Левер энд Юнилевер» охватывают 300 фирм, и контроль ее распространяется во все углы Британской империи. Директором этого концерна, имеющего капитал в 67 млн. ф. ст., является национал-либеральный депутат парламента Клемент Дэйвис.

Монополии настолько крепко держат в кулаке источники сырья и рынки, что могут почти беспрепятственно диктовать

цены. Можно не сомневаться, что малейшая попытка установить контроль над этими монополиями была бы встречена ревом возмущения на скамьях консерваторов в палате общин.

Но пока еще не вся промышленность охвачена монополиями: до недавнего времени один фактор сдерживал этот процесс. Крупный промышленный концерн в Англии не может поднять цены, пока не ограничена иностранная конкуренция. Вот почему промышленность требует введения высоких тарифов на иностранные товары.

Процесс образования монополий ускорился со времени отказа от принципа фритредерства в 1931 г. Впервые за столетие Англия отказалась от своей традиционной политики свободной торговли. Этот шаг был предпринят правительством консерваторов под диктовку крупной промышленности.

Тарифы, кроме того, обуславливают перенесение налогового бремени с плеч богачей на плечи бедняков. Для консерваторов это служит еще одним доводом в пользу отказа от фритредерства. В период с 1931 по 1936 г. ввоз в Англию сократился на 12 млн. ф. ст., а таможенные доходы за тот же период увеличились на 75 млн. ф. ст., т.е. на 55 проц. Значит, в этот период большие налоги были начислены на меньшее количество товаров, а потребитель стал платить больше только для того, чтобы удовлетворить интересы британских промышленных монополий. Налогообложение из средства ограничения монополий стало средством их усиления — за счет народа.

Наглядным примером этого явления может служить пивоваренная промышленность. Трое из одиннадцати депутатов-консерваторов, имеющих наибольшие капиталовложения в пивоваренном деле, являются директорами крупных фирм, которые контролируют несколько тысяч пивных заведений и производят наиболее популярные сорта пива.

Депутат-консерватор сэр Джордж Кортхоуп состоит председателем правления наиболее известной пивоваренной фирмы «Инд Куп энд Олсопп». Фирма имеет капитал в 3 634 663 ф. ст.

и контролирует 13 субсидиарных и 6 субсубсидиарных компаний.

Депутат-консерватор Джон Греттон возглавляет правление пивоваренной компании «Басс, Ратклифф энд Греттон», которая контролирует знаменитые пивоваренные заводы «Уортингтон» и др. Основной капитал компании — 3 595 640 ф. ст., в 1936—37 г. она выплатила по простым акциям 20 проц. дивиденда и 5 проц. премии.

Не менее широко заинтересован массовый потребитель в такой отрасли промышленности, как медицинские патентованные препараты, продукты которой употребляются решительно в каждой семье. В июле 1938 г. лорд Хордер, выступая в палате лордов, заявил, что в Англии публика ежегодно тратит на медицинские патентованные препараты от 25 до 30 млн. ф. ст., т.-е. «почти столько же, сколько расходуется на содержание всей английской больничной сети».

Одной из крупнейших фирм патентованных медицинских препаратов является «Бичэм Пиллз, лимитед»; национал-либеральный депутат Стэнли Хоумз является главным управляющим этой фирмы; другой национал-либеральный депутат Грэнвиль является директором ведущего субсидиарного предприятия фирмы, а депутат-консерватор Эмери был председателем другой фирмы, «Мэклин, лимитед», которая в 1938 г. была куплена фирмой «Бичэм» и ныне называется «Бичэм-Мэклин, лимитед». Масштабы этих фирм поразят некоторых потребителей их продукции: капитал «Бичэм» составляет более 2 250 тыс. ф. ст., «Мэклин» — около 1,5 млн. ф. ст. и т. д. Прибыли этих фирм, пожалуй, являются рекордными для всей промышленности. Фирма «Бичэм» платила по простым акциям такие дивиденды:

1931	15	проц.		
1932	17,5	»		
1933	20	»	плюс 2,5 проц.	премии
1934	25	»	» 2,5	»
1935	50	»	» 5	» бонуса
1936	60	»	» 12,5	» бонуса на капитал
1937	85	»		» на капитал

Но фирма «Вено Дрог Ко» побивает даже этот рекорд; она платила дивиденды в следующей прогрессии:

1931	40	проц.
1932	60	»
1933	73	»
1934	74	»
1935	196	»
1936—37	300	процентов!

Полный список тех концернов, в директораты которых входят депутаты-консерваторы и которые производят товары широкого потребления, занял бы много и много листов. Здесь мы ограничимся еще несколькими примерами предприятий массовой продукции, встречающейся в любом доме.

Депутат-консерватор Роберт Бэрд наследовал от своего отца пост председателя фирмы соусов и парламентский мандат. Другая широко известная фирма соусов «Соус, лимитед» выплатила в 1936 г. 30 проц. дивиденда по простым акциям. В правление этой фирмы входит сэр Патрик Хэннон, с которым мы уже знакомы, как с видным представителем военной промышленности.

В области молочных продуктов и детского продовольствия особенно знаменита фирма «Кау энд Гэйт, лимитед». Эта компания имеет основной капитал в 1 млн. ф. ст. и в 1936—1937 г. выплатила 18-процентный дивиденд; в правление фирмы входит депутат-консерватор Ч. Тэйлор. Фирма «Мортон Сандор, лимитед» насчитывает среди своих директоров национал-лейбористского депутата Денмэна. Не менее популярна фирма «Трикотажных фабрик Баллито», которая производит широко рекламируемые шелковые чулки «Баллито». Председателем этой компании является депутат-консерватор майор сэр Сайрил Энтуистл. Депутат-консерватор Аллан Чорлтон является председателем фирмы «Мандльберг и Ко, лимитед», которая производит макинтоши и непромокаемые пальто.

Даже наша так называемая промышленность развлечений во многих случаях управляется правительственными депутатами. Так, депутат-консерватор лейтенант-полковник Мур-Брабазон состоит директором «Ассоциации собачьих го-

нок, лимитед», которой принадлежат 3 собачьих ипподрома в Лондоне, 1 — в Бирмингеме и 1 — в Эдинбурге. Капитал «Ассоциации собачьих гонок» составляет 1 266 666 ф. ст.; в 1936 г. компания выплатила по простым акциям 30 проц. дивиденда, а в 1937 г. 40 проц. Сэр Сайрил Энтуистл является председателем известной компании граммофонных пластинок «Декка». Во главе всемирно-знаменитого туристского агентства «Томас Кук и сын, лимитед» в качестве одного из директоров состоит консервативный депутат сэр Эдуард Григг.

Торговый дом «Лайонз и Ко» знаменит своими чайными, разбросанными по всем городам Англии; председателем правления этой компании является депутат-консерватор сэр Айсидор Сэмон. Депутат-консерватор Брэйсуэл Смит связан с наиболее фешенебельной отраслью этого дела — в качестве председателя правления компании владельцев стелей «Ритц» и «Карлтон» в Лондоне, директора «Кафе Ройяль» и отеля «Ритц» в Париже, председателя и главного управляющего фирмы «Парк-Лэйн Отель, лимитед» и т. д., и т. п.

Среди директоров прачечных фирм мы насчитываем депутата-консерватора Холл-Кэйна, директора фирмы прачечных заведений «Санлайт лондриз, лимитед». Холл-Кэйн также является председателем фирмы «Сайро Пэрлз, лимитед (земельные участки)».

Фотокамеры «Кодак» производятся фирмой, директором которой является все тот же депутат-консерватор лейтенант-полковник Мур-Брабазон.

В резиновой промышленности тоже подвизаются депутаты-консерваторы. Уже многократно названный в книге достопочтенный депутат-консерватор Л. Эмери является директором знаменитой фирмы «Гудьер», а депутат-консерватор лорд Бэргли — директором другой знаменитой фирмы «Файрстон».

Этот список мы могли бы продолжить до бесконечности, но даже приведенных нескольких примеров достаточно, чтобы дать общее представление о том, в каких масштабах поставляет консервативных политиков тот класс

общества, который контролирует производство товаров широкого потребления и коммунальных услуг, составляющих основу материальной жизни народа.

В том конфликте, который неизбежно существует между капиталистом и потребителем, правительство обладает решающей силой как для отрицательного, так и для положительного решения проблемы. Однако политическая партия, возглавляемая капиталистами, естественно, исходит из их интересов.

Следовательно, интересы потребителя не принимаются во внимание. Парламент обладает очень широкими законодательными возможностями для ограничения неправомерного использования общественного кошелька. Но нынешнее правительство показало и тем, что оно делало, и тем, чего оно еще не сделало, что оно не желает жертвовать интересами капиталистов ради блага народа.

ИМПЕРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТОРИ

Британский парламент является также парламентом Британской империи. Он служит верховным органом власти не только для Великобритании, но и по отношению к большей части Британской империи с населением в 500 млн. чел. и площадью в 12 млн. квадратных миль¹, охватывающей четверть поверхности земного шара.

Английская палата общин выбирается только англичанами, и поэтому многим кажется, будто власть и деятельность палаты ограничены пределами Англии.

На самом деле население Англии составляет лишь незначительную часть той массы людей, которой управляет британский, или, вернее, имперский парламент. Но поскольку только население Великобритании непосредственно представлено в британском парламенте, постольку он является «демократическим» органом лишь для малой части той массы, которой он правит. Белое меньшинство населения империи насчитывает 70 миллионов человек, из которых около 10 миллионов имеют собственные парла-

¹ 1 кв. миля = 2,6 кв. км.

менты в доминионах. Более чем 430 миллионов управляются британским, или имперским парламентом, не имея в нем своих представителей, не играя никакой роли в определении состава того органа, который решает их судьбы, и лишены всякой законной или конституционной возможности влиять на его политику.

Но если английский рабочий класс иногда еще может через отдельных членов палаты заявить о своих нуждах и требованиях, то эксплуататору труда колониальных рабочих никогда не придется опасаться того, чтобы представитель эксплуатируемых им масс смог высказать свой голос со скамей палаты. С другой стороны, жизнь колониальных народов настолько мало известна народу метрополии, что даже самые жестокие методы управления колониальными народами не могли пока скомпрометировать перед английскими избирателями политическую партию эксплуататоров.

Вот почему для понимания судеб огромной части мира, образующей Британскую империю, необходимо выяснить основы политики наших правителей по отношению к народам, населяющим империю.

При этом существует известное различие между доминионами, с одной стороны, и колониальными владениями и Индией — с другой. Значительную часть населения доминионов составляют потомки английских колонистов, которые насадили там английские учреждения. За исключением доминиона Ньюфаундленда, конституция которого была аннулирована нынешним правительством, и который фактически превратился в бесправную колонию, целиком зависящую от воли британских кредиторов, остальные доминионы имеют собственные парламенты. Белое население доминионов в целом формально обладает такими же политическими правами, как население Англии, а, например, в Австралии даже несколько большими правами. Заметим, однако, что права туземного населения доминионов исключительно ограничены. В Южноафриканском союзе туземцы составляют большинство населения, но они совершенно лишены каких-либо политических прав.

Хотя конституционные связи доминионов с метрополией весьма слабо очерчены, но экономические связи остаются в полной силе. Взаимоотношения между правящими классами Англии и доминионов определяются, как отношения «кредитора и должника».

Непосредственные финансовые интересы депутатов-консерваторов английского парламента в экономике доминионов исключительно многообразны. Приведем данные о количестве депутатов-консерваторов английской палаты общин, которые занимают посты директоров акционерных компаний в доминионах.

Название доминиона	Число заинтересованных депутатов-консерваторов	Число занятых ими директорских постов
Канада	9	12
Австралия	11	13
Южная Африка	12	15
Новая Зеландия	3	3

Эти прямые организационные связи и финансовые интересы депутатов-консерваторов нашего парламента с коммерческими предприятиями доминионов далеко не исчерпывают всего многообразия таких связей. Огромные банковские, страховые и кредитные группы, представленные в палате общин, связаны с доминионами не только, как акционеры, но и прямым участием в эксплуатации железнодорожных и промышленных предприятий в доминионах.

Мы можем сказать, что политическая партия, которая олицетворяет богатства Англии, автоматически представляет и те богатства, которые Англия вложила в предприятия доминионов и других стран. Общая сумма британских капиталовложений в Канаде и Ньюфаундленде составляет 443 млн. ф. ст., а в Австралии и в Новой Зеландии — 651 млн. ф. ст. (дек. 1937 г.).

Влияние английского правительства на правительства доминионов обусловлено некоторыми формальными ограничениями. Например, английским консерваторам не удалось предотвратить образование лейбористского большинства в нижней палате ново-зеландского парламента. Но стоило правительству Но-

вой Зеландии попытаться на первых порах провести кое-какие реформы, как правящие круги Великобритании пустили в ход все средства давления.

Газета «Нюз Кроникл» в конце 1938 г. писала по этому поводу:

«Просто чудовищно, что только потому, что в Новой Зеландии оказалось лейбористское министерство, которое предприняло кое-какие эксперименты, — английский крупный капитал стал толкать наше правительство на репрессивные меры в отношении Новой Зеландии. Подобные явления создают угрозу нашему конституционному правлению и независимости доминионов, гарантированной вестминстерским статутом».

Правящие круги Англии могут оказывать воздействие на парламенты доминионов только косвенными путями; но в Индии и в прочих колониальных владениях они правят без посредников, ибо по отношению к этим странам имперский парламент обладает неограниченной верховной властью. Еще более нетерпимым становится положение оттого, что в английском парламенте, где народы Индии и других колониальных владений не представлены, заседают директора индийских и прочих колониальных капиталистических компаний. Эти господа могут участвовать в дебатах по законопроектам, непосредственно определяющим жизнь Индии и других колоний. Им позволено говорить и го-

лосовать по вопросам о законах, отменяющих конституции тех колоний, в экономике которых они лично заинтересованы. Они могут даровать новую конституцию, оговаривая при этом сохранение неограниченной власти в важнейших областях жизни колоний за лондонскими чиновниками, которые в конце-концов ответственны только перед этими капиталистами на скамьях депутатов. Они составляют часть того органа, перед которым кабинет министров отвечает за назначения и перемещения колониальных губернаторов и чиновников и за состав органов, управляющих из Лондона Индией и другими колониями.

Приведем данные о колониальных финансовых интересах, представленных в английской палате общин; они символизируют колониальные интересы английского правящего класса.

12 депутатов палаты общин занимают 13 директорских постов в промышленных и финансовых компаниях, хозяйничающих в банковском и страховом деле, в резиновой, золотодобывающей, чайной, железнодорожной, торговой, марганцевой, цементной и прочих отраслях промышленности в Индии.

В отношении остальных британских колоний картина рисуется следующим образом:

Название колонии	Название отрасли	Число депутатов-консерваторов	Число занимаемых ими директорских постов
Малайя	Электричество, каучук, олово, земля	5	10
Золотой Берег	Золото, пальмовое масло, олово, вольфрам, марганец, земля, лес и др.	6	8
Нигерия		3	3
Тринидад	Нефть, земля	3	4
Родезия	Железные дороги, торговля, земля, золото и др.		
Кения	Кофе	}	}
Танганайка	Алоэ		
Бечуаналэнд	Торговля, скотоводство		
Ю.-В. Африка	Горное дело		
Бермудские о-ва	Транспорт		
Брит. Гвиана	Золото		
Фальклендские о-ва	Китобойный промысел		
Бирма	Каучук		
Цейлон	Чай, каучук		
Борнео	Нефть		
Палестина	Страховое дело		

В каждой из этих колоний существует не менее, чем по одной компании, в правление которой входит депутат английского парламента; в некоторых случаях эти компании главенствуют в экономике колоний

Эти прямые связи наших депутатов-консерваторов с экономикой Индии и остальной колониальной империи определяют лишь долю всех колониальных финансовых интересов консервативной партии. Здесь не учтено еще гораздо большее число депутатов-консерваторов, являющихся акционерами колониальных концернов; также не входят сюда банки, страховые общества и инвестиционные тресты, имеющие огромные капиталовложения в промышленности Индии и других британских колоний и тоже насчитывающие среди своих директоров депутатов-консерваторов палаты общин. Источники сырья, поименованные в таблице, служат лишь примерами имперских ресурсов, эксплуатируемых британским капиталом; в ряде случаев — это главный продукт экономики той или иной колонии. Общая сумма британских капиталовложений в Индии и на Цейлоне составляла 438 млн. ф. ст. на декабрь 1937 г.

Надо еще раз в полной мере уяснить себе, что каждая такая связь с колониальной империей основана в первую очередь на получении прибыли для директоров и акционеров из метрополии.

Единственной формой прямого представительства нашей колониальной империи в палате общин является представительство от правлений колониальных акционерных обществ, которые знают одну цель — частную наживу.

Отсутствие демократии в Индии и почти во всей колониальной империи может быть оценено только, как прямой результат огромной власти, сосредоточенной в руках колониальных финансовых магнатов.

Индийский народ добился некоторых политических прав. В настоящее время в Британской Индии около 15 проц. населения обладают правом голоса, но избирать они могут только в провинциальные законодательные органы с весьма ограниченными правами (даже в сравнении с муниципальными органами у нас, в метрополии). Этим прав индусы добились многолетней борьбой, но вырванные ими уступки имеют

очень мало общего с подлинной демократией. Принятию закона об управлении Индией очень активно сопротивлялась группа твердолобых депутатов-консерваторов, а между тем этот закон вовсе не предполагает дарование Индии демократических форм управления. Желая умиротворить недовольных тори, министр Хор следующим образом определил новую индийскую «конституцию»:

«Генерал-губернатор, губернаторы провинций и прочие высокопоставленные чиновники в Индии попрежнему будут назначаться Коронной (т.-е. Лондоном). Органы охраны государственной власти, а также исполнительные посты в федеральном и провинциальных правительствах попрежнему будут комплектоваться и защищаться нашим парламентом. Армия—эта конечная сила в Индии—остается под нераздельным контролем нашего парламента. И все это — не бумажные гарантии. Речь идет о руководителях аппарата управления, которые наделены огромной властью и средствами для осуществления этой власти на практике».

В нынешнем составе английского парламента все еще имеется консервативное большинство, чье непримиримое и недоброжелательное отношение к чаяниям индийского народа, особенно в вопросе об индийской федеральной конституции, компрометирует Англию. Недаром видный консерватор генерал-майор сэр Альфред Нокс заявляет:

«Индия не подготовлена для демократии; рядовой индийский избиратель столько же обладает гражданским самосознанием, сколько шестилетний ребенок».

Отношение английского правительства к требованиям индийского общественного мнения определяется тем давлением, которое консерваторы оказывают на правительство. В этом смысле даже те 10 депутатов-консерваторов, которые занимают посты директоров коммерческих компаний в Индии, играют незначительную роль в сравнении с обширными финансовыми интересами, персонально представленными как внутри парламента, так и вне его и воздействующими на всю политику консервативной партии. Английские финансовые группы, особо заинтересованные в сохранении английского господства над Индией, пользуются поддержкой многих других

финансовых групп, тоже хорошо представленных в парламенте. Одна такая группа, безусловно и глубоко заинтересованная в индийских делах, — это армия. Предоставим слово Гобсону, автору книги «Империализм». Вот что он писал еще в 1902 г.:

«Колониальная служба по существу своему империалистична, и потому всякое увеличение армии, флота и военно-воздушных сил, усиливает олицетворяемую ими политическую власть... Это и было наиболее благодатным стимулом для британской экспансии в Индии. Колониальная служба является поприщем для карьеры младших отпрысков английской аристократии и богачей».

Согласно закону, «отставные колониальные чиновники не имеют права принимать посты директоров компаний, функционирующих в тех колониях, где данные лица прежде служили, без специального на то письменного разрешения от губернатора соответственной колонии. В течение первых трех лет от-

ставки данного лица такое разрешение, как правило, выдаваться не будет». Это правило было введено в 1913 г. Но по прошествии трех лет после отставки колониального чиновника мы сплошь и рядом увидим его на посту директора колониального предприятия, равно как и на депутатских скамьях в палате общин. Очень многие люди, занимавшие в свое время высшие посты на индийской гражданской службе и в самом правительстве Индии, ныне являются депутатами парламента от английских избирательных округов. Так, депутат-консерватор сэр Джон Уордло-Милн ныне состоит директором индийских железнодорожных, финансовых и промышленных компаний, в том числе железной дороги «Бомбей — Барода — Центральная Индия» и Бомбейского банка. В качестве чиновника колониальной службы в Индии он занимал следующие правительственные посты:

Бомбейская муниципальная корпорация	— член корпорации
Бомбейский «Трест усовершенствований»	— делегат правительства
Бомбейский порт	— член попечительного совета
Бомбейская торговая палата	— председатель
Законодательный совет при бомбейском губернаторе	— кооптированный член совета
Совет при генерал-губернаторе Индии	— кооптированный член совета
Совещательный комитет по военно-морским перевозкам при правительстве Индии	— президент комитета
Индийская армия	— лейтенант-полковник.

Над прочей колониальной империей площадью в 2 миллиона квадратных миль и с населением в 60 миллионов жителей британский парламент осуществляет еще более неограниченный контроль, чем над Британской Индией. Поклонники нашей имперской политики любят говорить, что мы постепенно несем этим 60 миллионам людей наши идеалы демократии, свободы и самоуправления. На самом же деле ни одной из наших колоний не дано было возможности за последние годы действительно двигаться в сторону самоуправления.

Нынешний британский кабинет отнял конституции у Мальты и Кипра. Нынешний кабинет повел наступление на конституцию Цейлона, которая в некоторых отношениях была чуть более де-

мократичной, чем конституции прочих колоний. По отношению к 45 колониям из общего числа 50 даже на бумаге не предусмотрены какие-либо политические права для основной массы населения этих подвластных стран. То обвинение, которое еще в 1902 г. сформулировал Гобсон, остается в силе и в наши дни:

«Современная форма управления, под эгидой которого живет огромное большинство наших соотечественников в наших имперских владениях, ничего общего с английской формой правления не имеет, поскольку это правление базируется не на добровольном согласии управляемых, а на воле имперских чиновников. Хотя это управление проявляется в большом разнообразии форм, но всех их объединяет то, что они отрицают всякую свободу».

Финансовые и организационные позиции целого ряда правительственных

ОСНОВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДЕПУТАТОВ-КОНСЕРВАТОРОВ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

КАНАДА

Сэр У. Александер
Л. Эмери
Кап. Казалет
Ч. Дэйвис
Дж. Хоумз
Сэр Хэрд
Г. Митчелл
Э. Рэдфорд
Ген. Спирз
Майор Хиллз

БЕРМУДСКИЕ О-ва
Сэр Дж. Ноля

БРИТ. ГВИАНА
Дж. Робинсон

ТРИНИДАД

Сэр У. Александер
А. Чорлтон
Сэр Гридли

МЕКСИКА

Сэр У. Александер
Э. Рэдфорд
Ген. Спирз

ВЕНЕЦУЭЛА

А. Чорлтон
Сэр А. Гридли

ПАНАМА

Т. Гиннес

КОЛУМБИЯ

Сэр Х. О'Нил

ПЕРУ

Сэр Ч. Барри

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Г. Митчелл
Полк. Понсонби
Ч. Дэйвис
Майор Хиллз

ЧИЛИ

Сэр Ч. Барри

ФАЛЬКЛЕНДСКИЕ О-ва
Сэр Н. Сэндемэн

АРГЕНТИНА

Сэр Ч. Барри

БРАЗИЛИЯ

Сэр Х. О'Нил
Полк. Понсонби
Майор Хиллз

УРУГВАЙ
Дж. Бальфур

На карте-схеме перечислены депутаты-консерваторы, являющиеся директорами акционерных предприятий в странах, помеченных на карте. Здесь не указаны связи с экономикой Соед. Штатов.

ЗАП. АФРИКА

Кап. Бриско
Ч. Дэйвис
Л. Эмери
Сэр Миллс
Дж. Ремер
Ген. Спирз

ЮГО-СЛАВИЯ

А. Моринг

НОРВЕГИЯ

Т. Гиннесс
Сэр Сандемэн

ИСПАНИЯ
Полк. Гест
Айвор Гест

ЭСТОНИЯ

Е. Штраусс

ПАЛЕСТИНА

Майор Брэйтуэйт

ЕГИПЕТ

Сэр Эндерсон
Майор Брэйтуэйт

ИРАК

Майор Брэйтуэйт

ИНДИЯ

Локкер-Лэмсон
Мэйсон
Рэдфорд
Сэр Смайлз
Ген. Спирз
Сэр Ч. Барри
Майор Брэйтуэйт
Ч. Дэйвис
Сэр Джарвис
Сэр А. Нокс
Сэр Уордло-Милл

ГОНКОНГ

Сэр Ч. Барри

БИРМА

Делабер

МАЛАЙЯ

Дж. Бальфур
Делабер
Денмэн
Сэр Гридли
Капитан Шоу

БОРНЕО

Сэр Гридлер

ЯВА

Делабер
Денмэн

АВСТРАЛИЯ

Сэр Дэйвисон
Л. Эмери
Р. Бутби
Ч. Дэйвис
Майор Хилдэ
Дж. Хоумэ
Кап. Эванс
Г. Митчелл
Сэр Рэгглз-Брайс

Ю.-З. АФРИКА

Л. Эмери

БЕЧУАНАЛЕНД

Полк. Понсонби

Ю. АФРИКА

Делабер
Ч. Дэйвис
Сэр Ф. Миллс
А. Моринг
Э. Рэдфорд
Кап. Эванс
Сэр Рэгглз-Брайс
Ген. Спирз
Майор Хиллз

ЦЕЙЛОН

Делабер

МОЗАМБИК

Сэр А. Бэйт
Кап. Бриско

СЕВ. и ЮЖН.

РОДЕЗИЯ

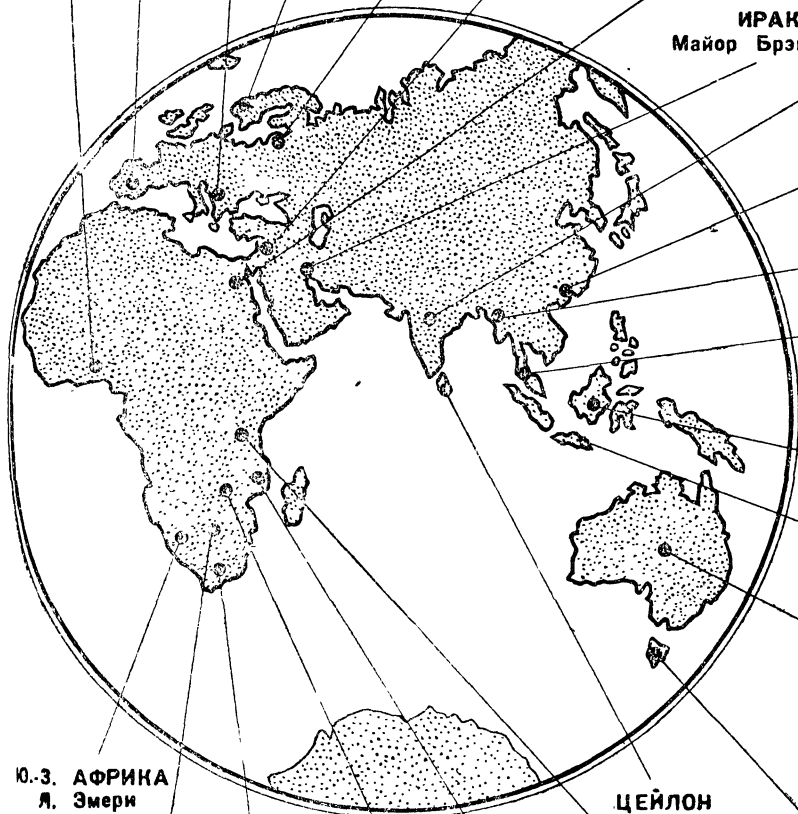
Сэр А. Бэйт
Кап. Бриско
Ф. Макуистен

ТАНГАНЬИКА

Полк. Понсонби

ТАСМАНИЯ

Ф. Макуистен

депутатов в колониальных владениях можно рассматривать, как отображение генеральных финансовых интересов правящего класса. Чтобы не нагромождать примеров, приведем лишь несколько, но поподробнее. Они рисуют консерваторов, как правителей империи. Остановимся на трех колониях, о которых не так давно много писалось в газетах.

В июне 1937 г. на Тринидаде разразилось широкое стачечное движение, явившееся результатом вздорожания жизни и отказа ряда промышленных компаний удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы. В последовавших волнениях было убито много туземцев и несколько полицейских.

Население Тринидада, насчитывающее 450 тысяч человек, состоит преимущественно из негров и индейцев. Тринидад поставляет 62,8 проц. всей нефтедобычи Британской империи (данные 1936 г.); другой важнейшей отраслью экономики Тринидада является производство сахара. Трое депутатов-консерваторов состоят директорами крупнейших тринидадских нефтяных фирм. Депутат-консерватор Аллан Чорлтон является директором одной из крупнейших нефтяных компаний — «Тринидад Лизхольдз, лимитед», которая владеет 85 912 акрами нефтеносных земель. Цены на нефтепродукты сейчас сильно возросли, и компания, начиная с 1924 г., платит дивиденд не ниже 12 проц. (исключение составили только 1929—1931 гг.); в 1935—1936 г. было выплачено 25 проц. дивиденда, а в 1936—1937 г.—30 процентов. В том же году 1-фунтовые акции компании котировались по цене 88 шиллингов (т.-е. в четыре с половиной раза выше номинальной стоимости. — *Ред.*).

Другой депутат-консерватор бригадный генерал сэр Уильям Александер является заместителем председателя «Нефтяной компании Керн», которая имеет на Тринидаде 4 тысячи акров нефтеносных земель и капитал в 725 тысяч ф. ст.

Депутат-консерватор сэр Арнольд Гридди состоит директором «Нефтяного синдиката Британского Борнео», ко-

торый имеет крупные вложения в одной из ведущих нефтяных компаний на Тринидаде — «Тринидадские нефтяные поля». Эта фирма принадлежит к числу наиболее процветающих; вот в каком порядке возрастал дивиденд по ее акциям:

1930—31	20 проц.
1931—32	25 »
1932—34	35 »
1934—35	27,5 »
1935—36	35 »
1936—37	45 »

Благодаря вспышке забастовочного движения на Тринидаде сведения о положении местного пролетариата проникли в английскую прессу и в парламент.

В отчете парламентской комиссии о положении в этой колонии говорится:

«Вкратце можно сказать, что на здоровье населения колонии влияет целый ряд обстоятельств: эпидемии, недоедание, теснота и скверное состояние жилищ,—а не какой-нибудь один фактор».

Как мы уже знаем, предприниматели извлекают огромные прибыли из естественных богатств острова Тринидада и из труда несчастных рабочих, которые живут в описанных выше условиях. И такая норма прибыли, и такие условия труда и жизни существуют уже много лет, но тем не менее мы ни разу ничего не читали об этом в английской прессе и ни разу ничего не слышали с правительственных скамей, пока не разразились волнения в колонии.

Фирма «Тэйт энд Лайл», — пожалуй, самая знаменитая в мире фирма сахарозаводчиков, — имеет плантации и торговые предприятия на Тринидаде, Ямайке и других вест-индских островах. Это один из величайших концернов, эксплуатирующих естественные богатства британских колониальных владений; нечего и говорить, что директора этого концерна принадлежат к тому же избранному классу общества, что и директора других крупнейших колониальных предприятий, и из среды которого выходит большинство депутатов-консерваторов. Нынешний глава фирмы является зятем депутата-консерватора сэра Джона Джарвиса. В мае 1938 г. на

страницах «Таймс» произошел заслуживающий внимания обмен мнениями между сэром Леонардом Лайлом и знатоком вест-индских островов лордом Оливьером. За недостатком места мы не можем привести пространное высказывание обоих джентльменов, но зато приведем цитату из письма одного постоянного жителя Ямайки, который комментирует выступления вышеназванных лордов:

«Сэр Леонард Лайл усиленно подчеркивает, что его фирма не намерена платить вест-индским рабочим более высокую заработную плату, потому что, как заявляет он, умственный уровень негритянского рабочего ниже уровня английского рабочего. Это заявление еще больше усилило враждебные отношения между конторой предприятия сэра Леонарда Лайла и рабочими здесь на месте, и если сэр Леонард Лайл останется на своих позициях, то можно не сомневаться, что здесь снова возникнут волнения... Сэр Леонард Лайл также заявляет, что все эти волнения и бунты вызваны коммунистической агитацией... Сэру Леонарду Лайлу непременно следовало бы понять, что протест против голодной заработной платы еще не обязательно означает большевизм».

Остановимся еще на одном доводе, выдвигаемом предпринимателями в пользу сохранения скверных условий труда и жизни для вест-индских рабочих. Предприниматели утверждают, что извлекаемая ими прибыль недостаточна для приличной оплаты труда рабочего. На этот довод отвечает другой тринидадский резидент-европеец в письме, опубликованном в газете «Манчестер Гардиан».

«Если бы низкие цены на ископаемые продукты, — пишет этот корреспондент, — были коренной причиной нищеты тринидадских рабочих, то можно было бы ожидать, что в других районах, где ископаемые продукты дают высокую прибыль, рабочие находились бы в исключительно благоприятных условиях. О лживости этого довода свидетельствует положение рабочих на Тринидаде, где нефтяные компании выплачивают своим счастливым акционерам прямо сказочные дивиденды... Истинная правда заключается в следующем: при условии монопольного владения нефтеносными землями в данном районе уровень жизни обездоленных опускается до пределов физического существования, независимо от прибыльности того производства, в котором они участвуют».

В Африке расположены крупнейшие и богатейшие колониальные владения Ве-

ликобритании. Многие из них возникли в результате перехода земельной собственности из рук привилегированных компаний в ведение правительственной администрации. Эти частные компании действовали с помощью английских вооруженных сил, добывая для себя огромные владения. Некоторые из этих компаний с первых же дней колонизации Африки поддерживали теснейшую связь с английским парламентом и с парламентом Южной Африки и набирали своих директоров из высших кругов английской аристократии, в том числе бывших министров и представителей финансового мира. В свою очередь люди, нажившие богатства на службе в этих компаниях и ставшие их директорами, вошли в состав этой верхушки богачей и получили депутатские мандаты в английской палате общин или в парламенте Южноафриканского союза.

Величайшими двумя такими привилегированными компаниями были: «Де Берс», огромный концерн алмазных россыпей в Южной Африке, и «Британская Южноафриканская компания в Родезии». Компания «Де Берс» («Де Берс консолидэйтед майнз») была основана тремя самыми знаменитыми, как их называли, «рэндлордами»¹ — Сесилем Родсом, Барни Барнато и Альфредом Бэйтом.

В настоящее время капитал компании «Де Берс» составляет более 4,5 млн. ф. ст., в 1923 г. она выплатила по простым акциям 20 проц. дивиденда, в 1929 г. — 60 проц. дивиденда, затем с 1929 по 1936 г. дивиденды не выплачивались, но уже к 1937 г. снова было выплачено 30 проц. дивиденда.

Мы не станем подробно описывать здесь карьеру Сесила Родса, которая в общем довольно известна, но проследим судьбу потомков двух других его партнеров. Барни Барнато, который тоже восседал на депутатских скамьях в парламенте Южной Африки, передал свое

¹ Рэнд — название территории, где расположены богатейшие алмазные и золотые россыпи в Ю. Африке. Слово «рэндлорд» возникло по аналогии со словом «лендлорд», обозначающим земельных магнатов в Англии. — Прим. перев.

дело в наследство трем племянникам — семье Джоэл. Общая сумма капиталов тех компаний, в которых заинтересована семья Джоэл, составляет теперь более 43 млн. ф. ст.

Альфред Бэйт, который завещал своим наследникам около 10 млн. ф. ст., умер неженатым, и его дело наследовал брат Отто Бэйт, участник фирмы лондонских биржевых маклеров, которая работала на Альфреда Бэйта в начальный период его спекулятивных предприятий. Отто Бэйт был впоследствии возведен в звание баронета. Он умер в 1930 г. и оставил по завещанию 3 651 257 ф. ст. Его сын сэр Альфред Бэйт является депутатом-консерватором и связан со второй по значению южноафриканской компанией — «Британская Южноафриканская компания».

Нынешним председателем концерна «Де Берс» является сэр Эрнест Оппенгеймер; сестра его жены замужем за капитаном Гарольдом Бальфуrom, депутатом-консерватором. Оппейнгеймер занимает директорские посты в 36 компаниях, действующих в области добычи алмазов, золота, меди и в области земельной спекуляции. Кроме того, он является председателем «Алмазной корпорации», директором «Британской Южноафриканской компании» и депутатом от Кимберлея в парламенте Южноафриканского союза.

Обратимся далее ко второму крупнейшему предприятию этой группы финансистов, к «Британской Южноафриканской компании». Родс и его коллеги Барнато и Бэйт впоследствии взялись за разработку золотых россыпей на севере. На сей раз для помощи в их спекуляциях они применили соответствующее воздействие уже на британский парламент. Хитроумными способами они добились специальной королевской хартии, предоставлявшей им широчайшую власть. Одна книга, излагающая историю этих финансистов, гласит по этому поводу:

«Чек на 10 млн. ф. ст., внесенный Родсом в фонд пропаганды ирландского гомруля, обеспечил ему доброжелательное отношение ирландской Национальной партии и ее руководителя Парнеля, причем консервативное правительство того времени нисколько не усомнилось в имперском патриотизме Родса. При обсужде-

нии этого вопроса в английском парламенте запрещено было вносить какие-либо запросы и открывать прения... В конце парламентской сессии 1889 г. «Британской Южноафриканской компании» была дарована королевская хартия на право эксплуатации громадной территории Родезии».

Южная Родезия была официально аннексирована, как колония Британской империи, 31 марта 1924 г., и компания передала правительственным органам управление Северной Родезией.

За уступку территории компания получила в 1923 г. от правительства наличными 3 751 тыс. ф. ст. При этом она сохранила за собою исключительное право на разработку минеральных богатств и преимущественное право на эксплуатацию железных дорог. Она получает половину всей выручки от продажи земельных участков в Северо-Западной Родезии на срок до 1964 г. Теперь ей принадлежит около 3,5 млн. акров земли в Бечуаналэнде и в Родезии. Ей принадлежат 2 708 миль железнодорожных путей и Земельный банк Родезии. Депутат палаты общин сэр Альфред Бэйт является директором важного дочернего предприятия компании — «Родезианских железных дорог». Один из директоров «Британской Южноафриканской компании» герцог Эберкорн является родственником депутата палаты общин и члена кабинета министров графа Уинтертона. Другой директор компании Ч. Хели-Хатчинсон является братом депутата-консерватора М. Хели-Хатчинсона.

В Родезии и в Рэнде были нажиты грандиозные состояния и основаны крупнейшие правящие дома Англии.

Уже с первых шагов колонизации этих территорий финансисты располагали всей политической и военной мощью Британской империи.

«Классы, которые пользуются такой благодатью, — пишет Гобсон в своем труде «Имперализм», — тем самым поощрялись к использованию политического аппарата, общественной казны и государственных военных сил для расширения сферы частных вложений капитала и для защиты и укрепления своих финансовых позиций».

В какой же мере «политический аппарат и общественная казна» служили

улучшению условий труда и жизненного уровня населения Африки? Использовали ли эти крупнейшие компании свое положение для того, чтобы принести блага британской цивилизации тем, кто создавал для них эти богатства? Ответ на этот вопрос мы найдем даже в официальном отчете министерства колоний, опубликованном в сентябре 1938 г. и посвященном условиям труда в Северной Родезии; комментируя этот отчет, одна лондонская газета пишет:

«Выводы отчета неприятны. Они с полной ясностью показывают, насколько не соответствует система управления условиям индустриализации тропического района и насколько серьезные проблемы нагромодились в жизни наших африканских владений... Относительно условий жизни туземного крестьянина отчет тоже рисует картину недоедания и эпидемий».

Самый отчет показывает, какое зло происходит во многих районах по всей Южной Африке. Рассказывая об условиях в Форт-Джэймсон, отчет гласит:

«Малоземелье возникло, главным образом, в результате сдачи в концессию фирме около 10 тысяч квадратных миль земли... К несчастью, это сопровождалось выселением многих туземцев, хотя их земля в то время еще не была нужна для промышленной эксплуатации и даже поныне не использована для белой колонизации. Таким образом, огромные пространства земли лежат втуне; с самолета на этих землях можно наблюдать следы былой обработки. Разумеется, туземцы глубоко сожа-

леют о потере этих земель; однако обследование на месте должно производиться с достаточной осторожностью для того, чтобы не возбуждать напрасных надежд. Туземцы заметно болезненно реагируют на всякое упоминание о «молчаливых землях», как они прозваны среди местных племен».

Наличие этих «молчаливых земель» подтверждает лишний раз обвинения, сформулированные Гобсоном:

«До тех пор, пока частные, близорукие капиталистические интересы белых землевладельцев и белых шахтовладельцев проявляются беспрепятственно, и до тех пор, пока им позволено захватывать земли «низших народов» и обращать их на извлечение частной прибыли... всякие фразы о воспитании «младшего брата», — принадлежат ли эти фразы директорам горнорудных компаний или политическим деятелям, выступающим в палате общин, — являются не чем иным, как наглым лицемерием».

Большие суммы английских капиталов вложены и в экономику других стран.

Капиталовложения британских правящих классов охватывают почти все страны мира. Следовательно, никого не удивит, что правительственные депутаты, являющиеся членами этого правящего класса, лично и непосредственно инвестируют капиталы в промышленность многих иностранных государств. Приведем таблицу, которая в известной мере характеризует эти международные капиталовложения британских парламентариев:

Страна	Число инвестиров — консервативных депутатов	Отрасль	Число директорских постов
Испания	2	Железные рудники, морской фрахт	2
Юго-Славия	1	Свинец	1
Норвегия	2	Китобойный промысел	2
Египет	2	Каналы, страховое дело	2
Ирак	1	Страховое дело	1
Китай	1	Банковское дело	1
Мексика	3	Нефть, цемент	3
Панама	1	Нефтеналивной флот	1
Колумбия	1	Золото	3
Венецуэла	2	Нефть	2
Перу	1	Мукомольное дело	1
Чили	1	Мукомольное дело	1
Бразилия	2	Золото, кофе, хлопок, коммунальные предприятия	3
Аргентина	2	Кредит, железные дороги	2
Уругвай	2	Кредит	2

Некоторые из этих капиталовложений представляют сугубый интерес. В июне

1938 г. в ответ на предложение наложить эмбарго на поставки генералу

Франко английский премьер-министр мистер Невилль Чемберлен ответил, что это может поставить под угрозу 40 млн. ф. ст. британских капиталов, вложенных в предприятия на территории франкских мятежников.

И действительно, например, компания «Рио Тинто» владеет в провинции Уэльва на юге Испании 32 тыс. акров земельных участков с месторождениями нефти и серы. В число ее директоров входит граф Бессборо, родственник виконта Уимборна, двое братьев которого и один сын заседают на скамьях консерваторов в палате общин. Другой директор компании, Престон, является шурином депутата-консерватора капитана Рамзея. Компания «Рио Тинто» совместно с немецкой фирмой «Металгезельштафт А.—Г.» владеет «Европейской корпорацией пиритов». В правление «Металгезельштафт А.—Г.» входит англичанин капитан Оливер Литтельтон, который посредством брака породнился с членом палаты лордов виконтом Уимборном и полковником Генри Гестом, депутатом-консерватором палаты общин.

В последнее время английское правительство выступило с решительной защитой британских нефтяных интересов в Мексике. Судя по кампании в английской прессе, весь финансовый мир, не говоря уже о самих нефтяных промышленниках, стал на их защиту и будет всячески приветствовать падение мексиканского правительства¹.

Среди заправил нефтяной промышленности в Мексике точно известен во всяком случае один депутат-консерватор английского парламента.

Общая сумма британских капиталовложений в Южной Америке достигает 1 миллиарда ф. ст. Поэтому, как и следовало ожидать, британские парламентарии занимают многочисленные директорские посты в южноамериканских предприятиях: по нашим подсчетам, — 15 директорских постов в предприятиях Панамы, Бразилии, Колумбии, Перу,

Чили, Венесуэлы, Уругвая и Аргентины. Сюда относится, например, Аргентинская Центральная железная дорога, общим протяжением в 3 700 миль (около 6 тыс. километров. — *Ред.*) с капиталом в 43 млн. ф. ст. Директором этой компании состоит национал-либеральный депутат английского парламента сэр Чарлз Барри.

Не так давно английские текстильные фабриканты и другие предприниматели отраслей промышленности, работающих на экспорт, подняли шумиху по поводу упадка внешней торговли, вызванного уменьшением покупательной способности туземного населения Западной Африки. В этих местностях в последнее время происходили стачки и волнения. Тогда на средства одного частного филантропического фонда была снаряжена комиссия, составленная из членов парламента. Однако состав этой комиссии вызвал удивление даже у газеты «Ивнинг Стандарт».

«Решение послать комиссию, — писала газета, — встречено всеобщим одобрением, но многие недоумевают, почему выбор пал на депутата палаты мистера Клемента Дэйвиса. Ведь он является директором концерна «Братьев Левер энд Юнилевер», которому принадлежит 80 проц. акций «Объединенной Африканской компании»... огромного торгового концерна, фактически занимающего монопольное положение... Трудно допустить мысль, что включение директора концерна «Левер» в состав комиссии было правильным шагом».

Присутствие на депутатских скамьях в палате общин отставных колониальных чиновников, а также людей, связанных с теми промышленными и финансовыми предприятиями, которые имеют интересы в колониях, явление отнюдь не новое. Влияние этого фактора на английскую политическую жизнь проявлялось еще до мировой войны. И опять-таки остается прав Гобсон, писавший еще в начале века:

«В нашу страну возвращается все больше и больше людей, которые воспитаны в духе и по методам автократии, в качестве солдат или гражданских чиновников наших колоний, протекторатов и Индийской империи; рядом с ними мы видим колониальных купцов, плантаторов и инженеров. Все они приносят с собою нравы, обычаи и воззрения, почерпнутые на

¹ Правительство Мексики провело конфискацию нефтеносных земель в Мексике, принадлежащих иностранному капиталу. — *Прим. перев.*

заморской службе... Наиболее богатые из них обнаруживают политическую амбицию и приносят в обе палаты нашего парламента грубейший и эгоистичнейший дух «империализма», используя при этом свой империалистический опыт и связи для сколачивания доходных компаний и концессий — ради своих частных интересов».

Мы видим, что попрежнему множество подобных людей играет значительную роль в нашей политической жизни. Не случайно, что правительство, которое уже совсем недавно провело законы «о подстрекательстве к мятежу», «об охране общественного порядка» и о принудительном арбитраже в промышленности, насчитывает среди своих сторонников в палате общин 48 директоров компаний колониальных предприятий, 79 отставных офицеров, большинство которых служило в колониальных владениях, и многих бывших губернаторов колониальных владений империи.

«Только люди, — пишет Гобсон, — не сумевшие в полной мере оценить постоянное усиление этой отравы безответственной автократии, которая исходит от нашей несвободной, нетерпимой и агрессивной империи, могут удивляться тому высокомерию и откровенному отвращению, с каким английская аристократия и плутократия относится к британским подданным, ущемляя их свободы и уничтожая их конституционные права».

В наши дни во всем мире идет великая борьба между демократией и автократией. Наша колониальная империя не изолирована от этой борьбы; мы живем под угрозой войны, и никто серьезно не поверит, что интересы колониальной империи не определяют в значительной мере исход борьбы. Какую же роль играют колониальные народы в борьбе за демократию, когда сами они демократических прав не имеют, а британский правящий класс отказывает им в этих правах. Претензии английской консервативной партии на роль защитницы демократии для колониальных народов звучат чудовищным обманом.

И если Англия, управляемая правительством консерваторов, натолкнется на трудности, то мы можем быть вполне уверены, что колониальные народы откажутся притти к нам на помощь, а там, где они почувствуют себя достаточно

сильными, они вырвут власть из рук британского правящего класса. Вся огромная Британская империя становится исключительно неустойчивой, поэтому всякое сильное потрясение неизбежно положит конец тому положению, при котором коммерсанты с одного маленького островка правят огромной частью земного шара.

АРИСТОКРАТЫ В ПАЛАТЕ ОБЩИН, ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ КУМОВСТВО

Многие из упомянутых в нашей книге депутатов-консерваторов принадлежат к титулованной аристократии. Многие другие депутаты, которых мы еще не назвали, тоже принадлежат к аристократии. На правительственных скамьях в палате общин мы можем увидеть, например, следующих лиц: графа Уинтертона, маркизов Тичфилда и Клайдз-дэйла, виконтов Крэнборна Каствэри и Уомера, лордов Бальниэля, Бэргли, Эпсли, Кричтона-Стюарта, Дэнгласса, Уильяма-Скотта и Уиллоуби де Эресби.

Все это имена отнюдь не «рядовых членов общины», а в то же время носители этих громких имен заседают в палате общин, и все они — депутаты-консерваторы¹. Но это лишь часть титулованной знати из правительственного большинства, которое полчищами разных баронетов, пэров и «рыцарей» заполняет скамьи парламента.

Широко распространено мнение, будто аристократия играет незначительную роль в современной политической жизни, но это только заблуждение. Политическое влияние аристократии не ограничивается палатой лордов. Аристократы заседают в палате общин и в кабинете министров. Так, к декабрю 1938 г. в состав кабинета министров входили 1 маркиз, 3 графа, 2

¹ Напомним, что до возведения в ранг пэра и связанного с этим автоматического вступления или перехода в палату лордов — верхнюю палату британского парламента — многие английские аристократы занимают места в нижней палате — палате общин: тем самым они преграждают путь в законодательный орган демократическим представителям народа. — Прим. перев.

виконта, 1 барон и 1 баронет. По закону, кабинет ответственен перед палатой общин.

Какое же отношение имеют эти титулы к тем серьезным проблемам, которые стоят перед нами?

Аристократия составляет столь важную часть консервативной партии, что знакомство с этой консервативной аристократией очень многое разъяснит в деятельности господствующей над нами политической власти.

Многие наиболее важные посты в государстве замещаются аристократами, которых консервативная партия подбирает преимущественно из членов палаты лордов. Так назначаются министры иностранных дел, которым доверяется руководство внешней политикой нашей демократической страны в трудных условиях современного международного положения; из палаты лордов выходят министры просвещения, которым доверяется руководство воспитанием наших детей в начальной и средней школах; из палаты лордов выходят министры по делам Индии, которым поручается следить за осуществлением новой индийской «конституции».

Среди членов титулованных семей, заседающих в палате общин, есть много дворян, появившихся в XIX в., и некоторое число более родовитых. Прочие депутаты-консерваторы принадлежат к нашей новейшей аристократии. Но даже сегодня мы имеем полное право спросить, каким образом старинные дворянские семьи получили свои титулы, каким образом сохранили они свое положение у кормила правления на протяжении стольких поколений.

Кабинеты министров последнего времени и особенно кабинет консерваторов, пришедший к власти в 1931 г., очень щедро раздавали титулы. Если разобраться, кто был получателем этих титулов, становится ясным состав новой аристократии, т.е. того класса, к которому принадлежат многие и многие консервативные политические деятели.

Приведенные выше имена нескольких титулованных господ свидетельствуют

об очень тесной связи между фракциями консерваторов в палате общин и в палате лордов. Спросим себя: является ли нынешняя палата лордов просто пережитком средневековой олигархии, или же члены этой палаты играют какую-нибудь роль в руководстве нашим государственным кораблем? Испытывают ли они чувство ответственности за наши демократические установления, или же они заботятся только о защите своих рангов и привилегий?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо подвергнуть анализу ту часть нашей аристократии, которая тесно связана с палатой общин; для этого потребуется небольшой экскурс в историю.

Английская аристократия родилась в феодальные времена. Феодализм по существу своему означал власть землевладельцев, и титулы символизировали политическую и экономическую мощь землевладельческого класса. Король считался владельцем всей английской земли, а прочие землевладельцы — его арендаторами. Начиная с короля и до низу существовала сложнейшая иерархия, и самый мелкий владелец хотя бы полоски земли арендовал ее у кого-нибудь, владыкой над которым в конечном счете был король. Обладание благородным званием было основано на владении землей. Большею частью землю получали непосредственно от короля, а иногда захватывали в процессе внутренних распрей. Но каким бы образом ни создавались земельные владения, а в целом английское дворянство было классом крупных землевладельцев.

Английская знать, разумеется, вечно ссорилась между собою и с королем, но в то же время умела сохранить свои общие главенствующие позиции. На протяжении всего позднего средневековья титулы являлись выражением и землевладения, и политической власти.

Число людей, входивших в состав аристократии, в каждом поколении было невелико. А для того, чтобы войти в ее состав, надо было приобрести землю.

Даже и в более поздние времена войти в состав аристократии тоже мож-

но было, только приобретая землю, но купить ее уже можно было на средства, нажитые другими путями.

«Еще более богатыми, — пишет Бэрк. — оказались те, которые нажили состояния в качестве поставщиков армии или в качестве купцов в те времена, когда и закон, и общественное мнение с этим мирялись. В XVIII столетии сахарные плантаторы с вест-индских островов и набобы из Ост-Индии явились с огромными богатствами и стали закупать поместья и парламентские мандаты столь широко, что цены на них стали расти и причинять серьезное беспокойство перам и прочим дворянам, зависевшим от собственного политического влияния в избирательных округах, на которые ныне покушались новые нобили... Однако ни один из этих новоявленных помещиков, как ни удачлив был бы он в войнах, в политических авантюрах или в коммерческих предприятиях в Индии и на Средиземноморье, не мог соперничать со сказочными богатствами, нажитыми во второй половине столетия на эксплуатации угольных шахт, золотых россыпей, нефтяных скважин или в банковском деле. Именно из числа этих богачей большей частью и образовался класс нетитулованных помещиков наших дней»¹.

Хотя автор этих строк говорит только о «нетитулованных помещиках», но его замечания в одинаковой мере относятся и к аристократии, которая составляет просто наиболее влиятельную и богатую часть класса помещиков. В результате Великого восстания² палата общин стала верховным органом власти, а министры — ответственными перед нею, а не перед королем.

Такое значительное усиление власти палаты общин не изменило, однако, ни в какой мере существа власти в нашей стране. Аристократия стало только легче и удобнее проводить свою политику через палату общин и не зависеть от переменчивых настроений монарха.

Руководящие фигуры правительства во второй половине XIX века и их взаимоотношения были метко охарактеризованы понятием «кумовства». Лорд Грэнвилл описывает, как «священный кружок бабушкиных внуков» проник даже в ряды парламентской оппозиции:

«Скажем сразу и прямо, что среди моих предков были люди с таким обилием дочерей,

не умерших старыми девами, что у меня есть родственники на этих скамьях палаты, родственники на скамьях оппозиции, родственники в министерских креслах»¹.

В XIX веке палата общин совершенно неприкрыто подчинялась небольшой клике титулованных и благородных джентльменов, большинство которых состояло между собою в тесном родстве.

Каково положение сегодня? Какова судьба «священного кружка праправнуков»?

В теории палата общин, как свидетельствует самое ее название, является собранием, представляющим общину, т.е. народ нашей страны. Рассмотрим же, кто такие эти «ходатаи по делам общины».

Прежде всего обратимся к фактам «кумовства» в палате общин. Оказывается, что 53 правительственных депутата парламента связаны родством примерно с тремястами перов, а это значит, что подавляющая часть наших руководящих консервативных политических деятелей поистине принадлежит к одной «великой семье». Мы объединили этих аристократических членов нашей палаты общин словом «кумовство». Большинство депутатов палаты, принадлежащих к этому кругу, связано родством с другими членами палаты. Половина лидеров консервативной партии имеет «кумов» на правых скамьях. Примерно 145 депутатов-консерваторов образуют непрерывную цепь родственных связей. Семьи, которые делегируют этих «кумов», составляют половину нашего правящего класса.

Часть депутатов парламента из так называемого «кумовского круга» сама по себе происхождения не аристократического, но слилась с этим классом посредством браков. Очень часто такая брачная связь предшествует титулованию и не менее часто — успешной политической карьере. Отметим в связи с вопросом о «кумовском круге» еще ряд обстоятельств.

В эту цепь входят девять членов кабинета министров. Кроме этих девяти

¹ Бэрк — «Помещичье землевладение», 1937 г.

² Английская буржуазная революция 1640—1660 гг. — *Прим. перев.*

¹ Кристи — «Уход от аристократии», Лондон, 1927 г.

министров, имеющих родственную связь с аристократическими семьями, есть еще двое министров, которые сами являются родовитыми аристократами. Это — лорд-канцлер лорд Могэм и заместитель премьер-министра виконт Рэнсимэн. Таков состав исполнительного органа власти, ответственного перед палатой общин. Очень немного изменилось в этой области за последние 50 лет. «Каждый кабинет министров, начиная с лорда Грея и кончая Дизраэли, целиком или почти целиком состоял из аристократов... Узлы родства или брака были почти неизменным условием вхождения в кабинет» — пишет Кристи.

Современный публицист профессор Ласки показывает, что из 69 министров, которые занимали посты с 1885 по 1905 г., 40 человек принадлежали по рождению к аристократии; и даже в период между 1906 и 1916 гг. из 51 министра 25 были аристократического происхождения; в период с 1917 по 1924 г., охватывавший и правление первого лейбористского кабинета, из числа 52 министров насчитывалось 14 аристократов. А всего за период с 1801 по 1924 г. из общего числа 306 министров 182 человека были аристократы.

Современное так называемое «национальное правительство», которое насчитывает в своих рядах 11 аристократов из общего числа 21 министра, служит продолжением вековой традиции тори — сохранять власть за «великими семьями».

Прочие депутаты парламента, входящие в этот круг «кумовства», занимают другие важные кабинетские посты. Например, капитан Фицрой является спикером (председателем) палаты общин; distinguished депутат Астор — парламентским частным секретарем министра внутренних дел; лорд Дэнгласс — парламентским частным секретарем казначейства (неоплачиваемая должность); майор Трайон — министром почт, в то время как distinguished член парламента Бомон является его частным парламентским секретарем; Генри Чаннон — парламентский частный секретарь помощника министра иностранных дел;

капитан Дэгдэйл, distinguished Дж. Стюарт и лейтенант-полковник Керр являются лордами-комиссионерами казначейства, и они же вместе с депутатом Артуром Хоупом — помощники лидера консервативной фракции; капитан Юэн Уоллэс — финансовый секретарь казначейства, а distinguished депутат Сомерсет Мэксуэлл — парламентский частный секретарь (неоплачиваемая должность) сэра Виктора Уоррендера, который в свою очередь является помощником военного министра по финансовым делам.

Мы подсчитали, что около 68 помощников министров и других чиновников, занимающих младшие министерские должности и должности парламентских частных секретарей, а также 20 депутатов парламента связаны родством с аристократией, 13 человек принадлежат к нетитулованным помещикам, а пятеро сами являются пэрами и заседают в палате лордов. В число этих пэров входят маркиз Дюфрен энд Ава, парламентский помощник министра колоний, герцог Девонширский, парламентский помощник министра доминионов, граф Плимут, парламентский помощник министра иностранных дел, и лорд Страткона энд Маунт Ройял, парламентский помощник военного министра.

Один из молодых и не очень ортодоксальных депутатов-консерваторов капитан Макнамара пишет следующее:

«Правительство имеет свой особенный способ «успешной работы». Это — система парламентских частных секретарей... Назначение парламентских частных секретарей неизменно носит произвольный характер и сплошь и рядом определяется просто личным покровительством или семейными узами... На практике это означает, что правительство располагает твердой поддержкой не менее чем ста голосов (министров и их парламентских частных секретарей) еще прежде, чем верховный орган государства успеет высказать свое мнение... А между тем, государственное управление должно входить в компетенцию всей нации, а не какого-то застольного собрания. Из того, что вы женаты на тетке мистера Икса вовсе не следует, что Британия выиграет, если онный мистер Икс начнет вмешиваться в работу введенного вам министерства».

Многие депутаты парламента из «кумовского круга» занимали посты перво-

степенной важности. Например, досто-почтенный депутат Эмери занимал посты морского министра, министра колоний, министра доминионов. Сэр Хью О'Нил был первым спикером палаты общин Северной Ирландии в беспокойный период 1921 — 1922 гг. Виконт Крэнборн еще недавно был парламентским помощником министра иностранных дел.

«Кумовской круг» наших дней продолжает почти безраздельно править страной.

Вся система наследственных привилегий может рассматриваться, как отражение имущественных отношений. Крупное владение любой частной собственностью, в тот или иной период, служит главным критерием при раздаче дворянских титулов. В минувшие времена их раздавал сам монарх; по положению, так происходит и теперь, но, как знает каждый, фактически списки к награждению составляет кабинет министров. В 1938 г. дворянские титула даются крупнейшим фабрикантам по той же самой причине, по какой в XVI веке они давались крупным землевладельцам.

Стариннейшие аристократические семьи главные богатства свои держат в земельных угодьях. Среди них — такие широко известные имена, как герцоги Боклю¹ и Девонширский. В XIX веке главный вид частной собственности стал иной, и поэтому дворянские звания получают преимущественно главари основных отраслей промышленности. Одним из примеров подобного рода может служить семейство Гест.

В третью группу аристократии, на которой мы остановимся несколько позже, входят главари новых отраслей промышленности, вроде издательского дела, химической, электрической, моторостроительной промышленности и т. д. Некоторые из этих семей уже связаны узами брака с более старинной аристократией, примером чего может служить дом Иллингуортов, а другие получили дворянские звания лишь недавно и еще

не в полной мере породнились с основной группой английской аристократии. К этой последней категории принадлежат, например, семьи лордов Эссендона, Инверфорда, Мак-Гоуана, Рэнсимэна и Гринвуда.

Когда земельная собственность была основной формой частной собственности, тогда пары были землевладельцами. Когда же крупная промышленность стала завссыывать все более важные позиции, то пары появились среди крупнейших промышленных магнатов. В наши дни на постах директоров в большинстве новых отраслей промышленности подвизаются дворяне. В каждом данном поколении новая аристократия довольно быстро поглощается старой.

В процессе неизбежной борьбы между представителями двух разных основных видов частной собственности часть аристократических семей упрямо застряла на старых позициях. И эти семьи поплатились своим положением в правящем классе в пользу пришельцев. Но большинство английской аристократии пережило эту борьбу благодаря тому, что присоединилось или слилось с побеждающей стороной. Поистине, наша аристократия всегда обнаруживает исключительную сообразительность в материальных вопросах и поразительную дальновидность, когда возникает проблема сохранения ее главенствующего положения. Эта основная часть «спасшейся» аристократии ныне тесно связана с господством над экономикой страны, причем в некоторых случаях оно все еще основывается на землевладении.

Промышленный переворот вызвал невероятный рост цен на земельные участки в городах и пригородах и в районах угольных залежей. Исключительные успехи аристократии в области земельной спекуляции тоже явились результатом развития промышленности.

На примере истории дома герцога Боклю с особенной яркостью можно показать, каким образом старинный землевладельческий род сумел сохранить политическую власть на протяжении 300 с лишним лет, несмотря на промышленный переворот, несмотря на

¹ Герцог Боклю приходится тестем брату нынешнего английского короля. *Прим. перев.*

расширение избирательных прав, несмотря на развитие демократии в XIX и XX столетиях. А смог он сохранить свою власть только потому, что сохранил свою частную собственность. Как и в XVII веке, его собственность главным образом заключена в земельных угодьях. Род герцогов Боклю возник в 1663 году, но, кроме того, нынешний глава рода обладает рядом еще более старинных титулов. Нынешний герцог носит также титул барона Скотт оф Боклю, датируемый с 1606 г., барона Скотт оф Уитчестер энд Эскдэйл — с 1619 г. и т. д. В общей сложности он является носителем двух герцогских титулов, одного титула маркиза, пяти графских, трех виконтских и пяти баронских. Уже к 1890 г. роду Боклю принадлежало 12 родовых замков. Герцоги Боклю уже тогда владели 460 тыс. акров земли в 14 графствах. Годовой доход от этой собственности составлял 216 437 ф. ст. Кроме того, им принадлежало 11 церковных приходов.

Но и в наше время семья герцога Боклю ни в какой мере не утратила своей власти. Нынешний герцог сам занимает несколько видных постов.

Знаменательны современные промышленные связи дома Боклю. Мы уже говорили об исключительно важном положении в английских финансах концернов магистральных железных дорог, банков и страховых компаний. Лорд Генри Скотт, сын VI герцога Боклю и дядя нынешнего герцога, является заместителем управляющего Шотландского банка и председателем «Шотландской страховой ассоциации». Его брат лорд Герберт Скотт состоит директором «Страховой конторы Сан» и «Общества страхования жизни — Сан», последнее является одной из крупнейших страховых компаний в Англии. Лорд Бэргли, шурина герцога Боклю и депутат-консерватор палаты общин, является директором Лондонской Северо-Восточной железной дороги и Национального провинциального банка, а также председателем лондонского правления «Лондонско-Ланкаширской страховой компании».

Семья Боклю установила связи и с

более современными отраслями промышленности. Лорд Герберт Скотт, например, состоит председателем всемирно знаменитой автомобильной фирмы Роллс-Ройс, директором «Компании строительных подрядов», «Объединенных производителей бутылочной тары» и «Компании тормозных и сигнальных приборов Вестингауз». Лорд Бэргли является директором концерна резиновых изделий «Файрстон» и «Компании армейских и флотских складов».

Выше говорилось о крупнейшем значении организаций предпринимателей, служащих исполнительными центрами английских промышленников, и о значении торговых палат, которые играют аналогичную роль на местах. Лорд Герберт Скотт является вице-президентом Ассоциации британских торговых палат, одной из важнейших в стране организаций нанимателей, и членом совета «Корпорации держателей иностранных займов»; кроме того, он с 1934 г. был членом совещательного комитета при министерстве торговли, с 1928 по 1931 г. — президентом лондонской торговой палаты и с 1934 по 1935 г. — президентом федерации британской промышленности.

Промышленно-финансовое могущество семьи Скотт-Боклю отражается и на ее политическом могуществе. Среди нынешних депутатов парламента мы находим членов дома Боклю: лорда Бэргли и лорда Уильяма Скотта. Семья насчитывает еще многих бывших депутатов парламента. Нынешний герцог был депутатом с 1923 по 1935 г.; его отец был депутатом парламента с 1895 по 1906 г., а его дед — с 1853 по 1868 г. и с 1874 по 1880 г. Все они выступали от шотландских избирательных округов.

Остановимся вкратце на истории еще одного знаменитого аристократического рода, который занимает выдающееся положение в «кумовском круге». Дом герцогов Девонширских или Кавендишей еще раз иллюстрирует, какая власть связана с землевладением.

«В жизни нашего народа история семьи Кавендишей, — писал в 1887 г. в журнале «Вестминстер ревью» известный уже нам автор

Кристи, — не увенчана славой. Кавендиши неизменно проявляли специальный интерес к церковным приходам, к земле и к громадным замкам. Трудно ожидать, чтобы семья, которая владеет 193 322 акрами земли в 14 графствах, 42 приходами и 7 замками, а также является лендлордом двух городов, проявляла особый интерес к нуждам народа... И действительно, Кавендиш является как бы профессиональным вожаком лендлордов».

Но прежде всего Кавендиши — это политическая семья. Они сохранили за собой крепкие позиции как в палате лордов, так и в палате общин; а в настоящее время количество их родственников связей в палате общин является рекордным даже для английских дворян.

К концу прошлого века Кавендиши были обладателями пяти титулов и 220 385 акров земли в Англии и в Ирландии, которая приносила им ежегодного дохода 172 099 фунтов стерлингов. Сам герцог Девонширский владел к тому времени 42 церковными приходами, ежегодный доход от которых составлял 10 тыс. ф. ст. Кроме того, ему принадлежало 7 замков. Другой Кавендиш, лорд Уотерпарк, владел 8 550 акрами в Дербишире и Типеррери; еще один Кавендиш, лорд Чешэм, имел 11 486 акров земли в 12 графствах. И, наконец, distinguished Ричард Кавендиш имел 7 027 акров в Букингемшире, Стафордшире и Дербишире. В настоящее время герцог Девонширский имеет около 186 тыс. акров земли.

История приобретения этих огромных земельных угодий и роль семьи Кавендишей в управлении Англией, начиная с XIV века, представляет немалый интерес. Бэрк в своей книге о дворянах пишет следующее:

«Благородная семья Кавендишей, две ветви которой в XVIII веке удостоились герцогских титулов, заложила фундамент величия своего рода в пору роспуска монастырей, когда Кавендишам достались земли Вестминстерского аббатства. История, однако, сохранила и еще более ранние сведения о роли Кавендишей в английской политической жизни. Так установлено, что сэр Джон Кавендиш был главным судьей королевского суда в 1366 г. В пятый год правления Ричарда II сэр Джон Кавендиш вместе с главным казначеем Робертом де Хэйлзом был отправлен для подавления восстания в городе Йорке, в каком-то году чернь,

сбравшись в количестве 50 тысяч человек, принялась грабить и убивать стряпчих, главным образом в Суффолкском графстве; особенно же сильно было возбуждение черни против главного судьи Кавендиша»¹.

Судью сволокли на базарную площадь и там обезглавили. Сын главного судьи Кавендиша Джон Кавендиш-младший, который «разделил вместе с Уолуртом честь убийства Уота Тайлера»², был возведен в рыцари и пожалован из королевской казны наградой в размере 40 ф. ст. в год.

Восстание 1381 г., если не считать великой революции 1640—1660 гг., было крупнейшим в истории Англии. Говоря словами одного историка:

«...в 1381 г. низшие классы восстали против высших. Угнетателями были не только придворные, но и высшее духовенство, мелкопоместное дворянство, городская знать и верхние круги среднего класса, т.-е. все те, кто заседал в парламенте, кто правил страной. Поселяне и мелкие арендаторы поднялись против лендлордов, против тех, кто их прижимал; бедняки-ремесленники восстали против горожан-богачей. Класс восстал против класса. Это было первое великое столкновение между трудом и капиталом в Англии. Это была социальная борьба. Бедняк потребовал свободы, он потребовал, чтобы закон перестал его терзать. Это было классовое восстание»³.

Несмотря на гибель Уота Тайлера, великого вождя повстанцев, и несмотря на крах восстания, «оно подчеркнуло с небывалой силой тот факт, что массы осознали силу своего единения»⁴. Пока главный судья Кавендиш и его сын изо всех сил старались раздавить это великое восстание простонародья, которое охватило восток и юг Англии, другой сын главного судьи Эндрю Кавендиш первым в роду очутился на депутатских скамьях парламента — от Суффолкского графства.

Сыновья и племянники герцогов Девонширских сохранили все свои политические связи на протяжении конца XVIII и начала XIX столетий. VIII герцог Девонширский сам был в течение 34 лет депутатом парламента и двое его братьев — тоже. IX герцог Девон-

¹ Бэрк — «Дворянство».

² Бэрк — «Возникновение великих семей».

³ Г. Фаган — «Девять дней, которые потрясли Англию».

⁴ Там же.

ширский, умерший в 1938 г., был депутатом парламента с 1891 по 1908 г., генерал-губернатором Канады, гражданским лордом адмиралтейства и министром по делам колоний. Тем временем его брат нынешний лорд Ричард Кавендиш был депутатом палаты общин с 1895 по 1906 г., а нынешний Х герцог Девонширский тоже заседал в палате общин в качестве депутата-консерватора с 1923 по 1928 г., после чего он перешел в палату лордов. Теперь он является помощником министра доминионов. Его мандат депутата палаты общин перешел «по наследству» к его шурина Генри Хэнлоку. Приведем очень красочные строки, посвященные этому событию, из великосветского журнала «Татлер»:

«Генри Хэнлок выступает депутатом от округа Дербишир, который раньше представлял в палате общин герцог Девонширский. Это результат удачной семейной комбинации, ибо супруга Генри Хэнлока является младшей и самой красивой сестрой герцога. В начале текущего года она вместе со своим кинокрасавцем мужем пользовалась большим успехом на курортах Палм-Бич во Флориде, Пебл-Бич в Калифорнии и Эль-Марокко в Нью-Йорке».

Нынешний герцог Девонширский имеет трех шуринов в парламенте: депутата-консерватора Гарольда Макмиллана, лорда-казначая Джэймса Стюарта и Генри Хэнлока. Три кузины герцога все замужем за депутатами палаты общин — виконтом Крэнборном, лордом Бальнизем и Робертом Бутби. Таким образом, нынешний герцог может гордиться, что по семейному представительству в парламенте он не уступает никому из своих предков.

Отец этих трех удачливых сестер, он же дядя нынешнего герцога, бывший депутат палаты лорд Ричард Кавендиш является директором страховой компании «Ройял-Эксчейндж» и Вестминстерского банка. На протяжении всей истории рода Кавендишей наблюдается исключительное влияние Кавендишей на правящие круги и на палату общин, причем это идет с XIV века, когда Кавендиши впервые вошли в парламент; а случилось это вскоре после

того, как палата общин была отделена от королевского совета.

Не менее важную роль играет в консервативной политике и семья графа Дерби. Это правящая семья, семья министров. На ее примере можно проследить историю тех благородных семей, которые немало нашли на земельной спекуляции, последовавшей за промышленным переворотом. Родственные связи нынешнего XVII графа Дерби в палате общин охватывали к октябрю 1938 г. двух членов кабинета министров, а именно: лорда Стэнли, который был министром по делам доминионов, и Оливера Стэнли¹, президента торгового совета. Одним из многих бывших депутатов парламента в этой семье является брат лорда Дерби сэр Артур Стэнли, заседавший в парламенте с 1898 по 1918 г.; ныне он состоит директором «Британской спичечной корпорации» и ее дочернего предприятия «Брайант энд Мэйэ», Вестминстерского банка, Компании железной дороги Буэнос-Айрес — Тихий океан и двух ее дочерних предприятий и председателем «Ланкаширской объединенной компании транспорта и энергии». Сэр Артур Стэнли — один из виднейших деятелей английского финансового мира.

Согласно табели о рангах, лорд Дерби идет вторым графом в Соединенном Королевстве. К концу прошлого века ему принадлежали 57 тыс. акров земли в Ланкашире, 9,5 тыс. — в Чeshire, и т. д., а всего 68 942 акра, которые приносили 163 273 ф. ст. годовой ренты. Фактически же эти цифры преуменьшают богатства графа Дерби, ибо ему принадлежала восьмая часть огромного графства Ланкашир, а эта земля находится в южной части страны, т. е. в одном из богатейших районов.

Самыми старинными своими поместьями графы Дерби обязаны сметливости своих предков, которые неизменно обнаруживали поразительную способность угадать в каждом споре за трон будущего победителя. Первый великий представитель рода был сэр Джон

¹ Ныне военный министр. Прим. перев.

Стэнли, занимавший пост лорда-правителя Ирландии в царствование Ричарда II. Но, предвидя падение Ричарда, он примкнул к войскам Генриха Болингброка, который впоследствии стал Генрихом IV. Эта дальновидность лорда была хорошо вознаграждена как должностями, так и землями.

При падении Ланкастерской династии Стэнли снова очутились на стороне победителей и снова были вознаграждены крупными поместьями, но уже Эдуардом IV. Представитель рода Стэнли был главным сенешалем двора Ричарда III, и ему король поручил возглавить войска, посланные для отражения десанта Генриха Тюдора; но в критический момент лорд Стэнли обернулся против Ричарда, и, как гласит предание, после битвы у Босворта он возложил корону на голову Генриха Тюдора. В результате такой оборотистости Стэнли, к тому времени уже барон, получил на севере страны огромную долю конфискованных земель йоркистов: он получил поместья двадцати восьми господ и был возведен в достоинство графа Дерби. Его внук был верховным комиссаром по осуществлению реформации при Эдуарде VI, но он же отправлял протестантов на костры при королеве Марии, и он же истреблял католиков при королеве Елизавете.

Во время Великого восстания VII граф Дерби, начав, как деятель пуританизма, впоследствии присоединился к принцу Руперту, с которым вместе устроил массовую резню пуритан в городе Болтоне. Однако на сей раз пресловутая сметливость изменила роду Дерби, и после поражения роялистов в 1651 г. седьмой граф был обезглавлен в том же городе Болтоне. Великое восстание привело к значительному сокращению поместий рода Стэнли.

Своим нынешним богатством дом Дерби обязан главным образом индустриализации Ланкашира в конце XVIII и в начале XIX столетий. Богатство Дерби выросло в результате повышения цен на землю в связи с зарождением хлопчатобумажной промышленности. Ланкашир — вот основа могущества рода Стэнли. Этот город был подарен

Стэнли королем после битвы у Босворта. В 1693 г. город насчитывал менее трех тысяч жителей, а в 1871 г. — уже 41,5 тысячи.

В 1924 г. лорд Дерби продал свои земли в Кольне. На следующий год он продал почти все свои поместья в Бэри, Радклиффе, Уэйтфилде, Манчестере и Сэлфорде за 1 млн. фунтов стерлингов, а в 1927 г. он уступил одному лондонскому финансисту арендные права на 22 тыс. домов с земельными участками в Ливерпуле, Бутле, Керкдэйле и Уолтоне за 1 млн. 750 тыс. фунтов стерлингов. Семье лорда Дерби фактически принадлежал весь город Бутл.

Графу Дерби нужны деньги для его дорогостоящей забавы — беговых конюшен. Он как-то заявил, что содержание каждой лошади обходится ему в 650 ф. ст. в год; по самым скромным подсчетам, издержки на его конюшни оцениваются примерно в 25—30 тыс. ф. ст. Кроме того, он ежегодно тратит на своих чистокровных лошадей 20 тыс. ф. ст. и тем не менее, вероятно, извлекает из этого дела некоторую прибыль. Его старший сын, который был министром по делам доминионов, завещал своим наследникам 2 209 863 ф. ст. Нынешний XVII граф Дерби принадлежит к руководящим деятелям консервативной партии: с 1892 по 1906 г. он был депутатом-консерваторм от Ланкашира. Во время первой империалистической войны он занимал ряд исключительно важных постов, в том числе: генерального директора по набору — с 1915 по 1916 г., помощника военного министра — в 1916 г., военного министра и председателя военного совета — в 1916—1918 гг. С 1918 по 1920 г. он был послом во Франции, а с 1922 по 1924 г. — снова военным министром.

Скотты-Боклю, Кавендиши-Девонширские и Стэнли-Дерби являются наиболее видными семьями партии консерваторов за последнее столетие. Могущество и влияние этих семей всегда основывались на крупнейшей собственности. Их огромные частнособственнические владения зависели в первую

очередь не от деловых качеств главарей рода, но явились результатом наследования огромных поместий. Земельные владения, приобретенные этими семьями лет 200—300 назад, позволили их потомкам на протяжении многих поколений извлекать огромные доходы, благодаря которым они и по сей день гораздо больше могут влиять на политическую жизнь страны, чем десятки тысяч избирателей, взятых вместе. Эти руководящие политические семьи тесно связаны родственными отношениями с несколько менее знаменитыми, но которые тоже имеют своих представителей в палате общин. Так, в родстве со Стэнли находится небезызвестный лорд Лондондерри. Депутат парламента Оливер Стэнли, президент торгового совета, приходится зятем нынешнему маркизу Лондондерри и шурином другому депутату-консерватору лорду Кастльри.

Лорд Лондондерри является председателем консервативной партии. Его семье принадлежат огромные земельные угодья, в том числе угольные месторождения. К 1890 г. владения Лондондерри охватывали 50 323 акра земли с годовым доходом в 100 118 ф. ст. Кроме того, Лондондерри принадлежало тогда 11 560 акров в Антриме, хотя сейчас и трудно сказать, сколько этой земли осталось теперь за Лондондерри. Самым знаменитым членом этого рода был виконт Кастльри, сын I маркиза Лондондерри, который провел в жизнь Акт об унии между Великобританией и Ирландией.

О Кастльри поэт Шелли сказал:

Убийство встретил я в пути,
С лицом виконта Кастльри.

При первой же своей избирательной кампании в качестве кандидата в депутаты палаты общин он истратил на подкупы 30 тыс. ф. ст. Тот же метод он применил при голосовании в ирландском парламенте Акта об унии с Великобританией. По его же милости в Антверпене был высажен десант из 40 тысяч солдат, которые все до одного погибли. Экспедиция стоила английскому народу 26 млн. ф. ст. Кастльри, как и главари

«Священного союза», страшился влияния французской революции и был главным автором ненавистных Шести актов, посредством которых тори на протяжении последующей истории Англии сопротивлялись всяким требованиям о реформах.

Известие о самоубийстве Кастльри было восторженно встречено лондонским населением: в то время как в Вестминстерском аббатстве шло похоронное богослужение, толпа на улице громкими криками выражала свою радость. Байрон, который нападал на Кастльри в целом ряде смелых эпиграмм, писал по поводу его смерти:

Так Кастльри с собою, наконец, покончил;
одна беда,—
Что жертвою своей он был не первой.

В 1919 г. нынешний лорд Лондондерри предстал в качестве свидетеля перед парламентской комиссией, обследовавшей положение в угольной промышленности. Лорд Лондондерри подтвердил, что «ему принадлежат изведенные запасы ископаемых на территории в 5 808 акров в графстве Дархэм».

Он, кроме того, владеет шахтами в этом графстве и ему же принадлежат 3 угольных разработки близ Сихэма... Его предприятия объединены под маркой «Угольные шахты Лондондерри, лимитед». Все акции этой компании, за исключением четырех, стоимостью по 100 ф. ст., принадлежат ему. На шахтах Лондондерри занято 7 тысяч взрослых рабочих и подростков.

Лорд Лондондерри добавил, что город и порт Сихэм были основаны его прабабкой, что ему же принадлежит местная железная дорога и что он против национализации и за частное владение собственностью. Протокол заседания комиссии по углю гласит:

«Председатель комиссии. — Если бы частное владение вашей собственностью угрожало бедствиями стране, то смогли бы вы переменить свои взгляды на право частной собственности?»

Лорд Лондондерри. — Если наша община станет анархической, то она заберет собственность у всех».

Нынешний виконт Кастльри, наследник лорда Лондондерри, тоже заседает в парламенте. Его отец маркиз Лондондерри был депутатом-консерватором с 1906 по 1915 г. Кроме того, он занимал ряд министерских должностей: помощника министра авиации в 1920—1921 гг., министра просвещения и лидера консервативной фракции сената Северной Ирландии в 1921—1926 гг., руководителя администрации общественных работ в 1928—1929 и в 1931 гг., министра авиации в 1931—1935 гг., мэра города Дархэма в 1936—1937 гг. В настоящее время, как уже сказано, лорд Лондондерри является председателем консервативной партии.

Премьер-министр Невилль Чемберлен — частый гость лорда Лондондерри.

Остановимся еще очень коротко на некоторых других именах, которые входят в круг «кумовских» связей в парламенте. Граф Крофорд энд Болкарр возглавляет очень богатую семью.

В ранний период развития английской угольной промышленности семья графов Крофорд принялась выколачивать доходы из горной промышленности, и теперь Крофорды занимают в этой отрасли ряд важных директорских постов. Нынешний граф состоит директором «Ланкаширской стальной корпорации» (субсидиарное предприятие Английского банка), фирмы «Братья Райлэндз» и «Угольной корпорации Уайгэн»; одновременно он является председателем «Железнодорожной и угольной компании Уайгэн». Его сын и наследник депутат-консерватор лорд Бальниэль тоже состоит директором в этих концернах.

Далее, тесные родственные связи в парламенте имеет семья Линдсэй. Нынешний граф Линдсэй был депутатом-консерватором с 1895 по 1913 г., а затем перешел в палату лордов; он был членом кабинета с 1916 до 1922 г., в качестве министра земледелия, лорда-хранителя печати, канцлера герцогства Ланкастерского и министра транспорта.

Семья Кочрэйн тоже связана по мень-

шей мере с тремя депутатами парламента. Ныне во главе этого рода стоит XIII граф Дэндоальд.

Другой персонаж «кумовского» круга барон Эльтизли сам являлся депутатом-консерватором с 1922 до 1934 г.; дворянский титул был дарован ему нынешним правительством; в 1934 г. он был председателем центральной палаты земледелия, а в 1922—1923 гг. — председателем совета по делам земледелия в Великобритании; он же состоит в правлении комитета молочной торговли и директором в семи крупнейших акционерных компаниях, в том числе страховой компании «Гардиан» и «Электрической корпорации Эдмундсона», имеющей капитал более 6 млн. ф. ст. и контролирующей 18 электропредприятий, раскинутых по всей Англии.

Названные нами влиятельные семьи составляют лишь часть земельной аристократии и нетитулованных помещиков, связанных с палатой общин. Хотя в наше время главным источником богатства аристократии и нетитулованных помещиков служит промышленность, они все же остаются владельцами английской земли.

По словам Ллойд-Джорджа, сами по себе члены палаты лордов, не считая нетитулованных помещиков, владели перед войной одной третью земли Великобритании. В настоящее время земельные владения принадлежат не намного большему кругу людей. В то же время часть новой аристократии в некоторой степени заняла место старой. Судя по многим данным, владения крупнейших английских землевладельцев большей частью остались нетронутыми. И действительно, первейшая забота многих консерваторов состоит в том, чтобы земля оставалась в одних и тех же руках. Цифры, характеризующие современное землевладение, не публикуются. В последний раз они были опубликованы в книге Джона Бэйтмана «Великие землевладельцы Великобритании». Там приведены сведения на 1879 г. Так как размеры этих землевладений почти не меняются, то эти данные сохраняют свою актуальность и теперь.

Семья	Сын — депутат палаты общин	Размер земельных владений (в акрах)				
Герцог Боклю	Лорд Уильям Скотт	459 108				
Граф Анкастер	Лорд Уиллоуби де Эресби	163 495				
Герцог Портландский	Маркиз Тичфильд	162 235				
Герцог Гамильтон	Маркиз Клайддэйл	157 386				
Маркиз Бют	Лорд Кричтон-Стюарт	116 668				
Граф Хоум	Лорд Дэнгласс	106 550				
Виконт Уимборн	<table border="0"> <tr> <td rowspan="3">}</td> <td>Айвор Гест</td> <td rowspan="3">83 539</td> </tr> <tr> <td>Генри Гест</td> </tr> <tr> <td>Оскар Гест</td> </tr> </table>	}	Айвор Гест	83 539	Генри Гест	Оскар Гест
}	Айвор Гест		83 539			
	Генри Гест					
	Оскар Гест					
Граф Морэй	Джэймс Стюарт	81 629				
Граф Дерби	Оливер Стэнли	68 942				
Барон О'Нил	Сэр Хью О'Нил	65 919				
Маркиз Лондондерри	Виконт Кастльри	50 323				
Маркиз Экзетер	Лорд Бэргли	28 286				
Барон Фарнхэм	Сомерсет Мэксуэлл	25 920				
Виконт Аллендэйл	Бомон	24 098				
Маркиз Сольсбери	Виконт Крэнборн	20 202				
Граф Бошан	Виконт Эльмли	17 634				
Граф Батхерст	Лорд Эпсли	12 480				
Виконт Галифакс	Чарлз Вуд	10 142				
Барон Моубрэй Сигрэйв энд Стуртон	Дж.Стуртон	5 097				
Итого		1 673 316				

Таким образом, аристократия и прочие помещики сообща владеют большей частью британской земли. Следовательно, сила аристократии и всех остальных дворян в палате общин отражает генеральные интересы правящего класса. Депутаты-консерваторы палаты общин представляют как бы поперечный срез этого класса. Высокая процентная доля аристократов и прочих дворян на парламентских скамьях отображает не только частнобывшие интересы правящего класса в области землевладения, но и ту важную роль, какую землевладение играет в политике консерваторов.

Еще более наглядно это проявляется при анализе состава палаты лордов. В первых, буквально каждый член палаты лордов является землевладельцем и, во вторых, крупнейшие землевладельцы заседают в палате лордов. Поэтому если, говоря о землевладельческих интересах депутатов палаты общин, мы можем считать их в известной мере условными, то землевладельческие интересы членов палаты лордов есть сугубая реальность.

Итак, в целом консерваторы слились

не только с крупной промышленностью, но и с землевладением. Политика консерваторов благоприятствует крупному землевладельцу, так же как и крупным финансистам и промышленникам. Надо сказать, что землевладельцы получили от нынешнего «национального» правительства больше поблажек, чем любая другая «отрасль» экономики.

Ежегодные субсидии сельскому хозяйству составляют не менее 52 млн. ф. ст. Огромная часть этих субсидий идет в карманы землевладельцев. Когда в результате мирового аграрного кризиса необходимо было уменьшить ставки арендной платы фермеров и создалась угроза уменьшения доходов землевладельцев, тогда тори потребовали субсидий «для свекловичных и пшеничных районов» и установления правительственного контроля над рыночными ценами на бэкон и молоко, падение которых тоже угрожало их прибылям. На этом нажились и сахарозаводчики, и оптовые торговцы молоком, которые тоже весьма влиятельны в консервативной партии. Фермерам досталась лишь ничтожная доля этих огромных правительственных субсидий.

Государственные субсидии позволили крупным землевладельцам сохранить свои рантьеерские доходы, и, таким образом, их богатства остались не задетыми кризисом. Субсидии образовались из средств городского пролетариата, ибо в результате установления государственного контроля над рыночными ценами рабочий платит более высокие цены за молоко, хлеб, масло, бэкон и говядину.

В общем же нынешние богатства аристократии заключены главным образом не в землевладении. Пусть наши аристократы и прочее дворянство владеют половиной британской земли, но это составит только небольшую часть их богатств.

Контрольные права палаты лордов над палатой общин выливаются не только в форму ассигнования государственных субсидий землевладельцам. Дворянские титулы, как мы уже говорили, служат «зеркалом» частной собственности и в наш век, когда богатства общества заключены в акциях и капиталовложениях в крупные промышленные концерны. Наша титулованная аристократия состоит из крупнейших дельцов. Чем новее дворянское звание, тем более точно отображает оно новоявленное богатство. Большинство подобных аристократов составило свои банковские текущие счета из промышленных прибылей. Более половины нынешних членов палаты лордов являются носителями дворянских титулов не более как 60-летней давности. 175 титулов возникли до XIX столетия; 276 титулов были созданы на протяжении XIX века, а 310 — в XX веке. Как уже сказано выше, огромное число этих аристократических семей непосредственно связано с господами современной промышленности. Но даже больше того, именно группа более старой аристократии заняла важнейшие позиции в современной промышленности, что позволило ей сохранить свое положение в английском правящем классе. Для того чтобы составить себе исчерпывающее представление о нынешней английской аристократии, надо понять, как совершался этот постепенный переход основных богатств

из формы землевладения в форму промышленной собственности. До 1750 г. главным источником богатства была земля. Это означало, что крупнейшими богачами во всех случаях были богатейшие землевладельцы. Промышленный переворот принес с собою новые способы производства и совершенно новые перспективы создания богатств. Наши богачи-аристократы убедились в том, что владение землей с ее минеральными богатствами при непрерывно растущих ценах на землю в новых промышленных районах позволило им принять участие во вновь возникавшей промышленности. Прежде главным источником богатства была земля, а теперь в невероятно короткий срок стали фабрики, шахты, железные дороги и т. п. Прежде главной формой богатства была земельная рента, а теперь — стала не только рента, но и проценты на капитал и прибыль. Прежде аристократия владела землей, а теперь она не только владеет землей, но и большой долей новых источников богатства. Дворянство сохранило свои позиции правящей группы не только тем, что стало извлекать доходы из промышленности, но и тем, что слилось с новым и богатым средним классом, который явился инициатором и создателем новой промышленности.

В числе тех семей, богатства которых создавались в XIX веке, мы находим Асторов, Гестов. Богатства последних выросли из железоделательных и сталелитейных заводов в Доулэ. Родоначальник семьи Гест обосновался в 1758 г. в Доулэ и построил там огромные железоделательные заводы, ныне самые старинные во всем Южном Уэльсе.

Политическую карьеру семьи начал внук этого Геста сэр Джосайя Джон Гест, получивший титул баронета и мандат депутата-консерватора парламента, где он пробыл с 1825 по 1831 г. Сэр Джосайя породнился с дворянством. Его сын получил звание барона в 1880 г. и женился на дочери герцога Марльборо. Барону Гесту принадлежало тогда 83 600 акров земли.

К тому времени Гесты уже знали, как важно иметь могущественные связи. Шестеро из девяти отпрысков I барона Ге-

ста вступили в брак с дворянскими отпрысками. Один из его братьев Фредрик Эдуард Гест был депутатом парламента в 1910—1929 и в 1931 гг., а двое других братьев, полковник Генри Гест и Оскар Гест, являются консервативными депутатами палаты общин нынешнего состава.

Семья Гестов имеет исключительно обширные связи в промышленном мире. Нынешний виконт Уимборн, член рода Гестов, является директором Барклэйз-банка. Его брат полковник Гест является директором компании «Гест, Кин энд Неттльфольдз, лимитед», «Оркнерской компании железных рудников», «Компании угольных шахт Поуэлл Дюфрен», «Компании ассоциированных угольных шахт Уэльса» и еще трех других акционерных компаний. Второй брат, тоже депутат палаты, Оскар Гест состоит главным управляющим «Компании телефонных установок Холл». Депутат-консерватор Айвор Гест является председателем фирмы судовладельцев и биржевых маклеров и т. д.

Племянник виконта Уимборна, нынешний виконт Ридли является директором «Консеттской компании железодельных заводов», Йоркширской страховой компании и Ллойдс-банка, кроме того, ему принадлежит 10 тысяч акров земли.

Во второй главе нашей книги мы уже показали связи этой семьи с финансовыми интересами в Испании.

Округ Мертир Тидвил, в состав которого входит город Доулэ, где в XVIII веке Джон Гест впервые построил свои железодельные заводы, насчитывает, как сообщалось недавно, 39 проц. безработных. Гесты теперь принадлежат к наиболее веским в политическом отношении семьям английского правящего класса.

Пример другой семьи — Астор, — пожалуй, нагляднее других показывает, каким образом люди, составившие свои богатства за границей, могут на протяжении всего нескольких поколений вознестись к самой вершине английской общественной и политической жизни.

Основатель этой семьи Джон Джейкоб Астор (1763—1848) родился в Германии в бедной семье. В 1783 г. он

переехал в Балтимору и нажил богатство на меховой торговле с индейцами. В одном справочнике биографий выдающихся американцев мы читаем:

«Его (Астора) агенты, вместе с агентами других купцов, и с его одобрения, развращали индейцев спиртными напитками для того, чтобы получить у них меха по более дешевой цене. Астор знал только одну страсть — накопление богатства, и ради достижения этой цели он не брезговал ничем».

Его дело быстро разрасталось; он основал город Асторию в штате Орегон в качестве своего торгового центра, откуда товары потекли по всему миру.

Праправнук Джона Астора Уильям Уолдорф Астор, родившийся в 1848 г., был англо-американским финансистом. Он получил юридическое образование, выступал кандидатом на выборах в американский конгресс и был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк. В течение нескольких лет он был американским послом в Италии. В 1890 г. он переехал на постоянное жительство в Англию и к 1899 г. принял британское подданство. Умер он в 1919 г. уже с титулами барона, который был дарован ему в 1916 г., и виконта, полученным в 1917 г. Его титул перешел к нынешнему виконту Астору, а его богатства были разделены между двумя его сыновьями — майором Астором, депутатом-консерватором от Дувра, и виконтом Астором с его детьми. В общем, в настоящее время все члены младшей ветви рода Асторов имеют на текущих счетах не менее чем по 1 млн. ф. ст. Всего родоначальник английской ветви Асторов оставил по завещанию 15 млн. ф. ст. — поистине княжеские богатства! Кроме того, американская собственность лорда Астора была оценена в 22 млн. ф. стерлингов.

В 1935 г. мистер Астор был избран депутатом в палату общин. Газеты приводили забавное выступление виконтессы Астор в защиту кандидатуры своего сына.

«У меня есть твердые убеждения, — говорила виконтесса, — насчет вступления молодежи в парламент. Я считаю, что прежде, чем отправляться туда, молодежь должна кое-чему поучиться. Сперва хотели, чтобы мой сын во-

шел в парламент, когда ему только-что исполнился 21 год... но я ему этого не разрешила и потребовала, чтобы сначала он отправился путешествовать и кое-чему поучиться. Теперь перед вами зрелый, знающий и воспитанный кандидат. Но что еще важнее — у него есть мать, которая может следить, чтобы там, в палате, он шел по правильному пути. Вы получаете возможность послать в палату общин молодого человека, чья мать не оставит его своим попечением. Ни в одном другом избирательном округе Англии не найдется кандидата подобных достоинств».

О богатствах интернационального дома Асторов свидетельствуют не только приведенные выше цифры. Посмотрим, какие директорские посты в промышленности занимают члены этой семьи. Депутат парламента майор Дж. Астор состоит директором крупного банка, компании магистральной железной дороги, крупного страхового общества и газетного издательства, а именно: Хамброс-банка, Большой Западной железной дороги, страховой компании «Феникс» и издательского акционерного общества «Таймс». Виконту Астору принадлежит газета «Обсервер».

Семья Асторов неплохо представлена в парламенте: кроме лорда Астора, заседающего в палате лордов, мы видим леди Нэнси Астор в качестве депутата-консерватора палаты общин начиная с 1919 г.; сын и наследник лорда Астора достопочтенный У. Астор состоит депутатом-консерватором с 1935 г., а брат виконта майор Астор — депутат-консерватор с 1922 г. Дочь виконта вышла замуж за лорда Уиллоуби де Эресби, который является депутатом палаты общин с 1933 г., а племянница леди Астор замужем за м-ром Рональдом Три, депутатом-консерватором тоже с 1933 г.

В 1936 г., когда сэр Сэмюэл Хор стал морским министром, он назначил У. Астора на должность своего парламентского частного секретаря, хотя тот еще только первый год заседал в парламенте. Перейдя в министерство внутренних дел, Хор почти немедленно опять назначил У. Астора своим парламентским частным секретарем.

Асторы славятся также своим салоном в поместье Клайвден, где мистер Невилль Чемберлен, сэр Томас Инскип

и другие члены кабинета министров частые гости.

Асторы—наиболее влиятельная семья из числа новых правящих семей.

★

Партия тори не столько является партией парламента, сколько главным образом партией лордов, заседающих в палате общин.

В приведенной ниже таблице мы поместили также баронетов и лиц прочих «рыцарских» званий, ибо хотя они не принадлежат к рангу пэров, но эти титула очень часто служат первой ступенькой иерархической лестницы. В таблице мы избежали повторов, и если кто-нибудь является одновременно сыном-наследником одного пэра и зятем другого пэра, то учтен он только в одной рубрике.

**Дворянство и аристократия
в палате общин**

Пэры на основе личного права	1
Пэры на основе наследственного права	18
Младшие сыновья пэров	13
Зятья пэров	25
Кровные родственники пэров	24
Родственники пэров по бракам	12
Крупные земельные собственники-дворяне	55
Итого:	148
Бароны	24
Итого:	172
Рыцари	64
Всего депутатов	236

Титула есть и всегда были выражением богатства. Практически из этого следует, что богатство всегда предшествует получению титула. Богатство при современном общественном строе означает политическое могущество, а политическое могущество осуществляется через палату общин. Таким способом аристократия в основном и удерживает свои позиции в английском обществе.

Мы показали, что пэры Англии исключительно богатые люди и что в каждый данный период они вкладывают свои богатства в главенствующие отрасли экономики. Мы также утверждаем

что всякий богач стремится в конечном счете стать пэром.

По существу политическое назначение титулов состоит в том, чтобы укреплять кастовую солидарность богатого меньшинства. Вот почему дарование титулов в наши дни не является лишь способом церемониального отличия «великих людей» за их «служение обществу»; на самом деле происходит другое: наиболее видные фигуры английского финансового и промышленного мира принимаются в верховную касту английского правящего класса.

Остается показать этих новейших аристократов, которые получили свои первые титулы или более высокие титулы начиная с 1931 г., т. е. за время существования «национального» правительства. Отсюда мы получим определенное представление о характере самого правительства, ибо о всяком правительстве можно судить по тому, каких людей оно окружает почетом.

За весь период с 1931 г. «национальное» правительство возвело в ранг пэра более 90 человек, включая повышения в рангах. 60 человек из этих 90 занимают в общей сложности 420 директорских постов в акционерных компаниях. 42 новых пэра, ныне перешедших в палату лордов, состоят директорами банков и страховых компаний, а в общей сложности занимают 86 директорских постов. (В то же время в палате общин в качестве депутатов-консерваторов заседают 16 банковских директоров и 43 директора страховых компаний).

Обратимся от цифр к фактам. Посмотрим, кто возглавляет «большую пятерку» банков и Английский банк из числа новоявленных пэров (включая персон, возвысившихся в ранге) периода правления «национального» министерства.

Новая аристократия

Название банка	Год получения титула пэра и перехода из палаты общин в палату лордов
Английский банк	{ Лорд Сент Джэст (1935) Лорд Стэмп (1938)

Название банка	Год получения титула пэра и перехода из палаты общин в палату лордов
Ллойдс-банк	{ Председатель банка — лорд Уорддингтон (1936) Виконт Уир (1938) Виконт Бледизло (1935) Виконт Хорн оф Сламманн (1937)
Национальный провинциальный банк	{ Лорд Ривердэйл (1935) Лорд Пендер (1937) Лорд Перри (1938)
Мидлэнд-банк	{ Лорд Дэйвис (1932) Лорд Уиграм (1935) Лорд Мак-Гоуан (1937)
Вестминстерский банк	{ Маркиз Уиллингдон (1936) Виконт Рэнсимэн (1937)
Барклейз-банк	Лорд Эссендон (1932)

Этот список, само собою разумеется, охватывает не всех аристократов, заседающих в правлениях этих банков, а только тех, кто удостоен титулов за последние семь лет.

Из состава правлений магистральных железных дорог 9 человек получили за это время звание пэра (в то же время девять других членов правлений железных дорог заседают на скамьях консерваторов в палате общин).

Среди капитанов индустрии, возведенных в ранг пэра на протяжении последних семи лет, мы находим следующих господ:

1. Пивоваренное дело — лорды Блэкфорд (1935), Брокетт (1933), Дэнхэм (1937), Мойн (1932); при этом 11 пивоваров заседают на скамьях консерваторов в палате общин.

2. Уголь — лорды Дэйвис (1932), Рэнкейлур (1932), Брэсс (1938); в палате общин заседают 14 шахтовладельцев.

3. Пресса — лорды Иллифф (1933) — «Дэйли Телеграф»; Кемсли (1936) — председатель правления акц. об-ва «Аллайд нюзпэйперз» (изд-во газет «Дэйли Скетч», «Сандэй Таймс» и др.); Соутвуд (1937) — председатель правления и главный управляющий фирмы «Одхэмз пресс» (изд-во газеты «Дэйли Геральд» и др.); председатель правления изд. акц. об-ва «Спортинг энд Драмастик» и т. п. Около 14 депутатов-консерваторов палаты общин тесно связаны с прессой.

4. Автомобильная промышленность — лорд Остин (1936) — председатель правления «Остин мотор компания», виконт Нэффилд (1938) — председатель правлений фирм «Моррис моторз» и «Вулсли моторз»; лорд Перри (1938) — председатель

правления «Форд мотор компани» (английская фирма); кроме того, 7 депутатов-консерваторов тесно связаны с автомобильной промышленностью.

5. Химическая промышленность — лорд Мак-Гоуан (1937) — председатель правления «Имперского химического треста»; виконт Уир (1938) — «Имперский химический трест»; лорд Селздон (1934) — председатель правления фирмы медицинских препаратов «Ино». С этой промышленностью связано значительное число депутатов-консерваторов.

6. Судоходство — виконт Бледило (1935) — «Пасифик энд Ориент»; виконт Рэнсимэн (1937) — «Мур-Лайн» и др. линии; лорд Эссендон (1932) — председатель правления «Фэрнесс, Уитти энд компани» и «Кюнард-Уайт Стар»; кроме того, 18 депутатов-консерваторов связаны с судоходством и смежными отраслями.

7. Радио и т. п. — лорд Пендер (1937) — главный управляющий фирм «Морского кабеля и радиосвязи» и «Кодак». Кроме того, один из членов правления компании «Морского кабеля и радиосвязи» состоит депутатом-консерватором палаты общин.

8. Нефть — лорд Кэдмэн (1937) — председатель правления Англо-Иранской нефтяной компании.

9. Кондитерские изделия — лорд Палмер (1933) — фирма «Хэнтли энд Палмер».

10. Электроэнергия — лорд Элтлизи (1934) — «Электрическая корпорация Эдмунд-сона» и др.

11. Электромашиностроение — лорд Хэрст (1934) — председатель правления «Дже-нерал электрик компани» и др.

Если так много фабрикантов возведено в пэры за короткий срок в семь лет, то нетрудно себе представить, в каком объеме аристократия в целом контролирует богатства нашей страны. В то же время совершенно очевидно, что «почетного» звания пэра может удостоиться всякий подлинно богатый человек.

Одну из самых разнообразных, но отнюдь не самую большую «лачку» директорских постов имеет виконт Гринвуд (титулован в 1937 г.), который состоит с 1933 г. казначеем партии консерваторов.

Вот эта пачка:

Название предприятия	Занимаемый пост
1. «Компания очищенного хлеба»	Предс. правления
2. «Компания сельскохозяйственного кредита в Палестине».	Предс. правления
3. «Компания сталелитейных заводов Боузфильд».	Предс. правления
4. «Британская компания стальных конструкций».	Директор
5. «Дарлингтонская компания прокатных заводов».	Зам. предс. правления
6. Компания «Дормэн Лонг» (Африка)	Директор
7. «Дормэн Лонг энд компани»	Предс. правления
8. «Люис Бергер и с-вья»	Предс. правления
9. Компания «Монтэгю Бэртон»	Директор
10. Компания «Пирсон энд Дормэн Лонг»	Директор
11. Страховая компания «Феникс»	Директор
12. «Редпат, Браун энд компани»	Предс. правления
13. «Сосьетэ энтернациональ д'энержи идро-электрик (СИДРО)»	Директор
14. Компания заводов «Мостовых конструкций и машиностроения в Тиз-Сайде».	Предс. правления
15. Компания эптонских угольных копей.	Предс. правления

В ранг пэра возводятся также высшие офицеры армии и флота, дипломаты, адвокаты; пэрами стали двое «национал»-лейбористских депутатов и один лейбористский депутат палаты общин.

За исключением двух-трех случаев, все новоявленные пэры принадлежат к консервативной партии, из чего явствует политическое значение этих титулов. Об этом же свидетельствует тот факт, что более половины этих пэров — 48

человек из числа 90 — являются бывшими депутатами парламента. При раздаче титулов принадлежность к «национальному» блоку почти никакой роли не играет: попросту тори титулуют друг друга. Иначе говоря, лорды сперва командируют своих родственников в палату общин, а оттуда переводят свою креатуру в палату лордов.

Из 77 «рыцарей», заседающих в палате общин на правительственных скамьях, 40 депутатов возведены в «рыцарское» достоинство «национальным» кабинетом и 10 депутатов — предшествующими консервативными кабинетами. Списки будущих «рыцарей» составляет премьер-министр и ответственность за это несет, по существу, перед богачами, депутатами-консерваторами, которых и осыпает титулами.

До промышленного переворота титула барона, графа или герцога отображали, как мы знаем, владение земельной собственностью. Бывало, что титул давался «заслуженному» судье или воюке, при этом титулование неизменно сопровождалось денежной наградой или дарованием земельных угодий. Теперь титула баронов, виконтов и графов отображают преимущественно капиталистическую собственность, но в то же время обычай предписывает новоявленным пэрам тотчас по получении титула приобрести землю.

Итак, «национальное» правительство применяет систему титулования для того, чтобы окружить почетом богатство и частную собственность. И когда некий консерватор-публицист пишет: «Мы должны гордиться нашими богачами, а не стыдиться их», то он лишь с грубой откровенностью формулирует ту самую «философию», которая побуждает премьер-министра представлять к титулованию крупного банкира, пивовара, военного заводчика, судовладельца. Фактом титулования этих господ народу как бы предписывается «почитать этого богатого человека, потому что он богат».

Социальное мировоззрение, краеугольным камнем которого является «почитание наших богачей», слишком неуклюже, чтобы быть популярным в совре-

менном обществе, борющемся за развитие демократии, а не за ее ограничение. Впрочем, и в давние времена это мировоззрение не могло завоевать на свою сторону бедняка-арендатора и крепостного крестьянина. Вот почему и до наших дней приходится прибегать ко всевозможным церемониям и парадной шумихе, которыми народу пускают пыль в глаза. Споры нет — гораздо легче выдумывать трогательные рассказы о графе или бароне, чем о пивоваре или директоре страховой компании.

Изо дня в день действует огромный механизм пропаганды, чтобы непрерывно оживлять этот миф. Частью эта пропаганда предназначена для, так сказать, «внутреннего» потребления аристократией, например, в виде великосветских газет, а пропаганда сортом подешевле должна убедить нас, простых смертных, в неувыдаемой славе нашей знати.

Еще и поныне некоторым наиболее отсталым группам населения легче внушить уважение к титулованным особам, чем к богатым обывателям; легче культивировать пресловутый снобизм на почве иерархии титулов, чем вокруг имен разношерстной группы богатых черствых дельцов.

Титул придает человеку престиж в состоятельных слоях общества, где он вращается; он придает ему авторитет и в глазах тех мелких хищников, которые жаждут достигнуть такого же богатства и такой же знатности. Ясно, что иерархия титулов помогает сплочению правящего класса; а потряхивание мишурой титулов и прочих почестей перед глазами тысячной толпы светских «старателей» обеспечивает их полное послушание. Титулование и прочий ритуал нашей социальной верхушки способствует развитию у состоятельных слоев общества определенной «философии». Основное положение этой «философии» — почитание богачей. Ее политическим выражением является власть в руках богачей. А это, как мы уже знаем, — основа основ всей политики консерваторов.

Еще с 1934 г. лорд Редездэйл (собственный пэрский «стаж» которого ис-

числяется только с 1916 г.) следующим образом высказывался на страницах «Таймс» по вопросу о возможном ограничении прав палаты лордов:

«Вообще говоря, человек, прошедший всю свою жизнь на политическом и общественном поприще, скорее вправе рассчитывать, что его сын сумеет пойти по стопам отца... чем человек, никогда подобными делами не занимавшийся... Я твердо верю в наследственность... Палате господ лордов остается только требовать восстановления в полном объеме ее бывшей власти и отмены прав нижней палаты... Палата господ лордов является чудеснейшей в мире верхней палатой, предметом зависти всех цивилизованных государств».

Всякому будущему демократическому правительству придется поступить с палатой лордов очень сурово. Она все еще наделена правом задержать любой законопроект (кроме финансового) на два года. Правда, спикер палаты общин может подтвердить любой закон, как финансовый, и тогда он вступает в силу, но так как пресса и все прочие средства господства финансового капитала к услугам палаты лордов, то даже демократическое министерство натолкнулось бы на такое сопротивление, с которым можно совладать только одним способом: раз и навсегда разогнать палату лордов.

Еще в 1894 г. лорд Розбери в письме к королеве Виктории дал палате лордов характеристику, ничуть не устаревшую и сейчас.

«Когда у власти стоит консервативная партия, — пишет Розбери, — тогда палата лордов словно не существует: она без звука принимает все, что консервативное правительство передает ей на рассмотрение из палаты общин. Но стоит только сформировать правительство либеральной партии, как тотчас же этот прежде безвредный орган возвращается к бурной жизни и всю свою деятельность направляет против правительства».

Палата, которая почти целиком составлена из богачей — землевладельцев, шахтовладельцев, банкиров и промышленных магнатов, — является не чем иным, как чудовищным нарывом на теле демократии.

За последние пятьдесят лет большая часть английского народа прониклась здоровым скептицизмом к палате лордов и ко всей мишуре титулов в целом. И в

самом деле, палата лордов и титулование, этот пережиток средневековья, в наше время кажется нелепостью. Но титула служат дымовой завесой, за которой скрываются колоссальные богатства, частная собственность и привилегии — все то, что действительно господствует над нашей демократией.

Почитание богатства непременно должно сопровождаться почитанием наследственных привилегий. Непрерывность владения богатствами сопровождается у наших правящих семей и другими традициями. Традиции определяют выбор учебных заведений, где учатся люди этого класса, выбор профессий для наследников; но важнее всего — остается политическая традиция.

Мы показали картину той знати, отпрыски которой заседают в палате общин в непрерывной цепи наследования. Мы рассказали о тех семьях, которые на протяжении двухсот лет пополняют собою министерства. Промышленный переворот внес большие перемены в жизнь общества, и это в свою очередь известным образом изменило политические идеи правящих классов. Но одна, главная, идея осталась неизменной: идея о том, что ввиду их богатства и привилегированного положения они должны ради самосохранения любой ценой удерживать в своих руках политическую власть.

В наши дни эта идея «правлящих семей» является движущей силой государственной политики Англии.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ПОЛИТИКОВ

Аристократы, которым мы посвятили предыдущую главу, образуют ядро консервативной фракции в палате общин. В правительственных же кругах они играют еще более руководящую роль.

Наши титулованные консерваторы со своими ближайшими родственниками, т.-е. та часть слоя богачей, которую мы назвали «кумовским кругом», занимает около половины скамей консерваторов в палате общин, около половины министерских кресел, значительное число

постов помощников министров и других высших административных должностей.

Для полного уяснения социального происхождения всего консервативного представительства в палате общин надо рассмотреть и состав остальных депутатов-консерваторов.

Можно назвать родителей примерно 300 депутатов-консерваторов. Данные же об образовании, богатствах и профессиях остальных показывают, что и они по происхождению принадлежат к тому же кругу трехсот.

Чем занимаются отцы депутатов-консерваторов.

Фабриканты, банкиры и купцы	29 проц.
Землевладельцы, рантье и т. п.	20 »
Офицеры	16 »
Профессиональные политики	15 »
Духовенство	7 »
Высшие чиновники, в том числе на дипломатической службе	5 »
Свободные профессии (учителя, врачи, художники, адвокаты и т. п.)	8 »

Таблица нуждается в некотором пояснении. Большинство профессиональных политиков тоже должно быть отнесено к категории землевладельцев или рантье, ибо сейчас, почти как и прежде, сделать политическую карьеру в рядах консерваторов может только обладатель фамильных богатств. Как правило, все отцы депутатов-консерваторов имеют огромные личные состояния и титула. Большинство пастырей церкви и высших чиновников тоже титулованные богачи.

В категорию фабрикантов, банкиров и купцов входят такие известные имена, как Бэрд (соуса), Курто (вискоза), Кроссли (автомобили), Хамбро (банки), Греттон (пиво), Никольсон (настойки), Гест (сталь), Бэйг и Джоэл (добыча золота и алмазов), Кайзер (судоходство) и т. д. Все это семьи, владеющие огромными состояниями.

М-р Хадсон, парламентский помощник министра торговли и директор департамента внешней торговли, получил в наследство от отца одного только недвижимого имущества на 150 тыс. ф. ст. Его отец возглавлял в свое время

фирму «Хадсонское сухое мыло». Хадсон-сын известен читателям своими недавними поездками и торговыми переговорами в Москве, Стокгольме и других европейских столицах.

Выше мы среди прочих имен назвали семью Курто. Об огромных богатствах этой знаменитой семьи рассказывает газета «Дэйли экспресс». В заметке, озаглавленной «1 900 000 фунтов стерлингов нажито в 3 дня! Доходы семейства Курто», газета сообщает:

«Известие о вчерашней 12-миллионной вырубке Курто вызвало небывалую за многие годы горячку на бирже. Маклеры спозаранку кинулись туда, и еще задолго до открытия биржи улица была запружена толпой, покупавшей и продававшей акции. Маклеры дрались за каждого клиента. Бешеный торг продолжался еще три часа после закрытия биржи... Особенно нажились на повышении курсов члены семейства Курто; восемнадцать человек из них зарегистрированы на бирже, как держатели 1 207 978 простых акций и 687 409 привилегированных. Хотя по номиналу они стоят по 1 фунту каждая, но по вчерашнему вечернему курсу они стоили в общем 11 миллионов фунтов стерлингов».

В палате общин семью Курто представляет депутат-консерватор майор Джон Сюэлл Курто. Двое других депутатов-консерваторов, майор Рэйнер и Р. Батлер, являющийся парламентским помощником министра иностранных дел, породнились с семейством Курто посредством браков.

Как правило, повторяем, депутаты-консерваторы палаты общин нынешнего состава обязаны своим положением своему рождению. Исключение из этого правила составляют депутаты, происходящие из среды людей свободных профессий. В эти профессии — учительство, врачебное дело, инженерство, искусства — идут члены «небогатых» семей; в парламенте они занимают 8 процентов скамей консерваторов.

Из 300 депутатов-консерваторов мы нашли только одного, который может похвалиться родителями — бедняками; речь идет о сэре Уолтере Уомерсли, заместителе министра почт. Тори любят рассказывать о том, что этот сэр 10-летним мальчиком работал на фабрике. Но и этот сэр — единственный депутат-консерватор рабочего происхождения!

В порыве откровенности депутат-консерватор Дэфф-Купер, одно время занимавший пост военного министра¹, писал в газете «Ивнинг Стандард»:

«Бедняку, если он примыкает к консерваторам, так же трудно пробраться в палату общин, как верблюду пролезть в игольное ушко. Мы, правда, не хотим сказать, что это трудно проделать, чем богачу попасть в царствие небесное; однако в обоих случаях вход строго охраняется».

Из сказанного выше о социальном происхождении депутатов-консерваторов снова подтверждается вывод, сделанный из предыдущих глав, о том, что консервативная партия есть политическая партия самых богатых. Значит, маленький класс общества удерживает за собой контроль над государственной властью посредством политической партии, выражающей его взгляды и интересы.

Маленький класс богатых семей самовоспроизводится из поколения в поколение. Одновременно с передачей богатств этого класса следующему поколению передается и контроль над консервативной партией, которая служит главным орудием охраны его богатств и привилегий.

О малом размере того класса, откуда набираются руководящие консервативные политики, можно судить по их привилегированному положению на школьной скамье. Самые дорогие колледжи в Англии — это Итон и Харроу². Плата за обучение там составляет по меньшей мере 300 ф. ст. в год. По существу это школы правящего класса, прочно пока удерживающего в своих руках власть над нашей политической жизнью.

В октябре 1938 г. лондонская вечерняя газета «Ивнинг Ньюз» писала:

«Новые перемены, произведенные мистером Чемберленом, пополняют состав кабинета двумя старыми итонцами: граф Стэнхоп и граф Делавар присоединяются к своим однокашникам — к виконту Хэйлшэму, заместителю

премьер-министра, бывшему в свое время капитаном итонской школьной футбольной команды, к лорду Галифаксу, министру иностранных дел, к Оливеру Стэнли из министерства торговли и к графу Уинтертону, канцлеру герцогства Ланкастерского.

Таким образом, итонцы составляют в кабинеете большинство. Колледж Рэгби¹ представлен премьер-министром, а Харроу — сэром Самюэлем Хором (министр внутренних дел. — Ред.) и маркизом Зетлэндом (министр по делам Индии. — Ред.); ряды выходцев из Харроу будут, возможно, еще пополнены капитаном Юэном Уоллэсом».

Однажды как-то лорд Болдуин, старый «харроуец», рассказывал: «Когда меня призвали, чтобы я сформировал правительство, то первой моей мыслью было создать такое министерство, которым Харроу мог бы гордиться».

На протяжении многих поколений консервативной партией руководят «старые итонцы» и «старые харроуцы». Вот каким образом за последние 30 лет были представлены среди депутатов-консерваторов эти два колледжа:

Годы	Общее число депутатов-консерваторов	Доля Итона и Харроу
1905	386	144 (37 проц.)
1909	157	67 (43 »)
1928	415	128 (31 »)
1938	415	125 (30 »)

Только 0,1 процента английских юношей поступает в Итон или Харроу, между тем как 30 процентов депутатов-консерваторов воспитывалось в этих заведениях.

Ясно, что Итон и Харроу образуют звено в цепи воспитания, которое формирует мировоззрение консервативных законодателей.

Кто же управляет этими школами? Во главе Итона стоит совет из 10 «братьев», во главе Харроу — совет из 10 «гувернеров». В обоих советах состоят члены директората Английского банка: Сесиль Лэббок в совете Итона и лорд Сент-Джэст в совете Харроу. В состав итонского совета «братьев» входят также двое членов директоратов банковской «большой пятерки»: дирек-

¹ Этот колледж назван по городу Рэгби; основан в 1567 г., число учащихся — 640. — Прим. перев.

¹ Вышел в отставку ввиду несогласия с политикой кабинета Чемберлена в вопросе о Чехо-Словакии. — Прим. перев.

² Итонский колледж основан в 1440 г., число учащихся — 1160 (1937 г.); Харроу — в 1571 г., учащихся — 600. — Прим. перев.

тор Барклэйз-банка сэр Гарольд Снэгт и Джаспер Ридли, заместитель председателя Национального провинциального банка.

В совете обеих колледжей мы найдем по одному члену кабинета консерваторов; в Итоне — виконт Галифакс, в Харроу — маркиз Зетлэнд. Кроме того, Харроу имеет двух консервативных экс-министров, Л. Эмери и лорда Болдуина. Редактор газеты «Таймс» Джоффри Досон входит в число итонских «братьев». Епископ Линкольнский, назначенный в этот епископат «национальным» правительством в 1938 г., является «почетным гостем» Итона и членом совета «гувернеров» Харроу.

Ясно, что оба колледжа управляются руководящими консерваторами.

Для полноты картины остается упомянуть про тех многочисленных консерваторов—депутатов и пэров, — которые посылают своих отпрысков в самые дорогие и привилегированные учебные заведения.

К моменту написания нашей книги было по меньшей мере 33 депутата-консерватора, чьи сыновья обучались в Итоне; в том числе двое сыновей Дж. Астора, сын сэра Кайзера, сын сэра Григга, сын Хели-Хатчинсона и т. д. Там же учатся сыновья министров: графа Делавара, виконта Галифакса и Оливера Стэнли.

Практически говоря, Итон и Харроу служат подготовительной школой английского консерваторства. Большая часть нынешних депутатов-консерваторов, равно как их отцы и как их сыновья, воспитывалась в этих заведениях в консерваторских традициях.

Не случайно, что эти школы — самые дорогие в стране. Именно такая исключительно высокая плата за обучение гарантирует, что туда могут попасть только сынки «верхних десяти тысяч», а из них-то и выходят наши консерваторы.

Бывает, что некоторые папаши возражают против Итона и Харроу из соображений вероисповедных и посылают своих сынков в католические школы.

После колледжа идет университет. Относительно 272 депутатов-консерва-

торов мы располагаем нужными сведениями: 188 человек училось в Оксфорде или Кэмбридже, 50 человек в провинциальных и иностранных университетах, а 34 человека кончили высшие военно-учебные заведения.

И в этой области наши консерваторы пользуются привилегией, не доступной 98 процентам наших соотечественников.

Заметим попутно, что подавляющее большинство оксфордцев и кэмбриджцев проходит курс наук, не особенно преуспев на академическом поприще. Средняя норма студентов, кончающих английские университеты с отличием, гораздо выше, чем в Оксфорде и Кэмбридже. Вот почему в этих заведениях для избранных очень велико число студентов, успевающих получить только так называемое проходное свидетельство. А надо сказать, что подобная форма «диплома» как-раз и создана для таких студентов, которым претит всякое умственное напряжение.

Отбор, основанный на личных богатствах, несомненно с отбором, основанным на личных способностях. И ничего таинственного нет в том, что наши депутаты-консерваторы стоят по своим познаниям ниже английского среднего уровня. И в этом они опять-таки являются собой как бы поперечный срез класса крупных богачей. Верно, что некоторые депутаты-консерваторы избраны благодаря недюжинным личным способностям, но их такое ничтожное меньшинство! Главным остается — богатство и родословная. А богатство и родословная очень часто сочетаются со своеобразным презрением к наукам.

Депутат-консерватор Хели-Хатчинсон, обучавшийся в Итоне и в Оксфорде, пишет:

«Большинство людей читает слишком много книг. А между тем все, что нам нужно, — это библия, особенно священное писание и притчи, а из Шекспира — только «Юлий Цезарь» и «Генрих Пятый».

С другой стороны, вовсе нет надобности, чтобы все обитатели правительственных скамей и даже все члены кабинета были понятливыми. Вполне достаточно преданности «делу» консерва-

торов, ибо наши правители гораздо больше ценят слепое послушание, чем правильное понимание событий.

Еще более показательна, чем семейное происхождение и образование, — карьера, которую выбирают депутаты-консерваторы.

Мы уже говорили об обилии членов правлений акционерных обществ в парламенте. Сейчас среди депутатов-консерваторов их насчитывается 181 человек. Многие другие в прошлом тоже директорствовали в акционерных предприятиях, потому что расширение и сбережение фамильных богатств служит важнейшим занятием для отпрысков состоятельных семей. Это занятие может, например, протекать в форме управления собственными поместьями.

Хотя управление семейным состоянием являлось и является основным занятием большинства наших депутатов-консерваторов, но человек 200 из них имели и имеют еще и другие занятия.

Оказывается, что 96 депутатов-консерваторов служили офицерами в кадровых войсках, в том числе 79 — в сухопутных частях, не считая тех, кто служил по призыву во время первой империалистической войны; 78 депутатов-консерваторов являются адвокатами; 16 депутатов-консерваторов — бывшие чиновники, в том числе 11 человек было на дипломатической службе.

Все эти профессии объединяет один общий признак: каждая из них тесно связана с деятельностью государственного аппарата. Чиновничий аппарат приводит в действие государственную машину. Депутаты-адвокаты фактически монополизировали для себя все важнейшие посты в системе юстиции, начиная от лорда-председателя апелляционного суда, главы верховного суда, судьи графства и до членов магистрата. Наши офицеры, особенно сухопутных войск, фактически контролируют армию и полицию — аппарат принуждения, на котором в конечном счете зиждется государственная власть.

Можно назвать эти профессии «профессиями правящего класса» и в том смысле, что представители этих профес-

сий играют определенную роль в управлении страной, и в том смысле, что правящий класс страны избирает для себя эти профессии. Таким образом, состоятельные классы в Англии вдвойне контролируют государственную власть: благодаря своим позициям в парламенте и своим позициям в государственном аппарате.

Неплохо охарактеризовал эту систему один иностранный наблюдатель — Пауль Коэн-Портгейм, автор книги «Англия, неведомый остров» (1933 г.). Вот что он пишет:

«Подлинное могущество «общества» покоится не на какой-либо конституционной власти, а на контроле над всем аппаратом государственного управления. «Общество» имеет решающий голос при замещении всех важнейших должностей, и допускаются туда почти только те, кто достоин этого по рождению... Наиболее высокие посты достаются питомцам «общества», наводящим министерство иностранных дел, посольства и миссии и управляющим колониями... Все ответственные дипломатические представители Англии принадлежат по рождению или «кумовству» к «обществу». Из того же круга происходит подавляющее большинство судей, отсюда же берутся епископы и высшее духовенство господствующей англиканской церкви, а также высшее командование армии и флота... Все ответственные посты в каждом департаменте правительственного аппарата заполняются младшими, нетитулованными сыновьями, племянниками, кузенами и дальними родственниками аристократов».

Автор приведенных выше строк если и допускает некоторое преувеличение, то только в том смысле, что не учитывает необходимости для правящего класса время от времени вовлекать в эти профессии известное число представителей средних классов; но тем не менее огромная часть наиболее ответственных постов остается в руках членов богатейших семей.

Остановимся также на категории профессиональных политиков. В предыдущей главе мы уже приводили примеры наиболее влиятельных семей, чьи отпрыски стали профессиональными политиками.

«Доступ в эту область ограничивается тем слоем общества, который живет на доходы от частной собственности и тем самым может позволить себе пойти на риск, связанный с неустойчивостью политической карьеры. Это те

же люди, которые с давних пор заполняют палату общин, как они заполняют и важнейшие должности в государственном аппарате, в церкви, в армии, в свободных профессиях и даже в деловом мире», — пишет английский публицист Г. Гривз в книге «Британская конституция» (1938).

Высокий процент бывших представителей профессий правящего класса среди депутатов-консерваторов характеризует их, как членов привилегированного слоя общества. Выйдя в отставку из армии или с гражданской службы, они выступают консервативными депутатами от того или иного избирательного округа. Многие после длительной парламентской карьеры снова возвращаются на ответственные должности в государственном аппарате. Если обратиться к практике дополнительных выборов, проходивших с 1931 г., то мы увидим, что, кроме случаев смерти или наследования, или приобретения титулов, многие вакансии на парламентских скамьях образуются вследствие отказа депутатов от своих мандатов. Так, семеро депутатов-консерваторов были назначены судьями, включая одну высшую судебную должность в Шотландии и одну в Индии; трое были назначены членами магистратов; остальные получили следующие назначения: управляющий Британской радиовещательной корпорацией (контролируется государством. — *Ред.*), председатель совета по вопросам безработицы, губернатор Бомбея, губернатор Мадрасса (провинции Индии. — *Ред.*), генерал-губернатор Канады. Например, депутат-консерватор сэра Малькольма Барклэй-Харви был назначен губернатором Южной Австралии.

В связи с его назначением газета «Ивнинг Стандард» сообщила:

«Сэру Малькольму исполнилось 49 лет; в округе Абердиншире ему принадлежит поместье в 14 000 акров земли... Недавно предполагалось назначить его заместителем председателя Большого комитета палаты общин. Эта должность с годовым окладом в 1 500 фунтов стерлингов ему не досталась, зато теперь он будет получать жалованья 5 000 фунтов стерлингов в год».

Депутатов-консерваторов назначают на такие должности министры, от-

ветственные за эти назначения перед палатой общин, т.-е. перед теми же консерваторами, которыми и заполняются все эти должности. Получается еще одна иллюстрация к тем способам, какими консервативная партия, находясь у власти, заполняет все важнейшие посты твердокаменными консерваторами.

Многие отставные военные являются крупными землевладельцами, другие — состоят в директоратах акционерных компаний. Например, депутат-консерватор полковник Бэртон является директором фирмы готового платья «Амалгамейтед гаунз», кинофирмы «Супер-Синемаз» и т. д., депутат-консерватор майор Проктер состоит директором кинофирмы «Капиталь Фильм корпорэйшен», пивоваренных заводов «Ред Тоуэр» и т. д. В правлениях акционерных обществ сейчас насчитывается по меньшей мере 36 военных в отставке.

Особо важное значение имеет контроль консерваторов над армией. Существует широко распространенное заблуждение, будто наша армия «аполитична». Присутствие в парламенте большого числа офицеров в отставке покаявает, наоборот, что консерваторы рассматривают армию, как превосходную подготовительную школу для своих политиков.

Правда состоит не в том, что армия аполитична, а в том, что ей запрещена всякая политика, кроме консервативной. Закон «о подстрекательстве к мятежу» принят не для того, чтобы ограничить армию от политики, а для того, чтобы обеспечить за тори исключительное право политического воздействия на армию. И консерваторы-офицеры не хуже других, если не лучше, знают, как применять воинский устав для того, чтобы предотвратить распространение левых идей среди солдат.

Английский военный писатель генерал-майор Фуллер определяет английскую армию следующим образом:

«Она имеет монастырский характер, это — армия, отделенная от остальной нации, окруженная стеной архаической дисциплины. В некотором роде — это аристократическая каста, опирающаяся на древние традиции. Нет никакого сомнения, что уже в течение столетия на-

ши полковые офицеры... вербуются из среды аристократии и высшего слоя средних классов. Все это — люди благородного происхождения, люди чести, большей частью, — сами богачи».

Именно армии подобного типа, контролируемые богатой аристократией, неоднократно использовались в других странах для подавления демократии. Самым свежим примером такого рода служит опыт гражданской войны в Испании. Мятеж был организован офицерской кастой при поддержке богатых испанских помещиков и фабрикантов. Отсюда вполне естественно, что консервативно мыслящая английская армия сочувствовала франкистским мятежникам.

Не следует также забывать, что не так давно (1919—1921 гг.—*Ред.*) часть английской армии, по наущению руководящих деятелей консервативной партии, организовала аналогичный, если и не такой успешный мятеж в Ирландии для того, чтобы помешать принятию парламентом закона о самоуправлении Ирландии.

В нынешнем парламенте и кабинете министров заседают те самые консерваторы, которые помогали мятежу Ольстера (Северная Ирландия) против независимости Ирландского государства. Граф Уинтертон, например, признает это открыто. А уже в последнее время депутаты-консерваторы, военные в отставке капитан Казалет и сэр Арнольд Вильсон выступали в английской палате общин, как самые ревностные сторонники генерала Франко.

Дипломатическая служба и министерство иностранных дел заполнены все теми же людьми. Анализ, охватывающий период с 1851 по 1929 г., показывает, что:

«60 процентов (чиновников дипломатической службы) воспитывались в 11 самых дорогих учебных заведениях. Из остальных более половины училось в прочих привилегированных учебных заведениях, получило военное или военно-морское образование, училось частным образом или за границей... Кадры дипломатов на 86 процентов набираются из аристократов, рантье, бюрократов и лиц свободных профессий... Отсюда можно сделать неопровержимый вывод... что английское министерство иностранных дел и посольства служат заповедником

для отпрысков аристократов, рантье и лиц свободных профессий»¹.

Таким образом, внешней политике консерваторов неизменно обеспечена поддержка всего аппарата дипломатического ведомства.

Контроль над государственным аппаратом со стороны консерваторских богатых семей служит для них гарантией огромного политического могущества, независимо от наличия в парламенте консервативного большинства или меньшинства. По существу, можно сказать, что власть консерваторов основывается и на контроле над парламентом, и на контроле над государственным аппаратом. И в том, и в другом случае контроль осуществляется узким классом богачей, составляющих в обществе ничтожное меньшинство.

Любопытно будет проследить распределение между депутатами-консерваторами «профессий правящего класса» и «профессий среднего класса». В таблице мы включили более распространенные профессии последней категории, в которых подвизаются депутаты-консерваторы.

Присяжные поверенные	10
Журналисты	15
Врачи	9
Бухгалтеры	8
Педагоги	4
Ученые	6
Архитекторы	2
Зубные врачи	1

Заметим, что в Англии врачей не меньше, чем директоров акционерных предприятий, между тем на скамьях консерваторов в парламенте врачи представлены 9 депутатами, а директора акционерных предприятий — 181 депутатом. Одна только пивоваренная промышленность лучше представлена, чем медицина. В стране насчитывается гораздо больше учителей, чем офицеров, но учителей среди депутатов-консерваторов только 4 человека, а офицеров — 79. У нас в стране имеется гораздо

¹ См. В. Т. Найтингэйл — «Личный состав английского министерства иностранных дел и дипломатической службы в 1851 — 1929 гг.» («Труды Фабианского общества», выпуск 232).

больше ученых, университетских преподавателей и лекторов, чем высокопоставленных чиновников, но последние представлены на скамьях консерваторов вдвое большим числом, чем первые. Все «профессии среднего класса», вместе взятые, как-то: журналистика, медицина, адвокатура, педагогика, архитектура, зубоврачебное дело и т. п., представлены почти наравне с законами одних только страховых компаний.

Но приведенные нами данные даже несколько преувеличивают представительство «профессий среднего класса» на скамьях консерваторов, потому что в число врачей мы включили и таких, которые уже давно забросили практику; в число журналистов и присяжных поверенных включены и такие, которые стали директорами акционерных предприятий. Инженеры — общим числом двенадцать — в таблицу совсем не включены, потому что они стали директорами крупных акционерных предприятий.

Эти цифры показывают, как в области парламентского представительства консервативная партия приносит интересы науки и культуры в жертву интересам частной наживы.

Еще более знаменателен тот факт, что лиц наемного труда почти совсем нет среди депутатов-консерваторов, в то время как наниматели буквально наводнили скамьи консерваторов в парламенте. Более 90 процентов занятого населения Англии (не считая домашних хозяек) состоит из людей наемного труда разных категорий. Сюда относятся люди физического труда, конторский персонал, продавцы, фабричные мастера и инспектора, технический персонал по десяткам специальностей. Они образуют великую массу английского народа. Но этих людей наемного труда не найти среди депутатов-консерваторов, — там увидишь только их нанимателей. Поистине, консервативная партия — исключительная организация: для людей почти всех главных видов труда она исключает всякую возможность стать ее депутатами в парламенте.

Рядовой избиратель-консерватор, будь он даже членом консервативной партии,

не имеет голоса при определении ее политической линии. Так можно ли удивляться мертвящей атмосфере на конференциях консервативной партии.

«В Скарборо, — описывает свои впечатления делегат конференции консерваторов 1937 г. Питер Хауард, — мертвечина.. На конференцию не явилось и 5 процентов депутатов-консерваторов парламента.. Мистер Чемберлен присутствовал на конференции только во время одной речи — это была его собственная речь.

При выступлении одного делегата я насчитал в президиуме шестнадцать человек, углубившихся в решение кроссвордов... Когда выступали менее видные делегаты, их слова тонули в грохоте ног — делегаты спешили в буфет...».

Социальное мировоззрение человека зависит, главным образом, от среды. Депутат-консерватор общается с членами правлений акционерных предприятий, с равными ему по богатству членами дорогих клубов, со своими друзьями по псовой охоте и рыболовству; это и есть та среда, которая порождает консервативное мировоззрение. Весь образ жизни депутата-консерватора исключает для него возможность понять подлинные чаяния народных масс. Политические идеи депутата-консерватора неизбежно отображают интересы того класса, к которому он сам принадлежит.

★

Огромные личные богатства консервативных политиков, их общее стремление к капиталистической прибыли, их обширные финансовые интересы в земельных владениях и недвижимом имуществе как в метрополии, так и в империи, их личная зависимость от наследственных привилегий — все это и образует те общие факторы, которые определяют политику нашего правительства на каждом шагу. Короче говоря, политическая партия, представители которой в парламенте набираются исключительно из определенного социального класса, обязана проводить политику, отвечающую желаниям этого класса.

При существующем строе эта политика в известной степени зависит от об-

щественного мнения. Но контроль консерваторов над огромной частью прессы, равно как и другие средства пропаганды, позволяет им направлять общественное мнение в интересах политики консерваторов.

Вот эта общность интересов руководящих консерваторов и сплачивает консервативную партию. На протяжении многих лет консерваторы проявляют поразительное единство по всем важнейшим вопросам как в парламенте, так и вне его.

Английские консерваторы убеждены, что победа демократии в любой части мира ослабит позиции английских консерваторов в метрополии и в империи.

Но надо понять, что оборону империи не удастся обеспечить только военными средствами. Понадобятся еще тысячи солдат, моряков, летчиков и рабочих. Казалось бы, что при наличии империи с 450-миллионным населением можно не беспокоиться о людских резервах. Но напомним, что уже во время войны 1914—1918 гг. «внутреннее положение» в Индии не позволило набирать там туземные войска. В наше время для поддержания британского господства в Индии, Палестине, на вест-индских островах и в других колониях понадобятся тысячи и тысячи английских солдат. Среди колониальных народов воля к обороне империи весьма невелика. Отсутствие демократии лишает эти народы каких-либо стимулов в подобной войне и весьма вероятно приведет к тому, что значительные части британской колониальной империи воспользуются первой же возможностью в грядущей войне для того, чтобы сбросить с себя ярмо британских консерваторов — вплоть до вооруженного выступления.

Оборона Англии зависит не от одних только вооружений, но и от решения политических проблем. Воля к борьбе зависит от целей, за какие борешься. Английский народ вполне отдает себе отчет в том, что не сбылось почти ни одно из тех обещаний, какими его кормили во время прошлой войны. А то, что и было действительно завоевано, т.-е. мир и демократия в Европе, уже

давно уничтожено при помощи британских консерваторов.

Англии понадобится много союзников, но получить их можно было бы только на основе полной взаимности. Величайшими двумя державами являются Соединенные Штаты и Советский Союз. Консерваторы так напичканы предрассудками против Советского Союза, что непрерывно нагромождают препятствия на пути к соглашению с этой державой. Но даже если бы консерваторы и решились на время пожертвовать своими предрассудками, то и в этом случае мы не можем им доверять.

Английская внешняя политика последних лет поставила консервативные кабинеты под основательное подозрение и в Соединенных Штатах, и во Франции, и во всех малых демократических государствах. Англия консерваторов заклеймена, как «коварный Альбион». Только смена правительства может убедить другие страны в том, что Англия желает действовать начистоту.

Какой бы политический курс ни усвоило правительство консерваторов, все демократические страны будут знать, что внутри консервативного лагеря остается группа, которая неизменно отвергает искреннюю политику мира. Никто никогда не поверит, что эта группа потерпела поражение, пока не потерпит поражение консервативный лагерь в целом.

Не менее важную роль играет ненависть к лагерю консерваторов, которая царит во всей британской империи. Народы империи с полным основанием считают, что правительство консерваторов хочет оборонять империю только для того, чтобы защитить свои частнособственные интересы и политическую власть, а не для того, чтобы защитить народы империи.

И в самой Англии вожакам консерваторов не доверяют даже многие их собственные сторонники. Люди глубоко убеждены, что консерваторы никогда на самом деле не согласятся ограничить прибыли военных заводчиков, под знаком которых прошла минувшая война и под знаком которых проходит нынешняя

программа перевооружения. Только подлинно демократическое правительство может рассчитывать на поддержку рабочих масс, от которых и зависит сила нашей страны.

Консерваторы никогда не согласятся перестроить и демократизировать армию, ибо это означало бы отказ от контроля над нею; в то же время только такая перестройка и позволит создать армию, действительно исполненную решимости защитить народ от реакции.

Консерваторы строят свою политику на обмане. Они любят изображать себя, как великую демократическую партию, двери которой гостеприимно открыты для всех. Они любят говорить, что в рядах консерваторов всякого, даже самого скромного англичанина, ждет политический успех. Они любят говорить, что не меньше кого бы то ни было знают свой народ и стремятся к его благу.

Факты же показывают, что к руководству партии консерваторов доступ открыт только богачам и только аристократам. До сих пор консерваторам удавалось сохранять свои позиции потому, что им удавалось скрывать от народа подлинное лицо своей партии. Большинству избирателей депутат-консерватор известен только по имени: избиратели почти не знают, как их депутат ведет себя в парламенте, как он говорит, как выступает, какова его политическая деятельность вне стен парламента. Так же мало знают они о его общественном положении, о его подлинных взглядах по важнейшим вопросам текущей политики. Большинство изби-

рателей и в глаза не видит своего депутата.

Массы избирателей ничего не знают об этих важнейших вопросах, потому что ни центральная, ни местная пресса, ни провинциальные организации консервативной партии не дают правдивого отчета о деятельности депутата-консерватора.

Есть множество депутатов-консерваторов, которые становятся все более и более враждебными парламентской системе в целом, ибо парламент служит некоторым тормозом на их политическом пути, и этот тормоз они хотят убрать.

Демократия и патриотизм нераздельны, и консерваторы еще сохраняют значительное влияние благодаря тому, что выступают под личиной патриотов. Патриотизм предполагает уважение к соотечественникам и желание им служить. А между тем, в тогу патриотизма рядятся консерваторы, т.-е. люди, которые убеждены, что огромному большинству их соотечественников из-за его нищеты нельзя доверить управление страной. Ясно, что консерваторы используют свое политическое могущество для достижения целей только своего класса — класса богатых.

Мы живем в век, когда все силы человеческого прогресса вовлечены в гигантскую схватку с силами реакции. Демократическое движение должно доказать народу, что господство консерваторов стоит барьером между народом и тем будущим, когда великие достижения науки и новое понимание общественного устройства помогут создать благоденствующий и счастливый мир.

*Сокращенный перевод с английского
Т. Давыдова*

Мировоззрение Н. Г. Чернышевского

И. ЛЕЖНЕВ

★

I

Девятнадцатилетний юноша-студент Николай Гаврилович Чернышевский записал в своем дневнике: «Мне кажется, что я почти решительно принадлежу Гегелю... Меня обнимает и некоторый благоговейнейший трепет, когда подумаю, какое великое дело я решаю, присоединяясь к нему, т.-е. великое для моего я, а я предчувствую, что увлекусь Гегелем. Твоя воля, боже, да будет! — и будет она».

Это было записано в октябре 1848 года. Но уже через три месяца, в январе 1849 года, молодой Чернышевский записывает в том же дневнике: «... В подробностях везде, мне кажется, он (Гегель. — И. Л.) раб настоящего устройства общества, так что даже не решается отвергать смертной казни и проч.; так или выводы его робки, или в самом деле общее начало как-то плохо объясняет нам, что и как должно быть вместо того, что теперь есть...».

Мы видим: двадцатилетний юноша исполнен горячего, страстного желания преобразовать все то, «что теперь есть», т.-е. современное ему устройство общества. В философии он ищет ответа на волнующие его социально-политические вопросы. И любопытно, что уж в таком раннем возрасте он, хоть и смутно, ошупью, но приближается к правильной оценке гегелевской системы и метода.

Когда Чернышевский познакомился с философскими трудами Фейербаха, с

его материалистической критикой гегелева учения, то с радостью воспринял ее. И это понятно. «Я с первой молодости был, — писал впоследствии Чернышевский в письме из вилюйского заточения, — твердым приверженцем того строго научного направления, первыми представителями которого были Левкипп, Демокрит и т. д.». Материалиста-революционера Чернышевского не могли удовлетворить идеализм и политическая реакционность системы Гегеля. Между тем, по образному выражению Плеханова, этот «знаменитый германский мыслитель царил в течение некоторого времени в России так же неограниченно, как и петербургский император...». Единственной, современной для Чернышевского, материалистической критикой философии Гегеля была критика Фейербаховская.

В молодые годы Чернышевского, когда формировалось его философское мировоззрение, Фейербах был встречен передовыми русскими людьми, как своего рода избавитель от гипноза сумрачного «властителя дум» двух прошлых десятилетий — Гегеля. Еще Белинский, под конец своей жизни, солидаризировался с Фейербахом. О впечатлении, произведенном книгой Фейербаха «Лекции о сущности христианства», рассказывает в «Былом и думах» Герцен: «Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье! Прочь косноязычие и иносказание! Мы свободные люди, а

не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы».

Как «слуга своего времени» и будущий вождь революционной демократии, Чернышевский остро нуждался в материалистическом мировоззрении, а единственная современная ему система материализма, какая дошла в Россию в ту пору, когда формировалось мировоззрение великого русского просветителя, была система Фейербаха. Ее он встретил с энтузиазмом, как последнее слово науки.

Свои философские взгляды Чернышевский высказал в ряде работ. Сюда раньше всего надо отнести знаменитую статью «Антропологический принцип в философии», статью по вопросам теории познания «Характер человеческого знания», статьи: «Полемические красоты», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований», далее — представленную им в университет диссертацию на звание магистра «Эстетические отношения искусства к действительности», предисловие к этой работе и авторецензию на нее, статью о поэтике Аристотеля, отдельные главы «Очерков гоголевского периода русской литературы», примечания к «Всеобщей истории» Вебера. Философские высказывания встречаются также в великом множестве его публицистических и критических статей, в дневниках и письмах.

Вслед за Фейербахом Чернышевский рассматривает человека, как часть природы. Он отвергает утверждения идеалистов, будто психическая деятельность человека имеет своим источником какие-то особые, сверхъестественные, нематериальные силы. О человеческом организме он говорит, что это — «очень многосложная химическая комбинация, находящаяся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью». Одним из результатов деятельности человеческого организма и является психическая жизнь.

Есть, конечно, существенная разница между психическими и физическими явлениями, но вовсе нет никаких осно-

ваний рассматривать физический ряд, как свойство человеческого тела, а психический, — как божественное начало. Разве не объединяются в одном и том же предмете разные качества? Ведь как-раз «соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей». В подтверждение своих слов Чернышевский приводит разные примеры: «Дерево растет, горит... В чем сходство между этими качествами? Они совершенно различны... Лед тверд и блестящ; что общего между твердостью и блеском?». Почему же такое сложное тело, как человеческий организм, не может на таких же началах обладать одновременно двумя качествами: физическими и психическими?

Чернышевский отрицает двойственность в понимании человеческой природы, отвергает философский дуализм и стоит целиком на позициях материалистического монизма. «Все происходящее и проявляющееся в человеке, — говорит он, — происходит по одной реальной его натуре, ...другой природы в нем нет». Все, что мы знаем и можем знать о человеческом теле и его свойствах, является плодом изысканий естественных наук. Новая философия, «признав тождество своих результатов с учением естественных наук, слилась с общей теорией естествоведения и антропологии». Этими науками еще многое не дознано, есть здесь еще достаточно пробелов, однако «характер результатов, доставленных анализом объясненных наукою частей и явлений, уже достаточно свидетельствует о характере элементов, сил и законов, действующих в остальных частях и явлениях». Так, Чернышевский в своем понимании природы и человека не оставляет лазейки для идеализма.

Великий русский мыслитель самым решительным образом отвергает идеалистические теории о непознаваемости внешнего мира. В предисловии к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности», написанном в 1888 году, он вслед за Фейербахом утверждает, что «воображаемый мир — только переделка наших знаний о действительном мире». Ученик Канта о том, что наши чувственные восприя-

тия не имеют сходства с формами действительного существования предметов и что, стало быть, внешний мир в действительности непознаваем, он называет попросту метафизическим вздором.

Касаясь этого предисловия, Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «...для Чернышевского, как и для всякого материалиста, предметы, т. е., говоря вычурным языком Канта, «вещи в себе», действительны существуют и вполне познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях... для Чернышевского, как и для всякого материалиста, законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют, с этими формами... для Чернышевского, как и для всякого материалиста, в действительности есть то, что представляется нам связью причины с действием, есть объективная причинность или необходимость природы... Чернышевский называет метафизическим вздором всякие отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма... Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (т. XIII, стр. 294—295).

Еще решительнее высказывается Чернышевский против неокантианцев и махистов, против всей «критической» и «имманентной» школы в упомянутой уже нами статье «Характер человеческого знания» (статья была опубликована в двух номерах газеты «Русские ведомости» в 1885 году). Сторонники этой школы, как известно, подвергают сомнению существование предметов внешнего мира и считают единственно достоверным наличие человеческих представлений

об этих предметах. Такие теории Чернышевский окрестил именем «иллюзионизм». Он видит в них запоздалый отголосок средневековой схоластики и зло высмеивает их. «Есть у нас руки или нет, — замечает он иронически, — вопрос не разрешимый; мы знаем только, что если у нас есть руки, то у нас, действительно, две руки, а если у нас нет рук, то число групп чего-то (ощущений. — И. Л.), существующих у нас вместо рук, тоже не какое-нибудь иное число, а число два». Эти теории с логической необходимостью должны привести к мысли, что «наше представление о существовании нашего организма — галлюцинация, ничего подобного которой нет на самом деле и не может быть».

Не пощадил Чернышевский и позитивистов. В письмах к своим сыновьям из далекого Вилуйска (в 1876 и 1877 гг.) он называет Огюста Конта глупцом, а его «Курс позитивной философии» — запоздалым выродком кантовской «Критики чистого разума». «Огюст Конт, — пишет он, — преусердно твердит: «неизвестно», «неизвестно». Но для мыслителей, которым не хочется искать или высказывать истину, это решение очень удобное. В этом и разгадка успеха системы Огюста Конта».

Из приведенных примеров мы видим, как Чернышевский-философ полностью оправдывает характеристику, которую дал ему Ленин.

II

Ленин еще характеризовал Н. Г. Чернышевского, как «великого русского гегельянца и материалиста». А Плеханов его наглухо пришивал к одному Фейербаху. Несостоятельность плехановского взгляда на Чернышевского с полной наглядностью обнаружится, когда мы обратимся к вопросам диалектики.

«Чтобы действительно знать предмет, — говорил Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, что-

бы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...» (т. XXVI, стр. 134—135).

Обратимся теперь к Чернышевскому. В разных его трудах мы найдем высказывания, поразительно сближающиеся, а местами — почти совпадающие с ленинской формулировкой четырех требований диалектической логики.

Так, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский определяет суть диалектического метода в следующих выражениях: «Сущность его состоит в том, что мыслитель... был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом... мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета». Определение Чернышевского как нельзя более соответствует первому из четырех сформулированных Лениным требований диалектической логики.

В знаменитой статье Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» мы находим характеристику второй черты диалектики: «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучался применять его ко всякому явлению, — о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие!».

В другой работе, в авторецензии на «Эстетические отношения искусства к действительности», Чернышевский ставит вопрос, как отличить праздные, мнимые стремления, плод бессильной фантазии, от действительных и законных по-

требностей человеческой природы, и отвечает: «Приговор дает сам человек своею жизнью: «практика», этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководительницею нашею и здесь... Практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений... Что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикою действительной жизни».

Наконец четвертому пункту ленинских требований соответствует такое место в «Очерках гоголевского периода»: «Отвлеченной истины нет; истина конкретна, т.е. определяющее суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит». После этих слов Чернышевский прибавляет: «Сам собою разумеется, что это беглое исчисление некоторых принципов гегелевой философии не может дать понятия о поразительном впечатлении, которое производят творения великого философа...».

В статье «Антропологический принцип в философии» Чернышевский обращает внимание на то, что философские системы Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля «насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем», и попутно дает меткую характеристику политических тяготений и симпатий этих философов. Недаром Ленин отмечал, что от сочинений Чернышевского «веет духом классовой борьбы».

Известно, что Фейербах игнорировал самую революционную сторону гегелевской философии — диалектический метод. А Чернышевский этот метод высоко ценил и в ряде своих высказываний приближался к позиции, которую впоследствии занимал Ленин. Но это насколько не помешало Плеханову утверждать, будто и в вопросах диалектики Чернышевский был учеником Фейербаха и разделяет якобы его недостатки и в этой области. Чем же руководился здесь такой глубокий и образованнейший марксистский исследователь, как Плеханов? На этот вопрос надо прямо ответить: схематизмом мышления, тем схематизмом, который был ему присущ, как меньшевистскому идеологу.

По мнению Плеханова, «Чернышевский был дальше от понимания Гегеля, нежели Белинский, инстинктом почуявший в гегелевом учении о разумности всего действительного единственно возможную основу общественной науки». Так ли? Здесь что ни слово, то натяжка. Верно ли, что единственной основой марксизма является крылатое слово Гегеля: «Все действительно разумно, и все разумное действительно»? Мы знаем, что марксизм, как высшее обобщение науки, имел три источника: немецкую философию, французский социализм, английскую политэкономия; что он мог родиться не в любое время и не при любых обстоятельствах, а на определенном этапе развития капитализма и в результате накопления у рабочего класса определенного политического опыта. А тут, если верить Плеханову, основу для марксизма дал один Гегель и даже Гегель не в целом, а только часть его. Можно подумать, что марксизм возник из ребра Гегеля, наподобие Евы из ребра адамова. Что выиграл Белинский, как теоретик и общественный деятель, от превратно понятого им крылатого слова Гегеля о разумности всего действительного, кроме тяжкой ошибки и горестных разочарований? И можно ли всерьез говорить, что позиция Чернышевского была отсталой по сравнению с позицией Белинского в любом отношении, и особенно в отношении философии, диалектики, понимания Гегеля?

В формуле Гегеля: «Все действительно разумно, и все разумное действительно» — Белинский понял слово «действительность» в его буквальном житейском значении, упуская из виду специфически гегелевскую терминологию. Это привело Белинского в начале его литературной деятельности к тому, что он счел «разумным» все окружающее, поскольку оно существует, — стало быть, и николаевский режим, и крепостничество. С этих позиций он в своих статьях о Менцеле и бородинской годовщине обрушивался на противников господствующего строя. Впоследствии, как известно, Белинский горько раскаивался в этом.

Но Гегель подчеркивал, что действительность в его понимании этого слова отнюдь не является синонимом чувственного, внешнего существования. Такое словоупотребление он называл вульгарным. Не всякого поэта, — говорил он, — мы называем действительным поэтом и не всякого государственного деятеля действительным государственным деятелем, а только тех, которые умеют создать нечто возвышенное, разумное. Подобно этому, мы не всякое существование можем называть действительным. «Что неразумно, — писал Гегель, — именно поэтому не должно рассматриваться, как действительное».

Действительность, по Гегелю, имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя — это возможность, внешняя — случайность. Обе они в своем единстве и составляют действительность, которая есть не что иное, как деятельный процесс, устремленный в своем «самодвижении» к необходимости. Процесс этот состоит из ряда этапов. Сперва мы имеем дело с непосредственной действительностью. Она выглядит «невинной», но на самом деле «содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого». Она становится реальной возможностью, предпосылкой новой действительности. Своей внешней фактичностью она порождает для этого «условия». Идет процесс накопления «условий», которые «жертвуют собой, погибают и поедаются», чтобы обнаружить себя в новом качестве. В итоге возникает развитая действительность, как необходимость. Это рождение действительно необходимого Гегель характеризует так: «Когда все условия имеются налицо, предмет необходимо должен стать действительным». «В своем обнаружении действительность оказывается необходимостью».

Вот этого-то смысла понятия действительности Белинский и не понял. Иначе он увидел бы, что та «действительность», которая выступает, как существование, является не воплощением разума, не венцом творения, а только начальной, исходной точкой диалектического процесса, ведущего через ряд этапов к рождению действительности, как

необходимости. Тогда Белинский прочел бы гегелевскую формулу о разумности всего действительного так: «Все действительно необходимое разумно, и все разумное действительно необходимо».

Революционный смысл описанного Гегелем диалектического процесса рождения всякой новой действительности из недр старого существования — совершенно очевиден. Но он выражен у Гегеля в такой отвлеченной форме и представлен в таком идеалистическом облачении, что делать отсюда практические революционные выводы в области общественной науки и политики не представлялось возможным раньше, чем диалектика была поставлена на материалистическую основу. А чтоб такая основа была создана, тоже необходим был «круг условий»: гений Маркса и Энгельса, определенный уровень развития капитализма, опыт политической борьбы рабочего класса, французский социализм, английская политэкономия. Только все это в совокупности позволило основоположникам марксизма подняться до понимания связи форм классовой борьбы с развитием производительных сил. Энгельс прямо пишет, что «ключ к пониманию всей истории общества» был найден «в истории развития труда».

Дело, стало быть, вовсе не в том, понял ли Белинский одну из формулировок Гегеля и понял ли он даже Гегеля в целом. Отсюда до революционной материалистической диалектики, до исторического материализма — дистанция неизмеримо огромная.

Плеханов, казалось бы, должен был это понимать. Тем не менее в своих примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Энгельса он «подсказывает» Белинскому способ «оправдать отрицание русской действительности внутренними законами развития самой этой действительности». «Надо было, — советует Плеханов, — показать, что в XIX веке крепостное право стало уже слишком плохим средством удовлетворения экономических нужд государства, что оно не только не удовлетворяло этих нужд, а прямо мешало их удовлетворению. Все это убе-

дительнейшим образом показала впоследствии Крымская война».

Плеханов подходит к делу, как к решению тригонометрической задачи на построение. Задано: построить логическую схему «отрицания отрицания» применительно к России 30—40-х годов прошлого века. А вот и решение: «Надо было показать, что в XIX веке» и т. д. — см. выше.

Здесь бросается в глаза поразительный схематизм мышления, явная переоценка гегелевской триады, о которой скептически высказался Ленин еще в ранней своей работе «Что такое «друзья народа», — переоценка закона «отрицания отрицания», применяемого Плехановым в самом отвлеченном виде, в отрыве от исторической конкретности. Разве не тем же недугом страдает меньшевистствующий идеализм и разве малым он обязан именно Плеханову?

Белинский не понял учения Гегеля о разумности всего действительного, которое составляет «единственно возможную основу общественной науки». Почему же Плеханов ставит его, как диалектика, выше Чернышевского? «У Белинского, — пишет он, — очень сильна была диалектическая закваска, — сильнее, чем у самого (!) Фейербаха». «Он становился «просветителем» лишь тогда, когда покидал точку зрения диалектики». «Если Белинский был родоначальником наших «просветителей», то Чернышевский является самым крупным их представителем».

Итак, вся пагуба идет от просветительства. Оно как бы «обратно пропорционально» диалектике: чем больше просветитель, тем меньше диалектик. Диалектик — это тот, кто вместе с Гегелем считает «критерием разумности субъективных стремлений... соответствие этих стремлений с закономерным ходом объективного развития общества». А «просветители... в своей критике современных им отношений исходили обыкновенно из тех или других «влеченных принципов» и, само собою разумеется, из субъективных своих стремлений.

Но как было дело в действительности? Белинский не сумел решить «тригонометрическую задачу на построение», не сумел применить логическую схему «отрицания отрицания» к русским условиям 30—40-х годов и тяготился этим. Допустим, однако, что это упражнение в логике ему бы удалось, и он бы его разрешил по предлагаемому Плехановым способу. Что это могло бы практически прибавить к его борьбе с самодержавием и крепостничеством? Да ровным счетом ничего. Пока в России не развился капитализм, пока на авансцене русской жизни не появился рабочий класс — до конца последовательные марксистские взгляды не могли здесь ни родиться, ни найти достаточной почвы для себя. Требования марксовской эпохи, предъявляемые к деятелям эпохи домарксовской, — бесплодны по самой сути своей. Невозможно говорить о беременности пятилетней девочки и нелепо примерять, как могли бы происходить роды.

«Субъективные стремления» Плеханова требовать от деятелей прошлого построения схем, не соответствующих тогдашнему «закономерному ходу объективного развития общества», можно сказать, не отвечают... гегелевскому «критерию разумности». Не обличает ли уж «субъективное стремление» в Плеханове, — страшно сказать! — просветителя, руководящегося «отвлеченными принципами». И не был ли Чернышевский ближе к «критерию разумности», когда он попросту отказывался от натянутых и вымученных логических упражнений, от построения гегелево-подобных схем. Для его светлого и ясного ума практика была пробным камнем. От великих мыслителей своего века он брал только то, что могло быть с пользой пушено в ход для революционного дела, которому он посвятил свою жизнь, и решительно отвергал то, что могло этому делу помешать. Так он относился и к Гегелю.

III

В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский следующим образом объясняет причины совершенной Белин-

ским ошибки в период его работы в журнале «Московский наблюдатель»:

«Московский наблюдатель» представляет первую эпоху... владычества философии, когда непогрешительным истолкователем ее представлялся Гегель, когда каждое слово Гегеля являлось несомненною истиною и каждое изречение великого учителя принималось его новыми учениками в буквальном смысле, когда не было еще ни заботы о проверке этих истин, ни предчувствия, что Гегель был непоследователен, противоречил сам себе на каждом шагу, что, принимая его принципы, последовательному мыслителю надобно притти к выводам, совершенно различным от выставленных им выводов».

Ранние статьи Белинского во многом противоречат его позднейшим статьям. Что было тому причиной? На этот вопрос Чернышевский отвечает так:

«Это разноречие зависит... от двойственности самой системы Гегеля, от разноречия между ее принципами и ее выводами, духом и содержанием. Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его гения, у великого мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общие идеи, но недостало уже силы неуклонно держаться этих оснований и логически развить из них все необходимые следствия. Он провидел истину, но только в самых общих, отвлеченных, вовсе не определенных очертаниях; увидеть ее лицом к лицу досталось на долю только уже следующему поколению. И не только выводов из своих принципов не мог он сделать, — самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Следующее поколение мыслителей сделало еще шаг вперед, и принципы, неопределенно, односторонне и отвлеченно высказанные Гегелем, явились во всей своей полноте и ясности: тогда колебаниям не осталось места, двойственность исчезла, фальшивые выводы, внесенные в науку непоследовательностью Гегеля в развитии основных положений, были отстранены, и содержание приведено в гармонию с основными истинами».

Только поистине мощный ум мог в ту пору в отсталой России с такой ясностью охватить громадину гегелевской системы, обнаружить ее слабости и с такой четкостью сформулировать их. Здесь как бы предчувствуется уже дуновение марксовской мысли. Особенно поразительно то, что ту же оценку Гегеля в самых общих чертах сделал Чернышевский еще двадцатилетним юношей-студентом. Его записи в дневнике приведены нами в начале статьи. Сопоставление шестой главы «Очерков гоголевского периода» с дневниковыми записями показывает, что в зрелые свои годы Чернышевский только развил те мысли, которые были им высказаны еще в ранней юности.

Совершенно особенного внимания заслуживает освещение Чернышевским вопроса о влиянии философии Гегеля на историю развития русской общественной мысли. Именно в этой связи он возвращается к Гегелю в седьмой главе «Очерков гоголевского периода» и дает характеристику сильной и слабой сторон его философии.

«Сначала Белинский, — пишет он, — был страстным последователем гегелевой системы, сильную сторону которой составляет стремление к действительности и положительности (чем преимущественно и очаровывала она Белинского, как и всех сильных людей тогдашнего молодого поколения в Германии и отчасти у нас), а слабую сторону — то, что это стремление остается неосуществленным, так что почти все содержание системы отвлеченно и недействительно».

Эта характеристика Чернышевского исключительно важна. Она показывает, чем пленил Гегель наших передовых людей 30 — 40-х годов, что «вычитывалось» у него, как усваивалось, в какое взаимодействие вступало с другими идеями. Наиболее интересовавшим пунктом у Гегеля был вопрос о действительности. Но она рассматривалась не как диалектический процесс становления необходимости, а как противоположность пустой мечте, фантастике, т.е. как живая реальность. В философии объективного идеалиста Гегеля привлекали элементы

объективности, «положительности». Они-то, в первую очередь, и использовались для нужд литературной борьбы с мечтательным и реакционным романтизмом.

Русская литература, русская общественная мысль вступили в ту пору в полосу зрелости. Сломить романтическую рутину, освободиться от всего мажорного, фальшивого, фантастического было задачей дня. И какую же бесценную услугу оказала философия Гегеля в борьбе за действительность и положительность!

«...Наш век, — писал Белинский в 1840 г., — враг мечты и мечтательности, но потому-то он и великий век! Мечтательность в XIX веке так же смешна, пошла и приторна, как и сантиментальность. Действительность — вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем — и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни. Могучий, мужественный век, он не терпит ничего ложного, поддельного, слабого, расплывающегося, но любит одно мощное, крепкое, существенное... в Шеллинге он увидел зарю бесконечной действительности, которая в учении Гегеля осияла мир роскошным и великолепным днем...».

Трудность состояла, однако, в том, что объективное, положительное начало выступало у Гегеля в чуждом требованиям жизни призрачно-идеалистическом и даже мистическом облачении. Вторая трудность заключалась в полной невозможности признать разумной ненавистную самодержавно-крепостническую российскую действительность. Поэтому с такой великой радостью и были встречены у нас книги Фейербаха, подвергшего систему Гегеля материалистической критике, освобождавшего понятие действительности от призрачных, мистических покровов.

Под принципы объективности и положительности, воспринятые у Гегеля, была, таким образом, подведена материалистическая основа. Позиция усилилась, но «развить идею отрицания» Белинскому попрежнему не удавалось. Он писал, правда, что «должно исследовать... причины, в надежде в самом деле найти и

средства к выходу...», но задачи этой на практике не решал.

Чернышевский задачу по-своему решил, хоть и не в последовательно-марксистском духе (требовать этого от него — значило бы нарушать «критерий разумности»), решил с несомненным диалектическим смыслом. То, что он был «просветителем», нисколько не помешало ему утверждать: «Стремления, отвлеченные от действительной жизни, бессильны», «факты не уступают никаким увещаниям, а подчиняются только силе других фактов», «общественные предубеждения и пристрастия быстро исчезают из нравов народа, как скоро уничтожаются факты, которыми они поддерживались». И еще определенной, насколько это было только возможно в подцензурной печати: «Осуждать национальные обычаи очень легко, но зато и совершенно бесполезно. Упреками делу не поможешь. Надобно отыскать причины, на которых основывается неприятное нам явление общественного быта, и против них обратить свою ревность. Основное правило медицины: «Отстраните причину, тогда пройдет болезнь...».

Руководствуясь вот этим правилом, Чернышевский в противовес отрицательным явлениям окружающей жизни — самодержавию, крепостничеству, эксплуатации — выдвинул лозунг отрицательного направления в литературе. Чем не отрицание стригания?! Что тогдашний строй жизни есть зло, что необходим спасительный топор,—народная революция,—было настолько очевидной истиной, что она вовсе не нуждалась в специальных доказательствах по принципу «триады». Задача состояла в том, чтоб «просветить» народ, а наиболее эффективным средством пропаганды могло служить обличение, сатира, особенно — выраженная в живой, доходчивой, художественной форме. И к этому оружию обратился Чернышевский. С большей страстью, чем кто-либо до него, он требовал от искусства «содержания», сознательности, идейной направленности. Искусство, — говорил он, — должно объяснять жизнь, выносить приговор о явлениях жизни, быть

для человека учебником жизни, настольной книгой, пособием.

Это — просветительство? Да! Но нужна уж слишком большая доза меньшевистского «объективизма» и педантизма, чтобы такого рода просветительство в 60-х годах прошлого века «уличать» в отсутствии диалектики, односторонности и прочих смертных грехах.

Главная «улика», которую предъявляет Плеханов великому просветителю, состоит в том, что «Чернышевский... приурочивал свои ожидания к субъективным, а не объективным факторам развития, к распространению знаний, а не ко внутренней логике общественных отношений».

Неужто можно всерьез требовать от Чернышевского, вовсе не знакомого тогда с учением Маркса, чтобы он в 60-х годах прошлого века, в крайне отсталой стране, на самой ранней заре развития капитализма в России, при почти полном отсутствии в стране пролетариата, — чтобы он по стихийному и разве что божественному наитию создал теорию законченного, научного социализма? Неужто мало того, что он в апреле 1857 года, т.-е., можно сказать, на следующий день после поражения России в крымской кампании и конца бесславного царствования Николая I, увидел неизбежность капиталистического развития? «Но нельзя скрывать от себя, — писал он, — что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции». Насколько же это выше и теоретически глубже всего того, что писали и говорили народники 70 — 80-х годов, пытавшиеся затормозить ход общественного развития под флагом самобытности России!

Правда, Чернышевский был, по словам Ленина, «социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодалную, кре-

стьянскую общину». В статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» Чернышевский, опираясь на мысль Гегеля о том, что при известных условиях можно миновать или, по меньшей мере, сократить промежуточные фазы развития, считал возможным уже и для своего времени непосредственный переход к социализму. Однако великий социалист-утопист был безмерно далек от проповеди самобытности России, от слащавой идеализации крестьянина и общины. «У славянофилов,— говорил он не без яду,— зрение такого особенного устройства, что, на какую у нас дрянь ни посмотрят они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы...». Горячо приветствовал Чернышевский Николая Успенского, который в своих рассказах описывал крестьянский быт и нравы, рисовал крестьянские характеры без всякой сусальности, во всей, подчас неприглядной, правде. В статьях, посвященных творчеству Николая Успенского, Чернышевский призывал «не утаивать перед самими собой истину ради мужицкого звания».

То, что народники 70—80-х годов совершенно неправоммерно приписывали себе наследство наших просветителей 60-х годов, то, что воззрения народничества противоречат этому наследству,— с большой убедительностью и четкостью доказал Ленин в своей знаменитой статье: «От какого наследства мы отказываемся». В этой статье Ленин приходит к выводу, что марксисты — «гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники». Чернышевского Ленин называл одним из предшественников русской социал-демократии.

IV

Плеханов, который в своей критике Чернышевского был во многом неправ, охотно прибегал к авторитету Чернышевского в тех случаях, когда то или иное высказывание великого просветителя давало меньшевикам мнимый повод

для ущемления большевиков. Надо иметь в виду, что расширенная работа Плеханова о Чернышевском вышла в свет в 1910 году, когда меньшевизм докатился до ликвидаторства и особенно обострил свои выпады против революционных марксистов—большевиков. Вот один из наиболее любопытных «пасусов» такого рода:

«...Чернышевский,— писал Плеханов,— при своем трезвом уме и при своем всегдашнем стремлении к практической жизни, не мог принадлежать к числу тех утопистов, которые требуют, чтобы человечество целиком приняло их утопии, и считают бесплодными или даже вредными все частные экономические реформы. Таковы, например, анархисты. Чернышевский едко смеется над подобными фантазерами. «Во имя высших идеалов отвергать какое-нибудь, хотя бы и не вполне совершенное, улучшение действительности — значит слишком уже идеализировать и потешаться бесплодными теориями». По его мнению, у людей, склонных к подобным потехам, «дело кончается большей частью тем, что после напряженных усилий подняться до своего идеала они опускаются так, что уже вовсе не имеют перед собой никакого идеала». Это уже не в бровь, а прямо в глаз анархистам, да, если говорить правду, и не одним анархистам...».

В деловом и рассудительном высказывании Чернышевского Плеханову почудился душок соглашательства и компромисса, почудилась склонность к реформизму, и он с большой живостью ухватывается за это высказывание. Особенный восторг вызывает у Плеханова обрывок фразы, который позволяет сделать экивок в сторону большевиков, этих, по словам меньшевиков, «нео-бланкистов» и «марксо-анархистов».

Но если уж искать в галлерее русских политических деятелей прошлого защитника постепенщины, склонного к пассивности, к примиренчеству с эксплуататорской действительностью, к мелкому реформаторству, то трудно было сделать более неудачный выбор, чем сделал это Плеханов в своей апелляции к Чернышевскому. По своему политическому

темпераменту великий революционный демократ менее всего приближался к типу меньшевика.

«...Чернышевский, — писал Ленин, — был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими» (т. XV, стр. 144).

Полемика Чернышевского с либералами общеизвестна. По силе страсти, по своему полемическому блеску и остроте она представляет собой подлинно классический образец. Свое отношение к реформаторству он достаточно четко выразил в статье о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина: «...нельзя по произволу переделывать... стену здания... Она связана с другими частями здания». В своем «Дневнике» он писал: «... не в этом дело, будет ли царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого».

Не пощадил Чернышевский и Герцена, когда тот, подпав под влияние либералов, начал разделять их восторги по поводу «освобождения» крестьян и стал печатать «бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения» (Ленин, т. XV, стр. 467). Тогда Чернышевский обратился к Герцену со знаменитым письмом: «Вы, смущенные голосами либералов-бар...». Именно в этом письме он писал: «Кто пору зовите Русь». Оно настолько широко известно, что цити-

ровать его здесь излишне. Гораздо менее известен спор Чернышевского с Герценом в Лондоне о дворянах-либералах. В своей статье «Лишние люди и желчевика» Герцен воспроизводит обращенные к нему слова «желчевика»: «Что вы застываетесь за этих дармоедов, трутней, белоручек, тунеядцев à la Onéghine?.. И извольте видеть, они образовались иначе, мир, их окружающий, им слишком грязен, недовольно натерт воском, замарают руки, замарают ноги. То ли дело стонать о несчастном положении и при том покойно есть да пить». О самом Герцене Чернышевский говорил: «Какой умница! какой умница!»—и тут же прибавлял: «И как отстал!.. Ведь он до сих пор думает, что продолжает остроумничать в московских салонах и препирается с Хомяковым. А время теперь идет с страшной быстротой: один месяц стоит прежних десяти лет! Присмотришься — у него все еще в нутре московский барин сидит!» (В. П. Батурицкий. «А. И. Герцен, его друзья и знакомые»).

С этими словами интересно сопоставить ту сравнительную оценку, которую давал Ленин этим двум крупнейшим фигурам в истории русской общественной мысли: «...Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, — писал Ленин, — сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классово-борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм» (т. XVII, стр. 342).

При таком положении вещей опереться на Чернышевского для выпадов против большевиков — предприятие безнадежное. По своим высоким идеалам, по всем своим устремлениям, по кипучему революционному темпераменту, по активности природы, несгибаемой принципиальности, неудержимой целенаправленности, диалектическому складу ума Чернышевский целиком принадлежит

большевиком. И тут никаким раздергиванием фраз и передергиванием смысла делу не пособишь.

Не подлежит сомнению, что ряд критических замечаний Плеханова об утопии и просветительстве Чернышевского, об элементах идеализма в его исторических взглядах в основном правлен и выдержан в духе марксистского анализа. Но вместе с тем, как отметил Ленин, Плеханов в своей работе недооценивает общий материалистический характер воззрений Чернышевского. Здесь сказались, на наш взгляд, та типично меньшевистская особенность, вследствие которой главной диалектической добродетелью почитается строжайшее или, точнее говоря, рабье-попослушное и чуждое всякой революционности следование субъективных стремлений за объективным ходом развития общества. Это и есть именно та чрезмерная переоценка «объективного фактора» в истории и та недооценка субъективного, активного, волевого, целенаправляющего, организующего, короче говоря, революционного начала, — та недооценка, которая и является философской основой меньшевистского объективизма.

В своей очень интересной работе «Этика и эстетика Чернышевского» А. В. Луначарский писал: «... уж очень он (Плеханов. — И. Л.) напирает на то, что все происходит само по себе, что поступки не есть поступки, а процессы, что они есть выражение определенных причин. Почему это? Да потому, что Плеханов выражает собой ту полосу в развитии пролетариата, в развитии пролетарской идеологии, когда надо было разбить субъективизм и утопизм Михайловского».

Мы позволим себе не согласиться в данном пункте с Луначарским. Плеханов расширил свою работу о Чернышевском в 1910 году, когда Михайловский отошел в прошлое и борьба с народничеством потеряла свою былую актуальность. Это было через пять лет после революции 1905 года и за семь лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Это было через пять лет после того, как Ленин писал: «...от революции демократической мы сейчас же начнем пере-

ходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» (т. VIII, стр. 186). Это было через четыре года после того, как Плеханов откликнулся на поражение московского декабрьского восстания «историческими» словами: «Не надо было братья за оружие». Это было за семь лет до Великой пролетарской революции, которую Плеханов не принял. И, наконец, это было в период самого дикого шабаша ликвидаторства. Большой труд Плеханова не мог не отразить на себе черт этого политического календаря.

Пристрастные обвинения, предъявленные Чернышевскому, имели еще и второго адресата. И этим адресатом были не народники, а все те же «нео-бланкисты» и «марксо-анархисты», которых меньшевики в ту пору кляли на всех перекрестках с особым остревением. Даже в тех случаях, когда Плеханов в своей работе прямо обличал народников, он косвенно, в подтексте, пытался ущемить большевиков. Вот один пример. Плеханов выдвигает свое генеральное обвинение против просветителя Чернышевского: «...он приурочивал свои ожидания к субъективным, а не к объективным факторам развития, к распространению знаний, а не ко внутренней логике общественных отношений». Сразу же после этого речь идет о том, что Чернышевский считал возможным миновать или значительно сократить промежуточную фазу частной собственности в развитии общества. И Плеханов дает следующую оценку этому положению:

«Отвлеченно говоря, подобные сокращения промежуточных фаз вполне возможны. Но... сам Чернышевский прекрасно понимал, что не всегда данная фаза, при своем сокращении, приходит к таким же результатам, к каким приходит она при большей продолжительности. В «Полемиических красотах» он указывает на сигары, которые приобретают особенно ценные для куоильщиков качества, подвергаясь медленному процессу высыхания и связанным с ним хи-

мическим изменениям. Но попробуйте сократить продолжительность этого процесса высыхания и сразу искусственно высушить свежие сигары? По словам нашего автора, хорошего в таких сигарах будет немного. Что же это значит? Это значит, что иной ход процесса ведет за собою иные химические результаты. Не то ли же и в общественной жизни? Нет ли основания думать, что более или менее продолжительный процесс капиталистического развития создает такие политические, умственные и нравственные качества трудящегося класса, каких мы во все не найдем в народе, не покидавшем в течение всей своей истории допотопных «устоев» своего быта? И нет ли основания опасаться, что народ, не усвоивший себе культурных приобретений капиталистической фазы, окажется совершенно неспособным к организации общественного производства в тех размерах, которые предполагаются огромным развитием современных производительных сил. Но народники, ухватившиеся за аргументацию Чернышевского, совсем даже и не подозревали ее слабых сторон».

Плеханов начинает абзац со слов: «отвлеченно говоря», и лишь в следующем за ним абзаце идет речь о конкретных условиях тогдашней России. Стало быть, в приведенном отрывке дана самая общая формулировка. Какой же читатель в 1910 году не стал бы ее применять к современной ему конкретной обстановке, невзирая на то, что в последней фразе абзаца упоминаются народники. Итак, Плеханов выдвигал некоторую общую максимум, в которой проповедывал возможно более продолжительное пребывание под капиталистическим ярмом во имя... химии и ароматной сигары. Он не говорит о месте данной страны в системе других капиталистических стран. Такой вопрос, «отвлеченно говоря», для него не существует и в эпоху империализма. Он берет страну *икс*, в отрыве от других стран, игнорируя закон о неравномерном развитии капитализма, т.е. совершенно метафизически, и развивает своеобразную робинзонаду, столь зло высмеянную Марксом.

Главное, что его здесь интересует, — это то, достаточно ли созрели «химические условия» для сигары. В круг этих фигуральных «химических условий» он вовлекает и умственное, и нравственное, и культурное развитие трудящегося класса вообще, причем уровень его «само-совершенствования» под «благотворной» пятой капитализма ставится даже впереди экономического уровня страны.

Как же усомниться в том, что этот в досталь наспигованный идеализмом снаряд предназначался для большевиков? Как же после этого и после приведенных выше экивоков Плеханова («Это уже не в бровь, а прямо в глаз анархистам, да, если говорить правду, и не одним анархистам...»), — как согласиться с Луначарским, будто и в работе о Чернышевском Плеханов выражает собой полосу борьбы с субъективизмом и утопизмом Михайловского? Нам кажется, что здесь он выражает собой скорее полосу борьбы с большевизмом и обнаруживает многие меньшевистские слабости. Недаром ведь Ленин написал об этой работе, что в ней «...Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа» («Ленинский сборник», т. XXV, стр. 231).

Плехановский тезис о том, что «народ, не усвоивший себе культурных приобретений капиталистической фазы, окажется совершенно неспособным к организации общественного производства», был живо усвоен меньшевиками и «прокламировался» ими до хрипоты после завоевания рабочим классом власти в России. Разве не из этого же тезиса исходил меньшевистский выученик Суханов, отрицавший в своих пресловутых «Записках» возможность построения социализма в Советской стране? Известно замечание Ленина по поводу сухановских «Записок»: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советско-

го строя, двинуться догонять другие народы» (т. XXVII, стр. 400). Правильность этих слов блистательно подтверждена дальнейшим ходом революции, самой жизнью, Сталинской Конституцией — нашим знаменем и гордостью.

В своей статье «Этика и эстетика Чернышевского» Луначарский приводит весьма красноречивый факт: «Плеханов на Стокгольмском съезде кричал Ленину: «В новизне твоей мне старина слышится». Какая старина ему слышалась? Старина Чернышевского». Как же мог Луначарский не видеть, что Плеханов в своей работе о Чернышевском, опубликованной в 1910 году, ведет в подтексте полемику с Лениным, «изобличает» «скоропелость» его планов о социальной революции? Ведь совершенно очевидно, что главное обвинение, которое Плеханов выдвинул против Чернышевского («... он приурочивал свои ожидания к субъективным, а не к объективным факторам развития, к распространению знаний, а не ко внутренней логике общественных отношений»), — что это и было вместе с тем главное обвинение, какое выдвигали в ту пору меньшевики против большевиков.

Пыл плехановской полемики против просветительства, пристрастие, с каким выскидывалась в обширном литературном наследстве Чернышевского всякая идеалистическая скверна, чрезмерность и обилие делаемых автором обобщений по поводу отдельных, частных и отнюдь не решающих высказываний великого писателя, — все это с достаточной наглядностью говорит о том, что Плеханов направил свои стрелы и против второго, незримо присутствующего «обвиняемого» — против большевизма. Это надо сказать полным голосом.

Поступив так, мы, кстати, выполним один из заветов Чернышевского, высказанных в его замечательной статье «Об искренности в критике»: «...Жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния, на которые вы нападаете. Следовательно, если перед вами два романа, отличающихся фальшивою экзальтацией и сантиментальностью, и

один из них носит имя неизвестное, а другой имя, пользующееся весом в литературе, то на который вы должны напасть с большею силою? На тот, который более важен, т.-е. вреден для литературы». Остановившись на поэме Гете «Герман и Доротея», Чернышевский продолжает: «...поэма великого Гете жалка и вредна по содержанию, по направлению. Говорить о произведении Гете таким образом... конечно, нелегко для вас: и вам самим горько восставать на того, кого хотели бы вы вечно прославлять, и дурно подумают о вас многие. Но что же делать? Того требует от вас обязанность».

Плеханов принадлежит к Олимпу русской революционной мысли не менее, нежели Гете — к Олимпу художественной мысли Германии. О труде Плеханова, посвященном Чернышевскому, менее всего можно сказать, что он жалок; нельзя сказать и того, что он целиком вреден по содержанию своему. Напротив, эта работа Плеханова чрезвычайно ценна. Здесь автор еще раз проявил глубокую свою ученость в различных областях науки и искусства, мастерство историка, блеск писателя, умеющего доносить до читателя самые сложные мысли с большой живостью, ясностью и простотою. Но за всем тем, в труде Плеханова о Чернышевском присутствует вредная тенденция, подсаженная политическими целями борьбы против большевизма. В ней присутствует, повторяем, та чрезмерная переоценка «объективного фактора» в истории и та недооценка субъективного, активного, волевого, целенаправляющего, организующего, короче говоря, революционного начала, — та недооценка, которая и является философской основой меньшевистского объективизма.

V

Мировоззрение Чернышевского складывалось под перекрестным воздействием передовой мысли Западной Европы и России. Из немецких философов его учителями были Гегель и Фейербах. Из французов на него оказали влияние Фурье и энциклопедисты. Из англичан его прямым учителем надо считать Роберта

Оуэна; с глубочайшим интересом изучал он английских экономистов. Из плеяды выдающихся деятелей русской общественной мысли более всех привлекал его симпатии Белинский, которого он почитал своим непосредственным предшественником. Высоко ценил Чернышевский Герцена и Огарева. С большим интересом относился он к научной и литературной деятельности Надеждина, Бакунина, Станкевича, Грановского.

Три источника марксизма — немецкая классическая философия, французский социализм, английская политэкономия — были и для Чернышевского истоками идейного формирования. Его искания шли в том же направлении, что у Маркса и Энгельса. Конечные идеалы были те же. Было в Чернышевском и такое же сочетание дарований и склонностей, как и у основоположников марксизма: глубокий, аналитический ум ученого и мыслителя, неукротимый темперамент революционера, жажда практической деятельности. Только экономические, политические и культурные условия чудовищно отсталой в ту пору полуфеодальной России были безмерно далеки от условий жизни передовых западноевропейских капиталистических государств. Пролетариата у нас еще не было, революционная борьба крестьянства не возвышалась еще над уровнем разрозненных стихийных вспышек, народ был чрезвычайно темен и забит, интеллигенция была еще крайне малочисленна.

Главным образом этой исторически сложившейся в России обстановке надо приписать то, что материалист и революционер Чернышевский, сделавший крупнейший шаг вперед в развитии русской революционной мысли, не пошел еще дальше вперед, не приблизился еще больше к гениальным открытиям Маркса и Энгельса, создавшим законченную научную теорию социализма. Не ошибкам Чернышевского в области общественной науки должны мы удивляться, не элементам идеализма в его исторических взглядах, а тем, по выражению Ленина, «гениальным провидениям», до которых возвысился Чернышевский.

Процесс становления капитализма в России с особенной стремительностью и

интенсивностью развернулся в пореформенную эпоху, а царское правительство арестовало Чернышевского и оторвало его от живой жизни в 1862 году. Весь кипучий процесс капитализации страны развернулся уже вне поля зрения нашего великого мыслителя. В основном научная и публицистическая деятельность Чернышевского приходится на годы с 1855 до 1862. Семь лет — вот и весь срок, который ему удалось урвать у самодержавия для полнокровной политической работы. Но и в течение этого скупого времени он, как философ и ученый, экономист, публицист и литературный критик, создал большое количество произведений, в которых обнаружил не только огромный талант и энциклопедическую образованность, но и величие и пронзительность ума, могучую силу революционной теоретической мысли.

В исторических своих работах (классовый анализ революционных событий во Франции) и в экономических работах («Капитал и труд», примечания к переводу политэкономии Милля) Чернышевский вплотную приближался к взглядам Маркса.

Долгое время у нас держался взгляд, будто Чернышевский вовсе не знал трудов Маркса. Историк товарищу Шульгину недавно удалось установить, что полученный Чернышевским в ссылке экземпляр «Капитала» был тщательно изучен великим русским мыслителем. В письмах, подвергавшихся полицейскому досмотру, Чернышевский сетовал, зачем ему послали эту книгу, он-де из нее строит бумажные кораблики и пускает по воде, а в конспиративном порядке заявил, что целиком разделяет экономические взгляды Маркса, высказанные в «Капитале».

Со своей стороны, Маркс проявлял живейший интерес к Чернышевскому. Он активно содействовал революционеру Герману Лопатину в его попытках организовать побег Чернышевского из Сибири за границу. В русском оригинале читал Маркс труды Чернышевского и дал им высокую оценку. Лопатин свидетельствует: «Маркс... не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет

единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальностью, силы и глубины мысли...».

Как известно, Маркс в послесловии к «Капиталу» отмечал, что «банкротство «буржуазной» политической экономии мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский». В другом месте, в письме к членам Комитета русской секции в Женеве, Маркс писал: «Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века». Известно также крылатое слово Энгельса о том, что Россия выдвинула «двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов».

Ленин считал Чернышевского «замечательно глубоким критиком капитализма».

Трудно (да и бесполезно) строить домыслы о том, какие изменения претерпели бы взгляды Чернышевского в пореформенные годы, под влиянием бурно развивающихся капиталистических отношений. Не подлежит сомнению, однако, что такой живой, революционный творческий ум, как Чернышевский, не мог бы остаться глухим к решающему повороту в окружающей его действительности. Порукой тому служат хотя бы те два его высказывания, которые были приведены нами выше, именно: его слова об отсталости Герцена, когда «время... идет с страшной быстротой: один месяц стоит прежних десяти лет!», и второе высказывание о том, что Россия начала, повидимому, вовлекаться «в сферу полного действия закона конкуренции».

Но царское самодержавие оторвало Чернышевского от жизни. Двадцать лет провел он в страшном одиночестве в Сибири, и до этого два года в Петропавловской крепости. Оторванный от жизни, подвергнутый царизмом тяжким физическим и нравственным муче-

ниям, великий революционный демократ и социалист с прекрасной и благородной стойкостью перенес все испытания и остался верен своим взглядам.

Большой интерес представляют воспоминания В. Г. Короленко о его встрече с Н. Г. Чернышевским в Саратове за два месяца до смерти Николая Гавриловича.

«Какая это, в сущности, страшная трагедия, — писал Короленко, — остаться тем же, когда жизнь так изменилась... Чернышевского наша жизнь даже не задела. Она вся прошла вдали от него, промчалась мимо...»

— Публицистика!.. — сказал однажды Чернышевский на вопрос моего брата, отчего он опять не возьмется за нее. — Как вы хотите, чтобы я занялся публицистикой? Вот у вас теперь на очереди вопрос о нападении на земство, на новые суды... Что я напишу об них: во всю мою жизнь я не был ни разу в заседании гласного суда, ни разу на земском собрании.

Ни разу! Конечно: ведь его увезли до открытия новых учреждений, а привезли обратно, когда их собирались уничтожить... В Сибири он стоял, как старый камень вдали от берега изменившей русло реки. Она катится где-то далеко, где-то шумят ее живые волны, — но они уже обмывают его, одинокого, печально-го».

Материалистом, революционером и социалистом сошел в могилу великий просветитель 60-х годов. Верен своим убеждениям остался «властитель дум» своего времени, вождь революционной демократии, бунтарь и «коновод молодежи» (как писали о нем в царской охранке).

В нашу Сталинскую эпоху осуществились лучшие мечты этого гениального мыслителя, непримиримого борца со всеми угнетателями народа, человека большого сердца. Его наследие целиком принадлежит партии Ленина—Сталина, принадлежит народу — строителю коммунизма. Мысли Чернышевского, его труды — и научные, и публицистические, и художественные — ценны не только, как памятник истории. Во многом они не устарели и по нынешний день.

Из переписки А. П. Чехова с Н. А. Лейкиным

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА)*

★

14. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

14—15 ноября 1885 г.
2 часа почт.
С.-Петербург.

Уважаемый Антон Павлович!

Получил Ваше письмо от 10 ноября¹ и спешу отвечать Вам на него. Иначе как ночью не мог выбрать времени — занят по горло.

Из 4 Ваших подписей (большое спасибо за них) пригодилась три и сданы В. И. Порфирьеву. От Николая Павловича рисунка не получено. В рисунках нуждаюсь страшно. Поторопите его. Подпись, которая дана ему для рисунка, теперь уже негодна. Она какими-то судьбами появилась в № 44 «Будильника». Не думаю, чтобы ее туда отдал Н. П., но предполагаю, что ее взял «Будильник» из того же источника, как и мы, то-есть из иностранного журнала. Во всяком случае, был-бы рисунок, а подпись найдем и новую.

С Агафоподом я, действительно, несколько церемонился до сих пор, не бракуя его угнетенных чиновников, но теперь буду браковать. В самом деле, эта тема уже жевана и пережевана.

Теперь о Менделевиче². По моему, это совсем бездарность и даже лентяй. Он не стыдится присылать мне такие стихи, где рифмуется чуть-ли не «самовар» с «подсвечником». Кроме того, темы до того избиты, что даже злость берет. При встрече с ним внушите ему, чтобы он, по крайней мере, был-бы усидчивее и подбирал бы хоть рифмы-то настоящие.

В Москву к Вам приеду тогда, когда премию из Берлина пришлют. Велю вставить картины в золотые рамки (картины, действительно, очень недурные), привезу в Москву и повешу напоказ публике в книжных магазинах «Но-

вого времени» и А. Л. Васильева. Думаю, что картины пришлют скоро. Два экземпляра, имеющиеся у меня, выставлены уже в Петербурге.

Насчет бедности природы моего именища вы ошибаетесь. Местность самая живописная. Имению моему на реке Тосне при впадении ее в Неву. Берег высочайший. От пароходной пристани надо подниматься ступень сорок. Берег сам по себе высокий, но дом мой стоит, кроме того, еще и на горе. С балкона видны окрестности верст на 40. В глазах самое широчайшее место Невы (версты полторы). В полуверсте, где Нева суживается, пороги. В моем участке, кроме того, имеется глубокий овраг (место в хозяйственном отношении хотя и бесполезное, но живописное) и на дне его ручей. Берега реки Тосны мне принадлежит 40 сажен. Есть и лесок маленький у меня, но кроме моего леса в версте от меня имеется казенный сосновый бор, верст на 30, откуда в прошлую субботу забежал ко мне в усадьбу волк, и мой караульный даже стрелял по нем, как он мне сообщает, но дробью убить не мог, а только ранил и заставил убежать.

Вот вам подробности. А затем все. Устал. Надо ложиться спать. Будьте здоровы! Жму вашу руку.

Н. Лейкин.

¹ Это письмо Чехова к Лейкину неизвестно.

² В письме от 30 сентября 1885 г. Чехов рекомендовал Лейкину Родиона Абрамовича Менделевича... «человек забитый, голодающий, представляющий собой нечто бесформенное и неопределенное: не то аптекарь, не то портной». Чехову понравились его стихи, и он предложил Менделевичу написать несколько стихотворений на пробу, которые и отослал Лейкину («Письма», I, 154). О том, как Чехов «устраивал его и вводил в новые редакции, вспоминает Р. А. Менделевич в своих «Клочках воспоминаний» («Раннее утро», 1914, 2 июля).

15. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1885] 5, XI, 17.
[Москва]

Уважаемый

Николай Александрович!

Сей посыла посылается в ответ на Ваше письмо. У меня беда! Новая квартира оказалась дрянью: сыро и холодно. Если не уйду из нее, то наверное в моей груди разыграется прошлогодний вопль: кашель и кровохарканье. Перебраться же на новую квартиру страшнее всего. Изволь я опять тратиться на переезды, переноски, на перемену адресов. На Якиманке есть квартира, как раз против меня. Пойду завтра глядеть ее. Тяжела ты, шапка Мономаха! Жить семейно ужасно скверно.

Однако и Вы соблазнились премией¹. Чтож? Это не мешает.. Обещание (в объявлении) обратить особое внимание на художественный отдел — штука хорошая и необходимая. Начет Агафопода. Вы не бракуйте его угнетенных чиновников, а напишите ему, а то он не будет знать, в чем дело. Николай болен. Рисунки постарается выслать в самом скором времени. Еще что? Пожалуй, еще о Пет. Газ. Сделайте милость, скажите, что мне нужно сделать, чтобы упредить аккуратную получку гонорара? Послал я счет 23 октября — ноль внимания. Повторил счет две недели тому назад — то же самое. А аккуратное получение гонорара для нашего брата важнее коли-

чества гонорара. Если получаешь мало, то по одежке протягиваешь ножки, если же получаешь много, но сюрпризно, на манер татя в ножи, то поневоле запутаешься в своих финансах.

Погода у нас великолепная. 26-го числа еду в Звенигород на освящение новой земской больницы. Вместе с приглашением получил обещание, что после молебна закуска будет необычайная. Предвкушаю.

Если будете у Худекова², то замолвите словечко за меня. А за сгм пребываю уважающим

А. Чехов

Моя подпись начинает принимать определенной и постоянной характер, что я объясняю громадным количеством рецептов, которые мне приходится писать — конечно, чаще всего gratis.

А по моему Менделевич не бездарность. Ему всего только 19 лет. Он служит мальчиком у брата своего портного.

¹ В «Осколках» в объявлении о подписке на 1886 год была обещана бесплатная премия, состоящая из двух больших художественно выполненных по заказу в Берлине олеографических картин бытового характера под названием «Шадуны».

² Худеков Сергей Николаевич (1837—1929) — редактор-издатель «Петербургской газеты», журналист, драматург.

16. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин.

С.-Петербург

Николаевская ул., № 48.

20/21 ноября 1885 г.

Уважаемый Антон Павлович.

Я к Вам с большой претензией... За что Вы второй год подряд прямо перед подпиской «Осколкам» ногу подставляете? «Оск.» Вам все таки дают определенный гонорар в месяц, «Оск.» как-бы то ни было свелл Вас и с «Петерб. Газетой». Стало быть, по моему, всеми путями следовало бы способствовать успеху «Осколков» и стараться делать так, чтобы они были оригинальны, не походили ни по составу своих сотрудников, ни по другому чему-либо на прочие юмористические журналы, конкурирующие с ними и хоть по некоторым своим сотрудникам стояли вне конкуренции. А Вы делаете наоборот. Все это я к тому клоню, что сегодня, получив № 45 «Будильника», к несказанному моему удивлению и прискорбю, увидел за Вашей подписью рассказ «Тапер». Целый год Вы не писали в «Буд.» или по крайней мере не выставляли Вашей подписи, а перед самой подпиской Вас словно прорвало! В прошлом году было то же самое. Вы сунули на подкраску «Будильника» и «Развлечения» по два-три рассказа. А публика глупа. Видя раз Ваш рассказ в журнале, она может думать, что Вы и постоянно будете писать в нем.

Я очень хорошо вызнал публику за 26 лет моей литературной деятельности и знаю, что как-бы ни был плох сотрудник (а вы все-таки сотрудник талантливый), на него, т. е. на сотрудника всегда найдется и свой подписчик, который специально на него, т. е. сотрудника, подписывается; стало-быть иметь специально своего сотрудника, не работающего в других тожественных журналах, очень важно. Повторяю: я это изучил и таким сотрудникам предоставляю все льготы в журнале. Я помещаю почти все, что-бы они ни написали, готовя для их статей место в журнале, оставляя статьи других сотрудников, даже срочные, залеживаться, и наконец даже приурочиваю этих сотрудников к журналу, насколько это позволяет средства журнала, маленькой ежемесячной определенной прибавкой к гонорару на цензурные протори и убытки в виде помарок. Будь у «Осколков» большие средства, я приурочивал бы моих сотрудников большими прибавками, но оказывается, что сотрудники этого не понимают или не хотят понять и стараются делать увеличение и прибавки им невозможными. Своим появлением перед самой подпиской и во время подписки (в Декабре и Январе) в «Будильнике» и «Развлечении» Вы и Пальмин сделали то, что в 1885 году я утерял против 1884 года около четырехсот подписчиков (это между нами), так по крайней мере мне думается. На 1886 год Вы опять собираетесь поднести этот же сюрприз «Осколкам».

Скажите, отчего Вам было не прислать это-го «Гапера» в «Осколки»? Он тотчас же был в них напечатан без очереди, если-бы Вы об этом попросили, был-бы напечатан даже вместе с другим рассказом «Старость» и деньги за него были-бы высланы даже авансом, если-бы Вы того захотели. Или в «Буд.» Вам больше платят? В чем, впрочем, сомневаюсь. Я понял бы сотрудничество Ваше в «Будильнике» тогда, если-бы Вы были так плодovitы, что все то, что Вы напишите, «Осколки» не в состоянии-бы были поместить, но Вас и для «Осколков» то подчас не хватает. И что такое «Будильник»? Поместит он Вас в Декабре и в Январе на 60—70 рублей, а потом и помещать не станет, ибо он расчетлив, ему выгоднее проваляться в остальные месяцы разным даровым хламом, присылаемым из провинции.

Обидно. Простите я вылил свою обиду может быть не совсем в сдержанной форме, но это уже так вылилось.

Конверт Ваш с мелочишкой получил, получил и письмо от 5 Ноября... «Помеха»¹ — очень плохая мелочишка, решительно ничего не выржающая, но она все-таки пойдет. «Дипломатия»² тоже подгуляла, но тоже, при случае, уйдет.

Получив Вашу жалобу на невысылку денег из «Петерб. Газеты», я тотчас-же поехал в контору и заявил об этом Худекову. Тут просто случай. В первых числах Ноября управляющего Конторою «Пет. Газеты» разбила лошадь и он не ходит в контору, о письме Вашем ничего не сообщил младшим конторщикам. Деньги будут высланы 21 или 22 Ноября. Говорил Худекову и о том, чтобы он сделал распоряжение о высылке Вам денег аккуратно по окончании каждого месяца. Обещал.

В Москву я не поеду потому, что премию не могу получить из Берлина, а мне хотелось бы приехать в Москву с образцами премии в золотых рамках и вывесить их в главных книжных магазинах.

17. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

28/XII 1885 г.
[Москва]

Ну, добрейший и гостеприимнейший Николай Александрович, наконец таки я сел за стол и пишу Вам. Поездка в Питер и праздничная галиматья совсем сбили меня с толку. Дела по горло, но сядешь писать — не пишется; то и дело начало зачеркиваться; к больному надо ехать — проспичь или за писанье сядешь... Чтобы не сбиться с панталыку, буду писать по пунктам:

1) Все поручения исполнены с подобающими точностью, скоростью и педантизмом:

а) Ступину¹ переданы книги по дороге с вокзала. Квитанция послана Вам 26 декабря.

б) Левитану передан заказ купно с наставлением. Внушено ему, что он не знает военных фельдшероу, и рекомендовано впредь за решением вопросов жанро-бытового свойства являться ко мне, на что он дал полное свое со-

Вот и выдавать премию заставили меня мои сотрудники. Чем мне пооригинальничать, чем выставить себя с особенной присущей только «Осколкам» стороны, если и сотрудники мои и художники те-же самые что и в «Буд.», в «Стрекозе», в «Развлечении»? Вот я и оригинальничая хорошей премией, такой премией, какую, я уверен, не выдаст ни «Буд.», ни «Развл.», ни «Стр.» Я выдаю две отличные олеографии (жанр) в аршинную величину каждая и выдаю даром, не требуя ни приплаты за премию, ни за пересылку, между тем как другие журналы («Буд.», «Развл.», «Стрекоза») берут за премию рубль или полтора рубля приплаты.

Все. Будьте здоровы.

Н. Лейкин.

Р. S. В Москве буду никак не позже первых чисел Декабря.

Р. S. У меня хранится с прошлого года Ваш святочный рассказ «Сон»³. Он несколько мистичен, но я попробую исправить его несколько, и он все-таки пойдет на святках. Вы, может быть, забыли об этом рассказе, но рассказ этот большой.

Вы у меня просили какой-то год «Осколков» (комплект). Сообщите какой. Приеду в Москву, так привезу.

А от Ник. Павловича все-таки нет рисунка. Узнайте пожалуйста адрес художника Левитана⁴. Я пошлю ему темы и закажу несколько страниц рисунков. Ужасно нуждаюсь в рисунках.

¹ Рассказы «Помеха» и «Дипломатия» в печати так и не появились.

² Рассказ «Сон» был напечатан в «Петербургской газете» за 1885 г. № 354, 25 декабря.

³ В ответном письме от 23/XI 1885 г. («Письма», I, 159) Чехов сообщает адрес художника Адольфа Ильича Левитана, брата известного художника-пейзажиста (...кетати говоря, Левитан в Москве нравится. Рисовальщик он не из плохих...).

гласие. Был он у меня два раза. Между прочим, просил меня убедительно, чтобы я написал Вам, что ему до зареза нужно 40 руб. Сам он написать Вам стесняется страха ради иудейского. Если можно выслать, то вышлите. Авансы противная материя, но сорок рублей не великие деньги.

с) Амфитеатрова² видел и от Вашего имени предложил ему не посылать в Осколки того, что похерено Будильником. Сказал: «Хорошо».

д) У Печковской уже есть вывеска на раме. Баба удивилась, когда ей была предложена вывеска, и сказала, что Вы уже дали ей одну вывеску. Насчет того, что она возбудила в Вас греховные вожеления, я ей ничего не говорил: неловко было при народе...

е) Гиляровского еще не видел. Когда увижу, то передам ему Ваше поручение относительно книгопродавца, взявшего с уступком 50%.

ф) Касательно драматического гонорара и векселя Гудвилевича жду дальнейших распоряжений.

2) Сегодня послан Вам не совсем удавшийся новогодний рассказ. Хотел написать покороче и испортил.

3) Ваши наблюдения по части Московской журналистики проверяю.

4) Виденные мною порядки Петербургских редакций воспеваю, где только возможно. Вообще воспеваю весь Петербург. Милый город, хоть и бранят его в Москве. Оставил он во мне массу самых милых впечатлений. Очень возможно, что в данном случае, в суждении своем о Питере, мои мозги подкуплены. Ведь жил я у Вас, как у Христа за пазухой. Все мое питерское житье состояло из сплошных приятностей и не мудрено, что я видел все в розовом цвете... Даже Петропавловка мне нравилась. Путаница в голове несосветимая: Невский, старообрядческая церковь, диван, где я спал, Ваш стол, Билибин, Федя, толстый ментранпаж, полотенца на стенах, борода Тимофея, Борель, Пакин, земляные груши, сиг, перинка для Рогульки и Апеля, Сенной рынок, Лейферт... Ясно очерченной картины нет, а все какие-то отрывки. Что ясно помню, так это рыло Апеля Апелевича и целодневное, молчаливое созерцательное хождение Феди по комнатам, остальное же в тумане, точно сон. Этим туманом я обязан Вам, ибо в какие-нибудь три дня Вы навалили на мои нервы

столько впечатлений, что голове в перу разорваться. А ел то и пил я у Вас точно я не в Питере был, а в старосветской усадьбе. Кстати, свежие сивог в Москве нет.

Конечно, Вы и без меня знаете, как я благодарен Вам за Ваше гостеприимство и возно с моей тяжелой особой, но все-таки считаю нужным констатировать еще раз эту благодарность. 10 000 раз спасибо.

В заключение поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом, с новым счастьем. Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон и поздравление.

Билибину кланяйтесь и скажите, что я собираюсь написать ему.

П. И. Кичеев³ стрелялся, но... неудачно. Пальмина еще не видел.

За сим будьте здоровы. Еще раз спасибо в квадрате.

Ваш А. Чехов.

Про Святейший Синод и Сенат отец спрашивал. Сердится, что я внутри не был.

Р. С. Буду писать еще. Хочется о Питере поговорить.

¹ Остужин — книгоиздатель и книгопродавец.
² Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1926), фельетонист и беллетрист; умер в эмиграции.

³ П. И. Кичеев (1845—1902) — писатель, театральный рецензент и издатель театральных журналов; автор злой рецензии в «Московском листке» на пьесу Чехова «Иванов», шедшую в 1887 г. в театре Корша.

18. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин.
С.-Петербург.

Николаевская ул., № 48.

25/28 Янв. 1886 г.

Здравствуйте, добрейший Антон Павлович!

С прискорбием «души и тела» пересылаю вам корректуру вашей статьи «К сведению мужей»¹. Статейка не прошла и в Комитете. Мотив: по цинизму и сальности (!!!). Есть третья инстанция: можно-бы жаловаться на Комитет в Главн. Управление по делам печати с наклеплением на прошение двух 60-копеечных марок, но право все это хлопот не стоит. Статья у вас не пропадет. Перепишите ее, пошлите в «Петерб. Газету», и там она будет напечатана. Но непременно перепишите, а в корректуре не посылайте — не напечатают из боязни.

Ответ на вопрос: Буйлова² зовут Афанасий Дмитриевич. Ответ на Ваше ходатайство за Агафоподу о прибавке ему. Как тут прибавлять ему, если он совсем не пишет? Последний присыл его был перед Вашим приездом в Питер, и с тех пор присыла не было. С половины Декабря не было. В распоряжении редакции имеется набранный и пропущенным цензурой его рассказ «Согрешил», но он так длинен, а главное на сюжет всема надоевшего забитого чиновника, что я не решаюсь его ставить и подожду еще номера два-три. Да главное-то, что его рассказ никак не втиснешь при Вашем рассказе, до того он длинен. Далее...

Если Агафоподу прибавить, то я его гонорар должен уравнивать с Вашим гонораром, а где же тут справедливость? Ваши рассказы я прочитываю и тотчас же посылаю в типографию, а над его рассказами должен сидеть, выправлять их, часто смягчать, приделывать даже хвосты к ним. Впрочем, придет рассказы, так я подумаю и если Вам обещал, то сдержу свое слово о прибавке.

Вопрос: Вы мне писали, что Вас кто-то надул наихудшим образом. но не пояснили, кто и как. Нельзя-ли разрешить эту сфинксову загадку?³

Теперь о книге Вашей. Посылку с оригиналом я получил. Знаете, что, Антон Павлович... Мне не хочется издавать Вашу книгу пополам с Худековым. Я хочу издать ее один, то-есть от редакции «Осколков». Как тут издавать пополам? Ведь Худеков хлопотать не будет об издании, а хлопотать буду я: Худеков ни в типографии не распорядится, ни бумаги не купит. Это все должен сделать я-же... Надо Вам сказать, что он большой грошовник. Наконец, со времени Вашего отъезда он ни разу и не упомянул мне о Вашей книге. Неприятно на меня подействовало также и то обстоятельство, что в бытность Вашу в Питере он позвал Вас и меня к себе, чтобы переговорить о издании, и потом прислал сказать, что не может принять. Даже прислал без записки. В запасе у него был следующий день, но он уже не повторил ни Вам, ни мне своего приглашения.

Сотрудник приезжает в Петербург в первый раз, знакомится с редактором, его зовет редактор к себе и потом отказывается принять! Это уже не только не гостеприимно, но... не буду договаривать. Скажу прямо: мне за Вас обидно.

Итак, книгу Вашу издаст редакция «Осколков». Формат — формат моих книг. Печать та же самая, но бумагу поставлю лучше. Надо издать поэтичнее. Условия следующие. Я издаю книгу в 2012 экземплярах (12 экземпляров надо представить в цензурный комитет даром). Книга складывается в редакции и продается. Вам посылается счет стоимости книги. Когда книга окупится (а я думаю, что она должна скоро окупиться), оставшиеся экземпляры мы делим поровну: половину получаете Вы, половину редакция «Осколков». Труд вознаграждается так же как капитал и вместе с ним неразлучный риск на издание, так как ежели книга не пойдет то убыток понесу я один, а не Вы. На этих условиях изданы у

меня Пальмин, Баранцвич⁴. 50 экз. книги Вы получите на руки вперед.

Вот условия. Ответьте согласны-ли. Ответьте немедленно, ибо книгу надо печатать, надо, чтоб она вышла в посту, а не в летние месяцы затишья. Жду.

Ваш Н. Лейкин.

Р. S. В понедельник распоряжусь о высылке вам гонорара из «Осколков». Поклон Вашему семейству.

¹ Рассказ «К сведению мужей» не был пропущен цензором и сохранился в гранках. Рассказ был напечатан только в 1927 г. в «Красной газете» за 1927 г., № 294. См. «А. П. Чехов, «Несобранные рассказы». Academia, 1929, стр. 306—313.

² А. Д. Буилов служил в конторе «Петербургской газеты».

³ В том же письме Чехов писал Лейкину: «Ах как меня надули. Впрочем, прежде чем Вы ле начнете ругаться, я не скажу в чем дело... Ужасно и подло надули».

⁴ Казимир Станиславович Баранцвич (1851—1927) — беллетрист; Чехов относился к нему с большой симпатией, хотя и критиковал его произведения.

19. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

1886, 1, 28
[Москва].

Письмо Ваше получил, уважасмый Николай Александрович, и спешу на него ответить. Вы очень мило сделали, что написали мне, ибо я целую неделю ждал Вашего письма.

Прежде всего о книге. Тонкости, которые сообщаете мне Вы про Худекова, не казались мне толстыми до получения Вашего письма. Значение их было для меня темно, иль ничтожно. Вообще я не практичен, доверчив и тряпка, что вероятно Вы уже заметили. Спасибо Вам за откровенность, но... все-таки я не могу понять: к чему нужны были Худекову все его тонкости? Чем я мог заслужить их?

На все условия, которые Вы мне предлагаете в последнем письме, я согласен, признавая их вполне основательными. Все издание отдано на Ваше усмотрение, считая себя в деле издательства импотентом. Беру на себя только выбор статей, вид обложки и те функции, какие Вы найдете нужными преподать мне по части хождения к Ступину и проч. Отдаю и себя в Ваше распоряжение. Издавайте книгу и все время знайте, что издание моей книжки я считаю большой любезностью со стороны Осколков и наградою за труды вроде, как бы Станислава 3-й степени.

Сегодня посылаю остальные оригиналы. Если материалу не хватит, то поспешите уведомить, еще вышло. Если останется лишний материал, то тоже уведомьте, я напишу Вам, какие рассказы выкинуть. Обложку для книги я беру

на себя по той причине, что Московский виньетист, мой приятель и пациент Шехтель¹, который теперь в Питере, хочет подарить меня виньеткой. Шехтель будет у Вас в редакции. Надежду Вашу на то, что книга скоро окупится, разделяю и я. Почему? Сам не знаю. Предчувствие какое-то... Почему Вы не хотите печатать 2 500 экз.? Если книга окупится, то 500 лишних экземпляров не помешают. Мы их, «измором» продадим...

А какое название мы дадим книге? Я перелбрал всю ботанику, зоологию, все стихи и страсти, но ничего подходящего не нашел. Придумал только два названия «Рассказы А. Чехонте» и «Мелочь». Буду писать И. Грэку. Пусть он выдумает. Насчет цены книги и проч. меня не спрашивайте. Я, повторяю, на все согласен. Впрочем, нельзя ли будет прилатить мне последнюю корректуру?

Засим кланяюсь и говорю спасибо. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Фсде.

А. Левитана я лечил на днях. У него малеснький психоз, чем я отчасти и объясняю его размовку с Осколками. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Шехтель Франц Осипович (1859—1926) — товарищ Н. П. Чехова по училищу живописи, приятель А. П. Чехова, в 80-х годах сотрудник юмористич. журналов, в которых поместил много рисунков (псевдоним Финь-Шампань); сделал обложку для «Пестрых рассказов» Чехова (1886); впоследствии известный архитектор, академик.

20. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин
С.-Петербург
Николаевская ул., № 48.

30/31 Янв. 1886 г

Сегодня наконец, получил от Вас столь давно ожидаемый ответ, добрейший Антон Пав-

лович, по поводу издания Вашей книги. Получив его, сейчас же сдал оригинал в типографию для набора. Нового оригинала пока не присылайте. Я полагаю, что и присланного хватит на 25 листов, а больше двадцати пяти

листов мно вгонять в книгу не хочется. Свои книги я издаю по 20 листов и назначаю цену в 1 р. 50 к. Вашу книгу издам в 25—26 листов и назначаю цену 2 р. О том, печатать ли 2 000 экз. или 2 500, переговорю завтра с моим компаньоном и вышлю Вам условие для подписания, по которому Вы передаете право издания Вашей книги «Осколкам». Оно будет в 2-х экземплярах. Копию оставите себе. Без этого нельзя. Кроме того, поскорее пришлите название книги. Без этого печатать нельзя. По новым типографским правилам, нужно предоставлять инспектору типографии название книги, которая набирается и печатается, хотя бы эта книга, как Ваша, издавалась и без предварительной цензуры. Как видите, типографскую петлю все затягивают и затягивают.

Шехтеля поторопите с виньеткой для титула, как можно скорей, ибо книга должна выйти непременно на первой или второй неделе Великого Поста. В это время всегда бывает самый лучший спрос на беллетристику. Образец титула, то-есть, по вашему, обложки, вышло тотчас-же Вам на просмотр, как обложка будет напечатана, что-же касается до пересылки Вам на прочтение последней корректуры, то это решительно невозможно. Тогда книга выйдет в глухую летнюю пору и заглохнет. Ведь это значит, что на каждый лист надо убить по крайней мере, трое суток времени, трое суток только тогда, если Вы тотчас-же по получении примитесь читать корректуру, а при Вашей Чеховской лени (простите!) пройдет и неделя. Сегодня у вас гости, и вам нельзя читать корректуру, завтра надо куда-нибудь идти

и корректура опять откладывается, послезавтра Вы нерасположены и Вам лень, попросту говоря. А так не должно быть. У меня, когда мне надо работать, я гостей не принимаю, а если они сидят, то выпроваживаю вон. Вы же этого сделать не можете. Насчет корректуры не беспокойтесь. Корректорша у меня отличная, лучшая во всем Петербурге, педантичная, неустанная, да кроме того и я над ней буду наблюдать.

Итак скорей название книги! Затем, будут ли это рассказы А. Чехонте или рассказы Ан. П. Чехова? Мне кажется, первое лучше, и я так бы и оставил на титуле. Не хотели ли назвать просто:

«А. Чехонте.

Очерки и рассказы».

Можно назвать: «В водовороте». А то так: «Куклы и личины». Еще: «Фигуры и двойки». Жду наискорейшего ответа. Пожалуйста не откладываете в долгий ящик.

Левитану велел высылать «Осколки». За что я буду давать ему даровой экземпляр?

Ваш Н. Лейкин.

Р. С. Скажу Вам, что я не поклонник виньеток на книгах. Разве уже только то, что у Вас даровая виньетка.

Я был избран депутатом от петербургской журналистики на похороны Аксакова¹, но не поехал. И без меня много поехало. Да и некогда разъезжать.

¹ И. С. Аксаков (1823—1886)—публицист, поэт и общественный деятель славянофильского направления.

21. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Усадьба Городки.

Редакция
Иллюстрированного журнала
«Осколки».
С-Петербург
Троицкий пер., № 18.

Сентября 27 1886 г.

Добрейший Антон Павлович!

Сообщаю Вам, что 1 Октября я переезжаю из усадьбы в Петербург, и потому письма и статьи адресуйте на мою зимнюю квартиру: Петербург, Николаевская № 48. Письма Ваши от 7/IX— и 20/IX получила. Вы спрашиваете: нет-ли чего нового в «Осколках»? Нового ничего, за исключением разве того (рифма), что я выбрал премию для 1887 г. Премия — две олеографические картинки. Они меньше тех, которые были выданы в нынешнем году, но лучше выполнены. Сюжет комический — из области рыболовов любителей. В обоих картинках (жанр) фигурирует одно и то же лицо, но при разной обстановке. Как назову картины — пока еще не знаю.

Далес... на счет получки денег из «Петербург. Газеты». Если Буйлов задерживает деньги, то это помимо воли Худекова. Пишите о деньгах на имя Худекова, он будет передавать в контору и деньги не будут задерживать. Поовинциальных сотрудников, кроме вас, у «П. Г.»

нет, а Петербургские все получают деньги самым аккуратнейшим образом. Надо Вам сказать что Буйлов вот уже две недели не является в контору. Он пьет запоем и вот теперь напало на него это «малодушество винное». Пишите Худекову. Сам я дней 10 не был в «П. Г.-те». В конце будущей недели буду бывать там часто и скажу Худекову, как конфузит его Буйлов в деле денежной уплаты.

Теперь насчет Тосны. Тосна была запружена барками только до 1 июня. После этого грузились в ней барки дровами, но грузились выше меня на версту. Теперь мимо меня барки только проходят в Неву. Вы пишете о многолюдстве на Тосне, но это было только весной. В Ивановском в течение лета было относительно многолюдно, ибо почтовый тракт, да и дачники были, а я, если Вы помните, имею землю в стороне и мимо меня разве-разве пройдут 20 человек в день в Покровское и из Покровского. Больше мимо меня никуда и дороги нет.

Завод около меня не работает, хотя труба и попережнему тоочит. В нем живут только сторож с женой. 13 Сентября этот завод продавался в Окружном суде за долги, но на торги никто не явился. Теперь через три месяца будут новые торги и завод будет продаваться с рубля. Пойду торговаться. Если за 4 000

удастся купить — куплю. Там 28 десятин земли да в трубе тысяч 150 кирпичу.

Вы пишете: воображаю, как холодно и сыро ездить теперь на пароходе. Но ведь каюта I класса отапливается паром. Но я на езде и сейчас очень редко вожу в каюту. Погода в Сентябре у нас стоит такая же хорошая, как стояла и все лето. Хотя теперь лист пожелтел от утренников и наполовину облетел от ветров, но выдаются прекрасные денки. Теперь в Тосне ловят налимов. Я не ловлю, некогда, но покупаю полуаршинных по 6—7 коп. за штуку. Охотники теперь мимо нас бродят. Много диких уток вверх по Тосне. Недели две тому назад ко мне в овраг дня четыре под-ряд по утрам приходил медведь-овсянник и выл от голода, но теперь скрылся. Если Вы помните, сейчас за оврагом шли крестьянские овсы — вот он на скошенные уже овсы и приходил, а потом в овраг... В том же овраге дворник Пантелей неделю тому назад убил барсука. Был у нас поставлен капкан. В капкан попала лисица, оставила заднюю ногу и убежала. На том месте, где у меня огород, убили в течение лета трех зайцев. Они приходили на капусту.

Если-бы Вы приехали теперь ко мне в усадьбу, то не узнали-бы ее. Разбито три сада: верхний, нижний и фруктовый. Последний — за усадьбой. Из верхнего в нижний сад (оба перед домом) сделана лестница из 25 ступеней, с тремя площадками. В нижнем саду пруд, в пруду караси посажены, выстроены два киоска для вьющихся растений. За домом идут парники и теплица. Теплицу я выстроил роскошно, со всеми новыми приспособлениями, в сад посадил деревьев и кустарников больше тысячи штук. Есть *Tuja occidentalis*. Вишневых деревьев одних посадил 66 штук, 150 лип и пр. и пр. Половину деревьев и кустарников выписал из Риги. Все сады обнесены зеленого цвета решетками. Дом обшит и выкрашен. На дорожки верхнего и нижнего сада пошло до 10 кубических сажень кирпичного щебня.

Что это Вы все хвораете? А еще врач. *Medice, cura te.*

22. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1886] IV,30 [Москва]

Сейчас получил Ваше письмо, уважаемый Николай Александрович, и, не откладывая ответа в долгий ящик, сажусь писать. Гонорара из Газеты¹ еще не получил и отчаялся получить. Писать туда не буду, пока не получу. Быть может, даже сотрудничеству моему в Газете придется пропеть аминь: я послал Худекову прошение о прибавке... Замолвите словечко о прибавке, а то ведь, согласитесь, обидно на старости лет писать за 7 коп.! Не найдет ли Х. [Худков] возможным давать добавочные по образу Осколков? Впрочем, я на все согласен, даже на плохое единовременное, лишь бы не сидеть на семи копейках.

Живется серо. Сам я плох, да и кругом себя не вижу счастливых. Агафопод с семьей живет в Москве и еле сыт. Николай вчера и 3-го дня был серьезно и опасно болен. По-

О себе скажу, что здоров, жена здорова, но Федя болен коклюшем. И не понимаю, где мог простудиться. Дом у нас теплейший, рамы вставлены, детскую топим каждый день.

Будьте здоровы.

Ваш Н. Лейкин.

P. S. Адрес поэта Пальмина: Под Новинским, Дурновский переулок, дом Клаповского.

P. S. В конце Октября или в начале Ноября уповаю быть в Москве.

P. S. Попросите, чтобы о Вашей книге «Пестрые Рассказы» поставили публикацию в «Будильник», разумеется даровую. Указывайте на книжные магазины «Нового Времени», Бр. Салаевых и Вольфа.

Надо публиковать и в Москов. Листке.

Читали ли в Наблюдателе (Сентябрь) отзыв о «Стукине и Хрустальникове»?¹

Как Вам нравится Иллюстрация к Отечественной Летописи Амфитеатрова? Не правда-ли ново? А Пальмин витает в пространстве и шшет о богах. И все в одну дудку, все в одну дудку... Появились уже недовольные им. Жалуются на скуку и тяжеловесность стихов. Писал ему об этом, но ведь он самообольщен и не верит, да и отрешиться от своей манеры не может и будет до скончания живота витать в пространстве между богами и богинями.

¹ В сентябрьской книжке «Наблюдателя» за 1886 год (второй пагинации стр. 48—50, Новые книги) была помещена анонимная рецензия на книги Лейкина: «Стукин и Хрустальников». Банковская эпопея. 1886 г. — «Цветы лазоревые». Юмористические рассказы. — «Апраксинцы. — Биржевые артельщики». Сцены и очерки. Издание третье. 1886. В рецензии, с одной стороны, отмечалось обилие мелких рассказов у Лейкина, лишенных литературной и общественной значимости, а, с другой стороны, подчеркивались большие достоинства написанной им эпопеи из банковской жизни: изображения им воровства, надувательства, прямой подлости и биржевательства доверчивых людей со стороны банковских заправил. «Груд этот, — говорилось в рецензии, — резко выделяется своею цельностью и полнотою между отрывочными, нередко подочерченными и наскоро набросанными очерками г. Лейкина».

явилась неожиданно обильная кровавая рвота, которую едва удалось остановить. Отощал он на манер тифозного... Ужас, сколько передраг я испытал в эти дни, а тут еще денег нет! Кончится, должно быть, вся музыка тем, что я пляну, махну рукой и удеру в земство на службу.

Здоровье мое лучше. Нужно бы радикально изменить жизнь, что не легко. На моей совести 3 греха, которые не дают мне покоя: 1) курю, 2) иногда пью и 3) не знаю языков. В виду здоровья 1 и 2 пункты давно уже пора похерить.

Пальмин был у меня. На счет богов и богинь Вы правы. Я поговорю с ним. Знаете, он и сам напоминает какого-то бога. Живет не по людски, витает в эмпиреях и знать не хочет земли. Сюртук в пятнах, штаны вечно

растегнуты, галстук на затылке... Был у меня с двумя собаками, которые бегали по комнатам и жалобно выли. На-днях буду у него. С ним приятно посидеть вечером...

Сегодня был у меня Гиляй². Ждет человечина родов. «Опять говорит, ! Ну, пусть себе плодятся!».

Здоров ли Билибин? От него ни слуху, ни духу, точно умер, или попал в крепость.

Относительно объявления в Буд, и Сверчке постараюсь³. В Буд, уже печатались. В Рус. Вед. напечатаю, когда деньги будут. А Листок⁴... чорт с ним! Лучше напечатать объявления в Одесском Вестнике и Южном крае (Харьков).

Послушайте, напишите ка что-нибудь для

сцены! Для Вас это выгодно да и приятно в видах разнообразия.

Больше, кажется, не о чем писать. Погода сносная. Бывают денки, когда я жалею, что уехал с дачи. Поклон всем Вашим.

Чтобы заболеть коклюшем, нет надобности простужаться. Болезнь инфекционная, или, как думают, нервного происхождения.

Ваш А. Чехов.

¹ Газета — «Петербургская газета».

² Гиляй — В. А. Гиляровский.

³ «Сверчок» — юмористический журнал, издававшийся братьями Е. и М. Вернерами — ср. письмо Чехова к Лейкину от 20 сент. 1886 г. («Письма», I, 264).

⁴ Листок — «Московский листок».

23. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

3 Апреля 1887 г.

Христос Воскрес!

Здравствуйте, Антон Павлович. Пишу Вам, уведомляя Вас, чтобы вы не ждали гонорара в апреле м-це. Согласно вашему желанию я остановил посылку его и таким образом гонорар за март Вы получите вместе с апрельским в мае месяце. Не забудьте только впоследствии указать адрес, куда его выслать.

Нева у нас разошлась. Ждали, что еще третьего дня начнется пароходное сообщение, но, вообразите, вдруг ночью мороз до 7 градусов и застрявший в извилинах реки лед опять сковало. Завтра то-есть в страстную субботу, еду на Тосну с тем, чтобы к заутрени вернуться домой. Думал ехать на пароходе и вот теперь принужден опять тащиться по железной дороге. А ехать надо. Там трое людей, и они без денег к празднику. Нужно выдать жалованье. Кроме того нужно свеести семена для посева в парниках. Пора уже сеять. Впрочем, из теплички мы уже давно пользуемся салатом, шпинатом и редиской. Было даже несколько огурцов.

На прошлой неделе у нас гостила становой дочка и все меня расспрашивала о вас. Я ей рассказал, какой вы: какого роста, какого цве-

та, какой толщины. Приедете в июне на Тосну, так покажем вас ей, да и ее вам покажем. Почему знать? Может быть...

Завтра, послезавтра и в понедельник я буду отдыхать, то-есть не буду писать своей литературной порции. Два дня № «Пст. газеты» не выходит, да и третий день в придачу дал мне Худеков. Три дня.. Это для меня большая редкость.

Ваш протезе Менделевич бомбардирует меня ужасными стихами. Стихи трехполсные и кроме того глупые.

Прочли-ли Вы в «Осколках» рассказ Кулакова «Психея»? Дайте ответ и сообщите, как Вы наши рассказ.

Пальмин, очевидно, сердится, что я мало помещаю его стихов. С 8 марта нет от него писем.

Амфитеатров переехал из Милана в Москву, прислал два прелестные стихотворения — иллюстрации к Отечественной летописи, но цензура не пропустила. Выработывается малый.

Все. Больше не о чем писать. Прощайте. Жду от вас писем.

Н. Лейкин.

Апель Апелевич делает вам маленького Апеля.

24. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1887 г.] 7-го апреля. Таганрог.

Христос воскрес, милейший Николай Александрович! Письмо Ваше получил вчера. Принес его мне почтальон в рыжем пальто и с добродушной рожей, сдав письмо, он положил свою сумку около таза на скамейку и сел в кухне пить чай, ни мало не беспокоясь об адресатах. Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60.000 жителей¹ занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов — никаких. Куда ни явись, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чортиков...

Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников.

В субботу я еду в Новочеркасск, где шаферскую у одной богатой казачки. Опившись Донского, я вернусь в Таганрог и 14 еду к Дону. Вы все-таки продолжайте мне писать в Таганрог.

Маленькая просьба: возможно скорее справьтесь у Вашего чернобородого массажиста, какое практическое руководство по массажу считается лучшим? Ответ его благоволите написать на бланке открытого письма и послать по адресу: г. Таганрог, доктору Ивану Васильевичу Еремееву. Этим Вы меня премно-

го обяжете, ибо я и мой collega будем в мае массажировать одного толстяка. Пожалуйста, не забудьте.

Ах, какие здесь женщины!

Вчера ездил глядеть море. Хорошо! Одна только беда: желудочно-кишечный катарр от перемены воды и пищи. То и дело бегаю. А ватер-клозеты здесь на дворе, у чорта на куличках... Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям.

25. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1887 г.] 11 сент. [Москва]

Тысяча благодарностей, Николай Александрович! Ура Вам и живью! Во первых, большое спасибо за «Врача», которого я получил сегодня и буду читать на сон грядущий. Убедительно прошу почтовые расходы (60 коп.) записать в мой счет, дабы расходы сии не отвадили Вас продолжать Вашу любезность до конца.

Вы не дурно сделали, что выслали Врача бандеролью, посылки получать ужасно трудно и не дешево. Если когда-либо придется Вам посылать мне посылку, то пишете «с доставкой», — это стоит дешевле, чем извозчик в почтамт и обратно.

Во вторых, большое спасибо за объявление о моей книге и за рецензию, которой Вы не отказали дать место.

В понедельник я послал Вам рассказ. Вы должны были получить его во вторник. Вообще я буду посылать рассказы по понедельникам.

Да, я долго не писал, но сие не значит, что я заткнул фонтан. Увы, фонтан сам не хотел бить! Недели три я малодушно предавался меланхолии: не хотелось глядеть на свет белый, перо валялось из рук, одним словом — «иссвыры», которых Вы не признаете. Я был так психически настроен, что решительно не мог работать. Причина смешанная: плохая погода, кое что семейное, безденежье, перевозка и проч. Ныне я немощно воспрянул духом и помаленьку работаю. В Газету рассказ послан¹. Какой же трусище Ваш брадатый Тимофей! Если кучер в ночную езду берет с собой шкворень, или иное сарайное орудие, то это первый признак, что он при виде воров накладет в свои плисовые шаровары и убежит от хозяина. Вы его как-нибудь попужайте.

В Вашем новом доме, судя по Вашим письмам, будет всю зиму вонять краской и, пожа-

Написал в Газету рассказ² и сейчас повезу его на вокзал вместе с этим письмом.

Пишите же. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Эти замечания Чехова о Таганроге интересно сравнить с высказываниями о родном городе героя повести «Моя жизнь».

² В апреле 1887 г. в «Петерб. газете» напечатаны были рассказы «Казак», «Удав и кролик» и «Критик».

луй, будет сыро. Смотрите, как бы опять не пришлось лечиться! Разболится голова раздургой, разноеется грудь, вот и начнете мечтать о ялапке с содой да Mag[isterium] bism[utuli].

Пальмина я не вижу. Где он?

Я читал «Сев. Вестник». Рецензия не столько партийная, сколько умная, или как говорят «умная». Прочел я и очень мало понял².

Была рецензия в 244 № Моск. Вед. Не дурно, и длинно, и чувствительно. Про меня почему то все чувствительно пишут.

Как мои «Пестрые Рассказы»? Напишите мне, в каком они положении. Как здорове В. В. Билибина? Все ли он кажется человеком, готовым заболеть? Я буду ему писать сегодня, он ответит, но о здорье ничего не напишет. Не умно сделала Газета, что отказалась от такого сотрудника: 1) молод, 2) несомненно талантлив, 3) нуждается в частой газетной работе. Работников нужно собирать в кучу, а не разгонять.

У нас тепло. Прощайте и поклонитесь Вашим.

Дочь станového вышла замуж! Очень рад, что не помешал г. квартальному порздниться со станovým. Думаю, что этот мой патристический поступок будет достаточно оценен.

Но.., хорош и Вы, редактор либерального журнала! Хотели либерального сотрудника отдать в руки полиции, отдать всего, даже с детородными способностями! Не хорошо-с.

Я купил (или вернсе мне подарили) новую кабинетную лампу. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Вероятно, речь идет о рассказе «Почта», напечатанном в № 252 «Петербургской газеты» 14 сентября 1887 г.

² И. Ф. Масанов («Чеховиана», 1929) автором рецензии в «Северном вестнике» (1887, сентябрь) на книгу рассказов Чехова «В сумерках» называет Н. К. Михайловского.

26. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 Июнь 88
[Сумы]

Ваше второе письмо, добрейший Николай Александрович, получил я вчера, вернувшись из Полтавской губ. Первое письмо было получено незадолго до отъезда. Был я в Лебедине, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах. Что за места! Я положительно очарован. На мое счастье, по-

года все время стояла великолепная, теплая, ехал я в покойной рессорной коляске и попал в Полтавскую губ. в то время, когда там только что начинался сенокос. Проехал я в коляске 400 верст, ночевал в десяти местах... Все, что я видел и слышал, так ново, хорошо и здорово, что во всю дорогу меня не оставляла обворожительная мысль — забросить литературу, которая мне опостылела, засесть в

каком-нибудь селе на берегу Псла и заняться медициной. Будь я одинок, я остался бы в Полтавской губ., так как с Москвой не связывают меня никакие симпатии. Летом жил бы в Украине, а на зиму приезжал бы в милейший Питер... Кроме природы, ничто не поражает меня так в Украине, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт. Об антагонизме между пейзажами и панамы нет и помину.

Что Лазарев¹ и Ежов² женятся, я слышал уже. Поздравляю редакцию с законным браком сотрудников и желаю чад и ложа не скверна. Пусть женятся! Это хорошее дело. Лучше плохой брак, чем хорошее шематонство. Я сам охотно бы зануздил себя узами Гименя, но увь! Обстоятельства владеют мною, а не я ими.

Мне понравилась Ваша... «Первая ночь»³. Она написана очень хорошо; только заглавие несколько не подходит: она заинтриговывает читателя и заставляет его ожидать чорт знает чего. Читаю Осколки. Нравятся мне посвящения Кактуса⁴. Это кстати и красиво. Рисунки Далькевича — сплошная модная картинка, могущая удовлетворить только парикмахера средней руки.

Брат Александр вернулся в Питер со чадами. Детей привозил он только затем, чтобы показать их.

Погода у нас теплая. Поспевают плоды земные. В начале июля я еду в Феодосию к Суворину. Не имете ли какого поручения?

Книги Ваши получены в мое отсутствие Ла-

заревым, которому поручено было уведомить Вас о получении и поблагодарить за любезность. Я у Вас в долгу.

Если будете писать Лазареву и Ежову, то поздравьте их от моего имени. Я бы и сам поздравил, но у меня нет их адресов. Напишите, что я желаю им всего хорошего, особливо литературных успехов, на которые они по своей порядочности и по своему трудолюбию имеют полное право тем более, что оба, особенно Лазарев, талантливы.

Ну, будьте здоровы. Сажусь сейчас писать для хлеба насущного.

Писал ли я Вам, что у меня гостил А. Н. Плещеев?⁵ Прожил он у меня 3 недели.

Ваш А. Чехов.

В книжных шкафах на вокзалах имеются Ваши книги только у Петровского.

¹ В дневнике Лейкин записал под 17 авг. 1891 г. о Лазареве-Грузинском: «Это один из моих литературных крестников. Так же, как и А. П. Чехов, Лазарев под псевдонимом А. Грузинского начал свое литературное поприще в «Осколках».

² Ежов Н. М. (род. в 1862 г.), беллетрист, сотрудник «Нового времени», устроивший в эту газету Чеховым; впоследствии автор цветочнических воспоминаний о Чехове («Историч. вестник», 1909).

³ В № 150 «Петербургской газеты» был помещен рассказ Лейкина «Утро молодых», в следующем — «Молодые за чаем», в 166 номере — «Первый акт», но рассказа «Первая ночь» не было.

⁴ Кактус — псевдоним сотрудника «Осколков» полковника Мартынова. Очевидно, Чехов имеет в виду его посвящения под заголовком «Из словаря русских деятелей», печатавшиеся в «Осколках».

⁵ А. Н. Плещеев (1825—1893) — известный поэт, заведывавший в «Северном вестнике» (ст. делом беллетристики).

27. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1889 г.] 22 мая, г. Сумы (Харьк. губ.)

Здравствуй, Николай Александрович, сколько зим, сколько лет! Давно уж я не писал Вам и не получал от Вас писем. Причины моего молчания кроются в постоянстве моего характера: я всегда одинаково и неизменно ленив, и всегда моя голова занята каким-нибудь обстоятельством; Вы же молчите, потому что Вы считаетесь визитами и ждете, когда я Вам напишу.

Живу я там же, где жил в прошлом году. Адрес мой краток: г. Сумы. Не ездил я никуда и вероятно до осени никуда не поеду, так как на руках у меня Николай, больной чахоткою и тающий от этой болезни. Дела его плохи, значит плохи и мои дела и Вы можете себе представить мое положение. Распространяться не стану.

В феврале у меня было около 1500 рублей. Я мечтал, что проживу все лето до октября вольно и безбедно, объезжу весь свет вдоль и поперек и не буду работать. Вольно я еще не жил и никуда я еще не ездил, а осталось у меня из полторы тысячи только 340 руб.

Я поменьше работаю. Пишу маленькие рассказы, которые соединю воедино нумерацией, дам им общее заглавие и напечатаю в Вестни-

ке Европы. Хочу сразу получить денег побольше. Думал написать комедию, но пока сделал только два акта, надоело и я бросаю. Да не тем голова занята. Обстановка у меня теперь совсем не писательская, а лазаретная.

Что подельвает Билибин? Я слышал, что он работает много для сцены. Это хорошо, хотя быть хорошим фельетонистом гораздо выгоднее, чем быть отличным водевиллистом. Выгоднее, покойнее и солиднее.

Я читал, что в Питере жарко. У нас тоже вся весна была жаркая. В тени больше 30°.купаемся поневоле два раза в день и спим ночью под простынями при открытых окнах. Дождей нет, земля высохла, листья на деревьях вялы, редиска червивая; вообще червей, моли и тли много, появилась вся эта гадость рано и надо думать, судя по всему этому, что урожай не будет. Комары замучили.

Ездили Вы на Балаам? Если б художник был здоров, я поехал бы на Кавказ или в Париж; из Парижа писал бы юмористические фельетоны. Мне кажется, что когда я заживу по человечески, то-есть когда буду иметь свой угол, свою, а не чужую, жену, когда одним словом буду свободен от суеты и дрызг, то опять примусь за юмористику, которая мне даже снится. Мне все снится, что я юмористи-

ческие рассказы пишу. В голове кишат темы, как рыба в плесе.

Вы живете теперь в Ивановском? Сюда я и адресуюсь.

28. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1889 г.] 13 Авг. Сумы.

Из дальних странствий возвратясь, добрейший Николай Александрович, я нашел у себя Ваше письмо. Спасибо за память. Вот Вам мое *sigillum vitae*. Последние дни Николая, его страдания и похороны произвели на меня и на всю семью удручающее впечатление. На душе было так скверно, что опротивели и лето, и дача, и Псел. Единственным развлечением были только письма добрых людей, которые, узнав из газет о смерти Николая, поспешили посочувствовать моей особе. Конечно, письма пустое дело, но когда читаешь их, то не чувствуешь себя одиноким, а чувство одиночества самое паршивое и нудное чувство.

После похорон возил я всю семью в Актырку, потом неделю пожил с нею дома, дал ей время попривыкнуть и уехал за границу. На пути к Вене со станции Ймеринка я взял несколько писем и поехал в Одессу; здесь прожил я 10—12 дней, купаясь в море и варясь в собственном соку, сиречь в поте. В Одессе, благодаря кое каким обстоятельствам, было прожито денег не мало; пришлось насчет заграницы отложить всякое попечение и ограничиться одной только поездкой в Ялту. В сем татарско-дамском граде прожил я недели три, предаваясь кейфу и сладостной лени. Все пушено в трубу, осталось только на обратный путь. В стране, где много хорошего вина и отличных коней, где на 20 женщин приходится один мужчина, трудно быть экономным. Наконец я дома, с 40 рублями.

Разъезжая по провинции, я приглядывался к книжному делу. Нахожу, что поставлено оно отвратительно. Торговля нищенская. Половина книгопродавцев кулаки или прямо таки жулики, покупатель не воспитанный, легко поддающийся обману, откровенно предпочитающий в книгах количество качеству. Пока столичные книгопродавцы не пооткрывают в городах своих

Поклон мой Прасковье Никифоровне и Феде. Будьте здоровы и не забываюте Вашего

А. Чехова.

отделений, до тех пор дело не подвинется ни на один шаг вперед. На туземцев рассчитывать нельзя.

Из туземцев я встретил только одного благонадежного и вполне порядочного издателя-книгопродавца, которого рекомендую Вашему вниманию. Его адрес: «Ялта, Даниил Михайлович Городецкий»¹. Он содержит типографию, издает всякую крымскую дрянь, редактирует Ялтинский листок, продает книги и этим летом открывает отделения по всему Крымско-Кавказскому побережью, начиная с Одессы и кончая Батумом. Он, повторяю, порядочный человек, образованный и неглупый. Немного не опытен, но этот недостаток поправимый. Издания берет он только на комиссию, расчет ежемесячный, или по желанию. Он просил Вас выслать ему по 25 экз. всех Ваших изданий. Если вышлете, то ничего не проиграете. Я за него вполне ручаюсь и в случае, если его дело не пойдет, я в будущем июле, проездом через Ялту, заберу у него все книги. Его условия: 40%, а для рублевых книг 30%. Пошлите ему 25 экз. Пестрых Рассказов и столько же Пальмина. Баранцевичу я буду писать особю. Если хотите, я сам буду считаться с ним. Во всяком случае напишите мне, я уведомлю его.

Кстати о Пестрых Рассказах. Я должен Вам, или Вы мне? Если второе, то не пришлете ли мне за спасение души малую толику? Я нищ и убог. Если первое, то Ваше счастье, так тому и быть.

Всем Вашим поклон. Будьте здоровы и благополучны. В Москву еду 2—3 Сент.

Ваш А. Чехов.

Пишите.

29. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1890 г.] 10 Декабря.
Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганг.

В доказательство того, что я был на торговом Сахалине, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, прилагаемый при сем документ красного цвета¹. Это Вам маленький, грошовый подарок за то большое удовольствие, какое мне доставляли Ваши письма. Получил я от Вас на Сахалине 3 письма: одно от 8 июля, другое от 5-го и третье от 6-го Августа. Не отвечал на них по той причине, что ответ мой был бы получен Вами гораздо позже, чем это письмо. Почта в Сибири аспидская.

Привез я с собою материала для разговоров видимо-невидимо, так что льщу себя надеж-

дою, могу быть интересным собеседником в продолжение целого месяца. Я проехал на лошадах всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы, обедал у Ландсберга², пил чай с Бородавкиным и проч. и проч.; затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид и проч. и проч. Морской болезни я не подвержен, а потому плавание было для меня вполне благополучным. Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед

¹ См. Городецкий Д. «Из воспоминаний об А. П. Чехове», — «Огонек», 1904, № 29.

которыми пасуют даже Ваши таксы и превосходительный Апель Апельч. Имя сим зсрям — мангус. Это помень крысы с крокодилем, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернилицы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормошат дамские прически, вообще ведут себя, как два маленских чорта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем «мунго». Приезжайте посмотреть на них.

Во все время путешествия я был здоров, в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк.

Ну как Вы живете, как Ваши дела? Напишите все подробно. Напишите кстати, что это за история с рецензентами, о которой Вы сообщали в одном из своих писем? Что поделывает Билибин? Поклонитесь ему пожалуйста.

30. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин

С.-Петербург

Большая Дворянская, № 12.

4 Февр. 1893 г.

Я в долгу перед Вами, добрейший Антон Павлович. Я не ответил еще на Ваше письмо от 28 Января. Я ужасно занят. Ежедневное писание рассказов, ежедневные заседания, затем разные хлопоты по устройству Литературно-Артистического Кружка, по устройству маскарада в пользу общества для пособия сценическим деятелям¹. Но сегодня выдался свободный вечерок и я принялся за писание писем.

Признаюсь, мне было обидно, что Вы уехали из Петербурга, не сообщив о своем отъезде². Положим, я не мог-бы съехать с Вами в конце Января в Москву, но сообщите Вы мне о Вашем отъезде, я повидался-бы с Вами и уговорился, когда я могу навестить Вас в Вашем подмосковном Эльдorado. А мне хочется это сделать и теперь я должен справиться письменно — могу-ли я Вас застать в усадьбе в начале второй недели поста, так как около этого времени я рассчитываю быть в Москве. У вас я могу пробыть только один день, не стесню-ли я Вас? Ведь Вы мне писали, что у Вас отец тяжело болен. В каком он теперь положении? Как его здоровье? При больном бывает, обыкновенно, не до гостей. Будьте добры ответить мне на это.

Не побываю я у Вас на второй неделе поста, мне уже не скоро собраться к Вам. В Марте я присяжный в суде и не могу выехать из Петербурга, в Апреле придется поминутно наезжать на Тосну для посевов в парниках, а в двадцатых числах и совсем перебраться на Тосну. А переберешься — жаль урваться от своего хозяйства. Остается Февраль — вторая или третья неделя поста, когда я могу побывать у Вас.

Жду ответа.

Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уж заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем. Буду усиленно работать, но ведь единую работою не может быть сыт человек.

Сейчас принял касторки — Бррр!

Мороз после тропиков кажется мне стоградусным. Зябну. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде и пожелайте им всего хорошего. Если вышла у Вас в мое отсутствие новая книга, то пришлите.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранит Вас небеса, не те серые, которые нависли теперь над Петербургской стороной, а настоящие, где живут святые угодники.

Ваш А. Чехов.

¹ «Документ красного цвета» — афиша.

² Ландсберг — ссыльныйоселенец, бывший гвардейский офицер, о котором Чехов рассказывает во 2-й главе «Острова Сахалина». О Ландсберге и купце Бородавкине см. в письме Чехова к Суворину от 11 сент. («Письма», III, 138).

Как насчет щенков? Сам я не берусь вести их к Вам. Но когда придет артельщик от Суворина за ними? Щенки теперь уже выросли, окрепли. Ведь они родились 11 Декабря и им сегодня исполнилось 54 дня. Братьев их и сестер мы уже раздали. Или продержат их до Марта, до более теплых дней? Морозы у нас все еще не прекращаются. Еще вчера было — 20°, сегодня — 12°. Но может-ли Суворинский артельщик доставить к Вам теперь щенков? Будет-ли он ездить в Москву? Ведь Суворин с 1 Февраля уже больше не контрагент главного общества железных дорог. Это хорошее дело его управляющие проспали и оно очутилось уже в руках Петюевского³, который набил лишние 6½ тысяч на порогах. Как тогда Вы перевезете к себе щенков?

После Вашего отъезда подзуживаю беллетристов на второй обед⁴, но как-то все не могут сговориться, да, должно быть, и не сговорятся. Жаль, что на первом обеде не были выбраны устроители второго обеда. А теперь кому взятъся за устройство этого дела, не имея полномочия?

Будьте здоровы. Желаю всего хорошего. Жена моя шлет Вам поклон.

Ваш Н. Лейкин.

¹ Обществу для пособия сценическим деятелям Лейкин уделял много внимания; в его дневниках находится много интересных записей, связанных с его работой в этом обществе.

² В Петербурге Чехов пробыл больше месяца — см. его письма из Петербурга с 18 декабря 1892 г. по 22 января 1893 г. («Письма», IV).

³ С. А. Петровский был арендатором-редактором газеты «Московские ведомости» после Каткова; вел газету в духе Каткова.

⁴ Об обеде «беллетристов» в Татьянин день Чехов писал И. Ф. Горбунову («Письма», IV, 163—164) и М. П. Чехову (IV, 164). Заметка А. П. Чехова по поводу «беллетристических обедов» напечатана была в «Новом времени» (1893, 14 янв.) без подписи; перепечатана в «Чеховском сборнике», 1929 г., стр. 20—22.

31. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1893 г.] 7 февр.
[Мелихово]

Добрейший Николай Александрович, спешу ответить на Ваше письмо.

Я никого не предупреждал о своем отъезде, иначе бы я до сегодня не уехал из Петербурга. А я очень и очень кстати уехал. Я уже писал Вам о болезни моего отца. У него боль в позвоночке и при этом онемение рук; пальцы белеют до цвета мертвечины и совершенно теряют свою чувствительность, а руки немеют и слабеют, да и вообще во всем теле слабость и чувство упадка. Боль бывает не постоянно, а припадками, на манер ангины. И так, об отце я уже писал Вам. Но ничего, кажется, не писал о сестре. В Москве я застал ее уже больною, а когда вез домой, она уже осипла до полного безголосия, 40°, боль в конечностях и проч. Как Вам сие понравится? Сначала я думал, что это тиф, ибо были предлоги для заражения сыпным тифом; я боялся и не спал ночей, но теперь слава создателю температура упала до 38° и я слышу жалобы на одну только головную боль.

Настроение в доме не масляничное, а лазаретное. Погода хорошая, но ее почти не чувствуешь.

Когда приедете в Москву на второй неделе поста, то наведите обо мне справку у брата Ивана, который живет на Новой Басманной в Петровско-Басманном училище (около части). Ежову известен этот адрес. Брат скажет Вам, где я и как ко мне проехать. Если же в ту пору и я буду в Москве, то поедем в Мелихово вместе. Примечание: каждую пятницу сестра, которая живет у брата, ездит ко мне. Вот бы Вы с ней вместе. По пятницам мои лошади бывают на станции, да и при сестре дома бывает как то сытнее и веселее. Думаю, что на второй неделе она будет уже здорова.

В февр. книжке Русской Мысли появится моя повесть, если только ее не вырежет цензура¹. Сейчас сижу и пишу, но не повесть, а медицинский отчет за прошлый год, которого я еще не сдал.

Ну будьте здоровы. С постом Вас честь имею поздравить. Поклон Вашим и той невесте, у которой 80 тысяч.

Ваш А. Чехов.

Насчет собак² напишу Суворину. Получив ответ, напишу Вам.

¹ Речь идет о повести «Рассказ неизвестного человека», напечатанной во 2-й и 3-й книжках «Русской мысли» за 1893 год.

² О доставке двух такс в Москву для Чехова.

32. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1893 г.] 16 апреля.
[Мелихово]

Вчера наконец прибыли таксы¹, добрейший Николай Александрович. Едучи со станции, они сильно озябли, проголодались и истомились, и радость их по прибытии была необычайна. Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили и после этого они стали чувствовать себя совсем как дома. Ночью они выгребли из цветочных ящиков землю с посеянными семенами и разнесли из передней калоши по всем комнатам, а утром, когда я прогуливал их по саду, привели в ужас наших собак-дворян, которые отрядясь еще не видали таких уродов. Самка симпатичнее кобеля. У кобеля не только задние ноги, но и морда и зад подгуляли. Но у обоих глаза добрые и призывательные. Чем и как часто Вы кормили их? Как приучить их отдавать долг природе не в комнатах? и т. д. Таксы очень понравились и составляют злобу дня. Большущее Вам спасибо. На сучке ошейник с надписью. Я предоставляю Вам его в полной целости. Также предоставляю Вам и динарии, которые Вы израсходовали на пересылку собак.хлопоты Ваши, но расходы пусть будут мои.

Погода у нас возмутительная. Сегодня, например, в 6-м часу утра был мороз, ясное небо, светило солнце и все обещало хороший

день; но теперь в 8-м часу утра небо уже покрыто облаками, дует с севера и пахнет снегом. Снегу еще очень много; езда возможна только на колесах, да и то с приключениями. Не пахали и не выгоняли скота. Должно быть, скот пойдет на подножный корм не раньше мая. Целое бедствие. Солома идет по 30—33 к. за пуд. Мы продаем своим по 20, а чужим по 22, и это принимается с притирываниями по адресу благодетелей, хотя по моему 20—22 к. — цена бесстыдная. Мать и я воюем с ней, но ничего не можем поделать.

Вы спрашиваете, когда я в Петербург? Эва! Да кто теперь в Петербург ездит? Если приеду, то не раньше зимы.

Теперь маленькое недоразумение, которое можете рассеять только Вы. Помирите меня с В. В. Билибинным. Он на меня в большой обиде за то, что я будто бы в одном из своих писем спрашивал у Вас, сколько у него в настоящее время детей. Он знает, что его семейное положение мне хорошо известно, и потому запрос этот насчет детей мог понять не иначе, как в ироническом и, следовательно, обидном для себя смысле. Тут чтонибудь одно из двух: я не ясно выразился в письме и Вы меня не поняли, или же В. В. не понял Вас. Будьте добры указать ему то место, где я справлялся о

детях, или же втолкните ему, что он не понял Вас. Пожалуйста.

Холодно! Скучно без хорошей погоды. Читал, что Вас выбрали в гласные. Поздравляю.

Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон.

Желаю Вам всего хорошего, а наипаче здравия.

Ваш А. Чехов.

¹ Подарок Лейкина — «Бром» и «Хина» («...У меня новость: две таксы — Бром и Хина, безобразной наружности собаки. Лапы кривые, тела длинные, но ум необыкновенный...» — из письма Чехова к Суворову от 28/VII 1893 г.).

33. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

4 Августа, 93
[Мелихово]

Большое Вам спасибо за письмо, добрейший Николай Александрович. Прочел его с большим удовольствием, ибо давно уже не получал от Вас писем, и вообще скучаю по письмам. Сам я не писал Вам так долго по той самой причине, про которую в писанин сказано: в лености житие мое иждих. Когда бывает свободный часок-другой, то норовишь уйти подальше от письменного стола, развалиться и, задрав ноги, читать что-нибудь.

У нас лето было тоже превосходное. Много тепла и много влаги. Урожай хороший. Мы сеяли рожь на 10 дес., овес на 10, клевер на 10, чечевицу на 4, гречиху и просо — понемножку, этак десятины по две, и десятину картошки. Можете же представить себе, какая жизнь кипит у меня в усадьбе и как часто приходится мне отпираться стол, чтобы доставать деньги для расплаты с косарями, девками и т. п. Строится новая кухня. Куры, утки, дворняжки, плотники, больные — настоящий Вавилон! Сенокос у нас был тоже шумный, беспокойный, с дождями и грозами. Собрали мы се на 4 тысячи пудов и испортили крови 20 пудов. Клеверу накосили чертову пропасть. Что касается огорода, то он несомненно удался в этом году. Капусту и кольрабию поразила болезнь, которая называется килой — что-то вроде саркомы корня. Вместо четырех-пяти тысяч голов капусты, как ждали, соберем всего три, да и того меньше. Но беда не в этом, а в том, что кила заразительна и что придется теперь отыскивать для капустных растений другое место, т. е. вне усадьбы, а это сопряжено с усиленным удобрением, наймом сторожа и другими расходными статьями. Сад тоже не удался. Вишен совсем не было, а яблони на половину не цвели. Крыжовнику и малины очень много, но сей товар у нас совсем не имеет сбыта, да и нет людей и времени, чтобы рвать ягоды. Груши тоже не цвели. Ни одно дерево не замерзло, но случилось другая беда. Помните, я писал Вам осенью, что посадил новый молодой сад? Представьте, зайцы сожрали все молодые яблони. Снег был высок, выше заборов, так что сад ничем не был отгорожен от поля. Для зайцев раздолье полное. В этом году не было или

почти не было фруктов, но за то поспели стручковый перец, кукуруза, томаты, поспевают дыни и даже арбузы — не в парнике, а на открытом грунте.

Лето в общем было не веселое, благодаря паршизой холере. Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по значным местам. Не имею права выехать из дому даже на два дня. Холеры в моем участке еще не было.

Вы удивляетесь, что я мало пишу, но ведь живу и кормлюсь я только литературой и только текущей, так как за книжки не получаю уже второй год (выручка книжная у меня идет на уплату долга). Живу я на две-три тысячи в год и перебиваюсь помаленьку, хваля бога, давшего мне возможность удалиться из города, который жрал меня. От того, что я мало проживаю, я все лето мог возиться со своим Сахалином и даже сдать его в печать и получить аванс. Появится Сахалин в Окт. книжке «Русской Мысли» и будет печататься до конца 1894 г. Написал я также небольшую повестушку¹; когда кончится холера, засяду за беллетристику, так как сюжетов скопилось целая уйма.

Таксы Бром и Хина здравствуют. Первый ленок и гибок, вежлив и чувствителен, вторая неуклюжа, толста, ленива и лукава. Первый любит птиц, вторая — тычет нос в землю. Оба любят плакать от избытка чувств. Понимают за что их наказывают. У Брома часто бывает рвота. Влюблен он в дворняжку, Хина же — все еще невинная девушка. Любят гулять по полю и в лесу, но не иначе, как с нами. Драть их приходится почти каждый день; хватают больных за штаны, ссорятся, когда едят и т. п. Спят у меня в комнате.

Желаю Вам всяких благ и хорошей погоды главным образом. У нас уже подул северный ветер.

Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон.

Ваш А. Чехов.

¹ Трудно сказать, какую повесть имеет в виду Чехов; во второй половине 1893 г. им было написано только одно произведение: «Володя большой и Володя маленький» («Русск. вед.»; 1893 г., № 357).

34. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1895 г.] 16 мая.
[Мелихов.]

Дорогой Николай Александрович, я с превеликим удовольствием пустился бы с Вами в путь июня 15—20, но не найдете ли Вы возможным изменить маршрут? Дело в том, что путешествие на Валаам не всегда удастся; озеро бурно и холодно, богомольцев много, Петровский пост и проч. проч. Я же хочу сочетать поездку с терапией, так как перебои одолели меня и кашляю я так же часто, как зимой. Не поехать ли нам вместе (гидротерапии ради) в какойнибудь прибалтийский курорт? Например, в Кеммерн (40 верст от Риги)? Там купанье в заливе, ванны и проч. и проч. плюс полный комфорт и чудесное пиво, которого впрочем вы не пьете. Дешевизна и музыка. 15-го июня я поеду к Вуколу Лаврову¹ по Брестской дороге, а от него прямо в Кеммерн через Двинск; в Кеммерне или в Риге мы съедемся, обменявшись предварительными письмами или телеграммами. Пожив в Кеммерне, поедем вместе к Вам на Госну. Если сей проект не противен Вам, то черкните.

У нас тоже не взошла сахалинская греча. Вообще в эту весну почти все семена отличаются тугою всхожестью. Сахалинскую

гречу, мне кажется, правильнее было бы сеять осенью, так как это озимое зелье. И у нас тоже первая половина мая была великолепной. Жарко было, ясно и сухо. Теперь холодно, +3. Цветут вишни и яблони. На березе появляется шелкопряд (монашенка). так что, повидимому, скоро все наши леса примут зимний вид, как это было в прошлом году.

Сестра книги давно уже получила и давно уже собирается писать Вам, но никак не соберется. Хлопочет в огороде и волнуется в ожидании утренняя.

Ночью я выпорол Брома и Хину за то, что они спали в гостиной на диване; передайте это их любезным родителям.

И так, быть может, до скорого свидания. Художнику напишу сегодня же. Будьте здоровы и благополучны. Семье Вашей посылаю сердечный привет и низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Температура к 10 часам утра поднялась до +7. Дождя нет.

¹ Лавров Вукол Михайлович (1852—1911) — издатель журнала «Русская мысль», переводчик Сенкевича и др.

35. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин
С.-Петербург
Большая Дворянская, № 12

12 Ноября 1896 г.

Дорогой Антон Павлович.

Получили ли Вы от К. В. Назарьевой¹ книгу ее романа? Если нет, то это могло произойти от недоразумения, возможность которого сейчас пришла мне в голову, когда я случайно перечитал письмо Назарьевой ко мне. Дело в том, что Вы ей задала большую работу. Она сообщает мне, что роман, который Вы просите, не был напечатан отдельным изданием, но она приобретет у букинистов книжки «Наблюдателя», где роман был помещен, вырежет роман, переплетет его и пошлет Вам. В письме ко мне Вы просили передать ей, чтобы она переслала Вам роман заказной бандеролью, а переплетенные книги под бандеролью не принимаются на почте к отправке, а берутся для пересылки посылкой. Но принимаются ли на станции Лопасня посылки?

Это обстоятельство и заставило черкнуть мне Вам несколько слов.

Как Вы теперь поживаете? В письме ко мне Вы сообщали мне, что простудились, получили грипп и чувствуете жар. Поправились ли Вы теперь?

Дней десять тому назад я послал Вам два номера «Осколков» с Вашим изображением². Получили ли Вы их? Спрашиваю потому, что посланные под бандеролью номера журналов очень часто теряются.

Что Вам сказать о себе? Здоров. Печатаю сразу три книги. Одну из них сегодня уже окончил печатанием, через 10—12 дней она появится в продаже и я Вам ее вышлю. Называется она: «Среди Причта», роман.

У нас в настоящее время происходят какие-то «цензурные зверства» в Петербурге. Ни о чем нельзя печатать. В бесцензурных изданиях не дозволяют печатать отчеты о заседаниях Думы, без того, чтобы эти отчеты не были представлены в цензуру Градоначальства, а там представленные на просмотр отчеты задерживаются два и три дня. Каждый день из Гл. Управления по Делах Печати циркуляр, сообщающий, что об этом не говорить, о том не упоминать, этого не обсуждать. Редакторы не знают что делать. На юмористические журналы устремлен уж не один карандаш, а тричетыре. Я и Билибин посылаем в цензуру чуть не двойное количество оригинала для номеров, ожидая, что добрая треть будет, по совершенно независимой причине, запрещена. Так всегда и выходит. Но уж над рисунками как потешаются! Даже женщины в маскарадных костюмах не проходят, потому что эти маскарадные костюмы не скромны. Танцовщиц в балетных платьях, завязывающих себе бантики, крестя, находя, что это не скромно. Наднях у меня закрестили изображение статуи Аполлона, потому что она без одежды. Запретили мне печатать в «Осколках» ребусы и загадки на премии, тогда как я их 15 лет печатал.

Будьте здоровы. Кланяюсь семейству Вашему.

Ваш Н. Лейкин.

¹ Назарьева Капит. Валер. (1847—1900) — писательница; ее романы и повести печатались в

«Вестн. Европы», «Наблюдателе» и друг. журналах; в «Бирж. вед.» писала публицистические статьи под псевдонимом «Н. Левин».

² В № 43 «Осколков» за 1896 г. был помещен рисунок Н. Н. Амалатбекова, изображающий Чехова, летающего на чайке, а на него снизу падают критики.

36. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ.

Лопасня Моск. губ. [18]96 20/XI

Дорогой Николай Александрович!

Был в Москве, потом вернулся и прочел Ваше письмо. Отвечаю Вам по пунктам.

Книгу «Надорванные силы» я получил от Назарьевой. Она была так любезна, что кроме романа прислала мне еще сборник рассказов и свои пьесы. Роман переплетен, но беспокойства Ваши оказались напрасными: у нас в Лопасно есть уже почтовое отделение, и переплетенные книги посылать под бандеролью никому не возбраняется. Статьи сказать, в Лопасно есть уже почта, есть и правительственный телеграф. Адрес мой значительно упростился: Лопасня, Москов. губ. — для писем, и просто Лопасня — для телеграмм. Скоро будет и телефон, который даст нам возможность разговаривать с Москвой.

За сим второй пункт — насчет здоровья. Простуда прошла, но насморк все еще есть. Кашляю уже давно, так давно, что уже привык не видеть в кашле ничего угрожающего. Одышки нет, ходить могу много и скоро, аппетит великолепный, работаю охотно. Не полнею.

Два экземпляра Осколков с моим изображением получил и спрятал их в свой архив. Был очень тронут. Прежде чем спрятать, показывал своим гостям, и удовольствие доставил не малое.

Вы жалуетесь на цензуру. Цензура становится все строже и черствее, между тем в публике ходят слухи, что все обстоит благополучно, что начинаются новые веяния; будто бы и цензура теперь легче, и дышать стало легче. Вот извольте ка понять, откуда берутся и на чем могут основываться такие толки. Мою повесть в «Ниве»¹ цензура поцарапала страсть как. Вообще, надо признаться, не весело теперь быть литератором.

Спасибо большое за обещание прислать мне «Среди Причта». Низко кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде, и желаю Вам всего хорошего. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Мороз 18 гр.

¹ Речь идет о повести «Моя жизнь», напечатанной в X, XI и XII книжках ежемесячных «Литературных приложений» к «Ниве».

37. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ.

[1897 г.] 13 Май.
[Мелихово].

Дорогой Николай Александрович, если Вы оставите для меня лайку (мужеска пола), то я буду считать себя Вашим должником по гроб жизни. Ваша лайка-тапан оценится, как Вы пишете, в конце июня, стало быть, щенка можно будет взять в августе. Я тогда пришлю за ним кого-нибудь, или сам приеду и возьму, если доктора к тому времени не заставят меня бежать в Египет.

Вчера ночью (под 13-е мая) был настоящий дождь, с шумом, с грозой — первый за эту весну. Все ожило. Ожили и надежды на урожай. Сегодня сеем клевер.

Здоровье мое ничего себе. В весе прибавляюсь, кашляю только по утрам. Если увидите

И. В. Еремеева¹, то поклонитесь ему. Мы с ним коллеги, кроме того я гостил у его родителей в Новочеркасске, был шафером у его сестры; пили цимлянское. Ничайший поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Будьте здоровы!

Ваш А. Чехов.

[На обороте секретки написано рукой А. Чехова:]

Петербург

Его Высокоблагородию
Николаю Александровичу
Лейкину

Б. Дворянская, 12.

¹ См. напечатанное выше письмо Чехова к Лейкину от 7 апреля 1887 г.

38. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

Лопасня Моск. губ. (18)97 — 21/V

Дорогой Николай Александрович, оставляйте мне и девочку, коли на то милость Ваша. У меня у самого мелькала мысль — попросить для развода парочку¹, но думал, что это уж слишком, в роде как бы «не по чину берешь», и не дерзнул написать Вам.

Я, кажется, совсем уже поправился, так как не чувствую себя больным, знакомые мои при встрече не всматриваются мне в лицо и бабы не причитывают, когда я хожу по деревне. Кашля почти нет и похоже, будто бактерии ушли в другое место. Не знаю, что будет осенью, а пока жаловаться не на что.

В. В. Билибин прислал мне свою книгу. Она издана изящно, не дорого, жаль только, что на обложке нет настоящей фамилии автора; говорю — жаль, потому что Диогена никто не знает и похоже, будто книгу составили два автора: И. Грэк и какой-то Диоген. Ведь *Новостей* в России не читают, это петербургская газета, и все, что в ней печатается, не делает авторам славы, так как не идет дальше Петербурга. В Москве «*Новости*» можно увидеть только в редакциях, а Диогена не знают даже в редакциях.

Погода у нас продолжает быть великолепной! Жарко, были дожди, червей на деревьях очень мало; вишен — тьма-тьмушая. Пионы цветают.

Во второй половине мая ездил кое-куда экзаменовать школьников, теперь совершенно свободен, ничего не делаю и лишь изредка навещаю на постройку новой школы, которая строится по моему плану. Я теперь в уезде что то вроде архитектора. Вот уже вторую школу строю, строил колокольню. Будьте здоровы и благополучны. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

¹ В конце июля Чехов был в Петербурге и в имении Лейкина Ивановское, откуда привез в Мелихово двух сибирских ласк — «Нансен» и «Лайка» (см. «Дневник» за 1897 г.: «... 27 июля у Лейкина в Ивановском...»).

Л. ТИМОФЕЕВ. ТЕОРИЯ СТИХА

Гослитиздат, 1939 г. Стр. 230. Цена 4 р. 75 к.

★

Недавно вышедшая в свет «Теория стиха» Л. Тимофеева появилась как нельзя более кстати. И по своей методике, и по своим тенденциям, она представляет собой новое слово в нашей стиховедческой литературе.

Следуя Горькому в его определении литературы, как «человековедения», Тимофеев на анализе формальных особенностей стиха хочет показать живую человеческую личность; живой образ творца; объяснить, почему в каждом отдельном случае стих проявляет себя именно в такой форме, а не в иной. Автор пытается раскрыть проблему формы, как проблему содержания — в широком и действенном смысле этого слова. На первом плане вопрос «почему?». И только потом уже возникают у автора все остальные вопросы, связанные с формой, как таковой.

Цитируя Геббеля: «Дорога к писателю идет только через человека», Тимофеев в центре теории стиха ставит проблему характера. Ему важно раскрыть, как поэзия своими средствами показывает типические характеры в типических обстоятельствах. Характер в конкретном художественном плане каждый раз по особому отображает действительность. Характер — ключ к пониманию того, почему поэт пользуется теми или иными средствами художественной изобразительности. Именно они, создавая характер, вместе с тем изображают жизнь.

Стих потому и прибегает к эмоциональной речи, что в нем отображаются, по преимуществу, эмоциональные состояния характера. Именно в эмоциональном изображении людей и положений — особенность стиха. Отсюда же и глубокая индивидуализация изображения в стихе, отнюдь не снимающая его реальности; в лирике действительность выступает, как «сопереживание» поэта. И в этом огромная, впечатляющая сила лирического стихотворения.

В органической связи с центральной проблемой характера Тимофеев ставит, впервые в нашем стиховедении, и проблему оценки. Он пытается выдвинуть некоторые положения, которые дали бы возможность и читателю, и критику оценивать поэзию не с точки зрения собственных вкусов, а с каких-то объективных позиций. Что же может служить по Тимо-

фееву объективным критерием оценки? Проблема характера. Если изобразительные средства дают яркую картину эмоционального состояния характера; если они через эмоцию раскрывают глубокие закономерности жизни, — мы вправе говорить о художественно-познавательной ценности того или иного произведения. Такой метод помогает нам понять не только индивидуальные особенности того или иного поэта, но и общую тенденцию развития поэзии на данном историческом этапе. Так история стиха становится историей литературы и, еще шире, культуры.

Перейдя непосредственно к анализу стиха, Тимофеев много внимания уделяет проблеме ритма. И он прав, так как именно эта проблема вызвала наибольшие споры, и она же затрудняла все попытки сделать теорию стиха популярной в лучшем смысле этого слова.

Господствующей была теория стоп, По ней простейшей единицей ритма являлся слог. В основе ритма — равномерное чередование ударных и безударных слогов.

Тимофеев исходит из того положения, что если слог является ритмической единицей, то он неизбежно должен быть и единицей смысловой. Но в практической речи этого нет. Рассматривая стих, как эмоционально-типизированную речь, связанную с практическим сознанием человека, нельзя искусственно отрывать ритм от метра, смысл от ритмической его реализации. И Тимофеев ищет новых определителей ритма. Он кладет в основу ритмической единицы не слог, а стихотворную строку.

Стихотворная строка является ритмической единицей потому, что только она «представляет собой интонационно-законченное сочетание слов, определенную речевую единицу, относительно самостоятельное смысловое и интонационное целое. Признаком этой законченности является замыкающая строки пауза, несоблюдение которой ломает ритм стиха, так как стирает границу между его единицами и тем самым не позволяет воспринять ритмичность их чередования» (стр. 70).

В некоторых случаях строка может состоять и из одного слова. Но тогда оно обладает смысловой и интонационной законченностью. Отсюда константность (постоянство) пауз. Поэтому стих и является речью с постоянной,

равномерной, фиксированной паузой в отличие от прозы, где пауза непостоянна, свободна. Поэтому роль паузы в стихе подчеркивается графически: стиховые строки печатаются отдельно. Отсюда же и подробно разработанное Тимофеевым учение об интонационных единицах. Они являются простейшими повествовательными элементами лирики. Органически связанные с ритмом, обусловленные им, они являются тем звеном, которое объединяет переживания поэта со всем комплексом выразительных средств (так же как характер воплощает в себе идею и сюжет).

Интонационное единство есть, в сущности, единство смысловое. Стих в своем реальном движении расчленяется на эти интонационно-смысловые отрезки. Их чередование определяет художественную яркость мысли в стихе, гармонию изобразительных средств. Если бы не было такого чередования, стих, сохраняя ритмическую и строфическую симметрию, был бы монотонным повторением одних и тех же чувств и интонаций. Поэтому основное в стихе — не ритм, а его интонация. Она и создает реальную художественную впечатляемость чувств и мыслей художника, его «сопереживания».

Такова теория ритма у Тимофеева. Нужно помнить, что без понимания стихотворной строки и ее смысловой интонации совершенно не ясен народный стих и стих тонический. В частности, в первую очередь это относится к стиху таких поэтов, как Маяковский, Асеев и др. Мы уже говорили о том, что не слог, а стихотворная строка является основой ритма; о том, что функцию строки может взять на себя в стихе одно слово. Покажем это на одном примере из Маяковского (его приводит также и Тимофеев):

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,

было в Одессе.

«Приду в четыре»,—сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять.

Вот и вечер

в ночную жуть

ушел от окон

хмурый

декабрый.

В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.

что они захватывают целую стихотворную строку.

Ритм вне интонации не существует.

Интонация — одно из могущественнейших средств, которые и придают речи эмоциональный тон. Слово не существует в речи само по себе. Оно живет только в контексте, в связи с другими словами. Основой связи и является интонация. В зависимости от интонации то или иное слово, та или иная фраза, в разных случаях получают разное звучание, разный смысл. Тимофеев очень удачно называет интонацию «временем и пространством живого слова», в которых оно и получает свой реальный смысл. В чем важнейшая особенность слова в стихе? В том, что оно интонационно-самостоятельно, так как общий эмоциональный фон способствует тому, что каждое слово получает очень большую, предельно емкую смысловую значимость. Элементарный пример. Когда в «Скупом рыцаре» Пушкина Альбер спрашивает Соломона: «Твой старичок торгует ядом?», — последний отвечает:

Да —

И ядом...

Здесь в каждой строке по одному слову. Но зато каждое из них обладает очень большой интонационно-смысловой выразительностью. Так, благодаря интонационной самостоятельности слова в стихе, а значит и строки, рушится теория слогов, и объясняется в новом плане не только поэтика Маяковского, но и Пушкина.

С интонационной самостоятельностью слова связана и проблема темпа. В стихе каждый звук в слове более выпуклый, более заметный, чем в прозе. Отсюда замедленность поэтической речи; ее стремление к повторам; огромная роль пауз. Тимофеев приводит очень убедительный пример из пушкинского «Тазита». Описывается обряд похорон:

В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы холодной
Воспримет труп его немой...

Уж труп землю взят. Могила
Завалена.

Глубокая пауза перед словом «могила» акцентирует его смысловое значение в контексте стиха.

Общезвестно, какое значение имеет в стихе перенос. Почему стихотворная речь так часто пользуется им? Потому что и перенос имеет большое интонационное и смысловое значение. Он может передавать самые разнообразные оттенки слова. Им пользуется поэзия и в бытовом диалоге:

Ага! Хотите ли послушать
Прелестный воевиль? И граф
Поет.

(«Граф Нулин»),

и в передаче трагических интонаций:

В чем здесь дело? Почему стих Маяковского стресится на столь необычной графике, на словах, вмещающих в себе целую стихотворную строку? Каприз поэта? Нет! И своеобразная графика и интонационная самостоятельность слов обусловлены у поэта огромным эмоциональным напряжением, трагическим ощущением действительности. Слова: девять, десять — сигнализируют трагический смысл времени. Каждый удар часов падает медленно и страшно. Поэтому они не могут не быть самостоятельными. И смысловая и эмоциональная емкость этих слов настолько велика,

Кто знает, сколько горьких воздержаний
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило.

(«Скупой рыцарь»)

То же интонационно-смысловое значение имеют и звуковые повторы, столь типичные для стиховой эмоциональной речи. Тимофеев противопоставляет два отрывка из «Медного всадника» и показывает, что в одном из них, где фраза строится на будничной, серой интонации (размышления Евгения), — роль повторов незначительна. Зато в другом, где Пушкин, взволнованный и ослепленный величием Петербурга, обращается к нему с известными строками:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей

и т. д.

роль повторов очень велика. Их интонационное нарастание — закономерное выражение чувства и мыслей, нашедших в этом чередовании повторов свое адекватное художественное воплощение.

О единстве формы и содержания, как неприменном условии подлинной художественности, писали все наши теоретики литературы. Тимофеев исходит из основного положения гегелевской логики о том, что форма есть не что иное, как переход содержания в форму (и обратно). Очень убедительный анализ стихов Пушкина в «Теории стиха» показывает, как поэт, применяя в каждом отдельном случае различную форму, различными средствами реализует определенное содержание. Оставаясь в пределах специфики стиха, Тимофеев объясняет особенности того или иного отрывка мыслью поэта, его переживаниями. Читатель убеждается в том, что величие Пушкина, его непревзойденное мастерство и заключается в предельной яркости и точности формального выражения той или иной мысли, того или иного душевного движения. Поэтому и статистические подсчеты тех или иных особенностей пушкинского стиха приобретают у Тимофеева не абстрактный характер (как у формалистов), а становятся живой иллюстрацией. Например: в «Медном всаднике» можно, даже при поверхностном взгляде, отметить две повествовательных струи, две основные интонации. Одна из них связана с изображением Петра, другая с изображением Евгения. Как в опере, здесь две темы, два лейтмотива. В зависимости от дифференциации тем, от отношения к ним рассказчика, резко меняется характер изобразительности. Тема Петра торжественна и риторична. Отсюда замедленность темпа. Но дело не только в темпе. Если сравнить количество переносов во «Вступлении» и в первой и во второй частях поэмы, то мы получим разительные цифры. Во «Вступлении» переносов на 96 строк — четыре, то-есть немногим более 4%. В 369 строках первой и второй части

их 93, то-есть 25%! Чем объясняется такое разительное отличие? Оно объясняется тем, что отношение поэта к разным темам в «Медном всаднике» различно. Отсюда и разница в их интонировании, и, следовательно, в количестве переносов. Так статистика помогает понять форму, как содержание.

Книга Тимофеева, вся пронизанная принципом объяснения особенностей формы из особенностей содержания, доказывает, что никакого другого метода в основе анализа стиха не может быть.

Наряду со всеми этими достоинствами книги необходимо отметить и ее существенные недостатки. Прежде всего: автор, правильно поставив во главу угла проблему характера, совершенно не касается проблемы образа в стихе. Автор несколько раз глухо указывает на то, что «образность, как комплексное понятие, охватывающее весь круг специфических особенностей литературы, неотделима от характера» (стр. 16); что в стихе реальная действительность «дана образно, то-есть в конкретных человеческих характерах, ей соответствующих» (стр. 176), и т. д. Но несколько высказываний, достаточно общих, не спасают положения. Сказав об органической спаянности характера и образа, автор совершенно не раскрыл этого положения. А между тем, только конкретное раскрытие его помогло бы читателю еще глубже понять специфику стиха, богатство и впечатляемость его выразительных средств. В таком виде теория стиха остается неполной, урезанной в своих важнейших смысловых и живописных особенностях. Ведь классическое определение Белинского, что искусство, как непосредственное созерцание истины, есть мышление в образах, — остается в силе и по сегодняшний день. Не раскрыв природы образа, Тимофеев не коснулся многих замечательнейших средств поэтической выразительности. Например, он не раскрыл также и того, что в теории стиха принято называть эвфонией (звукописью). Это тем более обидно, что автор достаточно подробно говорит о связи стиха с музыкой в плане генетическом. Но этим он себя и ограничивает. Музыкальная стихия поэзии не показана. А ведь о музыкальности стиха писали все поэты; ее ощущает каждый читатель. Самостоятельность слова в стихе обусловлена не только его логической и эмоциональной ролью, но и музыкальной. Все эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом. В следующем издании книги необходимо расширить, и очень значительно, разделы, посвященные тропам и звукописи.

И, наконец, отдельные очень важные моменты из истории русской поэзии толкуются автором упрощенно, в известной мере вульгарно. В особенности это касается истории русского стиха XVIII века. Бедность и неразработанность выразительных средств русского стиха того времени Тимофеев ставит в прямую связь с бедностью форм государственной и культурной жизни. А между тем мы знаем, что в истории литературы есть множество при-

меров, когда литература вовсе не так просто и не так прямолинейно отображала действительность. Поэзия гораздо более сложная надстройка, чем это представляется по схеме Тимофеева.

Таковы основные недочеты книги. Но они не снимают общего положительного значения ее. Впервые теорию стиха наш читатель будет изучать не как принудительный ассортимент, а как книгу, конкретно помогающую ему осмыслить и полюбить поэзию.

Есть нечто общее между «Теорией стиха» Тимофеева и замечательной брошюрой Маяковского «Как делать стихи». Их роднит понимание поэзии, как пафоса мысли, мобилизующей эмоционально-интонационные богатства родного языка для своего художественного воплощения. Определяя стих, как типизированную форму эмоциональной речи, Тимофеев особо подчеркивает, что эмоциональность ни в какой мере не сужает границ стиха, ибо эмоция — это всякая человеческая идея, воплощенная в чувство. О становлении идеи в страсть и рассказал Маяковский в своей брошюре. Напомним: и Белинский писал о поэзии, что она «осуществляет смысл идеи во внешнем, будучи глубоко субъективной и сохраняя в этом свою прелесть и значение»; что она является прежде всего «осуществлением смысла идеи», «ощущающей, мыслящей думой». Заветами Белинского жила вся русская классическая поэзия: их воплощением является также и творчество Маяковского. Заслуга Тимофеева в том, что

он раскрыл внутреннюю жизнь стиха, как жизнь мысли. И этим он резко полемизирует не только с формализмом. Вся его книга направлена против поэтики символизма, для которого поэзия была «волшебством» (по формуле Бальмонта); чувственной магией непознаваемого. Напомним, что совсем недавно Лукач в статье «К проблеме объективности художественной формы» писал о том, что «задачей марксистской эстетики будет, идя по пути познания содержательного характера художественных форм, показать, как эта объективность пролагает себе путь в процессе художественного творчества в качестве объективности, в качестве истины, независимой от создания художника»¹. А еще в 1922 году, исходя из того же положения, полемизируя с только-что появившимся формализмом, Вячеслав Иванов утверждал: «заключение от эмоции к идее столь же несостоятельно, как и обратное»². Так снималась самая возможность рационального познания проблем художественной формы. Если художник творит помимо сознания; если невозможно объяснить его эмоции идей, — то теория литературы не имеет права на существование. Книга Тимофеева доказывает обратное.

И еще: автор не стремится оградить себя от читателя колючей проволокой специальной терминологии, ритмико-метрических схем и статистических сводок. Автор оставляет в своих объяснениях специфику стиха только самое необходимое, самое нужное. Объясняет толково и последовательно.

И. Дукор.

★

О. ГОРОДОВИКОВ. В РЯДАХ ПЕРВОЙ КОННОЙ. — РАССКАЗЫ КОНАРМЕЙЦА.
Вениздат, 1939 г., стр. 120. Ц. 60 коп.

★

Книги, написанные непосредственными активными участниками гражданской войны, так же как и книги героев Советского Союза — летчиков, полярников, стхановцев в производстве и технике, имеют то неоспоримое и несомненное преимущество и достоинство, что они предельно правдивы, а следовательно, и наиболее убедительны. Такова и рецензируемая книжка командарма 2-го ранга О. И. Городовикова, вышедшая в серии «Библиотека красноармейца».

«Рассказы конармейца» — книга, написанная живо и доступно, она ведет читателя от одного события к другому, от отдельных боевых эпизодов к крупнейшим сражениям, последовательно восстанавливая в памяти читателя героический путь Первой Конной. Читая книжку, будто слушаешь замечательные рассказы старого опытного командира и бойца. И не только чувство восхищения и законной гордости прошлыми боевыми делами вызывают эти воспоминания. Книжка полезна и на сегодня. Она воспитывает чувство патриотизма и преданности партии и родине; учит военной технике; указывает, что значат в военном деле со-

образительность и находчивость, развивает чувство долга и взаимной товарищеской поддержки и рассказывает о том, какие условия обеспечивают победу над врагом.

Автор начинает повествование со времени злой солдатчины в царской казарме, рассказывает о своем первом знакомстве с Буденным, его земляком из Платовской станицы, и о первых шагах подпольной большевистской работы в старой армии.

Городовиков рассказывает далее, как из маленьких партизанских отрядов, оперировавших в Сальских степях, зародилось боевое ядро будущей Первой Конной армии, как Сталин и Ворошилов, организовав героическую оборону Царицына, объединили разрозненные конные отряды в крупное соединение.

Великие марши и походы проходят перед глазами читателя, поучительные и драматичные, и всюду вы видите одно качество — стре-

¹ «Литературный критик», 1935, № 8.

² Научные Известия Наркомпроса. Сб. II, стр. 181.

мительность, стремительность и еще раз стремительность удара по врагу. Необычайная мапевренность, ночные нападения (необычные для белого командования, не привыкшего воевать по ночам), находчивость в использовании промахов противника, быстрота ориентировки и учета складывающейся во время боя обстановки и естественных условий — эти свойства и особенности, присущие бойцам и командирам Первой Конной, образно разворачиваются на страницах этой скромной книжки, написанной точным языком военного.

Первая Конная росла и крепла, закалялась и одерживала блестящие, исторические победы над врагом, руководимая партией и военным гением Сталина. Автор рассказывает об этом непосредственном руководстве товарища Сталина, о посещении им бойцов-конармейцев, о работе комиссаров и росте партийных организаций.

Шаг за шагом, от корпуса к конармии, от операции по разгрому Мамонтова и Шкуро под Воронежом до генеральных боев за Ростов и к окончательному разгрому Деникина и всей южной контрреволюции ведет автор свой рассказ.

Книжка закончена знаменитым житомирским прорывом белопольского фронта в 1920 г. Хочется пожелать автору и Воениздату выпустить в свет продолжение рассказов о Первой Конной в боях против Врангеля под Перекопом и дальнейших подвигах конармейцев.

Издана книжка опрятно. Частые подзаголовки в тексте не мешают изложению, а, наоборот, логически разделяют книжку как бы на самостоятельные рассказы. При повторных изданиях к книжке не лишне приложить две-три карты героического похода грозной легендарной Первой Конной армии.

В. Соболев.

Редакция: Ф. В. Гладков
Л. М. Леонь
В. П. Ставский
М. А. Шолохов

Ответственный редактор В. П. Ставский

Редакция: Москва 6. Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

Уполн. Главлита А—24879. Сдано в набор 9/II—20/III—40 г. Подписано к печати 22/III—40 г.
25 печ. листов. Тираж 80.000. Зак. 685. Технический редактор И. К. Костилов.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.